БЕРНАРД ШОУ

ЛЕНИНГРАД
«ИСКУССТВО»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
1981

БЕРНАРД ШОУ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ПЬЕС
В ШЕСТИ ТОМАХ

Под общей редакцией
А. А. Аникста, Н. Я. Дьяконовой,
Ю. В. Ковалева, А. Г. Образцовой,
А. С. Ромм, Б. А. Станчица,
И. В. Ступникова

БЕРНАРД ШОУ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ПЬЕС
В ШЕСТИ ТОМАХ

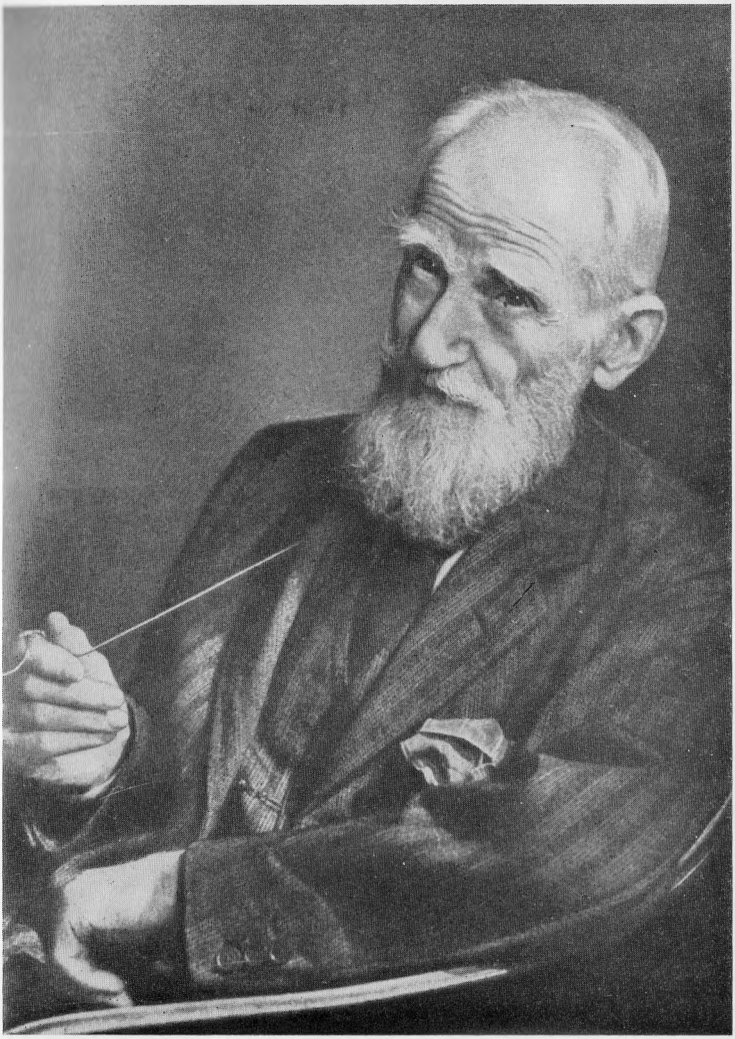
Том 6

СВАТОВСТВО ПО-ДЕРЕВЕНСКИ
НА МЕЛИ
ШЕСТЕРО ИЗ КАЛЕ
ПРОСТАЧОК С НЕЖДАННЫХ ОСТРОВОВ
МИЛЛИОНЕРША
НОВОЕ ОКОНЧАНИЕ «ЦИМБЕЛИНА»
ЖЕНЕВА
В ЗОЛОТЫЕ ДНИ ДОБРОГО КОРОЛЯ КАРЛА
МИЛЛИАРДЫ БАЙАНТА
ПРИТЧИ О ДАЛЕКОМ БУДУЩЕМ
ШЕКС ПРОТИВ ШО
ПОЧЕМУ ОНА НЕ ПОЖЕЛАЛА

ББК 84.34(Вл)
Ш81

Редакторы тома А. Г. Образцова и А. С. Ромм
Художник Б. В. Власов

Ш $\frac{70600\text{-}082}{025(01)\text{-}81}$ подписное 4703000000 © «Искусство», 1981 г.



СВАТОВСТВО ПО-ДЕРЕВЕНСКИ

Комедия-безделка
для двух голосов
в трех разговорах

1933

VILLAGE WOOING

Палуба для отдыха на туристском пароходе «Императрица Патагонская». В креслах двое: Он — интеллигентного вида бледный джентльмен лет под сорок, с мягкой черной бородкой, в зеленых очках, тропическом костюме из белого шелка. Он пишет и не желает, чтоб ему мешали. Она — молодая женщина эффектной, хотя не аристократической наружности — скучает над своей книгой. Она в купальном костюме, но скромно прикрыта не слишком яркой накидкой.

Она. Простите, не скажете ли, который час?

Он *(отрывисто)*. Одиннадцать.

Она. А на моих еще только половина одиннадцатого.

Он. Сегодня ночью часы перевели на полчаса вперед. Ведь мы плывем на восток.

Она. Мне кажется, когда то и дело переводят часы, путешествовать интереснее.

Он. Я рад, что вам даже такая малость интересна. *(Демонстративно углубляется в свое писание.)*

Она. Через полчаса стюард будет разносить бульон. А я думала, ждать еще целый час.

Он. Я никогда не пью бульон — не хочу прерывать работу.

Она. Почему вы все время работаете? Не для работы же люди пускаются в путешествие, а для удовольствия, верно?

Он. Работа — мое единственное удовольствие.

Она. Ну какой в этом смысл? Прямо тоска берет смотреть, как вы все пишете да пишете без всяких развлечений и даже без бульона. Вы бы встали, размялись, побросали кольца. Сразу ожили бы.

Он. Спасибо, я и так чувствую себя превосходно. Терпеть не могу палубных игр, особенно колец. От их дурацкого стука по палубе на всем корабле покоя нет.

Она. Вот как! Теперь понятно, почему вы облюбовали этот уголок. А я-то удивлялась: что это вы все время здесь сидите.

Он. За последние две недели вы осмотрели бесценные памятники старины Неаполя, Афин, Египта и Святой Земли. Почему бы вам не поразмыслить об этом, пока не принесут бульон.

Она. Я никогда не увлекалась географией. А сейчас мы где?
Он. Плывем по Красному морю.
Она. Но оно же синее!
Он. А каким оно должно быть, по-вашему?
Она. Ну, не знаю, какого цвета море в этих краях. Я всегда думала, что Красное море и есть красное.
Он. Как видите, это не так.
Она. А что, Черное море тоже не черное?
Он. Оно точно такого же цвета, как море в Маргите.
Она *(пылко)*. Ах, как я рада, что вы знаете Маргит. Нет лучшего места в купальный сезон, правда?
Он. Не знаю, никогда там не бывал.
Она *(разочарованно)*. А вам бы следовало побывать там. Глядишь, и написали бы книгу о Маргите.

Его всего передергивает, он вздыхает и делает вид, что усердно пишет.
Пауза.

Все-таки, почему это море называют Красным?
Он. Так назвали его предки. Почему вы называете Америку Америкой?
Она. Да потому, что она и есть Америка. Как еще ее называть?
Он. Ох, называйте ее как угодно, дорогая леди, а мне надо написать пятьсот слов до ленча. Я не успею, если все время буду болтать с вами.
Она *(сочувственно)*. Да, это ужасно, когда к тебе лезут с разговорами, не правда ли? Кстати, как раз вспомнила, что должна вам рассказать нечто интересное. Мне кажется, что мужчина из каюты по соседству с моей поколачивает свою жену.
Он. Нетрудно его понять. Некоторые женщины так и напрашиваются, чтобы их поколотили.
Она. Могу сказать в его защиту, что начинает всегда она.
Он. Несомненно.
Она. Я ненавижу таких любительниц ворчать и пилить, а вы?
Он. Последнее слово всегда за женщиной. Воспользуйтесь этой привилегией и, пожалуйста, не заканчивайте каждую вашу реплику вопросом.
Она. А вы смешной!
Он. Неужели? Никогда в жизни я не был более серьезным.
Она. Никак не могу вас раскусить. Вообще-то я неплохо разбираюсь в людях. А вот вас никак не пойму.

Он. Я здесь не для того, чтобы меня раскусывали. Да и вам нечего копаться в людях. Теннис, кольца, шафлборд, гольф, игра в мяч, плавательный бассейн, гимнастический зал – все к вашим услугам. Наслаждайтесь, ведь вы заплатили за это.

Она. Я не умею играть в эти игры. Да и все они глупые. Мне больше по душе посидеть, поговорить.

Он. Тогда, ради всего святого, поговорите с кем-нибудь другим. У меня нет времени. Я должен отработать это свое плавание.

Она. Что вы хотите этим сказать? Вы же не моряк.

Он. Нет. Здесь, на пароходе, я составляю описание путешествия, которое будет напечатано в одном из «Занимательных путеводителей» серии «Марко Поло». Если я не сделаю свои две тысячи слов в день, – мне крышка. А их не написать, если вы будете все время болтать со мной.

Она. Значит, вы пишете книгу об этом круизе?

Он. Пытаюсь, но столько помех!

Она. И про меня напишете?

Он *(мрачно)*. И про вас.

Она. Ах, прямо мороз по коже! Про меня никогда еще не писали в книгах. Вы мне прочтете все, что там будет обо мне, ладно?

Он. Вот выйдет книга, и читайте в полное свое удовольствие.

Она. Мне бы хотелось быть там похожей на себя. А что вы, в сущности, обо мне знаете? Я расскажу вам всю свою жизнь, хотите?

Он. Великий боже! *Нет!* Пожалуйста, не надо!

Она. Мне все равно, кто узнает про мою жизнь.

Он. Оно и видно! Иначе вы не стали бы рассказывать ее первому встречному. Добро бы еще что-то интересное в ней было!

Она. Вы вовсе не первый встречный. Мы ведь плывем на одном пароходе, не так ли? А моя жизнь многим показалась бы и вправду романтичной. Неужели вам не хочется послушать?

Он. Я же сказал – нет. Когда мне нужны романтические истории, я сам сочиняю их.

Она. Что ж, быть может, в моей жизни и нет ничего такого уж замечательного, но меня лично она устраивает. Вот вы, наверно, думаете, коль скоро я разодета, путешествую в каюте «люкс», значит, я образованная леди. Ничего подобного.

Он. Не думал я так ни секунды.

Она. Скажите на милость! А как же вы разузнали?
Он. Ничего я не разузнавал, просто знал.
Она. Но кто вам сказал?
Он. Никто не сказал.
Она. Тогда как же вы узнали?
Он *(раздраженно)*. А как я отличаю попугая от райской птицы?
Она. Но они совсем разные.
Он. В том-то и дело.
Она. Ах, вот оно что! Ну, а за кого бы вы меня приняли, если бы увидели в вагоне третьего класса?
Он. Я бы на вас вовсе не обратил внимания.
Она. Пари, что обратили бы! Может быть, я и не красавица, но стоит мне войти в вагон, каждый мужчина так и начинает пялить глаза.
Он. Я не «каждый мужчина». «Каждый мужчина» думает, что любая женщина, входящая в вагон, может оказаться именно той, которая создана специально для него. И всякий раз его постигает разочарование.
Она. То же самое и с женщинами, верно? Будь вы женщина, вы бы знали.
Он. Женщина, мужчина – разница невелика и играет роль лишь в определенных обстоятельствах.
Она. Ах, что вы говорите! Я никогда не могла заставить себя так думать. Конечно, у мужчин есть свои слабости и капризы, но все равно мужчина может дать нечто такое прекрасное, как ни одна из женщин. Правда?
Он. Неопытный мужчина думает, что женщина может дать нечто такое прекрасное, как ни один из мужчин. Отсюда множество несчастливых браков.
Она. Вы женаты?
Он. Вдовец. А вы?
Она. Наконец-то вы тоже задали мне вопрос! Значит, дело идет на лад, верно?
Он. Нет, у меня с моей работой дело не идет на лад.
Она. Вы интеллектуал, да?
Он. Что, по-вашему, означает это слово?
Она. Только то, что вы считаете меня дурой и что, наверно, вы были плохим мужем.
Он. Вы абсолютно правы и в том и в другом.
Она. Так я и думала.
Он. Можно, я продолжу теперь свою работу?
Она. Ради бога. Я мешать не буду.
Он. Благодарю вас. *(Снова пишет.)*

Пауза.

Она. Какие книги вы порекомендовали бы мне читать, чтобы пополнить образование и расширить кругозор?

Он *(кричит в ярости)*. Стюард!

Она. Не надо сейчас беспокоить стюарда. Он занят бульоном.

Он. Пусть переставит мое кресло на другой конец палубы.

Она. И я считаю, что там, под тентом, прохладнее. Вы не против, если я тоже передвинусь туда?

Он. Если вы не перестанете преследовать меня, я брошусь за борт. Неужели непонятно, что мне надо работать, а ваша болтовня только мешает. Оставьте меня в покое.

Она *(сочувственно)*. Конечно, это раздражает, когда пристают с разговорами, а тебе не до них. Но когда хочется поговорить, а от тебя отворачиваются, тоже плохо, верно?

Он. На пароходе три или четыре сотни пассажиров. Неужели вам не найти ни одного, которого так же тянуло бы поболтать, как вас?

Она. Найти-то можно, но ведь каждый из нас должен стараться понравиться другому, не так ли?

Он. Смотря каким путем. В данный момент ваши старания понравиться меня только выводят из себя.

Она. Мой отец частенько говаривал, что мужчины и женщины всегда выводят друг друга из себя.

Он. Звучит весьма литературно. Ваш отец вхож в писательские круги?

Она. Думаю, что да. Он письмоносец.

Он. Кто?

Она. Почтальон. Деревенский почтальон.

Он. Ха-ха-ха!

Она. Что же в этом смешного?

Он. Сам не знаю. Ха-ха-ха! У почтальонской дочки губки — что цветочки. Вот так лакомый кусочек. Ха-ха-ха!

Она. Ну что ж, я рада, что развеселила вас. Только, по-моему, с вашей стороны не очень-то вежливо потешаться над моим отцом.

Он *(берет себя в руки, холодно)*. Вы правы. Это бестактно. Но хорошему смеху цены нет. Теперь я чувствую себя другим человеком. Простите меня. Вот вы привели замечание своего отца — это почти афоризм, который заставляет предположить, что он талантливый человек.

Она. Так оно и есть. Он талантливый ходок.

Он. Кто, кто?

Она. Ходок. В детстве он даже получил приз «Юному пешеходу». А вот мать моя — вы не поверите — такая домоседка, что за покупками выбирается и то с неохотой. А уж как нам телефон поставили, так и вовсе из дома ни ногой.

Он. Странно. Если она всегда дома, а его всегда нету, то их семейная жизнь должна быть вполне мирной. Между тем замечание вашего отца, что мужчины и женщины всегда выводят друг друга из себя, свидетельствует об обратном.

Она. У них как раз получается обратное. Она вечно жалуется на одиночество, а он постоянно твердит, что ей надо больше двигаться. И ссорятся из-за этого. Или из-за меня. Они, видите ли, возлагали на меня большие надежды. Мать хотела, чтоб я стала горничной в богатом доме, а отец — чтоб я стала телефонисткой. Он говорит, что богатое будущее не у богатых домов, а у телефона.

Он. А вы сами? Были у вас какие-нибудь честолюбивые планы?

Она. О, мне хотелось чего-нибудь романтического, например, стать акробаткой в цирке.

Он. И удалось?

Она. Нет. Я работаю продавщицей и на телефонном коммутаторе в местной лавке.

Он. Неужели продавщицы и телефонистки...

Она. Я не просто телефонистка, а оператор.

Он. Пардон, оператор. Так вот, неужели продавщицы и операторы столько зарабатывают, что могут себе позволить кругосветные путешествия на комфортабельных пароходах?

Она. Нет, конечно. Просто я участвовала в конкурсе, который проводила одна газета, и получила первый приз. Мать хотела, чтоб я отложила деньги на приданое, они помогут мне удачно выйти замуж, говорила она. А отец говорит — растранжирь их все разом, коль уж такая удача привалила. «Ты всю свою жизнь проведешь в бедности, — говорит он, — а сейчас четыре месяца поживи в свое удовольствие, как если бы получала пять тысяч в год. Не упусти случая, — говорит он, — посмотри, на что это похоже, покути вволю. Этого у тебя потом никто не отнимет». Он советовал мне отправиться в пеший поход с остановками в лучших отелях. Но я выбрала круиз — и шикарнее, и на людей поглядишь. А прогуливаться пеш-

ком можно и по палубе. Кончится круиз, вернусь в лавку без единого пенса.

Он. Заметил здесь кто-нибудь, что вы не леди?

Она. Американцы в этом ничего не смыслят. Я говорю так, как обычно говорят по телефону, а им кажется — у меня аристократический выговор. Что же до англичан — те все равно ни с кем не разговаривают. Хотя в большинстве они такие же, как я.

Он. Ну и как вам нравится жить на пять тысяч в год? Стоила игра свеч?

Она. Пока все было в новинку, нравилось. Понимаете, дома надоедает однообразие: каждый день одни и те же места, одни и те же лица, одни и те же дела и заботы. По выходным тащишься к морю в душном, битком набитом пригородном поезде, мучаешься, устаешь, и все ради хоть какой-то смены впечатлений. Все отдашь ради этого. А здесь, в круизе, одни сплошные перемены, чересчур их много. Начинаешь в конце концов ценить свой дом и твердую землю под ногами. Я с радостью вернусь домой, в свою лавку, к своему телефону. Здесь подчас такая тоска берет, чувствуешь себя прямо бездомной собакой, и вся поездка начинает казаться глупой тратой денег. А я терпеть не могу зря швыряться деньгами.

Он. В высшей степени привлекательная черта характера. Вот моя жена постоянно разбазаривала мои деньги. Стойте на том — и вам не придется долго искать себе мужа.

Она. Да мне уже тысячу раз делали предложение. Но знаете, когда привыкнешь к чистой, культурной работе, страшно идти замуж за бедняка. Сколько славных веселых девушек на моих глазах превращались в грязных старых кляч после того, как выходили замуж.

Он. Не надо пугаться грязи. У меня вот чистая работа, но частенько хочется заняться каким-нибудь простым, грубым делом — для здоровья полезнее. Женщины так обожают чистые воротнички, что стараются своих сыновей сделать клерками, а те были бы и здоровьем крепче, и зарабатывали бы побольше, если б пошли землю копать. Хотел бы я землю копать, вместо того чтобы сочинять путеводители.

Она. Что же вам мешает?

Он. Не привык к физическому труду. Полчаса такой работы — и готов богу душу отдать. А любой землекоп, посади его на мое место, через пять минут забастует. Он — роющая машина, я — пишущая.

Она. По-моему, мир устроен неправильно, а по-вашему?

Он. Надо принимать мир таким, каков он есть. Это мы, а не он устроены неправильно.

Она. Это я и хотела сказать. Ладно, не буду больше вам мешать.

Он. Вы имеете в виду, что стюард разносит наконец бульон?

Она. Да ведь пора. Уже половина двенадцатого, не так ли?

Появляется стюард с подносом. Приближается к Ней. Она нетерпеливо завладевает чашкой. Потом стюард подходит к Нему.

Он. Благодарю, не надо.

Оставленный наконец в покое, Он предается работе. Она — бульону.

Лавка, она же почтовая контора в Уилтшир Даунз. Ясное летнее утро. Бóльшая часть прилавка служит для торговли, один его конец приспособлен для почтовых операций. Два стула для посетителей. К услугам покупателей — имбирное пиво в глиняных бутылках, плитки молочного шоколада, сласти в стеклянных банках, в том числе миндаль в сахаре. Весы. Тут же под рукой — сыр, масло, пеклеванный хлеб. На полу перед прилавком — мешок яблок, несколько продуктовых сеток висит на перекладине.

Она *(за сценой)*. Три-и-и де-евят-т-ть. Извините, такого номера нет. Вам-м-м кого? Доктора Байлза? Один пя-ят-т-ть. Соединяю.

Входит Он. Он с походной палкой и рюкзаком; на нем туристский костюм, в котором шорты заменены хорошо сшитыми бриджами (не брюками гольф!). Не обнаружив продавца, громко стучит палкой по прилавку. Появляется Она.

Он. Пачку молочного шоколада...

Она. Благодарю вас.

Он *(продолжает)*. ...пару яблок потверже...

Она. Благодарю вас. *(Выходит из-за прилавка, чтобы достать яблоки из мешка.)*

Он *(продолжает)*. ...четверть фунта чеддера...

Она. Благодарю вас.

Он. Не перебивайте меня. Свою благодарность вы выразите потом, когда я закончу. Четверть фунта масла, самого лучшего, какое у вас есть, маленький хлебец и миндаля в сахаре на два пенса.

Она. Что-нибудь еще?

Он. Нет, спасибо.

Она. Благодарю вас. *(Возвращается за прилавок, чтобы отвесить масло и сыр.)*

Он садится и наблюдает за ее ловкими, хотя и неторопливыми движениями.

Он. У вас есть в продаже корзинки?

Она. У нас все есть. Но не лучше ли вам взять сетку, она удобнее, а пустая совсем не занимает места.

Он. Что за сетка? Покажите-ка одну.

Она *(выходит из-за прилавка и снимает одну)*. Вот самая дешевая. Или, может, вы предпочтете ту, что получше, с молнией?

Он. Ни в коем случае. С молниями одни неприятности, то они не застегиваются, то не расстегиваются, а преимуществ никаких.

Она. Как это на вас похоже. Вы нисколько не изменились.

Он. Что вы имеете в виду? Я в этой лавке не более двух минут. Как мог бы я измениться за такое время?

Она. Простите. Я не то сказала. Вы берете сетку?

Он. Да.

Она. Благодарю вас. Сложить в нее ваши покупки?

Он. Конечно. Иначе зачем бы я ее покупал. А обезжиренные сливки у вас есть?

Она. Извините, мы ими не торгуем.

Он. Имбирное пиво?

Она. Пожалуйста. Здешняя пивоварня очень хорошая.

Он. Суньте в сетку одну бутылку.

Она. Благодарю вас.

Он. Сколько раз в день вы говорите «благодарю вас»?

Она. Зависит от числа покупок.

Он. Если вы не против, перестаньте меня благодарить. Это мне действует на нервы.

Она. Мне тоже сначала действовало на нервы. Потом привыкла.

Он. Есть у вас путеводитель по вашей округе?

Она. Извините, нет. В церкви имеется брошюрка, написанная викарием. За нее надо опустить в ящичек два пенса. Простите, у нас шоколад за два пенса, за шесть и за шиллинг. Вам какой?

Он. Была не была. Дайте за шиллинг.

Она. Благодарю вас.

Он. Не надо.

Она. Простите, у меня невольно вырвалось. Это выскакивает непроизвольно, знаете, как если бы нажали кнопку.

Звонит телефон.

Он. Вот кто-то и нажал кнопку.

Она *(уходит на почтовую половину)*. Какой номер, простите? Уайтхолл оди-и-ин два оди-и-ин два. Я вам позвоню. Уайтхолл один два один два. Так. *(Вновь появляется.)* Это звонок из полиции.

Он. Мне это знать не обязательно. Я не преступник.

Она. Речь идет не о преступнике. По радио сообщали – кто-то пропал. Знаете, как это бывает. Первого января ушел из дому и не вернулся. В последний раз его видели на палубе «Императрицы Патагонской» беседующим с особой женского пола. Страдает потерей памяти.

Он. Что за неверо... *(Снова звонит телефон.)*

Она. Простите. *(Исчезает.)* Даю Уайтхолл. *(Появляется снова.)*

Он. Что за невероятное совпадение. Вы не поверите, если я скажу, что как раз в январе находился на палубе судна, именуемого «Императрица Патагонская», и беседовал с особой женского пола, вернее, она со мной беседовала. Она была чрезвычайно разговорчива.

Она. И потерей памяти вы страдаете?

Он. Конечно нет. Я никогда ничего не забываю.

Она. Значит, это не вас разыскивают, верно?

Он. Постойте-ка. «Верно»! Та особа тоже непременно заканчивала любую фразу вопросом «верно», «не так ли», «разве нет». И приходилось отвечать ей из простой вежливости. Остерегайтесь пользоваться этим приемом, не то в один прекрасный день вас могут пристукнуть.

Она. Да, есть такие люди. И заметьте, часто это те, у кого ... глаза. *(Тут назвать тот цвет глаз, который будет у актрисы.)* Вы запомнили цвет ее глаз?

Он. Нет, такие вещи я никогда не запоминаю. Я не сыщик. Меня интересует только характер человека. Ничего не могу сказать о цвете ее волос или о форме носа, одно лишь знаю, что она была чудовищно назойлива. Сколько с меня всего?

Она. Сетка – шесть пенсов, шоколад – шиллинг. Итого один шиллинг шесть пенсов. Имбирное пиво...

Он. Избавьте меня от подсчетов. Десяти шиллингов хватит?

Она. О, конечно. Только зря вы так небрежно относитесь к деньгам.

Он *(кладет на прилавок банкнот)*. Оставьте эти нравоучения. Вот, возьмите и дайте мне сдачу.

Она. Минутку. Восемнадцать пенсов да четыре пенса за имбирное пиво – это шиллинг и десять пенсов, не так ли?

Он. Разве я отрицаю.

Она. Сыр три пенса – два шиллинга и один пенс; масло шесть пенсов, значит, два и семь. Яблоки у нас идут на вес. Может, возьмете фунт?

Он. А сколько штук получится?

Она. Штуки три.

Он. Я не съем больше двух яблок в один присест. Посчитайте за фунт, а третье съешьте сами.

Она. Ладно. Скажем, три пенса за два яблока. Всего два шиллинга и десять пенсов, верно?

Он. Не знаю.

Она. Хлебец пеклеванный два с половиной пенса. Всего три шиллинга и полпенни. Нет ли у вас полпенни? Иначе придется пять с половиной пенсов дать вам медяшками.

Он. Терпеть не могу полупенсовиков. Всегда стараюсь от них избавиться. Впрочем, постойте, один есть. Получите.

Она. Благодарю вас. *(Отсчитывает сдачу по монетке.)* Три, четыре, пять, шесть, семь. Десять. Благодарю вас.

Он *(кладет сдачу в карман, но продолжает сидеть, устроившись поудобнее)*. И не скучно вам целый день оставаться в этой лавке и повторять «благодарю вас»?

Она. А куда деваться. Такова жизнь. Везде приходится изо дня в день делать одно и то же, не правда ли? Единственный способ, чтоб это тебя не угнетало, – все время жить на одном месте и оставаться на одной работе. Тогда однообразие перестаешь даже замечать. Так и живут у нас тут люди, и подолгу живут: восемьдесят лет здесь не старость. Моему дедушке в августе будет сто два года, а все потому, что никогда ему не приходилось беспокоиться о том, что нужно сделать и куда пойти. Зато давать волю воображению, фантазии – пожалуйста, сколько угодно. Только так и можно прожить долго и счастливо.

Он. Но если простор для вашей фантазии ограничен одним-единственным городком, ей не разгуляться. Как бы вам понравилось жить в комнате с одним-единственным стулом?

Она. А если у вас только одно седалище, зачем вам больше одного сиденья? В большой гостиной нашего замка три дюжины стульев разных видов, но леди Плюх за один раз может плюхнуться только на один из них, не правда ли?

Он *(указывая на свободный стул)*. Смею ли предложить вам плюхнуться на этот стул, раз уж мы разговариваем.

Она *(усаживается)*. Благодарю вас.

Он. Надеюсь, я не отрываю вас от работы? Ничто так не раздражает, как болтун, мешающий работать.

Она. Разговоры – это составная часть работы в такой лавке.

Он. Скажите, вы когда-нибудь читаете?

Она. Я раньше читала про путешествия. И путеводители чита-

ла. Мы ведь продавали путеводители «Марко Поло». Я мечтала о путешествиях, просто грезила о былой славе Греции, былом величии Рима и прочей подобной чепухе.

Он. Чепухе?

Она. Ладно, я, наверное, плохо выразилась. Но чтение довело меня до того, что я отправилась-таки в Рим и Афины. Конечно, там красиво, да только все старинные здания наполовину развалились, и никакой особенной славы или величия я не заметила. В Челтенхеме то же самое. Я была рада вернуться домой. И поняла, что напрасно читала эти путеводители и зря мечтала повстречать их автора, побродить с ним среди руин при лунном свете, послушать рассказы о них этого писателя от «Марко Поло».

Он. О господи, дался же он вам, этот писатель от «Марко Поло». Наверное, какой-нибудь несостоявшийся поэтишка, который зарабатывает кусок хлеба тем, что посредством цитат из чужих стихотворений доносит Зов Востока до жаждущих этого мечтательных телефонисток.

Она. Операторов.

Он. Операторы не предаются мечтаниям. Мечтают телефонистки. О, девушки, девушки с золотого Запада! И что же, сумел этот бедолага донести до вас Зов Востока?

Она. Про это я читала в романах и видела в кино. Но там все про таких, знаете, меланхоличных пьянчуг и девиц определенного сорта, которые от них без ума. Нет, я отправилась вокруг света, чтобы увидеть, как все выглядит на самом деле. Красивые места, слов нет, но жара, комары, вонища! Путешествие попросту уничтожило тот мир, который я выдумала. Уж лучше я останусь при своей деревне, ничего другого и не надо.

Он. И вас не охватывал трепет в местах, о которых поэт сказал: «Ты топчешь прах Империи, — смотри!»

Она. Какой там поэт. Вы хотите сказать — гид. Эти гиды способны найти поэзию в чем угодно. А ты слушаешь его и думаешь, сколько же он с тебя за это сдерет. Коль скоро вы такой любитель праха империй и тому подобного, вам надо познакомиться с нашим викарием. Он расскажет вам про наши допотопные стоячие камни, могильные холмы и древние насыпи. Тут каждая пылинка, говорит он, несет в себе частицу истории. Наверное, в любом месте так, я думаю.

Он. Вы замужем?

Она. Нет, а что? У вас есть какие-нибудь намерения на сей счет?

Он. Не торопитесь. Мы и десяти минут не знакомы.

Она. Разве вы узнали бы меня лучше, если бы мы проговорили двадцать лет?

Он. Какая глубокая мысль. Надо ее обдумать.

Она. Никто никогда бы не женился, если бы это обдумывал. Сколько ни думай, все равно в конце концов дело решит случай.

Он. Вы, однако же, торопитесь.

Она. Что делать. Здешние девушки в моем возрасте давно все повыходили замуж, хоть я и считалась первой невестой. А почему? Потому, что обдумывала каждое предложение. Теперь я настроилась выйти за первого же мужчину, который меня о том попросит, лишь бы человек был мало-мальски подходящий.

Он. А я, по-вашему, подходящий?

Она. По-моему, да: у меня есть тот здравый смысл, которого так не хватает вам. А вы как вдовец уже знаете, чего ожидать от женщины. Неопытный мужчина ожидает невесть чего.

Он. Откуда вам известно, что я вдовец?

Она. Вы сами мне сказали.

Он. Я? Когда это я вам сказал?

Она. Неважно. Сказали, и все. Я уже заметила, что у вас плохая память. Зато у меня хорошая. Так что и это нам не страшно.

Он. Полегче, полегче. Я пока что не подлежу суду за нарушение обещания.

Она. Успокойтесь, я не из таких. У нас это считается неприличным.

Он. А приданое за вами будет? Эта лавка ваша?

Она. Нет, все деньги, что у меня были, я просадила на кругосветное путешествие. Но миссис Уорд, хозяйка лавки, слишком стара и без меня не справляется. Если вы можете предложить такую сумму, чтобы обеспечить ей ежегодную ренту, она наверняка продаст лавку.

Он. А что это за сумма?

Она. Посмотрите в альманахе Уитакера.

Он. Какая досада. Я почему-то был убежден, что если и женюсь вторично, то непременно на женщине с деньгами.

Она. О, вам это не подходит. Она захочет тратить деньги на выезды в свет и путешествия. А вам не выдержать такого образа жизни. Ведь тогда, на пароходе, вы ни с единым человеком не заговорили, ни в одной игре не участвовали, ни разу на танцы не явились. Когда разнесся слух,

что вы тот самый писатель от «Марко Поло» — творец наших грез и мечтаний, выражаясь вашим языком, — я побилась об заклад, что заставлю вас разговориться. И чего только мне стоило выиграть это пари!

Он. Вы хотите сказать, что мы с вами уже встречались? Что вы были в том круизе?

Она. Конечно. Но вы ничего вокруг себя не замечаете. Вы либо читаете, либо пишете, а мир для вас не существует. Вы даже не разглядели меня как следует. Вы стесняетесь незнакомых людей, не правда ли?

Он. Я совершенно уверен, что на том пароходе ни разу не разговаривал ни с одной женщиной. Стоит мне только заговорить с женщиной, как она тут же норовит выскочить за меня замуж.

Она. Правильно, в том-то вся штука. Увидев вас, я в тот же миг подумала: вот мужчина, который мне годится в мужья. Даже если б вы не оказались писателем от «Марко Поло», я бы так подумала.

Он. Любовь с первого взгляда, что ли?

Она. Да нет. Если влюбишься в мужчину, нельзя выходить за него замуж, — он может сделать тебя несчастной. Нет, я в вас что-то увидела, не знаю даже, что именно, но возникло такое чувство, что с вами я уживусь. А потом, пожалуйста, смогу влюбляться в кого угодно, не боясь, что останусь в дураках. Наверное, на меня подействовало, что вы такой спокойный и за женщинами не пропадаете.

Он. С чего вы это взяли?

Она. Хотя бы с того, что вы на меня не обратили ни малейшего внимания. Верьте — не верьте, но я пользуюсь успехом у мужчин.

Он. Почему?

Она. Откуда мне знать? Они и сами не знают. Представить себе не можете, сколько денег они тратят на совсем не нужные им покупки, только чтоб прийти сюда, перемолвиться со мной словечком да поглазеть на меня. Чистая прибыль — не меньше двадцати фунтов в год!

Он *(надевает очки и впервые смотрит на нее внимательно)*. Я бы не назвал вас красавицей.

Она. А я и не красавица. Но ведь из тех, кого называют привлекательными, вам не кажется?

Он *(настороженно)*. Мне так не кажется. Позвольте, я объясню. Я писатель и джентльмен. Привык иметь дело с дамами из хорошего общества. Это значит, что я привык в беседе придерживаться тех общепринятых условностей,

которые служат обеим сторонам как бы защитным барьером друг от друга. А вы не леди. Вы деревенская девица, получившая кое-какое образование то ли в приходской, то ли в сельской школе, не бог весть какое, но вполне достаточное, чтобы не слишком наблюдательный путешественник мог обмануться на ваш счет. Вы окончили курсы телефонисток, где вас научили хорошей дикции. Вы можете правильно произнести три-и-и пя-я-ть де-евя-я-ть, не проглатывая половины гласных и согласных. Но правилам хорошего тона, необходимой сдержанности вы не научились. Говорите то, что думаете. Объявляете о всех своих планах, которые хорошо воспитанные женщины держат при себе. Играете в открытую, тогда как дамы из общества свои карты всегда скрывают.

Она. А что в этом плохого?

Он. Ничего. Скорее напротив. Но мне от такого напора не по себе.

Она. Что вы хотите этим сказать?

Он. Я чувствую, как меня торопят, подгоняют. Тащат куда-то, куда я ни сном ни духом не собирался.

Она. Стало быть, это вас хоть куда-нибудь приведет, не так ли?

Он. Да, но куда?

Она. Сюда. Я этого не скрываю. Сюда, в спокойное местечко, в деревенскую лавку, где я буду вести все дела и присматривать за вами.

Он. Смею ли спросить, что скрывается под выражением «присматривать за вами»? Хочу внести ясность. Я действительно владею кое-какой собственностью, за которую мог бы выручить достаточно денег, чтобы обеспечить ренту миссис Уильямс...

Она. Миссис Уорд.

Он. Полагаю, у меня хватит денег, чтоб обеспечить и миссис Уильямс, и миссис Уорд, тем более что им обеим, наверное, лет по сто. Но чего ради я буду осложнять эту сделку женитьбой на вас? Я мог бы платить вам ваше нынешнее жалованье...

Она. Оклад.

Он. Прошу прощения, оклад. В моей лавке за вами остается место продавщицы...

Она. Помощницы.

Он. Прошу прощения, помощницы. И вы сможете устраивать ваши матримониальные дела, а с моими я уж как-нибудь справлюсь сам.

Она. Будьте спокойны, свои-то матримониальные дела я устрою, и наилучшим образом.

Он. Извините, я сказал еще: «а с моими я уж как-нибудь справлюсь сам». Надеюсь, вам и это ясно?

Она. Ладно, поглядим.

Он *(сердито и твердо)*. Нет, не поглядим.

Она. Тогда что же?

Он. Не знаю. Никаких обязательств я на себя не беру. Там видно будет.

Она. Вот именно – там видно будет. Так по рукам?

Он. Ничуть не бывало! Мы ни до чего не договорились. Когда я полчаса назад вошел сюда, у меня и в мыслях не было покупать деревенскую лавку или жениться на деревенской девице, или еще что-либо в этом роде. Ну и бредовые идеи вы мне внушили. Вам когда-нибудь случалось читать басню о пауке и мухе?

Она. Нет. Но я раньше часто пела песенку, которая называется «Пчела и жимолость».

Он *(решительно)*. Всего хорошего. *(Направляется к двери.)*

Она *(идет за ним с сеткой)*. Вы забыли свои покупки.

Он *(берет сетку)*. Спасибо.

Она. Благодарю вас.

Подставляет ему щеку для поцелуя.

Он. Нет!!! *(Быстро выходит.)*

Он теперь владелец лавки, где Она работает продавщицей. К свободному концу прилавка, противоположному от «почтового» конца, приставлена конторка. За ней сидит Он и пишет. На нем крапчатые брюки деревенского покроя, передник, нарукавники. Выглядит он, как типичный владелец лавки. Со стороны почтового отделения входит Она, вся излучающая утреннюю свежесть.

Она. Привет, хозяин.

Он. Доброе утро, рабыня.

Она. Я еще не приступила к своим рабским обязанностям, а вы уже полчаса как трудитесь. Над чем это вы так усердствуете?

Он. Свожу баланс.

Она. Зря стараетесь. Счетовод из Солсбери делает все это сам, когда высчитывает ваш подоходный налог. От владельца деревенской лавки и не ждут, чтобы он этим занимался. Представляю себе миссис Уорд за подобными трудами!

Он. Когда я приобрел у миссис Уорд эту лавку в обмен на ренту, я обнаружил, что с цифрами она куда в большем ладу, чем я. Ей следовало бы давать деньги в рост.

Она. Она и давала. По пенсу в неделю с каждого шиллинга.

Он. То есть примерно четыреста-пятьсот процентов в год. Шейлок и тот покраснел бы.

Она. А что толку в этих процентах, если вы отпускаете покупателям товар в кредит, а потом их же ссужаете деньгами, чтоб они могли с вами расплатиться?

Он. Вашей миссис Уорд место в Женеве. Международные финансовые операции — вот ее стихия.

Она. Что-то это для меня слишком сложно. Так или иначе, вам незачем возиться с балансом. Счетовод все сделает за вас.

Он *(поднимается с места и, обойдя прилавок, направляется в помещение для посетителей, гордо помахивая листком бумаги)*. Это не бухгалтерский баланс, это баланс Робинзона Крузо.

Она *(идет за ним)*. Что бы это значило?

Он. Робинзон Крузо подвел баланс плюсов и минусов жизни

на необитаемом острове. Меня забросило в Уилтшир Даунз. Пришла пора и мне составить подобный баланс. Хотите, прочитаю вам, что получается? *(Садится на один из стульев для покупателей.)* Если я что-нибудь упустил, напомните мне.

Она. Давайте. *(Садится на другой стул.)*

Он. Начну с плюсов.

Она. С ваших плюсов?

Он. Нет, с тех плюсов, какие имеются в образе жизни деревенского лавочника.

Она. Какой же вы дурачок, хозяин.

Он. Сказано непочтительно. Негоже рабыне так разговаривать с хозяином. Условие, исходя из которого я повысил ваш оклад, когда нанимал вас в качестве помощницы, состояло в том, что наши отношения будут с вашей стороны абсолютно корректными и деловыми, даже если сам я случайно, забывшись, отступлю от этого правила.

Она *(вставая)*. Отлично. В таком случае оставьте свой баланс при себе, а я займусь телефонной книгой.

Он. Ну уж нет. Вы будете делать то, что вам велят. Именно за это я вам плачу. Садитесь. *(Она садится.)* И слушайте. *(Снова берет свои записи и читает.)* Пункт первый: мои природные способности развились, особенно усовершенствовавшись по части наблюдательности и математики.

Она. Нельзя ли попроще? Что это значит?

Он. Это значит, что раньше я никогда не снисходил до того, чтобы пересчитывать деньги или вообще вести им счет. Теперь я умею довольно ловко считать и рассчитывать. Раньше я не различал сорта масла и яиц. Для меня яйцо было просто яйцом, а масло – маслом. Сейчас я до тонкостей разбираюсь в их различиях и знаю, как это отражается на ценах. Должен признать, что у владельца лавки масса преимуществ перед писателем от «Марко Поло» и что за три месяца моего пребывания здесь я научился большему, чем за три года учения в Оксфорде.

Она. Насчет учения не знаю, а вот манеры ваши значительно улучшились.

Он. Мои манеры?!

Она. Конечно. Ведь на том пароходе вы ни с кем добрым словом не обмолвились, а стоило кому-то приблизиться к вам, вы сжимались в комок, как еж, от страха, что этот кто-нибудь – человек не вашего уровня и не дай бог заговорит с вами без официального знакомства. А теперь одно удовольствие слышать, как вы говорите: «Доброе

утро. Чем могу быть полезен сегодня, миссис Барел?» Или: «Обратили ли вы внимание, какова нынче цветная капуста, мэм? Без единого изъяна». Или: «Синенькие сегодня особенно хороши, не угодно ли, сударыня?»

Он. Категорически возражаю. Никогда в жизни не называл баклажаны «синенькими» в разговоре с культурным покупателем. Конечно, если люди невежественны до такой степени, что не знают, как называется то, что они едят, тут уж ничего не поделаешь.

Она. Ладно. Так или иначе, ваши манеры улучшились, не так ли?

Он. Не знаю. Знаю лишь, что я перестал быть бескорыстным и искренним.

Она. Да вы им отродясь и не были. И не чувствовали себя легко и непринужденно в общении с другими. Зато теперь вы умеете быть на дружеской ноге с кем угодно.

Он. Для меня теперь все люди — покупатели. Дайте-ка я это запишу. *(Пишет карандашом на оборотной стороне листка.)* «Хорошие манеры получат всеобщее распространение только тогда, когда все люди станут клиентами друг друга».

Она. Из вас пока еще не получился настоящий лавочник, хозяин. Все, что вам надо — придумать и записать что-нибудь умное.

Он. Почему бы и нет? Произнеси несколько умных слов — и ты уже премьер-министр. Запиши их — ты и вовсе Шекспир.

Она. Кому охота быть премьер-министром или Шекспиром? Человеку нужно зарабатывать себе на жизнь.

Он. А я что, не зарабатываю? Я не стал беднее с тех пор, как купил эту лавку.

Она. Но если деньги уходят так же быстро, как приходят, скопить ничего не удастся.

Он. Терпеть не могу копить деньги. Это ожесточает человека. «Расточи хлеб свой по водам, и по прошествии многих дней он к тебе вернется».

Она. А как вы проживете эти многие дни без еды?

Он. Не знаю. Как-то прожить можно. И хватит задавать вопросы. Вернемся к нашему балансу.

Она. Я вашу же пользу имею в виду.

Он *(вскакивает в гневе)*. Самая возмутительная бесцеремонность, какую только можно себе позволить. Зачем вы суетесь не в свое дело?

Она *(тоже вскакивает и становится перед ним)*. Раз вы сами

о себе не думаете, кто-то другой должен за вас подумать. Это мое дело ровно в той же мере, что и ваше.

Он. Вот как! Скажите на милость, кому принадлежит эта лавка? То есть я хочу сказать, кто ее владелец?

Она. Эта лавка меня кормит, в конце концов. Если она прогорит, куда я денусь?

Он. А я куда денусь, если на то пошло? Вы найдете себе другое место. Мне, без сомнения, никто другого не предложит. *(Успокаивается.)* Разве не довольно того, что лавка приносит доход, способный прокормить двоих? *(Снова усаживается на место.)*

Она. Положим. Но что, если потребуется кормить троих?

Он. Пустые разговоры. Этого не требуется, и слава богу.

Она. До поры до времени. Но если вы женитесь на ком-то со стороны, будет уже трое. А там и дети пойдут.

Он. Выход прост: я не женюсь.

Она. Этого никто не знает.

Он. В том числе и вы.

Она. Нет, я знаю. Однажды вы уже были женаты и непременно женитесь вторично. Кто-нибудь вас да подцепит. Вы как раз из таких мужчин.

Он. Женщине, которая меня подцепит, придется расплачиваться за это. Она будет торговать в лавке. А вы получите отставку.

Она. Господи, какой зануда. *(Садится, сникнув.)* Во всяком случае, суть дела вы поняли.

Он. Нет. В чем суть дела?

Она. В том, что дешевле содержать жену, чем платить жалованье продавцу. Что пора покончить с холостяцким образом жизни.

Он. Если продавец не годится, его можно уволить, а куда девать жену?

Она. Если бы все так рассуждали, никто бы не женился.

Он. Вот именно.

Она. В этой жизни надо рисковать.

Он. Однажды я рискнул, но удалось вывернуться.

Она. Теперь не вывернетесь. У нас здесь холостяков не жалуют.

Он. Без такой универсальной лавки и без почты здесь не обойтись. И пока то и другое в моих руках, моя стратегическая позиция неприступна.

Она. Мне не хотелось об этом говорить, но люди начинают судачить.

Он. Начинают. А разве они когда-нибудь кончали?

Она. С вами бесполезно разговаривать.

Он. Абсолютно.

Она. Ладно же. В таком случае я предупреждаю, что через месяц увольняюсь. *(Встает.)*

Он. Увольняетесь через месяц?

Она. Да, через месяц.

Он. Увольняетесь потому, что я не желаю жениться на какой-нибудь деревенской дурочке или малограмотной вдове, с которой мне говорить решительно не о чем!

Она. Жена нужна не для разговоров. Разговоры – это по части посетителей. Да и со мной вы наговорились предостаточно.

Он. Ну так избавьте меня, пожалуйста, хоть от этого разговора.

Она. Прекрасно. Через месяц увольняюсь.

Он. Можете не повторять. Чушь какая. Чего вам не хватает? Вы тут отлично устроены. Я нарочно плачу вам на десять фунтов в год больше, чем вы получали бы в любом другом месте.

Она. А почему?

Он. Что почему?

Она. Почему вы мне платите на десять фунтов больше, чем платили бы другому продавцу?

Он. Один бог знает.

Она *(в ярости)*. Я ухожу сегодня же. Сию минуту. Можете оставить себе мое жалованье за месяц. Не я, а вы тут отлично устроены и даже не понимаете этого. Вы эгоист. Неудивительно, что у вас жена умерла. Она перед смертью не сошла с ума?

Он *(серьезно)*. Так оно и было. Я один из тех, кому в брачной лотерее достается несчастливый билет.

Она *(в порыве раскаяния)*. Ох, я не знала. Честное слово, не знала. Я только хотела пошутить. *(Садится снова.)* Ни за что не сказала бы так, если б знала.

Он. Ничего. Я понимаю, что вы не со зла. Да и я сказал вам обидное, сам того не желая. Если говорить серьезно, я потому плачу вам лишние десять фунтов, что ценю ваши услуги в лавке и готов предложить вам что угодно, чтобы только вы остались здесь насовсем.

Она. Десять фунтов прибавки за то, чтоб я коротала тут жизнь в одиночестве!

Он. Не обязательно. Можете выйти замуж, если хотите.

Она. За кого?

Он. За кого? Да за любого.

Она. Ага, значит, в нашей округе для меня годится любой, а вас не достоин никто, так, что ли?

Он. Перестаньте снова злиться.

Она. Захочу — и буду. Жаль, удержалась и не сказала вам пару крепких слов, чтоб вы поняли, что женщине, кроме работы и зарплаты, в жизни нужно еще кое-что другое.

Он. Прекрасно понимаю это. В молодости мы все к чему-то стремимся.

Она. К чему же, позвольте спросить?

Он. К волнениям, приключениям, трудностям, заботам, разочарованиям, сомнениям, страданиям, опасностям, в конечном счете, к смерти.

Она. Нет, спасибо. Ни к чему такому я не стремлюсь. Мне нужен только муж со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Он. Какая разница. В браке будет все это, только на деревенский лад.

Она. Почему бы вам не взглянуть на жизнь порадостнее?

Он. Я научился не ждать от жизни слишком многого. В этом секрет истинной радости. Меня всегда ждут приятные неожиданности вместо горьких разочарований.

Она. Значит, ваш второй брак может оказаться приятной неожиданностью, не так ли?

Он. Второй брак? Что вы имеете в виду? Я только один раз был женат. Я хочу сказать, что только один раз состоял в браке.

Она. Ну ладно. Давайте начистоту. Сами понимаете, после того, как я так привыкла к вам, не найдется в нашей деревне мужчины, который мне подошел бы.

Он. Моя дорогая, все мужчины одинаковы.

Она. По-вашему, мне все равно, за кого выходить замуж?

Он. Боюсь, что так.

Она. Все женщины тоже одинаковы, наверное?

Он *(подозрительно)*. Это вы к чему клоните?

Она. К тому, что если безразлично, кто с кем поженится, тогда безразлично и с кем мы поженимся, вы и я.

Он. Не с кем поженимся, а на ком женимся.

Она. Да говорите вы по-людски. Мы не по телефону разговариваем. Я хотела сказать, что если мне должно быть все равно, то и вам тоже.

Он. Значит, вы согласны, что это безразлично?

Она. Нет, конечно. Сущая ложь!

Он. О!

Она. Не окайте тут. Для меня мужчины вовсе не одинаковы.

Есть мужчины, и очень даже хорошие, симпатичные, которых я и близко к себе не подпустила бы. Но когда я увидела вас на пароходе, сразу подумала: «Вот с ним бы я поладила».

Он. Ничего подобного. Раньше вы сказали, что подумали тогда совсем другое. Думаю, на самом деле вы выразились гораздо энергичнее. Слабохарактерные мужчины вроде меня как раз и привлекают таких напористых женщин, как вы.

Она. А вы, когда посматривали на меня краешком глаза — я-то знаю, вы на всех женщин поглядывали, хоть и старались замкнуться в самом себе, — что же, вы ни разу не подумали: «Вот с ней бы я поладил?»

Он. Нет, я думал: «Черт бы ее побрал, эту трещотку, болтает без умолку и мешает работать».

Она. Уверяю вас, мы созданы друг для друга. Может, вам это еще не так ясно, как мне, но я в этом убеждена. Мне это настолько ясно, что ошибки быть не может. Ни за что не поверю, что вы купили бы эту лавку и превратились из джентльмена в лавочника, если бы меня тут не было.

Он. Сейчас, когда вы это сказали, мне начинает казаться, что вы правы. Вы были одной из приятных составных частей моего приобретения.

Она. А разве я не могу оказаться одной из приятных составных частей законного супружества, как вы полагаете?

Он. Берегитесь. Ваши желания могут осуществиться легче, чем вы думаете. Примерно пять процентов рода человеческого — это подобные вам решительные, властные натуры, одержимые страстью приобретательства, которую они стремятся удовлетворить любой ценой. Остальные же позволяют им утолять эту страсть либо потому, что не имеют ни сил, ни смелости для сопротивления, либо потому, что объекты их притязаний кажутся сущими пустяками по сравнению с Мирозданием и Роком. Я не из числа этих властных натур. За меня не стоит выходить замуж. Заполучить меня может любая женщина, которая приложит хоть немного усилий.

Она. Этого я и боюсь. Стоит упустить вас из глаз хоть на месяц, тут же вас кто-нибудь и окрутит. А я не хочу рисковать. Я не собираюсь подчинять вас своей воле: себялюбцы, нахалы и деспоты мне нравятся ничуть не более, чем вам. Но я должна иметь вас, и вы будете моим. Вот и все.

Он. Я и сейчас ваш — ваш наниматель. Но при этом вы от ме-

ня не зависите и можете уйти когда угодно, если будете недовольны.

Она. Не могу я быть довольной, пока не приберу вас к рукам. Целыми месяцами я тружусь на вас, как рабыня; став женой, должна буду работать еще больше. Но бывают такие минуты, когда мне хочется схватить вас и держать в своих руках всего, целиком, до последней клеточки. И когда такое произойдет, вы у меня будете думать кое о чем более веселом, чем эти ваши Рок и Мироздание. И поймете, что для удовлетворения чувств есть способы получше, чем произносить красивые слова.

Он. Удовлетворение чувств! Вы сами не знаете, о чем говорите. Оглянитесь вокруг. Здесь, в этой лавке, у меня есть все, что требуется для удовлетворения чувств: яблоки, лук и монпансье; перец и горчица; теплые кашне и грелки. Свой взор я услаждаю видом из окна на рыночную площадь и старую церковь, построенную в те времена, когда красота как бы сама собой рождалась под руками средневековых мастеров. Мой слух радуют воркование голубей и гудение пчел, музыка Бетховена и Элгара, звучащая по радио. А мое обоняние — когда не хочет радоваться аромату сухой земли, орошенной дождем, оно может наслаждаться запахом свежей лаванды в том мешке или нашего особого шестипенсового одеколона. Мои чувства вполне удовлетворены. Но если я по горло сыт луком и монпансье, если я настолько пресытился средневековой архитектурой, что лучше умру, чем взгляну на какой-нибудь собор; если я жажду одного — отдохнуть от всяких эмоций и ощущений,— к чему тогда мне все мои чувства, коль скоро мироздание представляется мне всего лишь бессмысленным нагромождением каменных глыб и скоплений газа, а рок не оставляет надежды ни на что, кроме конечного вымирания и исчезновения с лица земли человека, этого злобного и жалкого существа?

Она. В нашей деревне не забивают себе мозги такими вещами.

Он. Неправда. Здесь нарасхват «Альманах Старика Мура» и «Книга судьбы Наполеона». Старая миссис Уорд никогда бы не продала мне лавку, если бы не была убеждена, что Судный день наступит вот-вот — седьмого августа.

Она. Что за чепуха. Какое все это имеет отношение к нам с вами?

Он. Вы неопытны, потому не знаете. Вас обманули такими

бессмысленными словами, как чувственность, страсть и тому подобной материалистической болтовней. А я не материалист. Я поэт. И знаю, что, попав в ваши объятия, вовсе не удовлетворю мои чувства. Если же говорить о чисто физической стороне, то вы скоро обнаружите, что телесная близость, к которой сейчас обращены все ваши помыслы, есть нечто и неудобное и неприглядное.

Она. Нет-нет, не говорите так. Нельзя и думать так об этом.

Он. Думать надо обо всем. И думать надо обо всем так, как оно есть на самом деле, а не так, как об этом принято говорить. Все ваши разглагольствования насчет удовлетворения моих чувств — не более чем повторение чужих слов, их извиняет лишь ваша невинность. Нам предстоит бежать прочь от мира чувств. Нам предстоит возжечь друг для друга иной светильник — в святая святых, в храме бытия. И скрывающая его завеса станет прозрачной. И каменные глыбы, что хаотично блуждают по космосу, обратятся в звезды, поющие в сферах своих. Наше скучное, лишенное смысла провинциальное существование неудержимо устремится к высшей цели. Нас охватят неизъяснимое блаженство и страстная любовь. Но продлятся они не дольше вспышки молнии, которая превращает ночную тьму в бескрайнее сияние. И не успеете вы привыкнуть к этому блеску, как вновь наступит мрак. Но вы прозреете и навсегда запомните то, что видели, и никогда больше не станете твердить расхожие слова, придуманные старыми девами, для которых все это — темное дело. И если нам захочется заключить друг друга в объятия, то лишь затем, чтобы подарить друг другу это волшебное мгновение. А когда оно наступит, мир чувств исчезнет, и с ним исчезнет все нелепое, скверное, нечистое — все, кроме райского блаженства.

Она. Мне нравится, как вы об этом заговорили. Теперь я и сама понимаю, что не вытерпела бы быть для мужчины чем-то вроде леденца на палочке. Однако не ожидайте слишком уж многого.

Он. Я жду от вас даже больше того, что вы мечтали мне отдать при всей вашей беспредельной женской самонадеянности. Великие люди никогда не женились бы, если б те ничтожные особи женского пола, которым удавалось их заарканить, были способны уразуметь всю непомерность своего нахальства. Конечно, все они собирались усовершенствовать своих мужей, воспитать их, сделать из них

истинных джентльменов. Интересно, кого вы собираетесь сделать из меня?

Она. Я уже сделала из вас вполне приличного лавочника, не правда ли? Нет, нет, не бойтесь, что я вас недооцениваю. Мне хочется иметь мужа высшего сорта, а не деревенщину, какого может подцепить любая. Я буду гордиться вами. Теперь, когда я вас все-таки заполучила, меня саму оторопь берет от моей наглости.

Он. Меня тоже.

Она. Знаете, я ведь в действительности совсем не наглая, правда. Будто какая-то сила толкала меня и вела. Вот почему я знаю, что все будет хорошо. Не бойтесь, я не умею так красиво говорить об этом, как вы, но у нас с вами все будет отлично, я обещаю.

Он. Прекрасно. В таком случае зайдите к священнику, пусть объявит в церкви о нашем вступлении в брак. Да скажите его жене, что мы сегодня утром получили чудесные артишоки. Она их очень любит.

Она. Вы уверены, что рады случившемуся?

Он. Пока не знаю. Ступайте, сделайте то, что велено, и не задавайте глупых вопросов.

Звонит телефон. Она хватает трубку.

Она. Номер, пожалуйста? Ах, заказ. Благодарю вас... Да, как раз сегодня утром получены чудесные артишоки. Пошлем их вам сейчас же, благодарю вас. Да, вот еще что... Вы слушаете?.. Извините, что задерживаю, могу ли я поговорить с самим священником?.. Да, по личному вопросу. Насчет объявления о вступлении в брак... Брак. БРАК — передаю по буквам: б — блеск, р — риск, а — абсурд, к — комедия. Да, вы правильно поняли. Кто — как вы сказали? А, кто вступает в брак? Да, конечно. Видите ли, это...

Занавес.

Написано в Зондском проливе
27 января 1933 г.

НА МЕЛИ

Политическая комедия

1933

ON THE ROCKS

Кабинет в доме номер 10 по Даунинг-стрит, Вестминстер, официальной резиденции английского премьер-министра. Прославленный деятель, занимающий этот пост, сэр Артур Чевендер читает «Таймс» у камина, под портретом Уолпола. Стены возле камина уставлены книжными шкафами, небольшая часть стены справа от Уолпола — потайная дверь в личные покои премьера, а в конце той же стены, слева от Уолпола, дверь в комнату личного секретаря сэра Артура — мисс Хилды Хенуэйс. Вход в кабинет в боковой стене, справа от Уолпола. В противоположной стене, слева от портрета, большие окна. Все тут имеет внушительный вид, включая и продолговатый стол посредине, окруженный четырнадцатью кожаными креслами, задвинутыми под стол,— по шесть с каждой стороны и по одному по краям. Место председателя в центре, рядом с нетопленым камином (дело происходит в июле); тут же под рукой телефон и коммутатор. Сэр Артур выдвинул кресло и удобно уселся с газетой. На краю стола, у самого окна, серебряный поднос с чашкой кофе и молочником — тут хозяин кабинета, как видно, сидит в неприсутственное время. В дальнем от Уолпола углу, справа, бюро и стул секретаря. Против них в левом углу — кресло. На полупустой книжной полке под рукой у премьера лежит запыленная Синяя книга,— ясно, что в нее давно никто не заглядывал.

Сэру Артуру вряд ли меньше пятидесяти, но природная энергия делает его моложавым. У него приятного тембра голос завзятого оратора и очень приветливая манера держаться. Слегка поношенный костюм придает ему вполне аристократический вид человека хорошо, но небрежно одетого, что дается ему без труда, ибо фигура у него статная и вещи отлично на нем сидят. Словом, личность это весьма привлекательная.

Он читает «Таймс». В комнату торопливо входит его секретарша с блокнотом и пачкой писем. Возраст у нее неопределенный, но косметика помогает ей выглядеть эффектно и моложе своих лет. Вид у нее деловой, однако бремя государственных забот гнетет ее больше,

чем премьер-министра. Оба они озабочены, правда по-разному. Ее одолевает не только обилие дел, но и чувство ответственности. Его тоже беспокоит обилие дел, и все же он доволен своим положением и ничуть не сомневается, что оно ему как раз по плечу.

Хилда. Говорят, вы меня спрашивали, сэр Артур? Простите, что опоздала, но по улицам просто не пробьешься из-за этих безработных. Взяла такси, но и проехать нельзя — дорогу запрудили демонстранты, пришлось выйти и пробираться пешком. *(Подходит к своему бюро.)*

Сэр Артур *(вставая)*. Чего они добиваются этой бессмысленной толкотней вокруг правительственных зданий и Вестминстера?

Хилда. Еще, слава богу, полиция не пускает их на Даунинг-стрит! *(Садится.)* Не то и в дверь не войдешь.

Сэр Артур. Какая глупость, ничего не понимают, бедняги! *(Бросает на стол газету, садится у края стола и берется за кофе.)* Думают, если я премьер-министр, то могу, как господь бог, даже во время кризиса дать им работу. *(Перебирает бумаги.)*

Хилда. Трафальгарская площадь забита народом. И гвардейский плацпарад. И Пэл-Мэл до самых дворцов Малборо и Бэкингемского.

Сэр Артур. Какое они имеют право туда лезть? Трафальгарская площадь не общественное место, она принадлежит Управлению лесных угодий. Плацпарад королевской гвардии — военным. Мэл — проезжая улица, тот, кто мешает движению, должен быть наказан. О чем думает полиция? Почему их не разгонят?

Хилда. Я об этом спросила полисмена, который помог мне пробиться к воротам. Он сказал: «А мы только рады, что они толпятся там, где нельзя бить окна и где конная полиция может как следует вмазать хулиганскому охвостью, когда оно чересчур распоясается».

Сэр Артур. «Хулиганское охвостье». Он это вычитал из газет. Такие клички их только подзадоривают.

Хилда. Из Скотланд-Ярда приехал сэр Бешен. Беседует с леди Чевендер.

Сэр Артур *(поднимается, идет к телефону)*. Да, я его вызвал. Он должен как-нибудь прекратить эти сборища. Нельзя было назначать начальником полиции человека с такой фамилией. Народ считает его скотом и держимордой, как бы корректно полиция себя ни вела! Нам нужна

популярная фигура! *(Берет трубку.)* Попросите ко мне сэра Бешена.

Хилда. Какой начальник полиции может быть сейчас популярен, если они то и дело лупят безработных дубинками? *(Садится разбирать письма.)*

Сэр Артур. Бедняги! Мне самому это крайне неприятно! А что делать полиции? Делегации безработных срывают заседания местных властей! Они ужасная помеха даже в самые благополучные времена, а теперь — просто общественное бедствие!

Входит начальник полиции — вполне дельный человек с военной точки зрения. Он джентльмен и довольно любезен, но уж никак не уступчив.
Хилда встает, пододвигает ему стул поближе к себе и подальше от сэра Артура и возвращается на свое место. Сэр Артур подходит к тому краю стола, где стоит Бешен.

Доброе утро. Садитесь. Я дьявольски занят, но для вас у меня десять минут, как всегда, найдется.

Бешен *(холодно)*. Благодарю. Вы же сами за мной послали. *(Встревоженно.)* Что-нибудь еще?

Сэр Артур. Уличные митинги принимают недопустимый характер.

Бешен *(с облегчением)*. Какой от них вред? Толпа становится опасной, когда ей нечего слушать и не на что глазеть. Митинги ее развлекают. Нам меньше хлопот.

Сэр Артур. Хорошо вам говорить! А мне каково? Не забудьте, что у нас коалиционное правительство. Консерваторы и так готовы меня съесть, а ведь на этих митингах открыто призывают к бунту! Сэр Дэкстер Райтсайд — а вы знаете, какой он твердолобый — слышал, как оратор пригрозил, что, если полиция пустит в ход слезоточивые газы, безработные выжмут слезы из старого Дэкси без всякого газа! Тут уж весь кабинет министров встал на дыбы! Мы примем постановление, которое позволит вам положить конец всем этим уличным сборищам.

Бешен *(раздельно)*. Я бы очень просил вас, премьер-министр, этого не делать.

Сэр Артур. Почему?

Бешен. Надо учитывать психологию масс.

Сэр Артур. Чепуха! Бросьте разводить метафизику, не то я еще подумаю, что ваше назначение было ошибкой.

Бешен. Конечно, оно было ошибкой. Возня с безработными

не солдатское дело, а я военный. И если вы желаете, чтобы их усмиряли по-солдатски, так и скажите. Дайте мне пяток пулеметов. Я очищу улицы еще до полудня.

Сэр Артур. А вы подумали, что тогда покажут дополнительные выборы?

Бешен. Солдата выборы не касаются. Прикажите рассеять толпу. Дело простое. И шума будет не больше, чем от колотушки ночного сторожа.

Сэр Артур. Чересчур простое. Вы, военные, никогда не поймете, какие трудности стоят перед нами, государственными деятелями.

Бешен. Что же вы предлагаете?

Сэр Артур. Я вам сказал. Арестуйте подстрекателей. Это заткнет старому Дэкси рот.

Бешен. Да ведь черт бездельнику всегда дело найдет! Нет, мое средство вернее: толпу надо развлекать. Вам-то это известно лучше, чем кому бы то ни было!

Сэр Артур. Мне? На что вы намекаете?

Бешен. Вся же задача в том, чтобы толпа бездействовала, правда?

Сэр Артур. То есть не делала ничего предосудительного. Но...

Бешен. Английская толпа не будет делать ничего предосудительного, да и вообще ничего делать не будет, пока она стоит развесив уши и слушает речи. А те, кто эти речи произносит, уж наверняка ничего, кроме этого, не делают. Во-первых, не умеют. Во-вторых, боятся. Я дал указание своим агентам мобилизовать лучших говорунов всех партий произносить на улице речи — социалистов, коммунистов, фашистов, анархистов, синдикалистов, лейбористов, независимых лейбористов, из Армии спасения, церковников и атеистов. Пусть хватают быка за рога.

Сэр Артур. Какого быка?

Бешен. Почем они знают? Да я и сам не знаю. Это просто ходячая фраза, но они за нее схватятся. Митинги на Трафальгарской площади должны идти круглосуточно. Неплохо, если бы несколько членов палаты из лейбористов мне помогли. У вас там в парламенте немало пустомель. Пошлите мне несколько в Скотланд-Ярд, я их расставлю в нужные места, чтобы и от них была польза.

Сэр Артур *(сердито)*. Бешен, имейте в виду, мы решили положить конец непочтительным разговорам о палате общин! Если дело зайдет слишком далеко, мы не остано-

вимся перед тем, чтобы привлечь самых ярых охальников к суду, какой бы пост они ни занимали!

Бешен. Артур, как начальник полиции, я обязан считаться с фактами. А факты таковы, что, кроме партийных чиновников, все плюют на палату общин. *(Поднимаясь.)* Значит, вы не будете препятствовать всей этой говорильне?

Сэр Артур. Да ведь...

Бешен. Если, конечно, не решитесь пустить в ход пулеметы.

Сэр Артур. Бросьте говорить глупости. *(Возвращается на свое место и мрачно усаживается.)*

Бешен. Ясно! Тогда пусть болтают. Благодарю. Извините, что отнял у вас драгоценное время. *(Замявшись, добавляет уже у двери.)* Кстати... я понимаю, это нахальство... но если бы вы сами хоть разок выступили на площади... лучше бы в воскресенье к вечеру...

Сэр Артур *(вскакивая со стула)*. Я?!!

Бешен *(поспешно)*. Нет, нет, я понимаю... Однако, как бы это было бы хорошо, толпа бы присмирела недели на две. Обсуждали бы это событие. Но понимаю, это невозможно, что же об этом говорить... Пока. *(Выходит.)*

Сэр Артур *(падая на стул)*. Ну, знаете! Бешен совсем потерял голову. Интересно, на что он намекал, говоря, что мне это известно лучше других?

Хилда. На то, что вы такой замечательный оратор и знаете, какое волшебное действие производит хорошая речь на толпу.

Сэр Артур *(задумчиво)*. А в его идее – чтобы я произнес публичную речь на площади – что-то есть... Я, правда, уж много лет не выступал перед народом. Но если я встречусь с безработными лицом к лицу и скажу, что намерен в будущем марте созвать конференцию о перспективах нашего процветания, это их окрылит.

Хилда. Но это невозможно! У вас и так каждый месяц какая-нибудь конференция. До самого ноября. А визиты за рубеж? В Париж, два – в Женеву, в Японию! Вы же просто рухнете!

Сэр Артур. А председательствовать в душной палате общин ночи напролет, думаете, легче? Слушать, как всякие идиоты меня поносят? Если бы не эти конференции и визиты, я бы давно был в могиле. Все-таки отводишь душу... Я мечтаю съездить в Японию. Там можно приобрести неплохие безделушки.

Хилда. Что ж, вам лучше знать.

Сэр Артур *(энергично)*. Ну, а теперь за дело! Работать, работать, работать! *(Шагает по комнате.)* Запишите конспект моей сегодняшней речи перед духовенством. Архиепископ просил разоблачить «христианский коммунизм». Наши католики совсем на нем помешались.

Хилда. Можно использовать прошлогодние данные об экономических трудностях социализма.

Сэр Артур. Нет, эти священники чересчур много знают. К тому же теперь бестактно вспоминать об экономических трудностях, сами из них вылезти не можем! Архиепископ сказал: «Избегайте цифр, ограничьтесь тем, что социализм губит семью». Он прав: несколько прочувствованных слов о семье всегда доходят. Запишите: Семья. Оплот цивилизации. Оплот империи.

Хилда. А там будут индийцы или магометане?

Сэр Артур. Нет, многоженцев туда не пускают. К тому же все знают, что Семья – это английская семья. Кстати, я могу сделать на этом упор. Запишите с красной строки: «Один муж, одна жена». Можно это развить: «Один ребенок – один отец». Как, по-вашему?

Хилда. Лучше не рисковать. Скажите: «Один ребенок – одна мать». Так будет вернее.

Сэр Артур. Нет. Это может вызвать смех, и не тот смех, какой нам нужен. Лучше не рисковать. Вычеркните. Неуместный смех служителей церкви – это же просто беда! Откуда у вас эти бусы, какие красивые! Никогда их не видел.

Хилда. Я ношу их каждый день уже два месяца. Дальше?

Сэр Артур. Дальше... о чем бишь мы говорили? *(Капризно.)* Я просил меня не прерывать. У меня была вся речь в голове. А теперь она улетучилась.

Хилда. Простите. О семье.

Сэр Артур. О какой семье? Чьей? О королевской? О святом семействе? Я попрошу вас быть поточнее, мисс Хенуэйс!

Хилда *(мягко, настойчиво)*. Ни о какой в частности. Вообще о семье. Социализм разрушает семью. Речь для духовенства. Сегодня.

Сэр Артур. Ах да, да. Вот заседал в палате общин до трех часов утра – и голова словно трухой набита.

Хилда. А зачем вы так долго сидели? Вопрос-то был пустяковый.

Сэр Артур *(с возмущением)*. Пустяковый? Как вы можете так говорить? Открытые дебаты о том, кто был прав –

Джеймсон или Томсон по поводу того, что сказал Джонсон в кабинете министров!

Хилда. Десять лет назад.

Сэр Артур. Ну и что? Вопрос о том, кто лжец – Джеймсон или Томсон, имеет первостепенное значение.

Хилда. Но они оба лжецы.

Сэр Артур. Конечно! Но весь вопрос в том, войдут ли они в следующий кабинет министров. Вся палата кипела. Этим сегодня полны газеты. Вот, поглядите!

Хилда. А о безработных – три строчки, хотя я двадцать минут пробивалась через их толпу. Честное слово, сэр Артур, вам надо было вернуться домой и лечь спать. Вы себя убьете, если будете и работать и сидеть на всех этих заседаниях, помяните мое слово!

Сэр Артур. Мисс Хенуэйс, я просил бы вас хоть изредка вспоминать, что я как-никак возглавляю палату общин.

Хилда. А чего ее возглавлять, если она все равно топчется на месте? У меня сердце разрывается, когда я вижу, в каком состоянии вы оттуда приходите. Наутро вы ни на что не годитесь.

Сэр Артур *(орет)*. Замолчите! Я сам знаю! Мой мозг переутомлен. Я сойду с ума. Мои мыслительные способности напряжены до отказа. *(Берет себя в руки.)* Ладно, хватит ныть! Я отдохну по дороге в Женеву и с субботы до понедельника в летней резиденции. Но как трудно управлять страной и каждый день проворачивать еще полсотни дел, хотя их с тем же успехом может решить любой посыльный из модного магазина. Ладно, не будем терять время! Работать, работать, работать! *(Решительно садится на свое место.)* Продолжайте. О чем шла речь?

Хилда. О семье.

Сэр Артур *(в отчаянии потирая виски)*. О господи! Неужели невестка леди Чевендер опять устроила скандал?

Хилда. Да нет же. О семье вообще. Не о какой-нибудь в частности. Социализм разрушает семью. Ваша сегодняшняя речь для духовенства.

Сэр Артур. Ага, в самом деле. У меня размягчение мозгов. Тридцать лет в парламенте и десять спикером никому даром не проходят. У меня только одна голова, а нужно десять, и я...

Хилда *(настойчиво)*. Нам нужно составить конспект вашей речи, сэр Артур! Утро уже на исходе, а мы ничего не сделали.

Сэр Артур *(снова приходя в ярость)*. У самого занятого человека в Англии ни на что не хватает времени! Это вы отняли у меня все утро дурацкими разговорами о ваших бусах. Какое мне дело до ваших бус?

Хилда. Вы мне их подарили, сэр Артур.

Сэр Артур. Да ну? Ха-ха-ха! Кажется, да, ей-богу. Купил в Венеции. Но давайте дальше. Речь.

Хилда. Семья. Речь шла о семье.

Сэр Артур. Что вы мне про это талдычите? Я еще не полный идиот. Бубните: семья, семья, семья.

Хилда. Социализм и семья. Как социализм разрушает семью.

Сэр Артур. А кто сказал, что социализм ее разрушает? Не болтайте глупостей.

Хилда. Архиепископ хочет, чтобы вы это сказали. Духовенству.

Сэр Артур. Нет, я действительно схожу с ума.

Хилда. Да вы просто устали. Все шло хорошо. Один муж и одна жена, вы на этом остановились.

Сэр Артур. Одна жена — это на одну жену больше, чем надо, если у нее куча братьев, которые не могут ужиться со своими женами. Вам не приходило в голову, что, если социализм и разрушит семью, это будет совсем неплохо? А?

Хилда *(с отчаянием)*. Ах, сэр Артур, нам же надо кончить вашу речь! У меня еще письма не разобраны. Пожалуйста, не теряйте нить. Семья — оплот империи. Оплот христианства. Цивилизации. Общества.

Сэр Артур. Хватит повторять слово «оплот». Сколько он может выдержать? Надо найти что-то другое. Ага! Вот! Национализация женщин...

Хилда *(с негодованием)*. Побойтесь бога!

Сэр Артур. А что?

Хилда. Какая чушь!

Сэр Артур. Мисс Хенуэйс, если государственный деятель не говорит чушь, он попадает в очень неприятное положение, а, видит бог, мне и так хватает неприятностей. Пишите. *(Встает и принимает позу.)* «Нет, ваша светлость, лорды и джентльмены. Национализируйте землю, если хотите, национализируйте промышленность, если вы не можете иначе, национализируйте образование, жилье, науку, искусство, театр, оперу, даже кино! Но пощадите наших женщин!»

Хилда *(дописывая)*. Это конец речи?

Сэр Артур *(сойдя с котурн и расхаживая по кабинету)*. Нет. Снизу напишите красными буквами: «Извечный Оплот».

Хилда. Но это же Христос! Они будут шокированы, если речь пойдет о чем-то выдуманном. Можно вам предложить: «Единственная опора церкви»?

Сэр Артур. Да-да. Это лучше. Спасибо. Семья как единственная опора церкви. Отлично!

В комнату через замаскированную дверь врывается Флавия Чевендер, девятнадцати лет, и кидается к отцу.

Флавия. Папа! Я больше не могу с ней жить! Она мне мешает во всем. Просто меня ненавидит! Я не желаю больше жить с ней под одной крышей.

За ней, говоря на ходу, входит леди Чевендер и заслоняет премьер-министра от нападения дочери.

Леди Чевендер. Так и знала, что ты ворвешься и устроишь сцену! Отец и шести часов не спал за всю неделю, не ложился всю ночь, а тебе все равно! Прости, Артур, но с ней нету сладу.

Вбегает Дэвид Чевендер, восемнадцати лет, худенький, интеллигентный мальчик, малорослый не по годам.

Дэвид *(ломким мальчишеским дискантом)*. Слушай, мама! Неужели ты не можешь оставить Флавию в покое? Противно смотреть, как ты ее пилишь, пилишь, будто ей шесть лет! Пилишь, пилишь... Что бы она ни сделала!

Леди Чевендер. Пилю? Да у меня сил не хватает вас терпеть! Флавия нарочно выводит меня из терпения!

Флавия. Неправда, я с тобой считаюсь, ради тебя я отказываюсь от всего, что мне хочется. Ты подавляешь мою личность! Стоит мне взять книгу – и ты велишь мне читать другую. Стоит мне выбрать платье – и ты велишь мне надеть другое, да еще какую-то старомодную дрянь! Не так сижу, не так стою! Знакомые мои тебе не нравятся, прически не нравятся, манеры не нравятся. Не жизнь, а ад!

Леди Чевендер. Флавия!

Флавия *(страстно)*. Просто ад!

Дэвид. Правильно! *(Кричит.)* Ад!

Леди Чевендер *(спокойно)*. Мисс Хенуэйс, вас не затруднит...

Хилда. Конечно, леди Чевендер. *(Поднимается, чтобы выйти.)*

Флавия. Вам незачем уходить. Вы-то знаете, что́ мне приходится терпеть!

Дэвид. Ну его к черту, этот ваш такт! От него только руки отнимаются. Ко всем чертям!

Леди Чевендер. Артур...

Сэр Артур *(поглаживая ее по плечу)*. Ничего, дорогая, пусть поговорит. *(Спокойно усаживается на место.)* Совсем как в палате общин, только речи гораздо короче.

Флавия. Да разве он будет нас слушать! *(В корчах отчаяния падает на стул.)*

Дэвид *(подходя к отцу, с достоинством)*. Право, отец, ты мог бы хоть раз уделить семье каплю внимания!

Сэр Артур. Дорогой, я как раз диктую речь о семье. Спроси мисс Хенуэйс.

Хилда. Да, мистер Чевендер. Сэр Артур собирается произнести речь о разрушительном влиянии социализма на семейную жизнь.

Флавия *(неудержимый смех побеждает истерику)*. Ха-ха-ха!

Дэвид. Ха-ха-ха! Вот это да!

Сэр Артур. Не вижу ничего смешного. Почему такое веселье?

Дэвид. Доставь удовольствие палате общин: кратко опиши свою семью, ты их так повеселишь, как тебе никогда еще не удавалось!

Флавия. Будь она проклята, эта семья!

Леди Чевендер. Флавия!

Флавия *(вскакивая)*. Ну вот, опять. Не смей рот открыть, не смей говорить то, что думаю! Только то, что думаешь ты! Вот она, семейная жизнь. Брань, брань, одна брань!

Дэвид. Склока, склока, склока!

Флавия. Видите, как она со мной обращается! Видите, как она обращается с папой?

Сэр Артур *(в ярости)*. Как ты смеешь? Молчать! Выйди вон!

Минута испуганного молчания. Флавия ошеломлена гневом, который она на себя навлекла, и растерянно глядит на отца, потом, разразившись слезами, выбегает в потайную дверь.

(Негромко.) Тебе тоже лучше уйти, сынок.

Дэвид тоже несколько ошеломлен, но, пожав плечами, уходит. Сэр Артур смотрит на Хилду, которая поспешно удаляется чуть не на цыпочках.

(Обнимая жену, нежно.) Это ты со мной плохо обращаешься? Ты! Да я его чуть не убил, этого бедного гаденыша!

Садятся рядом. Леди Чевендер — милая женщина и вполне привлекательная. Но ей скучно и неинтересно с людьми, она не может этого скрыть и потому чувствует себя виноватой.

Леди Чевендер. Мы сами виноваты, что не вырастили их как леди и джентльмена и дали им современное воспитание. Но Флавия права. Я с тобой ужасно обращаюсь. А ты такой добрый!

Сэр Артур. Ерунда! Как тебе не стыдно! Сама знаешь, что ты лучшая жена на свете. Самая лучшая и самая любимая.

Леди Чевендер. Ты, конечно, самый лучший на свете муж. И самый лучший человек во всех отношениях. Недаром вся страна тебя обожает. И все же Флавия права. Первый раз в жизни она хоть в чем-то права. Я плохая жена и плохая мать. Я не люблю свою дочь и дурно с ней обращаюсь. Я очень люблю тебя, но безобразно с тобой обращаюсь!

Сэр Артур. Да брось ты!

Леди Чевендер. Нет, нет, это, наверно, недостаток моей натуры. Я не создана быть женой и матерью. Я очень к тебе привязана, хоть и недовольна твоим положением.

Сэр Артур. Моим положением? *(Самодовольно.)* Ну, на него грех жаловаться. Конечно, я знаю, мне редко удается быть дома. Ты этим недовольна. Все жены преуспевающих мужей на это сетуют. Но ведь лучше видеть мужа слишком мало, чем чересчур много, а, дорогая?

Леди Чевендер. Я рада, что тебе кажется, будто ты преуспел.

Сэр Артур. Я не хочу выглядеть самонадеянным и прочее, но, ей-богу же, человеку трудно быть главой государства и, смущенно покашливая, делать вид, будто он какое-то ничтожество! Факты упрямая вещь, но ведь это же факт, что я взобрался на самую верхушку, я доволен своей работой, и я...

Леди Чевендер. Чем, чем ты доволен?

Сэр Артур. Ты стала совсем глухой, дорогая. Я сказал: «Моей работой».

Леди Чевендер. Ты называешь это работой?

Сэр Артур. Умственной работой, дорогая, умственной рабо-

той. Неужели ты думаешь, что управление страной – это не работа, а светское развлечение?

Леди Чевендер. Но ты же не управляешь страной. Ею никто не управляет, она кое-как влачит существование сама по себе.

Сэр Артур. Мне приходится править в границах нашей демократии. Я не могу пойти дальше того, что мне позволяют избиратели.

Леди Чевендер. Много понимают твои избиратели! Их интересует только футбол, бокс и война. Да и война только потому, что она теперь далеко, как в кинофильме. А для меня она реальность, и я ее ненавижу, как всякая женщина. Для тебя же она только ход в твоей игре, один из привычных ходов дипломатов и военного ведомства.

Сэр Артур. Дорогая, я ненавижу войну ничуть не меньше, чем ты. Правда, она облегчает работу премьера – псы поджимают хвост, но зато война порождает правительства национального единства, а я верю в однопартийное правление.

Леди Чевендер *(поднимаясь)*. Ох, какой толк с тобой говорить! *(Подходит к нему сзади и опускает руки ему на плечи.)* Ты мой дорогой, мой любимый, но живешь в выдуманном мире. Я же крепко стою на твердой, недоброй земле и поэтому не могу быть хорошей женой и сочувствовать тому, что ты делаешь.

Сэр Артур. Ерунда! Политика не женское дело, только и всего. И слава богу, что моя жена не занимается политикой. Погляди на Хиггинботома! Он уже был одной ногой в кабинете министров, как вдруг его жена стала членом парламента и принялась зарабатывать деньги журналистикой. Это его доконало.

Леди Чевендер. А я вышла замуж за человека безнадежно погрязшего в парламентских делах, и это меня доконало.

Сэр Артур. Да, да, душенька. Знаю – ты принесла себя в жертву, чтобы вести мой дом и пришивать мне пуговицы, я всегда это ценил. Иногда меня даже мучит совесть, но мне так хорошо! Ну, а теперь беги. Я ужасно занят.

Леди Чевендер. Ты ужасно занят бездельем. И это тебя выматывает куда больше, чем если бы ты мог занять свой ум каким-нибудь полезным делом. Если ты не перестанешь, у тебя непременно будет нервное переутомление. Ты же мне обещал повидать ту даму, о которой я говорила, раз не хочешь сходить к настоящему врачу.

Сэр Артур. Но ты сказала, что эта женщина врач. Раз навсегда — мне не нужны никакие врачи. Я достаточно взрослый, чтобы лечиться сам, и не буду платить три гинеи за то, что знаю без них: что у меня умственное переутомление и мне надо недели две поиграть в гольф или прокатиться по морю.

Леди Чевендер. Она берет двадцать гиней.

Сэр Артур *(в ужасе)*. Да ну? Не может быть! За что?

Леди Чевендер. Двадцать гиней за диагноз и по двенадцать гиней в неделю за место в ее санатории в Уэльсе, где она собирается продержать тебя под наблюдением полтора месяца. Там ты действительно отдохнешь. Думаю, что тебе с ней будет интересно, она обаятельная женщина.

Сэр Артур. А у нее хороший повар?

Леди Чевендер. Ну, это не имеет значения.

Сэр Артур. То есть как?

Леди Чевендер. Она сажает своих пациентов на голодную диету.

Сэр Артур. Объясни ей, что я не Ганди. Если я плачу двенадцать гиней, я требую трехразового питания.

Леди Чевендер. Но ты ее примешь?

Сэр Артур. Ни за что, если за это надо платить двадцать гиней.

Леди Чевендер. Да нет же! Это будет просто светский визит, а не обследование. Тебя это позабавит, а ей любопытно. Она хочет с тобой познакомиться.

Сэр Артур. Хорошо, дорогая, хорошо, хорошо. Вижу, что эта дама тебя обвела вокруг пальца. Ну, меня-то она не обведет, но, чтобы доставить тебе удовольствие, я с ней повидаюсь. А теперь, прошу тебя, ступай. У меня сегодня утром чудовищный завал работы!

Леди Чевендер. Спасибо, милый. *(Целует его.)* Могу я сказать Флавии, что ты ее простил?

Сэр Артур. Да, но ведь, в сущности, я ее не простил. Я никогда ее не прощу!

Леди Чевендер. Ах ты мой дорогой. *(Целует его палец и с улыбкой уходит через потайную дверь.)*

Сэр Артур *(оставшись один, вдохновенно обращается к воображаемым слушателям)*. «Лорды и джентльмены! Вы не теоретики. Вы не курители фимиама. Вы уже не молоды...» Нет, черт возьми, старику Мидлсексу это не понравится. «Все мы были молоды. Мечтали и видели светлые сны. Мы все питали надежды и стремились к вы-

соким идеалам. Старались совершить то, что свершить нам было не дано. Но сейчас мы уже сложившиеся, опытные люди, семейные люди. Мужья и отцы. И должны признаться, что в практической жизни обрели то, чего нам не хватало в наших идеалах. Я благодарю вас за аплодисменты, отлично понимая, что это не дань моим скромным ораторским талантам, а непосредственное и непреодолимое признание той великой истины, которой наши друзья социалисты не видят в своих абстрактных теориях коллективного общества, где жесткий распорядок заменит чувство, а материальные интересы задушат человеческие страсти». Фу, даже дыхания не хватило на эту филиппику! «Нет, это им не удастся, джентльмены! Никогда! *(Ударяет кулаком по столу и сердито обводит взглядом воображаемую аудиторию.)* Я вижу, что в этом мы единодушны, лорды и джентльмены». Эту мысль развовью еще минут десять. Вот так. Пойдет. *(Садится, звонит и залпом выпивает молоко прямо из молочника.)*

Хилда *(появляясь из главной двери)*. Разве вы обещали утром принять делегацию с Острова Кошек? У меня это не записано.

Сэр Артур. Ах, черт, кажется, да. Совсем забыл.

Хилда. Они пришли.

Сэр Артур. Вот некстати!

Хилда. Очень некстати. Но как мне их выпроводить? Что им сказать?

Сэр Артур *(уныло)*. Придется принять. Ну почему я вечно делаю такие глупости? Тащите их сюда. Но скажите, что я ужасно занят.

Она выходит, тихонько прикрыв за собой дверь. Он прячет под газетой кофейный поднос, пододвигает поближе бумаги и погружается в чтение.

Хилда *(распахивая дверь)*. Достопочтенный мэр Острова Кошек!

Не очень уверенно входит пожилой, приземистый мэр. За ним идут: простоватая, но очень эффектная и самоуверенная девица в дорогом костюме по самой последней парижской моде из магазина готового платья; могучий, громогласный молодой человек, только что окончивший курс в Оксфорде, который борется с буржуазными предрассудками с помощью рабочих штанов, пуловера и черной бороды; худой, заморенный молодой человек из мелких мещан в мантии члена городского совета, явно

высокого о себе мнения; веселый уютный старичок в праздничном костюме, он выглядит как рабочий сидячего труда (вроде сторожа) или миссионер из простонародья. Вызывающе скромен, сияет обезоруживающей улыбкой и входит последним, словно сопровождая делегацию, а не являясь ее членом. Все они выстраиваются у двери за спиной мэра, на груди которого красуется положенная ему по должности цепь.

Сэр Артур *(отрываясь от важных государственных бумаг, идет навстречу мэру с чарующей улыбкой)*. Кого я вижу? Мой старый друг Том Хемфри! Как вы поживали все эти годы? Садитесь. *(Пожимает руки.)*

Хилда ловко подставляет визитеру стул возле самой двери. Мэр садится, несколько ошеломленный сердечностью приема.

Ну и ну! Подумать, что вы теперь мэр... этого...

Хилда *(подсказывает)*. Острова Кошек.

Молодая девица *(оживленно приходя ей на помощь)*. Вниз по Темзе, сэр Артур. Всего двадцать минут отсюда на метро.

Юноша из Оксфорда *(не в тон)*. Да он знает это не хуже тебя, Алоизия! *(Нахально подходит к сэру Артуру, который уклоняется от этой близости, высокомерно отступив шага на два.)* Кончайте разводить политесы, Чевендер.

Сэр Артур. Что?

Юноша. Амба! Будто не кумекаете по-французски так же, как я.

Сэр Артур. А-а, faux bonhomme[1], понимаю. *(Оглядывая его с головы до ног.)* Вижу по вашему костюму, что вы представляете высшие классы общества Острова Кошек.

Юноша. На Острове Кошек, слава богу, нет высших классов.

Сэр Артур. В таком случае, чтобы не разводить, как вы изволили выразиться, политесы – какого черта вам здесь надо?

Юноша. Давайте не переходить на личности. Кем бы случайно я ни родился и каким бы положением меня ни наделили кастовые предрассудки, я здесь как делегат местного совета, избранный представитель рабочего пролетариата.

Сэр Артур *(внезапно пододвигая ему стул, властно)*. Садитесь. И не сломайте стул.

[1] Псевдопростолюдин *(франц.)*.

Юноша, скорчив гримасу, валится на стул, как подрубленное дерево.

Очень рад всех вас видеть. Том, может, вы представите мне своих молодых друзей?

Мэр. Член совета Алоизия Броликинс.

Сэр Артур *(горячо тряся ее руку)*. Как поживаете, мисс Броликинс? *(Пододвигает ей стул справа от юноши из Оксфорда.)*

Алоизия. Хорошо, благодарю вас. Рада с вами познакомиться, сэр Артур.

Мэр. Советник Бли.

Сэр Артур *(уважительно пожимает ему руку)*. О, мы давно о вас наслышаны, мистер Бли. Не присядете ли сюда? *(Указывает на председательское место слева от юноши.)*

Бли. Благодарствую. Делаю все, что в моих силах.

Мэр. Виконт Баркинг.

Сэр Артур *(с торжеством)*. Ага! Так и знал! Красный?

Юноша. Как кровь. Такая же кровь, что и у народа.

Сэр Артур. Но она же у вас голубая. Баркинги пришли сюда вместе с норманнами.

Юноша *(вскакивая)*. Эй вы, послушайте! Безработные подыхают с голоду. Сейчас не время для этих шуточек.

Сэр Артур. Маскировка, милый, маскировка. Разве я могу принимать всерьез этот маскарад?

Юноша *(сердито)*. Я буду носить то, что мне нравится.

Алоизия. Заткнись, Пижон. Ты же обещал прилично себя вести. Садись, и давайте к делу.

Баркинг, недовольно хмыкнув, садится.

Сэр Артур *(с сомнением поглядывая на все еще стоящего старичка)*. А этот джентльмен — тоже член делегации?

Мэр. Мистер Хипни. Старый, испытанный друг рабочего класса.

Хипни *(бесшумно скользнув на стул секретаря за бюро)*. Не обращайте на меня внимания, сэр Артур. Я человек маленький.

Сэр Артур. Во время кризиса, который мы переживаем, заслуживает внимания любой человек, которому дороги интересы общества. Счастлив с вами познакомиться. *(Садится на свое место и обводит всех взглядом.)* Чем я могу быть вам полезен, мисс Броликинс? Джентльмены?

Мэр *(медленно)*. В том-то и загвоздка, сэр Артур, что, по-моему, ничем. Но попытаться надо.

Сэр Артур *(нахмурившись)*. Разрешите осведомиться, почему? Разве не все возможное было сделано?

Мэр. Да ведь... безработные-то, они без работы, верно?

Сэр Артур. Мы заботимся о безработных. Это заставило нас пойти на тяжелые жертвы, но мы понесли их не ропща...

Баркинг *(с иронией)*. Жертвы! Какие? Вы голодаете? Отнесли в ломбард пальто? Ютитесь по десять человек в одной комнате?

Сэр Артур. Их сиятельство осведомилось...

Баркинг *(в ярости)*. Бросьте это «сиятельство», вы что, дразните меня? Валяйте. А вот мне противно смотреть, как вы купаетесь в роскоши, зная, что страдает беднота!

Сэр Артур. Я не купаюсь, Пижон,— так, кажется, вас зовет мисс Броликинс?

Баркинг. Ничего, я знаю, как вас тряхнуть и заставить двигаться!

Сэр Артур. Да ну? Интересно, как?

Баркинг. Расколотим к чертовой матери все ваши стекла.

Мэр. Тише! Тише!

Алоизия. Послушай! Ты обещал не выражаться, как принято там у вас, в высшем обществе. Тебе же сказано, что мы этого не любим.

Сэр Артур. Правильно, мисс Броликинс, поставьте его на место. Он позорит свой класс. Как скромный представитель этого класса, я приношу за него извинения Острову Кошек. Я приношу извинения за его костюм, за его манеры, за его лексикон. Представляю себе, как он вас шокирует, стоит ему только раскрыть рот!

Бли. Мы, рабочие, сызмальства наслушались ругани и насмотрелись невоспитанности, нас они не забавляют. Да и пользы от этого никакой.

Мэр. Правильно.

Алоизия. Нам дурное воспитание надоело, как Пижону — хорошее. Мы привели его с собой, потому что знали, как он будет с вами разговаривать. Ни один портовый грузчик себе этого не позволит. А он ведь прав. Груб, но прав.

Баркинг. Ваш верный раб, Бролли. А что на это скажете вы, ваше превосходительство?

Сэр Артур *(нацеливаясь на оппонента в лучших традициях палаты общин)*. Я выскажу его сиятельству свое мнение. Он может привести своих друзей безработных и перебить все стекла в Вест-Энде, начиная с этого дома. Но что он

от этого выиграет? На другой же день его дружки будут сидеть в тюрьме с разбитыми головами. Кое-кто из невежественных и пугливых граждан еще имеют лишние деньги и пошлют их в фонды помощи потерпевшим, воображая, будто этим обезопасят свое имущество. Вам же, леди и джентльмены, придется раскошелиться, чтобы поддержать жен и детей арестованных и заплатить маленьким адвокатам за безнадежную защиту в суде. И тогда, по-видимому, наш сиятельный лорд будет хвастать, что вынудил меня хоть что-то сделать. А что я могу сделать? Думаете, меня меньше огорчают страдания безработных, чем вас? Думаете, если бы я мог, я не улучшил бы экономику страны и завтра же не прекратил безработицу? Но я так же, как и вы, игрушка спроса и предложения, над которыми человек не властен. Все, что может сделать смертный, мое правительство сделало. Мы спасли людей от голода, мы чуть не подорвали национальный бюджет, увеличив пособия по безработице. Мы...

Баркинг. Снизили его до пятнадцати шиллингов в неделю и лишили его всех, кого могли, при помощи ваших чертовых обследований имущественного положения.

Сэр Артур *(в бешенстве)*. А что вы предлагаете? Садитесь на мое место и поднимите пособие до пяти фунтов в неделю, не глядя на имущественное положение!

Мэр. Тише! Тише! Зачем мы здесь? Мы пришли потому, что нам осточертело болтать и препираться, мы хотим хоть какого-то дела. А вместо этого опять болтаем и препираемся. Если вы, сэр Артур, уверяете, что не можете обеспечить работой наших людей, мы только зря теряем время и отнимаем его у вас. *(Встает.)*

Остальные, за исключением Хипни, следуют его примеру. Сэр Артур не скрывает своего удовольствия.

Сэр Артур. Надеюсь, мэр, я, по крайней мере, убедил вас не бить стекла.

Мэр. В этом нас не надо было убеждать. Если вы, джентльмены, не можете помочь нам в беде, тут одним битьем стекол не отделаешься. Кое-кто скажет, что повысить средства на пособие для безработных хотя бы на несколько тысяч фунтов тоже не помешало бы. Однако среди безработных есть и стекольщики...

Сэр Артур. Давайте закончим нашу короткую беседу на более оптимистической ноте. Могу вас заверить, что для

меня она была крайне интересной, и утешить вас тем, что некоторые признаки подъема торговли уже дают себя знать. Эксперты считают, что кризис в этом году пойдет на убыль. Они даже думают, что наша экономика начинает крепнуть. По последним данным экспорт репчатого лука снова достиг уровня тысяча девятьсот тринадцатого года.

Баркинг. Боже святый! Репчатый лук! Пошли, Бролли! *(Уходит.)*

Мэр. Нам это не поможет. У нас на Острове репчатый не растет. *(Разводит руками.)* Прощайте. *(Уходит.)*

Сэр Артур *(пуская в ход обаяние)*. А вы, мисс Броликинс, тоже думаете, что вам это не поможет?

Алоизия. Я думаю то же, что они. А вот вы, по-моему, ни о чем не думаете. *(Уходит в сопровождении Бли.)*

Бли *(у двери)*. Мэр не прав. Кое в чем нам это помогло.

Сэр Артур *(оживляясь)*. Да ну? В чем именно?

Бли *(с нескрываемым презрением)*. Мы теперь знаем вам цену. *(Уходит.)*

Уязвленный премьер-министр сердито садится и замечает, что старик Хипни не тронулся с места за столом секретарши.

Сэр Артур. Делегация удалилась, мистер Хипни.

Хипни *(подходя к нему, удобно усаживается рядом и с обезоруживающим видом приступает к делу)*. Ага. Теперь можно и поговорить. Я ведь уже полсотни лет играю в эту игру.

Сэр Артур *(невольно заинтересовавшись)*. В какую игру? В делегации?

Хипни. В делегации безработных. Это у меня двенадцатая.

Сэр Артур. Неужели? Но ведь кризисы наступают не чаще чем раз в десять лет!

Хипни. Может, то, что вы зовете кризисом, и не чаще. А безработица-то ведь постоянная.

Сэр Артур. Но она снижается! Экономическая жизнь идет на подъем.

Хипни. Это раньше бывало. Когда Англия была мастерской мира. А вы, джентльмены, забросили мастерскую, чтобы затеять войну. И покуда мы воевали, нашим заказчикам пришлось обучиться самим мастерить то, в чем они нуждаются. А теперь нам придется все заказывать у них. Когда у нас будут на это деньги.

Сэр Артур. В какой-то мере вы правы, однако есть еще

огромные окраины человечества, где ощущается потребность в английских товарах.

Хипни. Ну, для тех-то все товары равны, лишь бы подешевле. Говорят, итальянцы приспосабливают свои вулканы для дешевой энергии. А вот мы, кажется, ничего приспособить не можем. На востоке полно вулканов, для них там извержения не страшнее, чем для вас безработица. Китайский кули может жить на одно пенни в день. Разве мы можем состязаться с рабочей силой за пенни в день и почти бесплатной энергией из пылающих недр земли?

Сэр Артур. Увы, тут вы правы. Нашим рабочим придется пойти на жертвы.

Хипни. Они пойдут, если вы их заставите, сэр Артур. Но в жертву они сперва принесут вас.

Сэр Артур. Помилуйте, вы же человек разумный, бывалый. Что это им даст?

Хипни. Ровно ничего. Но это их не остановит. Взгляните на себя. На ваши конференции. И прения. Что это дает? Но вас же это не останавливает? Чувство беспомощности вас даже греет. Так вот, сэр, если говорить о беспомощности, то на всей божьей земле нет никого беспомощнее нашего английского рабочего. Его таким сделали наши машины, если никто не дает ему работы и не желает за нее платить. Но даже когда он работу эту получает, что он в ней смыслит? Ровно ничего. Откуда берется материал, к которому он прикладывает руку? Не знает. Что будет с тем, к чему он и ему подобные прилагали руку, когда продукт выйдет с завода? Не знает. Где он сможет этот продукт купить, если его перестанут давать? Не знает. Где его можно продать, если его ему отдадут? Не знает. Не знает ровно ничего о том деле, от которого зависит его жизнь. Выгони на улицу кота, он прокормится сам. Выгони на улицу английского рабочего, и он помрет с голоду. Вам надо от него откупиться хотя бы маленьким пособием, чтобы он не говорил: «Что ж, если уж мне помирать, пусть я хотя бы сперва потешусь, глядя, как ты помрешь первый!»

Сэр Артур. Но... простите покорно, я снова вас спрашиваю: что им это даст?

Хипни. А что им дает игра на бегах? А что им дает пьянство? А что им дает хождение на митинги? Или в церковь? Ни черта. Но они же все равно это делают.

Сэр Артур. Вы должны признать, мистер Хипни, что это со-

вершенно неправильно. Это противоречит нашим традициям, нашему национальному характеру!

Хипни. Что же, сэр Артур, вроде это и неправильно, но ведь вы и вам подобные взялись это исправить. Я кто? Маленький человек, можно сказать никто.

Сэр Артур. Я ни за что не брался, мистер Хипни. Я избрал парламентскую карьеру и нахожу ее очень тяжкой, просто убийственной! Я только что обещал жене показаться врачу по поводу мозгового переутомления. Но я отнюдь не брался установить рай на земле!

Хипни *(примирительно)*. Ну, конечно. Вас это мучит, нервирует, надрывает душу, и все без толку, а вы все равно это делаете. Меня самого не раз уговаривали стать депутатом парламента. И я бы прошел. Выставьте старика Хипни от Острова Кошек, и никто не имел бы шанса пройти. Но дудки! Я слишком много про это дело знаю. Тут бы мне был конец, как и всем лейбористам, которые туда пошли. Правительство полно лейбористов, начинавших пламенными борцами за социализм, а чем это кончилось? Бегают в королевский дворец не хуже потомственных лордов.

Сэр Артур. Нет, вам надо в парламент! В вас пропадает первоклассный полемист.

Хипни. Тю! Да такой опытный уличный оратор, как я, заговорит вас, депутатов, до полусмерти. Заложив пальцы в жилетные карманы, вы чуть не час молчите после каждой фразы, придумывая, что бы сказать дальше. И зовете это прениями? Если бы я позволил себе такое на Острове, ни единая душа не стала бы меня слушать. Понимаю, вы хотели сказать мне приятное, говоря, что из меня вышел бы хороший полемист, благодарствую. Но люди больше не ждут от парламента речей. Теперь не те времена, что при старике Гладстоне.

Сэр Артур. Парламент стал тем, чем его сделал английский народ. На счастье или на горе, мы посвятили себя демократии. Я здесь сижу потому, что меня послал сюда народ.

Хипни. Именно. Вот так он воспользовался избирательным правом. Все его надежды были на вас, а ваши — на репчатый лук. Ну и жизнь, а, сэр Артур?

Сэр Артур. Мы должны воспитать наших избирателей. Образование поможет им лучше во всем разобраться.

Хипни. Не надо себя обманывать, вам не научить людей тому, чего они не хотят знать. Старый доктор Маркс, его

теперь зовут Карл Маркс,— мой отец хорошо его знал — думал, что стоит ему объяснить европейским рабочим, что такое капитализм, как они тут же объединятся и его свергнут. Через пятьдесят лет после того, как он создал свой Интернационал, рабочий класс Европы поднялся и стал стрелять друг в друга, взрывать друг друга бомбами, обрек миллионы своих детей на голодную смерть, на воровство и нищенство, как будто доктора Маркса и на свете не было. И завтра может повториться то же самое. Зачем вы их надоумили? Они ведь хотели только одного: иметь работу, пищу, удобства,— такие, какие им требуются. Если бы вы им это дали, у вас не было бы всех ваших неприятностей. Но вы не смогли, а теперь пеняйте на себя.

Сэр Артур. Но правительство за это не отвечает! Правительство не может заставить коммерсантов покупать товары, которые они не могут продать. Или заставить промышленников производить то, что у них не купят торговцы. Спрос определяет предложение.

Хипни. Да ведь спрос у нас огромный, если вам нужен только спрос.

Сэр Артур. Укажите мне, где, мистер Хипни?

Хипни. В животах наших детей, сэр Артур. И в наших собственных.

Сэр Артур. Это не производительный спрос. Мне жаль... что сейчас мне некогда объяснять вам железные законы политэкономии...

Хипни *(доверительно его прерывает)*. Бесполезно, сэр Артур. С этими игрушками покончено. Тем, чему вас учили в университете и что дало вам такую уверенность в себе, нас не проймешь.

Сэр Артур *(с улыбкой)*. Не проймешь законами природы и экономической наукой? Ну тогда уж скажите, что и зимними холодами вас не проймешь!

Хипни. Видите, вы не читали Карла Маркса.

Сэр Артур. Когда директор обсерватории говорит мне, что сейчас двенадцать часов по Гринвичу, я его не спрашиваю, читал ли он ерунду, сочиненную человеком, который все еще верит, что земля плоская. У меня есть дела поважнее, чем чтение бредовых вымыслов недоучки из немецких коммунистов. Мне очень жаль, что вы тратите время на такую чушь.

Хипни. Будто я стал бы читать Маркса! Помилуйте, сэр Артур, я же вроде вас — болтаю о старом докторе, а сам не

прочел из него ни строчки. Но я знаю, что этот человек сделал с теми, кто его читал.

Сэр Артур. Вскружил им головы, а?

Хипни. Вот именно. Закружил им головы. Так закружил, что они повернулись к вам затылком. Уж не знаю, верно или неверно то, что говорит Маркс, потому что вообще не знаю, что он говорит, но те, кто его читали, уверены, что превзошли всю политэкономию насквозь, и теперь смотрят на все, чему вас обучали, как на старомодную чепуху. Возьмите, к примеру, Алоизию Броликинс. Отец ее плел корзины. А она набита Марксом по уши. А что касается высших баллов, стипендий, аттестатов, золотых медалей и прочее, она их нахватала столько, что вашей семье хватило бы на два поколения. Она умеет получать их даже во сне. А Бли? Его отец был бондарем. А он прослушал курс в колледже Раскина. Вы его только подначьте — он как начнет выдавать Маркса и доказывать историческим материализмом, что капитализм непременно разовьется в коммунизм и что те, кто этого не знает, малограмотные ничтожества или полуграмотное дурачье с дипломом. Тут вы сразу поймете, что ваше университетское чванство напоролось на марксистское упорство, а такая убежденность вам и не снилась, так же как и презрение к людям, такой убежденностью не обладающим. Не верите мне — поглядите на Европу. Вот эта самоуверенность и подстегнула русских на коммунистический переворот в тысяча девятьсот семнадцатом году.

Сэр Артур. Придется почитать Маркса. Я-то думал, что имею дело с эмоциональным бунтом против безработицы. И не подозревал, что тут есть научные притязания.

Хипни. Да помилуй вас бог, сэр Артур, рабочее движение насквозь прогнило от книжности, а ваш брат, как видно, совсем ничего не читает! Когда же это заместитель министра после трудового дня полночи просиживал за книжкой Карла Маркса или кого-нибудь в этом роде? Дудки! Вы плюете на ваше образование. А вот наша молодежь этим образованием вытаскивает себя за уши со дна. Поэтому охотиться вы умеете, и ездить верхом, и в гольф играть, кое-кто из вас умеет и зубы заговаривать, но по начитанности Алоизия и Бли дадут вам утереться за милую душу!

Сэр Артур. Мне как-то трудно поверить, чтобы мэр не спал ночей, изучая Маркса...

Хипни. А он и не думал его изучать. Но ему приходится де-

лать вид, как и вашему брату, будто он понимает, что такое золотой стандарт.

Сэр Артур *(с простодушной улыбкой)*. Тут вы меня поймали. Я ни уха ни рыла в этом не смыслю и даже вида не делаю.

Хипни. Мэра-то вы хорошо знаете, сэр Артур? Вы же величали его своим старым другом? Томом.

Сэр Артур. Он как-то раз председательствовал на одном предвыборном собрании. И у него искусственный зуб, будто из цинка. Поэтому я его и запомнил. *(Поднимаясь и любезно протягивая руку в знак того, что аудиенция окончена.)* Ничего не поделаешь, такие уж мы жулики, эти премьер-министры... Сами знаете, верно?

Хипни. Дитя вы еще, сэр Артур, разве вы знаете, что такое настоящий жулик? Погодите, вот когда вы станете лидером лейбористов... *(Подмигивая, направляется к двери.)*

Сэр Артур. Ха-ха-ха! До свидания, мистер Хипни, до свидания! Спасибо, что уделили мне столько времени!

Хипни. На здоровье, сэр Артур. *(Уходит.)*

Сэр Артур звонком вызывает Хилду. Посмотрев на часы, свистит, пораженный тем, как уже поздно. Хилда поспешно входит.

Сэр Артур. Знаете, как поздно? Работать! Работать! Работать! Начали.

Хилда. Боюсь, что вы уже ничего не успеете, пора ехать на обед к архиепископу. Все утро отняли эти типы с Острова Кошек.

Сэр Артур. Но у меня гора недоделанной работы! И вот уже три недели я никак не могу до нее добраться! А гора растет и растет! И если я с ней не разделаюсь, она на меня обрушится.

Хилда. Я же говорю, сэр Артур: если вы каждому будете уделять полчаса, вместо того, чтобы дать мне его спровадить в две минуты... Да разве вы только три недели ничего не делали? Вы ничего не делаете с начала парламентской сессии. Мне неприятно вам это говорить, но право же, когда эти типы с Острова Кошек с божьей помощью вас от себя избавили, надо же было вам позволить этому смешному старику болтать еще битый час... *(Сердито усаживается.)*

Сэр Артур. Чепуха, он сидел минуты две, не больше, и я многое из него выудил. Где сегодняшняя почта?

Хилда. Я ее разобрала, не беспокойтесь. Два или три важных письма отложила, ответите, когда у вас будет время.

Через замаскированную дверь снова врываются Флавия и Дэвид, еще более возбужденные, чем раньше. Подбегают к отцу с двух сторон.

Флавия. Папа, мы ходили на митинг безработных с Алоизией и Тоффи!

Дэвид. Это так интересно!

Флавия. Мы даже видели, как их разгоняет полиция! Дэвида арестовали.

Сэр Артур. То есть как? Вы ходили с этими...

Флавия. Да, и привели их обедать.

Сэр Артур. Обедать?!!

Дэвид. Ну да. Алоизия – замечательная девушка!

Сэр Артур *(решительно)*. Девица еще туда-сюда, но если этот щенок собирается здесь обедать, пусть сначала прилично оденется!

Дэвид. Он пошел бриться и переодеваться – совсем втюрился в Флавию.

Сэр Артур. За что, господи, я наказан такими детьми? А ну-ка, расскажите немедленно... что вы там натворили?

Дэвид. Полиция вызвала канцлера казначейства, чтобы он произнес речь и утихомирил безработных. Он начал свою речь так: «Господа, имейте терпение! Обещаю, мы скоро оживим нашу промышленность и спасем нашу любимую родину: ждите повышения цен!» Толпа взвыла и кинулась на него. Тогда полицейские вытащили дубинки и кинулись на толпу.

Флавия. Дэви не мог видеть, как они колотят людей. Он заорал: «Не смейте!» Тогда чин схватил его за шиворот.

Сэр Артур. И правильно сделал. Какое безумие! *(Дэвиду.)* А как же ты очутился здесь, если тебя арестовали? Кто дал за тебя залог?

Дэвид. Я спросил инспектора, знает ли он, черт возьми, с кем разговаривает? Флавия вмешалась и сказала, кто мы такие, и старый Бешен по-отечески нас пожурил, а потом отправил домой. Здесь, говорит, вам не место. У меня и правда поджилки тряслись... Мы забрали Алоизию и Пижона и смылись.

Сэр Артур. У меня сильное желание строго наказать полицейского за то, что он тебя отпустил. Три месяца за решеткой тебя бы научили уму-разуму. Ступайте в гостиную и займите своих новых друзей. Вы же знаете, что

сюда нельзя входить, когда я работаю. *(Садится на свое место.)*

Флавия. Но мама нарочно нас посылает не давать тебе работать, когда ты устал.

Дэвид. Говорит, что мы только на это и годимся.

Сэр Артур. У премьер-министра не должно быть детей! Убирайтесь, не то я вызову дворецкого, чтобы он вас выкинул.

Флавия. Хилда, мама говорит, что вы сегодня обедаете у нас, нужна еще одна дама.

Хилда. Ах ты боже мой! *(Вставая.)* Извините, сэр Артур, тогда мне надо позвонить знакомым, которые собирались со мной пообедать в «Тележке с яблоками». И переодеться.

Флавия *(сварливо)*. Ну стоит ли наряжаться ради Броликинс?

Дэвид. Ты Алоизию не трогай! Хочешь, чтобы Хилда нарядилась ради Баркинга?

Сэр Артур *(в ярости)*. Убирайтесь вы все! Ну!

Они поспешно скрываются в потайную дверь.

(Оставшись один, устало роняет голову на стол.) Наконец-то хоть минута покоя. *(Слово пробуждает в нем оратора.)* Покой?.. Покой?.. *(Повторяет несколько раз с разным выражением.)* Покой. *(Найдя интонацию.)* Да, владыко, лорды и джентльмены, мои духовные друзья! Нам нужен покой. Мы, англичане, все еще те, кого прославленный Ланкастер описывал, как «счастливую породу людей». Мы прежде и превыше всего – народ семейственный. При случае мы можем быть грозными воинами, в мирные дни нас отличают мудрость и умеренность. Но здесь, в этой духовной обители, под стягом Князя мира, мы знаем, что сердце Англии – это дом. Не поле брани, а место у очага, да, владыко, да, лорды и джентльмены, семейный очаг. *(Вздрагивает, когда его взгляд, которым он окидывал воображаемых слушателей, вдруг падает на женщину в серой одежде, которая грустно, с жалостью на него смотрит. Она бесшумно проскользнула в комнату через потайную дверь.)* Пф-ф-ф!.. Это еще кто? Кто вы? Ах, извините. Вы меня пере... Фу! *(Опускается на стул.)* Я не заметил, что в комнате кто-то есть...

Дама не двигается и молчит. Она смотрит на него со все более глубокой жалостью.

(Протирает глаза, передергивается.) Простите, вы не привидение?

Дама. Нет.

Сэр Артур. Тогда сделайте что-нибудь человеческое. Ну, хотя бы сядьте!

Дама *(садясь, как ему показалось, тоже не по-людски на стул Бешена.)* Спасибо.

Сэр Артур. Разрешите спросить, кто вы?

Дама. Вестник.

Сэр Артур. Зачем так загадочно? У меня и так нервы не в порядке. Я не видел, как вы вошли. Вдруг появились, как вестник смерти. А теперь и сами говорите, что вы вестник.

Дама. Да, вестник смерти.

Сэр Артур. Так я и думал. *(С внезапным испугом.)* Надеюсь, моей смерти? Не жены и не детей?

Дама *(с доброй улыбкой)*. Нет. Вашей смерти.

Сэр Артур *(с облегчением)*. Слава богу!

Дама. Вы умрете.

Сэр Артур. Все мы умрем. Весь вопрос, как скоро?

Дама. Очень скоро. Вы уже наполовину покойник. И давно уже умираете.

Сэр Артур. Да, я переутомлен, жгу свечу с обоих концов, убиваю себя. Что поделаешь? Я составил завещание. Жена будет обеспечена, а дети получат не больше того, что им будет полезно.

Дама. Вы примирились?

Сэр Артур. Нет, но что поделаешь?

Дама. Может, я смогу вам помочь. Я ведь не только вестник, но и целитель.

Сэр Артур. Кто?

Дама. Целитель. Тот, кто исцеляет больных. Может отсрочить кончину, пока ей не придет положенный час.

Сэр Артур. Ну, меня исцелить вы не сможете. Я попал в колесо безжалостной политической машины. Вы ее не остановите. Она меня размелет, как прежде размалывала многих других.

Дама. Мое дело — жизнь и смерть, а не политическая машинерия.

Сэр Артур. Тогда, боюсь, вы мне ничем не поможете. Не сочтите меня невежливым, но я снова займусь работой.

Дама. Прикажете исчезнуть?

Сэр Артур. Зачем же, если вам нечего делать? Вы же приврак, дитя вечности, какие-нибудь десять минут для вас

ничего не стоят! А на меня вы почему-то действуете у
покаивающе. Посидите, почитайте «Таймс».

Дама. Я никогда не читаю газет. Я читаю в душах. Я посиж
и почитаю в вашей душе. Вас это не будет стеснять

Сэр Артур. Милый призрак, общественные деятели привы
кли к тому, что на них глазеют, у них пропала всякая за
стенчивость. Вы меня ничуть не смутите. Наоборот, есл
время от времени вы мне поаплодируете, я смогу выде
лить в моей речи наиболее эффектные места.

Дама. Ладно, я обожду.

Сэр Артур. Спасибо. Ну, на чем же вы меня прервали? *(Бе
рет бумажку с конспектом.)* Ах, да. Покой. Мир. *(С
трудом разбирая слово.)* Добить... добыть... Ага, доби
ваться! Отличное слово. «Друзья мои, духовные и свет
ские, мы должны добиваться мира. Да, добиваться его
Мира. Разоружения». Пацифисты несомненно устроят
овацию. «Джентльмены! Кто сказал, что нам нужны сто
эсминцев? Христианское братство – более надежная за
щита, чем тысяча эсминцев». Ручаюсь, что правительство
будет вполне удовлетворено... Ладно, мой секретарь
вставит цифру кораблей, которые имеются у японцев.
Кстати, вам не кажется, что эсминцы уже устарели? Ке
нуорти уверяет, что да, а он служил во флоте. Представ
ляете, как мы выиграем в Женеве, если заявим, что сни
маем с вооружения все наши эсминцы? За этот счет
можно будет увеличить число самолетов и подводных
лодок. Мне бы хотелось знать мнение объективного
призрака.

Дама. Слушая вас, кажется, что это вы призрак, который
готовит речь для других призраков – далекого, далекого
прошлого. Мне странно вас слушать, потому что я при-
зрак будущего.

Сэр Артур. Забавная идея! Хотя если есть призраки про-
шлого, должны быть и призраки будущего!

Дама. Да те, кто опережает свое время. Только они и пове-
дут настоящее к будущему. А призраки прошлого от-
стают от своего времени и тянут его назад.

Сэр Артур. Какое точное определение консерватора. Хоро-
шо, что я либерал.

Дама. То есть вы произносите речи насчет свободы и про-
гресса, а не насчет короля и отечества?

Сэр Артур. Конечно, я произношу речи, я же политик. А вы
не любите речей?

Дама. В день Страшного суда те, кто произносит речи, вста-

нут рядом с совратителями, торговцами опиумом и растлителями малолетних, с теми, кто спаивает людей и грабит их.

Сэр Артур. Какая чепуха! Наши проповеди и речи стяжали славу нашей литературе, это вдохновенный глас нашей веры, нашей любви к родине и, конечно... нашей политической жизни.

Дама. Проповеди и речи — никакая не вера, не патриотизм и даже не политика, это невнятное бормотание призраков прошлого. Вы — призрак давным-давно мертвого прошлого. Почему ж вы не умираете и телесно? Разве призраку подобает разгуливать в телесной оболочке?

Сэр Артур. Ну, знаете, вы уже переходите в чересчур интимную область. Я не могу работать, когда меня пугают моими похоронами! Исчезните, прошу вас! Пш-ш-ик!

Дама. Не могу. *(Весело, меняя тон.)* Давайте бросим игру в призраки и поговорим, как люди из плоти и крови, ладно?

Сэр Артур *(оживляясь)*. Давайте. *(Встает и подходит к ней.)* Какую чепуху мы несли! Вы меня чуть не загипнотизировали. Где ваша рука? Я хочу почувствовать, что вы из плоти и крови. *(Протягивает ей руку.)*

Она берет обе его руки в свои и крепко их держит, глядя ему прямо в глаза.

(С долгим вздохом облегчения.) А-а-а... Не знаю, вижу ли я вас воочию, но приятно... Возбуждает... Успокаивает... А теперь, моя милая дама, скажите, кто же вы такая, черт побери!

Дама. Врач вашей жены. Разве она вам не говорила, что я приду?

Сэр Артур. Да, да, конечно, какая глупость... Но буду с вами откровенен. Я в докторов не верю. Да и жена не очень-то в них верит, зато в знахарей — безгранично. А так как мне грозит нервное истощение, она насылает на меня, извините за намек, всяких шарлатанов...

Дама. На своих пациентов я не обижаюсь.

Сэр Артур. И я принимаю их всех, так же, как принял вас, чтобы ей угодить или, вернее, чтобы она меня не пилила. Все они повторяют одну и ту же истину, и ни от кого из них нет ни малейшего толка. Вы уж простите меня, я вам скажу напрямик — я не дам вам двадцать гиней, если вы хоть двадцать раз повторите мне все ту же ерунду!

Дама. Даже если я научу вас, как вылечиться? Двадцать ги-

ней — тоже лекарство. Такая сумма заставит вас отнестись к лечению серьезно.

Сэр Артур. Да я сам знаю, какое мне нужно лечение. Я премьер-министр Великобритании, то есть переутомленный, изнуренный заботами, загнанный человек, который недосыпает, недоедает и вынужден перенапрягать свой мозг решением вопросов уже не только своей, национальной, но и мировой политики. Короче говоря, я страдаю от мозгового переутомления.

Дама. А какое тут нужно лечение?

Сэр Артур. Недельки две поиграть в гольф. Знаю все наизусть. Поэтому бросим этот разговор и расстанемся друзьями. Вы же сами видите — я чудовищно занят.

Дама. Я ставлю другой диагноз. Но раз так *(поднимаясь)* — прощайте.

Сэр Артур *(с тревогой)*. Другой? Вы думаете, что я еще чем-то болен?

Дама. Не еще чем-то, а чем-то совсем другим.

Сэр Артур. Прошу вас, садитесь, я могу уделить вам еще две минуты. Что со мной?

Дама *(садясь снова)*. Вы погибаете от острого недостатка умственной деятельности.

Сэр Артур *(не веря своим ушам)*. Что? Что вы сказали?

Дама. Вы страдаете широко распространенным в Англии недугом: атрофией мозга. Говоря попросту — тяжелой формой легкомыслия. Боюсь, что неизлечимой.

Сэр Артур. Легкомыслия? И это характерный порок англичан?

Дама. Да, всеобщий. Это черта национального характера.

Сэр Артур. Вы понимаете, что вы просто сумасшедшая?

Дама. Разве я, а не вы посадили Англию на мель?

Сэр Артур. Ладно, ладно, избавьте меня от политики. Что же вы хотите мне прописать?

Дама. Отдых в моем санатории в горах Уэльса. Раньше это был монастырь, но теперь там строже режим и куда гигиеничнее. Никаких писем, газет, никаких дам. Книги только после обеда, в качестве отдыха от мыслей.

Сэр Артур. Откуда же взять мысли — без книг?

Дама. Откуда же взять собственные мысли, если все время читаешь чужие?

Сэр Артур *(со стоном)*. Ох, не смешите меня. А как насчет гольфа?

Дама. Спорт существует для людей, которые не умеют ни читать, ни думать. Мужчины легкомысленно относятся

к своему делу и к политике, но очень серьезно относятся к спорту. Гольф позволяет им хотя бы в воскресенье собраться с мыслями. Через него они познают истинный порядок вещей. Нельзя сделать вид, что ты выиграл, если ты проиграл, или что ты сделал отличный удар, если промазал. Англичанин выгоднее всего выглядит на поле для гольфа и хуже всего — в кабинете министров. Но страна нуждается не в вашем теле, а в вашем разуме. И я самым серьезным образом вас предостерегаю: если вы не будете развивать свой ум, вы потеряете свою родину. Плохо упражняемый ум куда пагубнее для здоровья, чем нехватка физических упражнений для тела. Вы же знаете, как дрябнет тело от недостатка физической активности. Но дряхлеет и мозг от недостатка умственной активности, а если природа создала тебя мыслящим существом, последствия этого просто трагические. От вяло работающего мозга проистекают самые разные телесные недуги, ибо мозг формирует наш организм. Это мое открытие, так же как и всех настоящих целителей. Мне очень жаль, что вы не хотите, чтобы я хоть частично вернула вам здоровье. Всего доброго. *(Встает.)*

Сэр Артур. Уже уходите?

Дама. Вы же так заняты...

Сэр Артур. Ах, да... забыл. Я ужасно занят. И все же, если вы можете уделить мне еще минуту...

Дама. Пожалуйста. *(Садится.)*

Сэр Артур. Видите ли, ваш диагноз потому так смешон, что вся моя жизнь, в сущности, была чисто интеллектуальной, а мое воспитание — идеальной подготовкой к умственной деятельности. Первоклассное начальное образование: Харроу, Оксфорд, парламент. Заместитель министра. Член кабинета. И наконец — положение главы палаты общин в качестве премьер-министра. Интеллект, интеллект, только интеллект!

Дама. В Харроу вы, кажется, писали стихи по-латыни?

Сэр Артур. Естественно.

Дама. А теперь вы их ишете?

Сэр Артур. Конечно нет! Вы, я вижу, ничего не понимаете. Мы учимся писать стихи по-латыни не потому, что эти стихи чего-то стоят,— ведь это только навык складывать устарелые штампы,— а потому, что это прекрасная тренировка ума.

Дама. Разве все мальчики, сочинявшие в школе стихи, обладают прекрасно тренированным умом?

Сэр Артур. Все поголовно. Я это категорически утверждаю! Не хочу сказать, что все они гении, но, попав в самое лучшее общество, вы заметите, насколько их умственный уровень выше, чем у тех, кто не получил классического образования.

Дама. Вы хотите сказать, что, обсуждая с ними социальные вопросы, можно быть уверенным, что все они будут говорить одно и то же?

Сэр Артур. Конечно! Это же, понимаете ли, образованные люди.

Дама *(вставая)*. Понимаю. Право же, мне больше нечего вам сказать. *(Достает из сумочки визитную карточку и кладет на стол.)* Вот адрес моего санатория в Уэльсе.

Сэр Артур *(встает, огорченный тем, что не произвел должного впечатления)*. Но вы же не будете отрицать, что человек становится лучше, пройдя обработку нашей замечательной системы образования?

Дама. Если человек родился с безнадежно плохими зубами, по-моему, гуманнее вырвать их все и заменить хорошими протезами. Если бы кое-кому из ваших политических соратников не вставили искусственных политических воззрений, у них бы их не было вовсе. Но в этом случае они не вмешивались бы в политику, а от этого, по-моему, общество бы только выиграло. Могу я оставить для вас спальню и кабинет?

Сэр Артур. Ну нет! Я и не подумаю ехать в ваш санаторий!

Дама *(твердо)*. Поедете.

Сэр Артур. Вы невозможная женщина! И совсем не считаетесь с фактами. Я ленив, я бездельник, и я же умираю от переутомления. Где логика?

Дама. Самые ленивые и бездеятельные из моих пациентов болтают не покладая языка с утра до ночи о важных проблемах. В санаторий, сэр Артур, в санаторий! Я никогда не ошибаюсь в диагнозе. Я позвоню, чтобы выяснить, свободен ли первый апартамент с отдельной ванной и комнатой для размышлений.

Сэр Артур. Нет уж, вы меня не торопите. Слышите? Я не желаю, чтобы меня туда загоняли!

Она спокойно это выслушивает, и он продолжает гораздо менее уверенно.

Конечно, мне придется куда-нибудь поехать отдохнуть, и если вы действительно рекомендуете это место для поднятия тонуса...

Дама. Тонуса? Кому он нужен?

Сэр Артур. То есть как? Тонус, понимаете ли, надо поднимать...

Дама. Странно, почему это все бездельники вечно требуют, чтобы их подхлестывали? Как лошадей.

Сэр Артур. Бездельники? До чего же упорно вы стоите на своем! И какая же вы шарлатанка! Но не думайте, что вы купите меня вашей комнатой для размышлений и вашим высокомерием, я и сам иногда умею задирать нос. Глупо читать проповеди священнику. Но почему-то вы хорошо на меня действуете. Вы милая, добрая, вздорная, полуграмотная чудачка; однако при всем при этом у вас хватит чутья, чтобы завести интеллектуальный флирт с усталым мыслителем. Обещаете со мной поболтать, если я к вам поеду?

Дама. Я вам даже позволю серьезно разговаривать со мной. И ручаюсь, что не пройдет и недели, как вы начнете думать, прежде чем говорить. Ваш мертвый разум вернется к жизни. Я вас сделаю человеком. До свидания. *(Быстро выходит.)*

Сэр Артур *(кричит ей вслед.)* Ха-ха! Вы неисправимы! *(Берет ее карточку.)* Ах, совсем забыл спросить, сколько она берет за отдельный кабинет...

Хилда *(появляясь из своей рабочей комнаты)*. Что с вами, сэр Артур?

Сэр Артур. Я еду в санаторий. У меня атрофия мозга. Понятно? Вы когда-нибудь слыхали о санаториях для умственно вялых?

Хилда. Да, моя тетя была в очень хорошем приюте. Но он был для душевнобольных.

Сэр Артур. Тот приют, куда я еду,— для бездумных, безмозглых, умственно ленивых и легкомысленных. Да, да, слух вам не изменяет: для легкомысленных.

Хилда *(подходя к своему бюро)*. Что ж, вам с ними будет весело, вы с такими людьми хорошо уживаетесь. Положить в чемодан книги, которые вы обычно берете в отпуск? Детективы? Вордсворта?

Сэр Артур. Нет, найдите мне все, что было написано каким-то немецким евреем по имени Гарри Маркс.

Хилда. Вы имеете в виду Карла Маркса?

Сэр Артур. Вот-вот. Карл Маркс. Все, что он написал, этот Карл Маркс, переведенное на английский. И запакуйте для отправки в санаторий.

Хилда. Но есть гораздо более современные сочинения марк-

систов... Ленина, Троцкого, Сталина и других в этом роде.

Сэр Артур. Давайте всех. Ничего, я еще покажу этой муниципальной деятельнице Алоизии Броликинс, как задирать нос. Я покажу ей и всей этой шушере, недоделанным, полуграмотным нищим интеллигентам, что человек, окончивший Оксфорд, может взять верх, дерясь их же дурацким оружием! Я им выверну этого их Карла Маркса наизнанку!

Слышен звон гонга.

Обед! Пошли, эта дама возбудила у меня аппетит! *(Энергично выходит в потайную дверь.)*

Хилда *(бежит за ним)*. Нет же, нет, сэр Артур! Вам надо к архиепископу! Вы забыли, что у вас сегодня обед у... *(Голос ее замирает вдали.)*

Та же обстановка. Время действия: 10 ноября, 9.30 утра. В камине горит яркий огонь, и на посетителях зимняя одежда. На коврике возле камина стоит Бешен, греет спину, читает «Дейли геральд».

Бешен *(пораженный тем, что прочел)*. Фью-ю! Ну и ну! *(Читая.)* Ах, будь я неладен!

Входит Хилда и докладывает о приходе вспыльчивого пожилого господина, по-видимому особы влиятельной, который идет за ней следом.

Хилда. Сэр Дэкстер Райтсайд.

Сэр Дэкстер. А, это вы, Бешен? Пришли его арестовать?

Бешен. А что вы думаете? Но он еще не встал. Мисс Хенуэйс, он подает признаки жизни?

Хилда *(очень встревоженно)*. Леди Чевендер не разрешает его беспокоить. Говорит, что его вчерашняя речь на банкете в ратуше очень его утомила. Все утро звонят и приходят люди, но она никого к нему не допускает и говорит, что если кто-нибудь будет шуметь и его разбудит, то он тотчас же будет уволен.

Сэр Дэкстер. Ерунда! Меня он должен принять. Неужели леди Чевендер думает, что премьер-министр может поставить вверх дном всю страну, даже не предупредив об этом своих коллег, а потом спокойно лечь спать, будто он устал от рыбалки?

Хилда *(в отчаянии)*. Но что я могу поделать?

Сэр Дэкстер. Бешен, пойдите и взломайте дверь его спальни!

Бешен. Не могу. Я полицейский. Мне нужен ордер. Ломайте сами.

Сэр Дэкстер. И взломаю, черт бы его побрал! Вы когда-нибудь представляли себе нечто подобное? *(Садится.)* Но я это предсказывал. Я предрекал. Когда мы составили это проклятое коалиционное правительство, которое они зовут правительством национального единства, премьер-министром должен был стать я. Я был лидером консерваторов. За мной было громадное большинство избирателей,— выборы показали, что мы можем

прекрасно обойтись без Чевендера. Но мне пришлось уступить ему место. Он обвел нас вокруг пальца. Изобразил дело так, будто без его старой либеральной гвардии и всего этого сброда лейбористов, социалистов, адвокатов и недопеченных газетчиков, молью траченных профсоюзных функционеров и всех прочих подонков из низов нашего общества — мы не обеспечим себе большинства. Нас спасет он своим бархатным голосом. Он же так популярен, так надежен. Я же непопулярный, твердолобый и не умею собой владеть. Я пожертвовал собой. Я уступил. Стал министром иностранных дел. Ну, и как вам теперь нравится ваш большевистский премьер? Ваш надежный политик? Кто был прав? Трусы и соглашатели или твердолобый старик?

Бешен. Поразительно! Я бы поклялся, что если в Англии есть человек, на которого можно положиться,— то есть он будет говорить, говорить, но ничего не скажет, бить кулаком по столу, но ничего не сделает,— то такой человек — Артур Чевендер. Что с ним произошло? Думаете, он там, в санатории, сошел с ума? А может, и раньше был сумасшедший, до того, как эта женщина его туда увезла?

Сэр Дэкстер. Сумасшедший? Ну, нет! Но вы все же займитесь этой дамой. За ней может быть рука Москвы. Их деньги.

Бешен. Артур продался за деньги? Ну, это уж чересчур.

Сэр Дэкстер. Дама продалась за деньги. Кто станет тратить деньги на покупку Артура? Он и даром скажет все что угодно, лишь бы иметь успех у слушателей! Чертов шут!

Бешен. Но в ратуше он не старался угодить своим слушателям. Они хотели, чтобы он, как всегда, полил их сиропом насчет закона и порядка в стране, особенно после нападения безработных на выставку у мэра, но, если верить «Дейли геральд», он выдал им вместо этого пламенную социалистическую речь.

Сэр Дэкстер *(нервно)*. Кстати, Бешен, надеюсь, безработные не совсем отбились от рук?

Бешен. Тихи как овечки. Читают газеты. Экстренные выпуски каждые полчаса. Снова как в тысяча девятьсот четырнадцатом году.

Слышен голос сэра Артура, распевающего гаммы. В дверь заглядывает Хилда.

Хилда. Слышите, поет. Наверно, уже встал.

Сэр Дэкстер. Поет? Нашел время для песен!

Хильда. Это гаммы. Он всегда их поет после ванны. *(Исчезает.)*

После громкой рулады потайная дверь распахивается и бодро входит сияющий Чевендер.

Сэр Артур. Привет, Дэкси! *(Протягивает руку.)*

Сэр Дэкстер *(ревет, как затравленный бык)*. Не смейте подавать мне руку! Не смейте называть меня Дэкси!

Сэр Артур. Господи, что это с вами? Встали с левой ноги? Извините, что заставил вас ждать, Бешен. Какая муха укусила министра иностранных дел на этот раз?

Сэр Дэкстер. На этот раз? Что значит на этот раз?

Сэр Артур. Да вы же не в первый раз появляетесь натощак, рыча от бешенства. В чем дело, Бешен?

Бешен. Послушайте! Если вчера на банкете вы были так пьяны, что не соображали, о чем говорите, нате прочтите газеты. *(Подает ему газету.)*

Сэр Артур *(держа за спиной руки поближе к огню)*. Я отлично помню все, что вчера говорил. И пил за столом только минеральную воду.

Бешен *(настойчиво)*. Но посмотрите сюда. *(Читает заголовок.)* Новая повестка зимней сессии парламента. Национализация земельной ренты. Национализация банков. Национализация угольной промышленности. Национализация транспорта.

Сэр Дэкстер *(со стоном)*. Национализация женщин. Почему вы молчите о ней? Почему о ней не говорите?

Бешен. О женщинах тут ничего не сказано. «Муниципализация городских земель и строительства и последующая отмена местных налогов».

Сэр Дэкстер. Богохульство!

Бешен. Нет, насчет церкви тоже ничего не сказано. «Отмена пошлин, а вместо этого введение полного запрета на частную внешнюю торговлю в ряде областей промышленности. Импорт целиком в руках государства, реализуемый по установленным государством ценам».

Сэр Дэкстер. Чушь! Непонятная, неслыханная чушь!

Бешен. «Принудительный общественный труд для всех граждан, вне зависимости от благосостояния». Как в военное время.

Сэр Дэкстер. Рабство! Называйте это настоящим именем. Рабство!

Бешен. «Восстановление сельского хозяйства. Коллективная обработка земли. Национализация производства химических удобрений. Азот из воздуха. Электроэнергия из морских приливов и отливов. Экономическая автономия Великобритании, которой отныне не страшна морская блокада».

Сэр Дэкстер. Безумие! Гибель внешней торговли.

Бешен. «Безжалостная ликвидация тунеядства».

Сэр Дэкстер. У нас же есть закон против социально опасных элементов. Чего вам еще?

Бешен. «Удвоенный налог на нетрудовые доходы».

Сэр Дэкстер. Валяйте! Сдерите с нас все, до последнего гроша! А когда вы и его у нас отберете, мы перестанем покупать что бы то ни было и выгоним на улицу слуг, где они найдут работу? Кто им будет платить жалованье? Что станет с верой, если опустеют церковные кружки? Даже спорту придет конец. Кто будет выводить скакунов, кормить своры охотничьих псов? Наши егеря пересядут на мотоциклы! Вот куда идет Англия!

Сэр Артур. И это все, о чем сообщают газеты?

Сэр Дэкстер. Ему еще мало!

Бешен. Позвольте!.. Все?! Разве этого недостаточно?

Сэр Артур. Но там ничего не сказано о нашем обещании снова повысить жалованье в армии, во флоте и в полиции.

Сэр Дэкстер. О нашем обещании? Кто это обещал?

Бешен *(с интересом)*. Как вы сказали? Вы намерены повысить жалованье моим людям до прежнего уровня?

Сэр Артур. Мы увеличим полицию на пять тысяч человек, будем платить им на десять процентов больше, чем раньше, и удвоим ваше жалованье.

Бешен. Ого! Это немножко меняет дело...

Сэр Дэкстер *(поднимаясь)*. Бешен, это же откровенный подкуп! Неужели вы такой болван, что поверите, будто свободный английский народ пойдет на такую чудовищную растрату общественных средств?

Бешен. Дайте мне еще пять тысяч полицейских, повысьте жалованье, и свободный английский народ не посмеет и пикнуть!

Сэр Дэкстер. Вы верите, что он сдержит все свои чудовищные обещания?..

Бешен. Конечно нет. Но последнее, может, и сдержит. Пусть повысит плату рядовым полицейским, удвоит мне жалованье – остальное меня не касается. Я ведь не политик, а полицейский.

Сэр Дэкстер. Вы бандит, продажная шкура и к тому же набитый дурак, вот вы кто! *(Падает на стул.)*

Бешен *(спокойно)*. Вы сегодня не в своей тарелке, сэр Дэкстер?

Тот не успевает ответить — входит Хилда и объявляет о приходе нового посетителя.

Хилда. Адмирал сэр Бимроз Хотспот. *(Уходит.)*

Сэр Бимроз — полоумный адмирал, но та половина его ума, которая не была отдана в жертву его профессии, способна на быстрые и вполне разумные суждения.

Сэр Бимроз *(в превосходном расположении духа)*. Доброе утро, Дэкси. Доброе утро, Бешен. *(Хлопая сэра Артура по спине.)* Здорово, Артур! Молодчина! Так им и надо!

Они обмениваются теплым рукопожатием.

Сэр Дэкстер *(сбитый с толку от удивления)*. Рози, видно, вы тоже рехнулись? Забыли, что вы консерватор и что это мы, консерваторы, по моему настоянию сделали вас первым лордом адмиралтейства в этом так называемом национальном правительстве, которое, слава тебе господи, не проживет и дня после первого же заседания парламента.

Сэр Бимроз. Черта с два! Продержится еще лет пять. Стране нужна твердая рука, дисциплина, отвага, сильный флот, справедливое отношение к английскому моряку, никакой игры в разоружение и полнейшее господство на морях. И если это не политика консерваторов, что же такое консерватор? Но имейте в виду, Артур, мне нужны еще двенадцать авианосцев. С Японии нельзя спускать глаз. И не забывайте об Америке. Не говоря о России.

Сэр Артур. Получите, Рози. Две дюжины — скажите только слово.

Сэр Бимроз. Прекрасно! Тогда палата общин у нас в руках.

Сэр Дэкстер. Не болтайте глупости! Что вы можете сделать с палатой общин? Разве что разогнать ее по домам своей болтовней!

Сэр Бимроз. Нет, болтать я предоставляю Артуру, это его профессия, а не моя. Но если вы снова вздумаете морить флот голодом, то он вам может устроить небольшой сюрприз! Каково вам будет, если прямо у террасы парламента поднимется подводная лодка и командир даст

вам пять минут на размышление, прежде чем пустит тор
педу под эти чертовы правительственные скамьи!

Сэр Дэкстер. Не говорите ерунду! Неужели флоту дад
вмешиваться в политику?

Сэр Бимроз. А кто может не дать? Что было бы с Ле
ниным и всеми ихними большевиками, если бы не Бал
тийский флот и не кронштадтские моряки? Да разве ан
глийский флот с его дисциплиной и добропорядочным
консерваторами во главе не способен на то, что сделали
эти коммунисты?

Сэр Дэкстер. Скажите, долго ли протянет ваш знаменитый
флот, если в стране отменят частную собственность?

Сэр Бимроз. Какое дело флоту до собственности? У нас –
служба. *(Садится и сердито перечисляет свои обиды.)* Вы
и ваши проклятые собственники платите нам не больше,
чем мелким чиновникам, за командование боевым кора-
блем, да еще сдираете четверть в виде налогов... Нам не
на что учить наших детей. Стоит ступить на сушу – и нас
обдирают как липку всякими поборами. Спасибо Артуру,
он снял с нас подоходный налог, пусть теперь эти
обломы-помещики попотеют! Я называю это самой
сутью консервативной политики. Только так и можно
уесть всех этих лейбористов, красных и прочую шушеру,
с которой вы так цацкаетесь с тех пор, как дали им право
голоса. Дайте им по заслугам, а их избирательные бюл-
летени держите под дулами винтовок – вот что нужно
нашей стране.

Сэр Артур. Видите, Дэкси, флот и полиция за нас.

Сэр Дэкстер. Простите, за кого это за вас?

Сэр Артур. За коалиционное правительство. За вас, Дэкси,
и за меня, за вас и за меня.

Сэр Дэкстер. Не смейте связывать мое имя с вашим! Про-
тивно слушать.

Хилда *(объявляет)*. Президент Торговой палаты мистер
Гленморисон.

Гленморисон – обходительный шотландец, явно самый молодой из присутствующих.

Сэр Артур. Привет, Сэнди. Садитесь. Давайте все сядем
и выясним наши отношения.

Они рассаживаются за столом, спиной к камину. Сэр Артур посредине, Гленморисон слева, сэр Бимроз справа.

Гленморисон. Сэр Артур, раз уж вы пошли во все тяжкие,

могли бы обмолвиться и насчет автономии Шотландии. Рубить так рубить!

Сэр Дэкстер. Кому же это рубить, позвольте осведомиться? Имейте в виду, кабинет министров не отвечает за безумные выходки своего премьера. Он их с нами не согласовал. Неужели вы думаете, что, если бы я хоть подозревал о таком большевистском наступлении, я бы его поддержал?

Сэр Артур. Поэтому я с вами не советовался. Всю ответственность я принял целиком на себя.

Сэр Дэкстер. Ха!

Сэр Бимроз. И зря. Я требую свою часть, сэр Артур. Ведь то, что касается флота, исходило от меня.

Гленморисон. И я свою. В отношении последних двух пунктов.

Сэр Дэкстер. Очень вам это поможет! Хорошо Артуру, его кандидатура на выборах всегда пройдет, кто станет состязаться с тем, кого зовут Чевендером! Недаром хитрюга тесть скупил в его округе всех избирателей! А вы прошли в тот раз с большинством в семнадцать голосов. Теперь можете проститься с парламентом!

Гленморисон. Наоборот. Мое положение никогда еще не было таким прочным за всю историю Шотландии!

Сэр Дэкстер. Как? Да вам же дадут коленкой под зад, если вы вместе со мной сразу же и решительно не отречетесь от большевистских бредней Чевендера!

Гленморисон. Боюсь, что это невозможно, сэр Дэкстер. Видите ли, большинство в моем округе — лавочники и коммерсанты. По ним больше всего бьют непосильные налоги. И хотя у всех у них дела идут довольно неплохо, им кажется, что дела эти пойдут лучше, если кое-какой капитал даст им расширить дело. Но финансисты и крупные дельцы не желают и смотреть на эту мелкоту. Они ворочают миллионами, а мои избиратели считают на тысячи, и не на десятки тысяч притом. Нетрудно получить заем в пару сот тысяч фунтов, если вы назовете их четвертью миллиона и будете платить с этой суммы проценты. Ну, а какой от этого толк моему небогатому избирателю, который хочет ссуды тысяч в пять—десять, чтобы развернуть свое небольшое дельце?

Сэр Дэкстер. Чепуха! Банк даст кредит, если он человек надежный.

Гленморисон. И потребует его назад при малейшей панике на бирже. Могу показать вам десяток людей, которые

во время последнего биржевого краха вылетели в трубу хоть и были не менее кредитоспособны, чем мы с вами. А вот предложение сэра Артура создать государственные и национальные банки, не подверженные биржевой панике, которые будут готовы ссудить тысяч по пять фунтов пяти тысячам мелких хозяев, в то время как крупные воротилы легко отыщут миллионы, лишь бы у банкиров побольше прилипло к рукам,— оно как раз и годится для моих избирателей. Против него у меня возражений нет. Гениальная мысль! Мои люди хитрые, они подадут голос и за черта, если он наобещает им понизить ссудный процент и открыть муниципальные банки. Я прошел большинством всего в семнадцать голосов потому, что ничего не мог им предложить, кроме советов затянуть пояса и жить поскромнее. А за национализацию банков они будут душой и телом.

Сэр Дэкстер. Но ведь это же утопия! И вы знаете, что она неосуществима.

Гленморисон. А вы не давали пустых обещаний, когда выбрали это коалиционное правительство? И вместо того, чтобы их выполнять, посоветовали избирателям затянуть пояс потуже и спасать Английский банк. Они вас послушались, затянули потуже пояса, а банк объявил девальвацию. Надо признать, вы сбили мое преимущество перед депутатом от консерваторов с четырех тысяч до семнадцати. Теперь надо набирать это большинство снова. Не скажу насчет остальной программы сэра Артура, но в вопросе о национализации банков мы, маленькие люди, за него целиком!

Хилда *(объявляет)*. Сэр Джафна Пандранат. *(Исчезает.) Это сообщение производит некоторую сенсацию. Все пятеро поднимаются, словно при встрече королевской особы. Сэр Джафна — пожилой цейлонский плутократ, маленький, щуплый до изможденья, элегантный. Однако он явно слишком озабочен умножением своего богатства, чтобы получать от него удовольствие. Но богат он, как видно, безмерно, судя по глубокому почтению, оказанному ему пятью британцами, в противовес их небрежному отношению друг к другу.*

Сэр Джафна. Здравствуйте! Не прервал ли я заседание кабинета министров?

Сэр Артур. Нет, что вы! Друзья просто зашли поболтать. Присядьте.

Сэр Дэкстер. Добро пожаловать, очень кстати! Вы предста-

вляете деньги, а только деньги могут заставить глупца взяться за ум.

Сэр Джафна. Я — это деньги? Ничуть. Я бедняк. Никогда не знаю, сколько у меня сейчас есть: тринадцать миллионов или только три. *(Садится.)*

Все рассаживаются.

Сэр Бимроз. Я случайно знаю, что ваши предприятия оценивают сегодня не меньше чем в двадцать миллионов.

Гленморисон. В пятьдесят.

Сэр Джафна. Откуда вы знаете? Откуда? Меня ведь обирают как липку на каждом шагу! *(Дэкстеру.)* Ваши снимают с меня последнюю рубашку.

Сэр Дэкстер. Мои?

Сэр Джафна. Землевладельцы. Выжиги. Бароны-разбойники. Возьмите мой проект реконструкции доков в Блейпорте. Разве я не благодетель человечества? Разве у меня не на что жить и не на что себя схоронить, что я должен морочить себе голову этими доками? Разве я буду счастливее, когда там будет десять квадратных миль портовых сооружений, а не грошовая рыбацкая гавань? Что мне это даст, кроме удовлетворения — как хорошо построено нечто общественно полезное, чего без меня не было бы? И разве я не рискую пойти по миру, если это не удастся?

Сэр Бимроз. Ну и в чем же помеха, старина?

Сэр Джафна. Рози, у меня от тебя изжога. Помеха в том, что владельцы земли, на которой я хочу построить мои доки, хотят заграбастать шестьдесят процентов будущих прибылей, не шевельнув для этого пальцем. Я тружусь, я ломаю голову, я теряю здоровье и рискую всем, что у меня есть, чтобы богатели эти паразиты, эти кровопийцы, эти пиявки на теле общества. *(Кричит.)* Да, пиявки! *(Успокаиваясь.)* Вчера в ратуше вы были совершенно правы, Артур: надо национализировать землю и положить конец бесстыдной эксплуатации финансистов и предпринимателей шайкой бездельников и хищников, владеющих землей!

Сэр Артур *(ухмыляясь)*. Великолепно! Меня поддерживают деловые круги.

Сэр Джафна. Всем, что у нас есть, всеми нашими голосами и капиталами до последнего пенса. Эти пираты не краснея вымогают миллионы за каждый гектар городской земли, от пятисот до тысячи фунтов в год. Нельзя даже по-

мереть, не заплатив им целое состояние за свою могилу. Выпотрошите их, Артур. Сдерите с них шкуру. Пусть платят сто процентов налога. Пусть честно зарабатывают свой хлеб, будь они прокляты! *(Утирает лоб, визгливо.)* Простите меня, ребята, но если бы вы видели блейпортскую смету!.. *(Голос ему изменяет.)*

Сэр Дэкстер. Вы рассуждаете как истеричный азиат, а не как нормальный деловой человек!

Сэр Джафна давится от возмущения.

Откуда вы возьмете капитал, если разорят нашу земельную аристократию? Ведь только благодаря их умелой экономии, их воздержанности...

Сэр Джафна. Ха! Возьму оттуда же, откуда они: из того, что производит моя рабочая сила. Сейчас я вынужден платить ей непомерную заработную плату. А почему? Потому что четверть и даже половину ее рабочий отдает за квартиру землевладельцу. Рабочий — человек темный, он думает, что землевладелец грабит его. Но грабят не его, а меня! Прогоните землевладельца, и деньги, которые он наживает, — мои. К тому же у меня будет дешевая рабочая сила. И в этом рассуждении нет никакой азиатской истерики, а один лишь английский здравый смысл. Я с вами, Артур, до последней капли моей азиатской крови: национализация земли, принудительный труд, отмена банковского процента, уголовная ответственность за стачки, — я все это приемлю всей душой во имя капитала и частного предпринимательства. Насчет остальных пунктов вашей программы я помолчу, но в этом и любой либерал оценит вашу глубочайшую государственную мудрость!

Сэр Артур *(с восторгом)*. Слышали, Дэкси? Зарубите себе это на носу.

Хилда *(объявляет)*. Его светлость герцог Домсдей. *(Исчезает.)*

Входит пожилой, изящный аристократ. Ему около семидесяти лет, но он хорошо сохранился.

Герцог *(удивленный таким большим сборищем)*. Я помешал, Артур? Не думал, что вы заняты.

Сэр Артур. Нисколько. Обмениваемся мнениями насчет вчерашнего. Будьте как дома.

Сэр Дэкстер. Вы попали как нельзя более кстати. Сэр Джафна только что отзывался о вас как о кровопийце,

пирате, паразите и бароне-разбойнике. И пиявке. Пиявка! Как вам это понравится?

Герцог *(спокойно усаживается поближе к окну)*. Интересно, почему разбойниками зовут только баронов? Никогда не слышал в этой связи о герцогах. А между тем мои предки немало поразбойничали на своем веку. *(Вздыхает.)* Увы, все это в прошлом. Теперь грабят нас. Жаль, что не создали промежуточного класса честных людей. Но мне не нравится, Артур, что вы зовете меня пиявкой.

Сэр Артур. Это не я, это Джафна.

Герцог. Неблагодарный! А еще покупает мое имение в Блейпорте за гроши.

Джафна. За гроши? Святой Брама!

Герцог. И наживет на нем миллионы. А я из той нищенской суммы едва-едва заплачу по закладным. И потом меня еще обложат подоходным налогом и сверхналогом. Внуки Джафны будут учиться в Итоне, а моим придется пойти в политехнический.

Сэр Бимроз. Лучше в мореходное, старик. Теперь, когда Артур стоит у кормила,— у моряков есть будущее.

Сэр Дэкстер. Жалованье и жалкая пенсия морского офицера — будущее герцога Домсдея? Вот так так!

Герцог. Пусть скажет спасибо, если будет хоть какое-то жалованье! Но я вас все равно поддержу, Артур. Вы по крайней мере заявили вслух, что отмените налог на наследство как принципиально невыгодный. Это даст нам продержаться хотя бы три поколения,— землевладельцы за вас, Артур, все до единого. Примите нижайшую благодарность от вконец обнищавшего герцога.

Сэр Дэкстер. А его остальная программа? Вы и на нее клюнули?

Герцог. Сомневаюсь, чтобы из остального что-нибудь вышло. Да я мало в этом разбираюсь. Кстати, сэр Джафна, не возьмете ли вы в аренду мой родовой замок? Мне там жить не по средствам. Не по средствам даже стирать там пыль. Я вам сдам его за сотню в год.

Джафна. Слишком далеко от города.

Герцог. Не так уж далеко на самолете. Подумайте.

Сэр Джафна пожимает плечами, показывая, что дело безнадежное. Герцог примиряется с неизбежностью.

Сэр Артур. Дэкси, вы в абсолютном меньшинстве. Землевладельцы на моей стороне. Капиталисты — крупные и мелкие — на моей стороне. Вооруженные силы — на

моей стороне. Полиция – тоже. Если вы от нас отступитесь, вы отправитесь в джунгли в одиночку. Что вы на это скажете?

Сэр Дэкстер. Нет, вы просто слепые идиоты! Топите корабль, надеясь заграбастать свою часть страховых денег. Но нация вам покажет. Нация не желает никаких перемен. Нация никогда не желала перемен. Нация никогда не захочет никаких перемен. И так как я буду противиться им до последней капли крови, я никогда не останусь в одиночестве. Вы все нас предали, предали нашу партию, но имейте в виду, даже если я тут совершенно один...

Хилда *(появляясь)*. Делегация. Она вернулась, сэр Артур.

Появляется делегация, но без Хипни. Баркинг – неузнаваем, он выбрит, прекрасно одет; вид у него ликующий. Алоизия пышет негодованием. Бли и Мэр, демонстративно не снявшие пальто и шляп, настроены мрачно, сердито и решительно. Они стоят в дверях, свирепо поглядывая на премьер-министра и его коллег.

Сэр Артур *(сияя)*. Господа, это рабочая делегация Острова Кошек. То, чего недоставало нашему совещанию. Вы слышали здесь голос наследной аристократии, деловых кругов и вооруженных сил. Сейчас вы услышите голос пролетариата. Садитесь, леди и джентльмены, прошу вас.

Мэр *(резко)*. Кого это вы называете пролетариатом? Вы что, нас за коммунистов считаете? *(Продолжает стоять.)*

Алоизия *(стоя)*. Вы услышите голос трудового народа, сэр Артур.

Бли *(стоя)*. Приговор демократии.

Баркинг. Пусть это дурачье тявкает! Я с вами, Чевендер. *(Отделяется от своих продолжающих стоять спутников и с крайним презрением опускается на стул.)*

Сэр Артур *(с удивлением)*. Надо ли мне понимать, что ваши соратники против меня?

Мэр. Конечно против. Неужели я пойду к своим избирателям и скажу им, чтобы они голосовали за принудительный труд и запрещение забастовок?

Бли. Разве рабочие и так не порабощены? Вы хотите отнять у них последние остатки свободы? Единственное их оружие против капиталистов?

Сэр Артур. Дорогой друг, а что такое право бастовать? Право подохнуть с голоду на пороге своего классового врага, ожесточив против себя все население? И кто из

вас, если дойдет до дела, согласится подохнуть первый?

Мэр. Спорить с вами я лично не буду. Тут вы сильнее меня. Но если вы думаете, что английский рабочий пойдет на принудительный труд и запрещение стачек, вы забываете, где живете, вот и весь сказ.

Сэр Артур. Но нам не надо принуждать рабочих работать, они и так работают. Нам надо принуждать работать лентяев. Не только ваших лентяев, но и наших, всех этих молодых тунеядцев, которые только зря тратят свое время и плоды вашего труда.

Бли. Знаем, знаем. Дадите легкую работу своим и тяжелую нам. За дураков нас считаете?

Баркинг. Считает. И законно считает.

Сэр Артур. Спасибо, ваше сиятельство, за идейную поддержку.

Алоизия. Идейную? Черта лысого! Он хочет жениться на вашей дочери.

Баркинг *(вскакивая)*. Это подлый удар, Алоизия! Но, говоря честно, я *хочу* жениться на вашей дочери, Чевендер.

Сэр Артур. Ну, сейчас вряд ли подходящее время это обсуждать.

Баркинг. Имейте в виду, это не я, это Алоизия натрепала. Трепло!

Бли. Я же всегда говорил тебе, парень, что, как всякий аристократ, ты, когда запахнет порохом, сразу кинешь нас и переметнешься к своим.

Баркинг. Ерунда! Это ты вечно хвастаешь, что происходишь от какого-то Бли из Блейпорта. У меня не было бы ни гроша, если бы мой дед не нажил состояние на пирожках со свининой и не купил для своей дочери нормандских предков моего отца. Это в твоих чахлых венах течет голубая кровь, а в моих – красная, пролетарская.

Алоизия. У тебя чересчур много денег, прынц!

Баркинг. Ну и что ж! По крайней мере нищета меня не превратила в овцу! Не то что вас. А на кой черт мне все эти деньги, если мне приходится работать, как и всем остальным?

Сэр Дэкстер. Зачем человеку работать, если у него есть деньги?

Баркинг. У моего брата была куча денег, а ему пришлось, как и всем, лезть в окопы и воевать. Вот так мне и досталась вся эта куча по наследству.

Бли. Значит, всем нам надо надеть ярмо, чтобы заставить

горстку тунеядцев работать? Нет, рабочие предпочтут этому смерть. Свободы я не отдам...

Баркинг. Свободы работать четырнадцать часов в день и кормить троих ребят на тридцать четыре шиллинга в неделю, как твой брат-продавец? К чертям эту дерьмовую свободу!

Бли *(гневно)*. Я...

Мэр. Тише! Тише! Не препирайся с ним, Бли. Спорить с этими образованными – дело дохлое. Я с сэром Артуром не спорю, я ему высказываю свое мнение. Короче говоря, если он не откажется от своего глупого проекта, он не получит у нас ни единого голоса. А то, что сегодня думают на Острове Кошек, завтра будет думать вся Англия!

Джафна. Могу я кое-что сказать этому джентльмену? Познакомьте нас, Артур.

Сэр Артур *(представляет)*. Сэр Джафна Пандранат. Мэр Острова Кошек.

Джафна. Думаю, мэр, вы обо мне слышали. И знаете, что я из тех, кто отдает себе отчет в своих словах. Вот я вам и говорю: основной вопрос не рабочий, а земельный.

Мэр. Это уж мы знаем.

Джафна. Тогда вы будете голосовать за сэра Артура, потому что он национализирует для вас землю.

Бли *(презрительно)*. Ну да, с выкупом! Возьмете землю одной рукой и сунете владельцу ее стоимость другой! Дудки. Я опять вас спрашиваю: вы что, за дураков нас считаете?

Сэр Артур *(представляя его)*. Член муниципалитета мистер Бли.

Герцог. Очень-очень приятно. Я, кстати, землевладелец, в сущности даже герцог, и могу вас заверить, милостивый государь, что, так как этот выкуп будет взят из моего кармана и карманов таких же злосчастных помещиков, как я, в виде подоходного налога, добавочного налога и земельной пошлины, то есть того, что у вас называется налогом на наследство,– *вы* все эти деньги получите назад и землю также.

Мэр. Я же говорю вам, Бли, не спорьте. Стойте на своем. Никакого выкупа.

Бли. Ни пенса, клянусь богом!

Герцог. Ах, вы верите в бога, милостивый государь? Как это приятно.

Тут, к своему удивлению, герцог замечает, что на него наступает Алоизия, укоризненно тыча в него пальцем. В тот момент, когда он представился, назвав свой титул, глаза ее загорелись и она угрожающе двинулась в его сторону.

Алоизия. Вы когда-нибудь слышали о Домсдейских чистках?

Герцог. Чистках? Какие именно вы имеете в виду? Последняя вычистила меня из Домсдейского замка. Мне больше не по средствам там жить.

Алоизия. Не лгите! Отлично понимаете, о чем речь! Это записано кровью и слезами в истории рабочего класса.

Сэр Артур *(представляя их друг другу)*. Член муниципалитета Алоизия Броликинс. Герцог Домсдей!

Герцог *(учтиво вставая)*. Вы, может быть, присядете?

Алоизия *(сурово)*. Вы меня не поймаете на эти светские штучки, светлейший герцог, я предпочту пожать руку самому отчаянному бандиту!

Герцог *(падая на стул)*. Господи спаси! Но почему?

Алоизия. Вы что, забыли, как ваше семейство загнало в море целое поселение честных, трудолюбивых шотландских фермеров и превратило их маленькие наделы в охотничьи угодья, для того чтобы вы могли выжать из них больше ренты? Вы что, забыли, что ваши управляющие вытаскивали рожениц из старых домишек, с которыми они не хотели расстаться, и те помирали посреди дороги? Не удивляйтесь: я только одна из тысяч молодых женщин, которые прочли об этой чудовищной истории бесчеловечного грабежа и убийства и поклялись, что приложат все силы, чтобы помешать злодею богачу приказывать целой людской общине: «Убирайтесь вон с земли!»

Джафна. Превосходно! Что я вам говорил? Браво! Браво!

Алоизия. Благодарю вас, сэр Джафна,— вы продемонстрировали этому человеку, что даже закоренелый капиталист с дрожью слушает подобный рассказ. Вы прочтете его не в школьных учебниках — в новой истории, в истории пролетариата, написанной не продажными учеными писаками, которых вы зовете историками, но пророками нового общества, людьми, для кого слово — это огонь, пылающий в их крови, который не дает им больше смиряться и вынуждает кричать.

Мэр. Ну да, совсем как в Библии.

Алоизия. Домсдейская чистка набила ваши карманы золотом, чтобы вы могли забыть свои полные ужаса и раскаяния кошмары, но месть, о которой ваши жертвы тщетно взывали, теперь, когда лейбористы победили, падет на вас. И теперь ваш черед убраться с ваших земель.

Бли. И при этом вы еще клянчите выкуп? Выкуп! Чтобы мы выкупали у вас! Угнетенные у наших угнетателей! Какая ирония!

Алоизия. Это мы от вас должны получить выкуп, да, все до последнего гроша. Вы тут сговариваетесь с этими кровопийцами, как бы вам снова нас ограбить и вторично получить то, что уже награбили, обменять охотничьи угодья, которые больше не приносят вам доходов, на ценные бумаги, и думаете, что мы не разгадали ваших козней! Но вы зря расставляете свои силки. Мы вас разоблачим. Мы расскажем историю о Домсдейском выселении и будем кричать о нем на всю страну, так что вам стыдно будет поднять на политической арене вашу опозоренную голову. Ваше требование выкупа отклонено, отвергнуто, мы бросаем его вам в лицо. Фермеры, которых вы согнали с их земель на погибель в чужом краю, перевернутся в могиле, если услышат звон хоть единой монеты в вашем необъятном кармане.

(Выдергивает стул из-за стола и падает на него, задыхаясь от ораторского пыла.)

Бли
Джафна
Сэр Бимроз
Гленморисон } *(хором).* Молодец, Бролли! Браво! Браво! *(Стучат по столу костяшками пальцев.)*

Герцог *(в большом восхищении).* Какая великолепная речь, мисс Броликинс! Нет, я настаиваю на том, чтобы вы на прощание пожали мне руку!

Алоизия. Никогда! Как вы смеете мне это предлагать? *(Отбегает подальше и садится на стул у противоположного края стола.)*

Герцог *(пододвигая ей стул).* Но вы мне все же разрешите рассказать моим внукам, как я однажды познакомился и обменялся рукопожатием с величайшим оратором наших дней? Могу вас заверить – все эти злосчастные события произошли еще до того, как я родился.

Бли *(орет на него).* Да, но вы до сих пор прикарманиваете доходы от охотничьих угодий!

Герцог *(сухо).* Несомненно, и вы бы на моем месте делали

то же самое. *(Ласково Алоизии.)* Уверяю вас, мисс Броликинс, люди зарабатывают куда больше денег от охоты, чем от возделывания земли, они не согласятся снова стать фермерами ни за что на свете! Давайте не поминать прошлого – кроме тех случаев, когда вам захочется проявить на трибуне свой удивительный ораторский дар. Подумайте, что творили *ваши* предки в те давние жестокие времена!

Баркинг. Цапали все, что им удавалось схватить, как ваши или мои. Какой смысл разливаться соловьем перед этими типами, Бролли? Они сами всю жизнь только этим и занимаются. Разве ты не видишь, что этот выкуп должен покрыть все их потери?

Сэр Бимроз. Бесполезный разговор. Эти проклятые либералы понимают только одно – благородное негодование.

Мэр. Кого это вы зовете либералами? Я представляю партию лейбористов.

Сэр Бимроз. Но вы же против выкупа?

Мэр. Конечно против.

Сэр Бимроз. Значит, вы либерал.

Мэр. Можете обзывать меня как угодно. Спорить я с вами не стану. Я вам говорю: лейбористы Острова Кошек решительно заявляют – никакого выкупа. Ясно?

Сэр Дэкстер. Я рад, мэр, что мы пришли к общему выводу, несмотря на противоположные точки зрения. Партия, которую я представляю – консерваторы,– немедленно выйдет из коалиционного правительства, если в этом вопросе возникнут хоть малейшие колебания. Мы будем защищать нашу собственность,– нашу и вашу, мэр, до последней капли крови!

Бешен *(решительно вступая в беседу)*. Вы хотите сказать, нашей крови?

О нем все забыли и теперь оборачиваются в его сторону с некоторым изумлением.

Дэкстер *(с недоумением)*. То есть чьей это – вашей?

Бешен. Полиции. Вы, помещики, никогда ничего не делаете своими руками, а вызываете нас. У меня двадцать тысяч полицейских, готовых пролить свою кровь за то, что правительство сочтет вашей собственностью. Если сэр Артур своего добьется, она прольет эту кровь за национализацию земли. Если возьмете верх вы, полиция, как всегда, будет защищать сборщиков ренты.

Бли. Не забудьте, что полиция вышла из рабочего класса!

Бешен. Она смотрит на это иначе. Считает, что кое-как из него вырвалась, и очень этим гордится. Ее общественное положение, как ей кажется, чем-то близко статусу нашего герцога.

Герцог. Ах, вот почему полицейские всегда так со мной вежливы.

Бешен. Короче говоря, мистер Бли, у полиции есть то, что вы, социалисты, зовете политическим самосознанием. И вы сможете в этом убедиться, если сделаете глупость и с ней поссоритесь.

Бли. Кто срезал им жалованье, а?

Сэр Артур. Я это им возмещу, с надбавкой.

Мэр. Видите? Видите, к чему приводят споры, Бли? Он от них только выигрывает.

Алоизия. Вам незачем нас предостерегать, почтенный сэр Броадфут Бешен. Когда начнутся классовые бои, ваши клевреты получат знатные подачки.

Герцог. Клевреты!

Алоизия. Мы отлично знаем, чего нам ждать от ваших янычаров.

Бли. От ваших башибузуков с дубинками.

Алоизия. Классовая борьба — неизбежный факт. Мы это знаем. Все, в чем мы нуждаемся, нам придется взять силой. Общее благо вам безразлично. Вы гонитесь только за прибылями. Своих привилегий вы сами не отдадите. Этому учит нас история — история, которую вы не читаете.

Герцог. Могу вас заверить, моя дорогая Элоиза...

Алоизия. Элоиза? Кого это вы зовете Элоизой?

Герцог. Простите, мне так хотелось, чтобы ваше прелестное имя звучало по-французски...

Алоизия. Нахальство!

Герцог. Я просто хотел указать, как один знаток истории другому, что во времена французской революции аристократы, начитавшись трудов предшественника Карла Маркса — Руссо, расчувствовались и разом отказались от своих привилегий. Сегодня история повторяется. Сэр Артур предлагает нам программу, которая кажется мне первоклассной платонической программой коммунизма. Я, герцог, ее приветствую. Сэр Джафна — либеральный капиталист, чьи миллионы — живой укор моей нищете, приветствует ее. Флот раскрывает ей свои могучие объятия в лице сэра Бимроза Хотспота. Полиция в восторге. Армия пойдет за сэром Артуром как один, — словом, на

его стороне все имущие классы. А вот пролетарии — против. Они отвергают его социализм красноречивыми устами Алоизии. Я вспоминаю предостережение моего дорогого отца: «Помни,— сказал он мне, своему пятилетнему сыну,— цепные псы — самые яростные защитники собственности, а те, кто попытается спустить их с цепи, первые же будут искусаны».

Алоизия. Ваше сиятельство изволит называть нас псами. Мы этого не забудем.

Герцог. У меня в жизни не было более верных друзей, чем собаки, мисс Броликинс. Но я, конечно, выразился образно. Мне и в голову не пришло бы называть вас собакой!

Алоизия. Ну да, так как я собака женского рода, вы обзовете меня за глаза более коротким словом.

Герцог. Ах! Вспомните, как только вы меня не обзывали!

Мэр. Что ж, если вы намерены препираться, член муниципалитета Броликинс, мне здесь делать нечего! Я хотел бы заткнуть вам рот так же, как я затыкаю себе уши. Сэр Артур, вы нам выложили свою программу, а мы вам выкладываем свой на нее ответ. Либо вы откажетесь от принудительного труда и выкупа, либо не смейте даже показываться на Острове Кошек. *(Решительно выходит.)*

Блит. Послушайте и меня. Я не коммунист. Я вполне порядочный лейборист и уважаю, как и все вы, законы. Но я то, что здесь даже не упоминалось: я демократ. И не признаю никакой диктатуры, ни личной, ни правительственной. Я требую выполнения воли народа. Объявите референдум. Я за инициативу. Если большинство народа выскажется за ту или иную реформу, я ее поддержу.

Сэр Бимроз. Ерунда! Большинство никогда не высказывается за реформы. Они и не знают, что такое реформа. Им нужен приказ и кое-какие удобства. Матросы не желают отдавать приказов, они привыкли получать их от начальства. Если я скажу своим морякам, чтобы они встали на мое место, они меня выкинут за борт, и так мне и надо! Вы ничего в этом не понимаете, потому что вам никогда не приходилось командовать, а подчиняться у вас ума не хватает. Подчиняться и говорить спасибо тем, кто берет на себя труд думать за вас и не дать вам сесть на мель.

Блит. А вы не спасли нас от мели. Мы все на ней сидим, вся страна. Привет, Рози! *(Уходит.)*

Баркинг. Вот дурачье! Когда им предлагают то, чего они сами хотят, они отказываются лишь потому, что этого

хочется и вам. Сразу начинают подозревать, что их хотят обжулить.

Герцог. Обычно это так и есть. Не правда ли, мисс Броликинс, вы это тоже чувствуете?

Алоизия. Почем вы знаете, что я чувствую? Вам этого знать не дано. Ничего, мы снимемся с мели сами, без вашей помощи и помощи вашего класса. Знаете, я предпочитаю откровенную вражду сэра Дэкстера вашему ехидному цинизму и сладенькому заигрыванию.

Герцог. Только в мещанских романах, мисс Броликинс, аристократы — лицемеры и циники. Я искренне считаю вас прелестной, блестящей женщиной. Почему же я не могу вам этого сказать? И какой оратор! Не хотите ли вы провести со мной воскресный день где-нибудь в тихом месте за городом, где я смогу убедить вас, что герцог — такой же человек, как и вы?

Алоизия *(встав на дыбы)*. Вы пытаетесь меня соблазнить?

Герцог. Это было бы упоительно, мисс Броликинс, но я стар и очень беден. А вы молоды, красивы и, вероятно, состоятельны. Что вы можете найти во мне соблазнительного?

Алоизия. Могу. Вы герцог. В вас есть обаяние царственных руин.

Баркинг *(поднимаясь)*. Ладно, давай мотать отсюда, Бролли. Не будь дурой, не давай этому старому ходоку тебя умасливать. Никогда не знаешь, когда время уйти.

Алоизия. Иди, если тебе нужно. У меня с сэром Артуром дела, которые тебя не касаются. Пошел вон!

Сэр Артур. Со мной? Какие дела? Общественные?

Алоизия. Не совсем.

Сэр Артур. Ах, личные?

Алоизия. Мне скрывать нечего. Не знаю, как вам.

Баркинг. Она хочет выйти замуж за вашего Дэвида. Ну как, Бролли, удар в поддых! Ха-ха-ха! *(Выходит, покатываясь со смеху.)*

Сэр Артур *(оправившись от неприятного изумления)*. Я могу только поздравить Дэвида, мисс Броликинс. Вы уже договорились о свадьбе?

Алоизия. Я ему еще ничего не сказала. Помните, джентльмены, вам это выболтала не я, а ваш благородный виконт. Но раз уж сор вынесли из избы, я отрицать не буду. Дэвид — хороший мальчик и не отвечает за своих родителей. Прощайте. *(Направляется к двери.)*

Герцог *(поднимаясь)*. Как же насчет воскресенья, мисс Броликинс? Или Дэвид вас окончательно у меня отбил?

Антония. Идет, ваша светлость. Я заеду за вами в пятницу, после четырех. И так как со мной будет несколько друзей, мы наймем городской автобус, о машине вы не беспокойтесь. Вы не будете возражать, если я опубликую отчет об этой прогулке в виде интервью, вы же знаете, что мы, рабочая интеллигенция, должны зарабатывать на жизнь умственным трудом. До свидания. *(Уходит.)*

Герцог. В этих людях столько неожиданностей! Откуда я возьму деньги, чтобы заплатить за автобус и их всех угощать? *(Садится на свое место.)*

Бешен. На вашу долю придется всего несколько шиллингов, да и их, наверно, захочет уплатить она. Какая девушка из ее сословия не раскошелится, если может погулять с настоящим герцогом?

Герцог. Спасибо, Бешен, вы меня успокоили.

Сэр Дэкстер *(с торжеством)*. Ну так как, Чевендер? Что вы теперь скажете? Когда они пришли, я же вам говорил, что, хоть тут вы все против меня, народ Англии на моей стороне и всегда будет, когда дойдет до дела! Видите, я был прав.

Сэр Бимроз. Мы и не хотели от вас отворачиваться, Дэкси. Не надо нас в этом подозревать.

Сэр Артур. Можно подумать, что вы готовы считаться с мнением народа больше, чем я.

Сэр Дэкстер. Больше, чем вы? То есть как? Вы намерены править страной вопреки мнению ее народа?

Сэр Артур. Иначе нельзя править никакой страной, потому что народ вообще против того, чтобы им правили. Даже вы, кому полагалось бы знать, как обстоят дела, вечно сетуете на подоходный налог.

Герцог. Но двадцать процентов, Артур! Двадцать процентов с каждого фунта!

Сэр Дэкстер. При чем тут мой подоходный налог? Если то, что вы тут говорили, серьезно, это означает, что вы собираетесь попрать демократию, то есть сделать нечто такое, чего ни народ, ни правящий класс этой страны вам не позволят. Консервативная партия, которая в десять раз демократичнее вас, либералов, поведет против вас народ. Как вы предполагаете с этим бороться? На что вы рассчитываете? Положите карты на стол.

Сэр Артур. Пожалуйста. Вот мой козырь. Народам всех

стран – и Европы и Америки – тошно, что их убеждают будто благодаря демократии они и есть настоящие правители страны. Они прекрасно знают, что ничем они не правят и не могут править, а что их правительство только покровительствует спекулянтам и никого другого не уважает, каким бы партийным знаменем оно ни размахивало. Им тошно слушать причитания насчет свободы, когда никакой свободы у них нет. Им тошно либо бездельничать на пособия по безработице, либо надрываться на работе за такую мизерную плату, что их семья должна ютиться в тесной однокомнатной квартирке. Им тошно от меня, и от вас, и от всех нас вкупе. Они хотят, чтобы кто-нибудь дал им наконец приличный заработок. Они хотят есть пшеничный хлеб и пить кофе, которое спекулянты жгут, потому что оно дает мало прибыли. Они хотят повесить тех, кто сжигает хорошую пищу, в то время как люди голодают. Сами они ничего исправить не могут, поэтому им нужна такая власть, которая их дисциплинирует и заставит делать то, что надо. Они готовы с ума сойти от счастья, если придет человек, который их на что-то подвигнет, пусть хотя бы на антисемитскую травлю, лишь бы он к чему-то их понуждал. И хотя все мы твердим, что англичанин никогда этому не подчинится, мы отлично знаем, что с тех пор, как англичанину дано право голоса, он подчинится чему угодно!

Сэр Дэкстер *(с нетерпением)*. Слышали, слышали. Все эти песни грошовых диктаторов, которые мнят себя Муссолини... Ближе к делу. Как вы собираетесь провести ваши бредни через парламент?

Сэр Артур. Никак. Я собираюсь распустить парламент, осуществить свою программу, а после этого созову парламент и предложу ему все утвердить.

Сэр Дэкстер. Вы не имеете права созывать парламент. Это может только король.

Сэр Артур. Верно. Короли всегда созывали парламент и правили без него, пока у них не пустела казна.

Гленморисон. Но послушайте, дружище, вам надо считаться не только с его величеством. Судебные инстанции не будут требовать выполнения ваших мероприятий, если они будут противозаконными. А чиновники будут их саботировать, даже если впрямую и не откажутся вам подчиняться.

Сэр Артур. Мы это легко преодолеем, учредив новые суды

и специальные комиссии, во главе с теми, на кого можно положиться.

Сэр Дэкстер. Таким способом Кромвел отсек голову королю Карлу. Но исполнители позже обнаружили, что сами надели веревку на свои подлые шеи.

Сэр Артур. Веревка на шею государственному деятелю — единственная конституционная гарантия, которая от чего-то защищает государство. Но бог с ней, с этой веревкой. Если мы дадим народу возможность пожить всласть, мы сможем делать все, что считаем необходимым. Цыплят по осени считают. А это наконец-то будет первое правительство, которое отвечает за свои действия.

Сэр Дэкстер. Так вот что вы задумали! А вам не кажется, что на такую игру способны не только вы? Если вы меня вынудите, разве я не сумею сделать то же, что делаете вы?

Сэр Артур. Сумеете, если сядете на мое место. Хотите?

Сэр Дэкстер. Сесть, чтобы разорить страну и погубить империю? Нет, моя миссия вам в этом мешать. И я помешаю.

Сэр Артур. Ваша миссия — не давать никому делать что бы то ни было. Не давать обществу двигаться вперед. Но оно движется, и если вы будете путаться у него под ногами, что-нибудь рухнет. Боюсь, что рухнет не общество...

Сэр Дэкстер. Пока что страдают только безработные, которых вы подбиваете своими подрывными речами на бунт против законов природы. Англия не рухнет! Она стоит так же прочно, как стояла, и всегда будет стоять. Самая могучая и великая из стран, родина самой благородной и царственной расы, какую когда-либо создал господь!

Сэр Артур. Долгие, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию... Ладно, хватит стучать кулаками. Ближе к делу. Истинный хозяин положения — это Бешен со своими пятнадцатью тысячами полицейских.

Бешен. У меня их двадцать тысяч.

Сэр Артур. Ладно, с двадцатью тысячами. Они же продолжают делать свое дело, даже когда парламент распущен?

Бешен. Нет. Если мы в Скотланд-Ярде кого-то слушаемся, то разве что министра внутренних дел.

Сэр Артур. Я могу назначить себя министром внутренних дел. Так что все будет в порядке.

Сэр Дэкстер. Да ну, черт возьми? Если вы с Бешеном напу-

стите на меня двадцать тысяч ваших полицейских, знаете что я сделаю?

Сэр Артур. Что?

Сэр Дэкстер. Одену пятьдесят тысяч молодых лондонских патриотов в трехцветные рубашки. Вы говорите, что им нужна дисциплина и действия? Они это получат. У них будут револьверы, пулеметы и слезоточивые бомбы. У моей партии есть деньги. У моей партии — газеты. У моей партии — национальный флаг, традиции, наше славное прошлое, смелость, боевой дух. Каждый из нас стоит десятка полудохлых от голода беспризорников и их вожаков, которые не могли истратить больше шиллинга на обед, пока не проголосовали себе жалованье в четыреста фунтов, вынутых из наших карманов.

Сэр Бимроз *(захваченный его красноречием)*. Так держать, Дэкси! Слова не мальчика, но мужа!

Бешен *(холодно наводя порядок в споре)*. Все вы болтаете чепуху. Полиция ничего сделать не сможет, если народ не поддержит полицию. Она не может повсюду поспеть, для этого ее слишком мало. Если в случае беспорядков вызовут полицию, задержат преступника, дадут против него показания, тогда двадцать тысяч полицейских смогут держать восьмимиллионный народ в узде. Но если граждане будут относиться к полиции как к своему врагу, если человек, ударивший полицейского в спину, не будет задержан очевидцами, если ему помогут скрыться, если полиция не получит против него ни одного свидетеля, что тогда будет? Вам придется удвоить наши силы, потому что полицейские должны будут патрулировать по двое, они будут бояться ходить поодиночке. Значит, двадцать тысяч вы должны будете довести до сорока, чтобы они могли сами себя охранять, но вас это ни от чего не убережет. Вам придется приставить по паре полицейских к каждому взрослому человеку в городе, чтобы они вели себя так, как вы этого пожелаете. Вам понадобятся не тысячи, а миллионы полицейских.

Сэр Дэкстер. Мои полосаторубашечники будут поддерживать порядок, хотите вы этого или нет.

Бешен. А кто будет поддерживать порядок среди них, этих ваших дурацких любителей? И не забудьте вот что: конечно, накупить черных рубашек, коричневых рубашек или красных рубашек, раздать их хулиганам, жаждущим затеять любую свару, или пригородным безработным,

мнящим себя патриотами,— дело нехитрое. Но цветная рубашка — это форма.

Гленморисон. А какая в этом беда? Легче распознать своих друзей.

Вешен. Да, но легче распознать и своего врага, а пристрелить врага, одетого в форму,— не убийство, а законные военные действия.

Сэр Дэкстер. Чудовищно! Я не дам пощады человеку, способному на такую возмутительную передержку!

Вешен. На войне приходится давать пощаду, потому что вам часто приходится ее просить. Легко, сидя здесь, рассуждать об истреблении противников. Но война на истребление — это бойня. И долго ли, по-вашему, может в Англии продолжаться такая бойня? Столько, чтобы человеку упиться, а потом протрезветь.

Гленморисон. Потише, сэр, потише... Кто говорит об истреблении? Думаю, что вы никогда не заставите добропорядочных британцев щеголять в красно-бело-синих рубашках. Но добровольцы — это другое дело, вспомогательные отряды...

Вешен *(резко передернувшись)*. Вспомогательные отряды! Я командовал ими в Ирландии, когда вы попробовали вести с ирландцами эту игру, а там и была-то всего кучка крестьян с капустных грядок. Все это я уже видел. Сам этим занимался. И все про это знаю, а вы не знаете ничего. Это и есть истребление, и когда доходит до дела, руки опускаются. Лично я отказался. Подал в отставку. Раз душа не позволяет, должен отступиться. И заявляю вам, Дэкси: ежели вы затеете эту хулиганскую историю с пестрорубашечниками, я поддержу премьер-министра и покажу, на что способен Скотланд-Ярд, если его допекут.

Сэр Дэкстер. Изменник!

Вешен. Лгун! Ну, к чему эта ругань нас приведет?

Гленморисон. Тише, тише, не будем ссориться. Я поддерживаю премьер-министра, чтобы не потерять место в парламенте, но я либерал и, как таковой, должен руководствоваться либеральными принципами. Все, что мы делаем, должно быть утверждено парламентом. Я за новую программу, но прежде надо выработать распорядок парламентских прений. Для этого придется провести не менее двенадцати законопроектов. Все они достаточно спорные; каждый из них подвергнется нападкам и вызовет возражения по любому пункту. По ряду из них вам может понадобиться прибегнуть к референдуму. Дело

перейдет в комитеты, а на это потребуется не одна неде
ля, и как бы упорно вы ни пускали в ход гильотину, во
равно программа обрастет тысячами поправок. А потом
когда вы проведете то, что останется от вашей про
граммы, ее отвергнет палата лордов и вам придетс
ждать два года, чтобы начать все сначала и снова поста
вить законопроект на обсуждение нижней палатой. Сло
вом, ваша программа — вопрос не сегодняшнего и не за
втрашнего дня. По моим расчетам, нужно не меньш
пятидесяти лет, чтобы ее провести.

Сэр Артур. И вы думаете, Сэнди, что у людей хватит терпе
ния столько ждать?

Гленморисон *(наивно)*. А что им еще остается делать

Сэр Артур. Я ждать не буду. Если не удастся найти боле
краткого пути, то бой за мою программу мы вынесем на
улицы.

Сэр Дэкстер. И вы думаете, что толпа будет на вашей сто
роне? Нас много, их мало, а? Классовая борьба, да? Что
ж, вы поймете свою ошибку.

Сэр Артур. Я в классовую борьбу не верю, как и вы
Я знаю, что одна половина рабочего класса надрываетс
как галерные рабы, чтобы накапливать ценности, за что
их наш класс выкуривает, как пчел из улья, и грабит
оставляя им лишь крохи на жалкое пропитание. Но что
в это время делает вторая половина рабочего класса
Живет на то, что вырывает награбленное из вторых рук
Грабит грабителей. Стоит нам набить свои карманы рен
той и процентами, как их тут же опустошают торговцы
из Вест-Энда, хозяева отелей, модные врачи и адвокаты
священники, скрипачи, портретисты и прочие, не говоря
уже об егерях, конюхах, садовниках, лакеях, жокеях, дво
рецких, горничных, судомойках и еще невесть о ком.

Герцог. Вы совершенно правы, Артур! Ну до чего же вы
правы! Я согласен с вами всей душой!

Сэр Артур. И эти паразиты будут драться за свои права на
собственность до последней капли крови. Разве хоть
одного лейбориста выбирают в тех местах, где они
в большинстве? Нет, никакой классовой борьбы нет и
в помине,— рабочий класс безнадежно расколот на два
лагеря. Но вот что у нас есть: пропасть между моими
взглядами и воззрениями Дэкси. В мире постоянно идет
война между теми, кто живет только для того, чтобы ур
вать свой кус, и теми, кто хочет сделать жизнь для всех
лучше, чем она есть.

Сэр Дэкстер *(вставая)*. Я не желаю больше слушать эту белиберду, недостойную джентльмена. Чевендер, коалиция распущена. Я ухожу в отставку. И уведу три четверти кабинета. Я разоблачу бесстыдную продажность ваших сегодняшних сторонников, Бешен, вас выгонят в тот день, когда я возглавлю правительство. Домсдей, у вас маразм. Ступайте домой спать и болтайте чушь там, где она не опасна. Рози, вы идиот, пора бы вам это знать самому. Пандранат, вы глупый черномазый, который мнит себя английским джентльменом. Всего вам хорошего, господа. *(Уходит.)*

Растерянность.

Сэр Бимроз. Но это ужасно! Нам же без него не обойтись...

Сэр Джафна *(задыхаясь от негодования)*. Меня унизили. Меня обозвал чернокожим этот немытый дикарь, чьи голые предки поклонялись желудям и омеле, когда мой народ уже достиг вершин просвещения в храмах бога всех богов, тысячеликого Брамы. Этот первобытный дикарь посмел обвинить меня в том, что я с него обезьянничаю, меня, в чьих жилах течет кровь завоевателей, которые захватили землю в миллион раз более обширную, чем эта собачья нора — ваш островок. Они основали цивилизацию, по сравнению с которой ваше жалкое королевство — ничуть не лучше концлагеря. Вся ваша религия добыта с Востока, однако ни один индус, ни один перс или человек из племени Джайно не унизится до такого грубого суеверия. Есть у вас зеркало? Поглядите на свои лица и на лицо моего народа с острова Цейлон, колыбели человечества. Там вы увидите мужчину таким, каким он вышел из рук господа, который оставил на каждой из его черт печать своего неповторимого творческого гения. Там вы увидите женщину, глаза которой отражают вселенную, вместо этих ваших бесцветных, похожих на слинявшие камешки. Поставьте рядом наши черты лица, наши глаза, наши пылающие краски рядом с вашими жалкими смазанными кусками недопеченного теста, с дешевыми копиями шедевров, которые вы зовете людьми западного мира, и скажите мне, если посмеете, что вы подлинник, а я подделка! Вы не боитесь молнии? Землетрясения? Мести Вишну? Вы обзываете меня черномазым, издеваетесь над цветом моей кожи потому, что сами вы бесцветны. Ворона потеряла хвост и хочет убедить мир, что ее убожество — это признак благородства.

Вы пресмыкались передо мной не потому, что я бли
вас к богу, а из-за моего богатства и моей способнос
его умножать. Но сегодня прорвалась ваша ненависть, в
ша зависть, ваша наглость. Я — черномазый! Я — дурн
копия пожирателя нечистой пищи, немытого тела, нест
раной одежды — британского островитянина! Нет, бол
ше этого я сносить не намерен! Вы сорвали покров сво
го лицемерия. Теперь я опозорю свою расу и сво
страну, если останусь там, где их оскорбили. До сих по
я поддерживал связи между Индией и Англией, потом
что знал: по закону природы и справедливому приговор
Брамы все кончится тем, что Индия будет править А
глией, так же как я, благодаря моему богатству и ум
правлю этим сборищем нищих дегенератов. Но отны
я от вас отрекаюсь! Я возвращаюсь в Индию, чтоб
окончательно отторгнуть ее от вашей страны, и пропади
те вы пропадом вместе со своим невежеством, чванство
и чудовищным хамством. Всего вам хорошего, джентль
мены. Ну вас всех к черту! *(Уходит, стукнув дверью.)*

Сэр Артур. Одно слово «черномазый» будет стоить нам Ин
дии. Ну какой же Дэкси дурень, надо было ему прогово
риться.

Сэр Бимроз *(торжественно поднимаясь, очень серьезно)*. Артур, я не могу позволить вам так выражаться. В кон
це концов, мы белые люди.

Сэр Артур. Ну, вы-то уж никак не белый, Рози, можете мне
поверить. Скорее коричневатый с вишневым оттенком на
носу. Гленморисон — цвета своей туземной овсянки, без
единого белого пятнышка. Самый светлокожий из нас —
герцог. Он желтый, как малайский охотник за черепами.
Китайцы зовут нас розовыми. Они нам льстят.

Сэр Бимроз. Должен вам заметить, что фривольность в та
ком насущном вопросе — признак крайне дурного вкуса.
Вы отлично знаете, что страна не может обойтись без
Дэкси. Он учился со мной в одной школе. Покинуть
его было бы с моей стороны не только политической из
меной, но и личным недоброжелательством. Я должен
немедленно пойти с ним поговорить. *(Грустно направляется к двери.)*

Сэр Артур. Извинитесь за меня перед сэром Джафной, если
его догоните. Как мы можем сохранить империю, если
оскорбляем человека, который представляет почти семь
десят процентов ее населения?

Сэр Бимроз. Я с вами не согласен. Извиниться должен

Панди. В конце концов, Дэкси делит с вами место премьер-министра, и если консервативный премьер-министр Англии не может осадить зазнавшегося туземца, да еще и язычника — владычеству Британии пришел конец.

Сэр Артур. Ради бога, не называйте его туземцем! Туземец — это вы.

Сэр Бимроз *(торжественно)*. Из Кента, Артур, из Кента. Не с Цейлона. *(Уходит.)*

Гленморисон. Пожалуй, удалюсь и я. Сэра Дэкстера можно извинить, он англичанин и его не обучали шевелить мозгами, как нас, шотландцев. Но именно это и создает ему такое влияние в стране. Нечего себя обманывать, он незаменим. Пойду. Заверю его, что у нас нет намерений с ним расстаться. Привет. Всего хорошего, герцог. *(Выходит.)*

Сэр Артур *(расхаживая по комнате, как в дым проигравшийся игрок)*. Боюсь, что игра моя сыграна. *(Бросается в кресло.)*

Бешен мрачно подходит к окну и смотрит на улицу. Герцог подходит к Чевендеру с сочувствием и садится рядом с ним.

Герцог. Ах, Артур, дорогой Артур, почему вы не играли в гольф, вместо того чтобы думать, когда поехали в отпуск? Разве вы не знали, что об английской политике нельзя задумываться? Неужели забыли, что наш народ потерял способность думать? Не заметили, что наша великая конституция предусмотрела руководящие органы почти для любой деятельности — для сельского хозяйства, здравоохранения и рыбоводства, внутренних дел и дел иностранных, финансов, казначейства и даже Чилтерн Хайдредз и герцогства Ланкастерского, но мыслительного органа у нас нет. У русских есть специальный кабинет для размышлений, и смотрите, как им удалось все поставить вверх дном. Где бы мы с вами были сейчас в России? *(Садится, безнадежно пожав плечами.)*

Сэр Артур. Там, где нам и положено быть: на помойке. Однако они почерпнули свои идеи у нас. Все это выдумал в Блумсбери Карл Маркс, а Ленин развил его уроки на Хэлфорд-сквер в Ислингтоне. Почему же мы ничего не можем выдумать? Или хотя бы перенять у других? Я понимаю теперь, что надо сделать, но я не тот человек, который может провести это в жизнь.

Герцог. Еще бы! Разве это работа для джентльмена?

Сэр Артур. А может, это работа для герцога? Почему б вам не попробовать?

Герцог. По трем причинам, Артур. Во-первых, натура у м ня неподходящая. Во-вторых, будучи герцогом, я т привык к самому почтительному обращению, что прост не сумею себя утверждать и помыкать другими. В-трет их, у меня так мало карманных денег, а я так не прив их считать, что просто потерял к себе уважение. На эт место нужен человек, которому нечего терять, – жестки напористый, а главное, совершенно неспособный пон мать какую бы то ни было точку зрения, кроме своей с бственной. Наследный герцог тут не годится. Когда мо замок будет продан какому-нибудь американцу, у мен не останется родового поместья и я буду полагать только на свое политическое положение – пока что я де жусь середины. Оттуда я буду приветствовать диктатор если таковой появится, стараясь не слишком рисковат Боюсь, дорогой, что вам от меня мало проку.

Сэр Артур. Ну, а вы, Бешен? Вы же человек деятельный

Бешен. У меня сильное желание пойти во дворец и попро сить их величество закусить удила и посадить вас всех з решетку!

Сэр Артур. А что же! Это мысль! Хуже не будет.

Герцог. Что вам мешает? История знает такие прецеденты Вспомните Кемаль-пашу! Муссолини! Гитлера! Де Вале ру! Франклина Рузвельта!

Бешен. У меня не хватит честолюбия, а то бы я подумал Пойду-ка я лучше потихоньку к себе, в Скотланд-Ярд *(Выходит, сталкиваясь в дверях с Хипни.)* Эй! Вам-то че го здесь надо?

Сэр Артур. Боюсь, мистер Хипни, что вы опоздали. Депутация уже здесь побывала. Они ушли.

Хипни *(спокойно усаживаясь рядом с Чевендером)*. Я тут давно, сэр Артур. Тихонечко слушал, извините за вольность. Пришел вам сказать, чтобы вы не очень-то обращали внимание на эту парламентскую шатию. Они повсюду одним миром мазаны – и в центре, и на окраине. Дела от них не дождешься. Да и не хотят они ничего делать...

Бешен *(снова усаживаясь на место Хилды)*. Хипни, должен сказать, что вы давно у меня на примете. Берегитесь. Я не возражаю, чтобы вы звались социалистом-революционером, все себя так зовут. Но я подозреваю, что вы действительно что-то затеваете.

Хипни. Вот это верно, сэр Броадфут, затеваю. А если и сэр Артур что-то намерен сделать, пусть выходит из парламента и больше туда ни ногой. Не то высосут там из него все соки и останется один говорильный каркас без всякой начинки. Единственный человек, знавший этому парламенту цену, был Гай Фокс.

Сэр Артур. Но если бы ему и удалось взорвать тот парламент, все равно избрали бы новый.

Хипни. Да, но все же какой-то поступок... Хотя бы символический жест. Помяните мое слово: когда-нибудь старине Гаю еще поставят в Вестминстере памятник. На том месте, где была палата общин.

Герцог. Демократия, Артур, демократия. Вот чем все кончается.

Сэр Артур *(знакомит их)*. Его сиятельство герцог Домсдей, мистер Хипни.

Хипни. Господи, да будто я не знаю его сиятельства! Встречались, встречались, хотя знакомы и не были.

Герцог. Весьма польщен, мистер Хипни.

Хипни. Да с чего бы, ваша светлость? Но старик Хипни может вам кое-что порассказать о демократии. Так сказать, из первых рук. Демократия была великая вещь в дни моей молодости, хотя мы и не имели права голоса. Мы грозили общественным мнением, говорили о том, что́ допустит английский народ и чего он не допустит. У демократии был вес, говорю я вам, она связывала руки властям, пугала самое высшее начальство, хозяев и полицию; она придавала пафос речам таких великих ораторов, как Брайт и Гладстон. Но все это было, пока демократия оставалась мечтой, иллюзией, надеждой и верой. Все это длилось, покуда демократию не стащили с небес на землю и не превратили ее, так сказать, в реальность, дав всем право голоса. И стоило рабочим получить право голоса, как выяснилось, что те готовы терпеть все что угодно. Дали избирательные права женщинам и увидели, что те еще хуже мужчин, ибо мужчины будут голосовать за мужчин, — не тех, что надо, но все же мужчин, а женщины не будут голосовать даже за женщин. С тех пор политика превратилась в посмешище. Парламентские лидеры говорят одно в понедельник и совсем обратное — в среду, и никто даже не замечает разницы. Так называемые демократы кидаются на народ в Египте, в Индии и в других странах с огнем и мечом — лупят, вешают, жгут дома и бомбят зимние запасы, и на

следующих выборах рабочие избиратели снова сажают их в парламент, будто они святые угодники, в то время как людей вроде меня, отдавших всю свою жизнь на служение народу, выкидывают пинком в зад, словно каких-то уголовников. И эти бедные овцы в этом даже не виноваты. Они просто ничего не замечают, ничего не помнят, ничего не могут понять; им заморочили головы на митингах или газетными статьями. Вы можете привести их в паническое бегство, крикнув, что напали русские, или воодушевить, пообещав повесить кайзера или еще какую-нибудь ерунду, которой не обманешь и четырехлетнего дитятю. Вот для меня на этом и кончилась демократия, хотя кто же на нее возлагал больше надежд, кто более искренне, всем сердцем верил в то благо, которое достанется людям, когда они добьются своего права голоса наравне с господами. Всеобщее избирательное право — вот что всех нас спасет! Господи! Да оно предало нас в руки наших грабителей и угнетателей, связало по рукам и ногам нашей собственной дуростью и невежеством. Старик Хипни потерял всякую надежду, и теперь я пойду за любым Наполеоном, Муссолини, Лениным или Чевендером, у которых хватит духу схватить и народ, и его угнетателей за шиворот и, дав хорошенький пинок, вытолкнуть их на ту дорожку, по которой им надо пойти.

Бешен. Чего же вы хотите — диктатора?

Хипни. А я не знаю, что лучше: один диктатор, ответственный за добро и зло, которое он творит, или туча маленьких подлых диктаторов на каждом углу, которые ни перед кем не отвечают и могут вас выгнать из дому, если вы откажетесь им платить за самое право вашего существования, или выгнать с работы, если вы осмелитесь говорить с ними как равный. Меня словом «диктатор» не испугаешь. Нам диктовали всю жизнь всякие свиньи, жадные хари, которые думают, что миру конец, если власть будет не у них в руках.

Сэр Артур. Побойтесь бога, мистер Хипни! Не выплескивайте вместе с водой и ребенка! Власть должна принадлежать народу, у него должно быть и право голоса и право выбора.

Хипни. Дайте ему и голос и выбор. Но у него же нет пока ни того, ни другого. Дайте ему право голосить, когда ему больно. А не делать вид, будто он понимает больше самого господа бога. Дайте ему право выбирать лучшего из умелых людей,— разве на берегу только один каме-

шек? Но пусть выбирают из сто́ящих людей, не из пусто́брехов, кинозвезд, солдат, богатеньких пшютов и делающих карьеру адвокатов. Как им отличить проходимца от пророка Моисея или царя Соломона? Евреи не выбирали Моисея, он просто сказал им, что им делать, и они его слушались. Вспомните, сколько они наломали дров, стоило ему отвернуться. Если вы, сэр Артур, хотите быть народным вождем, вы должны сами себя выбрать, поведя за собой народ. Старик Хипни пойдет за любым человеком, который его поведет за собой, и плевать ему на ваши выборы, вашу конституцию, демократию и все прочее!

Герцог. Полиция этого не разрешит, мистер Хипни.

Бешен *(поднимаясь и встав между Хипни и сэром Артуром)*. Ха-ха-ха! Это еще надо посмотреть! Я ведь могу встать и на вашу сторону, Артур, если поверю в вашу победу. Но с вас, Хипни, я глаз не спущу, вы человек опасный.

Сэр Артур. А я?

Бешен. Вы нет, а он да. Если пролетариат возьмет верх, Хипни будет уютно, а вам не очень, он душой за революцию, а вы только по расчету. Да и вашей жене она не очень понравится, а его жена, если она у него есть, будет «за».

Хипни. Нет у меня жены. Я теперь ни у кого под башмаком не состою. Померла. Да и дети подросли, с шеи моей слезли. Теперь я человек вольный и могу свою шею в петлю сунуть, ежели пожелаю.

Бешен. Интересно, Хипни, если я у вас сделаю обыск, найду я там бомбу?

Хипни. Конечно найдете, если сперва подложите. А куда годится полиция, если она не находит того, что хочет найти?

Бешен. Это идея. Ей-богу! Зря вы мне ее подсказали.

Хипни. На эту мысль не я один вас могу навести. И вы можете так поступить, если пожелаете. Неужели же нет? Но, пожалуй, совесть вам не позволит.

Бешен. Пожалуй.

Хипни *(хихикнув, встает)*. Ага! *(Внушительно.)* Да, господа хорошие, вы уж мне поверьте: если что и убережет эту, да и всякую страну от ада кромешного — это совесть тех, кто способен этой страной управлять.

Герцог *(вставая)*. Мистер Хипни, я целиком с вами согласен. Не пообедаете ли вы со мной в Карлтоне?

Хипни. Нет, эти важные клубы чересчур неразборчивы для таких, как мы с вами, там слишком много всякого сбро-

да. Давайте уж лучше я вас накормлю, я знаю такое местечко, где и готовят хорошо и общество избранное. Пойдемте, не пожалеете. Доброго вам утра, сэр Артур. Доброго утра, босс! *(Уходит, ухмыляясь.)*

Сэр Артур
Бешен } *(вместе)*. Прощайте!

Герцог. Вы бы, Артур, никогда от него не избавились, если бы не моя маленькая уловка. До свидания, до свидания, сэр Броадфут. *(Идет к двери.)*

Бешен. До свидания. Желаю приятно провести время.

Герцог. Зря вы его не цените. Это уникум.

Бешен. В каком смысле, позвольте спросить?

Герцог. Он единственный политический деятель из всех, кого я встречал, которого хоть чему-то научил жизненный опыт. *(Уходит.)*

Бешен. Пора и мне к себе, в Скотланд-Ярд. Безработные получат всеобщие выборы, это их отвлечет. Вы, вероятно, сразу же поедете в свой избирательный округ?

Сэр Артур *(вставая)*. Нет, я не выставлю своей кандидатуры.

Бешен *(возвращаясь, с изумлением)*. Не будете баллотироваться? То есть как? Не можете же вы наметить такую программу, а потом уйти в кусты?

Сэр Артур. Я покончил с парламентом. Слишком много извел на него жизни.

Бешен. Уж не собираетесь ли вы проповедовать свои взгляды на уличных митингах? Вам же только голову расшибут!

Сэр Артур. Не беспокойтесь. Ваши молодчики мне ее не расшибут, у них хватит почтения к бывшему премьер-министру. Но я не собираюсь стать уличным агитатором. Я ведь не деятель, а только болтун. И пока люди действия не прогонят болтунов, мы, у кого еще осталась общественная совесть, будем во власти тех, у кого ее нет, а, как верно заметил Хипни, это ад кромешный. Можете выразить это лучше?

Бешен. Я бы окрестил это подлократией.

Сэр Артур. Вы в нее верите? Лично я — нет.

Бешен. До поры до времени она себя оправдывает. Не расшибите о нее голову, пока люди действия с ней не покончат. Привет!

Сэр Артур. Привет! Постараюсь.

Бешен выходит.

Сэр Артур снова опускается в свое кресло и, уперев локти

в колени, мрачно сжимает кулаками виски. В комнату через потайную дверь врываются Баркинг и мисс Броликинс, отталкивая друг друга. Сэр Артур устало поднимает голову.

Баркинг. Я первый! Выйди и подожди своей очереди.

Алоизия. Порядочные люди пропускают дам вперед. Сэр Артур!..

Баркинг *(железной рукой преграждая ей путь)*. Плевал я на дам! Да и какая ты дама? Сэр Артур, я сделал предложение вашей дочери Флавии, а она мне как попугай твердит, что не желает вступать в брак по расчету и никакой черт не заставит ее выйти замуж за вшивого виконта. Хочет в мужья бедняка. Я пригрозил, что пойду через ее голову прямо к вам. Вы не позволите ей прозевать такую выгодную партию. Употребите свою власть. Заставьте ее за меня пойти.

Сэр Артур. Пожалуйста. Я могу ей приказать, если вы думаете, что вам это хоть сколько-нибудь поможет. Будьте добры, сошлитесь на меня. Я очень занят.

Баркинг. Бегу! *(Выскакивает в потайную дверь.)*

Сэр Артур. Присядьте, мисс Броликинс. Вы согласовали вопрос с Дэвидом?

Алоизия *(садясь с довольно несчастным видом)*. Ну да, согласовала. Но он упрямится. У него неправильный подход...

Сэр Артур. Неужели он против? Я-то думал, что он руками и ногами схватится...

Алоизия. Спасибо, если вы говорите искренно. Но он такой болван. Ему, видите ли, не нравится моя фамилия. Говорит, что она дурацкая.

Сэр Артур. Но после свадьбы она же будет другая.

Алоизия. Да, но в объявлении о браке в «Таймс» будут стоять рядом Чевендер и Броликинс. Моя фамилия его не устраивает. Послушали бы вы только, как он о ней выражается.

Сэр Артур. Надеюсь, он не употребил эпитета, которым его сестра обозвала титул бедного юноши Баркинга?

Алоизия. Употребил. Ну и лексикон же у вас тут, в Вест-Энде! Понять не могу, где вы только набираетесь таких слов!

Сэр Артур. Не огорчайтесь, мисс Броликинс. Это несерьезно.

Алоизия. А вам не противно называть меня Алоизией? Ко-

нечно, вы тоже можете звать меня Бролли, но мне было бы приятней — Алоизией.

Сэр Артур. С удовольствием, Алоизия.

Алоизия. Спасибо. Мне так бы хотелось избавиться от этой «Броликинс». Мне всю жизнь стыдно своей фамилии. В ней и правда есть что-то ужасно комичное. Но я-то не виновата, правда?

Сэр Артур. Но вы легко можете переменить фамилию на любую другую. Это стоит всего десять фунтов, и пускай Дэвид их заплатит, если это делается из-за него. Как вам нравится, например, Болинброк? Тогда и метки для прачечной не придется менять. И в «Таймс» будет выглядеть совсем неплохо.

Алоизия. Спасибо, это вполне деловое предложение. Пусть теперь Дэвид попробует травить меня моей фамилией!

Сэр Артур. Ну, а теперь бегите, венчайтесь!

Алоизия. Но это еще не все, сэр Артур. Он такой странный парень. Говорит, что никогда никого не любил, кроме своей сестры, и ненавидит свою мать.

Сэр Артур. Ну, какое он имеет право так говорить? Вовсе он ее не ненавидит. Современная молодежь начиталась книг по психоанализу и набила себе голову всякой ерундой.

Алоизия. Будто я не знаю, что такое психоанализ! Я ему объясняла, что он влюбился в свою мать и ревнует к ней вас. Словом, эдипов комплекс, понимаете?

Сэр Артур. А он?

Алоизия. Послал меня ко всем чертям. Но я научу его прилично себя вести.

Сэр Артур. Очень вас об этом прошу. А какие у него еще возражения?

Алоизия. Он еще говорит, что его родня не вынесет моей родни.

Сэр Артур. Мальчишка! Сноб! Что касается снобизма, то тут он попал в точку. И что вы ему ответили?

Алоизия. Правду — что моя родня не вынесет его родни. Но что я делаю предложение ему, а не его родне. И выхожу замуж за него я, а не моя родня.

Сэр Артур. А он что?

Алоизия. Послал меня к едрене фене. Он ведь, знаете, какой...

Сэр Артур. Да, он очень вспыльчивый.

Алоизия. Ничего, я его отучу.

Сэр Артур *(серьезно)*. Берегитесь. Все молодые женщины

поначалу верят, что им удастся перевоспитать своих мужей. Это не так. Если вы станете женой Дэвида, он все равно останется Дэвидом, и никем другим, пока смерть вас не разлучит. И если он послал вас сегодня к этой самой... фене, будьте уверены, что он вас пошлет к ней в день вашей серебряной свадьбы!

Алоизия *(грозно)*. Посмотрим!

Сэр Артур. Разрешите спросить: этот брак – ваша идея или его придумал Дэвид? Пока что я не заметил, чтобы он проявлял по отношению к вам... ну, скажем, глубокое чувство привязанности...

Алоизия. Мы с ним это обсуждали.

Сэр Артур. К обоюдному удовольствию?

Алоизия. Вроде да. Видите ли, сэр Артур, я начитанная, мыслящая современная женщина. И умею смотреть на подобные вещи объективно, с научной точки зрения. Сами знаете, на своем пути встречаешь тысячи людей и они в половом отношении тебя совершенно не волнуют, пальцем ни до кого из них не дотронешься. И вдруг выбираешь кого-нибудь одного и вся загораешься от влечения. Если он человек дурной, тебе становится стыдно за себя и ты от него бежишь. Но если он хороший, ты себе говоришь: «Этот мужчина – для меня». Наверное, и вы это испытали?

Сэр Артур. Несомненно. В ту минуту, когда я увидел леди Чевендер, я сказал себе: «Вот эта женщина – для меня».

Алоизия. Ну, а в ту минуту, когда мой взгляд упал на Дэвида, я почувствовала это всем моим существом. Вы же не будете отрицать, что он хороший мальчик, хоть и неприлично выражается? Поэтому я себе сказала...

Сэр Артур. «Дэвид – это мужчина для меня»?

Алоизия. Нет, я себе сказала: «Теория эволюции подсказывает, что я должна выйти замуж за этого юношу». Ведь такое чувство пробуждает инстинкт продолжения рода.

Сэр Артур. Чего?

Алоизия. Инстинкт продолжения рода. То, что способствует развитию расы. Если я выйду замуж за Дэвида, мы будем обогащать нашу расу. А это главное в браке, верно?

Сэр Артур. Моя дорогая, инстинкт продолжения рода, может, и помогает развитию расы, но он вряд ли обеспечит семейное счастье. Я знал самых необыкновенных детей, которые родились от самых немыслимых и несчастливых браков.

Алоизия. Придется рискнуть, сэр Артур. Брак ведь это лоте-

рея. По-моему, я могу сделать Дэвида счастливым, насколько это возможно в нашем...

Сэр Артур. Подлом мире. О да. Но я бы на это не нажимал.

Алоизия. Я хотела сказать: в капиталистической фазе нашего общественного развития. Разрешите вам заметить, что я не пользуюсь терминологией вашей бабушки.

Сэр Артур. Извините за обмолвку, но я, увы, пользуюсь именно этой терминологией. А вы объяснили свою эволюционную точку зрения Дэвиду?

Алоизия. Конечно. Ведь он уже не ребенок.

Сэр Артур. И что он сказал?

Алоизия. Послал меня... Не могу даже повторить. Но это все же признак нашей близости, правда? Я бы не вынесла его отчуждения. Он со мной разговаривает так, будто мы уже женаты.

Сэр Артур. Понятно. Но испытывает ли он к вам те же чувства, что вы к нему? Выбрал ли он вас из тысячи дам, к которым он был равнодушен? Пользуясь вашим выражением, воспламеняется ли все его существо в вашем присутствии?

Алоизия. Да, когда я держу его в руках. В этих делах его еще надо учить. Его надо разбудить. Но он подает надежды.

Сэр Артур. Ну что ж, чему быть – того не миновать. Я не отказываю в своем благословении. Вот и все, что я могу вам сказать. *(Поднимается.)*

Она встает тоже, собираясь уйти.

Видите ли, Алоизия, упадочное общество, в котором я живу, придерживается негласного принципа: говорить и вести себя так, как от тебя этого ждут. Мы чувствуем себя беспомощными, когда этот несчастный закон нарушается. Не знаем, что сказать и как поступить. Ну, а вы этот закон нарушаете самым беспардонным образом. То, что вы сказали, неслыханно...

Алоизия. Но это же правда.

Сэр Артур. Что и есть верх неприличия в хорошем обществе. И я растерян. Но, как видно, сын мой не растерялся. Он знает, как с вами управиться, а я нет. И потому вынужден направить вас к нему для дальнейших переговоров.

Они протягивают друг другу руки, чтобы проститься, и в этот момент появляется леди Чевендер.

Леди Чевендер. Вы еще здесь, мисс Броликинс? А я думала, что вы уже ушли.

Сэр Артур. Дорогая, она хочет выйти замуж за Дэвида.

Леди Чевендер *(спокойно)*. Еще бы. На месте мисс Броликинс и я хотела бы выйти замуж за Дэвида...

Алоизия. Я понимаю вашу классовую точку зрения, леди Чевендер. Вы считаете, что это завидная партия для меня и мезальянс для него?

Леди Чевендер. Мы обе это понимаем, мисс Броликинс, однако не я высказала это вслух. Может, вы присядете? *(Садится первая.)*

Алоизия *(бормочет)*. Я собиралась уйти... *(Садится.)*

Леди Чевендер. Думаю, что брак с вами будет на пользу Дэвиду. У вас есть все то, чего ему недостает. И он уже несколько месяцев твердит, что женится только на фабричной работнице.

Алоизия. Я работала на фабрике, когда нам, учителям, понизили оплату. Там я стала секретарем профсоюза. Я сразу же выдвигаюсь, куда бы я ни попала, такое уж у меня свойство. Но я пролетарка до мозга костей, а ведь Дэвид этого и хочет.

Леди Чевендер. Таких в Англии не существует, мисс Броликинс. У нас никогда не было настоящей дворянской касты: младшие сыновья становились простонародьем.

Сэр Артур. Да, Алоизия, во всех британцах течет голубая кровь.

Алоизия. Ладно, зовите себя, как вам будет угодно. Я только говорю, что принадлежу к простому рабочему народу и этим горжусь, но ведь и Дэвид этого хочет, верно?

Леди Чевендер. Я сказала, что он хочет жениться на работнице. Но не знаю, как он поступит, если работница захочет женить его на себе. Вы ему уже сделали предложение?

Сэр Артур. Да. Он послал ее к дьяволу.

Леди Чевендер. У Дэвида есть такая привычка — посылать людей к дьяволу, когда ему лень придумать что-нибудь получше. Но вы решительная и удачливая девица, мисс Броликинс, а Дэвид человек нерешительный и явный неудачник. Если вы собираетесь выйти за него замуж, вам это несомненно удастся. Но вам придется его содержать. Думаю, что и это не будет вам труднее, чем содержать себя.

Алоизия. Я надеюсь, что он будет сам зарабатывать себе на жизнь.

Леди Чевендер. Брак редко оправдывает наши надежды. Вы еще плохо знаете Дэвида.

Алоизия. Я найду ему работу и постараюсь, чтобы он ее выполнял. Я его этим заинтересую.

Сэр Артур. Прекрасно!

Алоизия *(с недоумением)*. Что-то я вас обоих не пойму. Я думала, что вы взбеситесь. Вы за меня или вы против?

Леди Чевендер. Простите, мисс Броликинс, но есть две области, к которым я не питаю ни малейшего любопытства: политика и чужие романы. И то и другое наводит на меня смертную тоску.

Алоизия *(сэру Артуру)*. Неужели судьба Дэвида вас совсем не занимает?

Сэр Артур. Дэвид в том возрасте, когда ему пора выйти из-под отцовской опеки. В эти годы они очень чувствительны к вмешательству взрослых. Он сочтет мой интерес к его судьбе родительской тиранией. Поэтому я всячески избегаю проявлять такой интерес.

Алоизия *(вставая)*. Ну, знаете! Вы мне выговаривали за то, что я изъясняюсь не так, как принято, но вы оба — самая ни на что не похожая пара, какую мне приходилось встречать! Как мне все это понимать? Вы дадите Дэвиду свободу сделать свой выбор?

Сэр Артур *(вставая)*. Мы даже дадим ему свободу последовать вашему выбору, если он этого пожелает.

Леди Чевендер *(поднимаясь)*. Меня, прошу вас, избавьте от решения этого вопроса. Он касается не меня, а моего сына. Я не враг ни ему, ни вам.

Алоизия *(растерянно)*. Но как, по-вашему,— должна я выйти за него замуж?

Леди Чевендер. Никто не должен выходить замуж, Алоизия. Но выходят.

Алоизия. Спасибо хотя бы за то, что вы назвали меня по имени. Это самое большее, чего мне удалось здесь добиться.

Алоизия собирается уйти, но в комнату через потайную дверь врывается Дэвид.

Дэвид. Послушай, Алоизия, что ты затеяла? Если ты думаешь меня облапошить, облапошив моих предков,— зря стараешься. Им на меня начхать, лишь бы поскорей сбыть меня с рук. И я не позволю, чтобы лезли в мою жизнь. Понятно? Я не позволю, чтобы лезли в мою жизнь!

Алоизия. Ты в подметки не годишься своим родителям, грубиян! Ты меня оттолкнул таким разговором в присутствии матери. Если бы я была твоей матерью, я бы отлупила тебя по первое число.

Дэвид *(в ужасе)*. Алоизия! *(Пытается ее обнять.)*

Алоизия. Убери свои грязные лапы! *(Отталкивает его.)* Прощай, между нами все кончено! Конец! *(Бурно уходит.)*

Дэвид *(громко стеная, матери)*. Ты погубила мою жизнь! *(Бежит за Алоизией с криком.)* Постой, Алоизия, постой! *(Крики его стихают вдали.)*

Леди Чевендер
Сэр Артур } *(вместе)*. Кажется, ему повезло!

Леди Чевендер. Прости, пожалуйста, что ты сказал?

Сэр Артур. Я сказал, что, кажется, ему повезло.

Леди Чевендер. Это и я говорю. Дэвид – вырожденец, у него такая тонкая душевная организация, что он уже ни на что не способен, да и физически не так уж крепок. Нашу породу надо хоть раз в три или четыре поколения скрещивать либо с трущобами, либо с деревней. Дядя Теодор намеренно женился на кухарке, и его жена была моей любимой теткой. От Броликинс у меня порой волосы встают дыбом, но она хотя бы не будет нагонять на меня тоску, не то что невестка из хорошего дома. Никогда не будешь заранее знать, что она скажет или сделает. А если бы она была леди, я бы это знала наизусть. Мне так прискучили благовоспитанные люди, партийные дрязги, светские развлечения и все такое прочее...

Сэр Артур. Мне иногда кажется, что ты единственная настоящая революционерка, каких я видел!

Леди Чевендер. Ну, таких, как я, сколько хочешь. Мы родились в высшем обществе, а оно нам ни к чему. У нас на его счет нет уже никаких иллюзий, но ни на что лучшее мы не пригодны. Я вовсе не против этой Броликинс.

Сэр Артур. А как насчет Баркинга?

Леди Чевендер. Я...

Через потайную дверь входит сияющий Баркинг. Подойдя к лорду и леди Чевендер, хлопает их обеими руками по спинам. Они резко вздрагивают и смотрят на него с возмущением.

Баркинг. Прекрасные новости, старики! С Флавией полный порядочек! Готовьте жратву. Ур-ра! *(Самодовольно потирает руки.)*

Сэр Артур. А как вы преодолели ее навязчивую идею – выйти замуж за бедняка?

Баркинг. Детские бредни. Видите ли, Флавия сегодня побывала на митинге безработных и увидела бедняков воочию. Они были с ней очень милы, и это решило дело. Она-то ведь думала, что бедняки – это хамы, охальники и ведут себя с бабьем по-скотски. Это было ее идеалом мужа. А оказалось – ничего похожего. Я же, наоборот, отвечаю ее идеалу. Настоящий мужчина! Я обзывал ее последними словами, пока она не скуксилась, моя душечка. Мы будем абсолютно счастливы. Поздравь меня, старушка! *(Целует леди Чевендер, которая слишком поражена, чтобы этому воспрепятствовать.)* Ку-ку, Чевендер! *(Хлопает его по плечу.)* Порядочек! Пойду куплю ей кучу всяких побрякушек! *(Выбегает в наружную дверь.)*

Сэр Артур. Таким путем...

Леди Чевендер *(молча трет щеку, которую Баркинг поцеловал)*. Хам! Как он смел меня поцеловать?!

Сэр Артур. Ну вот, наконец мы свободны. Понимаешь? От всего, дорогая. У нас больше нет детей. Нам больше не нужен этот огромный дом. Мы сможем доживать нашу жизнь, как нам нравится. Маленький домик рядом с полем для гольфа... Чего бы ты хотела?

Леди Чевендер. А твоя политическая карьера? Неужели ты от нее откажешься?

Сэр Артур. Она отказалась от меня, дорогая. Неужели ты не рада?

Леди Чевендер. Артур, я этого не вынесу.

Сэр Артур. Чего?

Леди Чевендер. Я не могу видеть, как ты угнетен! Ведь ты всегда был таким оптимистом. Если новая жизнь означает, что ты утратил мужество, бодрость, уверенность в себе, – не надо, лучше занимайся политикой. Я готова вынести даже это, лишь бы у тебя не было горечи в сердце. Она убивает, а если ты умрешь, и я умру. *(Закрывает лицо руками.)*

Сэр Артур. Не выдумывай, дорогая! Я вовсе не так уж удручен. Я испытываю удивительное чувство облегчения оттого, что понял себе цену и перестал себя обманывать. Это выглядит как отчаяние, а на самом деле в этом проблеск надежды и конец лицемерию. Неужели ты думаешь, что даже в расцвете моей карьеры, когда я произносил громоподобные речи и обыватели ревели от восторга, я не знал, что только лакирую народную нище-

ту? И делал я это неплохо, мне не стыдно сказать это вслух, а когда что-нибудь делаешь мастерски, это всегда дает тебе удовлетворение, будь то протаскивание важного билля через палату общин, или триумфальное выступление на большом митинге, или выигрыш на чемпионате по гольфу... Все это тешило душу, и я до сих пор немножко собой горжусь. Но если бы даже не было тебя, чтобы напоминать мне, что вся моя болтовня — это пар над супом, я бы знал не хуже этих проклятых социалистов, что, хотя Вест-Энд битком набит деньгами и порядочными людьми, которые друг с другом на «ты», миллионы людей, чей труд движет всю нашу жизнь, ведут нечеловеческое существование. Я это знал, но разрешал себе об этом не думать, утешаясь тем, что все равно ничем не могу им помочь и делаю все, что в моих силах. Теперь я знаю, что можно помочь, и знаю, как это сделать. Но чем снова заниматься лакировкой, я предпочту схватить тебя в охапку и кинуться с тобою вместе в омут.

Леди Чевендер. Так почему же, мой дорогой, ты...

Сэр Артур. Не возглавлю восстание? Потому что для этого не гожусь, моя любимая, и ты это знаешь лучше всех. И больше того: я буду ненавидеть всякого, кто на это пойдет, — за жестокость и бедствия, которые это восстание принесет нам с тобой и всем нам подобным.

Крики разъяренной толпы вдруг врываются с улицы; слышен звон разбитых стекол и полицейские свистки.

Леди Чевендер. Господи, что это?

Вбегает Хилда, бежит к окну.

Что там происходит, Хилда?

Хилда. Безработные прорвались на Даунинг-стрит и бьют стекла в Министерстве колоний. Они думают, что по эту сторону улицы только частные дома.

Сэр Артур *(подходя к окну)*. Бедняги, вечно они бьют не те стекла, какие надо!

Хилда. Ах! Конная полиция!

Сэр Артур. Прекрасные кони у этих ребят!

Хилда. Народ побежал. И не могут выбраться, там тупик! Вот трусы, чего они бегут? Дали бы им как следует!

Леди Чевендер. Кому им? Что вы говорите, Хилда?

Сэр Артур. С людьми всегда так. Они бегут, потому что у них нет настоящего вожака и выдержки.

Хилда. А зачем же полиции тогда бить их дубинками по голове? Смотрите, как полицейский стукнул вон того старика...

Сэр Артур. Отойдем, это такое неприятное зрелище. *(Отводит ее от окна.)*

Хилда. Еще ничего, когда читаешь об этом в газетах, а когда видишь своими глазами, так бы и закидал эту проклятую полицию камнями.

Сквозь шум прорывается грозное пение.

Леди Чевендер *(выглядывая в окно)*. Кто-то открыл им боковые ворота в гвардейские казармы. Они поют!

Сэр Артур. Что они поют? «Красное знамя»?

Леди Чевендер. Нет. Я этой песни не знаю. Но первые два слова расслышала: «Англия, восстань!»

Хилда *(вдруг кричит)*. О господи! Я пойду к ним! С ними! *(Выбегает.)*

Леди Чевендер. Хилда! Хилда!

Сэр Артур. Не беспокойся, полиция ее знает. Ее не тронут... К чаю она вернется. Но то, что почувствовала она, завтра может почувствовать вся молодежь. И только представь себе...

Леди Чевендер. Что?

Сэр Артур. А вдруг Англия и в самом деле восстанет?

Безработная Англия, однако, только и может, что кое-как петь, под аккомпанемент ударов полицейских дубинок, песню на слова Эдуарда Карпентера:

«Англия, восстань! Долгую ночь сменяет заря. Вот она, гляди, загорелась на востоке. Восстань от злого сна страданий и непосильного труда.

Восстань, о Англия! День настает. С твоих полей и гор уж слышен клич ответный: о Англия, восстань, твой светлый день настал!»

ШЕСТЕРО ИЗ КАЛЕ

**Средневековая военная
история в одном акте
Жана Фруассара, Огюстена Родена
и Бернарда Шоу**

1934

THE SIX OF CALAIS

В первой постановке этой коротенькой пьесы наиболее интересным оказалось то, что благодаря ей на всеобщее обозрение было выставлено примечательное невежество теперешних лондонских газетчиков. Короля они неизменно представляли себе любезным и глубоко добропорядочным джентльменом с викторианской бородкой, приветливо пожимающим руки рдеющей от смущения футбольной команде. Королева для них была величественной дамой, с волосами, убранными также по-викториански, благосклонно принимающей букеты от наряженных и неправдоподобно чистых детей. Так представляли они внука Эдуарда Великого и Филиппу, его королеву. Их ранило, потрясло и возмутило зрелище, которое явил собою средневековый монарх-солдат, публично беснующийся и извергающий проклятия, смеющийся и рыдающий, с кичливой жестокостью утверждающий свою власть и через мгновение плачущий в голос, как ребенок, на коленях у жены или рычащий, как свирепый пес, на отважного и дерзкого торговца; словом, поступающий так, как поступает в затруднительных обстоятельствах человек, не связанный никакими нормами, а не так, как ведет себя на параде современный конституционный монарх, поддерживающий изысканный миф о своем существовании в политическом вакууме и действующий только тогда, когда министры дергают его за веревочки. Эдуарду Третьему Плантагенету самому приходилось дергать остальных за веревочки, и делать это весьма усердно, ибо его отец, относившийся к своим обязанностям слишком легкомысленно, был убит самым жалким образом. Но критикам все это было не известно. Король, который выглядел не так, как подобало бы сыну Эдуарда Седьмого, казался им противоестественным, вследствие чего они и рвали на себе одежды. Возможно, их озадачил тот факт, что моя пьеса не содержит никакой морали. Почти каждый год я атакую их пространной пьесой, полной коварнейшей пропаганды, с моралью в каждой строчке. Они никогда не обнаруживают того, ради чего я писал ее: это всегда сформулировано слишком просто и по-семейному для их изощренных, всеохватывающих умов; но они чувствуют, что я писал

ради чего-то, возможно, такого, с чем лучше не соглашаться, если не хочешь лишиться средств к существованию. Пьеса, которую я мог написать единственно ради своих прямых обязанностей драматурга, так же непостижима для них, как и средневековый король.

Прямая обязанность драматурга — просто давать материал театру. Если помимо этого при сочинении пьесы я испытываю соблазн дать двадцатому веку новейшую религию или еще что-нибудь в таком же роде, подобная роскошь добавляется мной безвозмездно и пьеса как таковая не обязательно становится тогда лучше или хуже. Что же представляет собою пьеса как таковая?

О, она чрезвычайно многообразна. Жизнь, какою она является нам, так беспорядочна, что воспроизвести ее в сколько-нибудь внятном виде можно, лишь расположив ее отдельные существеннейшие моменты в той логической последовательности, в которой они никогда не встречаются на самом деле. Драматический поэт интеллектуального толка стремится представить жизнь понятной и возвышенной. Автор фарсов надеется представить ее смешной. Поставщик мелодрам жаждет представить ее столь же захватывающей, какой некоторые находят криминальную хронику. Сочинитель порнографии хочет представить ее непристойной. Все, кто стремится дать жизни действенную интерпретацию — высокую ли, низкую ли,— обретают свое орудие в театре; и все ученые определения драмы лишь варьируют эту ее основополагающую задачу.

Однако у драмы есть еще одна задача, невероятно раздувавшаяся с шекспировских времен до середины девятнадцатого века, а теперь почти забытая. Она мне весьма по душе, и, сочиняя пьесы, я постоянно имею ее в виду. Эта задача — создавать условия для демонстрации актерского искусства. Хорошая пьеса с неудачными ролями для актеров — явление возможное, но чудовищное. Плохая пьеса с выигрышными ролями держится на сцене и живет благодаря актерам, хотя бы ее архаическая идея обрекла ее на смерть уже столетия назад. Значительная часть британской драмы от Шекспира до Булвер-Литтона не живее покойника и была бы совершенно неприемлема, если бы не исполнялась иногда с героическим подъемом; при этом Отелло и Ришелье до сих пор обеспечивают приток наличных в театральные кассы, и неослабевающая энергия тратится на все новые постановки «Школы злословия».

Розалинда всегда спасет «Как вам это понравится» от бесплодных поучений меланхолического Жака; и Миламент, при всей несносности этого характера, по-прежнему вызывает традиционные похвалы стилю и остроумию Конгрива, который считал возможным насмехаться над сифилитиками, рогоносцами и похотливыми старухами. «Шестеро из Кале» — материал для актеров и ничего больше. Пьеса была так хорошо сыграна, что, случись это в восемнадцатом столетии, кругом только и говорили бы о Сидонс в роли Филиппы. Но никто, кроме зрителей, не выразил театру своей благодарности: критики, черт бы побрал их зрение, не могли прийти в себя после пережитого шока.

Мне пришлось внести значительные изменения в ту нелетицу, которую рассказывает Фруассар, убежденный, что «разбой и грабеж были достойным занятием», при условии, если разбойник оказывался по меньшей мере бароном. По моему мнению, этот старый сноб совершенно не справился со своим делом.

Четвертое августа 1347 года от рождества Христова. Действие происходит под стенами Кале в последний день осады. Палатка короля Англии Эдуарда III по левую руку смотрящих на городские стены. Палатка его супруги Филиппы из Эно — справа. Между ними, ближе к палатке короля, двойной трон для публичных аудиенций. На заднем плане лес палаток, но посередине лагеря виднеется тропа, ведущая к городским воротам, подъемный мост еще поднят, флаг над городом еще реет. Семнадцатилетний Черный принц несется мимо палатки королевы, за ним бегом следует сопровождающий его слуга.

Принц. У королевской палатки нет никого, кто доложил бы обо мне. Что это может значить?

Из королевской палатки доносится детский крик, оттуда выскакивает семилетний Джон Гонт и бежит к палатке матери; принц ловит его.

Ну что, Джонни? В чем дело?

Джон *(вырываясь)*. Пусти. Отец в ужасной ярости.

Принц. Я сам сейчас приду в ярость. *(Отпускает его.)* Ступай же к матушке.

Мальчик ищет убежища в палатке королевы.

Голос короля. Ну, видали! Почему мне не доложили?

Тридцатипятилетний король Эдуард III в бешенстве выскакивает из палатки.

Негодяй! Вон!

Слуга бежит что есть мочи.

Ты давно здесь? Они никогда мне ничего не сообщают, словно я собака, а не король.

Принц *(собирается преклонить колени)*. Ваше величество...

Король. Нет, нет, хватит. Известия. Есть что-нибудь из Шотландии? Из Уэльса?

Принц. Я...

Король *(не дожидаясь ответа)*. Нет слов, каково здесь положение. Гнев господа и всех его святых на этом походе.

Принц. Уповаю, сэр, что это не так.

Король *(раздраженно)*. Да испепелит и разрушит господь этот проклятый город. Всякий бы подумал, что эти псы выползут ко мне из своей конуры и станут валяться у меня в ногах, умоляя о пощаде. Разве я не их законный государь, а?

Принц. Конечно, сэр. Они...

Король. Они держат меня тут двенадцать месяцев. Целый год! Мои дела в забросе, планы спутаны, деньги на исходе. Тут, под стенами Кале, смерть, болезни, мятеж, собачья жизнь зимой и летом. Подонок, который руководит у них обороной, явился с требованием условий. Слышишь?! Условий! Явился, глядя мне прямо в глаза, с поднятой головой, точно я, их король, прах под его ногами. Клянусь богом, я завладею этой головой, я швырну ее на съедение псам. Я четвертую дерзкого парламентера.

Принц *(потрясен)*. Нет, сэр, парламентера убивать не годится.

Король. Они довели меня до того, что я способен четвертовать всех парламентеров в христианском мире. *(Опускается на трон и неожиданно становится смехотворно чувствителен.)* Я не сказал тебе самого страшного: королева, твоя мать, моя Филиппа, здесь, понимаешь, Эдуард, здесь, в нынешнем своем состоянии. Даже это их не тронуло. Они хотят ее смерти, хотят погубить ее и наше невинное, еще не увидевшее света дитя. Подумай об этом, мой сын, подумай. *(Чуть не плачет.)*

Принц. Спокойнее, отец. Они тут ни при чем, виноват только ты.

Король. Тебе угодно шутить? Но если тут не их вина, это обернется бедой, так как в наказание я прикажу всех мужчин, женщин и детей разорвать раскаленными докрасна щипцами.

Принц. Действительно, дорогой сэр, у вас есть все основания тревожиться, но, рассуждая трезво, как обстоят дела? Они, конечно, должны испытывать смертельный голод. Стены-то выдержат, но желудки – нипочем. Не можете ли вы предложить им какие-нибудь условия, чтобы закончить это дело? Деньги уходят, время уходит. Своими угрозами вы только делаете их еще более безрассудными. Учтите, что мудрая политика состоит в том, чтобы наводить для отступающего врага мосты из серебра.

Король. Разве я этого не знаю? Разве я не был добр и великодушен? Разве не делал всего, что требует христианская рыцарственность? Они злоупотребляют моей мягкостью –

она только придает им уверенности в себе — и презирают меня.

Принц. Какие вы поставили условия?

Король. Я не грозил смертью никому из рыцарей. Я обещал, что ни одному человеку знатного происхождения и благородной крови не будет отказано в праве выкупить свою жизнь. Ведь как рыцарям им для вида полагалось побряцать оружием. Но *(впадает в раздражение)* разве я должен прощать самонадеянность этих подлых мошенников горожан, этих корыстолюбивых купцов, превративших гавань Кале в пиратское гнездо, этих смутьянов, торгашей, бешеных шавок, осмелившихся поднять оружие на тех, кто стоит выше их. Я бы изменил основам нашей жизни, нашей вере, если бы не проучил как следует этих бунтовщиков.

Принц. Несомненно, сэр. Но чего вы все-таки потребовали?

Король. Шестеро, как они себя называют, горожан из числа самых заносчивых и богатых — клянусь богом, они корчат из себя настоящих баронов, — шестеро должны явиться в одних исподних рубахах и с петлей на шее, чтобы я вздернул их на глазах сообщников. *(Снова повышает голос и начинает горячиться.)* Они по заслугам сдохнут собачьей смертью. Они...

Входит придворная дама.

Придворная дама. Сэр, королева. Тише.

Король *(переходит на шепот)*. Королева! Мальчик, ни слова больше. В ее положении королеве нельзя расстраиваться, а она принимает такие вещи слишком близко к сердцу. Будь осмотрителен ради всего святого.

Тридцатитрехлетняя королева Филиппа выходит из своей палатки в сопровождении свиты.

Королева. Дорогое дитя, добро пожаловать.

Принц. Как вы себя чувствуете, матушка? *(Целует ей руку.)*

Король *(заботливо)*. Мадам, достаточно ли тепло вы одеты? Хорошо ли стоять тут на холоде? Может быть, принести сюда жаровню, подушку и горячего питья, например молока с вином?

Королева *(делая реверанс)*. Дражайший сэр, не беспокойтесь. Я чувствую себя отлично, и воздух мне только полезен. *(Принцу.)* Мой дорогой, вам следует заботиться об отце. Он трясется надо мной, в то время как сам нуждается в присмотре. Я родила ему одиннадцать детей,

и, святая Анна свидетельница, они стоили мне меньше хлопот, чем один этот взрослый солдат, самый ребячливый из них всех. *(Королю.)* Вы надели свой фланелевый набрюшник, дорогой?

Король. Да, да, любовь моя. Не волнуйтесь обо мне. Думайте о себе и нашем младенце.

Королева. О, я сама позабочусь и о себе и о нем. Обещаю вам быть заботливой матерью. А теперь, солнышко, скажите мне, как идут дела. Я...

Ее речь прервана пронзительным звуком трубы.

Король. Что это? Что случилось?

Джон Гонт, который побежал к городским воротам поглазеть, что происходит, подлетает к разговаривающим в сильном волнении.

Джон Гонт *(в небрежном, торопливом движении склоняет колени)*. Сэр, они решили сдаться: мост опущен. Вышло шестеро пожилых горожан в одних рубахах и с веревками вокруг шеи.

Король *(ударяет его)*. Шш! Молчи, чертенок.

Королева. Пожилые люди в одних рубахах на таком холоде! Они схватят простуду.

Король. Это пустяки, моя любовь. Только знак подчинения. Вам следует вернуться к себе: вам не пристало видеть этих полураздетых людей. Я займусь ими.

Королева. Слишком долго не держите их на холоде, дражайший сэр.

Король *(исполненный супружеской любви, посылает ей воздушный поцелуй)*. Любовь моя!

Королева удаляется в свой шатер; знатные вельможи из окружения короля, среди них сэр Уолтер Манни, лорд Дерби, Нортгемптон и Эрендл, выходят из своих шатров и становятся за королевским троном. Черный принц тоже там, он стоит по правую руку от короля и присматривает за Джоном Гонтом.

Займемся теперь этими мерзавцами, этими кровопийцами. Я их проучу. *(Кричит.)* Доставьте их сюда. Тащите. Они попомнят, как держать меня тут целый год.

Входят шестеро горожан, подталкиваемые стражей; они в одних рубахах и с веревками на шее, в руках у каждого связка тяжелых железных ключей. Их глава Эстаж де

Сен-Пьер преклоняет колени перед королем. Четверо его товарищей по несчастию – Пьер де Виссан, Жак де Виссан, Жан д'Эр и Жиль д'Удеболь – опускаются за его спиной на колени и, следуя его примеру, кладут ключи на землю. Они глубоко подавлены, так как знают, что обречены, но все же сохраняют печальное достоинство. Иначе ведет себя шестой горожанин – Питер де Рости (кличка Упрямец), единственный без седины в бороде. У него упрямый подбородок с редкими щетинками волос. Питер сознательно отделяется от товарищей, проходя за троном по правую руку от короля, и стоит выпрямившись в гордо-независимой позе. Король гневно разглядывает Сен-Пьера и остальных и потому не замечает этого, пока Питер с силой не швыряет своих ключей, показывая этим, что не прочь был бы размозжить ими голову Эдуарду.

Король. На колени, пес.

Питер. Я пес в самом деле, но не из твоей псарни, осел.

Король. Я – осел?!

Питер. Приказывай своим псам, а я – свободный горожанин и не повинуюсь ничьим приказам.

Прежде чем пораженный король успевает парировать дерзость, Эстаж обращается к Питеру.

Эстаж. Мастер Питер, если ты не заботишься о себе, подумай, что судьба наших сограждан, наши жены и дети во власти этого великого короля.

Питер. Вы путаете Эдуарда с его дедом. Тоже мне великий! *(Сплевывает на землю.)*

Эстаж. Так-то вы держите обещание вести себя спокойно.

Питер. Зачем тратить на него почтительные слова, господин старшина? Самое большее, что король может сделать, это вздернуть нас. А что до города, я бы предпочел спалить его дотла, и заодно всех мужчин, женщин и детей, чем сдать его. Я пришел сюда, чтобы скорее было покончено с шестью висельниками. Король может меня повесить, но не запугать. Я ничем не хуже его, понимаете?

Принц. Эй, горожанин! Разве человеку твоего сословия можно так говорить с законным королем? Изволь вести себя в присутствии короля как подобает, или, клянусь святым Павлом...

Питер. А тебе известно, как мы вели себя в присутствии его королевского величества эти двенадцать месяцев? Неко-

горых из вас мы заставили убраться отсюда. Нас победил только голод, не вы. Дай мне сытный обед и добрый меч, и пусть все решит один честный поединок с этим огромным быком или его черномазым отродьем, если он меня боится, и мы посмотрим, кто кого осилит в этой собачьей драке.

Король. Валите его на колени. Подрежьте сухожилия, если будет упрямиться.

Трое стражников бросаются к Питеру и валят его на колени. Веревкой, висящей на его шее, они связывают Питера по рукам и ногам и, беспомощного, бросают на землю.

Вот так-то, господин горожанин.

Питер. Гав, гав, гав!

Король *(в ярости)*. Заткните ему рот. Заткните рот.

Стражники отрывают лоскут от рубахи Питера и делают из него кляп. До последней минуты Питер продолжает лаять. Джон Гонт хохочет до упаду и заражает смехом солдат.

Если кто-нибудь будет веселиться, я спущу с него шкуру.

Гробовое молчание.

А теперь, мои слуги, что вы можете сказать в оправдание дерзкого и упорного сопротивления своему королю все эти двенадцать месяцев?

Эстаж. Мы не ваши слуги, а свободные горожане славного города Кале.

Король. «Свободные горожане». Вы все еще продолжаете петь свою песенку. Отлично. Я заставлю ваших сограждан склонить головы, когда палач вздернет вас на виселицу. Разве я не ваш повелитель? Не ваш законный государь?

Эстаж. Вы только претендуете на это, сэр, и осуществляете свою претензию силой и оружием. Мы должны быть послушны вам и богу.

Король. Оставь в покое бога! Что ты и твои сторонники имеете общего с богом?

Эстаж. Ровно ничего. Мы не позволяем себе так далеко заходить. Однако с подобающим почтением к вашему могуществу я осмелюсь нижайше заметить вашему величеству, что господь бог все же имеет к нам некоторое касательство, поскольку он сотворил всех нас по своему подобию и искупил кровью своего возлюбленного сына.

Король *(принцу)*. Ты можешь что-нибудь понять из всего этого, мой мальчик? Не обвиняет ли он меня в неблагочестии? Если это так, клянусь богом...

Эстаж. Сэр, разве я могу в чем-нибудь обвинять вас? Мы здесь во прахе склонили колени перед вами, в одних рубахах и с веревками вокруг шеи; в таком виде вы скоро отправите нас к нашему общему создателю. *(Зубы его стучат.)*

Король. У вас есть все основания дрожать от страха.

Эстаж. Да, я дрожу, и те несколько зубов, которые у меня еще сохранились, действительно стучат. Но, джентльмены, видящие нас в столь жалком положении, я взываю к великодушию и рыцарственности, присущим знатным людям, засвидетельствуйте, что это утренний холод и отсутствие одежды заставляют нас дрожать. Мы стоим на коленях и молим о милосердии не к себе, а к своим несчастным, умирающим с голоду согражданам.

Король. Чья вина в том, что они голодают? Пусть благодарят за это самих себя. Почему они не открыли мне ворота? Почему подняли оружие на своего законного государя? С какой стати я должен быть милостив к ним или к вам?

Эстаж. Сэр, должно быть милосердным не за что-нибудь, а по любви к богу, из рук которого мы все ждем милосердия в наш последний час.

Король. Ты не сохранишь себе жизни проповедью. По какому вообще праву ты читаешь проповедь? О таких вещах приличествует говорить клирикам и ученым богословам, а не купцам и мятежникам. Я покажу вам, как восставать на тех, кто выше вас, кому господь судил держать вас в повиновении и покорности. Вы предатели и умрете как предатели! Скажите мне спасибо, что я освободил вас от мучений, грозящих в Англии предателям и разбойникам. *(Встает.)* Отдайте всех в руки палача, а трубачи пусть созовут на стены горожан, чтобы они получили урок, видя, как тела этих бунтовщиков качаются на виселице.

Трое стражников поднимают Питера; остальные хватают пятерых его товарищей.

Нет, оставьте этого пса. Виселица – слишком легкое наказание для него.

Торопливо и в сильной тревоге, сопровождаемая придворными дамами, приближается королева. Стражни-

ки в нерешительности отпускают свои жертвы. Очевидно, что появление королевы сводит на нет приказы короля.

Королева. Сэр, что я слышу?

Король *(спешит, чтобы преградить ей путь)*. Мадам, вам не подобает здесь находиться. Прошу вас, вернитесь к себе. Обстоятельства таковы, что вам лучше в них не вмешиваться.

Королева *(не обращая внимания на короля, приближается к пленникам, чтобы их рассмотреть)*. О, они почти раздеты! Это и не полагается, и нехорошо. Смотрите, пожилые люди почти совсем окоченели и сейчас должны были бы лежать в постелях.

Король. Скоро будут лежать. Оставьте нас, мадам: тут государственное дело. Эти люди страдают не более, чем того заслуживают. Я прошу и умоляю вас, я приказываю.

Королева. Дорогой сэр, ваши желания для меня закон, а приказы – долг. Но все же эти джентльмены совсем окоченели.

Король. Скоро они окоченеют еще сильнее, так что вам не надо беспокоиться. Не будет ли вам угодно, мадам, незамедлительно уйти.

Королева. Сейчас уйду, мой повелитель. *(Эстажу.)* Сэр, когда король закончит свои дела с вами, не выпьете ли вы со своими друзьями пару кружек теплого вина у меня в палатке? Вам дадут одежду.

Король *(задыхаясь от гнева)*. Горячего в...

Эстаж. Увы, мадам, когда король кончит свое дело с нами, нам не понадобится ничего, кроме гробов. Я тоже прошу вас уйти, чтобы ускорить наше переселение в царствие, где нас не сочтут виновными за то, что до последней капли крови мы будем защищать свои очаги и дома. Король не откажется от мести: мы уже исповедались и готовы.

Королева. О, вы ошибаетесь, сэр. Король не мстителен. Мой супруг – воплощение рыцарственности.

Эстаж. Вы плохо его знаете, мадам, мы лучше понимаем, чего можно ждать от Эдуарда Плантагенета.

Король *(с угрожающим видом проходит мимо королевы)*. А вы, достопочтеннейший купец, знаете? Вы знаете лучше королевы! Вам и людям, вам подобным, известно, чего можно ждать от ваших господ и правителей. На этот раз вы не ошиблись в своих ожиданиях и угадали совер-

шенно правильно. Вы все будете висеть в своих рубахах на потеху моим конюхам и их девкам.

Королева. О нет...

Король *(кричит)*. Мадам, я запрещаю вам говорить. Я просил вас уйти отсюда, вы не пожелали, а теперь увидите то, от чего я уберег бы вас, если б вы меня послушались. Бог свидетель, я буду хозяином в собственном доме и королем в собственном лагере. Уведите этих седобородых и повесьте.

Король садится на трон, руки скрещены решительно и неумолимо. Медленно и печально королева следует за ним и занимает свое место рядом. Воцарившееся глубокое молчание невыносимо.

Королева *(поникает, закрыв лицо руками)*. О!

Король *(корчась, как от боли)*. Не надо, не надо, не надо, не надо, не надо. Уведите королеву.

Королева. Сэр, я всегда причиняла вам множество хлопот. Я тысячу раз просила вас о милостях, уступках и подарках. Я нетерпелива и неблагодарна, без устали прося, прося и прося вас о чем-нибудь. Отказали ли вы мне хоть раз?

Король. Хорошо, разве это основание для того, чтобы я вечно жаловал и давал согласие, давал согласие и жаловал? Могу же я когда-нибудь поступить по-своему?

Королева. О, дражайший сэр, если в следующий раз я попрошу вас о чем-нибудь важном, откажите мне, преподайте мне урок. Но это такая малость. *(Печально.)* Я не могу смириться с тем, что вы отказываете мне в пустяке.

Король. В пустяке! Вы называете это пустяком!

Королева. Сущая малость, сэр. Вы — король, и в вашем распоряжении тысячи наших жизней, начиная с людей самых знатных и кончая самыми ничтожными. Все жизни в этом городе всецело в ваших руках, и в час победы вам вольно поступить с людьми, как вам заблагорассудится, точно вы сам бог. Однажды вы сказали, что повергнете к моим ногам десять пленных королей. Хотя я многого просила у вас, но никогда не напоминала вам об этих своих десяти королях. Я прошу только шестерых старых купцов, людей, не заслуживающих вашего королевского внимания, моей доли добычи в одержанной вами победе. Выкупа, который вы возьмете за них, едва ли хватит на новый пояс для меня, а вы ведь, дорогой сэр, знаете, что

старый делается мне узок. Вы заставите меня еще просить?

Король. Я вижу, что мне не дадут поступить по-своему. *(Плачет.)*

Королева *(обнимая его)*. О, дорогой сэр, я согласна умереть, чтобы оберечь вас от минутного огорчения. Ну, успокойтесь, успокойтесь, милый. *(Ласкает его.)*

Король *(плачет навзрыд)*. Мне никогда не дают делать, как я хочу. Я — собака, а не король. Вы обращаетесь со мной как с ребенком.

Королева. Что вы! Вы для меня величайший из королей, благороднейший человек, мой драгоценный повелитель, моя великая любовь. *(Падает на колени.)* Вот что: делайте, как хотите, я ничего не скажу и ни о чем не прошу.

Король. Нет. Вы ничего не просите, зная, что получите все. *(Встает и кричит.)* Уведите этих людей с моих глаз.

Принц. Как нам поступить с ними, сэр?

Король *(вновь падает на трон)*. Спроси королеву. Угостите их, чествуйте, дайте им мою корону и царство, облачите в мои одежды, вырвите для них кусок из моего рта, только уведите этих людей отсюда. Что вы стоите, проклятья на вашу голову?

Пятеро горожан с благодарностью склоняют колени перед королевой.

Эстаж *(целуя руку королеве)*. Выкупа, который мы дадим, хватит на три золотых пояса и на серебряную колыбель.

Король. Ладно. Давай, давай.

Горожане уходят, кланяясь королеве, которая, все еще не поднимаясь с колен, приветливо машет им рукой.

Королева. Не поможете ли вы мне подняться, дорогой сэр?

Король. О, конечно, конечно. *(Поднимает ее.)* Вам следовало бы быть более осторожной. Кто знает, не повредили ли вы себе что-нибудь, упав сейчас на колени.

Королева. Ничего худого не случилось, дорогой сэр. Напротив, вы сделали мне неисчислимое добро. Никогда в жизни я не была так довольна и счастлива. Посмотрите на меня. Разве у меня не сияющий вид?

Король. А зато у меня какой? Дурацкий.

Джон Гонт. Сэр, стражники спрашивают, как им быть с этим вот парнем.

Король. О, я совсем забыл про него. Приведите его сюда.

Трое стражников тащат Питера к королю и бросают перед ним. Теперь король смеется. Припадок слезливости полностью исправил его настроение, и ему пришло в голову, что Питер даже поможет взять у Филиппы реванш за недавно понесенное семейное поражение.

Королева. Бедняга – у него нет целой рубахи. Та, что на нем, вся порвана, это просто неприлично.

Король. Внимательно посмотрите на этого человека, мадам. Он был нагл со мной. Он плюнул на меня. Нет такого оскорбления, которое он не нанес бы мне. Он смотрел на меня и говорил со мной так, будто я какой-нибудь поваренок. Клянусь вам святым крестом, что он назвал меня ослом. Ну, что вы на это скажете? Его тоже надо пощадить, обласкать, накормить и дать ему одежду?

Королева *(подходит к Питеру)*. Он весь посинел от холода. Я опасаюсь, что он умирает. Развяжите его. Поднимите. Выньте изо рта кляп. Фи, фи! Кажется, ему заткнули рот подолом его рубахи.

Король. Подол чище его языка.

Стражники развязывают Питера и вынимают у него изо рта кляп. Тело Питера так затекло, что он не может встать на ноги, и стражники силой поднимают его.

Питер *(когда стражники с криком и руганью ставят его на ноги)*. О, о, о!

Король. Ну? Ты получил урок? Ты готов молить королеву о пощаде?

Питер. Ха! ха! Женин подкаблучник! Поцелуй свою мамочку!

Король *(сдавленно смеется)*. !!

Королева *(резко)*. Ты в своем уме, господин горожанин? Известно ли тебе, что твоя жизнь в руках короля? Неужели ты можешь думать, что я вступлюсь за тебя перед ним, если ты так неприлично забываешься?

Питер. Мадам, позвольте заметить, что я пришел сюда в целой рубахе. У меня их дюжина из такого же тонкого полотна, какое привыкли носить вы. Гоже ли, чтобы я, старшина торговцев тканями, отправился на тот свет в отрепьях и не в рубахе из самого лучшего полотна!

Королева. Сначала смените свое поведение, сэр, а затем рубаху; иначе вы лишитесь моего сочувствия.

Питер. Я не желаю разговаривать с вами, мадам, хотя и прекрасно вижу, кто в вашей царственной семье носит

штаны. Я не умею обходиться с тонко воспитанными красавицами. Позвольте мне уладить свое дело с вашим супругом-подкаблучником.

Королева. Вы заплатите за эту дерзость. *(Королю.)* И вы, мой повелитель, будете спокойно слушать, как какой-то галантерейщик подобным образом говорит со мной?!

Король *(со смехом)*. Нет. Сегодня я настроен кротко. Надо пожалеть беднягу, ведь он дрожит от холода в своей рубахе с оторванным подолом.

Питер. Дрожит! Вы нагло лжете, будь вы десять раз король. Ни один живой человек не будет жалеть Упрямца Питера, пса из вшивой Шампани.

Король *(приближается к нему)*. Ха! Пес из Шампани! О, мадам, вы должны простить этого человека, так как моя бабка родом из этой вшивой провинции и, значит, я тоже пес из Шампани. Мы отличаем друг друга по лаю. *(Поворачивается к нему и скалит зубы)*. Ну?

Питер *(рычит на него, как собака)*. Рр-р...

Король *(рычит в ответ, вплотную приближая свое лицо к его лицу)*. Рр-р...

Они повторяют это, к ужасу королевы; затем рычание переходит в отвратительное подобие собачьей драки.

Королева *(растаскивая их)*. О, сэр, как не стыдно! А вам? Я велю надеть на вас намордник и на цепи провести по улицам в конуру.

Король. Будьте снисходительны, мадам. Я просил вас не раз о милостях и получал их, в чем, если богу будет угодно, скоро убедится весь мир. Неужели вы откажете мне в этой?

Королева. Вам угодно высмеивать меня перед этим наглецом и перед всем светом? Я этого не потерплю!

Король. Поверьте, моя дорогая, я не насмехаюсь. Вы не умеете обращаться с псами из вшивой Шампани. Мы должны пожалеть этого дрожащего от холода беднягу.

Королева *(раздраженно)*. Он вовсе не дрожит.

Питер. Именно, клянусь всеми святыми на небесах и чертями в преисподней. Правильно, девушка!

Питер, к крайнему возмущению королевы, толкает ее в бок.

Король. Слышишь, дорогая, он называет тебя девушкой. Будь добра к нему. Он — старая, наполовину беззубая

дворняга, и его положение должно тронуть даже каменное сердце.

Питер. Пусть я старая дворняга; но если б я поклялся, как это сделал он, вздернуть нашу шестерку, ни одна сварливая баба не смогла бы своей воркотней заставить меня отступиться от этого и никакая добросердечная красавица не выманила бы у меня отказ. Поплачь, детка! Отдай королеве меч и сядь в уголок за ее прялку. Здесь всем верховодит жена... Держись. Я предпочитаю вашу непримиримость его соплям.

Королева *(в ярости)*. Велите его увести, сэр. Он сам и его слова омерзительны сверх меры. Подобного не следует мне показывать: вы ведь не хотите, чтобы я родила вам урода. Уберите этого человека отсюда!

Король. Уведите его прочь, но не смейте даже пальцем до него дотронуться. Пусть только не попадается на глаза королеве. Живее. Чтоб духу его здесь не было!

Стражники хватают отчаянно сопротивляющегося Питера.

Питер. Вы смеете дотронуться до меня, шавки? Гр-р, гр-р.

Стражники с трудом тащат его прочь.

Н-н-о, пошел, осел! *(На прощание издает ослиный крик.)*

Король. Вот какие люди рождаются в Шампани! Клянусь святым крестом, я не возражаю, если частичка его нрава обнаружится у моего наследника.

Королева. Какой стыд, какой стыд! Неужели у людей нет чувства приличия?

Король обнимает ее, неистово хохоча. Его смех заражает солдат и придворных. Весь лагерь приходит в веселое возбуждение.

Нет, нет. Какой стыд, какой стыд.

Король зажимает ей рот поцелуем. Издали раздается мелодичный ослиный крик Питера.

ПРОСТАЧОК С НЕЖДАННЫХ ОСТРОВОВ

Пьеса с прологом
в двух актах

1934

THE SIMPLETON OF THE UNEXPECTED ISLES

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Эмиграционное управление в одном из тропических портов Британской империи. Контора представляет собой пристройку, которая соединяет гавань и таможенные здания с железнодорожной станцией. Дощечки с надписями направляют пассажиров к выходам: направо — «В таможню», налево — «К поездам». Чиновник эмиграционного управления, молодой человек хмурого вида и нездоровых привычек, сидит и пишет за столом посреди комнаты. Его письмоводитель работает за высокой конторкой у стены, прилегающей к таможне. Чиновник — в белом полотняном костюме, нельзя сказать, чтобы очень чистом и опрятном; письмоводитель — в темном потрепанном пиджаке.

Чиновник *(дописывая)*. Ну, все, что ли?

Письмоводитель. С французского судна все. Только тут еще одна — та самая, с ливерпульского.

Чиновник *(раздраженно)*. Послушайте, Уилкс, вы здесь начальник эмиграционной службы или я? Сказал я вам, что эту девицу надо назад отправить?

Уилкс. Да я думал...

Чиновник. А ваше это дело — думать? Сказано вам: отправить обратно! Она, верно, вам сунула, что вы позволяете ей сюда являться и устраивать сцены, в расчете как-нибудь обойти меня.

Уилкс *(запальчиво)*. Или вы возьмете свои слова обратно, или извольте доказать то, что вы сказали.

Чиновник. Не подумаю ни обратно брать, ни доказывать, пока вы мне не объясните, почему вы позволяете этой девчонке приставать ко мне, когда у нее нет ни документов, ни паспорта. Не пропускать же ее сверх квоты без всякого основания.

Уилкс. Вовсе я не говорил ей, чтобы она к вам приставала. Она сказала резиденту, что вы ее выставили, а он ей сказал, что ей лучше все-таки еще раз к вам обратиться.

Чиновник. А какого же дьявола вы сразу этого не сказали, вместо того чтобы врать тут невесть что, будто это самая обыкновенная пассажирка?..

Уилкс. Она ехала на пароходе вместе с резидентской дочкой,

которую отпустили домой на каникулы. И он пришел ее встречать. А эта барышня не то подружилась с ней, не то присматривала за ней в дороге, что-то в этом роде.

Чиновник. Ну, это еще не основание. Из-за этого мы ее пропустить не можем.

Уилкс. Так вы ее примете?

Чиновник. А она дожидается, что ли?

Уилкс. Она говорит, что дожидается того, что с ней будет.

Чиновник. Разве это не одно и то же?

Уилкс. Надо полагать; но она-то так говорит, будто тут есть какая-то разница. Я думаю, она немножко того. А врач с пункта говорит, что она все его испытания по невменяемости выдерживает; хотя похоже, что он не совсем уверен.

Чиновник. Заткнитесь! Вас бы самого испытать! Давайте ее сюда.

Уилкс хмуро идет к выходу в таможню и возвращается с молодой женщиной. Он подводит ее к столу, а сам идет к своей конторке.

Молодая женщина. Доброе утро, сэр. А у вас сегодня не такой хороший вид, как вчера; вы, наверно, поздно засиделись?

Чиновник *(ошарашенный на миг)*. Я... *(Приходя в себя.)* Э... послушайте, мисс, здесь вы должны отвечать на вопросы, а не задавать их.

Молодая женщина. Вы, наверное, выпили?

Чиновник *(подскакивая)*. Что это значит, черт возьми? Ну выпил!

Молодая женщина. Выпили, я слышу по запаху.

Чиновник. Прекрасно. Вы отправляетесь обратно со следующим же пароходом, миледи.

Молодая женщина *(невозмутимо)*. И подумать только — с раннего утра! Разве вы не понимаете, что так нельзя?

Чиновник *(Уилксу)*. Уведите ее отсюда, слышите? *(Молодой женщине.)* Идите отсюда.

Молодая женщина. Я должна кому-нибудь заявить об этом. И вы только посмотрите, в каком виде ваша контора. Кто у вас должен смотреть за тем, чтобы здесь пыль вытирали? Давайте я с ним поговорю вместо вас.

Чиновник. Да вам-то какое дело?

Молодая женщина. Ненавижу, когда ныль кругом. Вы посмотрите, тут можно пальцем писать. Просто ужасно

видеть молодого человека, который пьян в одиннадцать утра.

Уилкс *(заискивающе)*. Не говорите вы об этом, мисс. Пылью я займусь. А только ведь здесь все как глаза продерут — так за бутылку. Не говорите об этом, мисс, пожалуйста.

Чиновник *(внезапно разражаясь слезами)*. Можете идти и жаловаться кому угодно. Плевать мне на все! Пойду брошусь с пристани и — к черту! Здесь не климат, а сущий ад. Только тогда и можно его выносить, когда напьешься до чертиков.

Уилкс. Не обращайте на него внимания, мисс. У него нервы. Все мы здесь этим страдаем — рано или поздно. Вот, пожалуйста, — я вам дам пропуск, а вы идите и не говорите больше ничего. *(Берет со стола бланк и подает ей.)*

Чиновник *(всхлипывая)*. Здесь человек — сущий раб, хуже негра. За ним шпионят, доносят, травят его, выговоры объявляют, — так что уж он боится лишний фунт стерлингов в карман положить или за рюмку взяться: как бы сейчас не завопили, что он взяточник или пьяница. Хватит с меня. Идите и доносите. Черт с вами! Плевать! Чего мне бояться? *(Сопит и сморкается с чувством облегчения после того, как все выложил.)*

Уилкс. Будьте добры, мисс, идите, пожалуйста. Мы очень заняты. У вас теперь все в порядке. Только билет предъявите. Вам обратно ехать не придется. Мы просто пошутили.

Молодая женщина. Но я хочу уехать обратно. Если это такое место, как он говорит, так мне незачем тут оставаться. Я так наслаждалась этим путешествием! Что может быть приятнее, чем пережить это снова!

Чиновник *(со спокойствием отчаяния)*. Пусть делает что хочет, Уилкс. Покажите ей, как пройти на пароход, и покажите дорогу в город. Может идти куда ей угодно. Только уберите ее отсюда, а то я пущу себе пулю в лоб.

Молодая женщина. Почему? Разве вы не радуетесь жизни? Это же противоестественно — не радоваться. Мне было бы стыдно, если бы я не радовалась.

Чиновник. А чему же здесь радоваться?

Молодая женщина. Вовсе не нужно радоваться чему-нибудь. У вас должно быть радостно внутри. Тогда вам ничего не нужно будет, чтобы радоваться.

Чиновник. У меня внутри! Боже ты мой!

Молодая женщина. У вас будет все очень хорошо внутри, если вы будете нормально есть, перестанете пить, будете

следить за тем, чтобы у вас вытирали пыль в конторе, а ваш красивый белый костюм был чист и выглажен. На вас обоих просто смотреть стыдно.

Чиновник *(рычит от ярости)*. Выгоните вы эту женщину вон!

Уилкс. Гоните сами. Что я могу сделать? *(Умоляюще к ней.)* Будьте так добры, мисс, уйдите, пожалуйста. У нас столько дел сегодня.

Молодая женщина. Но я здесь никого не знаю. Мне не с кем даже поговорить. А вам тут совершенно нечего делать до следующего парохода.

Чиновник. Следующий пароход придет только послезавтра в пять часов. Вы что же, рассчитываете, что мы так и будем вас до тех пор разговорами занимать?

Молодая женщина. Мне кажется, разговаривать приходится главным образом мне. Не могли бы вы показать мне город? Я заплачу за такси.

Чиновник *(слабо сопротивляясь)*. Послушайте, так нельзя, вы понимаете?

Молодая женщина. Ну а что бы вы стали здесь делать, если бы я не пришла?

Чиновник. Я... я... да вам-то какое дело?

Молодая женщина. Я вижу, вы сами не знаете, что бы стали делать. Давайте я решу за вас. Берите шляпу и поедемте. По-видимому, мне всю жизнь суждено решать за других.

Чиновник *(беспомощно)*. Ну хорошо, хорошо, хорошо! Но зачем же так много шуму? Я только спрашиваю себя...

Молодая женщина. А вы не спрашивайте себя ни о чем, дитя мое. Отдайтесь на волю жизни. Пошли!

Чиновник *(у станционной двери Уилксу, в последнем усилии соблюсти достоинство)*. Ну, а вы здесь делом занимайтесь. *(Уходит.)*

Молодая женщина. Вы что же, не хотите с нами пойти?

Уилкс. Да, мисс, только ведь надо же кому-нибудь быть в конторе. Лучше уж мне остаться. Я здесь незаменим.

Молодая женщина. Ну что это за слова — заменим, незаменим? И в этом вся жизнь? Интересно, вот я заменима или незаменима? *(Выходит в станционную дверь.)*

Уилкс. «Отдайтесь на волю жизни...» Звучит недурно! «Отдайтесь на волю жизни!» Да-а. А что, если жизнь не идет к вам? Ну вот я, например. Что я такое по природе? Сесил Родс — вот кто я такой. А почему же я всего-навсего клерк, у которого только и есть за душой что две рубаш-

ки, а этот негодный молокосос начальствует надо мной, потому что я делаю за него работу, которую он сам не может сделать, хотя и получает за это всю прибыль и весь почет? Почему? Да потому что жизнь никогда не давалась мне, как какому-нибудь Сесилу Родсу. Вот он нашел у себя на заднем дворе алмазные россыпи — и ничего ему и делать не надо было: смыл с них глину и стал тут же миллионером. У меня были те же идеи, что у Сесила Родса. «Пусть весь земной шар будет одной сплошной Англией,— сказал я тогда школьному учителю,— и пусть англичане правят миром». И никто мне этого не подсказывал; просто меня осенило. Ну и что же я нашел у себя на заднем дворе? Соседскую дохлую кошку. Мог я сделаться главой акционерного общества вот с этой дохлой кошкой? А когда я ее швырнул обратно через забор, мать мне сказала: «Ты зашвырнул свое счастье, сынок. Не следовало ее обратно бросать, надо было другим подкинуть, потому что так оно — из рук в руки — одно за другим и идет. Не будет тебе удачи на белом свете». И так оно и есть. «А все-таки я когда-нибудь попаду в газеты,— сказал я ей,— как Сесил Родс, вот ты посмотришь». «Не бывать этому, сынок,— говорит она,— все, что к тебе ни приходит,— всем ты швыряешься». Это верно. Взять вот хоть эту девчонку: «Пойдемте со мной»,— говорит она. А я взял да опять швырнул кота обратно: «Кто-нибудь должен оставаться в конторе,— говорю я,— я здесь незаменим». А ведь отлично знал, что вовсе и не нужно никому быть в конторе и что любой мальчишка может сделать все, что я здесь делаю, да еще получше меня. Да, так вот я обещал матери, что когда-нибудь попаду в газеты. И попаду. В чем в чем, а уж в этом-то я от Сесила Родса не отстану. *(Садится за стол и пишет на багажном ярлыке. Читает вслух.)* «Здесь лежит человек, который мог бы стать Сесилом Родсом, если бы ему везло так, как Родсу. Прощай, мать. Твой сын сдержал свое слово». *(Пришпиливает ярлык к лацкану пиджака.)* Где револьвер этого болвана? *(Открывает ящик, вытаскивает фляжку бренди и автоматический пистолет и кладет на стол.)* Я им покажу, дьяволам, что́ я — строитель империи или нет? И эта девчонка теперь не посмеет сказать, что я оставил контору в беспорядке, что она тут может пальцем писать на столе. *(Закрывает ящик и аккуратно придвигает стул к столу, затем идет к конторке, берет пыльную тряпку*

и вытирает сначала конторку, потом стол; кладет тряпку на место. Достает гребенку и карманное зеркальце, приглаживает волосы; прячет гребенку и зеркальце в ящик конторки. Запирает конторку и ставит на место табурет, затем идет к столу и одним духом опорожняет фляжку.) Ну вот. В затылок. *(Берет пистолет и приставляет его через плечо к затылку.)* Пусть весь земной шар будет сплошной Англией и пусть англичане правят миром. *(Поет.)* «Правь, Британия, правь на волнах!» *(Стреляется и падает.)*

Входит дежурный по станции.

Дежурный по станции. Эй, кто здесь палит? *(Увидев тело.)* Уилкс? Ах ты господи! Что за климат! Это уж пятый за этот месяц! *(Идет к двери.)* Хэлло! Джо! Тащите-ка носилки. Да идите сюда вдвоем или втроем. Мистер Уилкс застрелился.

Джо *(снаружи)*. Сейчас, сэр.

Дежурный по станции. Что за климат! Ах, бедняга Уилкс!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Заросший травой выступ скалы над самым морем. Скамейка для гуляющих. Молодая женщина и эмиграционный чиновник стоят на краю обрыва.

Молодая женщина. Как жаль, что здесь нет пляжа. Можно было бы выкупаться.

Чиновник. Невозможно. Акулы. И касатки.

Молодая женщина. Здесь, наверно, очень глубоко.

Чиновник. Еще бы. Сюда пристают самые большие океанские пароходы вроде «Плимута». Говорят, тут глубина восемьсот футов. Отойдите от края, а то ведь, знаете, тянет. У вас может голова закружиться.

Они отходят от края и садятся на скамью: он слева, она ближе к морю.

Молодая женщина. Здесь очень мило. Лучше, чем в городе.

Чиновник. Не выдумывайте. Это ужасное место. И климат совершенно чудовищный. Вы знаете, если бы вы не пришли сегодня утром, я бы покончил с собой.

Молодая женщина. Не говорите глупостей. Почему это вы покончили бы с собой?

Чиновник. Да, покончил бы. У меня уж револьвер в столе приготовлен. Я бы застрелил Уилкса, а потом застрелился бы сам.

Молодая женщина. Почему же вы застрелили бы бедного Уилкса? Что он такое сделал?

Чиновник. Я ненавижу его. Так же, как он меня. Здесь все друг друга ненавидят. Этот малый до того омерзительно счастлив, доволен собой! Меня это с ума сводит, когда я едва в состоянии переносить собственную жизнь. Вот уж можно не опасаться, что он когда-нибудь покончит с собой, где ему! Так я решил избавить его от этих хлопот.

Молодая женщина. Но ведь это убийство?

Чиновник. Нет, раз я потом сам застрелюсь, мы будем квиты.

Молодая женщина. Вы знаете, я просто удивляюсь, как это молодой человек в самом расцвете жизни и вдруг так рассуждает. Почему вы не женитесь?

Чиновник. Моего жалованья не хватит на белую женщину, они все гонятся за положением. Они только затем и обзаводятся мужьями, чтобы те их отсюда увезли.

Молодая женщина. Но почему? Здесь настоящий рай земной.

Чиновник. Попробуйте скажите им это. Увидите, что они вам ответят.

Молодая женщина. Ну так почему же вам не жениться на цветной женщине?

Чиновник. Вы просто не знаете, что говорите. Я пытался. Но они теперь все образованные и смотреть на белого не хотят. Они говорят мне, что я неуч и что от меня скверно пахнет.

Молодая женщина. Что верно, то верно. От вас пахнет алкоголем, плохим пищеварением и пропотевшим платьем. Вы были просто отвратительны, когда пытались ухаживать за мной в такси. Поэтому-то я и вышла, чтобы посидеть здесь на воздухе.

Чиновник *(стремительно вскакивает)*. Нет, я больше не в состоянии этого выносить. *(Достает из верхнего кармана бумажник и бросает на скамейку.)* Передайте это в контору, пожалуйста. Им там понадобится. А я знаю, что мне делать. *(Бежит к краю обрыва и там обнаруживает тропинку, которую не видно со скамьи.)*

Туземный жрец, красивый мужчина в расцвете сил, роскошно одетый, поднимается по тропинке и преграждает ему дорогу.

Жрец. Прости, сын империи! В этой скале храм богини, которая не имеет земного имени,— храм Вечной матери, Семени и Солнца, Воскресения и Жизни. Ты не должен умирать здесь. Я пришлю к тебе ученика, и он проведет тебя на утес Смерти, где находится храм брата богини, который есть Очищающий от плевел, Священный мусорщик, Последний друг на земле, Продлевающий сон, Даятель покоя. Это недалеко отсюда. Жизнь и смерть уживаются рядом. Тебе нужно претерпеть свои несчастья еще какие-нибудь пять минут. Жрец позаботится о твоих останках, чтобы они были погребены с надлежащими почестями.

Чиновник. Послушайте, вы что-то уж очень хладнокровно рассуждаете. *(Молодой женщине.)* Что это – живой человек? Или мне это все кажется от виски?

Молодая женщина. Живой. Да еще какой красивый! *(Жрецу.)* Извините этого человека, сэр. Он много пил последнее время.

Жрец *(становясь между ними)*. Не хули его, сладчайшая. Он родом из безумной страны, где юношей учат языкам, которые умерли, и истории, которая представляет собой сплошную ложь, но не учат их ни есть, ни одеваться, ни производить себе подобных. Они поклоняются странным древним богам и умеют замечательно играть в мяч, но в Великой Игре Жизни они ничего не понимают. Здесь, среди этой животворной красоты, они накладывают на себя руки, дабы избавиться от того, что они называют ужасом. Мы не поощряем в них желания жить. Эта страна для тех, кто может жить, а не для тех, кто может только умирать. Отведи твоего друга на утес Смерти и простись с ним нежно, ибо он очень несчастлив.

Чиновник. Послушайте-ка, вы! Я покончу с собой там, где мне нравится. Я англичанин, и никакой чернокожий не смеет читать мне наставления.

Жрец. Здесь воспрещено.

Чиновник. Кто это мне воспретит? Ты, что ли?

Жрец качает головой и дает ему дорогу.

Молодая женщина. Ах нет, не позволяйте ему! Правда!

Жрец *(удерживая ее)*. Мы никогда не применяем насилия к несчастным. Не спорьте с его судьбой.

Чиновник *(становится на край, лицом к пропасти)*. Я сделаю это, смотрите! Никто не посмеет сказать, что я жил собачьей жизнью только потому, что боялся покончить с собой. *(Приседает, чтобы прыгнуть, и не может.)* Я... прыгну! *(Снова делает попытку, садится чуть не на корточки, подпрыгивает и остается на месте.)*

Жрец. Бедняга! Позвольте, я вам помогу. *(Дает ему пинка в зад, и тот летит в пропасть.)*

Чиновник *(падая в пропасть, вопит негодующе)*. Ох!

Оглушительный всплеск.

Молодая женщина. Убийца!

Жрец. Нет! Там внизу сети и ограда от акул. Этот полет будет ему только на пользу.

Молодая женщина. Ну, знаете!

Жрец. Идем, юная цветущая роза, и раздели с нами пиршество в храме.

Молодая женщина. Поменьше о цветущих розах, молодой человек. А у вас там есть жрицы в храме?

Жрец. Разумеется. Как же мужчины могут пировать без женщин?

Молодая женщина. Ну что ж, отдадимся на волю жизни — я это всегда говорю — и не будем плакать, пока жизнь не ушибет нас. Следую за вами, сэр.

Они спускаются по тропинке.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Широкий выступ на склоне утеса образует террасу; с одной стороны перед глазами расстилается море, с другой — целый ряд гигантских изображений восточных богов, которые стоят в неглубоких нишах, высеченных в скале. Стол, на нем груды плодов, сладкие напитки, хлеб. Молодая женщина сидит посреди; направо от нее, ближе к морю, жрец, а налево, ближе к изображениям богов, очень красивая молодая жрица в одежде из тускло-желтого шелка.

Молодая женщина. По-моему, это очень странный завтрак: у вас начинается с десерта, а у нас — с закусок.

Может быть, это очень хорошо, но я так наелась фруктов, хлеба и сладостей, что, чувствую, уже не смогу есть мясо.

Жрец. Мы не собираемся предлагать тебе мяса. Мы не едим его.

Молодая женщина. Так чем же вы поддерживаете свою силу?

Жрец. Она поддерживается сама собой.

Молодая женщина. Ну как это может быть? *(Жрице.)* Разве вы согласились бы, чтобы у вас был муж, который не ел бы вдоволь мяса? Впрочем, вы жрица, и вас это вряд ли может интересовать, раз вы не можете выйти замуж.

Жрица. Я замужем.

Молодая женщина. Как! Да ведь вы же жрица!

Жрица. Я не могла бы быть жрицей, если бы я не была замужем. Как бы я осмелилась учить других, если бы у меня не было полного человеческого опыта? Как бы я могла наставлять детей, если бы я не была матерью?

Молодая женщина. Но ведь это как раз наоборот. Моя сестра была учительницей, но когда она вышла замуж, ее уволили со службы и не позволили больше преподавать.

Жрица. Правители вашей страны, должно быть, безумцы.

Молодая женщина. Ах нет, они совершенно нормальны — ну, не хуже, чем все другие люди. *(Жрецу.)* Послушайте, ваше преподобие, а как насчет этого бедного молодого человека, которого вы столкнули со скалы? Он действительно остался цел? У меня душа не на месте.

Жрец. Его одежда сушится на солнце. Ему дадут во что-нибудь одеться и приведут сюда, как только он оправится от своего купания.

Входит леди-туристка с Бедекером в руках, довольно безуспешно пытаясь разобраться в изображениях богов при помощи своей книжки. Она подходит сзади к сидящим и обращается к жрецу.

Леди-туристка. Простите, вы не можете мне объяснить, какая именно из этих статуй главное божество?

Жрец *(вежливо поднимается)*. Главное? Я вас не понимаю.

Леди-туристка. Я запуталась со всеми этими разными богами, нельзя понять, который из них какой.

Жрец. Это не разные боги. Все они — бог.

Леди-туристка. Как же это может быть? Все статуи разные.

Жрец. Бог многолик.

Леди-туристка. А все эти имена в путеводителе?

Жрец. У бога много имен.

Леди-туристка. Ну, видите ли, у нас это не так.

Жрец. Нет, даже и у вас: отец, сын, дух святой, непорочная матерь.

Леди-туристка. Простите, пожалуйста, мы не католики.

Жрица *(резко)*. Разве на ваших храмах надпись: «Только для мужчин»?

Леди-туристка *(шокированная)*. Ну, знаете... Простите, что я побеспокоила вас. *(Поспешно уходит.)*

Жрец *(усаживается на свое место)*. Тебе не следовало обижать бедную леди. Она англичанка и не понимает.

Жрица. Я завидую твоему терпению с ними. Меня раздражают эти идолопоклонники. Разве благо в том, чтобы обращаться с ними согласно их глупости, а не согласно нашей мудрости?

Молодая женщина. Вот так так! Кого это вы называете идолопоклонниками? Посмотрите-ка на эти статуи! По-моему, если вы хотите знать мое мнение, это называется валить с больной головы на здоровую.

Жрец. Эти статуи не идолы. Это воплощение сил природы, которой мы все подвластны. Но, конечно, для идолопоклонника они идолы.

Молодая женщина. Вы здесь без конца говорите о религии. Нельзя ли придумать что-нибудь более занимательное? Я вот всегда говорю: отдайтесь на волю жизни! И не будем задумываться над религией.

Жрица. Прекрасное правило. Но чем больше жизнь творит свою волю, тем больше вы задумываетесь над религией.

Появляется эмиграционный чиновник в белоснежной одежде. Он вымыт, несколько бледен и кажется преображенным.

Молодая женщина. Ах, юноша, как вы прекрасно выглядите после вашего купания! Сущий ангелочек, ягненочек! Что вы такое с ним сделали?

Чиновник *(усаживается в конце стола, спиной к морю)*. Так вот, если вам угодно знать, этот тип спихнул меня в море. А когда я проглотил так примерно тонны две самой их лучшей соленой воды, они выловили меня сетью и опорожнили. Всю мою бессмертную душу вывернуло наизнанку. А потом дали мне выпить, как мне показалось, чашку какого-то очень вкусного чаю, чтобы успо-

коить желудок. Но после этого меня стало рвать в десять раз сильней. Во мне теперь ничего не осталось от того человека, которого вы видели утром, разве что кожа да кости. Вы можете с полным правом считать, что я родился снова.

Жрец. Вы по-прежнему хотите покончить с собой?

Чиновник. Когда переживешь все то, что пережил я, дружище, после того как меня выловили из воды, уже не станешь расстраиваться по пустякам.

Молодая женщина. Вот это верно. Отдайтесь на волю жизни. Я всегда так говорю.

Чиновник. Да, жизнь может приходить. Помещение совершенно пусто и тщательно вычищено.

Леди-туристка *(возвращается и подходит к жрецу)*. Простите, пожалуйста, но я так много думала о вас после того, как вы говорили со мной. Не будете ли вы так добры принять и прочесть эту маленькую брошюрку. *(Протягивает ему брошюру через стол.)*

Жрец *(поднимается и подходит к ней, с учтивым интересом читая название брошюры)*. «Где проведете вы вечность?»

Леди-туристка *(странно взволнованная)*. Меня преследовало ваше лицо. Я не могу вынести мысли, что вы проведете вечность в мучениях. Я чувствую, что ваше лицо — лицо христианина.

Жрец. Вы очень добры. Я прочту вашу брошюру с величайшим вниманием. Благодарю вас.

Леди, у которой иссякли все предлоги для разговора, неохотно отходит к статуям.

Жрица *(властно окликая ее)*. А можно вас спросить, где вы до сих пор проводили вечность? То, что не имеет конца, не имеет и начала.

Леди-туристка *(останавливаясь)*. Извините, пожалуйста, у меня нет ни малейшего желания говорить с вами.

Молодая женщина *(показывая на жреца)*. Вы влюбились в него? Правда? Ну что ж, не противьтесь этому. Отдайтесь на волю жизни.

Леди-туристка. Как вы смеете? Нет, вы только подумайте... подумайте!.. *(Уходит в негодовании.)*

Жрица. Еще одна победа, Пра?

Молодая женщина. Его зовут Пра?

Жрица. У него много имен. Но он откликается и на Пра, когда его зовут так.

Молодая женщина. Ну как это вы так говорите? Ведь человек не собака.

Жрица. Он внушает собачью привязанность женщинам. Я сама прошла через это, так что знаю.

Жрец. Не надо быть такой злопамятной, Прола. Я ведь не нарочно делаю это. *(Снова садится, на этот раз по левую ее руку.)*

Жрица. Нет, ты делаешь это инстинктивно. Это тоже несколько собачье свойство.

Жрец. Это не имеет значения. Я скоро выведу эту бедную леди из собачьей стадии.

Чиновник *(не в силах отвести глаз от жрицы)*. Вас зовут Прола?

Жрец. У нее много имен. И некоторые ужасны. Но она откликается, когда ее зовут Пролой.

Молодая женщина. На вашем месте, юноша, я не решилась бы называть ее Пролой. Зовите ее Вамп.

Жрица. Разве мои глаза, юноша, похожи на Хешбонские озера?

Чиновник. Я никогда не видел Хешбонских озер, но ваши глаза вызывают у меня именно такое чувство.

Молодая женщина. Я чувствую в этой пещере какие-то опасные чары. Вы не обидитесь, если я распрощаюсь с вами? Я всегда говорю: отдайтесь на волю жизни, но я чувствую, что здесь она как-то уж чересчур на меня наступает. *(Встает.)*

Жрица. Подождите, мы можем поделить его.

Молодая женщина. Ну! Это уж... *(Потрясенная, падает обратно на скамью.)*

Жрица. Смотрите!

Леди-туристка снова возвращается и идет к жрецу.

Леди-туристка. Простите. Нельзя ли мне сказать вам несколько слов наедине?

Жрец *(поднимаясь)*. Пожалуйста. Идемте.

Они уходят в пещеру.

Чиновник. А вы как думаете насчет того, чтобы поговорить со мной наедине, Прола?

Молодая женщина *(с нарастающим возмущением)*. Ну, знаете!..

Жрица *(чиновнику)*. Вы еще недостаточно возродились. Кроме того, я жрица, а не вампир.

Молодая женщина. Берегитесь, юноша! Мне кажется,

у вас что-то вроде маленького солнечного удара. Здесь, в тропиках, надо быть очень осторожным.

Из-за ниши выходит англичанин-турист. Это мужчина среднего возраста, приятной аристократической внешности и манер.

Турист. Простите, пожалуйста, я потерял свою жену. Леди-англичанка. С путеводителем. В очках; двояковыпуклые.

Молодая женщина. Ее муж! Подумайте!

Чиновник *(почтительно поднимаясь)*. Она только что ушла отсюда, сэр Чарлз.

Турист. Алло, мы как будто встречались с вами, не так ли?

Чиновник. Да, когда вы изволили прибыть, сэр Чарлз. Я чиновник эмиграционной службы.

Сэр Чарлз. А, да, конечно. Вы знаете леди Фаруотерс в лицо. В какую сторону она пошла?

Чиновник. Очень сожалею, но я не обратил внимания.

Сэр Чарлз *(в беспокойстве)*. Удивляюсь, куда она пропала?

Молодая женщина. Я тоже.

Сэр Чарлз. Простите?

Молодая женщина. Прощаю.

Жрица *(поднимается и подходит к нему)*. Не хотите ли, сэр Чарлз, я покажу вам храм? Туда же, вероятно, прошла и ваша супруга.

Сэр Чарлз *(который еще не успел разглядеть ее)*. Нет, благодарю вас. Нет, нет.

Жрица. Это очень интересно. Я не гид по профессии. Я жрица. Я позабочусь о том, чтобы нас ничем не беспокоили. Мне кажется, что вам стоит пойти со мной.

Сэр Чарлз. Нет, я... *(Глядит на нее и сразу меняет тон.)* Да, конечно, если вы так любезны... Разумеется. Буду вам очень благодарен.

Они скрываются в нише.

Молодая женщина *(вставая из-за стола)*. Нет, скажите, что вы думаете об этом приюте любви? Леди Фаруотерс, беленькая, как кентерберийская телка, падает жертвой темнокожего епископа! А ее супруг, белейший из вестэндских белых, увлечен в пещеру смуглой заклинательницей змей! Давайте-ка сбежим отсюда, пока еще мы невредимы.

Чиновник. Я чувствую себя совершенно невредимым. Благодарю вас. Я подвергся очищению. А вы – нет.

Молодая женщина. Что вы хотите этим сказать? Что я — нет?

Чиновник. Я хочу сказать, что вы были совершенно правы, когда возмущались мной полчаса тому назад. Ваши оскорбительные замечания были вполне основательны. Но теперь роли переменились. Я, правда, не прошел сквозь огонь, но я прошел сквозь воду, и вода прошла сквозь меня. И теперь моя очередь возмущаться и делать вам замечания.

Молодая женщина. Посмейте только, получите по физиономии.

Чиновник *(хватает ее за руку и за ворот платья)*. Иди-ка ты очистись, отвратительный чертенок! *(Тащит ее к обрыву.)*

Молодая женщина *(визжит)*. Не-ет!

Чиновник. Да! *(Спихивает ее вниз.)*

Вопль, затем всплеск. Чиновник усаживается за стол и с жадностью набрасывается на еду.

Лужайка перед красивым зданием на северном побережье тропического острова в Тихом океане; отсюда открывается прекрасный вид на океан; виден мол, который замыкает гавань, достаточно обширную, чтобы приютить целый флот, но сейчас пустынную. У западной стороны дома терраса, к ней ведут ступени. На лужайке к ступеням примыкают две каменные скамьи, образующие полукруг и отделенные друг от друга газоном, который обрамляет круглый каменный водоем с низким мраморным парапетом. На парапете, как и на каменных скамьях, разбросаны шелковые подушки.

За этим полукругом лужайка, раскинувшись по склону, переходит в цветник, укрытый от ветра кустарником. На запад от цветника лужайка спускается к морю, но она не доходит до пляжа, и отсюда видна только верхушка маяка. Всюду тенистые деревья.

Однако самое интересное место представляет собой цветник. Там, как бы по четырем углам квадрата,— четыре ниши. В двух, которые впереди, восседают скрестив ноги две д е в у ш к и б о г и н и; в двух других, более отдаленных,— два юных б о г а в той же позе. Возраст их примерно от семнадцати до двадцати лет. Они волшебно красивы в своих индийских мягко сверкающих одеяниях, перед которыми тропические цветы сада кажутся грубыми. Их лица спокойны, пристальны и непроницаемы. Они сидят спиной к морю, смотрят на юг. У богини с восточной стороны — волосы черные как вороново крыло, смуглая кожа, а одежда тысячи алых оттенков. Она представляет собой контраст с другой — более юной, восхитительно белокурой богиней, на которой прозрачное, белое с золотом одеяние. Такой же контраст и между двумя юношами: тот, что с западной стороны, моложе и более хрупкого сложения; тот, что слева, старше и мужественней.

Эти четыре фигуры придают саду какой-то священный отпечаток, что, по-видимому, производит впечатление на молодого английского с в я щ е н н и к а, который появляется на лужайке с северо-западной стороны, осматриваясь с любопытством и робостью, как человек, попавший

нечаянно в чужие владения. Когда он замечает эти четыре фигуры, то, вздрогнув, останавливается, снимает шляпу, затем на цыпочках приближается. Это маленький, круглолицый человечек с детским румянцем на лице и ребяческим выражением, доверчивым и обезоруживающе заискивающим. Ему самое большее двадцать четыре года. В это время на ступенях появляется Пра. Он лет на двадцать старше того, каким мы его видели в последний раз, но чудесно сохранился. Он подходит с достоинством, учтиво, но без особой приветливости. Он, по-видимому, желает выяснить, что нужно незнакомцу в этом саду.

Священник *(судорожно комкая шляпу в руке)*. Я очень прошу извинить меня. Кажется, я попал в чужое владение. Я, видите ли, чужестранец и не мог найти дороги с берега. Я думал, здесь можно пройти. *(Показывает на фигуры.)* Но, уверяю вас, я и представления не имел, что нахожусь на священной земле.

Пра. Вы не на священной земле, если только не вся земля священна.

Священник. Ах, простите, пожалуйста! Я думал, что это идолы.

Пра. Идолы?

Священник. Нет, разумеется, не идолы... Я хотел сказать — божества...

Пра. Разве они не прекрасны? *(Говорит без всякого благоговения или энтузиазма, с некоторым оттенком жалости к священнику и немножко устало.)*

Священник. Удивительно прекрасны. Они кажутся чудесными даже и мне, священнику англиканской церкви. Я даже не удивляюсь тому, что вы поклоняетесь им, хотя, конечно, этого не следует делать.

Пра. Красота достойна поклонения в уместных пределах. Когда вы навосхищаетесь досыта, позвольте вам показать самую короткую дорогу отсюда. Придется пройти через дом. Кстати, куда вам угодно выйти?

Священник. Я не знаю, я заблудился.

Пра. Заблудились?

Священник. Да. Совершенно заблудился. Я не представляю себе, где я. Я хочу сказать, что я не знаю даже, в какой я стране нахожусь.

Пра. Вы на Нежданных островах. Коронная колония Британской империи.

Священник. Вы, вероятно, говорите о тех самых островах,

которые появились из моря, когда я еще был ребенком?

Пра. Да. *(Показывает на мол.)* Это гавань порта Доброй Случайности.

Священник. Вот там-то они меня и высадили.

Пра. Кто вас высадил?

Священник. Пираты.

Пра. Пираты?

Священник. Я был их судовым священником.

Пра. Вы! *(Поворачивается к дому и зовет.)* Прола! Прола!

Голос Пролы: «Да? Что такое?»

Пра. Иди-ка сюда.

Прола спускается по ступеням. Она, как и Пра, на двадцать лет старше, но годы сделали ее красоту еще более яркой. Ее платье, как и прежде, тускло-золотого цвета, соперничает с одеждами богинь.

Священник *(уставившись на нее с нескрываемым благоговением и восхищением)*. О боже! Это хозяйка дома?

Прола *(проходит мимо Пра к священнику)*. Кто этот джентльмен?

Пра. Он как будто сам этого не знает. Я думаю, что он сбежал из дома умалишенных.

Священник *(в страшном огорчении)*. О милая, прекрасная леди! Я не сумасшедший! Все думают, что я сумасшедший. Никто не верит тому, что я говорю, хотя это истинная правда. Я понимаю, что этому очень трудно поверить...

Прола. На Нежданных островах не может быть ничего невероятного. Как вы сюда попали?

Священник. Я заблудился. Я старался найти дорогу с пляжа. Я перелез через... ограду. Мне очень жаль.

Прола. В самом деле жаль?

Священник. Я не имел намерения забираться в чужие владения. От всего сердца прошу извинить меня.

Прола. Я не просила вас извиняться. Будьте гостем. Я только спросила вас, действительно ли вам жаль? То есть сожалеете ли вы о том, что попали в этот сад?

Священник. Ах нет, что вы! Это истинный эдем! Я бы хотел остаться здесь навсегда. *(Чуть не плачет.)* Мне некуда идти.

Прола. Может быть, он голоден?

Священник. Нет, совсем не то. Я очень долго жил в таком страшном напряжении, а теперь, когда я избавился...

и красота вот этих четырех... и ваше прелестное величие... и... ах! *(Опускается на каменную скамью.)* Я веду себя как настоящий дурак. Не обращайте на меня внимания.

Пра. Он воображает, будто он был судовым священником на пиратском судне.

Священник *(вскакивает, с отчаянным протестом)*. Но я на самом деле был, был! Они похитили меня в Уэстон-сьюпер-Мэре, где я замещал ректора прихода святого Бидулфа. Это было в воскресенье днем. Я был в рясе после обедни. Они и сказали: «Ты выглядишь таким добродетельным и почтенным — как раз то, что нам надо». Они возили меня с собой по всему свету, и я не мог ни с кем поговорить, потому что не знал этих языков.

Пра. Они хотели, чтобы вы были их духовным наставником?

Священник. Нет, нет. Вот в этом-то и весь ужас. Это были бандиты, разбойники, контрабандисты, пираты; они ничем не гнушались, раз это сулило им деньги. Они пользовались мной, чтобы внушать людям представление, будто они порядочные. А иногда им было просто скучно, и они заставляли меня служить обедню и говорить им проповедь. Но это только чтобы поиздеваться надо мной. Хотя, может быть, мне не следовало бы так говорить. Некоторые из них были такие славные малые. Они уверяли меня, что я им приношу много пользы. Но потом я надоел им, и они высадили меня здесь. *(Опять опускается на каменную скамью, растерянно сжимает виски.)* О боже, боже! Никогда со мной не бывает так, как с другими людьми. И все это потому, что я был неестественным ребенком. Я был нитрогенным младенцем.

Пролa. Нитрогенным младенцем?

Пра *(Проле)*. Подожди. В этом, может быть, что-то есть. *(Подходит к священнику и садится рядом с ним.)* Что вы хотите этим сказать, что вы были нитрогенным младенцем?

Священник. Вы понимаете, мой отец был знаменитый химик-биолог.

Пролa. Нет, не понимаю. Ваш отец мог быть химиком-биологом, но дети химиков-биологов такие же, как и все другие дети.

Священник. Нет, нет, уверяю вас. Только не дети моего отца. Вы не знаете моего отца. Мне даже при крещении дали имя Фосфор.

Пра. Как?

Священник. Фосфор. *(Называет по буквам.)* Ф-о-с-ф-о-р. Имя утренней звезды. Фосфорус, знаете? То, из чего делают спички. Подумать только – окрестить таким именем младенца! Пожалуйста, не называйте меня так.

Пра. Ну полно, полно. Ни ваш отец, ни ваши крестные отец с матерью не могли изменить человеческой природы, наградив вас при крещении столь необычным именем.

Священник. Но ведь это не только имя. Мой отец кормил наших коров нитрогенным райграсом...

Пра. Нитрогенным... как?.. Газом – вы хотите сказать?

Священник. Нет, нитрогенным райграсом. Это такой сорт травы, которая вырастает, когда луга опрыскивают разными химическими веществами. Коровы паслись на этой траве, и у них было очень желтое и очень жирное масло и такое же молоко. Меня поили этим молоком. Зерно, из которого приготовляли для меня хлеб, выращивалось при помощи особых азотнокислых солей, которые приготовлял мой отец.

Пра *(Проле)*. Я думаю, что он в конце концов вовсе не сумасшедший.

Священник. Уверяю вас, нет. Я слабоумный, но я не сумасшедший.

Пра. Я читал несколько очень интересных работ об этом одного английского химика по фамилии Хэмингтап.

Священник. Это мой отец. Моя фамилия Хэмингтап. В старину мы назывались Хомингтоп, но мой дед переменил имя, когда поступил в Оксфорд.

Пра. Я думаю, Прола, может быть, наш молодой друг действительно человек новой породы. Пойдем-ка домой и расскажем о нем остальным. Мы могли бы на время ввести его в нашу семью. В виде эксперимента.

Священник *(встревоженно)*. О, пожалуйста, не надо. Почему это всем хочется проделывать надо мной эксперименты?

Прола. Все мужчины и женщины представляют собой материал для экспериментов. Какой вы религии?

Священник. Христианской, разумеется, я священник.

Прола. Что такое христианская религия?

Священник. Ну, как это сказать?.. Я полагаю – это просто христианская религия. Я думал, это всем известно. Хотя, конечно, вы язычница.

Прола. Что такое христианская религия для вас?

Священник. О, для меня она все хорошее, доброе, светлое и святое. Я не пытаюсь идти дальше этого.

Пр о л а. И не надо. Лучше и не пытайтесь. Подождите, пока мы вернемся. Может быть, мы найдем для вас какое-нибудь применение. Идем, Пра. *(Поднимается по ступеням в дом в сопровождении Пра.)*

Священник, оставшись с четырьмя статуями, глядит на них, озирается по сторонам, чтобы удостовериться, что никто за ним не наблюдает, затем подкрадывается к белокурой богине.

Св я щ е н н и к. О, до чего ты прелестна! Как бы я хотел, чтобы ты была живой, чтобы я мог целовать твои живые губы вместо краски на деревянной кукле. Неужели это идолопоклонство – обожать тебя? Святой Петр в Риме – это всего только бронзовая статуя, но его стопы стерты поцелуями христианских паломников. Ты вызываешь во мне чувство, какого я никогда не испытывал раньше. Я должен поцеловать тебя. *(Целует ее и обнаруживает, что она живая.)*

Она улыбается и устремляет на него манящий взгляд.

Ах!!! *(Стоит, задыхающийся, трепещущий.)*

Ст а р ш и й ю н о ш а. Будь на страже.

Мл а д ш и й. Берегись.

Бе л о к у р а я д е в у ш к а. Не препятствуйте ему обожать. Уста его сладостны и чисты.

Те м н о в о л о с а я д е в у ш к а. «Питался он росой медовой...»

Бе л о к у р а я. «...вспоен небесным молоком».

Те м н о в о л о с а я. Я, Вашти, вижу его ауру. Она лиловая.

Бе л о к у р а я. Я, Майя, вижу его нимб. Он серебряный.

Ва ш т и. Благословенны сияющие.

Ма й я. Благословенны простодушные.

Ст а р ш и й ю н о ш а. Будь на страже. Я, Джанга, предостерегаю тебя.

Мл а д ш и й. Берегись. Я, Канчин, показываю тебе красный свет.

Дж а н г а. Их брови подобны натянутым лукам.

Ка н ч и н. Их стрелы сладостны для сердца...

Дж а н г а. ...но смертельны.

Ка н ч и н. Земля, которой они коснутся перстами, заколдована.

Дж а н г а. Вашти желанна даже своим братьям.

Ка н ч и н. Маленькие дети готовы умереть ради Майи.

Дж а н г а. Будь на страже.

Ка н ч и н. Берегись.

Джанга. Не верь им.
Канчин. Они сломают твое копье.
Джанга. Они пронзят твой щит.
Вашти. Не бойся, новичок, я укреплю тебя.
Майя. Не противься, возлюбленный, я дам твоей душе силу.
Оба юноши *(вместе, фортиссимо)*. Будь на страже.

Обе девушки богини внезапно и одновременно соскакивают со своих пьедесталов и наступают на священника – Вашти слева, Майя справа.

Вашти. Осмелишься ли ты вступить в райские долины с нами, юный пилигрим?
Майя. Мы – волны жизни в море блаженства. Осмелишься ли ты пуститься вплавь по ним, юный пловец?
Священник. О, я не знаю, кто вы – боги, богини или простые смертные. Я знаю только, что вы наполняете мое сердце неизъяснимым томлением. Я лучше сообразил бы что мне вам сказать, если бы вы вели себя как англичане.
Вашти. Англичане ведут себя подобно человеку, которого душит кошмар и он не в силах проснуться.
Майя. Мы – пробуждение.
Вашти. Мы – путь.
Майя. Мы – жизнь.
Вашти. Я – свет. Взгляни на меня. *(Обнимает его одной рукой и поворачивает его лицо к себе.)*
Майя. Я – огонь. Узнай, как он пылает. *(Тоже обнимает его.)*

Леди Фаруотерс выходит из дома и останавливается на верхней ступени, глядя на то, что происходит внизу.

Священник. Ох, только не сразу обе, пожалуйста.
Вашти. Совершенная любовь не знает выбора.
Майя. В любви нет ни разделений, ни меры.
Леди Фаруотерс *(бросается к ним и оттаскивает его от них)*. Перестаньте, дети. Вы способны с ума свести человека. Идите все прочь отсюда.

Оба юноши соскакивают со своих пьедесталов и увлекают девушек прочь, в заросли кустарника.

Вашти *(невидимая)*. Я вернусь к тебе в сновиденьях.
Майя *(так же)*. Я оставляю мою стрелу в твоем сердце.
Леди Фаруотерс. Не обращайте на них внимания.

Пр о л а и Пр а сходят по ступеням в сопровождении с э р а Ч а р л з а Ф а р у о т е р с а, Х ь ю г о Х а й е р и н г а — кавалера ордена Бани и м и с с и с Х а й е р и н г. Хайеринг — это бывший эмиграционный чиновник, совсем не похожий на прежнего: человек средних лет, дисциплинированный, рассудительный, подтянутый. Его жена — бывшая девушка эмигрантка, но на двадцать лет старше. В ее манерах чувствуется теперь светская тренировка, но все же она очень напоминает прежнюю. Леди Фаруотерс, когда-то тощая, экзальтированная туристка, которая посещала пещерные храмы и раздавала брошюрки язычникам, теперь — пышная, привлекательная матрона.

Пра. Мистер Хэмингтап, разрешите мне представить вас губернатору Нежданных островов, сэру Чарлзу Фаруотерсу.

Сэр Чарлз *(протягивая руку)*. Здравствуйте, мистер Хэмингтап.

Священник *(крайне нервно)*. Очень приятно.

Пожимают друг другу руки. Сэр Чарлз усаживается посреди скамьи, ближе к лестнице.

Пра. Леди Фаруотерс.

Леди Фаруотерс улыбается и протягивает руку.

Священник. Вы очень добры... гм... гм... *(Пожимает руку.)*

Леди Фаруотерс садится на другую скамью.

Пра. Это мистер Хьюго Хайеринг. Наш правитель канцелярии.

Священник. Здравствуйте, сэр Хьюго.

Хайеринг *(пожимая ему руку)*. Не сэр Хьюго. *(Представляя.)* Миссис Хайеринг.

Миссис Хайеринг *(пожимая руку священнику)*. Кавалер ордена Бани, когда к нему обращаются письменно. *(Садится по левую руку от сэра Чарлза.)*

Священник. Ах, простите, пожалуйста.

Хайеринг. Не беспокойтесь. *(Садится по левую руку леди Фаруотерс.)*

Пра *(показывая на парапет водоема)*. Садитесь сюда.

Священник *(садится там, где ему указали)*. Благодарю вас.

Прола садится по левую руку сэра Чарлза, а Пра — по левую руку леди Фаруотерс.

Леди Фаруотерс. Вы познакомились с нашими четырьмя детьми, мистер Хэмингтап?

Священник. Да, очень даже. Гм... гм... я хотел сказать...

Прола. Мы знаем, что вы хотите сказать. Можете не объяснять.

Священник. Но уверяю вас, что я... то есть...

Миссис Хайеринг. Не оправдывайтесь, мистер Хэмингтап. Мы отлично знаем, на что способны наши дочери, когда им понравится какой-нибудь юный незнакомец.

Священник. Признаюсь... Они такие смуглые, и у них такие восточные костюмы... я думал, они уроженцы Востока.

Сэр Чарлз. Вы почти угадали. Видите ли, у нас смешанная семья. Эта леди, которую следует именовать Прола, и этот джентльмен по имени Пра — оба чисто восточной крови и оба ярко выраженные индивидуальности, так что, естественно, в наших детях очень чувствуется Восток, не правда ли?

Священник *(поспешно)*. Да, разумеется. Очевидно. Несомненно. *(Жалобно смотрит на их красивые невозмутимые лица, которые ему ровно ничего не говорят.)* Простите, пожалуйста. Я очень, очень виноват; но, видите ли, нервы мои совершенно издерганы, и я просто не в состоянии понять, что вы говорите.

Хайеринг. Да нет, вы вполне в состоянии. Все это очень просто. И вы правильно поняли.

Миссис Хайеринг. Встряхнитесь, мистер Хэмингтап. Отдайтесь на волю жизни.

Леди Фаруотерс. Наша семейная жизнь — это совсем не то, что принято понимать под этим в Англии. Мы производим маленький домашний эксперимент.

Священник. О, только не эксперименты, бога ради! Химические эксперименты и те никуда не годятся. Вот я сам перед вами налицо. Но это все-таки хоть наука. А домашний эксперимент — это что-то совершенно немыслимое. И что бы вы ни говорили, а я все-таки не уверен, что я не схожу с ума.

Сэр Чарлз. Мы расстроили вас. Давайте поговорим о чем-нибудь другом. Как бы вы отнеслись к тому, чтобы стать епископом?

Священник. О, а вы могли бы меня сделать епископом?

Сэр Чарлз. Да, я полагаю, что моя рекомендация, вероятно,

решила бы дело. Здесь нужен епископ – епископ для обращения неверных. Провидение, по-видимому, с умыслом выкинуло вас на этот берег, наподобие Ионы. Так вы бы не отказались?

Священник. Мне бы, конечно, очень хотелось получать оклад епископа. Но ведь я, к сожалению, слабоумный.

Сэр Чарлз. Ну, это, знаете, удел многих епископов; и онито и оказываются наилучшими. Умный епископ – это истинное несчастье.

Священник. Я слишком молод.

Сэр Чарлз. Но вы же не всегда будете слишком молоды. Большинство епископов слишком стары.

Священник *(соблазняясь)*. А ведь это было бы здорово, а?

Миссис Хайеринг. Вот это правильно, мистер Хэмингтап. Отдайтесь на волю жизни.

Пра. Какие у вас имеются возражения против епископства?

Священник. О, да никаких, уверяю вас. Какой же священник станет возражать против того, чтобы сделаться епископом? Но почему вам хочется сделать меня епископом?

Сэр Чарлз. Я буду с вами совершенно откровенен, мистер Хэмингтап. Двадцать лет тому назад я и моя жена, а также мистер и миссис Хайеринг вступили с этим восточным джентльменом и его подругой в евгенический эксперимент. Цель его была – выяснить результаты биологического смешения западных плоти и духа с плотью и духом Востока. Мы основали семью из шести родителей.

Священник. Шести?

Сэр Чарлз. Да, шести. Результат был несколько неудачен с точки зрения количественных выводов. Мы произвели на свет четырех детей, по два каждого пола, и воспитали их самым просвещенным образом. Теперь они выросли; а вместе с тем пришло время, чтобы наша семейная группа пополнилась молодыми особями их возраста и дала жизнь другому поколению. Так вот, рано или поздно это увеличение нашей семейной группы неизбежно даст повод разговорам, развяжет у людей языки.

Священник. Что касается людей из моей среды, так у них бы язык отнялся, если только я правильно понял то, что вы хотите сказать.

Сэр Чарлз. Вы поняли правильно. Я имею в виду именно то, что я говорю. Нам предстоит борьба с общественным мнением в нашей стране. Мы не уклоняемся от нее. В на-

ши задачи входит открыть людям значение евгенических опытов и необходимость смешения не только западной и восточной культуры, но западной и восточной крови. Однако мы не хотим, чтобы нам в этом препятствовали, как препятствовали мормонам; не хотим также подвергнуться участи, которая ожидала коммуну Онейды, если бы она не распалась сама по себе. Мы хотим заставить заговорить умных людей, а дураков замолчать. И мы полагаем, что мы могли бы преуспеть и в том и в другом, если бы к нашему семейству прибавился епископ.

Миссис Хайеринг. И вот тут-то вы и пригодитесь, молодой человек.

Пра. Есть еще и другое веское соображение. По крайней мере для меня. Я убежден, что в конституции наших детей чего-то недостает. Может быть, это недостаток нитрогена. Несомненно одно, что это недостаток чего-то существенно необходимого для совершенного социального человеческого существа.

Священник. Ах нет! Вот уж этому я никак не могу поверить. По-моему, они верх совершенства. Нельзя вообразить себе ничего более совершенного, чем Майя.

Пра. А что вы скажете о совести Майи?

Священник *(растерянно)*. О совести? Я не знаю... я думаю... я...

Пра. Вот именно. Вы не знаете. А мы знаем. Наши четверо удивительных детей обладают всевозможными талантами, всевозможными совершенствами, всеми чарами, которые только можно себе представить. А мы, сказать по правде, устали от всех их очаровательных качеств, потому что, хотя они и артистические натуры и скорее умрут, чем позволят себе что-нибудь уродливое, вульгарное, пошлое, ни один из четырех не обладает ни каплей нравственности, совести. Их кормили очень тщательно, в их питание вводились все витамины, которые были открыты химиками-биологами, все их железы питались на научном основании. Физически они совершенны. К несчастью, химики-биологи до сих пор еще не открыли желез, которые вырабатывают совесть и управляют ею, или витамины, которые питали бы ее. Есть у вас совесть, мистер Хэмингтап?

Священник. О да, я бы хотел, чтобы ее у меня не было. Она мучает меня. Вы знаете, я иной раз мог бы чудесно себя чувствовать в роли судового священника на пиратском судне, если бы только не моя совесть. Она превра-

щала мою жизнь в одно сплошное раскаяние,— потому что у меня никогда не хватало силы духа повиноваться ее голосу.

Пра. Это очень ясно доказывает, что совестливый человек, в переводе на химический язык, это нитрогенный человек. Вот мы имеем перед собой четырех молодых людей, недостаточно нитрогенизированных, в результате чего у них наблюдается отсутствие совести. И вот перед нами молодой человек другого типа — молодой человек, перенасыщенный нитрогеном с пеленок и страдающий от избытка совести. Союз между ним и нашими дочерьми напрашивается сам собой.

Священник. Вы хотите сказать, что я должен жениться на одной из них?

Пра. Отнюдь нет; для них это было бы чудовищным оскорблением.

Священник. Оскорблением? Я не понимаю.

Леди Фаруотерс *(добродушно)*. Разрешите, я попытаюсь объяснить вам это, мистер Хэмингтап. Вам очень нравятся обе девушки, не так ли?

Священник. Как же они могут не нравиться, леди Фаруотерс, такие красавицы?

Леди Фаруотерс. Обе?

Священник. Ах, ну мне, как священнику, не может нравиться более чем одна девушка сразу. И все-таки мне кажется, что я каким-то непостижимым образом люблю их обеих. Но если здесь идет речь о браке, то я должен выбрать.

Пролa. Кого же вы выбрали бы?

Священник. Я бы выбрал Майю.

Пролa. Майя отвергла бы вас тотчас же.

Священник *(убитый)*. Я и сам так думаю. Конечно, какая же я партия для Майи? А все-таки она была так ласкова со мной... По правде сказать... Но, может быть, я не должен говорить об этом... Она поцеловала меня.

Сэр Чарлз. В самом деле? Это показывает, что она не против союза с вами.

Леди Фаруотерс. Вы не должны думать, что она отвергнет вас из-за того, что вы чем-то недостойны ее.

Священник. А из-за чего же тогда? Ах, я не должен был целовать ее.

Миссис Хайеринг. Ого! Вы только что сказали, что это она вас поцеловала.

Священник. Да. Я понимаю, мне нужно было объяснить вам, но она позволила мне поцеловать себя.

Миссис Хайеринг. Должно быть, это было восхитительно, мистер Хэмингтап? Отдаться на волю жизни, правда?

Священник. Ах, прошу вас, я не могу говорить об этом. Но почему же она отвергнет меня, если я сделаю ей честное предложение?

Леди Фаруотерс. Потому, что она сочтет ваше честное предложение бесчестным, мистер Хэмингтап, если только оно не будет распространяться на всех лиц нашей семьи. Вы не должны выбирать, разбирать, делать различия. Или вы берете в жены всех, или никого.

Священник. О господи! Мои бедные слабые мозги отказываются соображать. Я просто ничего не понимаю, что вы такое говорите. Я знаю, то, что вы хотите сказать, должно быть, конечно, совершенно правильно и достойно леди Фаруотерс, но получается что-то ужасно неприличное.

Леди Фаруотерс. Разрешите, я попробую вам объяснить.

Священник. Пожалуйста, прошу вас, леди Фаруотерс. Но только мне хотелось бы, чтобы вы меня больше не звали мистером Хэмингтапом. Друзья и близкие обычно зовут меня Идди.

Миссис Хайеринг. А что это за уменьшительное — Идди?

Священник. Да, знаете, дома меня все считали идиотом.

Миссис Хайеринг. Ах, простите, я не знала.

Священник. Да нет, пожалуйста. Мою сестру звали Кидди, так вот меня стали звать Идди. Пожалуйста, зовите меня так. И будьте снисходительны ко мне. У меня слабые мозги и очень быстро все путается в голове. Я вижу, что вы все удивительно умные, рассудительные. И вот поэтому-то я и мог бы чувствовать себя здесь таким счастливым. Мне можно вдолбить что угодно, лишь бы вы объяснили мне это мягко, как ребенку, и звали бы меня Идди. Так вот, пожалуйста, леди Фаруотерс. Простите, что я перебил вас.

Леди Фаруотерс. Так вот, Идди...

Идди. О, благодарю вас!

Леди Фаруотерс *(продолжает)*. ...наши четверо детей не похожи ни на европейских детей, ни на азиатских. У них Восток в мозгу и Запад в крови, и в то же время — Восток в крови и Запад в мозгу. С самых ранних лет, когда они, еще совсем крошками, научились говорить, они при-

думывали волшебные сказки. Я считала это глупым и опасным и пыталась остановить их, но Прола не позволила мне; она выучила их игре, которая называлась «небесный парламент» и заключалась в том, что все они рассказывали какие-нибудь истории и нанизывали их одна на другую, так что из этого выросла целая сказочная страна, в которой были свои законы, свои религиозные обряды и, наконец, некое великое учреждение, которое они назвали Гиперсемейство. Началось это с того, что я, по своей старой английской традиции, внушала им любить друг друга, но они этого никак не могли понять. Они говорили, что это пошлый вздор, что это только подстрекает их ссориться и ненавидеть друг друга. И тут-то им и пришло в голову, что они должны не любить друг друга, а быть друг другом.

Идди. Быть друг другом?.. Не понимаю.

Сэр Чарлз. Я тоже. Пра и Прола считают, что они понимают, но мы с леди Фаруотерс не понимаем, да и не пытаемся. Мы слишком англичане для этого. Но житейская сторона этого обстоятельства, которая касается вас,— это то, что Вашти и Майя теперь взрослые девушки. У них должны быть дети. А мальчикам нужна молодая супруга.

Идди. Вы хотите сказать — две супруги?

Леди Фаруотерс. Ах, хоть дюжина, если бы только найти подходящих.

Идди. Но... но... но... ведь это же будет полигамия.

Прола. Вы на Востоке, мистер Идди. Восток полигамичен. Постарайтесь усвоить, что полигамисты представляют огромное большинство среди подданных Британской империи и что вы здесь не в Клепеме.

Идди. Какой ужас! Мне это никогда не приходило в голову.

Леди Фаруотерс. А девушкам требуется молодой супруг.

Идди *(умоляюще)*. Два молодых супруга, леди Фаруотерс? Ну, пожалуйста, скажите — два?

Леди Фаруотерс. Для начала — не думаю.

Идди. Но ведь я же не восточный человек. Я священник англиканской церкви.

Хайеринг. Вашти это ровно ничего не говорит.

Пра. А Майе еще меньше.

Идди. Но... но... Ах, господи! Да разве вы не понимаете... Я хочу жениться на Майе... а если я женюсь на Майе, я не могу жениться на Вашти. Английский священник не может жениться на двух женщинах.

Леди Фаруотерс. С их точки зрения, они не две женщины, а одна. Вашти — это Майя, а Майя — Вашти.

Идди. Но даже если допустить, что это возможно, как я могу сохранить верность Вашти, не изменив Майе? А я и подумать не могу изменить Майе.

Леди Фаруотерс. Майя сочла бы малейшую неверность Вашти изменой себе и нарушением вашего супружеского обета.

Идди. Но ведь это же бессмыслица. Пожалуйста, не вбивайте мне таких вещей в голову. Я и так изо всех сил стараюсь сохранить рассудок, но вы просто пугаете меня. Если бы я только мог решиться никогда больше не видеть Майи, я бы бросился вон из этого сада и отправился бы к себе на родину. Но это все равно, что бежать из рая. Я так несчастен. И в то же время я так ужасно счастлив. Мне кажется, меня точно околдовали.

Миссис Хайеринг. Так не противьтесь этому колдовству, пока оно длится. Отдайтесь на волю жизни.

Пра. Разрешите мне напомнить вам, что не только Вашти и Майя, но все присутствующие здесь леди включаются в этот гиперсемейный союз.

Идди. О, как бы это было чудесно и уютно: они были бы моими мамами.

Пролa *(с упреком)*. Оставь его в покое, Пра. Ты представляешь себе эти телячьи нежности! Будет с него Вашти и Майи для начала. Майя и так уж чуть не свела его с ума. И незачем нам, старым людям, лишать его последней капли рассудка. *(Поднимается.)* Мы и так уж слишком далеко зашли. Побудьте здесь один, мистер Хэмингтап, соберитесь с мыслями. Полюбуйтесь на цветы, подышите воздухом. Откройте вашу душу бесконечному простору неба. Природа всегда помогает.

Идди *(вставая)*. Благодарю вас, леди Прола. Конечно, это большая помощь.

Прола. Идемте. *(Поднимается по ступеням и уходит в дом.)*

Все поднимаются вслед за ней, и, уходя, каждый говорит несколько утешительных слов расстроенному священнику.

Пра. Успокойтесь. Вздохните полной грудью и успокойтесь. Не мучьте себя напрасной тревогой. *(Уходит.)*

Леди Фаруотерс. Отбросьте страхи, Идди. Согрейте ваше сердце, проясните мысли. Думайте о том, что у вас будет тысяча друзей, тысяча жен и тысяча матерей. *(Похлопывает его по плечу и уходит.)*

Сэр Чарлз. Не отставайте от века, мой мальчик. Мир меняется. Не отставайте от века. *(Уходит.)*

Миссис Хайеринг. Не позволяйте вашей совести мучить вас. Отдайтесь на волю жизни. *(Уходит.)*

Хайеринг. Постарайтесь уснуть немножко. Это утро было для вас слишком большим испытанием. *(Уходит.)*

Идди. Уснуть? Нет, я не буду спать. Они хотят, чтобы я опозорил свой сан, но я не сделаю этого. Не позволю себе успокаиваться, не перестану слушаться моей совести. Не буду нюхать эти цветы, не стану смотреть на небо. Природа здесь не принесет мне добра. Эта восточная природа — яд для англичанина. Я буду думать об Англии, возьму себя в руки, соберусь с духом. Англия! малверницы! долина Северна! граница с Уэльсом! три собора! Англия есть я; я есмь Англия! Будь они прокляты, все эти тропические эдемы! Я священник англиканской церкви, и мой дом — Англия. Назад в Англию, ко всему тому, что Англия значит для англичанина! С этим знаменем я выйду победителем.

Решительно поворачивается, чтобы уйти, и сталкивается лицом к лицу с Майей, которая подкралась сзади и серьезно и напряженно слушала его заклинания.

(Падает в отчаянии на парапет водоема.) О Майя, дайте мне уйти! Дайте мне уйти!

Майя опускается рядом с ним и обнимает его за шею.

Майя. Говори со мной словами твоей души, а не словами, которые ты подобрал на улице.

Идди. Проявите уважение к моему сану, мисс Фаруотерс.

Майя. Майя. Мое имя Майя. Я — завеса храма. Разорви меня пополам.

Идди. Не хочу. Я хочу домой, хочу жениться на какой-нибудь честной английской девушке, которую зовут Полли Перкинс. *(Вздрагивает в ее объятиях.)* О Майя, милочка, поговори со мной, как человеческое существо.

Майя. Я так и говорю с тобой. Но ты не узнаешь человеческой речи, когда слышишь ее. Тебе нужен жаргон и болтовня, прописные фразы, которые ничего не значат. Говори со мной словами своей души. Скажи мне: ты любишь Вашти? Готов ты умереть за Вашти?

Идди. Нет.

Майя *(вскакивает, взбешенная)*. Мерзавец! *(Спокойно и реши-*

тельно.) Ты свободен. Прощай. *(Показывает ему дорогу через дом.)*

Идди *(цепляясь за ее платье)*. Нет, нет. Не покидай меня. Я люблю тебя, тебя. Я готов умереть за тебя. Это звучит, как слово, которое я подобрал на улице, только это правда. Я готов умереть за тебя десять раз.

Майя. Неправда. Слова, слова, слова! Жалкие уличные слова. Вашти и Майя — это одно. Ты не можешь любить меня, если не любишь Вашти. Не можешь умереть за меня, если не умрешь за Вашти.

Идди. Уверяю тебя, могу.

Майя. Ложь, ложь! Если хоть одно биение твоего сердца за меня не есть биение сердца за Вашти, если хоть на одно мгновение в мыслях твоих две женщины, а не одна, значит, ты не знаешь, что такое любовь.

Идди. Наоборот... я...

Вашти *(которая вошла бесшумно, садится рядом с ними, обнимает его за плечи)*. Разве ты не любишь меня? Разве ты не готов умереть за меня?

Идди *(загипнотизированный ее глазами)*. О господи! Да, твои глаза проникают мне в сердце. Твой голос открывает мне рай. Я люблю тебя. Я готов умереть за тебя тысячу раз.

Вашти. А Майю? Любишь ты Майю? Готов ты умереть миллион раз за Майю?

Идди. Да, да, я готов умереть за каждую из вас. За обеих: за одну и за другую.

Майя. За Вашти-Майю?

Идди. За Вашти-Майю, за Майю-Вашти.

Вашти. Твоя жизнь и наша — одна жизнь.

Майя *(опускаясь рядом с ним)*. Вот оно — царство любви!

Все трое, обнявшись, исчезают в темноте.

Ясное утро спустя несколько лет. Сад не изменился. Но гавань за молом полна военных кораблей. На газоне, около ступеней, письменный стол, заваленный газетами, на нем радиотелефон. Сэр Чарлз сидит за столом, спиной к дому. Рядом с ним Пра. Оба пишут. Входит Хайеринг.

Сэр Чарлз. Доброе утро, Хайеринг.

Хайеринг. Доброе утро. *(Садится у другого конца стола, ответив Пра на его небрежный селям.)* Есть какие-нибудь новости?

Сэр Чарлз *(показывая на рейд)*. Посмотрите: еще пять крейсеров за эту ночь. В газетах пишут, что это первый раз в истории все флоты Британской империи собрались в одной бухте.

Хайеринг. Надеюсь, что это и последний раз. Если мы не избавимся от них в ближайшее время, то здесь, надо полагать, произойдет самое крупное в истории морское сражение. Они уж и сейчас грызутся между собою, как бешеные коты.

Сэр Чарлз. Из-за чего?

Хайеринг. Да из-за всего. Из-за пришвартовки, из-за пушечных салютов — кому салютовать раньше, из-за флагов, из-за высадки на берег — из-за всяких пустяков. Попробуйте водворить мир между ними! «Квебек» пришвартовался рядом с «Белфастом»; и вот «Квебек» назначил обедню в одиннадцать в день всех святых, а «Белфаст» объявил учебную стрельбу как раз в это же время. Вы видите этот миноносец, который пришел сегодня ночью?

Сэр Чарлз. Что это за судно?

Хайеринг. Это флот Питкернских островов. Они адвентисты седьмого дня; и они совершенно убеждены, что Страшный суд состоится сегодня в пять часов. Они предлагают ничего не предпринимать до этого времени и только петь гимны. Адмирал Ирландского свободного государства угрожает потопить судно, если они не замолчат. Ну как их помирить?

Пра. Не надо их мирить. Из-за этих своих вздорных препирательств они забудут, зачем они сюда посланы.

Хайеринг. Забудут? Ну нет! Я получил шесть ультиматумов от их адмиралов, и срок этих ультиматумов истекает сегодня в полдень. Полюбуйтесь! *(Вытаскивает пачку писем из кармана и бросает их на стол.)*

Сэр Чарлз *(показывая на письма, разбросанные на столе)*. А тут – посмотрите!

Пра. И все из-за Идди.

Сэр Чарлз. Об Идди кричат все английские газеты. Кабели гудят об Идди. Идди сотрясает всю империю, будь он проклят!

Хайеринг. А есть что-нибудь новенькое из Лондона или Дели?

Сэр Чарлз. Все те же старые песни. Английская церковь ни в каком случае не допустит полигамии; она требует, чтобы мы предали Идди суду, если мы не в состоянии реабилитировать его. С другой стороны, Дели заявляет, что всякая попытка преследовать полигамию будет рассматриваться как оскорбление религиозных верований индусов.

Пра. Министр просвещения Дели добавляет в постскриптуме, что так как он был женат двести тридцать четыре раза и не мог бы существовать на одно жалованье без приданого своих жен, то в протесте английской церкви он усматривает недостаточное внимание к его положению. У него на руках сто семнадцать детей.

Сэр Чарлз. Да, вот тут еще какой-то тип, о котором я до сих пор никогда не слыхал, он называет себя калифом британского ислама. Он требует, чтобы Идди прогнал всех своих жен, за исключением четырех.

Хайеринг. А что говорит по этому поводу министерство иностранных дел?

Пра. Министерство иностранных дел полагает, что это было бы счастливым разрешением конфликта, который угрожает стать очень серьезным.

Хайеринг. А вы сами, Пра, что вы думаете?

Пра. Что я думаю? В таких положениях думать не приходится. Каждый из них должен бы понимать, что его мнение вовсе не обязательно для другого. Вот вам телеграммы Британской имперской лиги женственности из Ванкувера и Претории: «Сжечь его живьем со всеми его шлюхами». Что вы хотите, чтобы я думал о таких людях?

Хайеринг. И, по-видимому, ни одного практического предложения?

Пра. Соединенные Штаты выступили с дружественным пред-

ложением: что стороны должны развестись. Но Ирландское свободное государство не желает и слышать о разводе и заявляет, что если заинтересованные лица примут католическую веру, то их браки тем самым будут расторгнуты.

Хайеринг. О Запад, Запад, Запад!

Пра. О Восток, Восток, Восток! Я пытался примирить их. Но успел в этом только дважды: с вами и с леди Фаруотерс.

Хайеринг. Меня вы спихнули в море.

Сэр Чарлз. А с леди Фаруотерс вы завязали роман.

Пра. Тупость новообращенных заставила меня воспользоваться этим методом. Леди Фаруотерс с ее английским воспитанием светской леди отличалась такой примитивностью, что никакие доводы разума на нее не действовали. А ваши мозги благодаря вашим школам и университетам были в еще худшем состоянии. Проле пришлось обращать вас тем же элементарным методом. И он вполне оправдал себя. Знакомство с восточным способом мышления дало вам возможность управлять восточными коронными колониями с удивительным успехом. Даунинг-стрит ненавидела вас, но Дели вас поддерживал. А ведь с тех пор, как Индия стала доминионом, Дели стал центром Британской империи. Вы, Хайеринг, достигли такого дипломатического успеха на Востоке по тем же причинам. Но дальше этого мы были не в состоянии продвинуться ни на шаг. Наша мечта о создании тысячелетнего царства мировой культуры — мечта, которая объединяла Пролу и Пра, когда вы узнали их впервые, а потом объединила нас шестерых,— закончилась одной маленькой семьей с четырьмя детьми, замечательными, прекрасными, но бесплодными. Когда нам потребовалось найти супруга для наших созревших дочерей, мы нашли только одного мужчину, способного раствориться в единстве нашей семьи: человека, которого с младенчества питали воздухом. И как же показал себя этот герой? Простачком, импотентом! Трудно представить себе более незначительное человеческое существо. И, однако, полюбуйтесь: вот вам вся имперская армада, в которой каждая ничтожная провинция хочет иметь свой отдельный флот, каждый мишурный островок — свой военный корабль, свой крейсер или по крайней мере свою канонерку или свой миноносец. Зачем они явились сюда, вооруженные до зубов, угрожая своими так называемыми «санкциями»? — слово, которое некогда обозначало одо-

брение богов, а теперь означает бомбы с отравленными газами. Они явились сюда исключительно из-за этого простачка. Дабы вернуть его на путь добродетели, половина из них готова обрушиться на наш маленький семейный очаг, а другая половина готова утопить тех, едва только они посмеют двинуться.

Хайеринг. Ну, бомбы они не посмеют пустить в ход.

Пра. Это верно, но что может помешать им пустить в ход дубинки, бутылки, камни или собственные кулаки? Что там говорится в ваших ультиматумах, Хайеринг?

Хайеринг *(читает)*. Номер первый, от адмирала английского флота: «Если многоженец-прелюбодей Хэмингтап не будет выдан нам завтра в двенадцать... — это значит сегодня, — я вынужден буду открыть огонь по губернаторскому дому». Номер второй, от командующего бомбейской эскадрой: «Если сегодня к двенадцати часам дня... — я получил это сегодня утром, — мне не будут даны ясные и недвусмысленные гарантии безопасности и свободы мистера Хэмингтапа, я высажу десант с пулеметами и слезоточивыми бомбами в помощь местной полиции для защиты его особы». Номер третий: «Я неоднократно заявлял вам, что имперская провинция Священного острова требует немедленного, в пример остальным, сожжения гнусного распутника и проклятого вероотступника, именуемого Фосфором Хэмингтапом. Терпение флота Священного острова будет исчерпано в двенадцать часов тринадцатого сего месяца... — то есть сегодня, — и столице Нежданных островов придется понести все последствия». Номер четвертый...

Сэр Чарлз. К черту номер четвертый! Все они на один лад. Ни у кого из них не хватает даже оригинальности установить срок своего ультиматума на половину двенадцатого или хотя бы на четверть первого.

Хайеринг. Кстати, Пра, вы предприняли какие-нибудь шаги? Я ничего не предпринимал.

Пра. Да, я кое-что предпринял. Не беспокойтесь. Я послал сообщение.

Сэр Чарлз. Какое сообщение?

Пра. Комендант порта убедительно просит командующих имперским флотом отложить всякие действия еще на один день, так как он всецело занят серьезной вспышкой черной оспы в районе гавани.

Сэр Чарлз. Хорошо!

Его прерывает пушечный выстрел.

Вот она, полуденная пушка!

Хайеринг. Я надеюсь, что они успели получить ваше сообщение.

Сад и присутствующие исчезают. Когда они появляются снова, гавань уже пуста, не видно ни одного корабля. Письменный стол с газетами убран, вместо него стоит маленький десертный столик. Сервирован чай. Тут же радиотелефон.

Вашти и Майя в своих нишах. Леди Фаруотерс сидит на каменной скамье. Миссис Хайеринг — рядом, справа от нее. Пролa — на скамье напротив. Дамы пьют чай.

Пра выходит из дома с сэром Чарлзом и Хайерингом. Они сами наливают себе чай. Только Пра не принимает участия в чаепитии.

Сэр Чарлз. Ни одного кораблика в гавани. Ваше сообщение совершило этот фокус, Пра. *(Садится рядом с Пролой, с левой стороны.)*

Пра *(садясь между английскими дамами)*. Они еще могут вернуться.

Хайеринг *(садится рядом с Пролой, по правую ее руку)*. И мысли не допускаю. К тому времени, когда флот догадается, что его одурачили, империи надоест думать об Идди.

Вашти. Идди надоел миру.

Майя. Идди надоел мне.

Вашти. Идди — сущая кара.

Майя. Идди — скука.

Вашти. Давайте бросимся в море, чтобы избавиться от Идди.

Майя. Бросим Идди в море, чтобы избавить его от самого себя.

Вашти. Ты мудрая, Прола. Скажи нам, как спастись от Идди.

Майя. Мы не в состоянии вечно переносить Идди, Прола.

Прола. Вы обе выбрали его, а не я.

Майя. Мы были слишком молоды, мы не знали.

Вашти. Помоги нам, Пра. Ты потерял веру в нас, но твоя мысль по-прежнему остра.

Майя. Пра, мы умоляем тебя, уничтожь инкуба.

Вашти. Отпусти его с миром, чтобы он оставил нас в покое.

Майя. Упокой его, чтобы мы могли отдохнуть в мире.

Вашти. Пусть он будет тем, чем был до того, как мы его узнали.

Майя. Когда мы были счастливы.

Вашти. Когда он был невинен.

Пра. Вы вызвали к жизни этот странный дух. Я не могу заклясть его.

Вашти. Я готова лишить небо росы и дождя, только чтобы не переносить Идди.

Майя. Замкните уста ему, о звезды!

Идди выходит из дома с видом ленивого самодовольства. Его встречают мертвым молчанием. Никто на него не смотрит. Он наливает себе чашку чая. Молчание становится зловещим. Он садится на траву у ног Пролы и прихлебывает чай. Молчание продолжается.

Идди *(наконец)*. Я ничтожное создание.

Все поворачиваются как ужаленные и смотрят на него. Затем все снова застывают, на всех лицах терпеливое выражение смертельной скуки.

Какая ужасная вещь быть любимым. Мне кажется, ни один мужчина не был любим так, как я, и не любил так, как я. Но любовь не такая уж завидная штука. Я сочиняю проповедь на эту тему. Это проповедь о вечности.

Все смотрят на него с тем же выражением.

Мысль, которую я думаю развить, такова: мы никогда не были в состоянии представить себе по-настоящему вечность. Святой Иоанн Патмосский предполагал, что это игра на арфах и пение славословий, и так во веки веков. Но здешний органист сказал мне, что композиторы весьма умеренно пользуются арфой, потому что хотя она сначала и производит приятное впечатление, зато очень скоро надоедает. Нельзя выдержать вечной игры на арфе. И если вы будете вечно петь «Агнец достойный», то вы этого агнца сведете с ума. Так вот, принято считать, что хорошими вещами нельзя пресытиться, а оказывается — можно. Лишения можно гораздо дольше переносить, чем райское блаженство. Любовь — она как музыка. Музыка очень приятная вещь. Тот же органист говорит, что, когда испорченность рода человеческого ввергает его в отчаяние, он утешается, вспоминая, что род человеческий породил Моцарта; тем не менее женщина, которая целый день играет на рояле, это проклятие. А женщина, кото-

рая целый день пристает к вам с любовью,— еще того хуже. И все же нет ничего восхитительней любви до известного предела. Мы все здесь любим друг друга самым изумительным образом: я люблю Вашти, люблю Майю, люблю Пролу. И все они любят меня так чудесно, что все их три любви — это только одна любовь. Но я убежден, что когда-нибудь нам нужно будет заняться чем-нибудь другим. Если мы этого не сделаем, мы возненавидим друг друга.

Вашти. Если это хоть сколько-нибудь тебя утешит. Идди, могу тебя уверить, что я уже ненавижу тебя до такой степени, что, если бы я по своей природе была способна убить, я бы тебя убила.

Идди. Ну вот! Другой бы на моем месте обиделся, ужаснулся, а я ничего такого не чувствую. У меня скорей такое чувство, словно мне дали клубничного мороженого. Спасибо тебе, дорогая Вашти, спасибо. Ты подаешь мне надежду, что и Майе когда-нибудь надоест возиться со мной.

Майя. Мне уж давно не терпится отколотить тебя так, чтоб дух из тебя вышел, но всякий раз, как я готова была броситься на тебя с кулаками, ты всегда ухитрялся выкинуть какую-нибудь такую идиотскую штуку, что я не знала, плакать или смеяться, и тогда я принималась целовать тебя.

Идди. Ты так радуешь меня, давно уж я не чувствовал себя таким счастливым. Но, видишь ли, это все же не разрешает моих сомнений. Я не знаю, как другие люди,— такие же они, как я, или нет...

Леди Фаруотерс. Нет, Идди, вы уникум.

Идди. Как бы там ни было, я сделал относительно себя одно открытие.

Вашти. Достаточно того, что мы знаем.

Майя. Не ищи дальше, там ничего нет, пусто.

Вашти. Никогда ничего не было.

Идди. Замолчите вы обе. Это действительно нечто очень интересное. Я сочиняю вторую проповедь.

Все присутствующие беззвучно ахают.

Пра. Разве вечности не хватило одной проповеди?

Идди. Это будет проповедь о любви.

Вашти *(вскакивая)*. Я брошусь в пропасть.

Майя *(вскакивая)*. Я отравлюсь газом.

Идди. Нет, прошу вас, сначала послушайте мою проповедь.

Пр о л а. Слушайте его, дети. Имейте уважение к мудрости глупца.

Ва ш т и *(снова усаживаясь в своей позе богини)*. Оракулами мудрых пренебрегают, внемлите королю идиотов.

Ма й я *(также усаживаясь в нише)*. Говори, Соломон.

Ид д и. Так вот, открытие, которое я сделал, заключается в том, что нам потому заповедано любить врагов наших, что любить это очень хорошо для нас и ужасно плохо для них. Я вас всех здесь ужасно люблю, и я наслаждаюсь любовью к вам; я люблю Вашти, люблю Майю, я обожаю Пролу, мое чувство к ней растет и углубляется из года в год.

Пр о л а. Идиот, я для тебя слишком стара.

Ид д и. Вы никогда не были юной и никогда не будете старой. Вы для меня путь и свет, но вы никогда не любили меня и не полюбите. Вы никогда не любили ничего человеческого. Зачем вам это? Ничто человеческое не достойно любви. Но каждая тварь человеческая обладает какой-то способностью любить. Посмотрите на меня! Что я? Ничтожный червь! Проповеди мои никуда не годятся, за исключением этих последних двух, в которых, мне кажется, действительно что-то есть. Я не могу примириться с тем, что меня любят, потому что я знаю, что я червь и что никто не может меня любить, не пребывая в полном заблуждении относительно моей особы. Но я могу любить и радоваться своей любви. Я люблю Вашти за то, что она ненавидит меня,— потому что она ненавидит меня по заслугам; ее ненависть делает честь ее прекрасному, светлому уму. Я люблю Майю за то, что она не в состоянии меня переносить,— потому что я знаю, что я способен кого угодно довести до исступления; она достаточно умна и понимает, как я ничтожен. Я люблю Пролу — потому что она несравненно выше того, чтобы любить или ненавидеть меня, а в ее смуглой красоте есть что-то...

Пр о л а *(толкает его ногой в спину)*. Замолчи, дурачок. Пусть неудобопроизносимое останется непроизнесенным.

Ид д и. Я не обижаюсь, что вы пихаете меня, Прола; вы понимаете — для меня этого достаточно; а теперь вы видите, какая это будет прекрасная проповедь и каким я буду чувствовать себя счастливым с вами начиная с этого дня. Ибо я могу радоваться тому, что я люблю вас всех без гнета ответной любви и без фальшивого возведения меня в идолы.

Ма й я. Соломон изрек!

Вашти. Умопомрачительно!

Леди Фаруотерс. Не смейтесь над ним, милочки. В том, что он говорит, несомненно что-то есть.

Майя *(в неистовстве)*. Но как же нам избавиться от него? Он собирается остаться здесь навеки.

Вашти. Мы его сами себе навязали.

Майя. Мы не способны заставить его ненавидеть нас.

Вашти. Он отправится с нами на небеса.

Майя. Разыщет нас в глубине преисподней.

Входят друг за другом Канчин и Джанга, читая газеты.

Канчин. Новости!

Джанга. Новости!

Они садятся в ниши, напротив своих сестер.

Канчин. Радиограмма.

Джанга. В стране, которая произвела на свет Идди, исполняется апокалипсис.

Хайеринг. Что такое? Что-нибудь случилось в Англии?

Канчин. Англия вырвалась на свободу.

Сэр Чарлз. Что это значит – вырвалась на свободу? Прочти-ка нам. Ну, мы слушаем.

Канчин *(читает заголовок)*. «Распад Британской империи».

Джанга *(читает)*. «Англия выходит из состава Британской империи».

Канчин. Англия восстала за независимость.

Джанга. Даунинг-стрит высказалась за честный, тесный маленький островок.

Канчин. Британский премьер-министр прервал переговоры и провозгласил новый лозунг дня.

Джанга. Назад к елизаветинской Англии и к черту империю!

Канчин. Ирландия вступается за империю.

Джанга. Президент Свободного государства заявил, что Ирландия не может позволить Англии нарушать единство империи. Ирландия возглавит борьбу против измены и раскола.

Канчин. Ответ премьер-министра президенту признан цензурой недопустимым к печати.

Джанга. Канада заявляет претензии на место первого доминиона, оставшееся вакантным благодаря отделению Англии.

Канчин. Австралия оспаривает ее претензии.

Джанга. Новая Зеландия объявляет масляную блокаду до

тех пор, пока ее претензии на первенство не будут признаны Австралией.

Канчин. Южная Африка объявляет Кэйптаун столицей империи и предлагает всем британцам очистить Африку в течение десяти дней.

Джанга. Его святейшество папа призывает весь христианский мир отпраздновать гибель последней суетной мечты о земной империи и прославить единение всех душ живых во всемирном царстве господа бога и его церкви.

Леди Фаруотерс. Вот голос взрослого человека среди крика школьников.

Джанга *(прозаически)*. Пока что никаких беспорядков и очень слабое проявление интереса со стороны масс.

Канчин. Различные международные общества продолжают свою обычную деятельность.

Джанга. Сегодняшний футбольный...

Пр о л а. Нет, Джанга, никаких футболов.

Сэр Чарлз. Но что же будет с нашими постами — губернатора и правительственного секретаря, Хайеринг? И как это отразится на наших окладах?

Хайеринг. Перестанут поступать. Вот и все. Не мешало бы нам объявить Нежданные острова независимой республикой и позаботиться о каких-нибудь новых доходных постах.

Вашти. Мир устал от республики и от всяких доходных постов. Провозгласим короля.

Майя. Или королеву.

Идди. О да. Сделаем Пролу королевой. А я буду ее капелланом.

Пра. Ну что ж, я не возражаю. Прола всегда была здесь истинной правительницей.

Вашти. Прола единственная, кто решает.

Майя. Прола единственная, кто объединяет.

Вашти. Прола единственная, кто знает.

Майя. Никто не может противиться Проле.

Прола. Замолчите вы обе. Что вы из меня делаете идола?

Канчин. Мы сделаем тебя императрицей островов.

Джанга. Прола Первая!

Вашти. Слава Проле!

Майя. Любовь Проле!

Канчин. Покорность Проле!

Джанга. Безраздельное владычество Пролы!

Прола. Все ваши тягости на мои плечи! Ленивые, пустые дети!

Канчин. Ура! Все тягости Проле!

Джанга. Тягость мысли.

Вашти. Тягость знания.

Майя. Тягость справедливости.

Вашти. Тягость правосудия.

Майя. Тягость милосердия.

Прола. Перестаньте, перестаньте! Это все для меня не тягость, — это то, чем я дышу. Я буду править вами, как я всегда это делала, потому что вы слишком ленивы, чтобы управлять сами собой.

Хайеринг. Вы можете управлять нами, Прола. Но разве люди поймут вас?

Пра. Они будут повиноваться ей. Они не стали бы этого делать, если бы они понимали.

Идди. А я вот думаю...

Майя. Соломон думает.

Вашти. Безмозглый думает.

Идди. Нельзя ли попросить антифонный квартет, если он собирается повторить свое выступление, удалиться куда-нибудь подальше, чтобы его не было слышно?

Канчин. Внемлите пророку.

Джанга. Шш!..

Вашти. Кшш!..

Майя. Идди-о-тишш!! Говори, детка!

Идди. Прола может управлять этим домом, потому что она знает, что в нем происходит; но как же она будет царицей, если она не знает, что где происходит?

Миссис Хайеринг. Она может читать газеты. Глупышка!

Идди. Да. Но вот когда лет через пятнадцать государственные деятели начнут писать свои мемуары или автобиографии и печатать их, мы узнаем, что ничего подобного не было, а то, что в действительности происходило, было совсем не то. Мы не знаем правды о наших государственных деятелях, пока они живы, а после своей смерти они лишены возможности привлекать людей за клевету. Никто не знает, что мы собой представляем. За последние недели газеты только и писали о нас, и во всем этом не было ни одного слова правды. Они воображают, что я какой-то Махди или Безумный Мулла и что Прола, Вашти и Майя — это труппа распутных танцовщиц, сэр Чарлз — сладострастный султан, а Хайеринг — его приспешник. Они не знают мира истины, они живут в мире собственных идей, которые не имеют ничего общего с нашими идеями. И следовательно... выходит...

Что это я хотел сказать, Пра? Мои мозги недостаточно крепки, чтобы поспевать за моими рассуждениями. Мне бы следовало записать все это.

Пра. Смысл того, что вы сказали: нельзя жить в мире политических фактов, потому что мы только спустя долгие годы узнаем эти факты. Поэтому мы должны жить в мире своих собственных идей, созданных нами по собственному разумению.

Идди. Мы не должны притворяться всеведущими. Даже господь бог — и он не был бы всеведущим, если бы он читал газеты. У нас должен быть идеал прекрасного и доброго мира. Мы должны верить в то, что создать такой прекрасный и добрый мир на земле — это лучшее, что мы можем сделать. И это единственный род религии и политики, о котором стоит подумать.

Прола. Ну а что делать с людьми, у которых нет собственных мыслей, Идди?

Пра. С большей частью человечества?

Идди. Они будут счастливы делать то, что вы им прикажете, Прола, если вы сможете заставить их почувствовать, что это правильно.

Прола. А если они не способны почувствовать это?

Джанга. Убить.

Канчин. Убить.

Вашти. Убить.

Майя. Убить.

Прола. Они это могут так же легко, как и я. Всякий дурак это может. А дураки всегда в большинстве.

Джанга. Заставь их убивать друг друга и правь ими.

Канчин. Разделяй и властвуй.

Вашти. Оглуши их пышными словами.

Майя. Ослепи их нашей красотой.

Миссис Хайеринг. Ну, знаете!..

Идди *(подымаясь)*. Простите, я пойду домой, возьму полевой бинокль. *(Поднимается по ступеням.)*

Миссис Хайеринг. Зачем это вам понадобился полевой бинокль?

Идди *(показывая на небо)*. Там... вон какая-то необыкновенная птица. Мне кажется... это альбатрос.

Вашти, Майя, Канчин, Джанга *(шипят ему вслед)*. Лгунишка! Мальчишка! Трусишка! Ханжа!

Сэр Чарлз *(смеясь)*. Альбатрос! Ну какому взрослому чело-

веку, кроме Идди, да даже и мальчишке старше шести лет, придет в голову сочинить такой дурацкий предлог, чтобы пойти к себе в комнату и предаться своему тайному пороку — курению.

Майя. Фу! Отвратина!

Вашти. Серный гнус!

Канчин. Альбатрус!

Майя
Вашти
Джанга } *(покатываются от этой шутки)*. Ох!

Леди Фаруотерс. Не можете ли вы, четверо деточек, заняться чем-нибудь полезным, вместо того чтобы торчать здесь и оглушать нас своими выкриками?

Канчин *(вскакивает и встает во весь рост)*. Да. К действию! К действию!

Джанга *(также вскакивая)*. Довольно этой бесконечной болтовни, болтовни и болтовни!

Вашти. Да, действовать, дерзать! Давайте грабить!

Майя. Идемте стрелять!

Канчин. Давайте умрем за что-нибудь!

Джанга. За наше знамя и за нашу царицу!

Вашти. За нашу отчизну, правую или неправую!

Майя. Пусть каждый станет на свое место! Пусть женщины сделают мужчин храбрецами!

Канчин. Мы должны защищать наши дома!

Джанга. Наших женщин!

Вашти. Славно встретить смерть!

Все четверо. Да, смерть, смерть! Слава, слава!

Пролa. Придержите языки, глупые щенята. Неужели мы для этого вас растили?

Пра. Будет вам визжать без всякого толку. Научитесь шевелить мозгами.

Майя. У нас нет мозгов.

Вашти. У нас только воображение.

Канчин. Мы обратили этот дом в храм.

Джанга. Мы сделали Пролу его богиней.

Майя. Мы превратили его во дворец!

Вашти. Во дворец королевы Пролы!

Канчин. Она будет царствовать!

Джанга. Во веки веков!

Вашти
Майя } *(в один голос)*. Слава, Прола, наша богиня!

Канчин
Джанга } *(в один голос)*. Слава, Прола, наша царица

Все четверо *(соскакивают на лужайку и бросаются на колени перед Пролой)*. Слава!

Пролa. Вы у меня дождетесь, что я выдеру вас за уши, отвратительные идолопоклонники. Встаньте сейчас же! Отправляйтесь мыть полы. Займитесь чем-нибудь грязным, грубым, вонючим, чтобы стало ясно, что вы живете в настоящем мире, а не в дурацких сказках. Если я еще хоть раз увижу, что вы пресмыкаетесь передо мною, созданной из глины, как и вы, но, к счастью для вас, несколько более здравомыслящей, я выбью из вас эти рабские замашки.

Майя. О, какое блаженство познать карающую руку Пролы!

Вашти. Чувствовать ее владычество, корчась от боли!

Канчин. Страдать из-за нее!

Джанга. Умереть за нее!

Пролa. Пошли вон отсюда все четверо. Мое царство не для таких, как вы. Убирайтесь вон!

Майя. Как сладостна покорность! *(Кланяется и бежит через сад.)*

Вашти. Покорность – это свобода от утомительного бремени мысли! *(Кланяется и убегает, скрываясь между домом и садом.)*

Канчин. Ты говоришь, как подобает царице. *(Кланяется по-восточному и бежит за Майей.)*

Джанга. Голос власти дает нам силу и единство. Повелевай нами вечно. Это то, в чем мы нуждаемся и чего мы жаждем. *(Идет следом за Вашти.)*

Пролa. Это просто невыносимо. Мы положили всю нашу жизнь на то, чтобы создать новый, свободный мир из этих ничтожеств! Мы оберегали их от малейшего суеверия, малейшего деспотизма, малейших предрассудков, малейшего идолопоклонства, от всех этих одурманивающих обрядов, от всякой нереальности, а они заново изобрели и придумали все эти бредни, суеверия, все эти ритуалы, рабство, идолопоклонство. Я готова убить их.

Пра. Нет, ты этого не сделаешь. Что я тебе говорил тысячи раз, с тех пор как перестал возиться с ними сам? Что говорят тебе события в Европе? Древний бог, император, снова появился в образе фашистского диктатора, и люди с восторгом отреклись от своих свобод, как заблудившиеся псы, которые радуются, что нашли своих хозяев. Если ты желаешь счастья этим юным созданиям, ты должна принять их преданность и их поклонение. Ты должна править ими, и воспитывать их, и давать им чувствовать

свою власть, проявляя время от времени жестокость. Ты не должна заставлять их думать: они не хотят думать, думать для них слишком тяжелый труд. Властитель, за которым они пойдут, это именно тот, кто не будет позволять им думать. Так продолжай же командовать ими, дорогая Прола, и командовать нами, как ты это всегда делала. Ты правишь этим домом, я только живу в нем.

Прола. Глупости. Ты можешь сам за себя думать не хуже, чем я. И ты любишь думать. Это твое ремесло.

Пра. Да. Но я не так скор на это. А тот, кто мыслит быстро, управляет теми, кто мыслит медленно. Я думаю, как ветер, а ты думаешь, как земля. В жизни всегда есть воля и путь. Воля – это ветер, а путь – это земля. И ты видишь путь за пять минут до того, как увижу его я, и за пять веков до того, как его увидят дети. Вот почему ты хозяйка здесь, и будешь ею, пока тебе не изменят силы. Когда ты пытаешься уклониться от этого, ты подобна поплавку, который старается нырнуть на дно океана.

Прола. Все это только отговорки, чтобы все взвалить на меня. Лентяй, лентяй, лентяй! Когда-нибудь небу надоедят ленивцы. И питкернские островитяне дождутся наконец своего судного дня.

Ее словам вторит отдаленная ружейная пальба.

Сэр Чарлз. Стреляют? Что это такое?

Они все подымаются и тревожно прислушиваются. Сверху раздается звук трубы.

Хайеринг. Откуда это? У нас на острове и в помине нет трубы.

Четверо гипердетей вбегают в сад в страшном волнении.

Канчин. Смотрите, смотрите скорей! Альбатрос!

Пра *(поднимаясь)*. Альбатрос?

Майя. Да. Иддин альбатрос. Смотрите!

Джанга. Вот он летит над городом.

Вашти *(показывая)*. Вон он, вон он, смотрите!

Снова ружейная пальба, на этот раз гораздо ближе.

Майя. Ах, они стараются подстрелить его. Скоты!

Канчин. Не попали! Вон он! Вон он летит!

Майя. Он летит сюда!

Вашти. Опускается!

Идди выходит из дома и сбегает по ступеням с полевым биноклем в руках.

Идди. Я уже минут пять как смотрю на него из окна. Это не альбатрос. Вот посмотрите. *(Протягивает бинокль Пра.)*

Канчин. Так что же это такое?

Идди. Мне кажется... это ангел.

Джанга. А ну тебя! Вот идиот!

Пра *(глядя в бинокль)*. Это не птица. Это...

Ангел опускается посреди сада. Все остолбенели. Он отряхивается. Множество пуль и мелкой дроби высыпается из его крыльев и одежды.

Ангел. Право, ваша публика могла бы придумать что-нибудь поумнее, чем палить по ангелам.

Пра. Вы ангел?

Ангел. Ну а кто же я, по-вашему?

Вашти. Конечно он ангел. Посмотрите на его крылья.

Ангел. Прошу внимания. Разве вы не слышали трубу? Сегодня судный день.

Все *(хором)*. Что-о???!!!

Ангел. Судный день. День Страшного суда.

Сэр Чарлз. Будь я проклят!

Ангел. Весьма вероятно, что и будете.

Хайеринг. Значит, питкернские островитяне были в конце концов правы?

Ангел. Да. Вы сейчас находитесь под судом вместе со всеми народами, говорящими на английском языке. Что вы на меня так уставились, точно вы никогда не видели ангела?

Пола. Мы действительно никогда не видели.

Ангел *(смягчаясь)*. Да, верно. Ха-ха-ха! Так вот вы, надеюсь, хорошо понимаете, что ваши дела теперь рассматриваются, с тем чтобы вынести решение: оправдываете вы ваше существование или нет.

Пра. Ну, а если, допустим, решат, что мы не оправдываем?

Ангел *(с добродушием, которое имеет в себе что-то успокаивающее)*. Тогда вы просто-напросто исчезнете, вот и все. Перестанете существовать. Да вы не стойте из-за меня. Садитесь, если хотите. Не стесняйтесь: для ангела не имеет значения, стоят перед ним или сидят. Впрочем... *(Садится на парапет водоема.)*

Они все усаживаются, как и раньше, и четверо гиперде-

тей располагаются в обычной своей позе, в нишах. Звонит радиотелефон. Хайеринг встает и берет трубку.

Хайеринг *(ангелу)*. Простите, пожалуйста. *(В трубку.)* Да? Говорит Хайеринг... Кто-то – что? Ах, позволяет себе шутки по радио? Да нет, это не шутки. У нас только что приземлился ангел. И вот он говорит то же самое... Да, ангел. А – Аррорут, эн – никроген, ге... Да, да, верно: ангел. В конце концов надо же было когда-нибудь наступить судному дню. Почему бы и не сегодня?.. Я осведомлюсь об этом у ангела и позвоню вам попозже. Всего хорошего. *(Кладет трубку.)* Послушайте, ангел, Лондон сообщает, что Страшный суд в полном разгаре. Но в Париже ничего об этом не известно; в Берлине, Риме, Мадриде и Женеве – ничего. А Москва говорит, что британская буржуазия спятила со своими суевериями. Что вы на это скажете? Если сегодня судный день в Англии, так и везде должен быть судный день.

Ангел. Почему?

Хайеринг *(усаживаясь)*. Ну, это само собой разумеется.

Ангел. Почему? Разве это разумно, чтобы суд в один день в одной и той же инстанции рассмотрел дела сотни различных стран с сотнями различных рас, языков, вероисповеданий? Вся эта история продлится не менее того, что вы называете годом. Мы начали с народов, говорящих на английском языке, просто из любезности к одному из ваших заправил, настоятелю собора святого Павла, Ингу – так, кажется, его зовут. Я объявил ему это вчера ночью во сне и спросил, оценят ли англичане эту любезность. Он сказал, что они предпочли бы обойтись без этого как можно дольше, но что на самом деле они в этом очень нуждаются и что он со своей стороны готов. За вами пойдут другие языки. Соединенные Штаты Америки будут судиться завтра. Потом Австралия. Затем Шотландия. За ней Ирландия.

Леди Фаруотерс. Простите, пожалуйста, но ведь они же говорят не на разных языках?

Ангел. Для нас они звучат различно.

Сэр Чарлз. Хотел бы я знать, как ко всему этому относятся в Англии.

Ангел. Боюсь, что для большинства англичан пути провидения неисповедимы. Они продолжают кататься, играть в гольф по воскресеньям, вместо того чтобы ходить в церковь, а Библию даже и не открывают. Когда вы им

толкуете об Адаме и Еве, Каине и Авеле, не говоря уж о судном дне, они просто не понимают, о чем идет речь. Другие – так называемые благочестивые – считают, что мы явились сюда выкапывать скелеты и учинять над ними ваши сенсационные уголовные следствия и что их самих мы превратим в ангелов на вечные времена. И они всерьез думают, что такая штука называется религией. Для нас, ангелов, это крайне удивительно и весьма прискорбно.

Миссис Хайеринг. Послушайте, ангел, все это совсем не похоже на Страшный суд... Такой хороший день. Настоящий весенний праздник.

Ангел. А почему, скажите, судный день не может быть хорошим днем?

Миссис Хайеринг. Ну просто, знаете, нам это изображали совсем по-другому.

Джанга. Небосвод обрушится с громом.

Канчин. Стихии смешаются в яростном зное.

Джанга. Земля и все, что на ней, будет сожжено.

Вашти. Звезды не остановили свой бег. Они не упали на землю.

Майя. Небеса безмолвствуют. Где семь громовых ударов?

Вашти. Семь сосудов, исполненных гнева?

Джанга. Четыре коня?

Канчин. Два свидетеля?

Ангел. Ну, милые люди, если уж так вам этого недостает, то вы можете сами это устроить. Если вам хочется оглушительного шума – для этого у вас есть ваши пушки. Угодно вам палящего зноя, чтобы сжечь вашу землю,– у вас имеются ваши сверхвзрывчатые вещества. Если вам нужны сосуды, извергающие гнев, то у вас их сколько угодно в ваших арсеналах, наполненных ядовитыми газами. Несколько лет тому назад все это у вас было пущено в ход – сожжение земли, повальная гибель, голод и болезни. Но пришла весна, и она творит жизнь скорее, чем вы можете разрушить ее. Птицы пели над вашими окопами – они предвещали лето, и оно пришло. Солнце, которое невозмутимо сияло над вашим злосчастным днем гнева, светит сегодня над небесным днем Страшного суда. Оно будет светить вам и согревать вас; и не будет ни шума, ни гнева, ни пламени, ни грома, никаких разрушений, ни мора, ни ужасов. Боюсь, что вам это покажется очень скучным.

Леди Фаруотерс *(учтиво)*. Нет, нет. Пожалуйста, не думайте этого.

Миссис Хайеринг. Конечно, вежливость прежде всего, но я скажу вам прямо, мистер ангел: у меня нет такого чувства, что происходит что-то необычайное, несмотря на вас и на ваши крылья. Я только сейчас пила чай,— и я просто не могу заставить себя принимать все это всерьез, без всяких приготовлений, даже без орга́на!

Ангел. Придется вам, однако, принять это всерьез, когда начнется.

Миссис Хайеринг. Да, но что начнется?

Ангел. То, что было предсказано вам: «Ангелы его соберут избранных. И тогда двое будут в поле: один будет взят, а другой останется. Две женщины будут молоть зерно: одна будет взята, а другая останется».

Миссис Хайеринг. Но какая же останется? Вот что я хотела бы знать.

Пролa. В том, что одна исчезнет, а другая останется, нет ничего нового,— естественная смерть делает то же самое.

Ангел. Естественная смерть делает это бессмысленно, как слепое дитя, бросающее камешки. Мы, ангелы, творим суд. Жизни, которые не имеют смысла, значения, цели,— исчезнут. Вы должны будете оправдать свое существование или погибнуть. Только избранные останутся жить.

Миссис Хайеринг. Ну, а при чем же тут конец света?

Ангел. Судный день — это не конец света. Это конец его детства и начало его мужества. Так вот, теперь вы осведомлены, и моя миссия к вам выполнена. *(Встает.)* Нельзя ли здесь как-нибудь пройти на крышу дома?

Сэр Чарлз *(вставая)*. Конечно. Крыша у нас плоская, мы там часто сидим. *(Ведет его в дом.)*

Канчин. В воображении.

Джанга. В действительности мы там никогда не сидим.

Ангел. Неважно. Все, что мне требуется,— это только площадка для взлета. Мне, как и альбатросу, очень трудно подняться прямо с земли. Ангел, знаете, далеко не совершенный организм, как вы, быть может, воображаете. Всегда найдется что-нибудь получше.

Вашти. Эксцельсиор!

Все четверо *(встают и поют во весь голос)*. Эксцельсиор! Эксцельсиор!

Ангел *(затыкая уши)*. Пожалуйста, не надо. Нам и на небе надоело пение. Теперь это бояльше не принято. *(Идет за сэром Чарлзом.)*

Канчин. Идемте посмотрим, как он взлетит.

Все четверо бросаются в сад и смотрят на крышу. Остальные встают и тоже смотрят.

Джанга *(кричит)*. По ветру, старина! Прыгай выше! Смотри не упади на нас!

Канчин. Уфф! Вон он – пошел!

Слышен шум ангельских крыльев.

Вашти. Пыхтит, словно пылесос.

Майя *(посылая воздушные поцелуи)*. Прощай, глупый, милый Эксцельсиор.

Шум затихает.

Джанга. Он уж больше не машет крыльями. Парит по ветру.

Канчин. Он все меньше и меньше. Должно быть, несется со страшной скоростью.

Майя. Он меньше альбатроса.

Вашти. Меньше канарейки.

Канчин. Уже не видно.

Майя. Вон последний блик солнца на его крыльях. Исчез.

Все четверо бегут обратно и забираются в свои ниши. Остальные усаживаются как и прежде, кроме Идди, который отходит от Пролы и садится на парапете водоема. Сэр Чарлз возвращается из дома с пачкой радиограмм в руке.

Сэр Чарлз *(усаживаясь на свое прежнее место)*. Ну, друзья мои, по-видимому, судный день уже миновал.

Идди. Не могу поверить, чтобы это был действительно судный день.

Пра. Почему?

Идди. Мне казалось, что по отношению к духовенству все-таки будет проявлено особое внимание. Оставят им места или что-нибудь в этом роде. Но он со мной так обошелся, точно я какой-то служка при органе.

Сэр Чарлз. На свете такая масса духовенства, Идди, что было бы просто невозможно оставить всем им места.

Идди. О, я, конечно, имел в виду только духовенство англиканской церкви.

Миссис Хайеринг. С чем я все-таки никак не могу примириться, так это с тем, что они прислали одного-един-

ственного ангела, точно мы ровно ничего собой не представляем.

Леди Фаруотерс. По правде сказать, он улетел и даже и не подумал судить нас.

Ира. Я в этом не уверен.

Идди. Что мы – стадо козлов или баранов, в самом деле? Нет, вы мне скажите.

Майя. Ты баран, душечка Идди. В этом не может быть никакого сомнения.

Идди *(разражаясь слезами)*. Я люблю тебя, Майя, а ты всегда говоришь мне такие злые вещи. *(Всхлипывая, убегает в сад.)*

Майя Ах, бедняжка Идди! Пойду утешать его. Поцелую тысячу раз. *(Бежит за ним.)*

Хайеринг *(сэру Чарлзу)*. Что это у вас с собой? Какие-нибудь известия из Лондона?

Сэр Чарлз. Да, «Биржевые» и «Рейтер». Перепечатка воспрещается.

Хайеринг. Давайте посмотрим.

Сэр Чарлз *(читает)*. «Судный день. Всеобщее недоверие, что происшедшее действительно имело место. Сообщения появлении ангелов различных кварталах вызывают сомнение. Некоторые свидетели отказываются от своих показаний под влиянием критического отношения большинства».

Хайеринг. Нам тоже следует быть поосторожней, Чарлз. Кто поверит, если мы станем рассказывать эту нелепую историю об ангеле, который прилетел к нам в сад?

Сэр Чарлз. Да, полагаю. Я как-то не подумал об этом. Однако послушайте-ка. *(Читает.)* «Полисмен, пытавшийся арестовать ангела Лейстер-сквере, отправлен психиатрическую лечебницу. Церковное собрание Ламбетском дворце большинством постановило считать появление божьей карой. Отколовшееся меньшинство, возглавляемое епископом Эджбестоном, полагает сообщения вздором, недостойным даже Общества спиритических изысканий. Его святейшество папа предупреждает христианский мир, что сверхъестественные откровения, передаваемые на землю не через посредство церкви, противны католической вере; в тех случаях когда они достоверны, их надлежит рассматривать как сатанинские. Кабинет спешно созывается для обсуждения создавшегося положения. Премьер в своей речи на чрезвычайном собрании Мэншенхаузе заявил, что отчеты о выступлениях ангелов

крайне противоречивы, а стенографические записи этих выступлений содержат вульгарные выражения. Правительство никоим образом не может допустить, чтобы Британская империя была судима комиссией из нескольких ангелов вместо непосредственной власти самого вседержителя. Англичане не потерпят подобного оскорбления флага. Кабинет единодушно отвергает возможность подобного оскорбления. Речь премьера встречена громом аплодисментов. Все как один встали с пением национального гимна».

Пра. Еще бы.

Сэр Чарлз *(рассматривая радиограммы)*. Алло! А это что же такое? *(Читает.)* «Продолжение. При исполнении второй строфы национального гимна Мэншенхаузе пение было прервано появлением ангела, который, потрясая огненным мечом, грозно спросил, что имеет в виду собрание, предлагая богу вмешиваться в их грязную политику. Ангела сопровождали бесчинные херувимы, которые порхали по всему залу, дергали за нос лорд-мэра, опрокинули чернильницу в цилиндр премьера и насмешливо распевали: «Со-круши их поли-ти-ку». Последовала паника. Большая часть присутствующих пала на колени с покаянной молитвой. Другие, устрашенные пламенем меча и исполинской фигурой ангела, бросились, обезумев, к выходу. Офицер Армии спасения и две его помощницы с опасностью для жизни остановили бегущих, став дверях с пением: «Ангелы да падут простертые». Порядок был восстановлен премьером, который принес ангелу безоговорочное извинение и поручился, что оскорбительная строфа гимна впредь не будет исполняться. Новая строфа будет заказана поэту-лауреату. Последние слова премьера были прерваны непочтительным поведением херувима, который, налетев на него, с размаху ударил его головой в солнечное сплетение. Взмах ангельского меча и страшный раскат грома заставили всех присутствующих пасть ниц. Когда они встали, ангел с херувимами исчезли».

Хайеринг. Ну, знаете, это уж вранье. Нельзя поверить в этих херувимов.

Сэр Чарлз *(берет третью радиограмму)*. Это как будто более правдоподобно. «Представитель фашистской прессы запросил военное министерство, были ли предприняты какие-нибудь шаги для защиты прав публичных собраний по борьбе с ангельской опасностью. Главнокомандую-

щий, отрицая право публичных собраний для безответственных, недисциплинированных лиц, заявил, что он со своей стороны считает происшествие Мэншенхаузе высшей степени непонятным, ибо невозможно представить себе, как единственная разумная часть национального гимна могла нанести кому-нибудь оскорбление. Всякое допущение, что сокрушение врагов Англии не является прямой обязанностью правителя мира, может повести только к атеизму. Первый лорд адмиралтейства, давший интервью вчера вечером, заявил, что он абсолютно ничего не понимает в этих донесениях, но готов заверить народ, что случае каких бы то ни было событий британский флот не останется бездействии. Продолжение. Оратор Гайд-парка был брошен пруд Серпентин за заявление, что Британская империя не единственное сокровище мира, и обложен штрафом тридцать шиллингов за незаконное пользование спасательным кругом Королевского человеколюбивого общества. Несомненно, что оскорбительные замечания и высокомерное поведение ангелов вызвали во всей стране подъем патриотизма, который неизбежно выльется какие-нибудь действия».

Пра. А это значит – если это вообще что-нибудь значит, – что следующая война Англии будет война с небом.

Пр о л а. В этом нет ничего нового. Англия уже много лет воюет с небом.

Ваш т и *(воодушевившись)*. Самая замечательная из всех ее войн.

К а н ч и н. Последняя победа, которую ей предстоит одержать.

Ваш т и. Победить ангелов!

Дж а н г а. Водрузить английский флаг на фортах самого неба. Вот высшая слава!

Пр о л а. Ах, идите прочь, дети! Идите прочь! После того как Майя убежала целоваться, вам уже больше ничего не остается, как прославлять самоубийство.

Ваш т и *(вскакивая)*. Объявляю бунт.

Дж а н г а *(вскакивая)*. Бунт против Пролы, богини-царицы.

К а н ч и н *(вскакивая)*. Прола отрекается от борьбы за утраченную надежду.

Ваш т и. Прола – трус. Она боится поражения и смерти.

К а н ч и н. Без смерти не может быть героизма.

Дж а н г а. Без веры в смерть не может быть веры.

Ваш т и. Прола покинула нас в великий судный день.

К а н ч и н. Наши души призваны на последний суд.

Все трое *(торжественно уходя в глубь сада)*. Прола преступна, преступна! Прощай, Прола!

Прола. Прощайте, пока вам не захочется чаю.

Пра. Мы научили их всему, кроме здравого смысла.

Леди Фаруотерс. Мы научили их всему, только не научили зарабатывать свой насущный хлеб, вместо того чтобы выпрашивать его.

Прола. Опасно воспитывать глупцов.

Пра. Еще опаснее оставлять их без воспитания.

Миссис Хайеринг. Глупцы просто не должны существовать. Они не родились глупцами, мы сделали их глупцами.

Пра. Да. Это и есть решение. Мы должны перестать выращивать глупцов.

Идди возвращается один. С ним произошло что-то необыкновенное. Он глядит на них и пытается что-то сказать, но губы его шевелятся беззвучно.

Леди Фаруотерс. Что с вами, Идди? Господи! Что вы? Выпили?

Идди *(сдавленным голосом)*. Майя.

Прола. Что такое с Майей?

Идди. «Земля и небо исчезнут, но я не исчезну» — так она сказала. И потом вдруг в моих объятиях — ничего. Ничего! Обнимаю — и ничего. Земля и небо исчезнут, но любовь Майи никогда не исчезнет. И вот — ничего. *(Садится на парапет водоема, потрясенный. Не плачет, но в каком-то благоговейном ужасе.)*

Пра. Что она, умерла у вас в объятиях?

Идди. Умерла? Нет. Я говорю вам — просто ничего. Вы не понимаете? Вот она только что была — и ничего не осталось. И никогда ничего не было.

Прола. А остальные? Скорее, Пра, поди разыщи их.

Пра. Кто остальные?

Прола. Да остальные трое — наши дети. Я забыла, как их зовут.

Идди. Они сказали: «Наши имена будут жить вечно». Как же их звали?

Хайеринг. Не помню, точно совсем из головы выскочило.

Сэр Чарлз. Чрезвычайно странно. Я тоже никак не могу припомнить. Сколько их было, вы сказали, Прола?

Прола. Четверо. Или, быть может, четыреста?

Идди. Их было четверо. Их имена были: Любовь, Гордость, Героизм и Власть. Уменьшительное имя любви было

Майя. Я любил Майю. Я всех их любил, но я любил их через любовь к Майе. Я держал Майю в объятиях. Она обещала жить вечно. И вдруг — ничего в моих объятиях. Я стал искать других, но она и они были одно. Я ничего не нашел. Это — суд.

Пр о л а. И она оставила большую пустоту в вашем сердце, Идди, эта девушка, которая обратилась в ничто в ваших объятиях?

Идди. Нет. Это прекрасный край, и вы прекрасные люди, но вы все для меня не настоящие. И солнце здесь не то, что в долине Северна. Я рад, что я английский священник. Деревня, коттедж, садик и церковь — это не обратится в ничто. Я буду счастлив своей смиренной черной одеждой и белым воротничком... и смиренным даром драгоценных слов, произнесенных господом моим Иисусом. Благословенно имя господне! *(Идет к морю словно в трансе.)*

Леди Фаруотерс *(встревоженная, приподнимается)*. Послушайте, Идди...

Пр о л а. Пусть его идет. Голубь всегда находит путь к дому.

Леди Фаруотерс снова садится. Наступает минута торжественного молчания. Раздается телефонный звонок.

Пр а *(берет трубку)*. Да?.. Что?.. Да. Потрясающие новости? Мы все это знаем. Как? Последние.. Да... Заговор против жизни наших достойнейших граждан. Да, слышу, понял. А как первое слово — какой заговор?.. Ах, русский заговор? Вздор. Нет ли у вас чего-нибудь поумней?.. Радио передает последние сообщения?.. Хорошо, соедините меня. *(Обращаясь к остальным.)* Я соединился с лондонской станцией. Слушайте. Я буду повторять за ними. *(Повторяет.)* «Необычайные исчезновения. Неописуемая паника. Лондонская биржа закрыта. Осталось в живых только два человека. Палата общин опустела, осталось только четырнадцать членов; из членов кабинета — ни одного. Палата лордов все еще насчитывает пятьдесят членов: это те, кто никогда не бывал на заседаниях. Мейфер опустошен; в шести отелях нет ни одного человека. Исчезновения продолжаются. Особое молебствие в Вестминстерском аббатстве, где собралась масса молящихся, прекратилось, ибо присутствующие исчезали в таком количестве и с такой скоростью, что остальные в панике бросились бежать, оставив епископа проповедовать перед пустыми скамьями. В Королевском обществе сэр

Рутлесс Бонхэд, прославленный профессор механистической биологии в Рокфеллеровском институте, собрал вокруг себя большую аудиторию для доклада «Куда они исчезли?» Он исчез, едва успев открыть рот. Знаменитый профессор Кембриджского университета высказал предположение, что происходящие события следует рассматривать как отсеивание ничтожеств. Он лишен кафедры. «Таймс» в передовой статье указывает, что чрезвычайная серьезность положения заключается не только в том, что исчезают наши самые уважаемые граждане, но что особенно пострадали самые полезные и популярные профессии. Медицинские работники исчезают массами, тогда как юристы и духовенство понесли сравнительно небольшие потери. Всюду наблюдается состояние страшной растерянности. Счастливые супруги и отцы исчезают из-за семейного стола вместе с супом. Несколько популярных законодательниц мод и прославленных красавиц исчезли после того, как позвонили своим горничным, не дождавшись даже того, чтобы те явились на их звонок. Больше миллиона людей исчезло за чтением романов. В «Морнинг пост» напечатан красноречивый протест леди Гашинг, представительницы Лиги общественной деятельности титулованных леди, против неравномерности жертв между западным и восточным районами Лондона, где несчастные случаи сравнительно малочисленны. Леди Гашинг после этого исчезла. Газеты остаются без политического руководства. Единственное исключение представляет один редактор, интересующийся главным образом сельским хозяйством. Все единодушно утверждают, что наши потери непоправимы, хотя тяжелые последствия этого пока еще не дают себя чувствовать. Но в недалеком будущем...»

Хайеринг. Довольно. Пра, ангелы выпалывают сад. Бесполезные люди, зловредные люди, эгоисты, крикливые ничтожества растворяются и исчезают в пространстве, которое является простейшей формой материи. Мы здесь ждем своей участи.

Миссис Хайеринг. Как это сказал ангел?

Пр о л а. Жизни, которые не имеют ни смысла, ни значения, ни цели, исчезнут. Нам нужно будет или оправдать наше существование, или погибнуть. Нам придется жить с постоянным чувством ответственности. Если ангелы отступятся от нас, мы создадим собственные суды, из которых недостойные люди не выйдут живыми. Когда люди боль-

ше не боятся господнего суда, они должны научиться судить себя сами.

Сэр Чарлз. Мне кажется, я припоминаю, как кто-то сказал однажды: «Не судите, да не судимы будете».

Пр о л а. Это значит – не карайте, чтобы не покарали вас. А это не кара, а суд.

Хайеринг. Что такое суд?

Пр а. Суд – это оценка. Цивилизация существует тем, как она оценивает. Если ее оценка неправильна, цивилизация погибает, как погибли все древние цивилизации, о которых нам известно. Нас сегодня не карают, а оценивают. Это новейший закон.

Леди Фаруотерс. Я совершенно твердо убеждена, что я не исчезну. И Чарлз не исчезнет. Может быть, мы вели себя несколько странно здесь, на Востоке, но по существу мы нормальные, трезвые, совершенно правдоподобные англичане. И мы просто не способны на такой неправдоподобный поступок – взять и исчезнуть.

Миссис Хайеринг. Как я рада, что вы так чувствуете. Вот и я тоже. Представить себе, что я исчезаю!

Сэр Чарлз *(жене)*. Не искушай ангелов, милочка. Вспомни, как ты здесь занималась тем, что раздавала брошюры, до того как познакомилась с Пра.

Леди Фаруотерс. Шшш... Не напоминай ангелам об этих брошюрах.

Хайеринг *(вставая)*. Послушайте. У меня какое-то беспокойное ощущение, что нам лучше приняться за работу. Я твердо убежден, что, пока мы занимаемся чем-нибудь полезным, мы не исчезнем. Но если мы будем только сидеть и разговаривать, мы или сами исчезнем, или исчезнут люди, которые нас слушают. Мы сегодня узнали, что судный день – это не конец мира, но начало настоящей человеческой ответственности. У Чарлза и у меня по-прежнему остаются наши обязанности. Нежданные острова требуют управления и сегодня, так же как вчера. Салли, если ты уж распорядилась по хозяйству, поди займись делом – пошей что-нибудь, свари или приведи книги в порядок. Идемте, Чарлз. Примемся за работу. *(Уходит в дом.)*

Сэр Чарлз *(поднимаясь, жене)*. Ты бы занялась садом, дорогая: садоводство – это единственное несомненно полезное дело. *(Идет за Хайерингом в дом.)*

Леди Фаруотерс *(вставая)*. Пролa, хотите, я принесу вам вязанье, чтобы вам чем-нибудь заняться?

Прола. Нет, спасибо.

Леди Фаруотерс. Ну, как хотите, дорогая. Вам лучше знать. Я пойду за своими садовыми принадлежностями. *(Уходит в дом.)*

Миссис Хайеринг. Как вы думаете, хорошо будет, если я пойду и займусь кроссвордами? Ведь это развивает ум, не правда ли?

Прола. Разве? Ну что ж, займитесь кроссвордами, посмотрите, что из этого выйдет. Отдайтесь на волю жизни. Прощайте.

Миссис Хайеринг *(испуганно)*. Почему вы говорите «прощайте»? Вы думаете, что я исчезну?

Прола. Возможно. А может быть, исчезну я.

Миссис Хайеринг. О, ради бога, только не делайте этого при мне. Дайте мне уйти. *(Поспешно поднимается по ступеням в дом, оставляя Пролу и Пра наедине.)*

Пра. Скажи мне правду, Прола, ты ждешь, что я исчезну? Не чувствуешь ли ты, что тебе будет лучше без меня? И не было ли у тебя все время такого чувства, что без меня тебе будет лучше?

Прола. Это мысль убийцы. Разве ты сам когда-нибудь так думал? Часто ли ты говорил себе: мне было бы лучше одному или с другой женщиной?

Пра. Очень часто, дорогая, когда мы были помоложе. Но я ведь не убил тебя. И это мой ответ. А ты?

Прола. Все это принадлежит прошлому, детским годам нашей жизни вдвоем. А теперь мы с тобой вместе выросли, так что каждый из нас стал частью другого: я уже не думаю о тебе как о чем-то отдельном от меня.

Пра. Я знаю. Я для тебя привычная домашняя вещь. Нечто само собой разумеющееся. Но всегда ли это было так? Было ли это так и на заре нашей жизни с тобой?

Прола. Ты еще достаточно молод и полон сил, чтобы задавать такие коварные вопросы.

Пра. Неважно, вот мы с тобой теперь оба скоро исчезнем, а во мне еще живет любопытство. Ты когда-нибудь по-настоящему дорожила мной? Я знаю, что у тебя это началось со страсти, а кончилось привычкой,— ну, как у всех супругов; но вне этой рутины существует еще жизнь интеллекта, которая независима от этого. Эта жизнь может и не существовать для супругов, у которых нет интеллекта. Но для нас это было чем-то очень насущным. Так вот, чем же я был для тебя в этой жизни? Помощью или помехой?

Пр о л а. Я с самого начала знала, что ты чрезвычайно мудрый глупец.

Пр а. Вот это хорошо. Это как раз то, что я есть.

Пр о л а. Но я знала еще, что только глупец может быть настолько легкомысленным, чтобы рискнуть вместе со мной на все те безрассудства, которые мне хотелось проделывать. И ни у какого обыкновенного глупца не хватило бы ни столько тонкости, чтобы понять меня, ни столько ума, чтобы избежать возможного провала. Я научилась достаточно ценить тебя уже из одних этих практических соображений...

Пр а. Спасибо.

Пр о л а. ...но я никогда не позволяла ни тебе, ни какому-нибудь другому мужчине срезать меня с моего собственного корня и привить меня к своему. Такого рода любовь и самопожертвование — это не цель для одаренной женщины; это искушение, которому она должна во что бы то ни стало противостоять.

Пр а. Это искушение встречается и на пути мужчины. Нет более преступной жертвы, чем та, когда мужчина жертвует своим высоким призванием ради женского безумства и пошлости.

Пр о л а. Ну так вот, ни один из нас не поддался этому искушению. Так что нам не о чем ни сожалеть, ни упрекать себя.

Пр а. Мы с тобой просто ждем суда, мы чета, взбалмошная женщина и глупец.

Пр о л а. Да. Мы воображали, что создали четырех удивительных детей. Но нас судили и уличили в том, что мы ничего не создали.

Пр а. Что же, мы будем сидеть сложа руки и ждать нашей участи?

Пр о л а. Ни за что. Я понимаю теперь, что эти четыре прекрасных цветка не уцелели потому, что им никогда не приходилось зарабатывать себе на жизнь. Это были божки, которые могли бы быть людьми, если бы они признавали человеческие обязанности, так же как и человеческие радости. Мы с тобой были слишком богаты, Пра. Если бы они выросли в трудовой семье, они бы и сейчас жили.

Пр а. Да, но какой уродливой жизнью.

Пр о л а. Это необязательно. Уродами людей делает нищета или, что еще хуже, страх нищеты. Нам следует начать снова, Пра. И начать с начала, а не с конца. Мы только повторили с тобой историю Елены и Фауста и их пре-

красного младенца Эвфориона. Эвфорион также исчез во время своего полета.

Пра. Да, но Елена была сновидением. Ты не сновиденье. Наши дети исчезли не в младенчестве, как Эвфорион. Они уже стали взрослыми и раздражали меня сильней, чем любой другой человеческий выводок. Признайся, разве они не раздражали и тебя?

Пр о л а. Разве я когда-нибудь скрывала это? Конечно раздражали. Они и друг друга раздражали, несмотря на весь этот маскарад и притворство, что их волшебная страна существует в действительности. Как они, должно быть, завидовали веселому простодушию сына нашего садовника.

Пра. Грядущее поколение не будет похоже на них. А сейчас нам нужно сознаться, что у нас с тобой просто ничего не вышло из нашей попытки создать новую расу, смешав Восток и Запад. Мы ничего не достигли. Мы исчезнем.

Пр о л а. Да, если мы потеряем мужество. Но все то, что совершилось, это только для того, чтобы мы познали что-то.

Пра. Мы познали одно: что мы с тобой ничтожества.

Пр о л а. Я этого не чувствую. Я чувствую себя, как предводитель конницы, под которым убили лошадь наповал. Но ведь мертвый конь — это не конец мира. Не забудь: мы с тобой на Нежданных островах, а на Нежданных островах все планы рушатся. Это-то мне и нравится: планы — это только игры-головоломки. От них устаешь раньше, чем сведешь концы с концами. Вне всех этих утопий и тысячелетних царств и прочих головоломок существуют миллионы жизней; я женщина, и я знаю это. Пусть мужчины отчаиваются, становятся циниками и пессимистами, потому что все их маленькие планы рушатся на Нежданных островах. Женщина никогда не отступится от жизни. Мы здесь не для того, чтобы осуществлять пророчества и залезать в головоломки, а для того, чтобы вступить в схватку с жизнью, когда она приходит. А она никогда не приходит такой, какой мы ее ждем.

Пра. Она приходит, как тать в ночи.

Пр о л а. Или как возлюбленный. Прола никогда не вернется в Страну Достоверности.

Пра. Никакой Страны Достоверности не существует. Весь мир — это Нежданные острова.

Пр о л а. Да, если бы только у наших глупцов хватило вообра-

жения, чтобы понять это. Для меня каждый день несет чудо, и ни один ребенок не рождается на свет таким, какие рождались до него. И чтобы созерцать это чудо детей, я претерплю величайшее зло и пронесу сквозь него семена величайшего добра.

Пра. А я, Пра, буду стараться завоевать больше знаний и больше силы, хотя новое знание всегда противоречит старому, а новая сила несет смерть глупцам, которые не умеют ею пользоваться.

Прола. Когда наши империи приведут нас к полному крушению, мы будем строить планы новых государств. Но наши планы все-таки приведут нас на Нежданные острова. Мы будем вести войны, потому что только войны помогут изменить мир; но перемены, которых мы достигнем нашими войнами, никогда не будут тем, чего мы стремились достигнуть. Мы будем молить о безопасности, как перепуганные дети; но на Нежданных островах нет безопасности, и будущее принадлежит тем, кто предпочитает безопасности неожиданность и чудо. Я, Прола, буду жить и расти, потому что неожиданность и чудо — это истинное дыхание моего существа, а рутина для меня — смерть. Пусть каждый день будет для меня днем чуда, и я не буду страшиться судного дня.

Ее прерывает раскат грома.

Умолкни, ты не испугаешь Пролу бутафорским громом. Источник жизни во мне.

Пра. Но ключ от него ты отдала мне, мужчине.

Прола. Да, я нуждаюсь в тебе, и ты нуждаешься во мне. Жизнь нуждается в нас обоих.

Пра. Итак, привет грядущей жизни!

Прола. Привет. Грядущее да придет!

Они соединяют ладони по восточному обычаю.

МИЛЛИОНЕРША

Помпезная комедия
в четырех актах

1935

THE MILLIONAIRESS

Погожее майское утро. Контора мистера Джулиуса Сэгемора, модного молодого адвоката, в Линколнз Инн Филдз. Это старое, отделанное панелями помещение. Мебель расставлена так, что м и с т е р С э г е м о р, который сидит спиной к окну и левым боком к зрительному залу, защищен письменным столом от излишней фамильярности со стороны экспансивных клиентов и возможного нападения со стороны клиентов вспыльчивых или ненормальных. Входная дверь расположена справа от письменного стола, в дальнем конце комнаты. Таким образом, свет из окна падает на лица клиентов, тогда как адвокат остается в тени. У противоположной стены камин, выложенный по эскизу Адамса. Над ним потемневший от времени портрет какого-то судьи. На фронтоне входной двери, в правом дальнем углу, в нише, высится бюст какого-то другого судьи. Остальная часть стены занята книжными полками, на которых красуются своды судебных постановлений в переплетах из телячьей кожи. Как уже сказано, в стене, что позади мистера Сэгемора, большое окно; рядом этажерка с картотекой: черные металлические ящички с надписанными на них именами клиентов.

Все сказанное о комнате могло бы навести на мысль о XVIII веке, но поскольку сейчас 1935 год, а мистер Сэгемор не терпит ни пыли, ни плесени и нуждается в помещении, которое наводило бы на мысль о процветании его хозяина и давало бы клиентам женского пола возможность представать перед адвокатом в самом авантажном виде, все в комнате сверкает чистотой. На полу новенький пушистый дорогой ковер зеленого цвета. Полдюжины кресел, четыре из которых стоят вдоль книжных полок, Чипендейл самой последней подделки. В пятом восседает сам адвокат; шестое, стоящее между письменным столом и камином, предназначено для клиентов. На столе, под рукой у Сэгемора, телефон. Раздается звонок.

С э г е м о р *(снимая трубку)*. Слушаю. *(Приятно изумленный.)* О!.. Немедленно проводите ее сюда.

В комнату врывается атлетически сложенная элегантная дама с трагическим выражением лица. Адвокат предупредительно вскакивает.

Дама. Вы Джулиус Сэгемор, недостойный племянник Понтифекса Сэгемора, моего покойного поверенного?

Сэгемор. Я лично никогда не рекомендуюсь человеком недостойным, но Понтифекс Сэгемор действительно приходился мне дядей, и я вернулся сюда из Австралии, чтобы взять на себя ведение тех дел, которые доверят мне его клиенты.

Дама. Ваш дядя рассказывал о вас, и я, вполне естественно, заключила, что, если вас пришлось спровадить в Австралию, значит, вы человек явно недостойный. Впрочем, это неважно: дело у меня очень простое. Я желаю составить завещание и назначить моего супруга единственным наследником. Тут, полагаю, даже вы ничего не напутаете.

Сэгемор. Постараюсь. Садитесь, пожалуйста.

Дама. Нет. Я волнуюсь. Сяду, когда устану.

Сэгемор. Как вам угодно. Прежде чем составлять завещание, мне надо знать, кто ваш муж.

Дама. Мой муж дурак и подлец. Попрошу отметить этот факт в завещании. Добавьте также, что именно он своим поведением довел меня до самоубийства.

Сэгемор. Но самоубийство еще не состоялось.

Дама. Состоится, как только завещание будет подписано.

Сэгемор. Разумеется, разумеется. Я просто сразу не сообразил. Как зовут вашего мужа?

Дама. Элестер Фицфесенден.

Сэгемор. Как! Чемпион по любительскому теннису и боксер-тяжеловес?

Дама. Вы его знаете?

Сэгемор. Мы с ним каждое утро занимаемся плаванием в клубе.

Дама. Подобное знакомство не делает вам чести.

Сэгемор. Считаю долгом уведомить вас, миссис Фицфесенден, что мы с ним близкие друзья и...

Дама. Не смейте называть меня его ненавистным именем. Занесите меня в ваши книги как Эпифанию Оньисанти ди Парерга.

Сэгемор *(с поклоном)*. Польщен такой честью. Пожалуйста, присядьте.

Эпифания. Сядьте лучше сами и перестаньте суетиться.

Сэгемор. Если вы так хотите – извольте. *(Садится.)* Ваш отец был изумительный человек, сударыня.

Эпифания. Мой отец был самый великий человек на свете и умер нищим. Я никогда не прощу этого свету.

Сэгемор. Нищим? Ничего не понимаю. Всем известно, что он оставил вам, своей единственной дочери, тридцать миллионов.

Эпифания. А что такое для него тридцать миллионов? Он потерял полтораста. Обещал оставить мне двести миллионов, а оставил какие-то жалкие тридцать. Это разбило его сердце.

Сэгемор. И все же годовой доход в полтора миллиона...

Эпифания. Вы забываете о налоге на наследство, любезнейший. У меня едва остается семьсот тысяч в год. Вы понимаете, что это значит для женщины, воспитанной на доходе, который выражался семизначной цифрой? Какое унижение!

Сэгемор. Вы поражаете меня, сударыня.

Эпифания. Я собираюсь поразить себя – мне сейчас не до ваших переживаний.

Сэгемор. Ах да, да! Ваше самоубийство. Я совсем о нем забыл.

Эпифания. В самом деле? Так вот, потрудитесь на минуту вспомнить о нем и представить мне на подпись завещание, по которому я оставлю Элестеру все, что у меня есть.

Сэгемор. Чтобы унизить его?

Эпифания. Нет. Чтобы погубить его. Уничтожить. Чтобы этот выскочка сошел с рельс и разбился вдребезги. Деньги ударят ему в голову. Я уже видела, как они на него действуют.

Сэгемор. Мне тоже случалось такое видеть. Но в таких вещах никогда ничего заранее не угадаешь. Ваш муж может жениться на разумной женщине.

Эпифания. Вы правы. Внесите оговорку, что он получит наследство при условии, что в течение месяца со дня моих похорон женится на подлой твари по имени Полли Бесчулочек.

Сэгемор *(записывая)*. Оригинальная фамилия!

Эпифания. Ее настоящее имя Патриция Смит. Но письма к Элестеру она подписывает Полли Бесчулочек, намекая, вероятно, что он должен купить ей еще дюжину.

Сэгемор *(берет другой листок и пишет)*. Я был бы рад познакомиться с Полли.

Эпифания. Это еще почему?

Сэгемор *(говорит и пишет одновременно)*. Она этого, несомненно, заслуживает, если уж Элестер предпочел ее вам. Обязательно попрошу его представить меня.

Эпифания. Вы не слишком тактичны, Джулиус Сэгемор.

Сэгемор. Обстоятельство, не имеющее значения, поскольку вы получаете вот это. *(Вручает ей исписанный листок.)*

Эпифания. Что это такое?

Сэгемор. Рецепт для самоубийства. За цианид вам придется расписаться у аптекаря. Скажите, что эта соль нужна вам, чтобы уничтожить осиное гнездо. Винная кислота безвредна. Аптекарь подумает, что она вам нужна для приготовления лимонада. Растворите оба вещества отдельно в небольшом количестве воды. Затем смешайте их. Винная кислота и поташ соединятся и дадут калийную соль винной кислоты. Она нерастворима и осядет на дно стакана, а жидкость над ней будет чистой синильной кислотой. Один глоток ее убьет вас быстрей, чем удар молнии.

Эпифания *(в замешательстве мнет бумажку)*. Вы, кажется, весьма хладнокровно относитесь к моей смерти, мистер Сэгемор.

Сэгемор. Я привык к таким вещам.

Эпифания. Уж не хотите ли вы сказать, что у вас столько отчаявшихся клиентов, что вам приходится всегда держать рецепт наготове?

Сэгемор. Да. Это безотказное средство.

Эпифания. И вы уверены, что все они умерли мгновенно и безболезненно?

Сэгемор. Напротив. Все они живы.

Эпифания. Живы! Значит, ваше средство — безвредная фальшивка?

Сэгемор. Отнюдь. Это смертельный яд. Но они не принимают его.

Эпифания. Почему?

Сэгемор. Не знаю. Только никто не принимает.

Эпифания. А я приму. Вас же, надеюсь, повесят за то, что вы дали мне его.

Сэгемор. Я действую исключительно как ваш поверенный. Вы говорите, что решили покончить с собой, и приходите ко мне проконсультироваться. Я делаю все, что в моих силах, чтобы дать вам возможность умереть, не расходуя слишком много газа и не бросаясь в Серпентайн. А с ва-

ших душеприказчиков я получу шесть шиллингов восемь пенсов.

Эпифания. За что? За совет, как покончить с собой?

Сэгемор. Да, но покончить не сегодня, а завтра.

Эпифания. Зачем откладывать?

Сэгемор. Затем, что завтра это сделать ничуть не труднее, чем сегодня. А сегодня или даже завтра может произойти что-нибудь интересное. Словом, спешить некуда.

Эпифания. Вы грубиян, скотина и свинья. Моя жизнь для вас ничто. Вы даже не спросили, что довело меня до этого. Вы наживаетесь на смерти своих клиентов.

Сэгемор. Совершенно верно. Ваша смерть дело серьезное, и улаживать ваши дела Элестер непременно поручит мне.

Эпифания. И вы надеетесь, что я лишу себя жизни, чтобы дать вам на этом заработать?

Сэгемор. Вы сами подали мне эту надежду, сударыня.

Эпифания. Боже! Что он говорит! Неужели вам никогда не приходило в голову, что женщина, жизнь которой разбита, нуждается в сочувствии, а не в пузырьке с ядом?

Сэгемор. Я, право, не могу сочувствовать самоубийству: оно как-то не внушает мне симпатии. Но уж если оно должно произойти, пусть все будет быстро и на научной основе.

Эпифания. Вы даже не спросили, что сделал мне Элестер!

Сэгемор. То, что он вам сделал, потеряет всякое значение, как только вы умрете. Так стоит ли об этом беспокоиться?

Эпифания. Вы отъявленный негодяй, Джулиус Сэгемор.

Сэгемор. Охота вам так волноваться из-за меня? Рецепт поправит все.

Эпифания. К черту ваш рецепт! Нате! *(Рвет рецепт в клочки и швыряет ему в лицо.)*

Сэгемор *(расплываясь в улыбке)*. Средство-то, как видите, действительно безотказное. А теперь, когда вы спустили пары, вы, надеюсь, присядете и расскажете, в чем дело.

Эпифания. Вопль наболевшего сердца вы называете «спускать пары»?

Сэгемор. Как же еще именовать его?

Эпифания. Вы не человек, вы толстокожий носорог. И к тому же дурак.

Сэгемор. Что вы! Я всего лишь адвокат.

Эпифания. Вы дрянной адвокат. Вы не джентльмен. Вы оскорбляете меня в моем горе. Вы поддерживаете моего

мужа, а не меня. В вас нет ни порядочности, ни отзывчивости. У вас рыбья кровь и тараканья душа. Слышите?

Сэгемор. Вполне. И поздравляю себя: мне придется вчинять немало исков за клевету, если только вы окажете мне честь, избрав меня своим поверенным.

Эпифания. Ошибаетесь – я никогда не позволяю себе клеветать. Мой отец досконально растолковал мне закон о клевете. Вот если б я усомнилась в вашей платежеспособности, это была бы клевета. Если бы я обвинила вас в супружеской неверности, это была бы клевета. Назвать же вас толстокожим носорогом, а вы действительно форменное толстокожее, значит всего лишь грубо оскорбить вас. Я слежу за собой и никогда не выхожу за рамки грубого оскорбления, поэтому мне ни разу не был вчинен иск за клевету. Ну что, таков закон или нет?

Сэгемор. Право, не знаю. Я проверю по справочникам.

Эпифания. Не трудитесь. Уверяю вас, закон гласит именно так. Моему отцу приходилось разъяснять законы своим адвокатам всякий раз, когда он выходил за пределы того, что другие делают каждый день. Юристы не знают законов. Они сильны лишь там, где доходит до практики, как они выражаются. А мой отец был великий человек: он каждый день совершал такое, что никому и в голову не приходило. Я, вероятно, не великая женщина, но я все-таки его дочь. И, как его дочь, я женщина выдающаяся. Поэтому указывать вам законы буду я, а ваше дело — исполнять мои указания.

Сэгемор. Это существенно упростит наши отношения, сударыня.

Эпифания. И запомните еще одно: у меня нет чувства юмора. Я не позволю смеяться над собой.

Сэгемор. Мне и в голову не приходит смеяться над клиенткой с годовым доходом в три четверти миллиона.

Эпифания. А у вас есть чувство юмора?

Сэгемор. Я стараюсь держать его в узде, но боюсь, что оно у меня все-таки есть. Вы почему-то пробуждаете его.

Эпифания. В таком случае я, хладнокровно и тщательно взвесив каждое слово, заявляю вам, что вы бессердечный негодяй. Мое отчаяние, позор и унижение, крах всей моей жизни и полная неразбериха в ней вызывают у вас лишь смех. Если бы отец не завещал мне всячески избегать адвокатов, лишенных чувства юмора, я бы немедленно покинула эту контору и лишила вас клиентки, чье дело может принести вам целое состояние.

Сэгемор. Но, дорогая леди, мне же ничего не известно о вашем отчаянии и позоре, крахе всей вашей жизни и всем остальном. Могу ли я смеяться над тем, чего не знаю? Уверяю вас, если я все-таки смеюсь — хотя какой уж тут смех! — то смеюсь не над вашим несчастьем, а над вами.

Эпифания. Серьезно? Неужели я так смешна в своем горе?

Сэгемор. Но что у вас за горе? Да сядьте же, пожалуйста.

Эпифания. В голове у вас, кажется, только одна мысль — как бы заставить клиента сесть. Ну что ж, так и быть — сяду. *(Бросается в кресло. Спинка его с треском отлетает. Эпифания вскакивает.)* О боже, стоит мне сесть в кресло, как разваливается даже оно! На мне какое-то проклятье!

Сэгемор падает на стол, содрогаясь от неудержимого хохота.

Смейтесь, смейтесь, дурак, шут!

Сэгемор *(вскакивает с решительным видом, подходит к книжным полкам и берет другое кресло)*. Погиб мой лучший поддельный Чипендейл. Он стоил мне четыре гинеи. *(Подает ей кресло.)* А теперь соблаговолите сесть как можно осторожнее и перестаньте осыпать меня бранными словами. После этого, если вам, конечно, будет угодно, вы расскажете мне, что же у вас стряслось. *(Поднимает отломанную спинку кресла и кладет ее на стол.)*

Эпифания *(с достоинством усаживается)*. Эта поломка несколько успокоила и облегчила меня: у меня такое чувство, словно я свернула вам шею, как мне и хотелось. Итак, слушайте.

Сэгемор приближается и с серьезным видом смотрит на Эпифанию.

Да не стойте у меня над душой, а сядьте на то, что осталось от вашего поддельного Чипендейла.

Сэгемор. Конечно сяду. *(Садится.)* Начинайте.

Эпифания. Мой отец был самый великий человек на свете, я — его единственная дочь. Он опасался лишь одного — что я неудачно выйду замуж и потеряю те небольшие деньги, которые он сумел мне оставить.

Сэгемор. Совершенно верно, очень небольшие. Всего тридцать миллионов.

Эпифания. Не перебивайте... Он взял с меня слово, что каж-

дому, кто сделает мне предложение, я поставлю одно условие.

Сэгемор *(внимательно)*. Вот как? Что за условие?

Эпифания. Я должна была дать ему полтораста фунтов и сказать, что если за полгода он сумеет превратить эти полтораста фунтов в пятьдесят тысяч, я буду принадлежать ему. Если нет, я его больше не увижу. Я понимала, как это мудро. Только мой отец мог придумать такое безошибочное, трудное и свободное от всякой сентиментальности испытание. Я поклялась ему, что свято выполню его волю.

Сэгемор. И нарушили свою клятву. Понимаю.

Эпифания. То есть как это нарушила?

Сэгемор. Вы же вышли замуж за Элестера. Он славный, милый человек, в своем роде просто прелесть, но не станете же вы уверять, что он за полгода сумел сделать пятьдесят тысяч фунтов из полутораста.

Эпифания. Да, сумел. Как ни мудр был мой отец, ему иногда случалось забывать мудрые истины, высказанные им за пять минут до этого. Он предупреждал меня, что девяносто процентов из наших миллионеров, обязанных своим богатством лишь самим себе,— преступники, которые шли на риск, имея один шанс из пятисот, и выкручивались лишь благодаря счастливой случайности. Элестер именно такой преступник.

Сэгемор. Нет, нет, он не преступник. Это на него совсем не похоже. Он дурак в деловых вопросах — согласен. Но не преступник.

Эпифания. Как все поверенные, вы убеждены, что знаете моего мужа лучше, чем я. Так вот, после шестимесячного испытания Элестер вернулся ко мне с пятьюдесятью тысячами в кармане, вместо того чтобы отправиться на каторгу, которой он безусловно заслуживал. Этот человек поразительно удачлив. Он всегда выигрывает. Выигрывает в теннис, выигрывает в боксе. Он выиграл меня, самую богатую наследницу Англии.

Сэгемор. Но он сделал это с вашего согласия. Иначе зачем вам было подвергать его испытанию? Что заставило вас дать ему на счастье эти полтораста фунтов?

Эпифания. Бокс.

Сэгемор. Бокс?

Эпифания. Мой отец считал, что женщина должна уметь защитить себя от мужской грубости. Он приохотил меня к боксу. Я стала болельщицей и ходила на все состяза-

ния. Я видела, как Элестер выиграл любительское первенство в тяжелом весе. Он владеет таким ударом в солнечное сплетение, какого никто не выдерживает.

Сэгемор. И вы вышли за человека только потому, что он умеет бить в солнечное сплетение!

Эпифания. Ну, он, кроме того, был красив. И к тому же, в отличие от других интересных мужчин, хорошо выглядел раздетым. А я отнюдь не глуха к зову пола.

Сэгемор *(торопливо)*. О, конечно, конечно! Но не будем входить в подробности.

Эпифания. Если я захочу, то будем. Как мой поверенный, вы обязаны знать все подробности. Я совершила довольно распространенную ошибку: я думала, что этот неотразимый атлет будет пылким любовником. Ничего подобного! Весь его пыл — в кулаках. До смерти не забуду, как во время нашего медового месяца я, взбешенная его холодностью, набросилась на него и он с первого же выпада уложил меня этим своим отвратительным ударом. Вас никогда не сбивали с ног ударом в солнечное сплетение?

Сэгемор. Слава богу, нет. Я не боксер.

Эпифания. В отличие от прямого в челюсть такой удар не погружает вас в забытье. Когда муж увидел, как я с лицом, искаженным от боли, корчусь на полу, он пришел в ужас. Он сказал, что все получилось непроизвольно: он всегда инстинктивно парирует таким образом удар противника. Но это не мешает ему угрожать, что он повторит этот опыт, если я опять выйду из себя.

Сэгемор *(огорченно)*. Никогда бы не подумал, что Элестер способен на такие вещи!

Эпифания. Вздор! Я сама просила его об этом. Так мне легче держать себя в руках. Сила — одна из немногих его черт, которые многое искупают. В драке он энергичен, серьезен, действует обдуманно. Я почти уважаю его за это.

Сэгемор. В чем же тогда дело? Почему вы хотите избавиться от него?

Эпифания. Я хочу избавиться от себя самой. Я хочу наказать себя за то, что погубила свою жизнь, выйдя замуж за дурака. Я, Эпифания Оньисанти ди Парерга, считала, что я самая выдающаяся женщина Англии и выхожу за самого замечательного мужчину. А была всего лишь гусыней, которая сочеталась браком с кроликом. Мне оставалось только умереть. А ваши дурацкие выходки

поколебали мою решимость, и теперь я сама не знаю, чего хочу. Отвратительное состояние! Я из тех женщин, которым всегда нужно чего-то хотеть и добиваться своего.

Сэгемор. Вы стяжательница. Именно так. Великолепное определение!

Телефонный звонок. Сэгемор встает.

Прошу извинить. *(Подходит к столу и берет трубку.)* Слушаю... *(Торопливо.)* Одну минутку. Не вешайте трубку. *(Эпифании.)* Пришел ваш муж с какой-то женщиной. Хотят видеть меня.

Эпифания *(встает)*. С этой женщиной? Немедленно зовите их сюда.

Сэгемор. Могу я положиться на ваше самообладание?

Эпифания. Вы можете положиться на кулаки Элестера. Я должна взглянуть на эту леди Бесчулочек. Зовите их сюда, кому я говорю!

Сэгемор *(в телефон)*. Попросите мистера Фицфесендена и даму подняться ко мне.

Эпифания. Сейчас увидим, что собой представляет женщина, на которую он променял меня!

Сэгемор. Я заинтригован. Надеюсь, мне удастся увидеть нечто замечательное.

Эпифания. Не будьте дураком. Вы увидите что-нибудь самое заурядное.

Входят Элестер Фицфесенден и Патриция Смит. Он — великолепно сложенный атлет, большая часть мозга которого перекочевала в мускулы. Патриция — тихая миловидная невысокая женщина, по виду из тех, что сами содержат себя. Она невозмутимо подходит к столу, предоставив Элестеру объясняться с женой.

Элестер. Эппи! Что ты здесь делаешь? *(Сэгемору.)* Почему вы меня не предупредили?

Эпифания. Представь женщину..

Патриция. Меня зовут Патриция Смит, миссис Фицфесенден.

Эпифания. Письма свои вы, кажется, подписываете иначе.

Элестер. Послушай, Эппи, не устраивай скандала...

Эпифания. Я разговариваю не с тобой, а с этой женщиной.

Элестер *(вспыхивая)*. Не смей называть ее «этой женщиной»!

Патриция. Перестань, Элли. Ты же обещал мне...

Эпифания. Обещал! Какое право он имеет вам что-нибудь

обещать? Как он смеет вам что-нибудь обещать? Как вы смеете требовать от него обещаний?

Элестер. Я не позволю оскорблять Полли!

Сэгемор *(добродушно)*. Не правда ли, мисс Смит, вы ведь не обижаетесь?

Патриция *(беззаботно)*. Ничуть. Моя сестра ведет себя точно так же.

Эпифания. Ваша сестра!.. Вы смеете сравнивать свою сестру со мной!

Патриция. Только тогда, когда она горячится вот так, как вы сейчас. Не обижайтесь на меня. Раз уж у вас такой характер, самое разумное – дать себе выкричаться. Элли, представь меня джентльмену.

Элестер. Прости, я совсем забыл. Джулиус Сэгемор, мой поверенный и старый приятель. Мисс Смит.

Эпифания. Она же Полли Бесчулочек.

Патриция. Это только мое прозвище. Смит же – наше родовое имя, как выражается мой старый мудрый милый папа.

Эпифания. Вот уже появился и мудрый папа! Только этого не хватало!

Сэгемор. Садитесь, пожалуйста, мисс Смит. *(Идет за креслом к книжной полке.)*

Патриция *(разглядывая сломанное кресло)*. Ого! Кто это его поломал?

Эпифания. Его поломала я. Пусть это послужит вам предостережением.

Сэгемор придвигает к столу кресло для Патриции. Элестер ногой отбрасывает сломанное, приносит от стены другое и собирается сесть рядом с Патрицией, но Эпифания опережает мужа, садится сама и указывает ему на свое кресло, оказавшись, таким образом, между Элестером и Патрицией: один справа от нее, другая слева. Сэгемор возвращается на свое официальное место за столом.

Патриция. Видите ли, мистер Сэгемор, дело обстоит так. Элестер...

Эпифания. Объяснения излишни. Я все объяснила мистеру Сэгемору сама. А вас я попрошу вести себя прилично в его и моем присутствии и называть моего мужа мистером Фицфесенденом, а не по имени.

Элестер *(сердито)*. Конечно, Эппи, если ты никому не дашь рот раскрыть...

Эпифания. Я никому не затыкаю его. Если у тебя есть что сказать, говори.

Патриция. Прошу извинить, но у него слишком длинная фамилия. В моем маленьком кругу все зовут его Элли.

Эпифания *(раздраженно)*. Как вам это нравится, мистер Сэгемор? Эти третьесортные людишки именуют моего мужа «Элли»! Да как они вообще смеют о нем разговаривать? И я должна все это терпеть?

Патриция *(мирно)*. Да, мы знаем, что вам многое приходится терпеть, дорогая...

Эпифания *(топая ногой)*. Дорогая!..

Патриция *(тем же тоном)*. ...но так уж устроен мир.

Эпифания. Мир для нас устроен так, как устроены мы сами. Ваш мир – не мой мир. Мир каждой женщины – в ее собственной душе. Слушайте, мистер Сэгемор. Я вышла за этого человека. Я впустила его в свой мир, мир, который мое воображение населило героями и святыми. Он первый из реальных людей, который был впущен туда. Я приняла его за героя, святого, любовника – все в одном лице. А кем он оказался на деле – судите сами.

Элестер *(вскакивает, сжимая кулаки и багровея)*. Будь я проклят, если потерплю это!

Эпифания *(поднимаясь, принимая позу мученицы и глядя ему в лицо)*. На, ударь! Покажи ей, как ты нокаутируешь. Пусть она посмотрит, как ты обращаешься с женщиной.

Элестер *(растерянно)*. Проклятье! *(Снова садится.)*

Патриция. Не надо нервничать, Элли. Ты только компрометируешь себя в глазах мистера Сэгемора. По-моему, тебе лучше пойти домой, а мы с ней сами выясним отношения.

Эпифания. Потрудитесь не говорить обо мне в третьем лице. Я вам миссис Фицфесенден, а не местоимение. *(Высокомерно опускается в кресло.)*

Патриция. Извините, но у вас такая фамилия, что просто язык можно свернуть. Мистер Сэгемор, не находите ли вы, что Элли лучше пойти домой? Нехорошо, что он сидит здесь и слушает, как мы рассуждаем о нем в его же присутствии. Кроме того, он измучен: он почти всю ночь не сомкнул глаз.

Эпифания. Откуда вам это известно, скажите на милость?

Патриция. Неважно, откуда. Известно, и все.

Элестер. Все было совершенно невинно. Куда же мне было деться после того, как ты учинила скандал и я был вынужден уйти из дому?

Эпифания *(неожиданно развеселившись)*. И ты пошел к ней?

Элестер. Я пошел к мисс Смит. Она тебе не местоимение — запомни! Я пошел туда, где надеялся найти покой и доброе к себе отношение, пошел к моей милой, нежной, чудесной Полли. Вот так!

Эпифания. Я, конечно, лишена чувства юмора, но все это кажется мне удивительно забавным. Ты в самом деле оставил меня, чтобы провести ночь в объятиях мисс Бесчулочек?

Элестер. Нет. Я уже сказал, что все было совершенно невинно.

Эпифания *(Патриции)*. Был он в ваших объятиях или нет?

Патриция. Разумеется, какое-то время был. Но не в том смысле, в каком вы думаете.

Эпифания. Значит, у него еще более рыбья кровь, чем я считала. Впрочем, мужчина, способный удрать из дому в тот момент, когда жена уже готова простить его и подарить ему законные наслаждения, способен на любую глупость.

Элестер. Простить меня? За что простить? Что я сделал? За что ты набросилась на меня?

Эпифания. Я не набрасывалась на тебя — я всегда веду себя достойно, даже тогда, когда обида нестерпима.

Элестер. Тебя никто не обижал. Ты выгнала меня из дому.

Эпифания. Нет, не выгоняла. Я вовсе не хотела, чтобы ты ушел. Это было с твоей стороны отвратительно эгоистично. Ты мог уйти к своей Бесчулочек, но мне-то уйти было не к кому — Эдриен за городом.

Сэгемор. Эдриен? Новое осложнение! Кто такой Эдриен?

Патриция. Эдриен — это воскресный муж миссис Фицфесенден, мистер Сэгемор.

Эпифания. Как вы сказали? Мой — кто?

Патриция. Ваш воскресный муж. То, что мистер Эдриен Блендербленд для вас, то Элли для меня. Вы все отлично понимаете.

Сэгемор. Но я-то не все понимаю. Что же такое мистер Блендербленд для вас, миссис Фицфесенден, смею спросить?

Эпифания. О, это джентльмен, с которым я говорю о вещах, выходящих за пределы умственных способностей моего мужа, человека на редкость ограниченного.

Элестер. Это парень, который выдает себя за интеллигента только потому, что отец его был издателем. Он крутится вокруг Эппи и делает вид, что влюблен в нее — у нее ведь

хороший повар. А я говорю, что ему наплевать на все, кроме еды. Он вечно приходит к завтраку или обеду. Чревоугодник – вот кто он такой. И от меня требуют, чтобы я его терпел! А стоит мне самому взглянуть на Полли, и... О боже мой!

Эпифания. Это совсем другое дело. Эдриен боготворит землю, по которой я ступаю, – это верно. Но ты грубо льстишь себе, если воображаешь, что твоя Бесчулочек боготворит землю, по которой ступаешь ты. Она терпит тебя и носится с тобой, пока ты покупаешь ей чулки и, видно, все остальное.

Патриция. Не стану спорить – от споров одни только неприятности. Боюсь, что я действительно дорого стою Элли: он ведь любит дарить мне красивые вещи, которых я не могу себе позволить.

Элестер *(нежно)*. Нет, Полли, ты не стоишь мне дорого. Ты ведь сама чистое золото. Это я навязываю тебе всякую дрянь, которой ты не хочешь. Ты бережешь мои деньги гораздо больше, чем я сам.

Эпифания. Как трогательно! Вы, как я полагаю, его воскресная жена?

Патриция. Нет, миссис Фицфесенден. Я сказала бы, скорее, что его воскресная жена – это вы. Ведь за его одеждой и за тем, чтобы он своевременно стригся, слежу я.

Эпифания. Надеюсь, у него самого хватает ума хоть на то, чтобы следить за собой.

Патриция. Вы не понимаете мужчин. Они поглощены другими вещами и совсем опускаются, если рядом нет женщины, способной присмотреть за ними. Видите ли, мистер Сэгемор, дело обстоит так. В мире есть два сорта людей – люди, с которыми уживается кто угодно, и люди, с которыми не уживается никто. Люди, с которыми никто не уживается, могут быть хороши собой, энергичны, блестящи, темпераментны, романтичны и так далее. Когда они довольны собой и хотят быть приятными, они даже умеют сделать другого человека счастливым на полчаса. Но попробуйте пожить с ними – и они заедят вашу жизнь, заставят вас бегать за ними, прислуживать им и терпеть бесконечные ссоры. У них не пикнешь! На роли воскресного мужа или жены, на бешеную вспышку страсти или неистовую ссору, а еще чаще на то и другое вместе раз в месяц они годятся. Но как постоянные спутники жизни они невыносимы.

Эпифания. Итак, я — воскресная жена. *(Патриции, презрительно.)* А кто же, простите, вы?

Патриция. А я, в известном смысле слова, домашний ангел-хранитель.

Элестер *(громко всхлипывая)*. Да, ты ангел, дорогая, ангел!

Эпифания *(Патриции)*. Вы для него половик, о который вытирают ноги, вот вы кто.

Патриция. Половики — очень полезная вещь, если вы хотите, чтобы дома было чисто, дорогая.

Телефонный звонок. Сэгемор снимает трубку.

Сэгемор. Слушаю... Как вы сказали? Блендербленд?

Эпифания. Эдриен? Как он узнал, что я здесь?

Сэгемор. Попросите джентльмена обождать. *(Кладет трубку.)* Не расскажете ли мне о нем поподробнее, миссис Фицфесенден? Он, кажется, глава издательства «Дешевая книга»?

Эпифания. Нет, это его отец, который и основал издательство. Эдриен — член правления, но у него нет деловых способностей. Благодаря репутации своего отца он состоит членом пятнадцати правлений, но, насколько мне известно, еще ни одно из них не слышало от него дельной мысли.

Элестер. Ты несправедлива к нему, Эппи. Никто в Лондоне не умеет лучше него заказать обед; этому он и обязан своим положением в свете.

Сэгемор. Благодарю. Теперь я составил себе достаточное представление о нем. Пригласить его сюда?

Эпифания. Разумеется. Я хочу знать, зачем он явился.

Элестер. Не возражаю. Вы, конечно, понимаете, что я ничего не знаю о его отношениях с моей женой, каковы бы они ни были.

Эпифания. Они совершенно невинны... пока что. Я не совсем убеждена, что люблю Эдриена. Он просто ухаживает за мной, и все.

Сэгемор *(в телефон)*. Попросите мистера Блендербленда ко мне. *(Кладет трубку.)*

Элестер *(Патриции)*. Сейчас ты увидишь субъекта, который вытеснил меня из сердца Эппи.

Патриция. Не могу представить себе мужчину, который мог бы вытеснить тебя из сердца женщины, дорогой.

Эпифания. Не будете ли любезны воздержаться от нежностей в присутствии мистера Блендербленда?

Входит Эдриен Блендербленд, внушительный цве-

тущий мужчина с викторианской бородкой. Он довольно красив и элегантен. Сэгемор встает. При виде собравшихся Эдриен на миг теряется, но тут же вновь обретает прежний апломб и с улыбкой приближается к ним.

Эдриен. Хэлло! Каким ветром нас всех сюда занесло? Доброе утро, миссис Фицфесенден. Привет, Элестер. Мистер Сэгемор, я полагаю? Я не знал, что у вас посетители.

Сэгемор. Вы пришли очень кстати, сэр. Не угодно ли присесть? *(Придвигает кресло от стены к столу справа от себя и слева от Патриции.)*

Эдриен *(усаживаясь)*. Благодарю. Надеюсь, я не прервал эту даму?

Патриция. Нет, нет, пустяки.

Сэгемор *(знакомя их)*. Мисс Смит, близкий друг мистера Фицфесендена.

Патриция. Очень рада познакомиться.

Эдриен кланяется, затем поворачивается к Сэгемору.

Эдриен. Дело в том, что в разговоре со мной миссис Фицфесенден упомянула о вас как о своем новом поверенном. Я и подумал, что мне тоже не стоит искать другого.

Сэгемор *(кланяясь)*. Благодарю вас, сэр. Но разве у вас, простите, нет своего поверенного?

Эдриен. Дорогой мистер Сэгемор, никогда не следует удовлетворяться мнением одного человека. Заболев, я обращаюсь по меньшей мере к шести врачам сразу: противоречивость их предписаний и рецептов убеждает меня, что лечиться лучше всего самому. Когда у меня возникает юридический казус, я советуюсь с шестью адвокатами примерно с тем же...

Эпифания. Эдриен, у меня нет чувства юмора, и вам известно, как я не люблю, когда вы несете чушь, которая, по-видимому, должна считаться смешной. Вы пришли сюда, чтобы посоветоваться с мистером Сэгемором относительно меня?

Эдриен. Совершенно верно. Но я, разумеется, рассчитывал, что застану его одного.

Патриция. А здесь, оказывается, собралась вся шайка.

Эпифания. Я говорю с мистером Блендерблендом, а не с вами. И я не принадлежу к вашей шайке, как вы изволили выразиться.

Патриция. Простите, дорогая. Я просто хотела показать, что я тоже слушаю.

Сэгемор. Имеет ли вопрос, о котором вы намерены посоветоваться со мной, отношение к семейным делам миссис Фицфесенден?

Эдриен. Да.

Сэгемор. И этот вопрос носит такой характер, что его рано или поздно придется обсудить со всеми взрослыми членами ее семьи?

Эдриен. Да. Вероятно, да. Но не лучше ли нам для начала переговорить приватно?

Эпифания. Ничего подобного! Я не желаю, чтобы мои дела обсуждались где бы то ни было публично или приватно. Они касаются меня одной.

Эдриен. Но разве я не вправе поговорить о своих личных делах?

Эпифания. Только не с моим поверенным. Я этого не потерплю.

Элестер. Ну вот, опять разошлась! Значит, лучше отправляться домой.

Эпифания *(встает, раздраженно)*. Разошлась, разошлась! Стоит ли жить, если даже разойтись нельзя! Элестер, ты сущий головастик. *(Проходя мимо него, хватает его за голову и ерошит волосы.)*

Элестер. Не надо! *(Пытается пригладить шевелюру.)*

Эпифания *(Патриции)*. Пригладьте ему волосы, вы, домашний ангел!

Патриция *(подходя к Элестеру и приводя в порядок его прическу)*. Зачем вы делаете из него посмешище?

Сэгемор. Скажите, мистер Фицфесенден, почему вы женились на миссис Фицфесенден?

Эпифания. Почему? Разве это нужно объяснять? Я ведь уже рассказала вам, почему я вышла за него.

Элестер. Вряд ли вы мне поверите, но она, когда всерьез захочет, умеет быть чертовски очаровательной.

Эпифания. Почему это он вряд ли поверит? Что ты имеешь в виду?

Элестер. Он знает, что я имею в виду.

Эпифания. Опять, наверно, какая-нибудь глупая шутка?

Эдриен. Вы несете вздор, Фицфесенден. Ваша жена — самая обворожительная женщина на свете.

Эпифания. Не говорите так здесь, Эдриен. Если вы хотите продолжать в том же духе, увезите меня в такое место, где мы будем одни.

Элестер. Ради всего святого, увезите ее, пока она не свела нас всех с ума.

Сэгемор. Спокойствие! Спокойствие! Я уже сам не понимаю, где я. Вы все требуете от меня совета, но не говорите — о чем. Не лучше ли вам всем развестись?

Эпифания. А на что будет жить этот несчастный? У него за душой ни пенни. Ведь если бы дядя не пристроил его в страховую контору, он стал бы боксером или теннисистом-профессионалом. Впрочем, в конторе от него все равно не было толку.

Элестер. Послушай, Эппи, Сэгемору же все это неинтересно.

Эпифания. Нет, интересно. Должно быть интересно. Замолчи. Когда Элестер сделал мне предложение — он был слишком глуп, чтобы понимать, какая это наглость! — я сдержала слово, данное отцу. Я вручила ему чек на полтораста фунтов и сказала: «Превратите их за полгода в пятьдесят тысяч, и я ваша!»

Эдриен. Вы мне этого никогда не рассказывали!

Эпифания. А зачем? Возмутительная история!

Элестер. Что тут возмутительного? Разве я не добился своего? Разве я не прошел сквозь ад, чтобы добыть эти деньги и завоевать тебя?

Эдриен *(остолбенело)*. Вы сделали пятьдесят тысяч за полгода? Так я вас понял?

Элестер. А почему бы мне их не сделать?

Эпифания. Верьте не верьте, Эдриен, он их действительно сделал. Да, этот дурак заработал пятьдесят тысяч фунтов и получил в жены Эпифанию Оньисанти ди Парерга. Более того, обладание этими деньгами и мысль, что он сделал их сам, придало ему — вы не поверите мне! — известное величие. Я женщина импульсивная. Я сдержала слово и немедленно вышла за него. И лишь потом, когда было слишком поздно, я узнала, каким способом он их сделал.

Элестер. Ну и каким же? Собственным умом.

Эпифания. Умом! Скажи лучше, благодаря собственной глупости, невежеству, преступным наклонностям и удаче, которая сопутствует дуракам. Ты получил мою руку, которой на коленях добивалась вся Европа. А на самом деле ты заслуживал совсем другого — пяти лет каторги.

Элестер. Пяти? Скорее пятнадцати. Вот чем я рисковал ради тебя. А что я за это получил? Жизнь с тобой оказалась пострашнее всякой каторги.

Эпифания. Она была бы для тебя раем, если бы природа создала тебя достойным такой спутницы, как я. А чем она стала для меня? Когда-то ни один мужчина не был

для меня достаточно хорош. Как принцесса из сказки, я предлагала свою руку и состояние любому, кто за полгода сумеет превратить чек на полтораста фунтов в пятьдесят тысяч наличными. Люди достойные и блестящие, младшие отпрыски самых знатных семейств либо отказывались от такого испытания, либо не выдерживали его. Почему? Да потому что они были слишком честны или слишком горды. А этот выдержал, и я оказалась навсегда связанной с жалким насекомым.

Элестер. Говори что хочешь, но тогда ты была влюблена в меня не меньше, чем я в тебя.

Эпифания. Ну и что ж! Ты был молод, хорошо сложен, изумительно играл в теннис, великолепно дрался на ринге, и общение с тобой меня возбуждало.

Сэгемор. Стоит ли углубляться в такие подробности, миссис Фицфесенден?

Эпифания. Вы, Джулиус Сэгемор, может быть, и набиты опилками, а я человек из плоти и крови. Элестер физически привлекателен, и это единственное оправдание моего замужества. У вас, надеюсь, не хватит наглости заявить, что он наделен интеллектуальным обаянием?

Эдриен. Но как он все-таки сделал эти пятьдесят тысяч фунтов? Играл на бирже?

Эпифания. Вздор! Этот человек не способен отличить плюральной акции от обыкновенной с отсроченным дивидендом. Он не сообразил бы даже, с чего начать на бирже.

Эдриен. Но как он все-таки начал? На моем счету в банке сегодня как раз около полутораста фунтов, и мне страшно хочется узнать, как превратить их в пятьдесят тысяч. Вы так богаты, Эпифания, что каждый порядочный человек, приближаясь к вам, чувствует себя нищим авантюристом. Вы не понимаете, что испытывает мужчина, для которого полтораста фунтов — крупная сумма, в объятиях женщины, для которой миллион — это деньги на булавки.

Эпифания. Равно как вы неспособны понять, что испытывает женщина в объятиях мужчины, которого, как ей известно, она может купить хоть двадцать раз, не переплатив при этом лишнего.

Эдриен. Вы поможете мне поместить мои полтораста фунтов, если я вам их дам?

Эпифания. Не стоит труда. Человек, который делает операций меньше чем на семьдесят тысяч в неделю, на бирже ничего не заработает. Не суйтесь в денежные дела,

Эдриен, вы в них ничего не понимаете. Я предоставлю вам все что нужно.

Эдриен. Нет, увольте: я перестал бы уважать себя. Предпочитаю позволить себе роскошь бедняка – платить за ваш кэб, билеты в театр, завтраки в «Рице» и одалживать вам те небольшие суммы, которые вам нужны, когда мы бываем вместе.

Все удивленно смотрят на Эпифанию: она предстает им с неожиданной стороны.

Эпифания. Верно, у меня никогда не бывает карманных денег. Я, вероятно, вытянула у вас целые миллионы пятифунтовыми банкнотами. Я распоряжусь, чтобы мои банкиры открыли вам текущий счет на тысячу фунтов.

Эдриен. Нет, нет. Мне нравится одалживать вам пятерки. Но так как это угрожающе истощает мои сравнительно скромные ресурсы, я честно сознаюсь, что хотел бы научиться у Элестера искусству превращать сотни в десятки тысяч.

Эпифания. Его пример вам ничего не даст, Эдриен. Элестер – одно из чудес природы, а в вас нет ничего чудесного, кроме вашего аппетита. Так вот, слушайте. Каждый год в день рождения бабушка дарила ему пластинку с записью знаменитого тенора Энрико Карузо. Случилось так, что природа, в минуту одного из своих необъяснимых капризов, наделила Элестера потрясающе звучным голосом почти сверхъестественного диапазона. Он берет такие высокие ноты, каких не брал еще ни один смертный. Он обнаружил, что может без труда имитировать граммофонные записи, и решил, что составит себе состояние как оперный тенор. Первое, что он сделал с моими деньгами, – дал пятьдесят фунтов директору какой-то дрянной оперной труппы, находившейся при последнем издыхании, а тот позволил ему выступить в одной из самых популярных ролей Карузо. Он даже взял меня с собой на этот спектакль.

Элестер. Это не моя вина. Я могу перепеть Карузо. Все это была интрига. Постоянный тенор этой труппы – свинья. Сам он не может взять си бемоль, не вывихнув себе при этом шею. Но он нанял кучу разных мерзавцев, а те забрались на галерку и освистали меня.

Эпифания. Милый Элестер, суть в том, что природа, одарив тебя потрясающим голосом, к несчастью, забыла наделить тебя слухом. Реветь ты можешь громче, чем

стадо в десять тысяч голов, а вот поешь по меньшей мере на четверть тона выше или ниже, чем надо. У себя в ложе я хохотала так, что свалилась на пол в форменной истерике. Зрители свистели и шикали, но их не слышно было из-за твоего рева. Наконец хористы утащили тебя со сцены, и местный тенор закончил спектакль, после чего выяснилось, что директор сбежал, прихватив с собой мои пятьдесят фунтов и оставив труппу без гроша. Примадонна оглохла на левое ухо — ты ревел в него изо всей силы. Мне пришлось уплатить актерам жалованье и распустить их.

Элестер. Говорю тебе, это была интрига. Почему людям не нравится мое пение? Я пою громче любого тенора и могу брать более высокие ноты.

Эпифания. Элестер, нельзя противостоять интриге, если в ней участвует весь мир.

Эдриен. И все же это не объясняет, как Элестер сделал свои пятьдесят тысяч.

Эпифания. Предоставляю ему самому изложить эту постыдную историю — он, по-моему, гордится ею. *(С презрительной миной опускается в свободное кресло.)*

Элестер. Все вышло очень здорово. Но, доложу вам, дело было рискованное. А сделал я вот что. После номера с оперой у меня осталась всего сотня. Тут я встречаю одного американца. Рассказываю ему, что схожу с ума по женщине, которая согласна выйти за меня лишь на том условии, что я за полгода заработаю пятьдесят тысяч, хотя сейчас у меня в кармане только сто фунтов. Он так и подскочил. «Милейший, раз у вас есть сто фунтов, вы можете открыть счет в банке и получить чековую книжку». «А какая мне от нее польза?» — спрашиваю я. А он: «Возьмете меня в дело на равных долях?» Я, конечно, согласился. Что мне еще оставалось? В тот же день мы и начали. Положили деньги в банк и получили чековую книжку на сто бланков. Сняли театр, набрали первоклассную труппу, нашли пьесу. Постановка получилась роскошная: декорации дивные, девушки тоже, а уж героиня как раз такая, каких любит публика, — глаза злые, голос какой-то непривычный, заморский, акцент голливудский. За ценой мы не стояли, а просто все дальше и дальше, по самые уши, лезли в тысячные долги.

Эдриен. Но чем же вы расплачивались?

Элестер. Чеками, разумеется. Ведь я же сказал — у нас была чековая книжка.

Эдриен. Но как только ваша сотня иссякла, чеки оказались недействительными.

Элестер. Да, но мы их все разменяли. Адская была работа!

Эдриен. Ничего не понимаю. Как можно разменять дутые чеки?

Сэгемор. Все это очень просто. Вы расплачиваетесь за что-нибудь чеком, после того как банк уже закрылся, а еще лучше в субботу или в канун праздника. Предположим, чек выдан вами на сто фунтов, а в банке у вас ни гроша. Тогда вам приходится упросить кого-то из приятелей или управляющего отелем разменять вам новый чек на сто фунтов. Этого достаточно для уплаты по первому чеку, но это же обязывает вас, если вас не устраивают полтора года каторги, упросить еще одного приятеля или управляющего отелем разменять вам третий чек – теперь уже на двести фунтов. И так, оперируя этими дутыми чеками, вы просаживаете уже не сотни, а тысячи и рискуете уже не годом тюрьмы, а пятью, десятью и даже пятнадцатью.

Элестер. Если вы воображаете, что это легкая работа, попробуйте сами и убедитесь! Мне часто снятся те дни – и это мои самые страшные кошмары! Господи! Ведь ни я, ни мой компаньон до самой премьеры ни разу не были ни в театре, ни на репетициях: мы все время подписывали чеки и разменивали их. Конечно, постепенно нам становилось легче: платили мы исправно, а значит, и кредит находить стало проще. Но самые большие расходы пошли лишь тогда, когда состоялась премьера и в кассу потекли деньги. Я бы уложился в полцены, но американец считал своим долгом платить за все вдвое и раздавать людям паи за одну лишь болтовню – он уверял, что без этого он охладеет к делу. Впрочем, все это потеряло всякое значение, как только начали поступать деньги. Боже, как они на нас сыпались! Героиня со злыми глазами свела весь город с ума. Мы гребли деньги корзинами. Они, как вино, ударили мне в голову. Они ударили в голову американцу. Они ударили в голову американским друзьям американца. Они купили у нас все права – на экранизацию, на перевод, на гастроли и множество других, о существовании которых я даже не подозревал. А потом они принялись перепродавать их друг другу, покуда каждый толстосум в Лондоне, Нью-Йорке и Голливуде не приобрел в них долю. В конце концов мой американец выкупил все эти права обратно за полмиллиона долларов

и продал их какому-то американскому синдикату за миллион. Чтобы провернуть это дельце, понадобилось еще полдюжины американцев, каждому из которых пришлось дать долю. Мне же нужно было всего пятьдесят тысяч фунтов. Поэтому я вышел из игры, победоносно вернулся к Эппи и потребовал ее руки. Она решила, что я великий человек. Я им и был: деньги сделали меня великим. Скажу честно: я был пьян ими, я стал совсем другим человеком. Хотите верьте, хотите нет, но я даже ростом стал выше.

Эпифания. Все это истинная правда. Несчастный не привык к деньгам, и они переродили его. А я, наивная бедняжка, даже не подозревала, что деньги способны творить такие чудеса. Ведь я с колыбели уже владела миллионами и обращала на них столько же внимания, сколько на воздух, которым дышу.

Сэгемор. Тем не менее десять минут назад, когда я предложил развод, вы спросили, на что ваш муж будет жить. Что стало с этими пятьюдесятью тысячами?

Эпифания. Он спустил их в три недели. Он купил на них цирк. Он воображал, что все, к чему он ни прикоснется, превратится в золото. Через месяц мне пришлось продавать его цирк с торгов. Он уже готов был выпустить хищников на волю и сбежать, но я успела вмешаться. Это обошлось мне в четыреста тридцать фунтов шестнадцать шиллингов семь пенсов.

Элестер. А чем я виноват? Слон заболел инфлюэнцей. Министерство здравоохранения запретило представления и не разрешало мне переехать в другой город, потому что животные могли стать переносчиками ящура.

Эпифания. Как бы то ни было, его пятьдесят тысяч принесли не прибыль, а четыреста тридцать фунтов убытка. Я ждала доходов, достойных принца и героя, а мне пришлось содержать червяка. И теперь он вдобавок имеет наглость требовать развода.

Элестер. Я ничего не требовал. Развод предложил Сэгемор. Разве я могу позволить тебе развестись со мной? Пока я твой муж, у меня солидное положение в обществе и торговцы предоставляют мне неограниченный кредит.

Эпифания. В том числе на дамские чулки

Патриция. О! *(Плачет.)* Значит, это она платит за них, Элестер?

Элестер. Не беда, дорогая! Я доказал, что умею делать деньги, когда нужно. Я опять сделаю их и на соб-

ственные деньги куплю тебе столько чулок, сколько потребуется. *(Встает и становится за креслом Патриции, сжав ее голову руками.)* Ну-ну, дорогая, не плачь.

Эпифания. Ого! Они полагают, что уже поженились.

Сэгемор. Вопрос о разводе решать не вам, мистер Фицфесенден. Миссис Фицфесенден может развестись с вами, невзирая на ваше согласие или несогласие: ваша жена может доказать, что недавно вы покинули ее и нашли себе прибежище в объятиях мисс Смит. Суд, несомненно, выскажется в пользу миссис Фицфесенден.

Патриция *(успокоившись и собравшись с духом)*. Ну и пусть. Я сумею содержать Элестера, пока он снова не разбогатеет. Вы все считаете его дураком, а он милый и славный. Мне просто противно смотреть, как вы все на него набрасываетесь, а жена обращается с ним так, словно он грязь под ее ногами. Интересно, чем бы стала она сама, не будь у нее денег?

Эпифания. Без денег любой из нас ничто, мисс Бесчулочек. Этому научил меня мой дорогой старик отец. «Держись за деньги, — говорил он, — остальное приложится». Он утверждал, что так сказано в Библии. Я не проверяла, верна ли эта цитата, но никогда не забывала ее. Я держалась за свои деньги и впредь намерена держаться за них. Как я ни богата, я не могу простить Элестеру причиненный мне убыток в четыреста тридцать фунтов.

Элестер. Шестнадцать шиллингов семь пенсов. Жадная тварь! Но я их тебе верну.

Патриция. Конечно вернешь, милый. Я продам свой страховой полис и дам тебе деньги.

Эпифания. И вы готовы подтвердить это письменно, мисс Смит?

Элестер. Да постыдись хоть самой себя, свинья ненасытная! Ты сама во всем виновата. Кто заставлял тебя продавать слона за тридцать фунтов? Он же стоил двести.

Сэгемор. Не будем уклоняться в сторону.

Эпифания. В сторону от чего?

Сэгемор. От того, что вы можете, если захотите получить развод.

Эпифания. Нет, я не хочу. Вы думаете, я позволю трепать свое имя по судам и печатать в газетах свой портрет рядом с портретом этой твари? Позволю, чтобы каждая паршивая лондонская газетка перепевала историю о том, как я потеряла голову и влюбилась? Кроме того, замужем быть удобно. Это выглядит почтенно. Это отпуги-

вает мужчин. Это обеспечивает мне свободу, которой у меня не было бы, будь я одинока. Я привыкла иметь мужа. Нет, я решительно не намерена разводиться с Элестером. Во всяком случае, не разведусь до тех пор, пока не найду ему такую замену, какая мне нужна.

Патриция. Вы все равно не можете с ним развестись без его согласия. Элестер слишком джентльмен, чтобы напоминать вам об этом. Но вы отлично знаете, что ваше собственное поведение не таково, чтобы суд и огласка пошли бы вам на пользу.

Эпифания. Элестер был первый мужчина, которого я полюбила; надеюсь, он будет не последним. Юридических же трудностей для людей с деньгами не существует. Впрочем, все это не имеет значения. Поскольку Элестер не может позволить себе развестись со мной, а я не намерена разводиться с ним, вопрос о разводе не стоит. Который час?

Элестер. Честное слово, Эппи, ты могла бы купить себе ручные часики. Сколько раз тебе повторять это?

Эпифания. Зачем мне тратиться на часы, когда они есть у каждого и я всегда могу спросить, который час. Я не ношу часов с тех пор, как потеряла ключик от старых часов отца.

Патриция. Сейчас десять минут первого.

Эпифания. Боже мой! Я опоздала на урок. Какая досада!

Элестер. Урок? Чему ты теперь обучаешься, смею спросить?

Эпифания. Японской борьбе. Когда ты в следующий раз решишь позабавиться любимым спортом – битьем жены, остерегайся сюрприза. Зачем я приходила к вам, мистер Сэгемор?

Сэгемор. Вы собирались дать мне инструкции по составлению завещания.

Элестер. Она составляет новое завещание всякий раз, как выйдет из себя. Для вас, Сэгемор, выгодное дельце.

Эпифания. Замолчи, Элестер. Ты забываешь, что положение моего супруга обязывает тебя держаться с достоинством. Мистер Сэгемор, я переменила намерение относительно завещания и готова забыть о вашей попытке отравить меня.

Сэгемор. Благодарю вас.

Эпифания. Сколько я обязана вам за эту бесплодную консультацию?

Сэгемор. Тридцать шиллингов четыре пенса, с вашего позволения.

Эпифания. Я никогда не ношу с собой денег. Эдриен, не одолжите ли мне тридцать шиллингов четыре пенса?

Эдриен сует руку в карман.

Нет, погодите. Мистер Сэгемор, будьте лучше нашим семейным поверенным в делах и пришлите счет в конце года.

Элестер. Не забудьте приложить к счету судебную повестку, Сэгемор, иначе плакали ваши денежки.

Эпифания. Попридержи язык, Элестер. Разумеется, я всегда жду судебной повестки: эта простая мера предосторожности избавляет от опасности дважды уплатить по одному и тому же счету.

Сэгемор. Согласен, миссис Фицфесенден. Превосходное правило!

Эпифания. Вы здравомыслящий человек, мистер Сэгемор. А теперь мне пора на воздух: из-за всей этой семейной оргии здесь страшная духота. Идемте, Эдриен. Свезите меня куда-нибудь за город позавтракать. Я знаю одно прелестное местечко у реки. До свидания, мистер Сэгемор. До свидания, мисс Бесчулочек. Позаботьтесь об Элестере вместо меня. Его красивая внешность еще доставит вам немало приятных ощущений — от нее у вас мурашки по спине побегут. *(Уходит.)*

Сэгемор *(Эдриену, который направляется вслед за Эпифанией)*. Кстати, мистер Блендербленд, что за дело привело вас сюда?

Эдриен. Оно совершенно вылетело у меня из головы. Сегодня я ни на что больше не годен. *(Выходит, никому не кланяясь.)*

Сэгемор *(Элестеру)*. Ваша жена поразительная женщина.

Элестер сокрушенно вздыхает.

Патриция. Бедняжка! Он даже слов для нее не находит!

Сэгемор. А теперь, мистер Фицфесенден, могу я узнать, о чем хотели посоветоваться со мной вы?

Элестер. Не знаю. Стоит мне побыть десять минут с Эппи, и я уже не понимаю, стою я на ногах или на голове.

Патриция. Возьми же себя в руки, милый. Ты пришел посоветоваться насчет ухода от жены.

Элестер. Уход от жены! Это все равно что пытаться удрать от урагана. *(Впадает в нравоучительный тон.)* Послу-

шайте, Сэгемор. Я один из тех несчастных... Вы, наверно, знаете кучу таких людей? Ручаюсь, немало их сидело в этом кресле и говорило с вами так же, как я сейчас...

Сэгемор *(не дождавшись конца фразы)*. Да? Так вы говорите...

Патриция. Не отвлекайся, Элли. Расскажи мистеру Сэгемору, каких людей ты имел в виду.

Элестер. Я имел в виду людей, откусивших больше, чем они могут проглотить: обыкновенных мужчин, женившихся на необыкновенных женщинах, и обыкновенных женщин, вышедших за необыкновенных мужчин. Все они тоже считали, что им здорово повезло. Вот вам мой совет, мистер Сэгемор: ищите себе жену в своем кругу. Не поймите меня превратно — я говорю не о положении и деньгах. Я говорю о... о...

Патриция *(приходя ему на выручку)*. Он говорит, что люди, вступающие в брак, должны одинаково смотреть на вещи и отличаться одинаковыми вкусами. Ни один не должен быть выше другого. Вы меня понимаете?

Сэгемор. Отлично понимаю. Могу я считать, что Элестер совершил подобную ошибку и лишь позднее (к сожалению, слишком поздно) нашел в вас — как бы это сказать? — родственную душу?

Элестер. Нет, это звучит как-то глупо. Я бы сказал — слишком литературно.

Патриция. Я бы выразилась иначе — единомышленницу.

Сэгемор. Вот именно. Благодарю вас. Единомышленницу, с которой ему легко и удобно.

Элестер *(горячо пожимая руку Сэгемору)*. Спасибо, Сэгемор! Вы настоящий друг. Вы все поняли. Подумайте за нас о нашем деле. Идем, дорогая Полли,— мы не вправе отнимать время у занятого человека.

Выходит, оставив Патрицию наедине с Сэгемором. Она встает и подходит к столу.

Патриция. Вы поможете нам, мистер Сэгемор, правда? Вы спасете Элли от этой ужасной женщины? Спасете его для меня?

Сэгемор. Боюсь, что мне не справиться с нею, мисс Смит. И, что еще хуже, боюсь, что она справится со мной. Дело не только в том, что я не могу позволить себе ссориться с такой богатой клиенткой. Ее воля парализует мою — это редкий дар, но он встречается.

Патриция. Не бойтесь ее, мистер Сэгемор. У нее только

один дар – делать деньги. Это у них фамильное. Деньги сами идут к ней. Но у меня тоже есть свой, хоть и небольшой, талант, и меня она не парализует.

Сэгемор. И что же это за талант, мисс Смит, смею спросить?

Патриция. Талант делать человека счастливым. К ней идут деньги, ко мне идут несчастные.

Сэгемор *(качая головой)*. Не думаю, что воля у вас сильнее, чем у нее, мисс Смит.

Патриция. Я этого и не говорю, мистер Сэгемор. У меня вообще нет никакой воли. И все-таки я всегда добиваюсь чего хочу. Вы еще в этом убедитесь.

Элестер *(кричит за дверью)*. Идем, Полли!

Патриция. Иду, дорогой. *(Сэгемору.)* До свидания, мистер Сэгемор.

Быстрый обмен рукопожатиями.

(Спешит к двери.) Вы еще убедитесь.

Сэгемор *(самому себе)*. Поживем – увидим. *(Берется за прерванную работу.)*

Унылая кофейня в старинной гостинице на берегу реки. У задней стены огромный уродливый грязный полубуфет красного дерева. Над ним, наподобие картин, висят две почти совсем почерневшие от времени вывески: на одной изображен герб местного лендлорда, на другой — свинья, которая стоит на задних ногах и играет на флажолете. Под изображением свиньи подпись: «Свинья и дудка». Между обоими этими произведениями искусства, на полубуфете, высится стеклянная витрина с чучелом колоссальной рыбы не менее чем вековой давности.

Под прямым углом к полубуфету, почти через все помещение, тянутся два длинных стола, каждый из которых накрыт человек на двенадцать. Слишком тесно сдвинутые стулья из некрашеного дерева жестки и неудобны. Ножи и вилки дешевые, кухонные; между ними для приличия вкраплены рахитичные серебряные уксусницы и солонки. Грубые холщовые скатерти не отличаются свежестью. Стены оклеены безобразными викторианскими обоями. Вероятно, некогда это были блекло-лиловые гирлянды на темно-желтом фоне, но теперь рисунок, стертый от времени и загаженный мушиными следами, слился с фоном в пятна неопределенно грязного цвета, которые производят самое удручающее впечатление. Ковра на полу нет. Справа от полубуфета, если смотреть на него из зрительного зала, широко распахнутая дверь, над которой красуется надпись: «Кофейня». Подле двери, у стены, старомодная вешалка, где висят шляпа и легкое пальто мистера Эдриена Блендербленда.

Сам он сидит с Эпифанией на дальнем от двери конце стола. Они только что покончили с едой. На столе еще стоят сыр и бисквиты. Вид у Эпифании оживленный и счастливый, Эдриен пребывает в отвратительном настроении.

Эпифания. Как мило!

Эдриен *(пренебрежительно оглядывая помещение)*. Я, должно быть, очень привлекательный мужчина.

Эпифания *(широко раскрыв глаза)*. Серьезно? Нет, я, разумеется, не спорю, но какое это имеет отношение к тому, что я сейчас сказала?

Эдриен. Вы сказали: «Как мило!» – и я взглянул на этот грязный старый трактир, который пытаются выдать за старинную гостиницу. Мы только что съели отвратительный завтрак – томатную бурду под громким названием суп, остатки воскресного окорока, брюссельскую капусту, картофель и засохший консервированный сыр из Америки. Если вы способны вытерпеть такое да еще восклицать при этом: «Как мило!» – значит, здесь есть нечто неотразимо привлекательное для вас. А тут все, за исключением меня, может только отталкивать.

Эпифания. Неужели вам не нравятся такие милые старомодные места? Я их очень люблю.

Эдриен. А я – нет. Всю эту рухлядь надо искоренить, смести с лица земли, сжечь дотла. Одна обстановка вашей квартиры на набережной в Лондоне стоит дороже, чем весь этот дом от погреба до чердака. У себя вам достаточно снять телефонную трубку, и вы получите вполне приличный, прекрасно сервированный завтрак. Ваш роскошный автомобиль мгновенно доставит вас в любой первоклассный отель, расположенный в живописной местности. А вы предпочитаете этот мерзкий трактир да еще говорите: «Как мило!» Стоит ли для этого быть миллионершей?

Эпифания. Чушь! Когда-то я, впервые получив неограниченные деньги, окунулась в светскую жизнь. И как вы думаете, сколько мне потребовалось времени, чтобы устать от беготни по магазинам и почувствовать тошноту от всей той роскоши, которая вам так по душе? Меньше двух недель. Мой отец, имея сто миллионов, всегда ездил в третьем классе и не тратил на себя больше десяти шиллингов в день, кроме тех случаев, когда он принимал нужных людей. Зачем ему было тратить лишнее? Ел и пил он столько же, сколько любой другой, одежды носил тоже не больше. Я поступаю, как он.

Эдриен. Тогда почему же вы любите деньги и терпеть не можете их тратить?

Эпифания. Потому что деньги – это сила. Деньги – это уверенность. Деньги – это свобода. Одно дело жить на вулкане, другое – наслаждаться покоем в садах Гесперид. Кроме того, деньги приносят постоянную радость оттого, что ты умножаешь их, а это нетрудно, когда у тебя есть с чего начинать. Превратить один миллион в два мне легче, чем какой-нибудь бедной женщине сделать десять фунтов из пяти, даже если она сумеет раздобыть эти

первые пять. Деньги, по существу говоря, оборачиваются сами собой.

Эдриен. Для меня деньги — вульгарная проза, растлевающая душу забота. Конечно, они мне нужны, но я их не люблю. Когда это возможно, я о них совсем не думаю.

Эпифания. О чем же вы думаете, если не о деньгах? О женщинах?

Эдриен. Да, но не только о них.

Эпифания. О еде?

Эдриен. Тоже не всегда, хотя я в ней довольно привередлив. Сознаюсь, что ожидал не такого завтрака. *(Указывает на стол.)*

Эпифания. А, так вот отчего у вас плохое настроение! Верно?

Эдриен *(раздраженно)*. Вовсе нет. Но вы обещали мне изысканное развлечение. Вы сказали, что нашли прелестное местечко на берегу реки, где мы сможем побыть вдвоем и съесть восхитительный деревенский завтрак на лоне природы. Уж не эту ли грязную дыру вы называете прелестной? Приходилось ли вам хоть раз в жизни завтракать отвратительнее, чем сегодня? Здесь нет даже отдельного кабинета, и сюда в любую минуту может войти кто угодно. В Ричмонде или Мейденхеде нам было бы куда лучше. К тому же, по-моему, пошел дождь.

Эпифания. Это тоже моя вина?

Эдриен. Это дополняет ваше представление о дне, приятно проведенном за городом. Почему у людей, умеющих наслаждаться жизнью, никогда не бывает денег, а люди, у которых они есть, не умеют пользоваться ими?

Эпифания. Вы не слишком любезны, Эдриен.

Эдриен. А вы не слишком щедрая хозяйка, Эпифания. Умоляю, сядем в машину и прокатимся куда-нибудь. Ваш автомобиль куда роскошнее этой грязной кофейни. К тому же в нем легче найти уединение.

Эпифания. Мне надоела моя машина.

Эдриен. А мне нет. Я бы не прочь иметь такую.

Эпифания. Я думала, вам будет приятно посидеть и поболтать со мной в этом обветшалом уединенном ресторанчике. Но теперь я вижу, что вы капризный старый холостяк. Вы думаете только о еде и своих мелких удобствах. Вы еще хуже, чем Элестер: с тем, по крайней мере, можно поговорить о боксе и теннисе.

Эдриен. А с вами только о деньгах.

Эпифания. Неужели вам это не интересно? Ах, если бы вы знали моего отца!

Эдриен. Очень рад, что не знал.

Эпифания *(сразу становясь опасной)*. Что вы сказали?

Эдриен. Милая Эпифания, раз мы друзья, я имею право быть откровенным. То, что вы рассказали мне о своем отце, убеждает меня в одном: несмотря на всю его родительскую нежность и заботливость, которые извиняют чрезвычайно развитый в вас, но страшно утомительный эдипов комплекс, как выразился бы доктор Фрейд, он, по-видимому, был невыносимо нудным человеком, способным обезлюдить даже Ротари-клуб.

Эпифания. Мой отец? Вы смеете так отзываться о моем отце, вы, беспредельное ничтожество? Мой отец сделал сто пятьдесят миллионов, а вы за всю жизнь не сделали и полумиллиона.

Эдриен. Милое дитя, ваш отец не сделал ровно ничего. Я не имею ни малейшего представления о том, как он ухитрился на законном основании присвоить себе то, что сделали другие; но я знаю, что он потерял четыре пятых присвоенного, так как, бесконечно отстав от жизни, принялся скупать земли русских помещиков-эмигрантов в надежде, что Англия за три недели или около того покончит с советской революцией. Можно ли впасть в более идиотскую ошибку? Такую не совершу даже я, хоть вы и считаете меня дураком. Одним словом, Эпифания, мир ровно ничего не потерял бы, если бы ваш отец вовсе не родился. Вы ведь и сами понимаете это, правда?

Эпифания *(вскакивая и становясь в позу боксера)*. Вот теперь я вышла из себя. Поднимайся, трус! Встань в позицию! Закройся руками!

Эдриен *(растерянно поднимаясь, но еще не осознав до конца опасность)*. Ей-богу, Эпифания, вы зря выходите из себя.

Эпифания *(наносит ему прямой в челюсть слева)*. Это тебе за то, что мой отец нудный человек. А вот за то, что он ничего не сделал. *(Делает яростный выпад правой.)*

Эдриен *(корчась на полу)*. На помощь! Полиция! Убивают! *(Подняться он не в состоянии, поэтому, задыхаясь, катится и ползет к двери.)*

Эпифания *(пинком выбрасывая его за дверь)*. Дрянь! Невежа! *(Срывает с вешалки его шляпу и пальто и швыряет ему вслед.)*

Слышен грохот катящегося с лестницы тела.

Эдриен *(жалобно)*. Помогите! Помогите!

Эпифания. Негодяй! Ты убил меня! *(Шатаясь, бредет к ближайшему стулу, опускается на него и падает грудью на стол, конвульсивно сжимая и вытягивая вперед руки. Посуда летит на пол.)*

Вбегает представительный египетский джентльмен средних лет в поношенном черном костюме и феске. По-английски он говорит слишком правильно, чтобы его можно было принять за англичанина.

Египтянин *(властно)*. Что случилось? Что здесь происходит?

Эпифания *(медленно подняв голову и уставившись на него)*. Кто вы такой, черт вас побери?

Египтянин. Я врач из Египта. Я услышал страшный шум. Я поспешил сюда, чтобы выяснить, в чем дело. И застал вас в конвульсиях. Не могу ли я чем-нибудь вам помочь?

Эпифания. Умираю.

Врач. Глупости! Вы же еще в состоянии ругаться. Припадок прошел. Теперь сядьте – вот так. Вы совершенно здоровы. До свидания!

Эпифания. Стойте! Мне дурно. Я при смерти. Мне нужен врач. Не беспокойтесь, я богата.

Врач. В таком случае вы без труда найдете себе английского врача. Есть тут еще кто-нибудь, кому нужна моя помощь? Я был наверху. Я слышал, как кто-то упал с лестницы. У пострадавшего возможен перелом. *(Торопливо уходит.)*

Эпифания *(встает и кричит ему вслед)*. Бросьте его! Даже если у него переломаны все кости, так ему и надо. Сейчас же вернитесь – вы мне нужны. Вернитесь! Вернитесь!

Врач *(возвращается)*. Хозяин повез джентльмена в местную больницу на вашей машине.

Эпифания. На моей? Не разрешаю. Пусть вызывает «скорую помощь».

Врач. Машина уже ушла. Вам следовало бы радоваться, что вы смогли помочь человеку.

Эпифания. Ваше дело лечить меня, а не читать мне нотации.

Врач. Я не ваш домашний врач – я не занимаюсь частной практикой. Я содержу клинику для неимущих эмигрантов-магометан, а также служу в больнице. Я не могу взять на себя ваше лечение.

Эпифания. Нет, можете. Должны. Или вы намерены оставить меня здесь умирать?

Врач. Вы не умираете. Во всяком случае, пока что. Обратитесь к своему домашнему врачу.

Эпифания. Моим врачом будете вы. Повторяю – я богатая женщина. Расходы на врача для меня ничего не составляют – вы получите любой гонорар. Но вы обязаны заняться мною и займетесь. Вы отвратительный грубиян, но как врач внушаете доверие.

Врач. Если я начну лечить каждого, кому внушаю доверие, меня не хватит и на неделю. А я должен беречь себя для людей бедных и полезных.

Эпифания. Значит, вы или дурак, или большевик.

Врач. Я всего лишь слуга аллаха.

Эпифания. Ничего подобного. Вы мой врач. Понятно? Я больная, и вы не имеете права бросить меня при смерти в этой паршивой дыре.

Врач. Я не усматриваю у вас никаких болезненных симптомов. Вам больно?

Эпифания. Да. Ужасно!

Врач. Где?

Эпифания. Не допрашивайте меня с таким видом, словно не верите мне. Я покалечила себе все суставы на руке о подбородок этого мерзавца.

Врач. На какой руке?

Эпифания *(протягивая ему левую руку)*. На этой, разумеется.

Врач *(берет ее руку, деловито вытягивает и поворачивает пальцы и кисть)*. Рука в полном порядке.

Эпифания. Откуда вы знаете? Это моя рука, а не ваша.

Врач. Вы вопили бы на весь дом, будь у вас вывихнута рука. Вы притворяетесь, вы лжете. Зачем? Чтобы казаться интересной?

Эпифания. Казаться? Запомните: я и так интересная.

Врач. С медицинской точки зрения – нисколько. А чем интересны вы с других точек зрения?

Эпифания. Я – самая интересная женщина Англии. Я – Эпифания Оньисанти ди Парерга.

Врач. Первый раз слышу. Вы, вероятно, итальянская аристократка?

Эпифания. Аристократка? Уж не за дуру ли вы меня принимаете? Мои предки еще пятьсот лет назад ссужали деньги всей Европе. А сейчас мы банкиры всего мира.

Врач. Значит, вы еврейка?

Эпифания. Я христианка до последней капли крови. Евреи бросают чуть ли не половину своих денег на благотворительность и разные фантастические затеи вроде сионизма. Там, где дело доходит до денег, самый глупый из ди Парерга обведет вокруг пальца умнейшего еврея. Мы — единственная подлинная аристократия в мире. Денежная аристократия.

Врач. Вернее, плутократия.

Эпифания. Пусть так. А я — плутократка из плутократов.

Врач. Так вот, это болезнь, от которой я не лечу. Единственное известное мне лекарство от нее — революция. Но его применение сопряжено с высокой смертностью; кроме того, когда революция получается не такая, какая нужна, она только усугубляет недуг. Я ничем не могу вам помочь. Мне пора на работу. До свидания.

Эпифания *(удерживая его)*. Но это и есть ваша работа. Что вам еще делать, как не лечить меня?

Врач. В жизни хватает дела и кроме лечения мнимобольных богачей.

Эпифания. Но если вам за это хорошо платят?..

Врач. Те небольшие деньги, которые мне нужны, я зарабатываю трудом, который считаю более важным.

Эпифания *(отталкивает его и раздраженно расхаживает взад и вперед)*. Вы свинья, скотина и большевик. Бросая меня здесь в минуту несчастья, вы поступаете отвратительно. Моя машина ушла. Денег у меня нет — я никогда не ношу их с собой.

Врач. А мне вот и носить с собой нечего. Машина ваша сейчас вернется, и вы сможете одолжить деньги у своего шофера.

Эпифания. Вы форменный бегемот. Вы башибузук. Я должна была догадаться об этом раньше по вашей смехотворной феске. Снимите ее — вы находитесь в моем присутствии. *(Срывает с врача феску и прячет ее за спину.)* Наберитесь вежливости и побудьте со мной хотя бы до возвращения моего шофера.

За сценой гудок автомобиля.

Врач. Он уже вернулся.

Эпифания. Ах, черт! Неужели вы не можете подождать, пока он выпьет чаю и выкурит сигарету?

Врач. Нет, не могу. Потрудитесь вернуть мне феску.

Эпифания. Я только хотела посмотреть, как вы без нее выглядите. *(Деликатно водружает феску ему на голову.)*

Послушайте. Ведь это же приключение. Неужели вы совсем чужды романтики? Просто любопытства, наконец. Разве вам не интересно узнать, за что я спустила этого скота с лестницы? Неужели вам не хочется хоть раз в жизни послать ко всем чертям свою жалкую работу и провести денек за городом с привлекательной женщиной?

Врач. Женщины, за исключением больных, не интересуют и не привлекают меня: я слишком много знаю о них — как снаружи, так и изнутри. Вы же совершенно здоровы.

Эпифания. Лгун! Совершенно здорового человека не было, нет и не будет. *(С надутым видом садится.)*

Врач. Верно. Вы неглупы — в некотором смысле. *(Садится напротив нее.)* Помнится, еще молодым, в начале своей карьеры, я убил нескольких больных: меня учили, что я должен резать до тех пор, пока не останутся только совершенно здоровые ткани. А так как подобных тканей не существует, я искромсал бы больных в куски, если бы меня не остановила сестра. Поэтому они умерли не на операционном столе, а позже, по выходе из больницы. Но раз их унесли со стола живыми, я был вправе утверждать, что операция удалась. Вы замужем?

Эпифания. Да. Но вам нечего опасаться — муж открыто изменяет мне и не сможет подать на вас в суд, если вы начнете ухаживать за мной. Если понадобится, я просто с ним разведусь.

Врач. А кого вы спустили с лестницы? Кто он такой? Он ухаживал за вами?

Эпифания. Нет. Он оскорбил память моего отца, потому что здешний завтрак разочаровал его. А когда я думаю об отце, обыкновенные люди кажутся мне просто мусором. Вы — необыкновенный человек. Я хотела бы продолжить наше знакомство. Теперь, когда вы задали такие интимные вопросы о моей семейной жизни, а я ответила на них, вы не можете не считать себя моим домашним врачом. Словом, все решено.

Врач. Вы, кажется, упомянули об эдиповом комплексе?

Эпифания кивает.

И об избытке денег?

Эпифания. Избыток? У меня всего-навсего жалких тридцать миллионов.

Врач. Психологически любопытный случай! Я уделю ему внимание.

Эпифания. Уделите внимание? Вы должны были сказать: благодарю за честь, польщен, восхищен!

Врач. Все ясно. Безграничная самоуверенность, безрассудная наглость, патологическая самовлюбленность, сексуальная холодность.

Эпифания. Холодность! С чего это вы взяли, что я холодна?

Врач. Вы разговариваете со мной, как мужчина. В мужчинах для вас нет ничего загадочного, особого, святого. Мужчина для вас всего лишь разновидность той же породы, что и вы.

Эпифания. Вот вздор! Мужчина – существо совершенно другой и гораздо более низшей породы, в этом вы убедитесь после пятиминутного разговора с моим мужем. Но, конечно, на свете есть и другие мужчины: великие люди, как мой отец; хорошие врачи, как вы.

Врач. Благодарю вас. А что говорит о вас ваш постоянный врач?

Эпифания. У меня нет постоянного врача. Обзаведись я им, он оперировал бы меня каждую неделю, пока от меня и моего счета в банке ничего бы не осталось. Не бойтесь: я не потребую, чтобы вы терзали меня стетоскопом. Легкие у меня, как у кита, желудок луженый. Внутри у меня все работает, как часовой механизм. Я сплю по восемь часов в сутки, и сон у меня мертвецкий. Когда я чего-нибудь хочу, я настолько теряю голову, что непременно добиваюсь желаемого.

Врач. И чего же вы хотите особенно часто?

Эпифания. Всего чего угодно. Желания возникают у меня мгновенно, как вспышка молнии, и тут уж меня не остановишь.

Врач. Желать всего значит не желать ничего.

Эпифания. Пять минут назад я пожелала вас. Теперь я вас получила.

Врач. Оставьте! Не пытайтесь обмануть врача. Ведь если вы пожелаете достать с неба солнце, луну или звезды, вам их все равно не получить.

Эпифания. Именно поэтому я всячески стараюсь не желать их. Я желаю только того, что могу получить.

Врач. Отлично. У вас практический ум. А чего, например, вы хотите сейчас?

Эпифания. В том-то и горе, черт возьми! Мне нечего желать, кроме новых денег.

Врач. А как насчет новых мужчин?

Эпифания. Еще одного Элестера? Или Блендербленда? Это мелкие желания. Сейчас мне хочется иметь катер.

Врач. В этой глухой деревушке его не купить.

Эпифания. Скажите хозяину, пусть остановит и купит первый же, который будет проходить мимо.

Врач. Чепуха! Люди не расстаются так вдруг со своими катерами.

Эпифания. А вы пробовали купить?

Врач. Нет.

Эпифания. Я пробовала. Когда мне нужен автомобиль, моторка или катер, я покупаю их прямо на шоссе, на реке или в порту. Когда покупаешь их новыми, они стоят тысячи; но купите их, и через день за них не выручишь даже полсотни фунтов. Предложите за любую такую штуку триста, и владелец не рискнет отказаться: он знает, что подобное предложение не повторится.

Врач. Ага! Вы психолог. Очень интересно.

Эпифания. Ерунда! Я просто умею покупать и продавать, если вы это имели в виду.

Врач. Вот так хорошие психологи и делают деньги.

Эпифания. А вы их сделали?

Врач. Меня интересуют не деньги, а наука.

Эпифания. Без денег она бесполезна. Вы женаты?

Врач. Моя жена — наука, и мне хватает ее, хотя моя религия разрешает мне иметь четыре жены.

Эпифания. Четыре? Что вы хотите этим сказать?

Врач. Я так называемый магометанин.

Эпифания. Ну так вот, если вы женитесь на мне, вам придется довольствоваться двумя.

Врач. Ого! Разве между нами уже встал вопрос о браке?

Эпифания. Да. Я хочу выйти за вас.

Врач. Ничего не выйдет, сударыня. Моя жена — наука.

Эпифания. Она останется при вас — к ней я ревновать не буду. Но я торжественно поклялась отцу, когда он был на смертном ложе...

Врач *(перебивая)*. Погодите. Мне лучше сказать вам сразу, что я тоже дал торжественную клятву матери на ее смертном ложе.

Эпифания. Что?..

Врач. Моя мать была мудрая женщина. Она взяла с меня клятву, что, если женщина захочет выйти за меня, а я почувствую искушение жениться на ней, я вручу ей двести пиастров и предупрежу, что она должна, имея при себе только то, что на ней надето, и эти деньги, просуществ-

вать своим трудом, без посторонней помощи, в течение полугода. В противном случае я никогда не увижусь с ней.

Эпифания. А если она выдержит испытание?

Врач. Тогда я обязан жениться на ней, даже если это самая уродливая образина на свете.

Эпифания. И вы смеете подвергать меня, Эпифанию Оньисанти ди Парерга, такому испытанию? Да и вообще какому бы то ни было испытанию?

Врач. Я дал клятву. У меня тоже эдипов комплекс — так судил аллах, и я ничего не могу поделать.

Эпифания. Кто была ваша мать?

Врач. Прачка и вдова. Она вырастила одиннадцать человек детей. Я был самым младшим и ее любимцем. Остальные десять — простые честные труженики. С их помощью она сделала из меня ученого. Ее заветной мечтой было иметь сына, который умел бы читать и писать. Она молилась аллаху, и он наделил меня соответствующими талантами.

Эпифания. И вы думаете, я спасую перед какой-то прачкой.

Врач. Боюсь, что да. Вам не выдержать испытания.

Эпифания. В самом деле? А как насчет испытания, которое мой отец избрал для мужа, достойного меня?

Врач. Ого! Значит, муж тоже должен подвергнуться испытанию? Мне это не приходило в голову.

Эпифания. Вашей матушке, видимо, тоже, поэтому лучше предупредить вас сразу. Я должна вручить вам полтораста фунтов, из которых вам предстоит за полгода сделать пятьдесят тысяч. Что вы скажете о таком испытании?

Врач. Вполне определенно отвечу, что к исходу шести месяцев у меня, слава аллаху, не останется ни пенни.

Эпифания. Значит, признаете себя побежденным?

Врач. Целиком и полностью.

Эпифания. И вы думаете, я тоже потерплю поражение?

Врач. Несомненно. Вы не знаете, что такое жизнь бездомной нищей, и милосердный аллах позаботится, чтобы никогда не узнали.

Эпифания. Двести пиастров — сколько это на наши деньги?

Врач. По курсу в день смерти моей матери примерно тридцать пять шиллингов.

Эпифания. Давайте их сюда.

Врач. К сожалению, моя мать забыла дать мне эту сумму.

А у меня нет тридцати пяти шиллингов. Мне придется занять их у вас.

Эпифания. У меня с собой ни гроша. Впрочем, неважно — одолжу у шофера. Вам он под мое ручательство тоже одолжит полтораста фунтов, если вы, конечно, осмелитесь попросить об этом. До свидания — через полгода. *(Уходит.)*

Врач. О аллах, все в твоих руках и воле! Но неужели это еще одна из твоих страшных шуток, о великий и преславный?

Полуподвальное помещение на Комершел-роуд. За столом сидит немолодой м у ж ч и н а с беспокойным выражением лица, бедно одетый и похожий на крысу. Слева, рядом с ним, его ж е н а. Он углублен в счетные книги, она пришивает пуговицы к куртке, причем работает очень быстро. На столе, справа от нее, гора курток, ожидающих той же операции; слева — куртки, уже подвергшиеся ей. Стол до самого пола покрыт старой скатертью. С каменной лестницы, ведущей в полуподвал, скупо падает дневной свет, который не доходит, однако, до угла, где сидит супружеская пара; поэтому над столом с потолка свешивается на шнуре маленькая электрическая лампочка. Между лестницей и столом — старая, грязная, залатанная занавеска, прикрывающая вход в соседнее помещение. Звонок. Женщина мгновенно бросает шитье и прячет кипы курток под стол. По лестнице спускается Э п и ф а н и я: на ней старенький плащ, прикрывающий ее платье, и шляпа, умышленно приведенная в негодность. Она окидывает взглядом хозяев, затем осматривается, подходит к занавеске и заглядывает за нее. Пожилой мужчина бросается вперед, чтобы помешать ей, но уже поздно. Он вырывает у нее из рук занавеску и преграждает ей дорогу.

М у ж ч и н а. Чего вам тут нужно? Зачем пришли?

Э п и ф а н и я. Мне нужна работа. Какая-то женщина сказала мне, что здесь мне ее дадут. Я очень нуждаюсь.

М у ж ч и н а. Что же вы суете нос куда не положено? Так работу не ищут. Убирайтесь! Женщины у нас не работают.

Э п и ф а н и я. Врете. Здесь их работает целых шесть. И на кого как не на вас?

М у ж ч и н а. Ишь как заговорили! Больно много вы о себе воображаете! За кого вы меня принимаете?

Э п и ф а н и я. За червяка!

Мужчина яростно делает протестующий жест.

Полегче. Я сама умею пускать в ход кулаки, а если надо, то и стрелять.

Ж е н щ и н а *(бросаясь к мужчине и вцепляясь в него)*. Осто-

рожно, Джо. Она — инспекторша. Видишь, какие на ней туфли.

Эпифания. Я не инспекторша. И при чем здесь мои туфли?

Женщина *(почтительно)*. Ну подумайте сами, мэм, может ли женщина, которая ищет грошовой работы, позволить себе такие шикарные туфли? Уверяю вас, никакие женщины у нас тут не работают. Мы только присматриваем за помещением.

Эпифания. Но я же видела шесть женщин.

Мужчина *(отдергивая занавеску)*. Где они? Ни души здесь нет, хоть весь этот чертов подвал обыщите.

Женщина. Хватит, хватит, Джо. Не говори так с леди. Здесь нет ни души, мэм,— сами видите.

Эпифания. Я носом чую, что есть. Вы просто дали им знак спрятаться. Вы нарушаете закон. Дайте мне работу, или я пошлю на вас заявление в полицию.

Мужчина. Послушайте, леди, а не поладить ли нам по-хорошему? Ну что вам за расчет делать мне неприятности? Что вы получите, если мою мастерскую закроют?

Эпифания. А что я получу за то, что промолчу?

Мужчина. Как вы насчет полкроны в неделю?

Эпифания. На полкроны в неделю не проживешь.

Мужчина. А вы посмотрите, что кругом делается,— и проживете. Мы не одни такие.

Эпифания. Давайте адреса других. Раз уж приходится жить шантажом, мне нужна широкая клиентура.

Мужчина. Раз уж приходится платить мне, почему не платить и другим? Берете полкроны? *(Протягивает ей монету.)* Видите? Да вы послушайте, как звенит! *(Бросает монету на стол.)* Так вот, берите, и каждую пятницу будете приходить за новой, если избавите меня от инспектора.

Эпифания. Нечего передо мной полукронами звенеть — я их видала. И я отлично знаю, что, если захочу, вы дадите и пять шиллингов.

Женщина. Ох, мэм, будьте подобрей. Вы даже не знаете, как туго нам приходится.

Мужчина *(грубо)*. Хватит! Мы не нищие. Я заплачу столько, сколько это стоит, и ни пенни лишку. Вы, видно, знаете, что с нашего дела можно взять пять шиллингов. А раз знаете, вам должно быть понятно, что больше с нас не возьмешь. Берите ваши пять шиллингов, будьте вы прокляты! *(Бросает на стол две полукроны.)*

Женщина. Ох, да не спеши ты, Джо!

Мужчина. Заткнись! Думаешь выканючить у нее шиллинг-другой? Не выйдет. Я и не глядя на туфли сразу угадал, что это хапуга. Она застукала нас и знает, что застукала.

Эпифания. Не нравится мне заниматься шантажом. Конечно, если придется, так буду. Но все-таки, не найдется ли у вас для меня настоящей работы?

Мужчина. Чтобы поглубже залезть в наши дела, а?

Эпифания. Глубже мне лезть незачем — я и без того все уже знаю. У вас тут работает шесть женщин. Вон та штука в углу — газовая машина; это значит, что вы нарушаете закон. Добавим к этому еще отвратительные санитарные условия — и узнавать мне больше нечего. Вы у меня в руках. Дайте мне работу, на которую можно прожить, или я уничтожу вас, как осиное гнездо.

Мужчина. Я, пожалуй, лучше смотаюсь отсюда в такое местечко, где вы меня легко не разыщите: адреса я менять привык.

Эпифания. Это ваш главный козырь. Вы не лишены деловых способностей. Скажите, почему вы не хотите взять меня на работу за ту же плату, что и женщин, которых я видела здесь?

Мужчина. Не люблю, когда мои работницы знают слишком много.

Эпифания. Понятно. Они могут вызвать инспектора.

Мужчина. Инспектора? Ну что за дура! Да они его боятся больше, чем я.

Эпифания. Почему? Разве они не хотят, чтобы их защитили?

Женщина. Инспектор не станет их защищать. Он просто закроет мастерскую, и они лишатся работы. Знай они, что у вас хватит жестокости заявить на нас, они на коленях молили бы вас о пощаде.

Мужчина. Раз вы все знаете, так должны знать и то, что на таком месте роскоши не жди. Здесь работают по дешевке. Пока я нахожу работниц, согласных на обычную плату, я еще могу свести концы с концами. Но роскошествовать — ну уж нет. Никакой платы по профсоюзным расценкам. Никаких санитарных условий, как вы выражаетесь: ни побелки каждые полгода, ни отдельного помещения для еды, ни ограждений в опасных местах у машин. Насчет ограждений — это я просто так: у меня всего-навсего одна старая газовая машина. Она и мухе не повредит, хоть и подводит меня под проклятый закон о мастерских — это уж вы в самую точку попали. Да,

больших машин у меня нет, но я должен продавать дешевле, чем те, у кого они есть. Если я подниму цены хоть на пенни, их машины угробят меня. То же получится, если меня заставят платить по профсоюзным расценкам и выполнять требования инспектора: за неделю я вылечу в трубу.

Эпифания. И сколько же вы платите своим работницам?

Мужчина. Два с половиной пенса в час при двенадцатичасовом рабочем дне.

Эпифания. Рабство!

Женщина. Что вы, мэм! Какое же это рабство, когда хорошая работница выгоняет двенадцать-пятнадцать шиллингов в неделю?

Мужчина. А сколько платило правительство в начале войны, когда женщин призвали внести свой вклад в дело борьбы с врагом? Ровно столько же. Что ж, мне, по-вашему, платить больше, чем платит британское правительство?

Женщина. Уверяю вас, мэм, это очень приличный и к тому же надежный заработок.

Мужчина. Надежный, как пятипроцентные бумаги Английского банка. Что бы там ни говорили инспектора, предприятие у меня солидное.

Эпифания. А может женщина прожить на двенадцать шиллингов в неделю?

Мужчина. Кто ей мешает? Конечно может.

Женщина. Знаете, мэм, я девчонкой работала на спичечной фабрике. Там мне платили пять шиллингов в неделю, и то эти деньги были для моей матери прямо даром божьим. А одинокая девушка в те времена всегда могла устроиться в какую-нибудь семью за четыре шиллинга шесть пенсов, и обращались там с ней лучше, чем в отцовском доме.

Мужчина. Да я вам такую семью и сегодня найду, несмотря на все эти проклятые пособия по безработице и комиссии по зарплате. Из-за них все вверх ногами идет: девчонкам хочется бог знает чего, а средств на это все равно по-прежнему нет.

Эпифания. Ладно. Я согласна даже на такую плату, лишь бы доказать, что могу работать и содержать себя. Словом, давайте работу, и хватит разговоров.

Мужчина. А кто их начал? Вы или я?

Эпифания. Я. Благодарю за сведения, которые вы мне да-

ли: они поучительны и полезны. А теперь за работу, за работу! Мне не терпится начать.

Мужчина. А что вы умеете?

Женщина. Шить? Петли обметывать?

Эпифания. Конечно нет. Я это за работу не считаю.

Мужчина. Какой же вам еще надо работы?

Эпифания. Умственной.

Мужчина. Да она психическая!

Эпифания. Той работы, какую делаете вы. Руководящей работы. Организаторской работы. Работы, которая двигает дело. Рассказывайте, что вы здесь производите. Как сбываете продукцию.

Мужчина *(жене)*. Иди-ка лучше работай. Пусть она посмотрит. *(Эпифании, пока женщина вытаскивает из-под стола груду курток и покорно садится за шитье.)* А когда удовлетворите свое любопытство, может, возьмете пять шиллингов да уйдете с богом?

Эпифания. С какой стати? Разве мой приход не приятное событие в вашей трущобной жизни?

Мужчина. В жизни такой нахалки не видел! *(Садится за свои счетные книги.)*

Эпифания *(женщине, указывая на груду курток)*. Что вы с ними делаете, когда они готовы?

Женщина *(не переставая работать)*. Сдаем одному человеку, а он увозит их на грузовике.

Эпифания. Он за них и платит?

Женщина. Нет. Он дает квитанцию, а мистер Сьюперфлу платит по ней в конце недели.

Эпифания. А что делает с куртками мистер Сьюперфлу?

Женщина. Он отвозит их оптовику, который снабжает его материей. Тот же грузовик, что забирает готовые вещи, подбрасывает нам и материю.

Эпифания. А почему бы вам не вести дела непосредственно с оптовиками?

Женщина. Ах, из этого ничего не выйдет. Мы их не знаем, а мистер Сьюперфлу знает. Кроме того, держать грузовик нам не по карману.

Эпифания. Значит, это грузовик мистера Сьюперфлу?

Женщина. Нет. Зачем ему свой грузовик? Он нанимает его у Болтона и платит с часа.

Эпифания. Шофер всегда один и тот же?

Женщина. Всегда. Это старый Тим Гудинаф.

Эпифания *(мужчине)*. Запишите мне все эти фамилии — Сьюперфлу, Болтон, Гудинаф.

Мужчина. Еще чего! Я к вам в конторщики не нанимался.

Эпифания. Скоро наймете. А пока делайте, что говорят.

Мужчина. Ну и нахалка!.. *(Повинуется.)*

Эпифания. Когда Гудинаф приедет в следующий раз, велите ему, пусть скажет Болтону, что нашел человека, который согласен купить у него грузовик за четырнадцать фунтов. Добавьте, что если он уговорит Болтона уступить машину за эту цену, вы дадите ему фунт и наймете его на ту же работу с прибавкой в полкроны против его теперешнего жалованья. Он знает оптовиков. Мистер же Сьюперфлу — лишний. Мы сами будем отвозить свою продукцию, а заодно и продукцию всех потогонщиков.

Мужчина. Потогонщиков? Это кого же вы так называете?

Эпифания. Человек, познай сам себя. Вы потеете сами, выжимаете пот из жены и работниц. Вы живете за счет пота.

Мужчина. Так не годится. Зачем же грубить? Я плачу правильно, столько, сколько все. Я даю людям работу. Они без нее пропадут.

Эпифания. Вы, кажется, чувствительны к таким вещам? Я — нет. Я намерена покончить с мистером Сьюперфлу. Теперь выжимать пот из Тимоти Гудинафа будет уже не мистер Сьюперфлу, а я.

Мужчина. Погодите. Мастерская-то чья — моя или ваша?

Эпифания. Потом разберемся. Ну как, купите грузовик?

Мужчина. Откуда возьмутся деньги?

Эпифания. Откуда берутся деньги? Из банка.

Мужчина. Но их сперва надо туда положить, верно?

Эпифания. Вовсе нет. Кладут их другие, а банк ссужает их вам, если находит, что вы сумеете расширить свое предприятие.

Женщина *(в ужасе)*. Джо, не клади деньги в банк. От банков таким, как мы, хорошего ждать нечего. Не поддавайся ей, Джо.

Эпифания. Когда у вас в последний раз был день отдыха?

Женщина. День отдыха? У меня? Мы не можем позволить себе отдыхать. В последний раз у меня был день отдыха восемнадцать лет назад, когда объявили перемирие.

Эпифания. Значит, чтобы дать вам день отдыха, нужны мировая война и смерть двадцати миллионов ваших собратий. Я могу все устроить гораздо проще!

Женщина. Мы таких разговоров не понимаем. Да и некогда нам ими заниматься. Будьте ласковы, возьмите от нас подарочек и уходите.

Звонок.

Мужчина. Тим приехал — за куртками.

Эпифания *(властно)*. Сидите. Я сама с ним поговорю. *(Уходит.)*

Мужчина, поколебавшись, беспомощно садится.

Женщина *(с плачем)*. Ох, Джо, не слушай ее, не давай ей соваться в наши дела. Эта женщина за неделю спустит все наши маленькие сбережения, и нам до конца дней придется потеть, чтобы собрать их снова. А я уже не могу работать так, как раньше,— мы с тобой немолоды.

Мужчина *(угрюмо)*. Что ты за жена? Вечно ты меня лишаешь мужества. Кругом полно людей, которые шикарят и разбрасывают деньги, полученные от банка. Они целыми днями только и делают, что бегают в банк и обратно, да знай себе покуривают сигары и тянут шампанское. Пятифунтовая бумажка для них все равно что для меня пенни. Почему бы мне не попробовать сыграть в ту же игру, вместо того чтобы потеть здесь за гроши?

Женщина. Потому что ты не умеешь в нее играть, Джо. Мы идем своей дорогой и, пока не сойдем с нее, не погибнем, несмотря на всю нашу бедность. Кто с нами станет разговаривать? Кто нас знает? Кто протянет нам руку помощи в трудную минуту, если мы начнем делать то, чего никто не делает? Очень ты будешь доволен, если выйдешь на Комершел-роуд и увидишь, что все твои знакомые лавочники смотрят на тебя волком и не дают в долг даже на неделю? Джо, все эти годы я без единой жалобы шла с тобой нашей привычной дорогой. И я готова еще долго идти по ней, чтобы спокойно пожить под старость, когда я уже не смогу шить, а ты подсчитывать каждый пенс. Но если ты рискнешь всем, вложишь наши деньги в банк и свернешь со знакомой дороги, мне не выдержать. Это убьет меня. Иди, останови ее, Джо. Не давай ей спорить, а просто выставь ее. Будь мужчиной, милый. Не бойся ее. Не разбивай мне сердце, не губи себя. Ох, да не сиди ты так, сложа руки! Ты даже не представляешь себе, что она может наделать! Ох! Ох! Ох! *(Голос ее прерывается от рыданий.)*

Мужчина *(поднимается, но не очень решительно)*. Хватит, хватит! Не шуми! Я не дам ей соваться в наши дела. Я ее выставлю, вот увидишь. *(Направляется к лестнице*

и сталкивается с Эпифанией, которая спускается вниз.) Вот что, хозяйка: давайте договоримся...

Эпифания. Договариваться не о чем. Тим уверен, что Болтон отдаст грузовик за десять фунтов. Теперь Тим — мой преданный раб. Уймите-ка лучше эту жалкую женщину — хватит ей хныкать. А я покамест ухожу — здесь для меня слишком мало работы: на нее хватит полдня в неделю. Чтобы заполнить время, я наймусь судомойкой в какую-нибудь гостиницу. Но сначала я пройду по адресам, которые дал мне Тим, и договорюсь, что мы будем отправлять нашу продукцию непосредственно к ним, а заодно собирать ее у других, как делал Сьюперфлу. Когда я все улажу с оптовиками, я вернусь и устрою ваши дела. А пока продолжайте в том же духе. До свидания! *(Уходит.)*

Мужчина *(остолбенело)*. Мне все кажется, что это вроде как сон. Но что я могу поделать?

Женщина *(которая перестала плакать, как только Эпифания упомянула о ней)*. Делай, что она велит, Джо. Мы — как дети... *(Опять тихо плачет.)* Больше говорить нечего.

Кофейня гостиницы «Свинья и дудка», превратившаяся теперь в холл фешенебельного загородного отеля «Под кардинальской шапкой». Длинные столы исчезли: их заменили чайные столики с дорогими креслами вокруг них. Старого полубуфета, чучела рыбы и вывесок-щитов больше нет. Теперь в комнате стоит элегантное двухместное бюро, разделенное на две половины перегородкой и освещенное электрическими лампами под изящными абажурами. Рядом стол, на нем груда всевозможных газет и журналов. В дальнем конце комнаты, со стороны двери, стоит диван с красивыми подушками, рассчитанный на трех человек. У противоположной стены — три кресла, которые вместе с диваном полукольцом окружают камин. Старая вешалка отправилась на ту же свалку, что и полубуфет. Стены заново оклеены обоями приятной цветовой гаммы. Паркетный пол щедро покрыт восточными коврами. Налицо все атрибуты новенького с иголочки холла в первоклассном отеле.

Элестер в костюме гребца с довольным видом развалился на диване и читает иллюстрированный журнал. Патриция в своем лучшем летнем платье, спокойная и радостная, вяжет, сидя в среднем из трех кресел, напротив дивана.

Вторая половина погожего летнего дня. Общая атмосфера — райское блаженство воскресенья, проводимого за городом.

Элестер. Знаешь, Полли, тут просто красота!

Патриция. Да, милый, здесь очень хорошо.

Элестер. Провести конец недели на реке — что может быть лучше? Утром погребешь, чтобы размяться и нагулять аппетит, потом хорошенько позавтракал — и лоботрясничай сколько влезет. Чего еще в жизни надо?

Патриция. Ты так великолепно гребешь, Элли! Люблю, когда ты сидишь на веслах. И когда шестом орудуешь — тоже. Ты такой красивый, когда стоишь в лодке.

Элестер. Самое лучшее на реке — это ее покой, благословенный покой. Ты тоже очень спокойная: я никогда не боюсь, что ты ни с того ни с сего поднимешь скандал.

И река такая тихая. Не знаю, что меня больше успокаивает – ты или река. А дома мне кажется, что я три раза на дню перебираюсь через Ниагару.

Патриция. Не думай об этом, дорогой. Твой дом не там, а здесь.

Элестер. Ты права, родная: дом и должен быть таким, хотя здесь всего-навсего отель.

Патриция. Да разве на свете есть что-нибудь лучше, чем хороший отель? Здесь отдыхаешь от всех домашних забот: никаких осложнений с прислугой, никаких налогов и платежей. Мне нигде не бывает так спокойно, как в гостинице. Впрочем, для мужчин это, наверно, не так.

Входит управляющий отелем – молодой элегантно одетый человек. Он держит в руках книгу регистрации посетителей, которую раскрывает и кладет на газетный столик, после чего подобострастно приближается к гостям.

Управляющий *(остановившись посередине между Элестером и Патрицией)*. Добрый день, сэр. Надеюсь, вам у нас нравится?

Элестер. Благодарю вас, да. Но что вы сделали с бывшей гостиницей? Год тому назад, когда я был здесь, тут стоял обыкновенный трактир под вывеской «Свинья и дудка».

Управляющий. Так и было до самого последнего времени, сэр. Мой отец держал «Свинью и дудку», как это делали его предки чуть ли не со времен Вильгельма Завоевателя. Однажды в «Свинье и дудке» на целый час остановился кардинал Вулзи – его мул потерял подкову и животное пришлось отвести к кузнецу. Уверяю вас, предки мои были очень высокого мнения о себе. Но, как люди необразованные, они погубили гостиницу, всячески стараясь улучшить ее и выбрасывая поэтому старинную утварь. В последнее ваше посещение гостиница была уже при последнем издыхании. Мне было стыдно за нее.

Элестер. Ну, сейчас-то она у вас первоклассная.

Управляющий. О, это не моя заслуга, сэр: я не хозяин, а только управляющий. Вы не поверили бы мне, расскажи я вам, как все получилось. На мой взгляд, это куда романтичнее, чем старая басня о кардинале Вулзи. Но не стану мешать вам болтовней. Не угодно ли вам еще чего-нибудь для полного вашего удобства?

Патриция. Мне хотелось бы узнать, что же произошло с ва-

шей старой «Свиньей», если вы, конечно, располагаете временем.

Управляющий. Всегда к вашим услугам, сударыня.

Элестер. Валяйте, старина.

Управляющий. Так вот, в один прекрасный день к нам явилась наниматься в судомойки какая-то женщина. У моего бедного старика отца не хватило духу выставить ее, и он согласился взять ее на пробу на день-другой. Она приступила к работе. Вымыла две тарелки, разбила полдюжины. Моя старушка мама была просто вне себя — она страшно дорожила своими тарелками. Она, бедняжка, и не подозревала, что посуда у нее дешевая, уродливая и старомодная. Она сказала, что раз судомойка разбила тарелки, то ей за них и платить: пусть остается на месяц, а там их стоимость вычтут у нее из жалованья. Судомойка тут же отправилась в Рединг и привезла груду посуды; мать, как увидела, разразилась слезами: говорит, что мы навеки опозорим себя, если станем подавать гостям еду в такой старомодной посуде. Но на другой же день одна американка, приехавшая сюда на лодке с целой компанией, купила эту посуду прямо со стола за тройную цену. После этого матушка не решалась даже пикнуть. Судомойка взяла дело в свои руки, да так, как нам бы никогда не суметь. Это было жестоко по отношению к нам, но она всегда была права — этого у нее не отнимешь.

Патриция. Жестоко? Достать для вас хорошую посуду — разве это жестоко?

Управляющий. Дело, конечно, не в посуде. Это пустяк, легкий и милый эпизод. Старая посуда только и заслуживала, чтобы ее перебили и выбросили в мусорный ящик. Главное не в этих толстенных тарелках, отбивавших у гостей аппетит, а в том, что «Свинья и дудка» была единственным пристанищем для стариков, которые уже сделали в жизни свое дело и не умели приспособиться к новым веяниям. Без гостиницы им оставалось одно — день-два побродить по улицам, а затем отправиться в работный дом. У нас был бар, который мои родители обслуживали сами; мать всегда работала в нем, прифрантившись, как ей казалось: бедняжка даже не подозревала, что мир повзрослел со дня ее свадьбы. Судомойка раскрыла моим родителям глаза на самих себя. Это их совершенно убило, потому что она была права, этого нельзя отрицать. Старику пришлось сдаться: он жил только на закладную

с земли и совсем было зашел в тупик с уплатой процентов. А тут судомойка полностью расплатилась по закладной, и мы окончательно попали к ней в руки. «Вам пора продать землю и отправиться на покой. Ничего путного вы здесь не сделаете»,— объявила она старикам.

Патриция. Ужасно! Как она могла вот так взять и выбросить их?

Управляющий. Да, нам пришлось тяжело, но все было правильно. Продолжай мы хозяйничать сами, наше имущество все равно бы рано или поздно описали. Дело есть дело: сантименты здесь ни при чем. Кроме того, подумайте, сколько она сделала нам добра. Мать с отцом никогда бы не выручили за свою землю столько, сколько дала она. А возьмите, к примеру, меня. Я стыдился своей гостиницы, но из любви к родителям все-таки держался за «Свинью и дудку», хоть и понимал, что дело безнадежно. Теперь же наш отель делает честь всей округе и дает работу бóльшему числу людей, чем старая «Свинья» в лучшие ее дни. А я — управляющий отелем с таким жалованьем и процентами, о которых и мечтать не смел.

Элестер. Значит, вас она не выставила, старина?

Управляющий. Нет, сэр. Видите ли, я был достаточно умен, чтобы понять ее правоту, хоть сам и не сумел бы ничего переменить. Я с самого начала поддержал ее. Я до такой степени верю в эту женщину, что, прикажи она мне сегодня поджечь отель, я без малейшего колебания сделаю это. До чего бы она ни дотронулась, все превращается в золото. Раньше стоило моему отцу перерасходовать пять фунтов, как банк посылал ему предупреждение; теперь директор его сам толкает ее на перерасход — он чувствует себя несчастным, если у нее на счету остается хоть пенни. Поразительная женщина, сэр! Еще вчера была судомойкой, а сегодня уже владелица первоклассного отеля.

Патриция. А ваши старики довольны? Они счастливы?

Управляющий. Пожалуй, нет: для их возраста поворот оказался слишком крутым. Отца хватил удар, и, боюсь, он долго не протянет. Мать тоже стала немного не в себе. И все же так для них лучше. У них есть все удобства, которые им нужны.

Элестер. Очень трогательно! Все это волнует меня гораздо больше, чем вы предполагаете, старина: я ведь тоже знаком с одной женщиной такого сорта. Кстати, я послал

своему другу телеграмму с приглашением провести с нами конец недели. Это некий мистер Сэгемор. Надеюсь, у вас найдется для него номер?

Управляющий. Все будет в порядке, сэр. Благодарю вас.

Патриция. Много у вас сейчас гостей?

Управляющий. Меньше, чем обычно, сударыня. Здесь живет один египетский врач — он столуется у нас. Очень ученый человек, насколько могу судить. И очень тихий: ни с кем не разговаривает. Затем есть еще один джентльмен. Он инвалид и только что вышел из больницы. Египетский врач рекомендовал ему нашего повара, и он тоже столуется у нас. И это пока все, сударыня, если, конечно, не появятся новые постояльцы.

Элестер. Ну что ж, придется с ними примириться.

Управляющий. Кстати, сэр, прошу извинить за беспокойство, но утром, приехав сюда, вы не зарегистрировались в книге посетителей. Я захватил ее с собой. Не будете ли настолько любезны?.. *(Берет книгу со столика и подает ее Элестеру вместе с вечным пером.)*

Элестер *(пристраивая книгу на коленях)*. Простите, совсем забыл. *(Расписывается.)* Вот, пожалуйста. *(Снова вытягивает ноги.)*

Управляющий. Благодарю вас, сэр. *(Просматривает запись, собираясь закрыть книгу. Прочитав фамилию гостя, широко раскрывает глаза.)* О! Это большая честь для нас, сэр.

Элестер. Я что-нибудь не так написал?

Управляющий. Нет, нет, сэр, все в порядке. Мистер и миссис Фицфесенден. Какая необычная фамилия! Я, кажется, имею честь беседовать со знаменитым...

Элестер *(перебивая)*. Да, да. Я чемпион по теннису, боксу и так далее. Но я приехал сюда отдыхать и не желаю слышать обо всем этом.

Управляющий *(закрывая книгу)*. Вполне понимаю вас, сэр. Я никогда бы не заговорил на эту тему, если бы не одно обстоятельство: владелица нашего отеля, та женщина, о которой я рассказывал, тоже миссис Фицфесенден.

Элестер *(с воплем вскакивает)*. Что? Скорее прочь отсюда! Складывай вещи, Полли! Немедленно пришлите счет.

Управляющий. Как вам угодно, сэр. Позвольте лишь заметить, что в данный момент моя хозяйка отсутствует и в это воскресенье я ее не жду.

Патриция. Не кипятись, милый. За свои деньги мы имеем

такое же право жить в ее отеле, как и любой другой гость.

Элестер. Хорошо, пусть будет по-твоему. Но мой отдых испорчен.

Управляющий. Не волнуйтесь, сэр, она не приедет. Она уже перестала наносить нам неожиданные визиты, так как убедилась, что на меня можно положиться. *(Выходит, но тут же возвращается и объявляет.)* Сюда идет ваш друг мистер Сэгемор с джентльменом-инвалидом.

Распахивает дверь перед Сэгемором и Эдриеном, берет регистрационную книгу и уходит. Первым входит Эдриен, опирающийся на две трости,— он сильно хромает, на голове у него повязка. При виде Фицфесендена и Патриции он неприятно поражен.

Эдриен. Элестер! Мисс Смит! Что это значит, Сэгемор? Вы даже не заикнулись о том, к кому вы меня ведете, а просто сказали: «К двум друзьям». Честное слово, Элестер, я не знал, что вы здесь. Сэгемор уверил меня, что его ждут друзья, которые будут рады и мне.

Патриция. Мы действительно рады вас видеть, мистер Блендербленд. Не хотите ли присесть?

Элестер. Что с вами, старина? Бога ради, что вы с собой сделали?

Эдриен *(вспыхивая)*. Каждый лезет ко мне с этим вопросом! Ничего я с собой не сделал. Вы, вероятно, говорите вот об этом и об этом? *(Указывает на свои увечья.)* Так все это сделала со мной ваша жена. Вот почему Сэгемору не следовало звать меня сюда.

Элестер. Поверьте, старина, мне чертовски вас жаль!

Патриция *(встав, заботливо)*. Сядьте же, мистер Блендербленд. Устраивайтесь на диване. *(Подкладывая подушки.)* Боже мой! Боже мой!

Элестер. Знаете, Эппи уж так устроена.

Эдриен. Теперь знаю. Но мне не следует быть здесь. Сэгемор зря позвал меня с собой.

Патриция. Почему? Поверьте, мы счастливы видеть вас, а до миссис Фицфесенден нам нет дела.

Эдриен. Зато мне есть. Вы очень любезны, но я не могу считаться вашим другом и в то же время вчинять вашей жене иск об оскорблении действием.

Элестер. Можете, старина. Ситуация для нас не новая: жертвы всегда обращаются к нам за сочувствием. Устраивайтесь поудобнее.

Эдриен *(осторожно опускаясь на диван и устраивая на нем свои покалеченные ноги)*. Это очень мило с вашей стороны – я действительно не в силах больше стоять. Но я все-таки не понимаю, зачем Сэгемор сыграл со мной такую шутку. И с вами, конечно, тоже.

Патриция садится на свое место и снова принимается вязать.

Сэгемор *(усаживаясь в кресло слева от Патриции)*. По правде говоря, дело в том, что Блендерблend не желает внять здравому смыслу, и я надеюсь, что вы поможете урезонить его.

Эдриен *(упрямо)*. Бесполезно, Сэгемор. Две с половиной тысячи плюс судебные издержки – и ни пенсом меньше.

Сэгемор. Это слишком много. До смешного много. Суд мог бы еще присудить вам пятьсот, если бы вы полностью потеряли трудоспособность или если бы обвиняемая совершила какой-нибудь чисто женский проступок, например облила вас кислотой. Но вы же не зарабатываете себе на жизнь своим трудом, поскольку являетесь всего лишь пассивным компаньоном в фирме, основанной вашим отцом. Наконец, подумайте, черт побери, – мужчина обвиняет женщину в оскорблении действием!

Элестер. Почему вы не двинули ей в солнечное сплетение?

Эдриен. Ударить женщину? Немыслимо!

Элестер. Вздор! Женщина, которая затевает драку, должна получить по заслугам.

Патриция. Посмотрите, как она разукрасила вас, мистер Блендерблend. Вы не должны были терпеть – это только ее подзадорило.

Элестер. А вот на мне вы не найдете шрамов. В первый же раз, когда она попробовала свои штучки со мной, я сам так разукрасил ее, что второго раза уже не было.

Эдриен. К сожалению, у меня нет ни ваших мускулов, ни ваших познаний в боксе. Но я начну учиться ему, как только поправлюсь. А заплатит за уроки она. Две тысячи пятьсот. И за расходы на лечение тоже заплатит. И за судебные издержки.

Сэгемор. Не забудьте доставку вас в местную больницу.

Эдриен. Нет, туда меня отвезли на ее собственной машине. Кстати, вы напомнили мне, что я дал на чай шоферу. Не поймите меня превратно. Дело не в деньгах. Я просто не желаю быть побитым женщиной. Это вопрос чести, вопрос самоуважения.

Сэгемор. Понимаю. Но почему вы остановились именно на этой сумме? Почему ваша честь и самоуважение стоят две с половиной тысячи, а не два с половиной миллиона?

Эдриен. Мой брат, попав под электрокар на платформе Педдингтонского вокзала, получил с железнодорожной компании две с половиной тысячи фунтов. Меньшим Эпифания от меня не отделается. Это было грубое, зверское, ничем не спровоцированное нападение.

Сэгемор. Так-таки ничем не спровоцированное? Вряд ли вам удастся заставить суд проглотить такую пресную выдумку.

Эдриен. Я снова повторяю, что нападение было решительно ничем не спровоцировано. Правда, в результате полученного мною сотрясения мозга я начисто забыл все обстоятельства, непосредственно предшествующие нападению. Последнее, что сохранилось у меня в памяти, был совершенно безобидный разговор о деньгах ее отца.

Сэгемор. Тем хуже для вас: она может обвинить вас в чем угодно. И запомните: в британском суде присяжных возмещения убытков добивается только тот, кого суд считает высоконравственным человеком.

Эдриен. Вы хотите сказать, что я безнравственный человек?

Сэгемор. Я — нет, но адвокат миссис Фицфесенден обязательно это скажет, если вы подадите на нее в суд.

Эдриен. Глупости! Неужели на основании моей вывихнутой ступни, разбитого колена и дыры в черепе, по величине равной страусовому яйцу, присяжные поверят в то, что мы с Эпифанией были любовниками?

Сэгемор. Ваши увечья — лучшее свидетельство против вас. Любовные ссоры бывают только у любовников. А допустите, что она заявит, будто защищалась от преступного посягательства!..

Эдриен. Она не посмеет так нагло лгать под присягой!

Сэгемор. А вы почем знаете, что это ложь? Вам же в конце концов неизвестно, что произошло, коль скоро у вас было сотрясение мозга.

Эдриен. Да, но уже после нападения.

Сэгемор. Верно, но из-за этого вы не помните, что произошло до него. Откуда вы знаете, что вы делали в эти минуты?

Эдриен. Послушайте, да вы чей поверенный — ее или мой?

Сэгемор. Судьбе, по-видимому, было угодно сделать меня поверенным всех, кто связан с нею. Если мне придется выбирать между нею и вами, я вынужден буду отказать-

ся от вас. Не могу же я потерять клиентку с такими доходами и таким характером, как у миссис Фицфесенден! Ее вспышки — верные две-три тысячи в год для любого поверенного.

Эдриен. Прекрасно, Сэгемор, я вам этого не забуду. Вы же отлично понимаете ситуацию и знаете, что право и справедливость на моей стороне.

С озабоченным видом входит управляющий.

Управляющий *(Элестеру)*. Чрезвычайно сожалею, сэр, но миссис Фицфесенден внизу с египетским врачом. Поверьте, я не ждал ее.

Эпифания *(врываясь в комнату и яростно накидываясь на управляющего)*. Вы позволили моему мужу привести в мой отель постороннюю женщину и зарегистрировать ее под моей фамилией. Вы уволены. *(Она находится за диваном и поэтому не замечает Эдриена.)*

Сэгемор встает.

Управляющий. Простите, сударыня, но я не знал, что этот человек ваш муж. Тем не менее вы, как всегда, правы. Вам угодно, чтобы я ушел сегодня же или подождал, пока вы подыщете мне замену?

Эпифания. Мне угодно, чтобы вы не уходили: я нанимаю вас снова. Немедленно вышвырните их обоих отсюда.

Элестер. Ха-ха-ха!

Сэгемор. Ваш управляющий не в силах вышвырнуть Элестера. Если до этого дойдет, Элестер сам вышвырнет нас всех. Что же касается мисс Смит, то, поскольку ваш отель официально зарегистрирован, она имеет такое же право находиться здесь, как вы или я.

Эпифания. Если понадобится, я сожгу эту гостиницу. *(Замечает Эдриена.)* Ого! Это еще что? Эдриен тоже здесь? Что у вас с головой, Эдриен? Почему при вас эти палки? *(Управляющему.)* Немедленно пришлите сюда врача. *(Эдриену.)* Вы расшиблись?

Управляющий убегает, радуясь тому, что дешево отделался.

Эдриен. Я расшибся? Я?

Эпифания. Попали под машину?

Эдриен. Эта женщина чуть не убила меня, а теперь спрашивает, не расшибся ли я! Я пересчитал на лестнице все ступеньки, вывихнул себе ступню, разбил колено, сломал голень, повредил спину. В местной больнице, куда меня

отвез ваш шофер, мне пришлось сделать взнос. Оттуда меня направили в частную клинику. Двенадцать гиней в неделю! Я обращался к трем хирургам с Харли-стрит, и ни один из них не смог поставить мне коленную чашечку на место. Тогда мне пришлось вызвать костоправа, и он содрал с меня пятьдесят гиней.

Эпифания. Почему же вы не спустились с лестницы, как все люди? Были пьяны?

Эдриен *(задыхаясь)*. Я...

Сэгемор *(спеша вмешаться)*. Он утверждает, миссис Фицфесенден, что эти увечья были нанесены ему вами во время вашей последней встречи.

Эпифания. Мною? Разве я призовой борец? Или грузчик?

Эдриен. И то и другое.

Сэгемор. Вы отрицаете, что напали на него?

Эпифания. Разумеется отрицаю. Никогда не слышала более чудовищной лжи. Дело было так. Он грубо и без всякого повода оскорбил моего отца в тот момент, когда я имела все основания ожидать от него всяческих проявлений нежности. Кровь бросилась мне в голову. Я помню только, как я лежала, упав грудью на стол и почти что умирая. Врач, подоспевший в эту минуту, может подтвердить, в каком я была состоянии.

Эдриен. Меня не интересует, в каком состоянии были вы. А известно вам, в каком состоянии подобрал меня ваш шофер?

Сэгемор. Словом, ни один из вас не знает, чем кончилось дело.

Эдриен. У меня есть медицинское свидетельство.

Эпифания. У меня тоже.

Эдриен. Посмотрим. Вам не уговорить меня прекратить дело.

Эпифания. Что вы подразумеваете под словом «дело»?

Сэгемор. Он подает на вас в суд.

Эпифания. В суд? Прекрасно! Вам известно мое неизменное правило, Сэгемор. Оберите его до последней нитки, чего бы это ни стоило. Если понадобится, дойдите до палаты лордов. Увидим, чей кошелек выдержит дольше. Я не дам себя шантажировать.

Эдриен. Вы думаете, отцовские деньги ставят вас выше закона?

Эпифания *(вспыхивая)*. Опять! *(Замахивается, но Элестер хватает ее сзади, отбрасывает в сторону Сэгемора и,*

предостерегающе помахивая кулаками, занимает позицию между нею и диваном.)

Элестер. Легче, легче! Без фокусов! Токо, девочка, токо!

Сэгемор. Токо? Что такое «токо»?

Элестер. Она знает. Токо – безотказное лекарство от нервов. Удар в солнечное сплетение и денек в постельке – вот что такое токо.

Эпифания. Вы, мистер Сэгемор, свидетель того, как мой муж угрожает мне грубым насилием. Он сильнее меня, он может избить, замучить, умертвить меня. Это последний довод низшей натуры в ее борьбе против высшей. Я невиновна, но беспомощна. Делай что хочешь. *(С достоинством опускается в кресло Сэгемора.)*

Элестер. Теперь вы в безопасности, леди и джентльмены. *(Берет свой иллюстрированный журнал, отходит к самому отдаленному столику, усаживается и спокойно погружается в чтение.)*

Эдриен *(Эпифании)*. Теперь вы поймете, что перечувствовал я. Так вам и надо.

Эпифания. Продолжайте. Оскорбляйте меня. Запугивайте. Шантажируйте. Сейчас вы все это можете проделывать безнаказанно.

Сэгемор *(становясь за ее креслом)*. Не воспринимайте вещи в таком мрачном свете, миссис Фицфесенден. Никто вас не шантажирует и не оскорбляет. Я только хочу, прежде чем мы перейдем к вашим супружеским делам, уладить вопрос об увечьях, причиненных мистеру Блендерблендy.

Эпифания. Я не желаю слышать ни о нем, ни о его смехотворных увечьях.

Сэгемор. Будьте чуточку благоразумней, миссис Фицфесенден. Можно ли обсуждать вопрос о возмещении, причитающемся мистеру Блендерблендy, не упоминая о его увечьях?

Эпифания. Мистеру Блендерблендy не причитается никакого возмещения. Все, что он получил, им заслужено.

Сэгемор. Но он вчиняет вам иск.

Эпифания. Вчините ему встречный, раньше чем он успеет подать в суд.

Сэгемор. Встречный иск за что?

Эпифания. За что угодно, только не надоедайте мне. Потребуйте двадцать тысяч фунтов убытков. Повторяю: я не дам себя шантажировать.

Эдриен. Я тоже. Мне причитается возмещение, и я его получу.

Сэгемор *(становясь между ними)*. Тише! Тише, пожалуйста! Я никому из вас не советую обращаться в суд. Но серьезно, миссис Фицфесенден, мистер Блендерблend имеет право на известное возмещение. Вы можете себе это позволить.

Эпифания. Мистер Сэгемор, даже будучи очень богатой, я не могу ничего себе позволять. Я должна бороться за каждый пенс, который у меня есть. Каждый нищий, шантажист, жулик, каждое благотворительное общество, рекомендательное письмо, политическая организация, лига и братство, каждая церковь, часовня и учреждение с утра до вечера заняты одним — как бы высосать из меня последнюю каплю крови. Если я дрогну хотя бы на минуту и выпущу из рук хотя бы пенни, не пройдет и месяца, как я буду разорена. Я вношу гинею в год в Лигу защиты интересов налогоплательщиков, и это все, да, все. Моя неизменная инструкция вам — опротестовывать любой иск и пресекать любую попытку взыскать с меня возмещение путем встречного иска на сумму в десять раз большую. Вот единственное для меня средство начертать в небесах: «Руки прочь от моих денег!»

Сэгемор. Как видите, мистер Блендерблend, спорить бесполезно. Вы должны отказаться от мысли об иске.

Эдриен. Не откажусь.

Сэгемор. Откажетесь. Должны отказаться. Миссис Фицфесенден, он ничем не может вам повредить. Разрешите мне обратиться к вам и воззвать...

Эпифания *(нетерпеливо)*. Ах, не тратьте вы время попусту. У меня есть дела поважнее. Дайте ему десять фунтов, и покончим с этим.

Эдриен. Десять фунтов!

Сэгемор *(протестующе)*. Но, миссис Фицфесенден...

Эпифания. Да, десять фунтов. Ни один человек не откажется от десятифунтовой бумажки, если похрустеть ею у него перед носом.

Сэгемор. Но он требует две с половиной тысячи.

Эпифания *(ошеломленная, привстает)*. Две с пол... *(У нее захватывает дух.)*

Эдриен. И ни пенсом меньше.

Эпифания *(минуя Сэгемора, направляется к дивану)*. Эдриен, мальчик мой, я недооценила вас. Ваша наглость, пронырливость и упрямство внушают мне уважение. Я спустила с лестницы недопеченного джентльмена,

а мой шофер подобрал под ней великолепный в своем совершенстве экземпляр вонючки.

Эдриен *(в бешенстве)*. Теперь пять тысяч. Слышите, Сэгемор?

Сэгемор. Прошу вас, прошу вас!.. Сдерживайтесь!

Эдриен. Сами сдерживайтесь. Разве она искалечила вас на всю жизнь? Украсила вам голову шишкой? Обозвала вас вонючкой?

Сэгемор. Еще нет, но может в любую минуту.

Эпифания *(с возгласом восхищения обнимая его)*. Ха-ха-ха! Ну и Сэгемор! Сокровище мое! Не дать ли ему две с половиной тысячи с условием, что он за полгода должен превратить их в миллион?

Эдриен. Я сделаю с ними что захочу. Я получу их без всяких условий.

Сэгемор *(деликатно высвобождаясь из объятий Эпифании)*. Мистер Блендербленд, большая ошибка – обращаться в суд в качестве человека, которого обозвали вонючкой: присяжные с самого начала будут рассматривать вас именно в этом свете. Не менее трудно завоевать их сочувствие истцу, которого побила женщина. Если бы миссис Фицфесенден ударила вас ножом, выстрелила в вас или дала вам яд, все было бы в порядке вещей – ваша честь не пострадала бы. Но миссис Фицфесенден знает, что делает. Ей в точности известны привилегии слабого пола, и она никогда ни на йоту не перейдет границ дозволенного. Она предстанет перед судом в великолепном туалете и в самом авантажном виде. Женщина умеет быть и женственной и обаятельной, когда ей нужно выглядеть настоящей леди. Задолго до того, как нам удастся внести ваш иск в список дел, назначенных к рассмотрению, шишка у вас на голове спадет, сломанная кость срастется, на щеках заиграет румянец. Если вам не удастся спровоцировать миссис Фицфесенден еще раз напасть на вас накануне суда – а для этого она слишком умна, – то шансов выиграть у вас один из миллиона.

Элестер *(вставая и подходя к ним с другого конца комнаты)*. Именно так, Блендербленд. Шансов у вас никаких. В следующий раз, когда она замахнется на вас, увертывайтесь и парируйте. Если не сумеете получить удовлетворение таким путем, не получите никаким. *(Садится по правую руку Патриции.)*

Патриция. Да, мистер Блендербленд, Элестер прав. Попро-

сите ее по-хорошему – может быть, она и оплатит ваши расходы.

Эдриен *(садится, схватившись за голову. Он потрясен и чуть не плачет)*. Существует ли справедливость для мужчины, когда его противник женщина?

Сэгемор *(садясь рядом с ним, чтобы подбодрить его)*. Поверьте мне – нет. В особенности когда она миллионерша.

Эпифания. А где искать справедливости миллионерше?

Сэгемор. В суде...

Эпифания. Я говорю не о суде: там ни для кого нет справедливости. Я имею в виду справедливость небесную.

Элестер. О боже! Ну, теперь мы пропали! *(Демонстративно обнимает Патрицию за талию.)*

Эпифания. Элестер, как тебе не стыдно насмехаться надо мной? Неужели только потому, что я миллионерша, я не могу удержать ни мужа, ни поклонника – ничего, кроме моих денег? Вот ты сидишь и у меня на глазах прижимаешься к этому жалкому ничтожеству, которому не на что даже купить чулок. И вы оба счастливы. *(Поворачивается к Эдриену.)* Вот сидит костюм на двух палках. Что в нем осталось?

Эдриен *(сломленный)*. Оставьте меня в покое, слышите!

Эпифания. Что в нем осталось от того, кому нравилось когда-то ссужать мне пятерки, которых он не требовал обратно? Почему не требовал? Из внимательности ко мне? Из любви? Нет, из бахвальства. Ну, как же! Бедняк одалживает деньги миллионерше! В своем божественном гневе я сломала его, как ребенок ломает надоевшую игрушку. И, разломав его до истинной сущности, я увидела, что была для него не женщиной, а банковским счетом с хорошим поваром.

Патриция. Все это очень тонко замечено, дорогая, но ведь с вами вправду никто не в силах ужиться.

Эпифания. Зато любой, по-видимому, в силах ужиться с вами, а вы с любым.

Элестер. Полли говорит истинную правду. С тобой никто не в силах ужиться.

Эпифания. Но почему? Почему?

Сэгемор. Будьте благоразумны, миссис Фицфесенден. Можно ли ужиться с ураганом, с землетрясением, с лавиной?

Эпифания. Да, можно. Тысячи людей живут на склонах вулканов, на пути лавин, на суше, которую землетрясение только вчера подняло из воды. А с миллионершей, которая способна возвыситься до назначенного ей удела

и распорядиться той властью, какую дают ей деньги, жить нельзя. Что ж, пусть так. Я останусь в своем одиноком доме, останусь сама собой и буду копить миллионы, пока не найду человека, достойного быть для меня тем же, чем Элестер для Бесчулочек.

Патриция. Надеюсь, вам не придется ждать долго.

Эпифания. Я никогда не жду. Я иду вперед, а когда натыкаюсь на то, что мне нужно, хватаю это. Так я захватила Элестера. Я нахожу, что он мне не подходит: он бьет меня...

Элестер. Только в порядке самозащиты. Я никогда не поднимал на тебя руку иначе как для самозащиты.

Эпифания. Да, ты похож на великие державы: ты всегда дерешься только в целях самозащиты. Но ты на четырнадцать килограммов тяжелее меня, и в ближнем бою мне против тебя не выстоять. Ты мне не подходишь. Я бросаю тебя. Можешь уходить к этой хищнице Бесчулочек и лупить ее сколько влезет. Мистер Сэгемор, устройте нам развод. Повод – жестокое обращение и супружеская измена.

Патриция. Но мне это не нравится – это нечестно по отношению к Элестеру. Почему вы разводитесь с ним, а не он с вами?

Эпифания. Мистер Сэгемор, вчините Патриции Смит иск за похищение сердца моего мужа. Требуйте возмещения в двадцать тысяч фунтов.

Патриция. Да разве такое возможно, мистер Сэгемор?

Сэгемор. Боюсь, что да, мисс Смит. Вполне возможно.

Патриция. Ну что ж. Мой милый старый папа говаривал, что единственный способ выиграть в суде тяжбу с человеком, у которого очень много денег, это вовсе их не иметь. Вам не получить с меня двадцати тысяч фунтов. Называйте это тщеславием, если угодно, но мне даже хочется, чтобы весь мир узнал, что я сумела отнять самого лучшего и милого мужчину в Англии у самой богатой женщины этой страны.

Эпифания. Будь он проклят, ваш отец!

Элестер *(с громким хохотом)*. Ха-ха-ха! Один-ноль в нашу пользу, Эппи! *(Целует Патрицию.)*

Сэгемор *(с улыбкой)*. Боюсь, миссис Фицфесенден, что последним смеялся старый мистер Смит: где ничего нет, там ничего и не возьмешь.

Эпифания. Нет, я больше так не могу. Я не дам низвести себя в болото вульгарности, где я захлебнусь. Я буду

жить в полном одиночестве и останусь целомудренна до тех пор, пока не найду подходящего мужчину, спутника жизни, созданного для меня небом, человека, способного стоять рядом со мной на вершинах и не терять при этом голову. Где-то же должен быть такой.

Врач *(появляясь в дверях)*. Управляющий сказал, что я здесь нужен. Кому именно?

Эпифания. Мне. Идите сюда. *(Повелительно протягивает ему руку.)*

Врач *(приближаясь и щупая ей пульс)*. Что-нибудь не в порядке с кровяным давлением, а? *(Изумленно.)* Ого! В жизни не слышал такого пульса. Настоящий кузнечный молот.

Эпифания. Это тоже моя вина?

Врач. Нет, воля аллаха. Наш пульс тоже в его воле.

Элестер. Послушайте, док, в нашей стране так говорить не годится – мы в аллаха не верим.

Врач. Это нисколько его не смущает, мой друг. Пульс все же бьется – медленный, наполненный. *(Эпифании.)* Вы ужасная женщина, но я влюблен в ваш пульс. Я никогда не встречал ничего подобного.

Патриция. Подумать только! Он влюбился в ее пульс.

Врач. Я врач. Женщина, в вашем смысле этого слова, для меня лишь ходячая куча недугов. Но жизнь! Пульс! Это же биение сердца аллаха, единого, великого, всемогущего! *(Отпускает руку Эпифании.)*

Эпифания. Мой пульс никогда не изменится. Вот любовь, которой я жажду. Я выхожу за вас. Мистер Сэгемор, исхлопочите специальное разрешение, как только разделаетесь с Элестером.

Врач. Но это невозможно – мы связаны нашими клятвами.

Эпифания. А разве я не выдержала испытания, назначенного вашей матерью? Вы получите бухгалтерское подтверждение. За первые же полчаса поисков работы я выяснила, что прожиточный минимум одинокой женщины – пять шиллингов в неделю. Еще до конца первой недели я заработала достаточно, чтобы просуществовать сто лет. И заработала честным, законным путем. Я уже объясняла вам, каким.

Врач. Это не путь аллаха, милосердного и сострадательного. Если бы вы прибавили хоть пенни в час своим работницам, из которых выжимают все соки, все это грязное предприятие пошло бы прахом. Вы просто продали его Сьюперфлу, из которого вытянули за это последние гро-

ши, а работницы по-прежнему надрываются у него за пиастр в час.

Эпифания. Рыночную цену рабочей силы изменить невозможно — это не удастся даже вашему аллаху. Но я пришла в здешнюю гостиницу судомойкой — самой неумелой из всех судомоек, когда-нибудь бивших обеденные сервизы. Сейчас я владелица этого отеля и плачу своим служащим отнюдь не гроши.

Врач. На открытках отель выглядит очень привлекательно, а здешняя заработная плата была бы целым состоянием для любого труженика с берегов Нила. Но как насчет стариков, для которых гостиница была родным домом? Что вы скажете о старике, которого хватил удар? О старухе, потерявшей рассудок? О всех, кто угодил в работный дом? Вы грабили нищих! Мне ли, слуге аллаха, жить на такие доходы? Мне ли, целителю, помощнику, стражу здоровья и советнику жизни, связывать свою судьбу с той, кто наживается на нищете?

Эпифания. Я вынуждена принимать мир таким, каков он есть.

Врач. Гнев аллаха да поразит того, кто оставляет мир таким, каким он его принял.

Эпифания. Мне кажется, аллах любит тех, кто делает деньги.

Сэгемор. Все с полной очевидностью подтверждает это.

Врач. Я смотрю на вещи по-другому. Я полагаю, что богатство — это проклятье, нищета — тоже проклятье, а справедливость, правда и счастье — лишь в служении аллаху. Но все это праздные разговоры. Эта леди без труда выполнила условие, поставленное моей матерью. Но я не выполнил условие, поставленное отцом этой леди.

Эпифания. На этот счет не беспокойтесь — полгода еще не истекли. Я научу вас, как превратить ваши полтораста фунтов в пятьдесят тысяч.

Врач. Не научите. Их уже нет.

Эпифания. Но вы же не могли истратить их полностью: вы живете скудно, как церковная мышь. Что-то должно было остаться.

Врач. Ни пенса. Ни пиастра. Аллах...

Эпифания. Черт бы взял вашего аллаха! Куда вы дели деньги?

Врач. Черт не в силах взять аллаха. В тот день, когда вы расстались со мной и отправились зарабатывать себе на жизнь, я воззвал к милосердному и сострадательному,

чтобы он открыл мне, не есть ли вы одна из его бесконечных шуток. Затем я сел и развернул газету. И подумайте! Взор мой упал на колонку, озаглавленную: «Завещания и посмертные дарения». Я прочел в ней имя, которое уже забыл. Миссис такая-то, Клепэм-парк, оставила сто двадцать две тысячи фунтов. Она никогда ничего не делала, просто жила в Клепэм-парке. И все-таки оставила сто двадцать две тысячи. Но чье же имя шло следующим? Имя учителя, который изменил всю мою жизнь и дал мне новую душу, открыв передо мной мир науки. Я четыре года был его ассистентом. Он своими руками делал приборы для экспериментов, и однажды ему понадобилась металлическая нить, способная выдерживать температуру, при которой платина плавится, как сургуч.

Эпифания. Купите у него для меня патент, если только кто-нибудь не опередил нас.

Врач. Он не брал патента: он считал, что наука не может быть ничьей собственностью. И у него не было ни времени, ни денег на беготню по патентным бюро. Люди, для которых наука ничто, а деньги все, сделали на его открытии миллионы. Он же оставил своей вдове, доброй женщине, заменившей мне мать, четыреста фунтов. Это давало ей в лучшем случае шиллинг в день, то есть меньше пиастра в час.

Эпифания. Вот к чему приводит брак с ни на что не годным мечтателем. Вы собираетесь просить, чтобы я помогла ей? Запомните: мне надоели неимущие вдовы. Я сама превращусь в нищую, если взвалю их всех себе на плечи.

Врач. Не бойтесь. Аллах, милосердный и сострадательный, внял мольбам вдовы. Слушайте. Однажды мне пришлось лечить премьер-министра, вообразившего, будто он болен. И вот теперь я отправился к нему и объявил, что аллаху угодно, чтобы вдове была назначена пенсия за счет цивильного листа. Она получила ее — это сто фунтов в год. Затем я пошел в большой металлургический трест, эксплуатирующий изобретение моего учителя, и сказал директорам, что бедность его вдовы позорит их перед ликом аллаха. Они были богаты и щедры: они выпустили для нее специальные учредительские акции, приносящие три сотни в год. Они полагали, что тем самым она вступает в дело на самых выгодных для нее условиях. Да внемлет ее молитвам и будет к ним милостив тот, в ком единый источник власти и силы. Но все это потребовало

времени. На уход за мужем, сиделку, похороны, передачу лаборатории и переезд на более дешевую квартиру вдова истратила все, что у нее было, хотя ни врач, ни адвокат не взяли с нее ни пенса, а лавочники не торопили с уплатой долгов: воля аллаха воздействовала на всех них сильнее, чем на британское казначейство, взыскавшее с вдовы налог на ее крошечное наследство. Между кончиной моего учителя и назначением пенсии образовался разрыв величиной как раз в полтораста фунтов. Но господь, который справедлив и точен, соизволил, чтобы руки вашего шофера и мои заполнили этот разрыв известной вам суммой. Она преисполнила сердце мое такой радостью, какой никогда еще не доставляли мне деньги. Но вместо того, чтобы явиться к вам с пятьюдесятью тысячами фунтов, я задолжал за свое пропитание в вашем отеле и со дня на день жду, что ваш управляющий потеряет терпение и потребует уплаты.

Элестер. Ничего, старина. Свои дела вы не устроили, зато чертовски благородно поступили с вдовой. А заодно ускользнули от Эппи. Она не выйдет за вас, пока у вас в кармане пусто.

Эпифания. А почему бы нет? Из этого изобретения, вероятно, уже сделано десять раз по пятьдесят тысяч. Доктор, покрыв моими деньгами неотложные расходы вдовы, косвенным образом вложил их в изобретение. И проявил при этом исключительные деловые способности. Верно, мистер Сэгемор?

Сэгемор. Безусловно. Он выжал деньги из премьер-министра. Он выжал деньги из имперского металлургического треста. И устроил как нельзя лучше дела вдовы.

Врач. Но не свои собственные. Я задолжал за стол.

Эпифания. Ну, раз уж дошло до этого, скажу, что я тоже задолжала за стол. Сегодня утром я получила письмо от своих поставщиков, которые уведомляют, что за два года не получили от меня ни пенса и впредь до поступления от меня хоть какой-нибудь суммы вынуждены прибегнуть к содействию судебных властей.

Врач. Как это понимать?

Эпифания. А так, что они опишут мою обстановку.

Врач. Боюсь, что не смогу продать свою обстановку,— у меня ее нет.

Эдриен. Если у вас есть хотя бы тросточка, она сумеет ее продать. Это самая скаредная женщина в Англии.

Эпифания. И потому самая богатая. Мистер Сэгемор, я ре-

шила выйти замуж за этого врача. Установите его имя и подготовьте все, что полагается.

Эдриен. Смотрите, доктор! Выходя за вас замуж, она нарушает супружескую верность. До вас она флиртовала со мной, возила меня за город и подавала надежду, что я заменю ей Элестера. Но посмотрите, что она сделала со мной! Она и с вами сделает то же самое, когда ей понравится очередной мужчина.

Врач *(Эпифании)*. Что вы на это скажете?

Эпифания. Что вы должны научиться не упускать удачу. Этот разочарованный волокита пытается запугать вас моей неверностью. Но он никогда не был женат, а я была замужем и говорю вам: ни в одном, даже самом счастливом браке не бывает так, чтобы супруги не изменяли друг другу в мелочах тысячу раз на дню. Начинается с того, что вам кажется, будто у вас всего один муж, а у вас, как выясняется, их целая дюжина в одном лице. Рядом с вами оказывается человек, которого вы ненавидите и презираете, хотя связаны с ним на всю жизнь; однако еще до конца завтрака этот дурак говорит вам что-нибудь приятное и снова становится мужчиной, которым вы восхищаетесь, которого вы любите. А между двумя этими полюсами вы проходите тысячи этапов — с другим мужчиной или с другой женщиной на каждом из них. Для мужчины все женщины воплощены в его жене: она дьявол во плоти, она заноза в его теле, ревнивое чудовище, неотступный сыщик, нуда, скандалистка, мучительница. Но стоит ему сказать ей любую утешительную ложь, как она становится его отрадой, помощницей, бесценным сокровищем — в худшем случае, его беспокойным, но любимым ребенком. В каждой из жен заключены все женщины сразу, в каждом муже — все мужчины. Что знает холостяк об этой бесконечно опасной, надрывающей сердце, непрестанно изменчивой и полной приключений жизни, которую именуют браком? Смотрите на нее так же, как смотрели на любую рискованную операцию, каких вы делали сотни.

Врач. Поистине, кто мудрей и лукавей женщины, когда она пытается уловить в свои сети мужчину, избранного для нее аллахом? Но мне хорошо и без жены. Зачем мне ломать свою жизнь? Я буду счастлив, и оставаясь старым холостяком.

Эпифания *(протягивая ему руку)*. А сумеете вы проверять мой пульс, оставаясь старым холостяком?

Врач *(щупая ей пульс и механически вытаскивая часы)*. Ах, про него-то я и забыл. Раз, два, три... Нет, он неотразим. Такой пульс бывает один на сто тысяч. Я люблю его. Я не могу расстаться с ним.

Эдриен. Вы будете раскаиваться в этом до последнего дня своей жизни.

Эпифания. Мистер Сэгемор, вы получили мои указания.

Сэгемор кланяется.

Патриция. Поздравляю, дорогая.

Так заканчивается пьеса, когда ее играют в странах капитализма. Однако в России, а также в странах, где симпатизируют коммунистам, зрители хотят, чтобы пьеса имела иную мораль в финале. Поэтому после того, как врач щупает пульс Эпифании, объявляя, что влюбился в него и не в силах от него отказаться, Блендербленд говорит:

Эдриен. Остерегайтесь, на ее руке проклятье. Это рука Мидаса — чего бы она ни коснулась, все превращается в золото.

Врач. На моей руке проклятье пострашнее: золото ускользает у меня между пальцев. Почему я беден? Я не желаю быть бедным.

Эпифания. Почему я богата? Я не желаю быть богатой.

Элестер. Тогда поезжайте оба в Россию — там нет ни богатых, ни бедных.

Эпифания. А почему бы и не поехать? В последнее время я покупаю исключительно русские акции.

Эдриен. Но русские пристрелят вас как бешеную собаку: вы же проклятая капиталистка.

Эпифания. Здесь — да. Зато в России я стану труженицей. И еще какой! Здесь я растрачиваю свой интеллект впустую. Такова судьба богатства в капиталистическом мире: оно транжирится на бездельников и на их приживалов. Здесь я окружена морем рабства, нищеты, болезней и грязи, и черная пучина его готова поглотить меня в любую минуту, по первому же капризу денежного рынка. А в России такие энергичные женщины, как я, нужны. В Москве я перестану быть миллионершей, но через полгода буду заседать в Совнаркоме, а через год — в Политбюро. Здесь я лишена настоящей власти, свободы и уверенности в завтрашнем дне: любой из нас может

умереть в работном доме. В России я завоюю такой авторитет и получу такие возможности развивать свои природные дарования, каких не было даже у императрицы Екатерины. Клянусь, не пройдет и двадцати лет, как каждый русский ребенок прибавит в весе на пять фунтов, а средний возраст взрослых удлинится на десять лет. Но я не сделаюсь императрицей, а буду работать не покладая рук, и через десять столетий священная страна будущего – Россия канонизирует еще одну святую по имени Эпифания.

Эдриен. Ну и самомнение!

Сэгемор. Боюсь, что в России теперь нет святых.

Врач. Святые есть всюду – это единственный разряд людей, который нельзя истребить. Императоры, короли, полководцы, епископы рано или поздно разделяют участь всех идолов: их повергают во прах и разбивают, после чего вся королевская конница и вся королевская рать уже не поднимут их вновь. Святые же во веки веков пребудут нетленны во храме серпа и молота. Но в Россию мы все-таки не поедем: русские не нуждаются в нас. Они остались у себя дома и спасли собственные души. Не лучше ли нам остаться здесь и спасти свои? Почему бы нам не превратить Британскую империю в Советскую республику?

Эпифания. Обязательно превратим. Только для начала нам придется устранить всех совершеннолетних и начать перестройку общества с новорожденных. А раз так, нам следует пожениться. Мистер Сэгемор, займитесь необходимыми документами.

Сэгемор кланяется.

Патриция. Поздравляю, дорогая.

НОВОЕ ОКОНЧАНИЕ «ЦИМБЕЛИНА»

Вариант финала
шекспировской драмы

1937

CYMBELINE REFINISHED

Практика исправления Шекспира, особенно оснащение его пьес так называемыми счастливыми концовками, старая традиция, всегда принимавшаяся на веру английской публикой. Когда Харли Гренвилл-Баркер, продолжая безрассудные опыты покойного Уильяма Пэла, поставил шекспировские пьесы в лондонском Вест-Энде, не изменив в них ни одного слова, его шокирующее новаторство было довольно громко опротестовано; однако протест этот прозвучал за пределами театра и дело обошлось без скандала. Тогда же была пущена в ход новая теория воплощения Шекспира. До тех пор считалось само собой разумеющимся, что любой человек театра знает гораздо лучше Шекспира, как следует писать пьесы, подобно тому как считается сейчас в Голливуде, что в кинопавильоне каждый знает лучше профессионального драматурга, как следует пьесы снимать. Однако благодаря удовольствию, полученному от постановок Гренвилл-Баркера, на театре эта уверенность поколебалась; и к настоящему времени уже совершенно дискредитировано предубеждение, будто творения Шекспира в исконном виде непригодны для сцены,— предубеждение, породившее «Короля Лира» со счастливым концом, сибберовского «Ричарда III», «Ромео и Джульетту» с любовной сценой в склепе до того, как подействует яд. Это предубеждение достигло своего апогея в грубой литературной бойне конца прошлого века, плоды которой и публика и критика стараниями Генри Ирвинга и Огастина Дэйли благополучно принимали за шекспировские пьесы. Остается недоумевать, почему же я, в бытность свою критиком всегда свирепо нападавший на этот предрассудок, сам ступаю на тот же путь, переделывая пятый акт «Цимбелина», и принимаюсь за это не только как за литературную jeu d'esprit[1], *но откликаясь на действительные нужды театра, в момент, когда «Цимбелина» предложено возобновить на столь священной сцене, как сцена Шекспировского мемориального театра в Стратфорде-на-Эйвоне.*

Хотя среди поздних пьес Шекспира, идущих сейчас в театрах, «Цимбелин» — одна из самых совершенных, ее последний акт трещит по всем швам. Собственно, я сам поднял этот вопрос, необдуманно заметив, что успех постановки был бы обеспечен, если бы последнее действие дали написать мне. Та-

[1] Шутку *(франц.)*.

кое святотатство было неожиданно встречено бурным одобрением; и так как аплодисменты, да и мое предложение прозвучали не просто смеха ради, замысел вселился в меня и не давал покоя до тех пор, пока я не изгнал его, написав нижеследующее сочинение.

Я начал с того, что внимательно прочел подлинный текст последнего акта, и здесь меня ждала вторая неожиданность. Я не брал его в руки много лет, разделяя общее мнение, будто этот кусок, с входящей в него сценой видения в тюрьме и приложенными к ней обрывками совершенно смехотворных виршей был небрежно сметан руками нескольких авторов.

Для подобной оценки я не обнаружил абсолютно никакого повода или оправдания. Я вынес ее, должно быть, с последней постановки пьесы в старом «Лицеуме», где Ирвинг в роли Якимо стоял на сцене, казалось, часами, как немая статуя, исполненная романтической меланхолии, пока остальные герои, утратившие всякую живость и индивидуальность, тащились сквозь ряд невыносимо скучных развязок, в которых им приходилось лишь узнавать друг друга по родимым пятнам на шее да объяснять, каким образом они остались в живых. Видение с виршами было, конечно, опущено; и я в своем невежестве благодарил за это небеса.

Перечитав последнее действие при уже упомянутых обстоятельствах, я понял, что считать его pasticcio[1]*, сметанной чужими руками, было непростительной глупостью. Это подлинный Шекспир от начала до конца, и, судя по мастерству, с каким он владеет слогом, Шекспир поздний.*

Вирши — вовсе не вирши: это стихи, описывающие тот разыгранный в самом лоне девственной и наивной шекспировской природы маскарад, невозможный без Юпитера в роли deus ex machina[2]*, орла и всего прочего, который понадобился, подобно эпизоду с Церерой в «Буре», чтобы угодить королю Джейми, а может быть, потому, что этого неумолимо требовала новая мода; точно так же балет еще недавно считался de rigueur*[3] *во всех больших континентальных операх. Гуно пришлось ввести балет в «Фауста», а Вагнеру — в «Тангейзера», чтобы эти творения приняли к постановке в парижской Гранд-Опера. Так, надо думать, и Шекспир был принужден вставить маскарад в «Цимбелина». Если, имея это в виду, подать его с достаточной живописностью, великолепием и подходящей*

---

[1] Стилизацией *(итал.)*.
[2] Обязательным *(франц.)*.
[3] Внезапной развязки *(лат.)*.

музыкой, маскарад окажется не только занимательным зрелищем, но вместе с чисто шекспировской комической фигурой тюремщика просто спасет пятый акт.

Без маскарада последнее действие после разыгранной прямо на сцене нелепой баталии превращается в утомительную цепочку развязок, никого не способных удивить, приторно и фальшиво сентиментальных. За единственным исключением, персонажи исчезают и оставляют вместо себя кукол, которые, как стеклянные шарики при игре в солитер, передвигаются с места на место, пока не останется только один. Это исключение составляет герой, вернее, муж героини, Леонат Постум. Покойный Чарлз Черрингтон, вместе со своей женой Джэнет Очерч познакомивший Англию с Ибсеном, любил ссылаться на Постума как на образ, которым Шекспир предвосхитил своего норвежского соперника. В самом деле, Постум, оставаясь сценическим штампом вплоть до распоряжения об убийстве жены, затем совершенно в духе фру Алвинг из «Привидений» обрушивается на рабское подчинение жестокому идеалу супружеской верности, толкнувшее его на такую злодейскую крайность. Это единственный живой персонаж в последнем акте; и так как я не мог улучшить его роль, я оставил ее большей частью нетронутой. Я не считаю нужным оправдываться за то, что попытался вернуть остальным индивидуальность и драматическую действенность.

Я был бы рад сохранить Корнелия как выразителя здорового и научного отвращения, которое Шекспир питал к вивисекции. Но так как ему нечего сказать кроме того, что умерла королева, а всем решительно наплевать, жива она или нет, пришлось оставить обоих в ящике с выброшенными мной из пьесы марионетками.

Я безжалостно расправился с сюжетными неожиданностями, которые уже никого не удивляют. При всем желании я не мог примириться с тем, что Гвидерия узнают по родимому пятну на шее. С этим приемом покончил знаменитый в свое время автор фарсов Мэдисон Мортон, которого сейчас, кроме Гордона Крэга и меня, не помнит уже никто. В его шедевре «Бокс и Кокс» Бокс спрашивает, есть ли у Кокса земляничная отметина на левой руке. «Нет»,— говорит Кокс. «Значит, ты мой без вести пропавший брат»,— заключает Бокс, и, падая друг к другу в объятия, они увенчивают фарс счастливым концом. Жаль, что Гвидерий не предвосхитил Кокса.

Сюжет всегда был проклятием серьезной драматургии, да и вообще серьезной литературы любого рода. Он в ней настолько неуместен, что Шекспир не мог придумать ни одного.

К сожалению, вместо того чтобы воспользоваться подсказкой природы и совсем отказаться от сюжетов, он заимствовал их где попало и потом имел сплошные неприятности, когда приходилось выпутываться в последнем действии, особенно в «Двух веронцах» и «Цимбелине». Обнаружив, что Полидор и Кэдвал — пропавшие братья Имогены и сыновья Цимбелина, что Якимо принял образ кающегося грешника и ничуть не похож на себя самого, что, наконец, в Имогене необычайно развито чувство долга, которое заставляет эту преданную женщину покорно принять приказ мужа о ее убийстве, лишь самые неискушенные зрители еще могут получить какое-то удовольствие. Я не способен разделить с ними эту инфантильную радость. Приняв участие в Якимо, Имогене и даже в двух пропавших принцах, я захотел узнать, как такие люди стали бы реагировать на следующее за битвой éclaircissement[1]*. Чтобы удовлетворить это любопытство, оставалось переписать действие так, как его мог бы сочинить Шекспир, живи он после Ибсена или Шоу, а не после Марло.*

При этом, сохранив восемьдесят девять строк оригинала, я должен был следовать структуре шекспировского стиха. Это далось мне очень легко. Случилось так, что среди книг, восхищавших меня в детстве, был иллюстрированный Шекспир, с картинкой на каждой третьей или четвертой странице и парой строчек текста под ней. С тех пор шекспировский белый стих стал для меня такой же естественной формой литературного выражения, как августинский английский, на котором меня воспитывали в Дублине, или новейший лондонский разговорный стиль. Он так прост, что если бы пародия могла убить его наповал, это сделали бы и «Мальчик-с-пальчик», и «Хрононхотонтологус», и «Неистовый Бомбастес». Но Шекспиру не страшны никакие карикатурные крайности.

Я не отрицаю категорически любых, пусть самых бурных, дебатов по поводу нашего права переделывать шедевры. Могу лишь засвидетельствовать, что невозможно противостоять этому соблазну, а иногда и требованиям обстоятельств. Результаты же получаются самые разные. Когда посредственность пытается усовершенствовать творение великого мастера, плод ее трудов смешон или просто жалок. Когда вмешательство бездарного художника губит картину Веласкеса или Рембрандта, он совершает преступление. Когда переделанное произведение продается либо экспонируется как оригинал, это уголовное деяние. Однако стопроцентная подделка может

---

[1] Разъяснение *(франц.)*.

из криминала превратиться в поучительный розыгрыш, как в случае с «Вортигерном» Айрленда, который пользовался огромным успехом и в конце концов шел в театре как пьеса Шекспира.

Но как быть со многими удачными и признанными обработками? Как быть с моцартовскими вставками в партитуру «Мессии» Генделя? Элгар, боготворивший Генделя и питавший безмерное презрение ко всем второразрядным соавторам, любил вариации Моцарта и, отбрасывая возражения пуристов, утверждал, что именно так должны были звучать на концертах самого Генделя его импровизации на органе. Когда при посещении Дрездена Спонтини узнал, что Вагнер дописал партию тромбона к его хорам, он принял эти дополнения с благодарностью. Моцарт и Бетховен опубликовали целые тома вариаций на темы других композиторов, не говоря уже о Бахе и Генделе, вытворявших бог знает что с любым понравившимся им мотивом. Кто помнил бы сейчас пошлый вальс Диабелли, если бы не поразительные вариации Бетховена, одна из которых является еще и вариацией на тему из «Дон-Жуана»?

Обратимся теперь к практике самого Шекспира. Толстой объявил исконного «Лира» выше шекспировского, столь ненавидимого им за безнравственность. До сих пор никто еще с ним в этом не согласился. Станут ли когда-либо утверждать, что Шекспир был не вправе перекладывать на новый лад «Гамлета»? Испорти он обе эти пьесы, была бы причина ставить их в театре без внесенных им изменений, но не оспаривать его право на подобную переработку.

Таким образом, я не испытываю угрызений совести и не приношу извинений за вариации на тему пятого акта «Цимбелина» и доставленное самому себе удовольствие. Я нахожусь в том же временно́м отношении к Шекспиру, что и Моцарт к Генделю и Вагнер к Бетховену. Подобно Моцарту, я не ограничился ремесленническим сочинением «дополнительного аккомпанемента», но позволил себе роскошь вариации. Следуя вагнеровскому обращению с увертюрой к «Ифигении в Авлиде» Глюка, я сочинил новое окончание ради него самого. Девятая симфония Бетховена возвышается даже над классическими шедеврами; но если бы Вагнеру в его дрезденский период достало опыта не просто переложить для фортепиано первую и величайшую ее часть, но написать ко всей симфонии более певучий финал, я не стал бы ему препятствовать; ибо нельзя не согласиться с Верди, что финал в его теперешнем виде, оставаясь подлинно бетховенским творением, после перехода на шесть четвертей разрушает целое скрежещущим диссонансом.

Вы спросите, почему все мои примеры взяты из области музыки, а не из литературы. Не стоит ли за этим тайное стремление выбить почву из-под ног литературных критиков? Что ж, это тоже было бы неплохо; но я не имею этого в виду. Дело, по-видимому, в том, что музыка унаследовала героический строй литературы шестнадцатого столетия. К чему делать вид, будто меня волнуют попытки Нэта Ли облагородить Шекспира в духе Реставрации или правка мольеровского «Дон-Жуана», проделанная Тома Корнелем, или другие прецеденты того же рода, хотя мне несколько неловко быть в одной компании с их сочинителями. При этом меня необычайно волнует, как Моцарт переделывал Генделя, а Вагнер — Глюка; и по-моему, обсуждать этичность моей переделки, не ссылаясь на них, значило бы попусту тратить время. Так или иначе, что сделано, то сделано, и больше мне решительно нечего добавить.

Если постановщикам «Цимбелина» достанет мужества и здравого смысла не изменить ни слова в шекспировском оригинале, а также средств, чтобы воздать должное маскараду, я не стану навязывать им свой вариант. Но если, проявив нерешительность, они пойдут на компромисс, выкинут маскарад, эпизод с тюремщиком и в свойственной им манере искорежат остальное, я не колеблясь предпочту свое сочинение. Зрители не заметят разницы; а те немногие критики, которые читали «Цимбелина», будут слишком благодарны мне за сокращение последнего действия, чтобы выражать какое-то недовольство.

Теснина в гористой местности. Кровавый закат. Филарио в доспехах стоит на высокой скале, пристально вглядываясь вдаль. Задыхаясь, вбегает римский военачальник с мечом в руке и в разбитом шлеме. Оглянувшись по сторонам, садится на камень, чтобы перевести дух, и замечает Филарио.

Военачальник

Синьор, спускайтесь, или вы погибли.
За милю видно вас.

Филарио *(торопливо спускаясь)*

Какие вести?
Мне Луций приказал пойти взглянуть,
Как бьется наше правое крыло,
Где Якимо командует войсками.

Военачальник

Увы, он откомандовался ими.
У нас нет больше правого крыла.
Мы смяты, опрокинуты, разбиты.
Противнику орлы достались наши.
Кто жив остался, тот бежит, как я.
А что у вас?

Филарио

Еще, пожалуй, хуже.
Боюсь, что Луций в плен попал. Наш центр
Не устоял под градом стрел.

Военачальник

Британцы
Из варваров в солдат превращены.
Их лучники идут в сраженье строем,
Стреляют залпом. Их кавалеристы
Равненье держат, атакуют массой.
Не всадники отдельные, как встарь,
А шестисотголовая лавина
Стремительней, чем необхватный камень,
Что выпущен из мощной катапульты,
Обрушилась на наши легионы.
И дрогнули они. А вслед за ней
Примчались боевые колесницы,

На чьих осях торчат стальные косы,
И – я клянусь – несладко нам пришлось.
А вражеские пращники!..
(Указывает на свой шлем.)
Взгляните.
Чуть ниже – я б ослеп иль был убит.
Уэльсцы эти, красные от крови,
Как дьяволы, безумствовали.

Филарио

Да.
Те, кто из них к нам в плен попал, признались,
Что видели они в нас бриттов.

Военачальник

Кто же
Такое мужичье к науке ратной
Столь быстро приобщил?

Филарио

И правда – кто?

Военачальник

Британцы-победители твердят,
Что из могилы встал Кассивелаун,
Но это невозможно.

Филарио

Все возможно,
Коль разгромил безмозглый Цимбелин,
Дикарь, умом своей жены живущий,
Прославленную римскую пехоту.

Военачальник

Сдается мне, вновь у него в чести
Старик Беларий, опытный воитель,
Что был безвинно изгнан как изменник.
На нас, солдат, в дни мира все грехи
Возводят раздобревшие вельможи,
Дабы наград заслуженных лишить,
А чуть раздался голос труб военных –
Они опять пред нами на коленях.

Филарио

Прощай. Пора мне к Луцию назад –
Развеять должен я его надежды
На помощь с вашей стороны. Скажи,
Где Якимо?

Военачальник

Не знаю, но, наверно,

Недалеко.

Филарио

Он жив?

Военачальник

Быть может, жив.
Когда сломили нас, за меч он взялся
И бился, как простой легионер.
Его приказ последний был таков:
«Спасайтесь меж утесов, недоступных
Для конницы врага». Его совету
Последовали мы, и вот я здесь.

Филарио

Пойдем со мной. Пускай узнает Луций
О Якимо из первых рук.

Военачальник

Иду.
Но лавров мы сегодня не стяжаем.

Уходят.

Входит Постум в крестьянском платье, но в шлеме и с мечом римского воина. В руках у него окровавленный платок.

Постум

Я сберегу тебя, платок кровавый,—
Я сам хотел тебя таким увидеть.
Мужья! Когда б вы все мне подражали,
Любой проступок мог бы погубить
Вернейшую из жен.— Нет, мой Пизанио,
Не все приказы нужно выполнять,
А только справедливые.— О боги,
Зачем меня не покарали вы
И дали мне дожить до этой пытки?
Зачем вы Имогену не спасли
Для жизни, полной горести? Зачем
Меня, злодея, не сгубили? Ах,
Любя иных, вы их к себе берете
За малый грех, от большего спасая;
Другим же позволяете свершать
Грех за грехом, один другого хуже,
И те живут, в чудовищ превращаясь.
Она теперь у вас! Так дайте, боги,
Мне силу покориться вашей воле.
Сюда из Рима прибыл я сражаться
С отчизною своей.— О нет, Британия,
Довольно и того, что я убил

Твою принцессу. Ран тебе я больше
Не нанесу. — Внимайте, боги, мне:
С себя я сбросил римскую одежду,
Крестьянином простым переоделся,
Сражаться буду против тех, с кем прибыл,
И смерть в бою приму за Имогену!
Ведь жизнь сама и каждый вздох — мне смерть!
Не узнанный никем, ни в ком не вызвав
Ни злобы, ни участья, ни любви,
Себя предам я смерти. Пусть узнают
О доблести моей, хоть и таилась
Она под рубищем раба. О боги!
Пошлите вновь мне силу Леонатов!
Надменный мир хочу я научить
Не внешний блеск, а силу духа чтить.

Уходит, но по дороге сталкивается с забрызганным кровью Якимо, который направляется в противоположную сторону. Видя перед собой британца, Якимо вы хватывает меч.

Постум
Стой, Якимо! Я — Постум.

Якимо
Постою.
Куда спешить, коль бой мы проиграли?..
Теперь прощай.

Постум
Ты не узнал меня?

Якимо
Нет.

Постум
Присмотрись получше. У тебя
Есть основанья помнить обо мне,
Как у меня — пылать к тебе враждою,
Мой друг былой.

Якимо
О боги, Леонат!

Постум
И он к твоим услугам, соблазнитель
Моей жены.

Якимо
Не оскорбляй ее.
Твоя жена — чистейшая из женщин.
На этот счет могу тебя заверить.

Постум
А можешь ты поднять ее из гроба,
Где, искупая наше преступленье,
Она почила?
Якимо
Как! Она мертва?
И мы — преступники? Что это значит?
Постум
Да то, что я убил ее, хоть зла
Творил я больше за одну минуту,
Чем сделала она за весь свой век.
Якимо
Мы оба прокляты.
(Становится в позицию.)
Нам остается
Одно — друг другу глотки перерезать.
Постум
Ты прав.

Ожесточенно сражаются. Входят Цимбелин, Беларий, Гвидерий, Арвираг, Пизанио и стража, ведущая двух пленников — Луция и Имогену в одежде Фиделе.

Беларий *(непроизвольно начиная командовать)*
Разнять их! Римлянина взять!

Гвидерий бросается на Якимо и обезоруживает его. Арвираг отталкивает Постума.

Арвираг
Мужлан, оружье в ножны! Здесь король.
Якимо
Коль здесь король, я уступаю силе,
Но, дворянином будучи, прошу
Считать, что в плен я сдался государю,
А не его слуге.
Луций
Законна просьба.
Течет в нем кровь монархов.
Постум
Это правда.
Он родовит.
Цимбелин
Кто ты такой?

Постум

Убийца.

Имогена

Знакомый голос!.. Дайте мне вглядеться
В того, кто это молвил.

(Подбегает к Постуму и проводит рукой по его лицу

Постум

Дерзкий паж,
Прочь! Над моим не издевайся горем.

(Ударом кулака сбивает Имогену с ног.)

Гвидерий

На, получай, проклятый грубиян!

(Наносит Постуму удар, тот опускается на одно колено

Арвираг *(замахиваясь на него)*

Собака!

Постум

Легче, молодые люди!
Прошу поодиночке. Я готов.

(Вскакивает и становится в позицию.)

Пизанио *(заслоняя его собой)*

Не троньте господина моего!
Он родич короля.

Постум *(Цимбелину)*

Мой государь,
Уймите ваших псов цепных. Не стоит
Шум поднимать из-за слуги-мальчишки.

Цимбелин

Мой зять!

Пизанио

На помощь! Постум, господин мой,
Вы лишь теперь убили Имогену.
На помощь!

Имогена

Прочь! Хочу я умереть.
Я слышу голос моего супруга,
Хоть мнила, что он мертв; и в этот миг
Нежданного блаженства он удар
Наносит мне.

Постум

То голос Имогены.
Возлюбленная, ты жива! О боги,
Чем я за эту радость заплачу?

Имогена

И ты еще дерзаешь делать вид,

Что любишь ты меня!

Постум

Ах, дорогая,
Сейчас на что угодно я дерзну.
Груз смертного греха, как горы, тяжкий,
Мне больше не раздавливает грудь.
Я был в аду и вознесен на небо.
Теперь опять мне изменяй, коль хочешь.

Имогена

Опять? Когда ж тебе я изменяла?

Постум

Тому есть доказательства. Стоит
Здесь твой любовник. С ним сойдись. На все я
Согласен, лишь бы ты была жива.

Имогена

Что? Мой любовник?
(К Якимо.)
Значит, это вы
Ему налгали?

Якимо

Мне он не поверил.
Мы в Риме с ним побились об заклад,
Что в вашей спальне ночь я проведу.

Имогена *(Постуму)*

И ты в заклад поставил честь супруги?

Постум.

Да. И проспорил.

Имогена

Как? Ни разу в спальню
Ко мне он не входил.

Якимо

Нет, я провел
Там ночь, и я не помню, чтобы в жизни
Мне хуже ночь случалось провести.

Имогена

Синьор, вы иль безумец, иль наглейший
Из всех лжецов, на женщин клеветавших.

Якимо

А про сундук вы, госпожа, забыли?

Имогена

Нет, не забыла. В спальне у меня
Он был на сохранение поставлен.
А вы где находились?

Якимо

В сундуке.

(Веселое изумление присутствующих.)

И каюсь, я браслет у вас похитил
Во время сна.

Постум

А у меня обманом
Он выманил мой перстень с бриллиантом.

Якимо

Но в перстне и браслете заключалась
Какая-то магическая сила.
Покоя я не знал, покуда их
В дар не принес Меркурию, патрону
Воров и плутов. Возмещу ущерб
Охотно я — лишь назовите цену,
А сверх того и для другой руки
Вам дам браслет.

Постум

А также десять тысяч
Дукатов, мне проспоренных.

Имогена

И этим
Загладить вы надеетесь то зло,
Что мой супруг и вы мне причинили?

Якимо

Нет, лишь исправить то, что исправимо;
А что неисправимо, то забудьте.
Конечно, низость совершили мы,
И за нее воздать с лихвой вы вправе,
Но с женщинами этак поступать
У нас, мужчин, в обычае.

Имогена

Спасибо.
Вы хоть признали за собой вину,
А вот супруг мой — тот уже считает,
Что все пришло к счастливому концу.

Постум

Но что мне было делать, дорогая?
Он рассказал, какое у тебя
Есть пятнышко под грудью.

Имогена

И за это
Слуге ты приказал убить меня?

Постум
Естественно.
Имогена
Ударь меня вторично,
Но только слов таких не говори.
Гвидерий
Пусть молот Тора мне порукой будет,
Что за один удар, ей нанесенный,
Я сто таких зятьев, как он, убью.
Беларий
Спокойно, мальчик! Здесь король.
Имогена
О Кэдвал,
Мой брат названый, ты да Полидор —
Мои друзья единственные в мире.
Ужель меня, предай я вас сто раз,
Рабу велели б вы убить?
Гвидерий *(вздрогнув)*
Да раньше
Умрет весь род людской!
Арвираг
Пока мы живы,
Ничто тебе, Фиделе, не грозит.
Постум
Но разве, дорогая Имогена,
Тебе я не признался, что с ума
От угрызений совести сошел бы,
Когда б тебя мне небо не вернуло.
Поведай лучше, почему сочла ты,
Что я убит?
Имогена
Об этом молвить страшно.
Нашла я обезглавленное тело
В твоей одежде.
Гвидерий
Ба, да это ж Клотен!
Он сыном короля себя назвал.
Его убил я.
Цимбелин
Смилуйтесь, о боги!
Я не хотел бы за твои заслуги
Обречь тебя на смерть. Скажи скорее,
Что это ложь.

Гвидерий

Я сделал, что сказал.

Цимбелин

Он принцем был.

Гвидерий

И наглецом! Ругательства его
Отнюдь не царственно звучали! Если б
Ревело море так, я и ему
Отсек бы голову, и очень рад,
Что не стоит он, похваляясь тем же,
Пред нами здесь.

Цимбелин

Мне жаль тебя, но вынес
Ты приговор себе... Связать его
И увести.

Беларий

Нет, погоди, король.
Он выше принца родом и не ниже,
Чем ты. И ты ему обязан больше,
Чем сотне принцев.
(Страже.)
Рук его не троньте —
Они не для оков.

Цимбелин

Зачем ты, старец,
Еще не получив награды, губишь
Свои заслуги, гнев наш вызывая?
Нам равен он?

Арвираг

Перехватил, отец!

Цимбелин

За это ты умрешь.

Беларий

Мы все умрем,
Но прежде докажу я, что они
Так знатны, как сказал я.

Цимбелин

Взять его!
Пощады нет ему.

Беларий

Не горячись!
За воспитанье сыновей своих
Сначала уплати мне, а уж после
Взыщи, что дал.

Цимбелин

За сыновей моих?

Беларий

Я слишком дерзок, но с колен не встану,
Пока высокий сан им не верну,
А там казните старца. О, король!
Меня считают юноши отцом,
Себя — моими сыновьями. Нет!
Они твое потомство, повелитель,
В них кровь твоя.

Цимбелин

Они мое потомство?

Беларий

Как ты, король, сын своего отца.
Тобой рожденных принцев — это принцы! —
Растил я двадцать лет; их обучил
Всему, что знал, — тебе, король, известна
Моя ученость. Мальчики, приблизьтесь,
Чтоб выразить отцу и государю
Свою любовь и преданность.

Гвидерий

Мы с ним
Чужие люди. Я давно уж взрослый
И не могу отцов менять, как платье.

Цимбелин

Ты выродок. А что твой брат мне скажет?

Арвираг

Что оба мы уже в таких годах,
Когда тяжка отцовская опека,
И что от наставлений я устал.

Цимбелин *(Беларию)*

Так вот чему учил ты их!

Гвидерий

Учил
Он нас обоих говорить лишь правду
И ей в лицо смотреть.

Беларий

Мой государь,
Никто из нас не в силах угадать,
Что наши дети думают. Простите
Его за дерзость — я всему виною.

Гвидерий

Коль речь идти тут может о вине,

Виновен тот, кем создан я, а создал
Не человек меня. Я — это я.
Коль люб — примите, нет — гоните.

Якимо

Луций,
Запоминай слова того, кому
Подвластен будет остров сей суровый.

Гвидерий

И кто тебя в наставники возьмет?
Так, что ли, вор? Нет, ремесло монарха
Не для меня. Когда я жил в пещере,
Я думал, что дворец — обитель славы,
Где мне, когда б я государем стал,
Служили б люди, мудрые в совете,
В бою лихие, праведные в жизни.
Но это был лишь сон. Теперь я вижу,
Что стать мне новым Клотеном придется,
И болтовне льстецов с тоской внимать,
И чтить богов, измышленных жрецами,
И в жены взять не ту, кого люблю,
И слушаться болванов престарелых
С их вечными «нельзя» иль «вы должны».
Нет, нет, верните мне мою пещеру,
Друзей четвероногих и нельстивых,
А трон я Полидору отдаю.

Арвираг

Спасибо, брат, но он и мне не нужен.

Цимбелин

Я рад, что честолюбье чуждо вам.
Наследников не жалуют монархи,
И поделом.

Арвираг

Не бойтесь, государь.
Мы не из тех, кто в чаянье наследства —
Иль даже трона — смерти ближних ждет.

Гвидерий

Довольно... Отвечай, Фиделе, вправду ль
Ты женщина и этот человек —
Твой муж законный?

Имогена

Да, и он велел
Убить меня.

Постум

Пора забыть об этом.

Цимбелин

Чем злиться, зять, веди жену домой.
Вы в браке с ней, а брак нельзя расторгнуть.
Все разъяснилось, иль еще остались
Секреты нераскрытые?
(Имогене.)
Ступай,
Переоденься так, как подобает
И званию, и полу твоему.
Ужель тебе не стыдно?

Имогена

Нет.

Цимбелин

Что? Нет?

Имогена

Чего стыдиться мне? Я потеряла
Супруга, счастье, веру в человека,
А муж мой — хоть бы что.

Постум

Я слишком счастлив,
Чтобы горевать.

Якимо

Послушайте, принцесса,
Я бился с ним, когда вы появились.
Пусть он вам подтвердит, что я за вас
Отмстить пытался.

Имогена

Полно, не смешите.
Смех слишком часто заставляет нас
Позабывать грехи, прощать обиды.

Якимо

И избавляет мир от многих тысяч
Убийств бесцельных. Но позвольте мне
За Постума вступиться. Он, конечно,
Пред вами виноват, зато теперь
Прощать обязан будет ваши вины,
А вы хоть и достойная особа,
Но все-таки не ангел.

Имогена

Нет, не ангел,
Но и не дрянь. Ах подлый итальянец,
Как только в сундуке ты не задохся!

Якимо

Не знаю сам.

Имогена

Паясничать не смей.
Я ухожу домой и постараюсь
С печальной долей женской примириться.

Постум

И этого достаточно с меня.
(Обнимает ее.)

Беларий

Персты небесных сил коснулись струн
Гармонии и мира.

Луций

Мир навеки!
Мы с Якимо все так доложим в Риме,
Что, я надеюсь, наш могучий Цезарь
Свою любовь с великим Цимбелином,
Сияющим на западе, сольет.

Цимбелин

Хвала богам! Пусть дым от алтарей
Несется к небу! – Возвестить о мире
Всем подданным! – Идем! Пусть реют вместе
Британские и римские знамена.
Так мы пройдем по городу во храм
Великого Юпитера, где с Римом
Скрепим союз и празднество устроим.
Хотя с мечей еще не стерта кровь,
Но мир царит; война не вспыхнет вновь.

ЖЕНЕВА

Еще одна политическая экстраваганца

1938

GENEVA

Майское утро в Женеве. Убогого вида контора, обставленная подержанной мебелью: посреди комнаты потемневший от времени письменный стол, на нем старая пишущая машинка, возле — вращающийся стул для машинистки и давно не крашенный и не лакированный стенной шкаф. У стены ближе к двери три стула для посетителей. Справа от стола печь — железная, примитивная, без всяких украшений, предназначенная скорее для подогревания котла в подвале дома с паровым отоплением.

Стенной шкаф — слева от стола, между столом и дверью. Окно — позади стула.

На стуле сидит молодая особа, англичанка. Судя по всему, она занимается составлением картотеки: по столу разбросаны карточки, стоит открытый ящик, лежит стопка анкет, с которых она переписывает сведения на карточки. Но в данную минуту она не работает. Она сидит, положив ноги на стол, курит и читает иллюстрированный журнал. Сбоку на выдвижной полочке стола — термос, чашка с блюдцем и пачка сигарет. Вид у молодой особы самоуверенный, она привлекательна и сознает это. Платье на ней, хотя и модное, куплено в магазине, а не сшито на заказ, речь и манеры выдают обитательницу лондонского предместья.

Стук в дверь. Машинистка поспешно опускает ноги, вскакивает, бросает сигарету в печку, торопливо прячет вещи с полочки в шкаф, затем снова садится за стол и принимает сугубо деловой вид.

Машинистка *(кричит)*. Entrez, s'il vous plaît[1].

Входит пожилой господин представительной наружности, с белокурой бородой и усами, в цилиндре, сюртуке и перчатках. С нескрываемым удивлением взирает на комнату и машинистку.

Он. Прошу прощения, мадемуазель, мне нужен Международный комитет по интеллектуальному сотрудничеству.

Она. Вы туда и попали. Садитесь, пожалуйста.

---

[1] Войдите, пожалуйста (*франц.*).

Он (*нерешительно*). Благодарю вас, но у меня дело первостепенной важности. Мне необходимо поговорить с вашим шефом. Это ведь не главная резиденция?

Она. Нет, главная в Париже. А у нас только эта каморка. Не очень богато, верно?

Он. Да, по правде говоря, поглядев на великолепный особняк Международного бюро труда и новые помещения Секретариата, я ожидал, что Комитет по интеллектуальному сотрудничеству размещен также в каком-нибудь величественном здании.

Она. Безобразие, чистое безобразие! Вот и написали бы об этом в газету. Садитесь же.

Он. Благодарю вас. (*Берет один из стульев, стоящих у стены.*)

Она. Нет, этот не трогайте, у него ножка подламывается, он просто для виду стоит. Возьмите, пожалуйста, другой.

Он. Неужели Комитету не по средствам приобрести новый стул?

Она. Комитету все не по средствам. Интеллектуальное сотрудничество живет на проценты от двух миллионов бумажных франков, за которые теперь и три пенса не получишь. Потому я и сижу в этой паршивой комнатушке на третьем этаже. Дом скоро рухнет, и крыс полно. И жалованье у меня такое, что стыдно назвать. Церковный совет благотворителей и тот постеснялся бы столько платить.

Он. Я несказанно удивлен. (*Берет прочный стул, ставит поближе к столу, садится.*) Интеллектуальное сотрудничество шестидесяти стран – дело, очевидно, хлопотное. Как же вы справляетесь в таких трудных условиях?

Она. Пустяки, справляюсь вполне благополучно. Спешить, слава богу, некуда.

Он. Но каким образом... простите, что отнимаю у вас столько времени...

Она. Ничего, отнимайте. Я сама рада перекинуться с кем-нибудь словечком. Сюда ведь никто никогда не заглядывает. Видно, и слыхом не слыхали про Комитет.

Он. Так, выходит, у вас тут не ведется никакой работы?

Она. Да нет, я же вам говорю: все интеллектуальное сотрудничество лежит на мне. Я в конторе одна, мне даже рассыльного не дают. А обязанностей пропасть! Хорошо еще, что спешки никакой, а то бы мне не справиться. Полюбуйтесь вот, какую мне задали задачу! Я составляю алфавитную картотеку всех университетов с именами и адресами всех ректоров и казначеев. Да еще половину времени отнимает переписка насчет защиты ученых степеней.

Он. И это называется интеллектуальным сотрудничеством?

Она. А вы бы как это назвали?

Он. Просто сбором сведений. А где же гиганты мысли, входящие в ваш Комитет? Как они используют на благо народов мира свой громадный заряд интеллекта, свое влияние, авторитет? Как они исправляют ошибки наших невежественных государственных деятелей?

Она. Что значит — как? На бланках стоят их имена. А что еще с них требовать? Не будут же они сидеть в этой дыре и беседовать с посетителями. Я ни одного гиганта в глаза не видела.

Он. Стало быть, они все взвалили на вас?

Она. Ну нет, я бы не сказала, что все. В Париже, например, есть главное отделение и еще филиалы в других странах. Они, наверное, тоже кое-что делают. Во всяком случае, мы друг с другом беспрерывно переписываемся. Но вообще-то я тут помираю со скуки. Когда я сюда поступала, я думала, будет интересно, повидаю всех знаменитостей. У меня, откровенно говоря, есть честолюбие. В школе я получала стипендию от лондонского совета графства. Мне хотелось найти такое место, где можно проявить мои способности, понимаете? А здешняя работа для простой машинистки. И никто сюда близко не подходит. Скучища!

Он. А что, если, мадемуазель, я вам предложу интересную работу? Благодаря которой вас заметят и вы, может быть, даже прославитесь?

Она. Хоть сейчас! Если, конечно, она приличная.

Он. В каком смысле — приличная?

Она. В нравственном. Чтобы никаких фиглей-миглей. И моя порядочность чтобы осталась при мне.

Он. Даю вам слово, что в моем предложении нет ничего предосудительного.

Она. А сколько я буду получать? И надолго ли меня возьмут? Здесь, может, и скучно, и жалованье нищенское, но зато на двадцать пять лет место мне обеспечено. Словом, такой службой не бросаются неизвестно ради чего. Вы не представляете, что значит сидеть без работы.

Он. Я не буду вас уговаривать отказываться от нынешнего места. Напротив, как раз очень важно сохранить его. Но, думаю, я смогу придать вашей работе кое-какой интерес. И само собой разумеется, я буду делать вам подарки, если ваши доходы покажутся вам недостаточными.

Она. Уже кажутся. Но взяток я не беру.

Он. И не надо. Мои дружеские услуги никак не будут связаны с вашей официальной службой.

Она. Послушайте, что-то мне это совсем не нравится. Какое у вас дело?

Еврей. Прежде всего должен пояснить, что я еврей.

Она. Никогда бы не поверила. Вы нисколько не похожи на еврея.

Еврей. Я не какой-нибудь вульгарный хеттей. Мой профиль не изобразишь, нарисовав вместо носа шестерку. И волосы не черные, не вьются и не лоснятся. У меня налицо все признаки белокурого немца. Мой родной язык – немецкий, и вообще я немец во всех отношениях. Но молиться я хожу в синагогу и во время молитвы накрываю голову, а не обнажаю, как немцы. На этом основании меня причисляют к неарийцам, хотя это чепуха, так как арийцев в природе не существует.

Она. Я полностью с вами согласна. Здешние немцы говорят, что я арийка, а я утверждаю – ничего подобного! Я англичанка. Конечно, я не простая англичанка, я из Кэмберуэлла. И пускай себе Вест-Энд задирает нос перед Кэмберуэллом, все равно Пекем нам в подметки не годится.

Еврей. Охотно верю. Я лично там не был.

Она. Я всегда терпеть не могла пекемцев. Их никто не любит. Чисто инстинктивно. Вы не замечали?

Еврей. Всякий народ, взятый огулом, вызывает неприязнь. И англичан не любят, и немцев, и французов. Протестантов тоже не любят, а все их бесчисленные секты не любят друг друга. И католиков тоже не любят, и иезуитов, и масонов. Вы говорите, пекемцев не любят? Надо полагать, они этого заслуживают.

Она. Еще как.

Еврей. Некоторые из величайших гениев презирали весь род человеческий. Если бы не Ной, человечество не уцелело бы – Создатель потопил бы всех. И можем ли мы отрицать, что у Него были веские причины не любить их? Могу ли я отрицать, что имеются веские причины не любить евреев? Больше того, я сам их не люблю.

Она. Ну, это вы напрасно. Я знаю кучу вполне симпатичных евреев. Не понимаю, чего к ним так прицепились. Что они, хуже других людей?

Еврей. Именно в связи с этим вопросом я и пришел сюда. Как хорошо, что вы оказались такой умной... такой понимающей...

Она. Ну, ну, бросьте эти штуки! Какое у вас дело?

Еврей. Верховный правитель моей страны оскорбил мою честь, лишил меня крова, выгнал из отечества. Сам я теперь лицо, потерпевшее крах. Что я могу поделать один? А Лига наций может. Она может действовать через Комитет по интеллектуальному сотрудничеству. А Комитет может действовать через Постоянную палату международного правосудия в Гааге – она тоже орган Лиги. Я пришел просить Комитет обратиться в суд с требованием арестовать верховного правителя. Я обвиняю его в оскорблении действием, краже со взломом...

Она. Со взломом? К вам вломились в дом?

Еврей. Я не могу говорить об этом спокойно. Все, чем я дорожил, разбито вдребезги! Уничтожено! Осквернено! Я не прощу никогда, я никогда не забуду!

Она. А почему вы не вызвали полицию?

Еврей. Мадемуазель, это и есть дело рук полиции. Дело рук правительства. Ведь полиция подчинена диктатору, и он должен ответить перед Европой! Перед цивилизацией! Я призываю Лигу Наций возместить мне ущерб. Она одна имеет право призвать неправедных правителей к ответу. А инициативу должен взять на себя Комитет по интеллектуальному сотрудничеству. То есть в данном случае вы, мадемуазель.

Она. Да что же я-то могу поделать? Пойти и притащить вашего неправедного правителя за шиворот?

Еврей. Нет, мадемуазель. Вы обратитесь в Международный суд с требованием арестовать моего обидчика по обвинению в попытке истребить некую часть человечества.

Она. Хм, а не слишком ли много я на себя возьму?

Еврей. Нисколько. Вы будете действовать не от своего лица, а от имени интеллектуальных сил Европы. Уверяю вас, это правильная линия поведения.

Она. Да, но я не сумею написать письмо со всякими там юридическими выражениями.

Еврей. Это очень просто. Впрочем, если позволите, я набросаю для вас черновик письма.

Она. Полегче, господин еврей, так не пойдет.

Еврей. Тогда напишите сами. Не сомневаюсь, что вы отлично справитесь. Вам как раз представляется случай показать Комитету, чего вы стоите.

Она. Знаете что: у меня есть один друг, американский журналист. Вы не против, если я покажу ваш черновик ему, прежде чем отсылать?

Еврей. Американский журналист! Превосходно! Покажите

непременно и попросите исправить, если нужно. Все-таки я немец, и мой английский, вероятно, оставляет желать лучшего.

Она. Ну и чудно. Спасибо большое.

Еврей. Не за что. (*Встает.*) Я принесу черновик сегодня же. Итак, au revoir.[1]

Она. Au revoir.

Они дружески прощаются за руку. В этот момент дверь открывает пожилой мужчина напористого вида, почтенной, но отнюдь не аристократической наружности. Выговор у него, как у лавочника из провинции или эмигранта — жителя доминионов.

Новый посетитель. Можно видеть хозяина, мисс?

Она (*надменно-небрежным тоном, очевидно, имитируя утонченную и светскую, по ее понятиям, манеру, резко отличающуюся от той любезной непринужденности, с какой говорила с благовоспитанным евреем*). К сожалению, главы Комитета находятся в самых разных городах Европы, они люди занятые. Может быть, я могу быть чем-то полезна?

Новый посетитель (*кинув взгляд на еврейского господина*). Я, кажется, помешал?

Еврей. Нисколько. Я закончил свои дела. (*Щелкает каблуками и кланяется.*) До скорой встречи, мадемуазель. (*Кланяется новому посетителю, выходит.*)

Она. Можете сесть.

Новый посетитель. Я вас задержу не больше, чем на минутку, мисс. (*Садится и достает какие-то записи.*)

Она. Только, будьте добры, поскорее, у меня сегодня очень много работы.

Новый посетитель. Еще бы, вы тут, можно сказать, за всех за нас думаете. Если какая страна собьется с панталыку, у вас тут ее живо на ум наставят. Правильно я говорю?

Она (*с апломбом*). Безусловно.

Новый посетитель. Значит, история такая: в нашей стране недавно проходили выборы. Мы думали, борьба пойдет, как всегда, между национальной партией и лейбористами. Но верх взял какой-то выскочка, который именует себя «деловым демократом». Он собрал большинство голосов, переплюнул национальную партию и лейбористов, и ему

[1] До свиданья (*франц.*).

досталось формировать правительство. И что, вы думаете, этот тип сделал, как только стал премьер-министром?

Она (*скучающим голосом*). Не имею понятия.

Новый посетитель. Он заявил, что избран как деловой демократ, а значит, не будет тратить время зря и сразу примется за дела нации.

Она. Ну и правильно. Жаловаться тут как будто не на что.

Новый посетитель. Погодите. Сейчас я вас ошарашу. Он заявил, что страна сама всенародным голосованием поставила у власти его и его партию на пять лет и теперь никакой оппозиции он не потерпит. А потому, мол, пусть побежденное меньшинство убирается вон и не досаждает ему. Оппозиция, само собой, не пожелала смириться и отказалась покинуть зал. Тогда он распустил парламент до утра, а на другой день полиция просто не пустила членов оппозиции в здание. Большинство из них даже к дверям пробраться не смогли, потому что премьер-министр на подмогу полиции сколотил отряд молодчиков, называющих себя «чистые рубашки».

Она. Ну и что?

Новый посетитель. «Ну и что»?! И больше вам нечего сказать?

Она. А что еще вы хотели бы от меня услышать? По-моему, все идет правильно. Любой деловой человек поступил бы так же. Вот вы, например?

Новый посетитель. С партнерами по делам я поступил бы, конечно, так же. Но ведь тут политика.

Она. Ну и что? Какая разница?

Новый посетитель. Ясно, очень большая! Дело и политика — вещи совершенно разные. Вы что, сами не знаете?

Она. Знаю-знаю.

Новый посетитель. Мое мнение такое: деловые методы одно, а парламентские — другое.

Она (*оживившись*). «И с места они не сойдут», как выразился Киплинг.

Новый посетитель. Нет, Киплинг мне не по душе. Он империалист, а я демократ.

Она. Но не деловой демократ, если я правильно вас поняла.

Новый посетитель. Нет, не деловой. Я настоящий демократ, я целиком за права меньшинства.

Она. А я всегда считала, что демократия — это право большинства поступать по-своему.

Новый посетитель. Ну нет, тогда бы свободе пришел конец. Надеюсь, вы не возражаете против свободы?

Она. Я вообще никогда не возражаю. Я здесь не для того, чтобы рассуждать с каждым посетителем о политике. Что вам угодно?

Новый посетитель. Значит, так. Если какой-то премьер-министр виновен в государственной измене, в мятеже и нарушении привилегий законодательного собрания, в использовании вооруженных сил против коронованных особ, в попрании конституции, установлении диктатуры и недопущении в зал законно избранных членов парламента, то что с ним делать?

Она. Это очень просто. Я обращусь в Международный суд в Гааге с требованием арестовать его на основании перечисленных обвинений. Зайдите в конце недели, когда придет ответ из Гааги. Оставьте мне имя этого человека и все подробности...

Новый посетитель (*выкладывает перед нею на стол свои записи*). Все тут, мисс. Черт побери, отличная идея!

Она. Благодарю вас. Больше ничего не нужно. Всего хорошего.

Новый посетитель (*встает и направляется к двери*). Да, ничего не скажешь, вы тут умеете делать дела. Всего хорошего, мисс.

В ту минуту как он подходит к двери, дверь распахивается ему навстречу и появляется вдова: креолка лет сорока со следами знойной южной красоты. Ее величественная осанка и роскошный наряд в один миг повергают машинистку в состояние нервной растерянности.

Вдова. Вы – председатель Комитета по интеллектуальному сотрудничеству Лиги наций?

Новый посетитель. Нет, мэм. Вот эта леди сделает все, что вам требуется. (*Выходит.*)

Вдова. Это что – шутка? У меня важное дело. Я явилась сюда, чтобы изложить его выдающимся деятелям Европы, а вовсе не первой попавшейся молодой особе.

Она. Да, боюсь, на деятеля я непохожа. Я, так сказать, только персонал. Но если я что для вас могу сделать, я с удовольствием.

Вдова. А где ваше начальство?

Она. Н-да, на этот вопрос ответить нелегко. Оно, понимаете, разбросано по всему свету.

Вдова. Но приезжают же члены Комитета сюда, чтобы выполнять свои обязанности?

Она. Да выполнять-то им, собственно, нечего. Наши дела ведь чисто интеллектуальные.

Вдова. Но разве они не бывают на Ассамблее Лиги наций?

Она. Некоторые побывали... один раз. А во второй раз на нее никого не загонишь.

Вдова. Но я должна с кем-то поговорить... с кем-то влиятельным.

Она. К сожалению, кроме меня тут больше никого нет. Однако я сделаю все, что от меня зависит. Кстати, может быть, вы хотите обратиться в Международный суд в Гааге?

Вдова. Вот-вот, именно это мне и нужно. Мне нужен смертный приговор.

Она. Что-о?

Вдова. Смертный приговор. Я сяду, если разрешите.

Она. О да, прошу вас...

Вдова (*садится*). Вот, поглядите. (*Достает из сумочки пистолет и кидает на стол.*)

Она. Ой, что вы, в Женеве запрещено носить оружие. Уберите быстрей, пока никто не зашел.

Вдова (*прячет пистолет в сумку*). Какая нелепость. В моей стране все носят оружие.

Она. Можно узнать, в какой стране?

Вдова. В республике Земной Рай.

Она. Когда-то мою мать в школе наградили книгой «Земной Рай». Какое совпадение!

Вдова. Следовательно, вам известно, что Земной Рай одно из ведущих государств в мире по уровню культуры и чистоте расы. Перед последней революцией в его столице насчитывалось более двух тысяч белых граждан. Да и сейчас еще осталось, вероятно, тысячи полторы.

Она. А ваша республика входит в Лигу наций?

Вдова. Разумеется. И позвольте вам напомнить, что мы имеем право наложить вето на любое решение Лиги, если она не отнесется к нам с должным вниманием.

Она. Правда? А я и не знала. Конечно, я охотно обращусь в суд и потребую приговора. Но мне не хотелось бы требовать сразу смертного. Это звучит как-то неприятно, вы не находите? Вы мне только дайте список обвинений против... ну, против того, кого вы обвиняете.

Вдова. У меня всего одно обвинение. Я обвиняю президента республики Земной Рай в преднамеренном убийстве моего мужа.

Она. Но ведь если убивает президент, это не убийство, а казнь,

а вот если убивают президента, тогда это государственное преступление.

Вдова. А не для того ли и существует Лига наций, чтобы покончить с таким порядком?

Она. Ах, не спрашивайте меня про Лигу наций. Я знаю только одно: она мне платит жалованье. Скажите просто, кто убил и кого. Обожаю истории про убийства.

Вдова. Вам они быстро надоели бы, если бы вы жили в Земном Раю, у нас на каждую семью по меньшей мере по одному убийству.

Она. Какой ужас! У вас такая варварская страна?

Вдова. Варварская? Ничего подобного. Земной Рай самая цивилизованная страна в мире. Наша конституция в высшей степени демократична, каждый президент клянется неукоснительно соблюдать ее. Церковь упразднена. По нравственным вопросам нет других авторитетов, кроме воли народа. Президент и парламент избираются всем взрослым населением каждые два года. То же касается судей и всех государственных служащих, включая метельщиков. Все эти порядки, сделавшие Земной Рай самым прогрессивным членом Лиги наций, ввел мой муж, который был шестым президентом. Он строго соблюдал конституцию, выборы проводились со всей неподкупностью, голосование было действительно тайным. Впервые в жизни народ почувствовал себя свободным. Сразу после выборов был утвержден бюджет на два года. После чего мой муж объявил перерыв в работе парламента до конца этого срока и стал руководить страной сам в соответствии со своими взглядами, а народ жил в свое удовольствие и зарабатывал деньги кто как хотел, и не было никаких политических неурядиц и раздоров. Моего мужа переизбирали три раза и по сей день называют отцом народа.

Она. Но вы сказали, что его убили и убил его президент. Что же, он сам себя убил?

Вдова. К несчастью, у него были кое-какие слабости. При том, что это был муж любящий, можно даже сказать, обожающий, он не отличался супружескй верностью. Если бы не общественное мнение, он упразднил бы не только церковь, но и брак. Кроме того, он был слишком великодушен к своим врагам. Всякий раз, как он одерживал победу на выборах, его конкурент, естественно, тут же собирал армию и пытался устроить переворот: мы нация пылкая и не желаем мириться с унизительностью про-

вала на выборах. Будучи гением в военных делах, мой муж легко справлялся с мятежами. Хотя, вместо того чтобы, как принято, расстрелять противника, он каждый раз прощал его и тем подстрекал бунтовать снова и снова. Я без устали убеждала его не рисковать так легкомысленно жизнью, но тщетно: он не желал меня слушать. И наконец я обнаружила причину. У него был роман с женой его противника, моей лучшей подругой. Мне пришлось ее убить... убить мою любимую подругу... (*Рыдает.*)

Она. Ну, это вы зря! Вам не кажется, что это была излишняя крайность?

Вдова. Я поступила так под давлением общественного мнения, как уважающая себя жена и мать. Бог свидетель, мне не хотелось убивать ее. Я ее любила. Будь у меня десять мужей, я отдала бы ей их всех. Но как пойдешь против обычаев своего класса? Моим братьям не раз приходилось драться на дуэлях и убивать своих лучших друзей, потому что того требовал этикет.

Она. А куда смотрела полиция? Вас не судили?

Вдова. Разумеется, судили. Но я сослалась на неписаный закон традиций, и меня оправдали. К несчастью, скандал лишил моего мужа популярности. На следующих выборах победил его противник, которого он имел глупость пощадить. Вместо того чтобы выступить с армией и отомстить за оскорбление, мой муж совершенно пал духом, после смерти любовницы он сидел дома и тосковал, пока враги не пришли и не убили его. На самом деле они хотели убить меня, и видит небо, как я скорблю (*новый взрыв слез*), что они меня не застали. Я отлучилась из дому в тот час, и, не найдя никого другого, они решили застрелить моего мужа.

Она. Какой удар для вас!

Вдова. Нисколько. Так ему и надо. После того как мне пришлось убить женщину, которую мы оба любили больше, чем друг друга, он перестал со мной разговаривать. Думаю, он бы обрадовался, если бы меня убили. Но я его не виню. Так какой же, скажите, прок от Лиги наций, если она не может покончить с подобными безобразиями?

Она. При чем тут Лига наций?

Вдова. Как при чем? Да знаете ли вы, милочка, что, если Лига не привлечет к судебной ответственности убийцу моего мужа, сыну моему придется положить начало кровной вражде и собственноручно застрелить преступника, хотя они вместе учились в школе и их водой не разольешь.

Это противно законам Природы, противно законам Бога. Если ваш Комитет не вмешается, я застрелю всех его членов, а заодно и вас. (*Встает.*) Прошу извинить, я больше не могу здесь находиться. Если я сейчас же не выйду на свежий воздух, я упаду в обморок. (*Достает из сумочки бумаги и визитную карточку и швыряет на стол.*) Здесь все написано. Всего хорошего. (*Выходит так же решительно, как появилась.*)

Она (*приподнимаясь*). Всего...

Но вдова уже исчезла, и машинистка, очень взволнованная, опускается на стул с долгим «у-у-уф!». Входит щегольски одетый молодой американец.

Американский журналист. Послушай, крошка, что это за старуха в мантилье? Уж не бабуся ли знаменитой Кармен? (*Присаживается на край стола справа от машинистки.*)

Она. Она застрелила свою любимую подругу... Ее вынудили... Кошмар! А у нее самой застрелили мужа... Она грозится застрелить меня, если Лига наций не примет мер...

Журналист. Шикарно! Грандиозно!

Она. А тебе, я вижу, все равно? Ну и утречко у меня сегодня! Травля, переворот, убийство, чего только нет! В конторе все время толпится народ. Наедине побыть ни минуты не удастся.

Журналист. Неважно, крошка, зато теперь у меня заведется монета. Сколько месяцев я тут околачиваюсь, стряпая новости для своей газеты. А новостей нет как нет. И вдруг ты мне подносишь целый ворох! Какой улов, золото мое! Ты молодчина. (*Целует ее.*)

Стук в дверь.

Она. Тс-с. Кто-то стучит.

Они отскакивают друг от друга, он идет к печке, она усаживается на стул.

Журналист. Войдите!

Входит английский епископ. Он в гетрах, дряхлый, кроткого и благодушного вида.

Епископ. Прошу прощения, здесь кто-нибудь говорит по-английски?

Журналист (*изо всех сил стараясь изобразить изысканные*

манеры). Это мой родной язык, милорд. А также родной язык присутствующей дамы.

Обмениваются поклонами.

Не соблаговолите ли присесть, милорд?

Епископ (*садится*). Благодарю вас. Ваша лестница оказалась мне не под силу: годы уже не те. Врачи советуют не перетруждать сердце. В моем возрасте поездка в Женеву может привести к самым губительным последствиям. Лишь дело безотлагательной важности заставило меня пуститься в путь.

Журналист. Можем ли мы надеяться, милорд, что нам будет предоставлена честь оказать вам содействие в связи с возникшим у вас безотлагательным делом?

Епископ. Ваш совет был бы для меня чрезвычайно ценен: я не знаю, что делать дальше, к кому здесь обратиться. Когда я пытаюсь открыть людям глаза на создавшееся положение вещей, которое угрожает цивилизации, религии, семье, чести женщины и даже, мне говорили, нашей экономике, я всюду наталкиваюсь на равнодушие, апатию. Или люди сошли с ума? Или у них нет глаз? Неужели им все равно?

Журналист. Ай-ай-ай! (*Ставит стул между столом и печкой.*) Прошу вас, милорд, присядьте. Что произошло?

Епископ (*опускаясь на стул*). Сэр, в моей епархии проповедуют коммунизм. Коммунизм!!! Мой дворецкий, прослуживший у меня сорок лет, человек преданный и достойный, утверждает, что мой лакей — а я единственный из всех епископов Англии еще могу держать лакея, — что мой лакей — ячейка.

Журналист. Ячейка? Как в рыболовной сети? Вы оказались в сетях шпионажа?

Епископ. Нет, нет, другая ячейка, как у пчел в сотах. Коммунистическая ячейка. Коммунисты подослали его ко мне, чтобы вести свою ужасную пропаганду прямо у меня в доме! А мой внук, студент Оксфорда, вступил в коммунистический клуб. Студенческий союз — оксфордский союз студентов! — поднял красный флаг. Ужасно! А моя внучка — нудистка! Когда-то мне было дозволено представить моих дочерей славной королеве Виктории. Что если бы королева увидела сейчас мою внучку? Она бы вызвала полицию. Надо ли удивляться, что у меня больное сердце? На меня обрушивается удар за ударом. Мой соб-

ственный слуга, сын почтеннейших родителей, — и почти католик!

Журналист. Ушам своим не верю, милорд. В какие времена мы живем!

Она (*с подчеркнуто официальным видом*). Этот случай просто создан для Международного суда в Гааге, милорд.

Епископ. Да, да! Бесценный совет. Суд обязан запретить красным насаждать свои чудовищные взгляды в Англии. Об этом есть в международном договоре.

Его прерывает появление элегантного русского господина, в котором епископ радостно узнает знакомого

(*Вставая.*) Ах, дорогой сэр, вот мы и снова встретились. (*Машинистке и американцу.*) Я имел удовольствие познакомиться с этим джентльменом вчера в отеле. Он проявил такой интерес к англиканской церкви, что мы совсем заговорились и я лег много позже своего обычного часа. (*Сердечно пожимает тому руку.*) Здравствуйте, дорогой друг, как поживаете?

Русский. Отлично, милорд, спасибо. Я, кажется, помешал вам?

Епископ. Нет, нет. Прошу вас, останьтесь. Вы только поможете. Ваше сочувствие будет мне поддержкой.

Русский. Вы очень добры, милорд. Я полностью к вашим услугам.

Епископ (*признательно бормочет, усаживаясь снова на стул*). Спасибо. Спасибо.

Русский. Разрешите представиться. Я — комиссар Поский, член Совнаркома и Политбюро, делегат Совета Лиги наций.

Епископ (*объятый ужасом, с трудом поднимается на ноги*). Вы — большевик?!

Комиссар. Вне сомнения.

Епископ падает в обморок. Общая суматоха. Мужчины кидаются к нему.

Не трогайте его, так он скорее придет в себя.

Она. У меня в термосе холодный лимонад. Может быть, дать ему?

Епископ (*лежа на полу*). Где я? Что случилось?

Журналист. Вы в женевском отделении Комитета по интеллектуальному сотрудничеству. У вас был легкий сердечный приступ.

Комиссар. Лежите тихо, товарищ. Сейчас вам станет лучше.

Епископ (*садясь*). Сердце тут ни при чем. (*Комиссару.*) Я испытал нравственное потрясение. Вчера вы выдавали себя за образованного гуманного джентльмена, интересующегося делами англиканской церкви. А теперь выясняется, что вы красный. Какое право вы имели сыграть со мной такую жестокую шутку? *(Привстает, комиссар поддерживает его.)* Не надо, я обойдусь без вашей помощи, благодарю вас. *(Пытается встать сам, но падает, комиссар подхватывает его.)*

Комиссар. Держитесь, товарищ.

Епископ *(усаживаясь в кресло с помощью комиссара).* Я вынужден еще раз поблагодарить вас. Но я содрогаюсь от прикосновения ваших рук, запятнанных кровью.

Комиссар. Руки у меня чистые, товарищ. И никаких шуток я и не думал разыгрывать. Наверное, вы еще не вполне пришли в себя. Мы с вами вчера познакомились. Вы не узнаете меня?

Епископ. Красный! Если бы я знал это вчера, я с омерзением отверг бы подобное знакомство.

Журналист (*возвращаясь на прежнее место у печки*). Россия — член Лиги наций, милорд. И этот джентльмен занимает здесь такое же положение, как британский министр иностранных дел.

Епископ (*со страстью*). Нет, ни за что не поверю.

Она (*беззаботным тоном*). Чем мы можем быть вам полезны, господин Поский? Простите, не предлагаю вам сесть. У того стула подламывается ножка.

Комиссар. Пожалуйста, не беспокойтесь. У меня минутное дело. Как вам известно, Советское правительство пошло на то, чтобы дать обещание не поощрять и не субсидировать пропаганду коммунизма, если она примет форму заговора, имеющего целью свергнуть правительство Великобритании.

Епископ. Да, а в нарушение этого обещания вы развратили моего лакея и из честного добропорядочного молодого англичанина сделали какую-то ячейку!

Комиссар. Вашего слугу? Я ничего не слыхал про него. Если у него хватило ума стать коммунистом, как это задолго до русской революции сделали многие выдающиеся англичане, то мы не можем ему помешать. Однако он не является нашим агентом и мы не оказываем ему денежной поддержки.

Журналист. По какому же все-таки вопросу вы пришли, товарищ Поский?

Комиссар. Мы только что обнаружили, что в России действует опаснейшая организация, получающая финансовую помощь с Британских островов и ставящая своей целью свержение советской системы и учреждение взамен нее англиканской церкви и британской конституции.

Епископ. А почему бы и нет, сэр? Почему? Есть ли цель более естественная, более вожделенная? Неужели вы, с вашей слепой ненавистью ко всем британским установлениям, к свободе мысли и свободе слова, назовете преступлением защиту порядка, признанного во всем мире самым лучшим и самым свободным?

Комиссар. У нас на этот счет другое мнение. И поскольку обязательство не вести такого рода пропаганду было взаимным, вы должны соблюдать его так же, как и мы.

Журналист. Так что за подрывную организацию вы обнаружили?

Комиссар. Она называется «Общество распространения слова Господня в чужеземных странах», и его агенты действуют повсюду. Они именуют себя миссионерами.

Епископ. Нет, это положительно невыносимо. Он сумасшедший. Я сам жертвую на это общество почти сверх своих возможностей. Эта организация – образец порядочности и благочестия.

Комиссар. Вас ввели в заблуждение: ее деятельность носит подрывной характер. Ее идеи проникли в мой собственный дом. Моя жена целый день на службе, я все свое время отдаю общественной работе. Поэтому домашнее хозяйство целиком лежит на нашей домработнице Федоровне Балюбушке. Многие годы мы с женой нахвалиться не могли этой женщиной. В молодости она была ударником.

Епископ. Вы в России все теперь ударники. От вашего удара я до сих пор не могу опомниться.

Комиссар. Ударником она стала на заре революции, когда была молода и полна энтузиазма. Сейчас она постарела и посвятила себя домашней работе, что соответствует ее возрасту и ее деятельной преданной натуре. Однако два месяца назад с ней произошла разительная перемена. Она начала отказываться от всякой работы, кроме самой необходимой, объясняя это близящимся концом света. Она объявила, что чувствует себя, как она говорит, «спасенной», и теперь без конца мешает мне работать своими попытками «спасти» меня. Она плачет часами оттого, что моя жена обречена вечно гореть в аду. Большевиков она

называет «саранчой», нашествие которой якобы предсказано в Апокалипсисе. Мы уже собирались поместить ее в сумасшедший дом – с большой неохотой, надо сказать, мы любим нашу дорогую Балюбушку, – но тут выяснилось, что она попала под влияние вашего противозаконного общества. Я уведомил нашу организацию, соответствующую вашей тайной полиции и прежде известную у вас как Ге-Пе-У. Она установила слежку и вскоре арестовала четверых миссионеров.

Епископ. И расстреляла их! Христианских мучеников! Всех, кто попадает в лапы Ге-Пе-У, расстреливают на месте, без суда и без благословения церкви. Но я прикажу отслужить по ним заупокойную. Хотя бы таким способом я одержу победу над вашей безбожной диктатурой.

Комиссар. Вы ошибаетесь – их не расстреляли. Их отошлют обратно в Англию, только и всего.

Епископ (*яростно*). А какое вы имели право арестовать их? Какое вы имеете право арестовывать англичан? Как вы смеете преследовать религию?

Комиссар. Этих миссионеров тщательно обследовали наши психологи и доложили, что в их сознании нет ни капли религиозности. Их мозг начинен самыми варварскими предрассудками. Они верят в человеческие жертвоприношения, называя это искуплением грехов кровью. Ни один человек в России не будет в безопасности, пока распространяются подобные доктрины.

Епископ. Вы просто ничего не понимаете. О, какое чудовищное невежество!

Комиссар. А теперь перейдем к следующему вопросу. Наши следственные органы обнаружили секретный документ, распространяемый вашей официальной церковью и называющийся «Тридцать девять статей».

Епископ. Секретный! Да вы загляните в молитвенник!

Комиссар. В церкви этот документ не читают, и это о чем-то говорит. Наши следственные органы признали большинство догматов не имеющими смысла, но один, восемнадцатый, гласит, что все русские будут прокляты во веки веков. Как вам понравится, если наша главная организация, ведающая вопросами культуры, – Коминтерн – станет засылать в Англию агентов, которые будут утверждать, что всех англичан предадут проклятию?

Епископ. Но вы же не сравните Коминтерн с англиканской церковью?!

Комиссар. Товарищ епископ, Коминтерн – официальная

церковь в России точно так же, как англиканская церковь — официальная церковь Англии.

Епископ соскальзывает на пол — он снова в обмороке.

Она. Ох, он опять потерял сознание! Достать термос?

Журналист. На вашем месте, мистер Поский, я бы поднося ему такие сведения поосторожнее. От потрясений люди умирают. В другой раз он может и не оправиться. Между прочим, он может не оправиться уже и на этот раз.

Комиссар. А как я должен был себя вести? Ни у кого из разумных образованных людей мои слова потрясения не вызвали бы. Этот человек, видимо, просто не знает жизни.

Она. Так ведь он английский епископ!

Комиссар. Ну и что? Разве он не обыкновенное мыслящее существо?

Она. В том-то и дело, что нет. Я же вам говорю — он епископ.

Епископ. Где я? Отчего я на полу? Что случилось?

Журналист. Вы в женевском отделении Комитета интеллектуального сотрудничества. Вам только что сообщили, что советский Коминтерн аналогичен англиканской церкви.

Епископ (*вскакивает без посторонней помощи, глаза его сверкают*). Но у меня еще хватит сил опровергнуть это. Антихрист Карл Маркс говорит, что сладостное благородное утешение, которое дарует наша вера, есть опиум, помогающий беднякам выносить тяготы той жизни, которую уготовил им Господь. Учит ваш Коминтерн этому богохульству или нет?

Комиссар. Ни в коем случае. В России нет бедняков.

Епископ. О! (*Падает замертво.*)

Журналист (*щупает ему пульс*). Боюсь, что вы пересолили, товарищ Поский. Пульса нет. Епископ умер.

Поский. Да жил ли он вообще? Мне он все время казался неживым.

Она. Мой лимонад, наверное, больше не понадобится. Вызвать врача?

Журналист. Пожалуй, лучше вызвать полицию. Ну и бум начнется, мистер Поский!

Комиссар. Бум? Не понимаю. Что это значит?

Журналист. Увидите завтра утром европейские газеты — поймете.

Кабинет Секретаря Лиги наций. В кабинете небольшой письменный стол, за которым сидит Секретарь. Стол да стулья — вот и вся мебель. На стенах гравюры и увеличенные фотографии — портреты королей, президентов и диктаторов, по большей части в военных мундирах. Идущий над этой воинственной галереей карниз украшен барельефом из гипсовых голубков. Стену напротив Секретаря занимает большая картина, написанная маслом и изображающая (в человеческий рост) богиню Мира, окруженную коленопреклоненными фигурками, тоже в военной форме, над чьими смиренно опущенными головами она держит венок. За спиной у Секретаря — окно, слева дверь, так что входящий видит Секретаря в профиль. Вдоль стен выстроились несколько стульев, один стул — для удобства посетителей — поставлен поближе к столу.

Секретарь — человек, растерявший на своем посту все иллюзии и вооружившийся терпеливым упорством — результат привычки беседовать с выдающимися государственными деятелями разных стран, в равной степени не понимающими ни духа Женевы, ни структуры Лиги наций и преследующими лишь свои национальные интересы. Сегодня у Секретаря особенно замученный вид. Он невольно вызывает сочувствие, так как внешность у него благородная, и нетрудно догадаться, что начинал он как энтузиаст Женевы.

На столе стоит телефонный аппарат, и Секретарь как раз говорит в трубку.

Секретарь. Да, да, сейчас же пришлите ее сюда. Напомните, как ее зовут. Как?! Аммония? Вздор, такого имени нет. Скажите по буквам... В, е... Ах, Б, е... Ее так и зовут? Бегония? Бегония Браун? Какая нелепица!

Едва он успевает повесить трубку, как входит Бегония — машинистка из Интеллектуального сотрудничества. Она в дешевом, но весьма модном уличном платье.

Секретарь. Мисс Браун?

Бегония (*с ослепительной улыбкой*). Она самая.

Секретарь. Садитесь.

Бегония (*послушно садится*). Гдрю. (*Имеется в виду «благодарю».*)

Секретарь (*серьезно*). Вы уже, конечно, слыхали последнюю новость?

Бегония. Что Джек Паламидис победил на танцевальном конкурсе? Да, конечно. Я поставила на него десять франков, а выиграла сто. Вы тоже на него ставили?

Секретарь (*еще более серьезно*). Боюсь, что вы сочтете меня большим невеждой, мисс Браун, но я никогда в жизни не слыхал о мистере Паламидисе.

Бегония. Да что вы! Вся Женева только о нем и говорит!

Секретарь. Я имею в виду события другого характера, мисс Браун. Германия вышла из Лиги наций.

Бегония. И скатертью дорога, я так считаю! Мой отец потерял кучу денег из-за войны. Иначе бы я — извините за откровенность — не гнула тут спину за пишущей машинкой.

Секретарь. Охотно верю. Следующая новость заключается в том, что Великобритания объявила войну России.

Бегония. Ну а что еще прикажете делать с этими кошмарными большевиками? Давно пора объявить им войну. Но, слава богу, нам-то с вами в Женеве ничто не грозит.

Секретарь. Пока никому ничего не грозит: воюют без оружия, одними санкциями.

Бегония. Тем хуже для нас. Просто стыд. Я бы применила оружие и задала красным жару. С такими отбросами только так и можно. Думать спокойно не могу, сколько они крови пролили и сколько народу поработи́ли... (*спохватывается*) поработи́ли.

Секретарь. Вследствие этого Япония также объявила войну России и теперь оказалась в военном союзе с Великобританией. В результате Австралия, Новая Зеландия и Канада отказались воевать на нашей стороне и вместе с Соединенными Штатами образовали антияпонскую коалицию под названием Новая Британская Федерация. В любой момент к ним может присоединиться и Южная Африка.

Бегония (*вспыхнув от возмущения*). Уж не хотите ли вы сказать, что они собираются развалить нашу любимую Империю?

Секретарь. Об этом речи не было.

Бегония. А, ну тогда все в порядке. Знаете, когда я училась в школе, мне пять раз поручали декламировать стихи в День Империи. А в первый год я как самая младшая преподносила букет сестре короля Георга, которая при-

ехала к нам в школу на раздачу наград. Если кто скажет слово против Империи – будет иметь дело с Бегонией Браун.

Секретарь. Так, стало быть, вы учились в школе?

Бегония. Конечно. За кого вы меня принимаете? Я семь лет ходила в школу, ни одного дня не пропустила. У меня четырнадцать грамот за прилежное посещение.

Секретарь. Боже милосердный!

Бегония. Что вы сказали?

Секретарь. Ничего. Я хотел еще рассказать вам, что случилось в Кветцакополисе, главном порту Земного Рая.

Бегония. Я знаю, это в Центральной Америке?

Секретарь. Да. Толпа напала на британское консульство и сорвала британский флаг.

Бегония (*в ярости вскакивая*). Сорвала британский флаг!!!

Секретарь. А также сожгла три монастыря и две церкви.

Бегония. Ну, это ладно, церкви там католические. Но как они посмели тронуть британский флаг?

Секретарь. Посмели. К счастью, уже был вечер и сотрудники консульства разошлись по домам. Иначе бы их неминуемо растерзали.

Бегония. Грязные свиньи! Надеюсь, британский флот камня на камне у них не оставит и ни одного черномазого не пощадит. Будут знать, как осквернять британский флаг.

Секретарь. И осталась еще одна пустяковая новость: маленький Джексонлендский доминион объявил себя независимой республикой.

Бегония. Стыд какой. Республики – вообще гадость. Но вы не беспокойтесь, республиканцев скоро оттуда вышибут. Сбить с толку народ можно, но не надолго: он все равно вернется к королю и монархии.

Секретарь. А теперь, мисс Браун, я должен вас спросить: отдаете ли вы отчет в том, что все эти события – дело ваших рук?

Бегония. Моих?!

Секретарь. Ваших и только ваших. В каждом из этих случаев вы столкнули камень, и теперь политические обвалы грозят превратиться в лавину, которая погребет нашу цивилизацию.

Бегония (*польщена*). Нет, правда? Как же это вышло?

Секретарь. Вспомните о письмах, которые вы посылали в Международный суд в Гааге.

Бегония. Ах, вот что... Надо же...

Секретарь. Неужели вы так-таки не понимали, что делаете?

Письма составлены весьма умело, чему я, признаться, немало удивлен. Неужели вы будете утверждать, будто не предвидели, к каким последствиям приведет ваша корреспонденция? Будто вы не читали газет и не понимали, что творится?

Бегония. Я никогда не читаю политических новостей, это так скучно. Но смотрите-ка, похоже, я имею грандиозный успех. Не скрою, мне это приятно.

Секретарь. К сожалению, великие державы не расценивают случившееся как большой успех. И всю вину сваливают на меня.

Бегония. О, я готова взять всю вину на себя.

Секретарь. Вы удивительно великодушны, мисс Браун.

Бегония. Спасибо, конечно, за комплимент, но никакого великодушия тут нет. Я же вам говорю: я поддерживаю Империю, а Империя поддержит меня. Так что не волнуйтесь.

Секретарь. Возможно, вы и правы. А теперь могу ли я задать вам личный вопрос? Отчего вы заинтересовались делами Лиги наций? Как вы получили пост, благодаря которому судьбы мира вдруг оказались в ваших руках?

Бегония. Отчего заинтересовалась... Сейчас вспомню. Вы знаете, что есть такое общество под названием Союз Лиги наций?

Секретарь. Знаю. От одной мысли о нем меня кидает в дрожь.

Бегония. И напрасно, он совершенно безвредный. Я про него не слыхала до прошлого года. А в прошлом году в Кэмберуэлле открывали филиал и один приятель дал мне билет. Распоряжался там кандидат от консерваторов, наивный такой, молодой, денег без счету. Он сразу заметил, что я по развитию намного выше остальных девушек, и, когда начались танцы, пригласил меня. Я ему рассказала, как получала стипендию лондонского совета графства, какую школу кончила, про то, что знаю стенографию, немного французский и всякое такое и что я подыскиваю себе место. И тогда его родичи устроили меня в этот комитет в Женеву. Такой воспитанный джентльмен, ничего не скажешь, — ни разу даже не попытался меня поцеловать. Я была очень разочарована.

Секретарь. Тем, что он не пытался вас поцеловать?

Бегония. Да нет, целовалась я сколько угодно с другими парнями покрасивее. А просто он мне сосунком показался, и я подумала, что у него серьезные намерения. Для меня, согласитесь, это был бы отличный шанс. Но его

родичи обо мне пронюхали и живо спровадили его путешествовать по Империи. А меня сунули сюда, в Женеву. Наверное, чтобы держать от него подальше. Вот так я и попала в Комитет.

Секретарь. А вас проэкзаменовали? Проверили, разбираетесь ли вы в уставе Лиги наций и ее структуре?

Бегония. Нет, зачем? И так сразу видно, что я образованная — у меня куча всяких наград и грамот и еще эта стипендия. Понимаете, у меня такая память, что мне экзамены нипочем. В конторе у нас есть какая-то книга про Лигу наций. Я пробовала ее читать, но это такая скучища — я сразу заснула.

Секретарь (*вставая*). Что ж, мисс Браун, приятно было с вами познакомиться, я рад, что, хотя за одно рабочее утро вы сумели устроить серьезнейший политический кризис, грозящий мировой войной, и произвести разительные перемены в составе Британской империи, вы не теряете бодрости духа и даже гордитесь собой.

Бегония (*тоже встает*). Да нет, чего мне гордиться, я привыкла к успеху. Но между прочим, хотя я всегда была лучшей ученицей в классе, я никогда не корчила из себя умную. Умничают только дураки. Я сначала боялась девчонок, которые из кожи лезли, чтобы показать, какие они умные да какие у них оригинальные мысли, ну, в общем, разных кривляк. Но на экзаменах я их всегда запросто обскакивала. И никакого им толку от их оригинальности не было. Вот тогда я в себя и поверила. Где бы я ни была, всегда оказывается, что многие думают точно так же, как я. Во всяком случае, сто́ящие люди — леди и джентльмены. А остальные, кто думает иначе, — это разные психи и чужаки. Так что, если хотите знать мнение настоящих англичан, слушайте меня. Войны я нисколько не боюсь. Вспомните, ведь Англия не проиграла еще ни одного сражения. И невредно почаще напоминать об этом иностранцам, когда они начинают безобразничать. Всего хорошего. Очень приятно было познакомиться.

Жмут друг другу руки, он идет к двери и открывает ее перед Бегонией. Она выходит, весьма довольная собой.

Секретарь (*ошеломленно бормочет*). И это Англия!

Звонит телефон, Секретарь возвращается к столу.

Да? Какой министр? Нынче в каждом захолустном углу Империи есть свой министр иностранных дел. Ах, министр

иностранных дел Англии, сэр Орфей Мидлендер? Что же вы сразу не сказали? Впустите его немедленно.

Входит сэр Орфей, прекрасно одетый джентльмен лет пятидесяти, любезный, остроумный, словом, в высшей степени обаятельная личность.

Прошу вас, садитесь. Не могу выразить, как мне неудобно, что вам пришлось тащиться в такую даль из Лондона, да еще во время скачек.

Сэр Орфей *(садясь)*. Так ведь это вы, мой друг, и вытащили меня. Надеюсь, вы не будете на меня в претензии, если я попрошу объяснить, что у вас тут творится? Какого черта вам вздумалось устраивать такую кутерьму?

Секретарь. Это устроил не я, а Комитет по интеллектуальному сотрудничеству.

Сэр Орфей. Комитет по чему? Никогда не слыхал о подобной организации.

Секретарь. Я тоже, пока она не свалилась мне на голову. Никто о ней не слыхал. А теперь выясняется, что это орган Лиги наций и члены его — невероятные знаменитости с европейскими именами. Все они переводят с греческого, открывают новые планеты и тому подобное.

Сэр Орфей. Ага, понимаю — люди вне политики. Но мы не можем допустить, чтобы всякие умники вмешивались во внешнюю политику. И потом, совещались же они, наверное, перед тем, как заварили всю эту кашу? Почему не предупредили нас? Мы бы их живо приструнили.

Секретарь. Они совершенно не виноваты, ибо знали об этом не больше моего. Всю кашу заварила юная особа по имени Бегония Браун.

Сэр Орфей. Бегония Браун? Это чудовищно. В таком случае я буду скомпрометирован.

Секретарь. Вы? Каким образом?

Сэр Орфей. Это та самая особа... наверняка это она, другой с таким именем быть не может... та самая особа, которая помолвлена с моим племянником.

Секретарь. Да, она мне рассказывала про помолвку. Но я представления не имел, что речь идет о вашем племяннике. Действительно, положение щекотливое. А вы не пробовали с ней поговорить?

Сэр Орфей. Я?! Да я в глаза ее не видел. Мне просто запомнилось это идиотское имя.

Секретарь. Вы имеете обыкновение обсуждать внешнеполитические проблемы с племянником?

Сэр Орфей. С Бенджи? С таким же успехом можно обсуждать теорию относительности с синезадой обезьяной. Последний раз я с ним разговаривал, когда он переходил из Итона в Оксфорд, – дал ему тогда несколько советов. С тех пор я с ним и двух фраз не сказал.

Секретарь. Тогда я ровным счетом ничего не понимаю. Письма в Международный суд в Гааге составлены весьма умно и написаны первоклассным слогом. Сама юная особа совершенно на это не способна. За ней кто-то стоит. Значит, это не может быть ваш племянник?

Сэр Орфей. Если, как вы говорите, переписка обнаруживает политическую смекалку и сносный стиль, можете поверить мне на слово – сынок Сью не имеет к этому ни малейшего отношения. К тому же он сейчас в Сингапуре, а тамошние танцовщицы неотразимы.

Звонит телефон.

Секретарь. Прошу простить... Да? Одну минутку. (*Сэру Орфею.*) Старший судья палаты Международного правосудия в Гааге ждет внизу. Не хотите ли его повидать?

Сэр Орфей. Ну конечно. Очень кстати.

Секретарь (*в трубку*). Пусть пройдет наверх.

Сэр Орфей. Есть ли письма в связи с этой историей?

Секретарь. Есть ли!!! Я и десятой доли не успеваю прочесть. По сравнению с нынешним кризисом абиссинская война была сплошными каникулами. Неслыханное дело!

Входит старший судья. Он голландец и много моложе, чем судьи в Англии. Ему еще нет сорока, но держится он очень солидно – судья с ног до головы.

Я в отчаянии оттого, что вам пришлось проделать такой путь из Гааги, ваша честь. Одно ваше слово – и я бы сам отправился в Гаагу и избавил вас от поездки. Вы знакомы с британским министром иностранных дел сэром Орфеем Мидлендером?

Судья. Не имел удовольствия. Рад познакомиться, сэр Мидлендер.

Сэр Орфей. Я тоже.

Пожимают друг другу руки. Секретарь ставит для судьи стул посреди комнаты, между собой и сэром Орфеем. Все усаживаются.

Судья. Я почел за лучшее приехать сам. В этой истории есть одна поразительная особенность: я связался со всеми чле-

нами Комитета интеллектуального сотрудничества, и все они отрицают свою причастность к ней. Более того, большинство из них даже не знают, что они члены Комитета.

Сэр Орфей. Вы думаете, что все это розыгрыш?

Судья. Возможно, кто-то и хотел разыграть суд, но теперь, когда письма с требованием арестов стали достоянием гласности, суд обязан отнестись к ним со всей серьезностью. Иначе он станет посмешищем для всей Европы.

Сэр Орфей. Но ведь подобное разбирательство вряд ли предусматривалось в то время, когда великие державы вступали в Лигу наций.

Судья. Когда великие державы вступали в Лигу наций, вообще ничего не предусматривалось. Большинство членов Лиги подписало Устав, не читая, только для того, чтобы доставить удовольствие президенту Вильсону, а Соединенные Штаты, тоже не читая, отказались подписать — только для того, чтобы доставить ему неудовольствие. С тех пор державы ведут себя так, словно Лиги наций не существует, — за исключением тех случаев, когда они пытаются использовать ее для своей выгоды.

Сэр Орфей (*наивно*). А для чего же еще можно использовать Лигу наций?

Судья. Для поддержания справедливости и законности в отношениях между странами.

Сэр Орфей. Так ведь и мы к тому же стремимся. Британская империя всегда стояла за справедливость и законность. Однако я должен вас предупредить: при любой попытке Международного суда принять какое-то решение, не посоветовавшись с нами, британское министерство иностранных дел займет весьма резкую позицию. Вряд ли нужно напоминать вам, что без нас вы беспомощны: у вас нет полиции, которая бы производила аресты, выполняя ваши приговоры. И вы не можете посадить членов Лиги наций на скамью подсудимых — у вас нет скамьи.

Судья. Ну, завести скамью в помещении суда в Гааге, если вы считаете нужным, нетрудно. Лично я не вижу в этом необходимости. Функции полицейских, в том объеме, который потребуется, могли бы взять на себя наши служащие.

Сэр Орфей. Пф! Неужели вы серьезно? У вас же нет никакого судопроизводства.

Судья. Вы хотите сказать, что у нас не разработана процедура суда. Но это только означает, что мы вольны толковать ее, как нам заблагорассудится. Вы же знаете, что в Анг-

лии имеется право, основанное на судебной практике, когда судьи опираются на прецедент. Так вот, сэр Мидлендер, судьи палаты Международного правосудия — не пустое место. Мы давно ждем случая проявить себя. Вы дали нам в руки сразу четыре дела. И будьте уверены, мы уж их не упустим. С их помощью мы громко заявим о нашем существовании, о котором пока вряд ли кто знает. С их помощью мы проявим нашу власть, которая до сих пор была почти неощутима. Нам нужен был только один cause célèbre,[1] а мисс Бегония Браун очень кстати предоставила в наше распоряжение сразу несколько.

Сэр Орфей. Дорогой сэр, мисс Браун — нуль.

Судья. Если высочайший суд не откликается на ходатайство самого незаметного из просителей, то правосудие — не что иное, как фикция.

Сэр Орфей. Разумеется, я согласен с вами — в принципе. И все же, знаете, одних людей можно привлечь к судебной ответственности, а других нельзя. Ваша судебная практика...

Судья (*резко прерывает его*). У меня нет никакой судебной практики. Не забывайте, пожалуйста, что вы не в Англии. Это при вашем судопроизводстве судьи превращаются в измочаленных крючкотворов, потерявших всякое представление о законности, если оно у них вообще когда-нибудь было.

Сэр Орфей. Как странно! Признаюсь, меня сразу удивило, что во главе Международного суда стоит такой молодой человек. И боюсь, мне придется добавить, что наша британская система судопроизводства нравится мне куда больше. С британским судьей у нас бы обошлось без неприятностей.

Судья. А почему вы ждете неприятностей от меня? Я ведь прежде всего судья. Для меня постоянный источник огорчений и возмущения то, что современные государственные деятели один за другим отступают от законов, основанных на вечных принципах справедливости, и поддерживают правительства, во главе которых встают преуспевающие демагоги и победители-солдафоны. И каждый из них уже запасся списком своих врагов и начинает бросать их в тюрьмы, высылать и казнить сколько вздумается, до тех пор, пока его, в свою очередь, не скинет более сильный соперник и не примется бросать в тюрьмы,

[1] Громкий, скандальный судебный процесс (*франц.*).

высылать и казнить по своему списку. Мне такой порядок вещей отвратителен. Я годы и годы потратил на то, чтобы найти законный способ призвать к ответу этих нарушителей принципов справедливости. И вот Комитет по интеллектуальному сотрудничеству, о котором я, признаться, ничего не знал, вдруг нашел такой способ. И теперь Международный суд употребит всю свою власть, чтобы поддержать его инициативу.

Сэр Орфей. Боюсь, что вы порядочный идеалист.

Судья. Оно и понятно. Справедливость — это идеал. И я служу справедливости. А вы, позвольте спросить, чему служите вы?

Сэр Орфей. Я? Я служу всего лишь министром иностранных дел и совершенно замучился. Видите ли, мой юный друг... Вы разрешите мне вас так называть?.. Видите ли, как вы сказали, справедливость — это идеал, и притом прекрасный идеал. Но я-то имею дело с властью, а власть частенько оказывается штукой дьявольски безобразной. Стоит одному из этих демагогов и диктаторов отдать приказ арестовать вас или даже казнить — и вас арестуют и расстреляют, едва вы ступите на их землю. Вас даже могут похитить и вывезти в их страну насильно — вспомните Наполеона и герцога Энгьенского. Но если вы отдадите приказ об аресте кого-нибудь из этих диктаторов или вынесете им приговор, Европа над вами только посмеется, потому что у вас нет власти. Ваш приговор будет так же бессмыслен, как указ об отлучении от церкви.

Судья. А если вас отлучат от церкви, вам будет приятно?

Сэр Орфей. Надеюсь, вы это не серьезно?

Судья. Вполне серьезно.

Сэр Орфей. Дорогой сэр, но меня отлучить невозможно.

Судья. Прошу прощения: возможно.

Сэр Орфей (*упрямо*). Прошу прощения: это невозможно. Взгляните на дело трезво. Прежде всего я не католик. Я прихожанин англиканской церкви. И в том приходе, где находится мое поместье, церковь существует на мой счет, без моих пожертвований приход не сведет концы с концами. К тому же нашему пастору некуда больше пойти в гости, кроме как в мой дом.

Судья. И все-таки пастор вам не подчинен. И если вы ведете вопиюще греховную жизнь, он может не допустить вас к причастию.

Сэр Орфей. Да ничего подобного, какая там вопиющая греховность! Если бы пастору вдруг пришла в голову

такая идея, он бы в два счета потерял у меня приход и очутился в сумасшедшем доме.

Судья. Допустим, пастор пошел бы на такой риск. Допустим, снова начнется война четырнадцатого года и вы будете виноваты в том, что молодые англичане сбрасывают бомбы на столицы Европы. Допустим, ваш пастор как настоящий христианин сочтет, что вы совершили смертный грех, и откажется допустить вас к причастию. Допустим, если угодно, что вы засадите его в сумасшедший дом. Будет вам все это приятно?

Сэр Орфей. И допустим, что прихожане сожгут его дом, а его самого сунут головой в грязный пруд, чтобы немножко поучить английскому патриотизму. Будет ему это приятно?

Судья. Некоторых людей привлекает мученичество. Однако я спросил не о том, будет ли приятно ему, а будет ли все это приятно вам?

Сэр Орфей. Я бы это презрел.

Судья. Не сомневаюсь. Но вам было бы приятно?

Сэр Орфей. Ах, перестаньте! Ну что вы заладили?

Судья. Поверьте мне, сэр Мидлендер, все это было бы вам неприятно. И если бы Международный суд в ответ на жалобу Комитета по интеллектуальному сотрудничеству вынес по вашему поводу неблагоприятное решение, вам это тоже было бы неприятно. Любой человек, которого осудят в Гааге, будет чувствовать себя неважно. И государство, чьи действия сочтут в Гааге незаконными, тоже почувствует себя неважно.

Сэр Орфей. Но вы не можете привести ваши приговоры в исполнение. У вас нет санкций.

Судья. Что, собственно говоря, вы подразумеваете под санкциями, сэр Мидлендер?

Сэр Орфей. То же, что и все. Санкции — это санкции... Ну, меры воздействия на другие государства. Скажем, лишение их нефти, бензина, масла...

Судья. Касторового?

Сэр Орфей. Нет, машинного. Которое делают из нефти. На котором летают самолеты.

Судья. Машинное масло становится санкцией, когда в нем отказывают, касторовое — когда его прописывают. Вот и вся разница.

Сэр Орфей (*улыбаясь*). Пожалуй. Мне это никогда в голову не приходило. Но сейчас я вижу, что некоторая аналогия действительно есть. Однако в Англии упоминать касто-

ровое масло неприлично. А вот машинное масло — это другое дело.

Судья. Не бойтесь. Гаага не будет пользоваться никакими санкциями, кроме священного принципа справедливости. Суд снова провозгласит этот принцип и примет необходимые меры. Судья обязан проследить, чтобы зло не осталось безнаказанным. В ваш Комитет по интеллектуальному сотрудничеству обратилось четверо пострадавших — пострадавших от вопиющей несправедливости. Комитет очень мудро направил их в Международный суд. Как председатель суда я обязан найти средство для восстановления справедливости. И я постараюсь найти это средство, даже если мои решения окажутся беспрецедентными и положат начало новому международному законодательству.

Сэр Орфей. Но, дорогой сэр, какие практические шаги вы собираетесь сделать? Какие шаги вы можете сделать?

Судья. Я уже сделал: назначил день для разбора всех четырех жалоб и вызвал в суд истцов и ответчиков.

Секретарь. Но ведь ответчики — главы суверенных государств. Неужели вы хоть на минуту допускаете, что они явятся по вашему вызову?

Судья. Посмотрим. В этом и заключается цель моего эксперимента. Посмотрим. (*Встает.*) А теперь разрешите откланяться. Сэр Мидлендер, наша встреча была для меня чрезвычайно полезна, теперь мне ясна позиция вашей страны. Господин секретарь, с вашей стороны было очень любезно уделить мне столько вашего драгоценного времени. Всего хорошего, господа. (*Выходит.*)

Сэр Орфей. Ну что можно сделать с такими людьми?

Секретарь. Вопрос сейчас в том, что могут они сделать с нами.

Сэр Орфей. Что они могут? Да ничего. Только произносить речи и писать статьи. А это в Англии никому не возбраняется. Все-таки британские демократические свободы — отличный предохранительный клапан.

Секретарь. Когда-то и у меня были такие взгляды, как у его чести, но со временем, благодаря опыту работы в Лиге наций, я убедился в том, что бороться с суперинационализмом безнадежно...

Сэр Орфей. Супер — кем? Супернатурализмом?

Секретарь. Нет, суперинационализмом.

Сэр Орфей. А-а, понятно. Вы имеете в виду интернационализм.

Секретарь. Нет, интернационализм – это чепуха. Затолкать все нации в Женеву – все равно что запустить в один пруд рыб разных пород. Они тут же начнут поедать друг друга. Но и национализм нас уже не устраивает, нам нужно нечто большее – что-то вроде политического и социального католицизма. А разве дождешься этого от наших патриотов с их национальными гимнами, флагами и идеями о победоносных войнах, которые им вдолбили в голову с младенчества? Объединение наций ведет к мировой войне. Если двоим хочется подраться, как им помешать? Только растащив их в разные стороны, а не столкнув лбами. Когда нации держались порознь, война была редкостью, исключением. А теперь Лига наций нависла над Европой, как туча, всегда чреватая войной.

Сэр Орфей. Что вы на меня кричите, как будто я вам возражаю?

Секретарь. Прошу прощения, этот кризис вывел меня из равновесия. Поговорим о главном. Что нам делать с Бегонией Браун?

Сэр Орфей. Что делать? Раздавить нахальную девчонку, как блоху. Она ничтожество – кому она нужна?

Разговор внезапно прерывается появлением самой Бегонии, она в крайне возбужденном состоянии.

Бегония. Слыхали новость? (*Замечает сэра Орфея.*) Ой, извините, я не знала, что вы заняты.

Секретарь. Мисс Браун, позвольте вам представить сэра Орфея Мидлендера, министра иностранных дел Англии.

Бегония. О, страшно рада с вами познакомиться, сэр Орфей. Я знаю вашего племянника. У нас с ним большая дружба. (*Энергично трясет руку сэру Орфею.*) Вы слыхали? Умер лорд Мидлсекс.

Сэр Орфей. В самом деле? Дайте-ка вспомнить... Мидлсекс? Как-то не соображу, что из этого следует. Вероятно, он из провинциалов, редко бывал на заседаниях парламента. Напомните мне о нем.

Бегония. Лорд Ньюкросс его сын.

Сэр Орфей. Ага! Следовательно, Ньюкросс займет его место в палате лордов. А значит, в Кэмберуэлле устроят дополнительные выборы.

Бегония. Да! И консерваторы хотят выставить мою кандидатуру.

Оба джентльмена. Что?!

Бегония. Как вы думаете, по-моему, надо соглашаться.

Последнее время про меня пишут во всех газетах. Если меня выберут, я буду получать шесть сотен в год. За меня проголосуют все патриоты. За лейбористов голоса разделятся, коммунисты ведь тоже выдвигают своего кандидата против кандидата от лейбористов. И либералы тоже борются за место. Словом, победа мне обеспечена.

Сэр Орфей. Но до сих пор кандидатом правящей партии был мой племянник. Он вам не говорил?

Бегония. О, с этим улажено. Он снял свою кандидатуру и предложил мою. Он оплатит мне предвыборную кампанию.

Сэр Орфей. Я думал, он в Сингапуре.

Бегония. Так и есть. Мы обо всем договорились по телеграфу. Мне только что прочли его ответ. Вы ведь знаете, Бенджи звезд с неба не хватает, так что пусть лучше сидит там и не путается у нас под ногами. (*Садится.*)

Сэр Орфей. Но признает ли вас его комитет?

Бегония. Да они счастливы будут получить кандидата, который их не осрамит. Хотя перед выступлениями они и натаскивали Бенджи, все равно на него каждый раз жалко было смотреть. Он и сам это знает, бедняжка, и ни за что бы не ввязывался, да его мать заставляет.

Сэр Орфей. И вы полагаете, что вам удастся произвести более благоприятное впечатление? А вы хорошо разбираетесь в политике?

Бегония. Не хуже других, я думаю, да и разберусь потом, когда пройду в парламент. А я туда обязательно пройду, потому что в Кэмберуэлле многие думают так же, как я. Вот увидете, я приду к финишу первой. Мне так хочется! (*Секретарю.*) Вы сегодня были очень милы со мной, и я решила рассказать вам первому. (*Сэру Орфею.*) И для правительства это замечательная новость, правда, сэр Орфей?

Сэр Орфей. Потрясающая, мисс Браун.

Бегония. Зовите меня просто Бегонией. Мы с вами почти что родственники, правда?

Сэр Орфей. Боюсь, что так.

Бегония. Я ведь наверняка пройду?

Сэр Орфей. Если у ваших оппонентов хватит глупости выставить свои кандидатуры, считайте, что дело ваше выиграно.

Бегония. Я тоже так думаю. Вы не одолжите мне на дорогу в Лондон? Неохота брать деньги у Бенджи. Я вам отдам, когда разбогатею,— как-никак шесть сотен в год.

Сэр Орфей. Пять фунтов вам достаточно? (*Достает банкноту.*)

Бегония (*берет ее*). Большое спасибо, как раз хватит. А теперь мне пора двигаться к моим родным избирателям. Только-только успею на ночной поезд. До свиданья, господин Секретарь. (*Пожимает ему руку.*) А вам (*сэру Орфею с энергичной признательностью*) еще раз огромное спасибо. Au revoir[1]. *(Выходит.)*

Секретарь. Поразительная молодая особа! Вы в самом деле думаете, она попадет в парламент?

Сэр Орфей. Разумеется. У нее есть смелость, искренность, хорошенькая мордочка, и она приобрела широкую известность как героиня женевского скандала. То есть все, что любят наши избиратели.

Секретарь. Но она ни черта не смыслит в политике.

Сэр Орфей. И не надо. В парламенте ей покажут дорогу в зал, а больше ей знать ничего и не требуется.

Секретарь. Но она же круглая невежда. Стоит ей открыть рот — и она выдаст себя с головой.

Сэр Орфей. Ошибаетесь. Она храбро и откровенно выскажет все, что чувствует и думает. Вы же слышали — она сказала, что в Кэмберуэлле многие чувствуют и думают, как она. Ну а палата общин в этом смысле тот же Кэмберуэлл.

Секретарь. И такое положение вещей вас не приводит в ужас?

Сэр Орфей. А что тут особенного? Даже кандидатура моего племянника не приводила меня в ужас.

Секретарь. Нет, мир сошел с ума. Положительно сошел с ума.

Сэр Орфей. Ерунда! Вам надо выпить чаю. С миром все в порядке — в полном порядке.

Секретарь (*покорно садится и снимает телефонную трубку*). Две чашки чая, пожалуйста.

---

[1] До свиданья (*франц.*).

Вторая половина дня, гостиная фешенебельного отеля, выходящего окнами на Женевское озеро. На переднем плане три чайных столика, возле каждого по два стула. У стены письменный стол. За центральным столиком сидит Секретарь и читает журнал. Входит американский журналист, помахивая телеграммой.

Журналист. Слыхали новости, босс?

Секретарь. Какие новости? Что-нибудь из Гааги?

Журналист. Вот именно. Международный суд упразднил Интеллектуальное сотрудничество. (*Садится за столик, стоящий слева от столика Секретаря.*)

Секретарь. Что?!

Журналист. Этот комитет надоел всем до смерти. И еще суд заявил, что великие державы повинны в вопиющем пренебрежении к Уставу Лиги наций.

Секретарь. Суд, разумеется, прав. Однако с Лигой наций все было бы вполне сносно, если б к ее работе не приложила руку эта кавалерственная дама — Бегония. Кстати, слышали последние новости о ней?

Журналист. Нет. Она начисто меня бросила после того, как ее наградили орденом Британской империи.

Секретарь. Тогда слушайте: на демонстрации мод в Альберт-холле какой-то чернорубашечник решил подшутить над ней: прикинулся, будто забыл, как ее зовут, и стал величать Дуронией. Шестнадцать газет это напечатали, и против всех шестнадцати Бегония возбудила дело. Примирились на том, что она получит по три сотни с каждой. В результате Бегония заработала не меньше четырех тысяч наличными.

Журналист. Подумать только! А ведь я мог на ней жениться, будь я подальновидней и понастойчивей!

Секретарь. Да! Вы упустили блестящий шанс: из нее получилась бы отменная жена: хороша собой, добродушна, у себя под носом видит все, чуть дальше — ничего. Образцовая хозяйка — в политике круглая дура. Словом, не жена, а идеал.

Входит вдова об руку с сэром Орфеем Мидлендером. Вдова держит все ту же сумку, оттягивающую ей руку тяжестью спрятанного в ней пистолета.

Сэр Орфей. Уверяю вас, сеньора, это единственное место в Женеве, где вы сразу почувствуете себя превосходно, тут такой превосходный чай.

Вдова. Вам легко чувствовать себя превосходно. А каково мне: всюду со мной эта тяжкая ноша, от нее уже ноет рука и ни на минуту нельзя забыть о моем роковом предназначении.

Сэр Орфей. О, разрешите мне взять вашу сумку. Я и не подозревал, что она такая тяжелая. Должно быть, вы держите в ней все свои деньги?

Вдова. Деньги! Как бы не так, вот в ней что! (*Достает из сумки пистолет и швыряет его на ближайший столик, справа от Секретаря. За этот столик оба и усаживаются.*)

Сэр Орфей. Боже милостивый! Зачем это? В Женеве запрещено законом носить оружие!

Вдова. В Женеве больше нет никаких законов. Гаага упразднила Интеллектуальный комитет, и убийство моего мужа остается неотомщенным. Мне придется прибегнуть к кровной мести. Собственно говоря, это дело нашего сына. Я послала ему телеграмму, чтобы он немедленно застрелил этого узурпатора-президента. Но мальчишка просто презренный прыщ.

Сэр Орфей. Хлыщ?

Вдова. Если бы! Нет, он меня опозорил! Ничтожный прыщ, трус! Стал коммунистом и теперь отговаривается тем, что кровная месть — буржуазный обычай и идет вразрез с учением Карла Маркса.

Сэр Орфей. Ну что ж. И превосходно! Даже не верится, неужели Маркс учил таким разумным и вполне пристойным истинам,— что нельзя убивать президентов? Если это так, то я с ним вполне солидарен.

Вдова. Но общественное мнение в Земном Раю никогда не потерпит, чтобы столь чудовищно нарушалась элементарная справедливость! Как это так — оставить убийство отца неотомщенным? Да если бы наших родственников можно было убивать безнаказанно, их бы и стреляли почем зря. Нет, надо мстить даже за пятиюродных братьев и сестер, если нет родни поближе, которая взяла бы эту обязанность на себя.

Сэр Орфей. Помилуй бог! Но раз ваш сын не хочет, значит, не хочет, и делу конец. И я бы сказал, конец весьма счастливый.

Вдова. Конец! Да ничего подобного! Если мой сын не застрелит президента, я сделаю это сама! А у президента два

брата, и они пристрелят меня, стоит мне покинуть эту мерзкую Европу и вернуться в мой любимый Земной Рай!

Сэр Орфей. Я, как англичанин, считаю все это чепухой. Незачем вам его убивать.

Вдова. Вы просто не представляете, что значит общественное мнение в Земном Раю. Если с ним не считаться, там жить нельзя. А кроме того, я и сама различаю, что правильно, а что нет. Неужели, по-вашему, у меня нет совести?

Сэр Орфей. У всех, кому не довелось учиться в английских частных школах, совесть престранная. (*Секретарю.*) Кстати, вы читали вчерашнее выступление премьер-министра о Лиге наций?

Секретарь (*мрачно*). Читал. Половина речи о том, что Хэрроу — это колыбель государственных деятелей, а другая половина о том, что договоры священны. Мог бы и обо мне чуть-чуть подумать.

Сэр Орфей. Но, друг мой! Неужели эта речь вас задела? Ведь он повторяет ее каждый раз. Вы отлично знаете: после определенного возраста человек неизменно произносит одну и ту же речь. Раньше вы на премьер-министра не жаловались.

Секретарь. Лучше бы уж он выучил что-нибудь новое и перестал твердить о святости договоров. Неужели вы там, в Лондоне, ни разу не удосужились прочесть Устав Лиги наций? Ведь в нем нерушимость договоров полностью отрицается. В статье двадцать шестой специально оговорены возможности пересмотра всех договоров и внесения в них поправок, это относится и к Уставу самой Лиги наций.

Сэр Орфей. Может ли это быть? Ведь Лига наций для того и создана, чтобы наблюдать за выполнением Версальского договора. А иначе зачем бы мы к ней присоединялись?

Секретарь (*с отчаянием*). Нет, с вами говорить бессмысленно! Вы все приезжаете сюда, чтобы защищать интересы своих стран, и даже не задумываетесь, для чего существует Лига наций. А мне приходится сидеть и слушать, как министры иностранных дел втолковывают мне, что их страна — самая великая страна в мире, а их народ — избранная богом раса. Вы же призваны выступать в интересах всего мира! Помилуйте, да никто из вас не справился бы даже с кофейней в Лаймхаузе, ведь вам пришлось бы быть одинаково вежливыми с матросами из разных стран!

Сэр Орфей. Нервы, мой дорогой, нервы. Иногда я и сам так думаю и говорю жене, что все это мне надоело и пора в отставку. Но потом такое настроение проходит.

Входит Еврей, оживленно беседуя с тем, кто раньше был назван Новым посетителем. Все вежливо замолкают и внимательно прислушиваются.

Еврей. Дорогой сэр! Ну что ваши горести рядом с моими? Вас когда-нибудь грабили? Били дубинками? Травили газами? Над вашей семьей глумились? Может быть, вас разоряли и предавали общественному поруганию? Держали в концлагерях, где хозяйничают бандиты? Или вас выгнали из собственной страны и вы пропадаете на чужбине?

Новый посетитель. Нет, нет, но если все это по воле избирателей, то никакого нарушения демократии нет. Ваш народ десятью голосами против одного высказался за то, чтобы избавиться от евреев. Разве он не имеет права сам выбирать, кому жить в его собственной стране? Посмотрите на англичан. Вы думаете, они допустят хоть одного желтого в Австралию? Или американцы! Разве они разрешат япошкам жить в Калифорнии? Вспомните, что случилось с английским правительством в 1906 году, когда оно только заикнулось о том, чтобы допустить китайских рабочих в Ланкашир.

Еврей. Что вы называете собственной страной? Да кто же это подарил вам кусочек земли божьей?

Новый посетитель. Но я же родился в этой стране, верно?

Еврей. Как будто я не родился в стране, из которой меня изгнали!

Новый посетитель. Вам не следовало там рождаться. Вам положено было родиться в Иерусалиме.

Еврей. А вам, друг мой, вообще не следовало рождаться. Вы претендуете на право гнать меня из всех стран мира, а сами беснуетесь оттого, что вас выгнали из вашего жалкого парламента.

Новый посетитель. Полегче, полегче! Не стоит выходить из себя. Я ниоткуда вас гнать не собираюсь. Я только хочу сказать, что ваше право проживать в разных странах не подтверждено демократическими принципами. А я должен быть в парламенте на основе именно этих принципов. Если я застрелю еврея, это будет убийство и меня следует повесить. Но если я проголосую за еврея, как это

бывало не раз, и его выберут в парламент, а потом не допустят туда, что же будет с демократией?

Еврей. Вопрос не в том, что будет с демократией, а в том, что будет с вами. Оттого, что вы начнете произносить свои речи не внутри парламента, а вне его, вы не обеднеете, не станете несчастным, ваша безопасность не пострадает и управлять вами будут не лучше и не хуже прежнего. А для меня преследование евреев — вопрос жизни и смерти.

Новый посетитель. Да, пожалуй, вам трудновато, согласен. Но это не вопрос принципа.

Вдова (*еврею*). Знаете, что бы я сделала, будь я президентом?

Еврей. Нет, мадам, но хотелось бы услышать.

Вдова. Я бы перестреляла всех евреев в стране, вот что!

Еврей. Ну и ну! Почему же?

Вдова. Потому что они распяли Спасителя, вот почему! Я женщина религиозная, и, если мне попадается убийца Господа, руки у меня так и тянутся к пистолету.

Еврей. Но, мадам, в конце концов, ваш Спаситель тоже был евреем.

Вдова. Что?! Какое святотатство! (*Опускает руку в сумку.*)

Сэр Орфей перехватывает ее руку. Секретарь крепко держит за другую.

(*Стараясь вырваться.*) Пустите меня! Как вы смеете ко мне прикасаться! Будь вы добрые христиане, вы помогли бы мне убить этого грязного еврея. Слышали вы, что он сказал?

Сэр Орфей. Да, да, сеньора. Слышал. И уверяю вас, он не собирался святотатствовать. Этнологически, вы знаете, он прав. Но разумеется, только этнологически.

Вдова. Не понимаю я ваших длинных слов! Наш Спаситель и матерь божья были католики, правда?

Сэр Орфей. Несомненно, сеньора, несомненно. Все мы, я надеюсь, добрые католики... в каком-то смысле. Но вы ведь помните, что наш Спаситель происходит из рода царя Давида?

Вдова. Может быть, вы скажете еще, что и царь Давид был еврей?

Сэр Орфей. Видите ли, этнологически...

Вдова. Никаких этно! Хватит этих глупостей. Давайте пистолет.

Сэр Орфей. Я думаю, лучше мне пока поносить его, сеньора. Вы получите его, как только этот господин уйдет.

Новый посетитель. Сдайте пистолет в полицию. Эта женщина опасна.

Вдова. Я презираю вас.

Сэр Орфей. Полиция арестует ее за ношение оружия.

Вдова. Трое мужчин и один еврей против безоружной женщины. Трусы!

Еврей. К счастью для вас, мадам, да и для меня. Если бы не эти три джентльмена, вас ожидала бы вскоре публичная казнь, а я был бы трупом.

Журналист. Покойником, скажем мягче, покойником.

Вдова. И вы думаете, что суд присяжных сочтет меня преступницей за то, что я избавила мир от какого-то еврея?

Еврей. Ни в чем никогда нельзя быть вполне уверенным, мадам. Если бы среди присяжных нашлись женщины или евреи, ваша красота не спасла бы вас.

Вдова. Женщины среди присяжных! Какая гадость! Только еврей и может сказать такое при даме. (*Сдается и усаживается на свое место.*)

Входят комиссар и Бегония с Судьей, которого она явно покорила.

Бегония (*Секретарю*). Добрый вечер, шеф. Привет, сэр Орфей. Вы помните меня, сеньора? С Судьей вы знакомы, шеф.

Секретарь. Сделайте мне одолжение, ваша честь, сядьте за мой столик.

Судья. Благодарю вас. Разрешите представить – комиссар Поский. (*Садится слева от Секретаря.*)

Секретарь. Мы уже встречались. Садитесь, прошу вас.

Журналист. Садитесь на мое место, комиссар. Мне надо работать. (*Отходит к письменному столу, садится и принимается что-то писать; в беседе не участвует, но прислушивается.*)

Комиссар (*занимает свободное место рядом с Новым посетителем*). Благодарю вас.

Секретарь. А вот место для вас, леди Бегония. (*Показывает на стул справа.*)

Бегония. В верхах всегда найдется свободное местечко.

Комиссар. Я представляю Советскую Россию.

Вдова (*снова взрывается*). Еще один еврей!!!

Секретарь. Да нет же, нет! У вас просто какая-то мания.

Вдова. Но он же большевик, а все большевики – евреи. Представляете – окажись я во власти их ужасной советской диктатуры, меня бы расстрелялй.

Еврей. Я считаю это ярким свидетельством превосходства русской цивилизации над всеми прочими.

Комиссар. А почему мы должны были расстрелять ее, товарищ?

Еврей. Она только что собиралась расстрелять меня.

Комиссар. Мы не расстреливаем евреев. Мы их воспитываем. Понимаете ли, в коммунистическом государстве могут жить только высококультурные люди, подготовленные к коммунизму с детства. Мы расстреливаем бандитов, спекулянтов, эксплуататоров и негодяев всех мастей, которым покровительствуют в других странах во имя свободы и демократии.

Новый посетитель (*вскакивает*). Ни слова против свободы и демократии в моем присутствии! Слышите?

Комиссар. И ни слова против коммунизма в моем! Договорились?

Новый посетитель (*садится с угрюмым видом*). Ладно.

Комиссар (*продолжает*). Мне никак не привыкнуть к тому преувеличенному значению, которое у вас на Западе придается сексу. По-видимому, эта красивая дама поссорилась с этим красивым господином на любовной почве.

Вдова. На любовной!!!

Комиссар. В СССР на это посмотрели бы как на пустяковое происшествие. В худшем случае дело кончилось бы разводом. А у вас она пытается убить его.

Вдова. Он сумасшедший! Развод тягчайший грех: только большевики и протестанты допускают подобный позор. За это они все попадут в ад. Что же до того, будто этот тип мой возлюбленный, так я ненавижу его, он мне отвратителен и мерзок. Он способен украсть моего ребенка, разрезать на куски и окропить его кровью свой порог. Он еврей.

Комиссар. Приезжайте в Россию. У нас евреи так не поступают. Естественно, развращенные капитализмом, они способны на все.

Еврей. Ложь, ложь! Это просто предлог, чтобы грабить нас и убивать.

Комиссар. Для убийства, товарищ, хорош любой предлог. Вот я не еврей, но этой даме может вздуматься расстрелять меня за то, что я коммунист.

Вдова. Как я вас застрелю? Они украли у меня пистолет. К тому же стрелять коммунистов — долг не христианский, а политический. У меня на родине женщины не вмешиваются в политику.

Комиссар. Тогда я в безопасности.

Бегония (*ошеломленная сначала этой беседой-перестрелкой, приходит в себя*). Разве вы не знаете, сеньора, что здесь нельзя стрелять в людей? Может, это разрешается у вас в стране, но в Женеве это не принято.

Вдова. Моя страна там, где я нахожусь. И что хорошо в моей стране, не может быть плохо в вашей.

Сэр Орфей. Ах, если бы вы были министром иностранных дел...

Секретарь. Если бы вы были секретарем Лиги наций...

Сэр Орфей. ...вы, сеньора, сделали бы поразительное открытие: что для одной страны хорошо, для другой — плохо. Есть только один путь примирить все нации и объединить их в подлинную Лигу наций — надо перевоспитать всех в духе английских идей и устоев.

Комиссар. Но весь мир бунтует против английских идей и устоев, особенно сами англичане. Будущее за идеями русских.

Новый посетитель. А откуда Россия взяла свои идеи? Из Англии. Живи Карл Маркс в России, его сослали бы в Сибирь и засекли до смерти. А в Англии он за казенный счет занимался в Британском музее и никто не мешал ему писать, что ему хочется. Англия — это страна, где, как сказал поэт: «Что хочет каждый, то и говорит...»

Судья. Простите меня, но это иллюзия. Я интересовался этим вопросом и уверяю вас, когда английское правительство нервничает, в Англии происходит столько же судебных процессов по делу о подстрекательствах к бунту, о непристойном поведении и о богохульстве, как в любой другой стране. Английское правительство только что приняло новый закон, по которому любой человек, неугодный правительству, может быть заключен в тюрьму за одно то, что открыл рот или опустил перо в чернильницу.

Сэр Орфей. Да, но кто в этом виновен? Ваша русская пропаганда. Свобода совести и свобода слова — вот гордость Британии, но вряд ли вы можете рассчитывать на то, что мы позволим вашим агитаторам проповедовать у нас большевизм, не так ли?

Комиссар (*смеется*). Нет, я не рассчитываю, что найдется хоть одно такое правительство, которое потерпит проповедь каких-нибудь идей, угрожающих его власти или его доходам. Вся разница в том, что мы в России и не делаем вид, будто потерпим такое; а вы в Англии делаете.

Зачем вам самим причинять себе столько лишнего беспокойства?

Новый посетитель. Карла Маркса терпели в Англии, в России его не потерпели бы.

Комиссар. И это недостаток британской системы, а вовсе не ее достоинство. Если бы британское правительство сумело понять, чем занимается Маркс и как это отразится на умах всего мира, оно должно было упрятать его в тюрьму и уничтожить до последнего клочка все его рукописи, все издания его книг. Но оно не понимало, где скрыта угроза. Оно преследовало бедняков за их дерзкие шутки, запрещало газеты в Англии и в Ирландии, смещало издателей, которые проявляли независимость и говорили, что думают; оно сжигало книги писателей, чуть переусердствовавших в вопросах секса, арестовывало уличных ораторов под видом того, что они мешают движению на улицах, и все это время предоставляло Карлу Марксу лучшую в мире библиотеку, где он составлял смертный приговор этому самому правительству.

Сэр Орфей. В Англии этот приговор пока не приведен в исполнение. И никогда не будет приведен. Конечно, мир потрясен войной и на какое-то время, может быть, выбит из колеи, но скоро, как поезд, сошедший с рельсов, вернется на прежний путь. Вот вы — большевик, но никто об этом не догадается. По виду, одежде, по манере держаться вы нисколько не отличаетесь от джентльмена, ваш костюм вполне мог бы быть куплен в полумиле от Гановер-Сквер.

Комиссар. Сказать по правде, так оно и есть, я купил его в Лондоне.

Сэр Орфей (*с торжеством*). Вот видите! Вы отказались от этой марксистской чепухи и вернулись к капиталистической системе. Я всегда говорил, что так оно и будет.

Комиссар. Если вам приятно так думать, сэр Орфей, я не стану портить вам удовольствие. Не могли бы вы передать вашему правительству глубокое сожаление от советских властей и от меня лично по поводу того, что ваш епископ скончался от непосредственного контакта с русскими идеями. Я виню себя в том, что не был более сдержан. Но мне впервые довелось столкнуться с таким человеком. Единственный английский епископ, которого я раньше знал, был двухметрового роста, спортсмен и произносил в высшей степени революционные проповеди.

Сэр Орфей. Вот поэтому-то с англиканской церковью так легко иметь дело. Ничего типичного для духовенства.

Обычные английские джентльмены, не то что католические священники.

Вдова. Ах, сэр Орфей, вот не ожидала от вас! Вы оскорбляете мою веру!

Сэр Орфей. И не думал, уверяю вас. Я глубоко уважаю католицизм. Но вы не можете отрицать, что на ваших священниках видна печать их профессии. Они не похожи на других людей. Наше английское духовенство совсем не такое. Вы бы не догадались, что они священнослужители, если б не их воротники.

Вдова. По-моему, это гадко. Священник не должен походить на других людей.

Комиссар. А вы когда-нибудь пробовали соблазнить священника, мадам?

Вдова. Дайте мне пистолет. Это чудовищно. Неужели большевики не признают никаких приличий?

Новый посетитель. Я знал одного священника, который...

Секретарь. Пожалуйста, не надо. Это опасная тема.

Комиссар. В Женеве все темы опасны, верно?

Судья. Прошу прощения. Опасны не темы, опасны люди.

Вдова. Евреи, большевики, преступники.

Еврей. А как насчет преступниц? Гангстерш, как их называют в Америке. Простите, что я напоминаю вам об этом.

Вдова. А вы мне напоминаете такое, что при всех и сказать нельзя.

Новый посетитель. Ну знаете, мадам! У нас в стране леди так не говорят.

Вдова. А у нас говорят. Я не беру своих слов назад.

Судья. Когда благодаря стараниям моей приятельницы леди Бегонии Международный суд приступил к действиям, он обнаружил, что стоит только Лиге наций предпринять что-нибудь по собственной инициативе и в соответствии со своими принципами, это приводит отнюдь не к миру, а, наоборот: сейчас же создается угроза войны или раскола, или того и другого сразу. Поэтому Лиге приходится немедленно прекращать всякую деятельность и сидеть сложа руки, пока великие державы не договорятся между собой, как использовать Лигу наций для упражнений в их устаревшей дипломатии. Ведь это так, господин Секретарь, не правда ли?

Секретарь. Совершенно справедливо. И все же не совсем так. Те, кто думает, будто Лига наций бесполезна, не отдают себе отчета в том, что здесь происходит. Они не понимают, что значит для нас Женева. Великие державы

считают, что мы просто орудие в их руках. Они откровенно пренебрегают нами, игнорируют Устав и заключают односторонние договоры, которые надлежит заключать нам. Они загнали нас в подполье, словно шайку заговорщиков. Но всякими обходными путями, о которых широкая публика ничего не знает, мы портим им дело. Мы срываем их планы. Мы срамим их. Благодаря нашим усилиям то, что было легко, становится трудным или просто невозможным. Вы не представляете, какая в Женеве атмосфера. Я приехал сюда патриотом и националистом, я рассматривал свое назначение сюда как победу моей страны в дипломатической игре. Но здешняя атмосфера меня изменила. Теперь я интернационалист. Я злейший враг любой нации, включая и мою собственную. Разрешите мне говорить откровенно. Я ненавижу вас всех.

Все. О!

Секретарь. Да, ненавижу. Вот вы, например, я ненавижу вас за то, что вы еврей.

Еврей. Я немецкий еврей.

Секретарь. Тем хуже! Две национальности еще хуже, чем одна. А эту даму с пистолетом я ненавижу за то, что она бог знает какая помесь. Вообразите только: испанцы, индейцы и дикари!

Вдова. Раз вы ненавидите меня, значит, вы не мужчина!

Секретарь. А вы, сэр Орфей, вы приятный и порядочный человек, но стоит вам заговорить о политике, и я готов вас убить.

Сэр Орфей. Боже мой! Хорошо, что пистолет этой сеньоры у меня в кармане. Но разумеется, я не верю вам.

Секретарь. Если бы вы чувствовали дух Женевы, вы бы поверили. А этот русский — я ненавижу его потому, что его правительство объявило о возможности социализма в одной стране.

Комиссар. Выходит, вы троцкист?

Секретарь. Троцкий для меня ровно ничего не значит, но я ненавижу всяческие границы, а вы окружили себя ими.

Комиссар. Только потому, что безграничное пространство слишком велико, мы с ним не справимся. Будьте же благоразумны.

Секретарь. На это у меня благоразумия не хватает. Я устал от благоразумных — они всегда находят благо в лени и безделье.

Новый посетитель. А как насчет меня? Давайте же! Не обходите меня.

Секретарь. Вы! Вы какой-то не до конца американизированный колонист. Вы — худший образец политикана из средних слоев общества. Строите из себя этакого неотесанного индивидуалиста-изоляциониста, а сами анархист!

Новый посетитель. Сами вы анархист! Зато у меня больше здравого смысла, чем у вас! Как можно всех подряд ненавидеть?

Секретарь. Все вы — враги человечества. Все вооружены до зубов и начинены патриотизмом. У всех вас национальные герои либо разбойники, либо пираты. А когда доходит до дела, вы все превращаетесь в бандитов. Однако Женева вам еще покажет. Может быть, уже не при мне. Дух Женевы на самом деле существует, а дух не умертвишь.

Все. Но...

Секретарь (*старается их перекричать*). Я не собираюсь с вами спорить! Все вы глупы, как пробки!

Сэр Орфей. Вы уверены, что вы вполне здоровы сегодня? Я всегда верил в вас и оказывал вам поддержку, видя в вас верного друга Англии.

Секретарь. И были правы. У Англии в Женеве нет друга верней меня. Я — верный друг всех держав, знали бы только они об этом. В этом сила моего положения здесь. Каждый из вас думает, что я на его стороне. Если вы намекнете, что я пьян или сумасшедший, то я намекну, что вы выжили из ума и Британской империи пора подыскать министра иностранных дел помоложе.

Сэр Орфей. Выжил из ума!

Секретарь. Я не хочу лишиться этой работы. А посему не заставляйте меня бороться с вами вашим же оружием, чтобы сохранить свое зарабатываемое потом и кровью жалованье.

Вдова (*сэру Орфею*). Лучшее оружие у вас в руках! Вы его у меня украли. В моей стране этот субъект уже валялся бы мертвым у ваших ног и в нем было бы ровно столько дырок, сколько пуль в обойме.

Секретарь. В вашей стране, сеньора, я выстрелил бы первый!

Вдова. Какая разница! В любом случае честь была бы спасена.

Секретарь. Честь! Готовое оправдание для того, чтобы превратить человека в труп.

Журналист. В покойника.

Вдова. Благодарю вас.

Секретарь. «Неряшливый и некрасивый труп». Я цитирую Шекспира.

Вдова. Значит, ваш Шекспир, не знаю, кто он там, не джентльмен.

Секретарь. Судья, вы слышите, с кем нам приходится иметь здесь дело? Глупость на глупости. Очевидно, предполагается, что Женева может создать Лигу наций из политических кретинов.

Судья. Я вынужден обратить этот довод против вас. Присутствующих здесь нельзя назвать глупцами. Глупым людям нечего сказать в свою защиту. А эти люди могут сказать в свою защиту многое. Возьмем хотя бы сэра Мидлендера. Если вы будете утверждать, что он глуп, это слово потеряет для меня смысл.

Сэр Орфей. Благодарю вас, дорогой Судья, благодарю вас. Только, ради всего святого, не называйте меня умным, а то меня прокатят на следующих выборах. Я питаю глубокое уважение к поэзии, к изящным искусствам и ко всему прочему в этом роде, но, пожалуйста, поймите, я не интеллектуал. Я простой англичанин, выполняющий свой долг перед своей страной в меру своих слабых способностей.

Судья. И тем не менее вы делаете это так, что вам удалось стать членом кабинета, опередив сотни других удачливых и честолюбивых претендентов.

Сэр Орфей. Уверяю вас, я не честолюбив и не борюсь за первенство. Просто случилось так, что я довольно богат, но деньги нажил еще мой дед. Клянусь честью, я не знаю, как оказался в кабинете. Я человек самый обыкновенный, поверьте.

Судья. Значит, вы достигли высот за счет самого обыкновенного естественного превосходства. Однако не тревожьтесь, в доказательство своей мысли я хочу сказать только, что вы не врожденный дурак.

Сэр Орфей. Очень мило с вашей стороны. Хорошо, на этом и остановимся.

Судья. А теперь другая крайность – взять хотя бы эту темпераментную и очаровательную даму, имени которой я не имею удовольствия знать.

Еврей. Попробуйте, не подойдет ли Долорес.

Вдова. Хотели, очевидно, оскорбить меня? Но сами остались в дураках. Мое имя действительно Долорес.

Сэр Орфей. Я догадывался об этом, сеньора. В студенческие годы я часто цитировал знаменитую поэму Оскара Уайльда:

Не можем думать о тебе без содроганья,
О, раскрасавица веселая Долорес,
О, богородица страданья!

Журналист. Это Суинберн, сэр Орфей.

Сэр Орфей. Разве Суинберн? Впрочем, неважно. Кто-то из литературных кругов.

Вдова. Звучит красиво. Но английский не мой родной язык. Я не понимаю первую строчку. Что значит «без содроганья»?

Сэр Орфей. Оставим это, сеньора. Сейчас не до того. Мы прервали его честь. (*Судье.*) Вы хотели сказать...

Судья. Я хотел заметить, что если и можно в чем-то обвинять эту даму, то только не в глупости. Она говорит на нескольких языках. У нее редкие способности. Она схватывает все на лету. Ей в наследство досталась ученость арабов, смелость и предприимчивость испанских конкистадоров, обращенные к небу устремления ацтеков, самозабвенная преданность богу, передавшаяся от иезуитских миссионеров, и готовность их всех вкупе взятых на смерть, если дело коснется того, что они считают своим долгом. Нам, правда, пришлось фактически разоружить сеньору, чтобы она не смогла прикончить этого безобидного еврейского джентльмена по примеру своих предков, которые не преминули бы принести его в жертву богу Кетцалкоатлю на ступенях алтаря в Мексике, но все это отнюдь не объясняется тем, что она глупа.

Вдова. Хоть вы и считаете меня способной, мне трудно следить за ходом ваших мыслей. Да, я горжусь тем, что в моих жилах течет кровь ацтеков. Однако мне бы и в голову не пришло оскорблять Кетцалкоатля, принося ему в жертву еврея.

Судья. Что касается самого еврейского джентльмена, то на этом вопросе не стоит задерживаться, поскольку его выслали из собственной страны единственно потому, что он так рассудителен и трудолюбив, что в борьбе за хорошо поставленное дело и положение в обществе сумел далеко обогнать своих сограждан. А теперь я перехожу к нашему другу-демократу. Я не знаю, чем он занимается...

Новый посетитель. Если вам так уж нужно, я удалившийся от дел строитель...

Судья. Вот видите, у него было достаточно способностей

вести строительное дело столь успешно, что он смо рано уйти в отставку, ведь ему немногим больше пят десяти.

Новый посетитель. Я не миллионер, не думайте. Денег меня ровно столько, чтоб делать свое дело в муници пальном совете и бороться с врагами демократии.

Судья. Вот именно. Вполне в духе Женевы. Вам не ума не хватает, а знаний.

Новый посетитель. Моя жена любит говорить, что у меня ослиная башка. Как вам нравится такая аттестация?

Судья. В высшей степени, сэр. Ослы непоколебимы в своих убеждениях, их не подкупишь, не уговоришь и не переубедишь. Во всяком случае, вы достаточно умны, чтобы вас не удовлетворял существующий в мире порядок, и вы так же стремитесь изменить его, как и все в Женеве.

Новый посетитель. Да сам-то мир меня вполне устраивает. Демократия – вот чего я добиваюсь. Мы все стояли за демократию, когда право голоса имели только привилегированные. А теперь, когда голосовать могут все – и женщины и кто угодно, где эта демократия? Везде диктаторы. А меня, выбранного голосованием, не пускает в парламент полиция!

Судья. Перехожу к нашему русскому другу. Он должен быть способным человеком, иначе он не был бы комиссаром, ведь в его стране способности – главное. Он не боится будущего, тогда как мы испытываем постоянный страх перед войной, перед банкротством и бедностью. Но никаких данных, что он сверхчеловек, нет. Двадцать лет назад он нес бы такую же чепуху, как и все вы.

Все (*кроме русского и Бегонии*). Чепуху!!!

Судья. Может быть, мне следовало сказать – пустословил бы так же, как вы, потому что в пустословии нет элемента бессмысленности. По существу, чем легковесней высказывание, тем оно логичнее, тоньше, красноречивее, тем больше в нем блеска.

Сэр Орфей. Верно, верно! Я знавал людей, которых палата общин могла слушать часами, раскрыв рот. Но от большинства из них проку не было. Обыкновенные краснобаи.

Бегония. Полагаю, теперь моя очередь. Я вижу, вы на меня поглядываете. Ну что ж, я в политике не разбираюсь. Никогда не могла понять, что к чему. Но чего я не признаю, так это коммунизма: все у них атеисты, женщин национализируют, брак и семью уничтожили, чужую

собственность присваивают, работать должны, как рабы, а чуть что скажешь против, тебя расстреляют.

Судья. Вы достаточно умны и достаточно благонамеренны, чтобы не одобрять подобные порядки, не правда ли, леди Бегония?

Бегония. Ну конечно. Кто же такое одобрит?

Судья. Это делает вам честь.

Комиссар. Позвольте мне заметить...

Судья. Минуточку, господин Поский, иначе я собьюсь, а мне как раз хочется доказать, что взгляды и симпатии леди Бегонии совпадают с вашими.

Бегония. Да ничего подобного! Я ненавижу все его взгляды!

Комиссар. Я протестую. Дама — буржуазка, я — коммунист. Каким образом между нами может быть что-то общее? Она поддерживает диктатуру капиталистов, я — диктатуру пролетариата.

Судья. Оставим ваши убеждения в стороне: я говорю о фактах. Леди явно не права в отношении фактов, потому что, если бы в вашей стране действительно были такие порядки, как она думает, все население России погибло бы в течение двух недель. Очевидно и то, что, не имея ни малейшего понятия о порядках в России, леди Бегония в равной степени не отдает себе отчета в том, как управляется ее собственная страна. По-видимому, никто из вас не имеет представления о порядках в нашем мире. И вот в этот-то вакуум, образованный вашим неведением, кучей навалены дикарские предрассудки: вы оправдываете кровную месть, человеческие жертвоприношения, захватнические и религиозные войны, басни, выдаваемые за историю, прославление грубой эротики и драчливости, называемое романтикой. Из-за всех этих предрассудков люди, от природы такие доброжелательные, понятливые, такие по-щенячьи общительные, превращаются в кровожадных и свирепых тварей! И еще говорят, что такова человеческая природа! Да ничего подобного! Истинная природа человеческая постоянно бунтует против всего этого. Недаром среди общей шумихи, требующей новых кровопролитий и убийств, а также памятников самым отличившимся убийцам, никогда не замолкают голоса, призывающие к справедливости и милосердию, к братству и миру, так что даже при свершении самых ужасающих злодеяний приходится делать вид, будто они необходимы именно в этих интересах.

Сэр Орфей. О, это очень верно сказано! Но приходится принимать мир таким, каков он есть.

Судья. Подождите, подождите, а какой он, по-вашему? По вашему, он циничен до того, что стоит на грани безумия и самоубийства? И вам, как министру иностранных дел, это причиняет много хлопот. Почему бы не отбросить цинизм? Почему бы не обновить вашу экономику, религию, историю, политическую философию? Россия приложила гигантские усилия, чтобы этого добиться, и теперь ее политические деятели отстают от своих философов и святых всего на пятьдесят лет, а не на пятьсот или пять тысяч, как в других странах цивилизованного мира. У нас на Западе средства, истраченные на поддержание неведения и предрассудков, настолько огромны, что ни один учитель не может сказать своим юным ученикам правду — иначе он рискует быть выброшенным на улицу. В результате, мы здесь приходим в отчаяние по поводу человеческой природы, а Россия в нее верит, и это помогло ей ценой ужасающих страданий выйти в авангард цивилизации. Так зачем сокрушаться о человеческой природе, когда мы сами тратим столько сил на ее развращение? Почему бы не перестать лгать людям? Неужели мы не способны на такой героический подвиг, какой совершили русские?

Комиссар. Судя по всему, нет. Некоторые свойства характера возможны только на русской почве. Для западного мира будущее может открыться при одном условии — если он согласится пойти за Москвой; а предоставленный своему детскому эгоизму, западный мир окончательно деградирует и погибнет, как и все прежние капиталистические цивилизации.

Сэр Орфей. Разрешите вам заметить, господин Поский, что, если Англия когда-нибудь — не дай господь — придет к коммунизму, он у нее будет образцовым. Даунинг-стрит не станет повиноваться приказам из Москвы. Москва сама заимствовала свои идеи у Англии, как уже говорил вот этот джентльмен. Мой дед покупал шерри у отца Джона Раскина, прекрасный, кстати, был шерри. А учение Джона Раскина по сравнению с учением Карла Маркса все равно что пылающий бренди по сравнению с разбавленным молоком.

Еврей. Да, но поскольку англичане не стали слушать Джона Раскина, из его учения ничего не вышло. Нет, раса, призванная повести человечество к новому Иерусалиму, это

раса, давшая миру Карла Маркса, чье учение дало Советскую Россию.

Судья. Раса! Какая чепуха! Все вы безнадежные дворняги, а притворяетесь чистопородными. Не хватит ли притворяться?

Сэр Орфей. Я, например, не притворяюсь: я англичанин, англичанин из самого сердца Англии.

Судья. Вы хотите сказать, что вы житель Британских островов из Бирмингама. Ну так вы как раз из самой отборной своры дворняг. У вас есть все основания гордиться бесчисленными скрещиваниями среди ваших предков.

Сэр Орфей. По крайней мере, я не француз и не негр.

Судья. По крайней мере, вы не шотландец, не ирландец, а также не выходец из Кента, Девона или Уэльса.

Сэр Орфей. Одна из моих бабушек была из Уэльса. Бирмингам ближе к границе Уэльса, чем к Лондону — этому скопищу кокни.

Судья. Короче говоря, вы все-таки помесь, а следовательно — дворняга.

Вдова. Что такое дворняги? Я думала — беспородные собаки.

Судья. Так оно и есть, мадам. Я позволил себе применить это слово фигурально к беспородным людям, то есть к подавляющему большинству человечества. Вообще же это название просто указывает на наличие разнопородных предков.

Вдова. Ах вот, значит, почему у нас в Земном Раю высший класс отличается такими редкостными достоинствами! Моя кровь — смесь самых благородных в истории: майя и ацтеков, испанской, мексиканской и...

Секретарь (*отшвырнув перо, которым делал записи во время этого спора*). Вот видите, Судья. Вышибаешь из них всю эту чушь насчет принадлежности к высшей расе, так они тут же начинают хвастаться тем, что они дворняжки самых лучших кровей! С ними можно спорить до почернения, все равно ничего не докажешь. В Китае перестали калечить женщинам ноги, потому что это на всю жизнь превращало их в инвалидов, а мы упорно продолжаем калечить себе головы и остаемся на всю жизнь дураками.

Судья. Это верно, но не забывайте, что еще недавно, в XIX веке, весь мир считал, что китайцы никогда не изменятся. А сейчас они самые революционные из всех революционеров.

Еврей (*вдове*). Разрешите узнать, вы сегодня приглашены куда-нибудь на обед?

Вдова. А вам-то что до этого?

Еврей. Тогда не согласитесь ли пообедать со мной?

Вдова. С вами?! С евреем?

Еврей. Только еврей и может оценить вашу царственную красоту. Эти нордические типы, как они себя нелепо окрестили, обожают, когда девицы походят на кукол, а женщины на коров. Но в картинных галереях и театрах, которые находятся в руках евреев — а во всех столицах мира театры и картинные галереи, несмотря на гонения, пока у нас в руках, — там такая красота, как ваша, ценится выше всего.

Вдова. Это верно, у вас, у евреев, есть вкус и любовь к жизни. Вы полны энергии — на свой восточный лад. Честолюбия у вас хоть отбавляй, упорство неутомимое: пока не получите того, чего вам хочется, не успокоитесь. Но позвольте вам заявить, что если вы хотите получить меня ценой обеда, то, значит, вы не отдаете себе отчета, кто вы и кто я.

Еврей. Да мне ничего от вас не нужно — только иметь удовольствие провести время в вашем обществе, насладиться лицезрением вашей красоты, ощутить вашу женскую прелесть и почувствовать, как все мне завидуют из-за того, что со мной такая дама.

Вдова. Ничего у вас не выйдет. Я не приму вашего приглашения.

Еврей. Даже если я позволю вам самой заплатить за обед?

Вдова. Ну есть ли предел вашей наглости? Я в жизни не обедала с евреем.

Еврей. Тогда вы не представляете себе, что такое хороший обед. Пойдемте! Попробуйте первый раз в жизни пообедать с евреем.

Вдова (*задумчиво*). Действительно, вечер у меня не занят. Но мне нужен мой пистолет.

Сэр Орфей (*достает пистолет из кармана*). Ну, так и быть, раз мы преодолели антисемитские трудности, у меня нет больше причин держать вашу собственность. (*Отдает ей пистолет.*)

Вдова (*кладет его в сумку*). Но помните, позволите себе хоть малейшую вольность, только намекнете на более близкие отношения — считайте себя покойником.

Еврей. Не волнуйтесь. Если и последуют какие-нибудь авансы, то только от вас.

Вдова. Просто сама себе удивляюсь!

Бегония. Уж такова Женева. Здесь обедаешь с кем попало.

Сэр Орфей. Кстати, господин Поский, а вы заняты сегодня вечером? Если нет, то я был бы рад пообедать с вами. Мне хочется поговорить о той забавной русской истории с Балюбушкой. Переодеваться необязательно.

Комиссар. А я бы все же переоделся, если вы позволите. Теперь в Москве с этим очень строго.

Бегония. Нет, вы подумайте! Только представьте себе большевика во фраке!

Судья. Не могу ли я предложить вам, прелестная леди, отобедать со мной?

Бегония. А не получится, что я вам навязываюсь? Я уже три раза обедала с вами. Знаете, я немного вас боюсь, вы такой серьезный и ученый, или, как я говорю, заумный. А я хоть и получила орден Британской империи, во мне ничего заумного нет. И какой вам интерес со мной беседовать, понять не могу.

Секретарь. В Женеве столько заумных, что невыразимое облегчение встретить кого-нибудь просто жизнерадостного, и чем меньше ума, тем лучше. К услугам Судьи в Женеве сотни умных женщин, но, чтобы дать отдохнуть голове, ему нужна мягкосердечная простушка, хорошенькая и в политике ничего не смыслящая.

Бегония. Давайте, давайте. Я к этому привыкла. Я знаю, какого вы обо мне мнения: считаете единственной в Женеве круглой идиоткой. Однако Лигу расшевелила я, а вам это никогда не удавалось и не удастся, старая вы калоша!

Вдова. Осторожно, сеньорита. Женщине не следует выставлять свой ум напоказ, как это делают мужчины. Она должна его скрывать. Мужчины любят, чтобы слушали их.

Бегония. Я тут столько их слушала – надоело до смерти! Правда, когда мужчины начинают говорить, всегда можно думать о чем-нибудь другом. Они так заняты собой, что и не заметят.

Вдова. Не выдавайте секретов нашего пола, дитя мое. Будьте благодарны, как и я, что обеспечили себе обед.

Журналист. А как насчет моего обеда?

Секретарь. А вы пообедаете со мной. Расскажете мне последние новости.

Судья. Их сообщу вам я. Решено, что процесс над диктаторами в Постоянной палате международного правосудия начнется через две недели.

Все. Где?

Судья. В старом дворце в Гааге.

Секретарь. Но этот процесс превратится в фарс. Диктаторы не явятся.

Судья. А я думаю, явятся. Полагаю, сэр Орфей, что и вы будете там в качестве наблюдателя от министерства иностранных дел.

Сэр Орфей. Конечно буду. Но в качестве официального представителя или нет, не знаю.

Судья. Надеюсь, там будут все присутствующие. Предлагаю сейчас же позвонить и заказать себе номера в Гааге. Когда новости опубликуют, вы рискуете не попасть в гостиницу.

Все, кроме Судьи и Секретаря, поспешно встают и удаляются в контору отеля.

Секретарь. Вы действительно считаете, что диктаторы откликнутся на ваше приглашение и сядут на скамью подсудимых?

Судья. Посмотрим. Но скамьи подсудимых не будет. А вас я попрошу вести протокол заседания.

Секретарь. Нет, невозможно.

Судья. Это сейчас так кажется, но я думаю, вы согласитесь.

Секретарь. Ну, раз Мидлендер собирается быть на суде, я, конечно, тоже должен присутствовать, чтобы послушать, что он будет говорить. Но диктаторы? Бомбардони? Батлер? Как вы заставите их приехать? У вас же нет ни одного солдата! Ни одного полицейского!

Судья. Все солдаты и вся полиция на свете не заставили бы их сдвинуться с места, разве что притащили волоком. Но вот если Гаага станет главными подмостками Европы, то никаким солдатам, никакой полиции не удержать их дома.

Секретарь (*задумчиво*). Возможно... (*Качает головой и умолкает.*)

Судья (*улыбается*). Приедут. Деспоты всегда там, куда обращены взоры.

Большой зал старинного дворца в Гааге. В центре просторного возвышения стол, окруженный стульями, на столе письменные принадлежности и телефонный аппарат, соединенный с кнопками. Во главе стола большое кресло, в прошлом чей-то трон. В зале, по обе стороны возвышения, ряды стульев для зрителей, участников разбирательств, свидетелей и т. д.

Сквозь высокие окна льется солнечный свет, подчеркивая позолоту и великолепие обстановки. По правую руку пока еще пустого кресла входная дверь. Расставленные рядами стулья говорят о том, что здесь предполагается заседание, слушание дела, в общем, какое-то собрание. Тут же корзина для бумаг. За отдельным столиком, перед возвышением, лицом к двери сидит Секретарь, нам виден его профиль. За ним, в первом ряду,— Еврей, Комиссар и Вдова. В ряду напротив — Бегония и жизнерадостный молодой человек, крепкого телосложения, с оглушительным голосом, который он с трудом смиряет до громкости, приличествующей обстановке. Рядом с ним бывший Новый посетитель. Все читают газеты. Бегония и ее молодой человек вместе рассматривают одну газету со множеством фотографий. Он обнимает ее за талию и откровенно этим наслаждается. По всей видимости, они помолвлены.

Еврей. Как вы думаете, господин Секретарь, что-нибудь из этого выйдет?

Секретарь. Может быть, и нет. Я для того и нахожусь здесь, чтобы лично пронаблюдать, возымели ли действие повестки, разосланные Судом.

Жених. Судьи и самого-то нет.

Секретарь (*смотрит на часы*). Еще не время: вы все явились раньше, чем нужно.

Жених. Мы пришли пораньше, чтобы занять места, и нате вам, извольте радоваться, никого нет!

Входит сэр Орфей.

Сэр Орфей. Что это? Никого, кроме нас? Разве публику не пускают?

Секретарь. Публика, по-видимому, не интересуется.

Бегония. Заглянула тут какая-то журналистка-любительница, но сразу исчезла – увидела, что ничего интересного нет.

Жених. Двери открыты для всех. Милости просим!

Сэр Орфей (*садится рядом с Бегонией*). Какое ужасное фиаско для нашего друга Судьи. А ведь я предупреждал его, что так может случиться. Я ему советовал разослать специальные приглашения прессе, известить всех видных деятелей и иностранных гостей. И вот пожалуйста! Кроме нас, ни души. Над ним будет потешаться вся Европа.

Секретарь. Да! Но если эта затея провалится, то, чем меньше свидетелей, тем лучше.

Бегония. В конце концов, нас чуть ли не десяток! И аудитория, я бы сказала, что надо! Не забывайте, дядюшка, что вы все-таки министр иностранных дел, у тебя, Билли, есть титул, да и я тоже не пустое место.

Жених (*целует ей руку*). А ты, моя единственная и дражайшая, ты кавалерственная дама ордена Британской империи! «Кэмберуэлл таймс» отметила твой день рождения стихами, в них тебя воспевают как лилию Женевы; но на этот раз не ты центр внимания всей Европы. Подумать, какую затеяли колоссальную штуковину – помрешь со смеху – вызвать в суд всех диктаторов и чтобы они держали ответ на обвинения, которые выдвинули против них всякие Томы, Дики, Сусанны и Элизы всех национальностей!

Вдова. Простите, молодой сеньор, я вовсе не Сусанна и не Элиза.

Жених. О присутствующих, понятно, не говорят, сеньора. Самый же смак, самый шик, самая прелесть в том, что диктаторов-то вызвали, но они не явятся. У нашего бедняжки Судьи власти над ними не больше, чем у кошки.

Новый посетитель. Но раз они не придут, зачем мы здесь?

Жених. А чтоб посмотреть, какое выражение будет у Судьи, когда он войдет и увидит, что ничего не вышло, вот зачем!

Вдова. Он не опаздывает? Мне кажется, мы сидим тут целую вечность.

Секретарь (*смотрит на часы*). Сейчас должен быть. Без минуты десять.

Входит Судья в судейской мантии. Все встают. Он в приподнятом настроении и очень оживлен.

Судья (*здоровается за руку с сэром Орфеем*). Доброе утро, сэр Мидлендер. (*Идет к креслу, приветствуя тех, мимо кого проходит.*) Доброе утро, дамы и господа. Доброе утро, мадемуазель. Доброе утро, сеньора. Доброе утро. (*Занимает свое место.*) Прошу садиться. Кто-нибудь из обвиняемых уже прибыл, господин Секретарь?

Секретарь. Нет, ваша честь. Слева от вас – истцы. Справа – сэр Орфей Мидлендер. Он присутствует в качестве наблюдателя от английского министерства иностранных дел. Леди Бегония Браун представляет Комитет интеллектуального сотрудничества. Молодой джентльмен представляет зрителей.

Судья. Беспристрастный наблюдатель, не так ли?

Жених. Нет, милорд. Очень даже пристрастный вот к этой юной леди, даже помолвлен.

Судья. Поздравляю от всей души. Хочу предупредить, что на столе перед вами – микрофоны и телекамеры. Я распорядился об их установке, чтобы избежать скопления народа и проводить наши заседания непринужденно и с удобствами, однако нам только кажется, что мы одни.

Общее оцепенение. Все выпрямляются, как в церкви.

Бегония. Надо было сразу сказать, когда мы пришли. Билли обнимал меня за талию и шептал всякие глупости. Завтра же все напечатают в «Кэмберуэлл таймс».

Судья. Сожалею, вас должны были предупредить. В Международном суде вас не скроют никакие стены, и даже самый легкий ваш шепот разнесется по всему миру. Нас видят и слышат в Риме, в Москве, в Лондоне – всюду, где установлены приемники последнего типа.

Бегония. Слышат! Скажите лучше, подслушивают.

Вдова. И подсматривают. Эти новые лучи, говорят, и под платье проникают. Возмутительно!

Судья. Вовсе нет, сеньора. Сознание того, что наша жизнь проходит на глазах, что больше нет тайных закоулков, где можно творить зло и обсуждать гнусные заговоры, может благотворно повлиять на нравы.

Вдова. Я не согласна. Совсем не все тайное дурно, но многое может быть просто неприличным.

Бегония. Мне кажется, лучше переменить тему.

Жених. А как насчет диктаторов, милорд? Вы действительно думаете, что кто-нибудь из них пожалует?

Судья. Мы не можем физически их принудить. Но ведь они

ежедневно совершают поступки, к которым их физически никто не принуждает.

Сэр Орфей. Это, несомненно, довод, но юридической силы он, пожалуй, не имеет.

На столе Судьи звонит телефон. Он нажимает кнопку и слушает.

Судья. Вам не придется больше томиться, сэр Мидлендер. (*В телефон.*) Мы его ждем. Проводите его сюда. (*Отпускает кнопку.*) Первым из диктаторов прибыл сеньор Бомбардони.

Все. Бомбардони!

Входит диктатор, властный, резкий, словом, типичный повелитель судеб.

Бомбардони. Это и есть так называемый Международный суд?

Судья. Да.

Бомбардони. Мое имя Бомбардони. (*Поднимается на возвышение, решительным жестом придвигает ближайший стул и ставит его слева от Судьи. Затем грузно усаживается.*) Пусть мое присутствие вас не смущает. Продолжайте.

Судья. Я должен поблагодарить вас, сеньор Бомбардони, за то, что вы так быстро подчинились вызову Суда.

Бомбардони. Я никому не подчиняюсь. Я здесь, значит, такова моя воля. А моя воля — это часть мировой воли. И притом большая ее часть. Мир движется к интернационализму. Если бы не это, у вас не хватило бы смелости меня вызвать. Таким образом, ваше мероприятие есть симптом развития цивилизации. А где обнаруживается такой симптом, там мое место — ведущее место.

Сэр Орфей. Но простите меня, сеньор; я знаю, что вы выдающийся националист. Как же можно быть сразу и националистом и интернационалистом?

Бомбардони. А как же иначе? Как вы строите дом? Сначала запасаетесь хорошими крепкими кирпичами. Из грязи дом не построишь. Так вот нации — это и есть кирпичи, из которых строится Всемирное государство будущего. Я сплотил свой народ в нацию — белую нацию. Потом добавил к ней черную и создал империю. Когда империи соединятся в Федерацию, их правители будут властвовать над миром, а среди них один будет главным — самый гениальный правитель. Таким видится мне будущее чело-

вечества. Поэтому можете представить сами, какого я мнения о Лиге наций — этом сборище жалких торгашей из полусотни ничтожных государств.

Судья. Ваша страна тоже является членом этой Лиги, сеньор.

Бомбардони. Моя страна должна присматривать за дураками. Говорят, лучше встретиться с медведем, чем с дураком. Дураки опасны, а ваша так называемая Лига наций на самом деле — лига дураков; долг умного — наблюдать за ними. Вот почему влиятельные державы входят в Лигу наравне с игрушечными республиками, но этих мы проглотим, когда настанет время.

Новый посетитель. Не так быстро, мистер! Что-то я не понимаю.

Бомбардони (*Судье презрительно*). Объясните ему. В этом суде могут участвовать лишь те, кто понимает. А если кто-то не понимает — его место в рядах бессловесной рабочей силы, которая должна слепо покоряться.

Новый посетитель. Ах вот вы куда гнете? Кто вы такой, что я должен вам слепо покоряться? А где же демократия?

Бомбардони. Я — это я, вы — это вы, и благодаря этому факту я занимаю свое место, а вы свое. Попробуйте поменяться со мной местами: с тем же успехом можно изменить путь солнца на небе.

Новый посетитель. Ишь как вы себя высоко ставите! А я вас спрашиваю, как насчет демократии?

Входит неулыбчивый господин средних лет, худощавый, прямой, с привычно недовольным выражением лица.

Недовольный господин. Это здесь заседание Международного суда?

Бомбардони (*вскакивает*). Батлер! Вот так-так!

Батлер (*тоже удивлен*). Бомбардони! Вот неожиданность!

Бомбардони. Думал, тебе удастся меня обскакать?

Батлер. Устроил мне засаду? Хитрюга!

Бомбардони (*садится*). Некрасиво, Эрнест. Некрасиво.

Батлер. Верно, Бардо. Я извиняюсь. (*Берет стул, стоящий позади сэра Орфея, поднимается на возвышение, останавливается справа от Судьи, который теперь оказывается между диктаторами.*) С вашего позволения, сэр. (*Садится.*)

Судья. Благодарю вас, господин Батлер, что вы подчинились вызову Суда.

Батлер. Слово «подчинился» вряд ли годится, сэр.

Судья. Но вы же подчинились. Вы здесь. Почему?

Батлер. Вот как раз это я и приехал выяснить. А ты почему здесь, Бардо?

Жених (*громогласно*). Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Вот потеха!

Судья. Я вынужден просить публику сдерживать улыбки.

Новый посетитель (*не обладающий чувством юмора*). Улыбки! Он не улыбался, он хохотал во все горло. При всем уважении к вашей милости — мы зря тратим время на всякую чепуху. Один говорит, что он может быть везде, другой — что он пришел для того, чтобы выяснить, зачем он пришел. Это же бессмыслица! Эти господа просто чокнутые.

Бомбардони. Простите, что значит «чокнутые»?

Новый посетитель. Ну, тронулись, спятили. А если прямо говорить — психи.

Бомбардони. Я вижу, вы из низов.

Новый посетитель. Что это за низы? Вы что, не знаете, что демократия покончила со всем этим?

Бомбардони. Наоборот, мой друг, демократия впервые придала этому смысл. Демократия бросила нас с вами на чаши одних весов. Ваша чаша взвилась вверх, моя пошла вниз. И пока я остаюсь на своей, вы не сдвинетесь с места. Демократия освободила вас от власти священников и королей, помещиков и капиталистов, но она подчинила вас закону тяготения. Все зависит от веса личности. А закон тяготения — это закон природы. Закону голову не отрубишь.

Новый посетитель. Зато вам демократия может отрубить голову. Британская демократия рубила башки и покрепче.

Бомбардони. Неверно! Головы королям и архиепископам сносили плутократы, чтобы возвыситься самим и без помехи грабить народ; но народ всегда следует за тем, кто рожден его возглавить. Если нет правителя, королей, священников, если нет никого, кто поставлен законом прежних королей и священников, то вступает в силу закон толпы, закон линча, закон гангстеров, короче — американская демократия. Благодарите свою звезду, что в Англии никогда не знали демократии. Возглавив мой народ, я спас свою страну. Демократия в моей стране — это я.

Новый посетитель. Нет, видали! Это вы-то демократ! Да вы покончили с демократией раз и навсегда.

Бомбардони. Попробуйте поставить мою кандидатуру на голосование. Проведите плебисцит. Если я получу меньше

девяноста пяти процентов голосов взрослых избирателей, то подам в отставку. Это ли не демократия?

Новый посетитель. Во всяком случае, не британская демократия.

Батлер. Британская демократия — чушь. Это я вам говорю.

Новый посетитель. Сами вы несете чушь, да где иностранцу нас понять! Плебисциты — это не по-английски, совсем не в английском духе.

Бегония. Правильно! Правильно!

Сэр Орфей. Могу ли я взять на себя смелость высказать одно замечание?

Батлер. А кто вы, собственно, такой?

Сэр Орфей. Всего лишь скромный англичанин, с огромным интересом слушающий вашу захватывающе умную беседу. А если говорить официально, то я — британский министр иностранных дел.

Оба правителя подымаются и отдают ему фашистский салют. Сэр Орфей остается сидеть, но благосклонно машет им рукой.

Бомбардони. Должен объяснить суду, что без меня Англия больше ничего не значит. Я диктую ее политику многие годы.

Батлер. А я плюю на Англию в каждом спорном вопросе, который возникает между нами. Европа смотрит на меня, а не на Англию. (*Садится.*)

Сэр Орфей. Вы безусловно привлекаете к себе внимание, господин Батлер, безусловно. А вы, сеньор Бомбардони, направляйте нашу политику, сделайте милость, но постольку, поскольку это будет выгодно нам. Однако, надо вам заметить, Англию ваши успехи занимают очень мало. Я слушаю ваши рассказы о них с большим удовольствием, и — не в обиду вам будет сказано — они меня даже забавляют. Но должен предупредить, если эти ваши успехи когда-нибудь придут в противоречие с интересами Британской империи, то нам придется весьма решительно перейти от триумфов к фактам; и факты могут оказаться для вас не столь благоприятными, как победы.

Батлер. Да что вы можете мне сделать? С фактами или без фактов?

Сэр Орфей. Не знаю.

Батлер.
Бомбардони. } Не знаете!!!

Сэр Орфей. Не знаю. И вы не знаете, господин Батлер, и вы, сеньор.

Бомбардони. Вы имеете в виду, что я не знаю того, что вы сможете сделать, или что я не знаю того, что бы я сделал?

Сэр Орфей. И то, и другое, сеньор.

Бомбардони. Что ты на это скажешь, Эрнест?

Батлер. Я-то буду знать, что делать.

Сэр Орфей. Вы хотите сказать, что будете знать, что делать, когда узнаете, что собирается делать Англия?

Батлер. Я и так знаю, что вы сделаете. Ничего. Я разорвал ваш мирный договор и швырнул клочки вам в лицо. Что вы сделали? Ничего. Я прочел ваш последний Локарнский договор и отправил восемнадцать тысяч солдат нарушать его. Я пересек границы и удвоил свою территорию и мощь моего государства, несмотря на ваши угрозы. И что вы сделали? Ровным счетом ничего.

Сэр Орфей. Естественно, мы ничего не сделали. Мы не были заинтересованы что-либо делать. Шестилетний ребенок и тот бы сказал, что нам не следует ничего предпринимать. А вы размахивали кулаками у нас перед носом и кричали: «Только попробуйте что-нибудь сделать!» И ваши соотечественники считали вас героем. Но сами-то вы прекрасно знали, что находитесь в полной безопасности, так что на нас эти крики не производили впечатления.

Бомбардони. Вы совершенно правы, ваше превосходительство,— только ваша глупость и глупость французов помогли Эрнесту взлететь на самый верх по скользкому шесту политических амбиций. Но хватка правителя у него есть; к тому же его вдохновляет мой пример. Так что не надо презирать Эрнеста.

Батлер. Я никогда не скрывал, что восхищаюсь тобой, Бардо. Но у тебя есть недостаток, который может тебя погубить, если ты с ним не справишься.

Бомбардони. Что же это, интересно знать?

Батлер. Самомнение. Ты считаешь себя единственным великим человеком в мире.

Бомбардони (*спокойно*). А кого ты можешь назвать еще?

Батлер. У тебя есть соперники в России, в Аравии и в Иране.

Бомбардони. И еще есть Эрнест Великий. Что ж ты его пропустил?

Батлер. Поживем, увидим. Пальму первенства будет вручать история.

Судья. Не стоит переходить на личности, господа. Позвольте

мне напомнить вам о важном моменте, затронутом сэром Мидлендером.

Сэр Орфей. А что это был за момент, милорд?

Судья. Когда вас спросили, что бы сделала ваша страна в случае, если окажутся затронутыми ее интересы, вы честно сказали, что не знаете.

Сэр Орфей. Действительно не знаю.

Батлер. А еще называете себя государственным деятелем.

Сэр Орфей. Поверьте, я себя так не называю. В Англии эти слова не приняты, я — член кабинета и скромный дипломат-любитель. Спрашивать меня сейчас, что случится, если британским интересам будет угрожать какая-то серьезная опасность, все равно что решать, как перейти речку, до того как к ней подошли. Нам в Англии это не свойственно. Вот когда мы достигаем речки, то либо переходим ее вброд, либо строим через нее мост, либо осушаем ее. Ну а когда дело сделано, обдумывать уже нечего. Мы, англичане, поняли — жить можно и не думая. Согласитесь, бесполезно думать, если не знаешь фактов. А политические факты обычно становятся известны лет двадцать спустя. А иногда даже через полтораста лет.

Судья. И все-таки, сэр Мидлендер, вы знаете, что существует такой процесс, как обдумывание!

Сэр Орфей. Вы пугаете меня, милорд. Мне решительно не хочется отвлекаться от реальности момента и погружаться в размышления. Это опасно. Это не по-английски. Это приводит к возникновению всевозможных теорий, к политике авантюр, к мечтам и видениям. Если мне будет позволено высказать мое мнение, я считаю, что нахожусь в гораздо более благоприятном положении, чем прославленные правители, украшающие своим присутствием наше сегодняшнее разбирательство. Их высказывания чрезвычайно интересны, что ни фраза, то афоризм, слушая их, я — всего лишь бестолковый англичанин — буквально краснею за свои банальности. Но если вы спросите меня, каковы намерения этих господ, я честно отвечу — не знаю. Как они относятся к нам? Не знаю. А они знают, как поведет себя Англия. Они знают, чего можно от нас ждать. Мы не строим хитроумных планов. Мы просто останемся верными нашей любимой Британской империи и сделаем для нее все, чего потребует от нас провидение. Но при этом нам будет весьма неприятно, если какая-нибудь держава или несколько держав, объединившись, вздумают ухудшить наше положение — на суше или на

море, особенно на море. Я предупреждаю вас, я умоляю вас, не надо нас пугать. Мы простые доброжелательные люди, нас испугать легко. Но если нас испугают, мы становимся способными на все, даже на поступки, о которых потом не хочется вспоминать. Не принуждайте нас к этому. Принимайте нас такими, какие мы есть, и оставьте в покое. Простите мне эту короткую бесцветную речь. Не смею больше занимать ваше внимание.

Батлер. Макиавелли!!!

Бомбардони. Крайне коварная речь. Но нас она не введет в заблуждение.

Судья. Однако ввела. Это абсолютно честная речь, произнесенная абсолютно честным джентльменом, а вы оба восприняли ее как проявление британского лицемерия.

Бегония. Это наглость с их стороны, вот что я скажу! Я не желаю сидеть здесь и слушать, как оскорбляют мою страну.

Жених. Молодец! Молодец! Даешь Кэмберуэлл!

Батлер. Что он говорит? Какой Кэмберуэлл?

Бегония. Ну и ну! Не знает, что такое Кэмберуэлл!

Секретарь. Кэмберуэлл, господин Батлер, это часть Лондона, которая ничем не отличается от любых других районов Лондона, если не считать того, что она находится на южной стороне Темзы, а не на северной.

Бегония. Что вы хотите сказать – «ничем не отличается»? Может быть, она не такая шикарная, как Мэйфер, но во всяком случае, лучше, чем Пекем.

Бомбардони. Простите мне мое невежество, но что такое Пекем?

Бегония. Вот тебе на! И Пекем не знает. Да что они вообще знают?

Секретарь. Пекем – это другая часть Лондона, соседняя с Кэмберуэллом и равным образом ничем не отличающаяся от него.

Бегония. Не верьте ему, джентльмены. Он говорит это специально, чтобы меня позлить! В Кэмберуэлле живет цвет лондонского общества. А в Пекеме – всякая шваль.

Бомбардони. Я приветствую ваш патриотизм, юная леди, но все же настаиваю на ответе. Что означает «Даешь Кэмберуэлл!»?

Судья. Я полагаю, это своего рода «Хайль Батлер» для южной части Лондона.

Бомбардони. Ха-ха-ха! Прекрасно.

Батлер. Надо мной подшучивают?

Судья. Господин Батлер, я отвечаю за поддержание порядка в суде. Леди Бегония внесла крайне ценный вклад в наше разбирательство. Она демонстрирует, с чем нам в действительности предстоит иметь дело. Мир между державами Европы на базе непримиримой вражды между Кэмберуэллом и Пекемом – вот в чем наша проблема.

Сэр Орфей. Не обманывайтесь, ваша честь. Направьте оружие на Англию, и Кэмберуэлл встанет против вас плечом к плечу с Пекемом.

Батлер. Слышишь, Бардо, этот англичанин нам угрожает.

Сэр Орфей. Ничего подобного. Я просто поясняю, что может произойти при определенных обстоятельствах, которых мы искренне стремимся избежать. Я изо всех сил стараюсь, чтоб слова мои были так же дружелюбны, как и мое к вам отношение. И со всем уважением хочу заметить, что, если бы здесь присутствовал незаинтересованный наблюдатель, у него бы создалось впечатление, что это вы, господа, мне угрожаете, я бы даже сказал, запугиваете меня.

Бомбардони. Так оно и есть. И на родине нас за это не осудят. А как иначе поддерживать чувство собственного достоинства у нашего народа? Только выступая против всего мира с воинственным кличем! А вы... разрешите сделать вам критическое замечание?

Сэр Орфей. Разумеется. Буду признателен.

Бомбардони. Вы так любезны – вы просто меня обезоруживаете. Но позвольте заметить, что ваши приемы устарели. Они показались бы занятной диковиной где-нибудь в музее, скажем, в залах, посвященных восемнадцатому веку. Но какой толк от них, если вы хотите произвести впечатление на современную публику? И лозунги ваши тоже безнадежно старомодны.

Сэр Орфей. Я не совсем понимаю, что вы, собственно, имеете в виду под моими приемами?

Бомбардони. Ваши манеры, жесты, интонации. Ораторство – изящное искусство. Как и все изящные искусства, оно не может достичь своей цели без тщательно разработанных приемов.

Сэр Орфей. Но я оратор с большим опытом! Мой дар красноречия общепризнан. Как и другие ораторы, я немало потрудился, чтобы добиться отчетливой дикции. А занимая общественный пост, я имел возможность наблюдать самые блестящие образцы парламентских выступлений. Допускаю, раз уж вы об этом заговорили,

что определенные приемы вырабатываются, но мне хотелось бы думать, что становишься завзятым профессионалом.

Батлер. Положим, но чему служат ваши приемы? Я слушал вас сначала с удивлением, потом с любопытством — с любопытства стал следить, куда вы клоните. Я вижу цель публичных выступлений в том, чтобы внушать слушателям пламенную веру в правоту и важность излагаемого, вызывая энтузиазм, послушание и немедленную готовность к действию. Именно для этой цели отрабатывались и шлифовались те приемы, которыми пользовались я и мой предвестник, сидящий перед вами. Вы должны признать, что они оказались необычайно действенными: стоит нам сказать слово — и все ваши парламенты падают перед нами ниц. А мы сами обладаем такой властью, о какой ни один король, президент или министр и мечтать не может. Наши приемы просты, естественны и разумны. А ваши? На что устремлена сила вашего красноречия? Судя по всему, ваша цель — расшатывать убежденность и парализовать энергию. Смесь застарелых журналистских обносков с кикероновской латынью...

Сэр Орфей. Я протестую! Я требую суд оградить меня!

Судья. В чем дело? Оградить от чего?

Сэр Орфей. От этой омерзительной современной манеры коверкать классические имена. Кикерон — это же оскорбление моей старой школе. Я настаиваю на «Цицероне».

Жених. Правильно! Правильно!

Бомбардони. Берегись, Эрнест! Это и есть один из приемов английского ораторского искусства. Ты говоришь о чем-то действительно важном. Это кажется опасным. И он отвлекает твое внимание на что-то, не имеющее никакого значения.

Сэр Орфей. Уверяю вас, ничего подобного. И не могу согласиться, что коверканье нашего старого английского произношения классических имен не имеет никакого значения. Это вопрос чрезвычайной важности.

Судья. Мы не сомневаемся в его важности, сэр Мидлендер; но этот вопрос вне компетенции данного суда, и он не должен отвлекать нас от нашего главного предмета. Я призываю вас вернуться к рассмотрению конкретного обвинения в конкретном преступлении против конкретной части общества. Ведь это тягчайшее преступление — бросать бомбы на густонаселенный город. И не менее дьявольское злодеяние усеивать море — этот главный

путь человечества — минами, которые взорвут и потопят любое судно, если оно наткнется на них в темноте. Эти отвратительные преступления совершаются молодыми людьми...

Сэр Орфей. По приказу, милорд, и из патриотических побуждений!

Судья. Несомненно. Предположите, однако, что какой-нибудь молодой человек влез к вам в карман и, будучи схвачен за руку, утверждает, что, во-первых, кто-то приказал ему это сделать, а во-вторых, что ваши деньги нужны ему для уплаты подоходного налога — повод в высшей степени патриотический. Примете ли вы его оправдания?

Сэр Орфей. Смехотворно! Не забывайте, однако, сэр, что если наши юные герои становятся убийцами, так ведь и их убивают. Они рискуют своей жизнью.

Судья. Что ж, добавим еще одно соображение в защиту нашего карманника. Он также подвергается риску быть обворованным. Удовлетворяет вас такой довод?

Сэр Орфей. Милорд! Я питаю такое же глубокое отвращение к войне, как и вы. Но, черт побери, если кто-нибудь захочет перерезать мне горло, мне придется зарезать его самому, если удастся. Неужели я должен позволить убить меня и надругаться над моей женой и дочерьми?

Судья. Полагаю, при таких обстоятельствах довод о необходимости самозащиты был бы признан законным. Но что общего между схваткой с убийцей-насильником и минированием морских путей, которое грозит гибелью ни в чем не повинным путешественникам, чьи намерения по отношению к вашей жене и дочерям — если эти намерения вообще имеются — самые добрые? Что общего между дракой с бандитами и сбрасыванием бомб на спящих детей и рожающих женщин?

Сэр Орфей. Я понимаю вас. Это ужасно. Но сделать ничего нельзя. Надо трезво смотреть на вещи. Ведь то же самое можно сказать об уличном движении в Лондоне. Мы знаем, что каждую неделю под колесами гибнет столько-то детей. Но мы не можем остановить из-за этого транспорт. Автомобили — часть современной цивилизации, так же как добыча угля, железные дороги и авиация. Взрывы в шахтах, столкновения поездов, несчастные случаи на железных дорогах, авиационные катастрофы — все это ужасно, но не можем же мы перестать летать, добывать уголь, ездить в поездах? Все это часть нашей цивилизации. Мы не можем

отказаться от войн из-за того, что они приводят к чудовищным потерям.

Судья. Но взрывы в шахтах, столкновения поездов, авиационные катастрофы не являются целью цивилизации. Это несчастные случаи. Они происходят вопреки всем усилиям избежать их. Война же не имеет другой цели, кроме истребления людей и разрушений. Цель шахтера — добыть уголь из земли для поддержания огня в домашних очагах. Но цель солдата — сжечь эти дома и убить их обитателей. Война — не часть цивилизации, а угроза ей.

Комиссар. Бросьте, товарищ судья! Разве вам не приходилось приговаривать преступника к смерти? Разве палач никогда не приводил ваш приговор в исполнение? Ведь это тоже неизбежная часть цивилизации!

Судья. Я приговариваю человека к смертной казни, если его преступление порождает вопрос: может ли он и дальше находиться в человеческом обществе? Но я выношу приговор только после тщательного судебного разбирательства, в ходе которого преступнику предоставлены все возможности пользоваться советами и защитой юристов. Ваш довод, господин комиссар, не оправдывает молодых людей, убивающих ни в чем не повинных мирных жителей. Ваш довод доказывает только, что я был бы прав, если бы приговорил этих молодых людей к смертной казни, предстань они перед судом. И мы здесь для того и собрались, чтобы выяснить, почему их не привлекают к суду.

Сэр Орфей. Но послушайте, ведь они только выполняют приказ.

Судья. Почему «только»? Уничтожение людей и разрушение городов не те действия, которые можно определить словом «только». Почему же не вызываются на суд те, кто отдает такие чудовищные приказы?

Сэр Орфей. Но на какой суд?

Судья. На наш суд, если на то пошло. Было время, когда я мог бы ответить — на «Господень Суд». Но поскольку в такой суд больше никто не верит, разве не следует нам создать ему замену, пока все мы еще не уничтожены в результате того, что убийство на войне прославляется, а не наказуется.

Бомбардони. Мир может уничтожить человечество еще успешней. Человечество нельзя лишать войны. Война закаляет характер. Без борьбы человек чахнет.

Вдова. А в борьбе гибнет.

Бомбардони. Ну и что? Гибнет только известный процент, а это придает борьбе размах и остроту.

Судья. Вы считаете, что гибель человека под пулеметным огнем или смерть роженицы от клубов ядовитого газа можно назвать борьбой?

Бомбардони. И то и другое — поединок с опасностью. Только смертельная опасность, а не страх перед штыком или кулачной расправой может чему-нибудь научить. Пока не грянет опасность, ни одна нация не пошевелится.

Еврей. Разве в мире и без того мало опасностей? К чему добавлять еще ядовитые газы?

Бомбардони. Конечно, ноги промочить и то опасно! Но только война, только боевой дух военной опасности способен расшевелить воображение, а разбуженное воображение меняет характер и возможности всего человечества.

Вдова. Вот вы были солдатом. Стали вы от этого лучше? Наверное, вы радовались, когда раны избавили вас от окопов и привели в госпиталь?

Бомбардони. Еще как радовался! Но я набрался жизненного опыта. Война не только слава, не только подвиги. На войне понимаешь, что ты жалкий трус, но и смельчак. Приучаешься смеяться смерти в лицо, но и дрожишь от страха и унижения. Спросите вот у моего дублера. Он тоже был солдатом. Он знает.

Батлер. Начинаем мы все дублерами, а кончаем, случается, премьерами. Для меня армия была школой, и я научился многому, потому что с такой тягой к знаниям, как у меня, даже в самой скверной школе чему-нибудь да научишься. Армия — школа скверная, так как война бывает не каждый день, а военные делают вид, будто их работа постоянная. Между тем война кончается и демобилизованный солдат ни на что не годится. Пока-то он привыкнет к гражданской жизни да научится думать сам. Нет, братец, я за мир, но только за добровольный, ненавязанный мир. Пока я не вооружусь до зубов и не смогу обороняться от всего света, мой пацифизм ничего не стоит!

Сэр Орфей. Великолепно! Совершенно наша британская позиция.

Новый посетитель. Я британский подданный. И считаю войну необходимой — надо же как-то сдерживать рост населения.

Бомбардони. Этот человек — идиот. Война стимулирует рост населения. Солдат уходит на смерть, но оставляет

дома беременную жену — она родит солдата ему на смену. Женщины презирают трусов и не могут отказать солдату. Угроза смерти — эта наивысшая опасность — подстегивает жажду жизни, приводя ее к наивысшему экстазу — к любви. У какой воинственной нации была когда-нибудь нехватка в детях?

Жених. Очень романтично, старина, просто здорово, но эти рассуждения о мужчине на поле брани и женщине у домашнего очага в наши дни не звучат. Это во времена Ватерлоо дом был в безопасности, а сейчас домашний очаг — любимая цель бомбардировщиков. Солдат спокойно сидит у себя в окопе, а женщину в это время разрывает на куски возле детской кроватки. Поубиваете женщин — и откуда возьмется население? Ей-богу, если так пойдет, скоро вообще людей не останется.

Батлер. А этот парень не дурак. Если цель войны — истребить население, убивайте женщин, мужчины в счет не идут.

Бомбардони. Цель войны не истребление человечества, цель войны — сохранение благороднейшей человеческой черты — мужества. Предельная безопасность для женщин и предельная опасность для мужчин — вот к чему надо стремиться.

Жених. Послушайте, сеньор, а вы сами принимаете какие-нибудь меры предосторожности против покушения на вашу жизнь?

Бомбардони. Я не приветствую покушений, но человек в моем положении всегда рискует. Я живу бок о бок с опасностью. А такая жизнь намного ярче безопасного прозябания.

Новый посетитель. Ваша честь, эти господа несут чепуху!

Судья. Все политические деятели несут чепуху. Вы, очевидно, имеете в виду, что привыкли к чепухе иного рода?

Новый посетитель. Нет, я вообще против чепухи. Я привык слушать толковые разговоры о политике. А эти рассуждения о жизни, полной опасности, — это разве политика? Это чушь! Получается, что нужно переходить улицу, не поглядев по сторонам? Выходит, нужно отменить светофоры? Выходит, я должен ночевать в инфекционной больнице? А через речку, значит, лучше перебираться по канату, а не по мосту? Как мне себя вести — как идиоту или как разумному человеку?

Бомбардони. Вы были бы куда достойнее уважения, если б умели переправляться по канату, а не топтали тротуар, на устройство которого положено столько труда.

Сэр Орфей. Вы в самом деле считаете, что нами должны управлять аристократы из акробатов?

Бомбардони. Чем это хуже вашей британской аристократии — охотников на лисиц?

Сэр Орфей. Сеньор, все-таки акробаты — это не совсем охотники на лисиц.

Бомбардони. А аристократы совсем не акробаты! Какая жалость!

Новый посетитель. Ох, нет, с вами разговаривать невозможно. Пьян я, что ли? Или сплю?

Бомбардони. Нет, приятель! Просто вы не туда попали. Ну, а теперь к делу. Сила! Тишина! Порядок! Я пришел сюда, чтобы встретиться со своими обвинителями, если таковые имеются.

Судья. Вы, как я понимаю, обвиняетесь в уничтожении свободы и демократии в Европе.

Бомбардони. Как можно уничтожить то, чего никогда не было? И потом, я этим не занимаюсь. Мое дело управлять страной. Я обеспечиваю своим подданным хорошее правление, насколько, конечно, это возможно при их глупости и невежестве. Что от меня еще требуется?

Новый посетитель. Почему меня не пускают в парламент в Джексонленде, объясните! Я выбран по закону.

Бомбардони. Очевидно, потому, что вы намерены подорвать работу парламента и дискредитировать лидеров большинства. Полдесятка таких обструкционистов, как вы, способны на годы растянуть обсуждение тех вопросов, которые я решаю в десять минут. От вас уже весь мир стонет. Ваше место на свалке.

Новый посетитель. Нет, я сдаюсь. Где мне тягаться с таким говоруном? Да и к чему? Я остаюсь при своих убеждениях. Вот мое последнее слово. А вы продолжайте болтать, пока не одуреете.

Бомбардони. Теперь твоя очередь, братец.

Батлер. А что, меня тоже обвиняют? Господи боже, в чем?

Еврей (*вскакивая*). В убийстве! В попытке истребить цвет рода человеческого.

Батлер. О чем вы? Вы кто?

Еврей. Я еврей!

Батлер. В таком случае, какое вы имеете право жить в моей стране? Я не пускаю к себе евреев, так же как англичане не пускают китайцев в Австралию, а американцы японцев в Калифорнию.

Еврей. Да, но почему англичане не пускают китайцев? Потому,

что китайцы так трудолюбивы, так неприхотливы, так надежны, что никто не станет нанимать белых рабочих, если рядом есть желтый. А почему вы не пускаете евреев? Потому что вам далеко до них по уму, по настойчивости и предусмотрительности, по финансовой хватке. Вы не пороков наших боитесь, а талантов.

Батлер. Так ведь и моих талантов боятся! Меня тоже не пускают в Англию, пока я не пообещаю там ничем не заниматься и вернуться на родину через несколько недель. Для каждой страны иностранец — нарушитель. В каждом порту его встретят чиновники и начнут требовать визу и паспорт. Без этого не позволят выйти на берег. А если у вас нежелательная национальность или кожа не того цвета, вас и вовсе не пустят. Вон Англия предпочла ввергнуть в войну всю Европу, только бы не пустить немецких солдат маршировать по Бельгии. Каждое государство само решает, из каких наций ему состоять, какой тип крови ему подходит. Мы выбрали нордическую расу, а не хеттов — вот и все.

Еврей. Евреи тоже люди. Разве они не имеют права селиться на земле, где хотят?

Батлер. Без паспорта — нет! Таков закон во всех государствах.

Еврей. Меня избили и ограбили. Это тоже по закону всех государств?

Батлер. Очень сожалею, я не вездесущ, а мои подчиненные — не все подряд ангелы.

Еврей (*торжествуя*). Ага! Значит, вы не всемогущий бог, вы только притворяетесь. (*Судье.*) Ваша честь, я удовлетворен. Он признал себя виновным. (*Откидывается в кресле.*)

Батлер. Ложь! Еврей никогда не бывает удовлетворен. Ладно. Я вас предостерег. Держитесь подальше, и вас не будут ни бить, ни грабить. Держитесь подальше — вот мой совет. На нас двоих в мире места хватит, в моей стране — нет.

Еврей. Я вверяю защиту моих интересов правосудию. Для моей расы нет государственных границ. Пусть те, кто их устанавливает, докажут, что они правы.

Бомбардони. Господин председатель, если вы позволите Эрнесту распространяться по еврейскому вопросу, мы до ночи с места не сдвинемся. Он вообще должен был ждать сигнала от меня, а не начинать эту заваруху. Из-за него и мне пришлось издать запреты против евреев, чтобы толпы изгнанников из его страны не затоптали мой народ. Повторяю, он поторопился. И хочу добавить, что правители, которые действуют без моих указаний, мне ни к чему.

Батлер. А я и не собираюсь ждать твоих указаний! Где это видано, чтоб представители северных рас ждали советов от каких-то латино-романских жителей юга?

Бомбардони. Не забывай, что в моей стране есть не только юг, но и север! И горы на нашем севере такие, что ваши провинциальные Альпы рядом с ними просто бугорки, нарытые кротом! Снега, скалы, снежные лавины, свирепые ветры — вот что воспитывает настоящих мужчин, Эрнест! А в том туристском раю, откуда ты родом, вырастают только оперные теноры. Слишком уж ты красив, Эрнест,— воображаешь себя белокурой бестией! Поглядите на него, дамы и господа! Похож он на белокурую бестию? Из всех бестий, каких я знаю, самая белокурая — калабрийский бык! Лично у меня нет никакой охоты корчить из себя белокурую бестию, но, если бы мне вздумалось играть эту роль, я уверен, что справился бы лучше, чем ты. Все, что ты подразумеваешь под словом «нордический», воплощено во мне. А ты, Эрнест,— типичный южанин. Ведь юг есть юг, независимо от того, где он — на юге арктического полюса или на юге экватора. Раса не имеет значения, высота над уровнем моря, где вы родились,— вот что определяет наличие железной хватки у мужчины. Наш приятель Эрнест родился на весьма умеренной возвышенности. Он артист до мозга костей, и не борьба с лавинами была его любимой игрой в детстве. А если говорить о расах, то они так перемешались, что, наверное, все человечество восходит к Аврааму, так как все, кто живет сейчас, произошли от всех, кто жил при Аврааме. Значит, и тебе, Эрнест, что-то от Авраама досталось.

Батлер. Какое неслыханное оскорбление! Я требую удовлетворения! Поскольку ты тяжелей меня фунтов на тридцать, я не могу тебя побить, но готов сражаться любым оружием, которое уравняет наши шансы.

Судья. Господа! Вы находитесь в Гааге, во Дворце правосудия! Дуэли давно не в моде! И жизни ваши слишком драгоценны, непозволительно подвергать их такому риску.

Бомбардони. Верно, ваше превосходительство. Я признаю: предки Эрнеста никому не известны. Приношу ему свои извинения.

Батлер. Не нужны мне извинения! Я требую удовлетворения. Извинениями ты его не заменишь. Ты что, трус?

Бомбардони. Оба мы с тобой трусы, Эрнест. Вспомни 1918 год. Теперь все мужчины трусы.

Батлер (*встает*). Я ухожу.

Вдова (*встает*). Не смейте! Только мы подошли к тому, чем, в сущности, должен заниматься этот суд, а вы хотите сбежать! Если кто-нибудь из вас двинется, я буду стрелять.

Общее замешательство.

Бомбардони. Подними руки, Эрнест. (*Вежливо поднимает руки первый.*)

Вдова. А теперь слушайте меня. В моей стране мужчины дерутся на дуэлях ежедневно. Если они отказываются, то становятся париями – с ними никто не знается, а жен их изгоняют из общества, словно они жены преступников.

Батлер. У меня в стране тоже так было. Но я с этим покончил.

Судья. А здесь сами хотите драться на дуэли.

Батлер. Но не ради приличий – для удовлетворения.

Вдова. Вот-вот, мужчины только об этом и думают. Ну а теперь поглядите на меня. Я – убийца!

Общее смятение.

Мой муж тоже хотел удовлетворения – только в другом роде. И получил его – от моей ближайшей подруги. Правила приличия обязывали меня убить ее. А теперь ночь за ночью она является мне во сне и умоляет ее простить, и мне приходится убивать ее снова и снова. Я мечтаю сойти с ума, но не могу. Каждую ночь я просыпаюсь от этого кошмара, и сознание мое работает все ясней, а муки мои все усиливаются! Это невыносимо!

Батлер (*вздрагивая*). Перестаньте. Я не могу этого слушать.

Бомбардони. Кто эта женщина? По какому праву она здесь?

Вдова. Меня зовут Месть, меня зовут – Ревность, мое имя – неписаный закон, который не числится законом. Пока вы не решите мой вопрос, вы ничего не добьетесь.

Судья. У вас особое дело. Изложите его.

Вдова. Мой муж был убит своим преемником. Сын обязан убить убийцу, если не будет другого способа восстановить справедливость, кроме кровной мести. А я обречена убивать, убивать, убивать во сне. Я призываю вас осудить убийцу моего мужа.

Бомбардони. И вас тоже.

Вдова. Себя я осужу сама. Если вы мне вынесете приговор, я приведу его в исполнение своими руками, тут же на месте.

Судья. Но разве вы не понимаете, что решения нашего суда не влекут за собой казней? Они носят чисто нравственный характер?

Вдова. Прекрасно понимаю. Вы можете заставить весь мир показывать пальцем на убийцу моего мужа и твердить: «Ты виновен в убийстве». И точно такой же меткой вы можете заклеймить меня. Вот и все, что от вас требуется. Тогда я перестану видеть свои сны и покончу с собой. А убийца моего мужа пусть живет с этим клеймом, если сможет.

Судья. Вот в этом и есть смысл правосудия нашего Суда. Благодарю вас, сеньора, за то, что вы это поняли.

Батлер (*расстроенный такими разговорами*). Я не могу этого вынести! Прикажите, чтоб эта женщина не кончала при нас с собой.

Бомбардони. Ну нет! Если у нее душа римлянки, кто может ей запретить?

Судья. Так далеко, господин Батлер, моя власть не простирается.

Батлер. Ваша власть простирается куда хотите, лишь бы у вас хватило смелости ее проявить и настоять на послушании. Какая власть у меня? Какая власть у Бардо? Какая власть у других диктаторов? Мы приказываем — нам подчиняются. Вот и все!

Бомбардони. Он прав, синьор судья. Власть — это своего рода гениальность — либо она вам дана, либо нет. Или вам подчиняются, или вас рвут на куски. Однако есть натуры, которые в определенных вопросах прислушиваются только к голосу своей совести. К таковым принадлежат истинные римляне. И вот вам пример римской непреклонности. Жизнь этой женщины в ее собственных руках.

Батлер. Нет, нет! Повторяю, я этого не вынесу. Запретите ей кончать с собой, или я покину суд.

Судья. Сеньора! Я запрещаю вам совершать самоубийство. Но я согласен вынести приговор убийце вашего мужа, когда его вина будет доказана, и таким образом избавить вас от ваших снов.

Вдова. Благодарю вас, ваша честь. (*Садится.*)

Судья. Вы удовлетворены, господин Батлер?

Батлер. Да, и тоже благодарю вас, ваша честь. Я удовлетворен. (*Садится на свое место, но волнение его еще не улеглось.*)

Бомбардони. Итак, дуэли не будет?

Батлер. Не мучай меня! (*Вскипев.*) Ты просто дурак, Бардо!

Бомбардони (*забавляясь вовсю*). Ха-ха-ха! (*Судье.*) Инцидент исчерпан.

Входит привлекательная, очень словоохотливая англичанка средних лет. Судя по одежде она диаконица, в руках у нее сумка, набитая брошюрами.

Диаконица. Могу ли я обратиться к суду? (*Продолжает, не ожидая ответа.*) Я убеждена, что сделать это – мой долг. Мир полнится призывом, и призыв этот звучит в сердце моем. Он звучит, и затихают войны, исчезают жестокость и бесчеловечность, грех и страдания, и нет больше нужды в Лиге наций. Я говорю по собственному опыту. У меня множество свидетелей, они пережили то же, что и я. Я...

Бомбардони (*громовым голосом*). Мадам, вы еще не получили разрешения обратиться к нам.

Диаконица (*не обращая на него ни малейшего внимания*). Это так просто! А счастье, которое снисходит на вас, так упоительно! Нужно лишь открыть душу перед Учителем.

Батлер. Каким еще Учителем? Учитель – это я!

Бомбардони. Есть и другие, Эрнест.

Диаконица. Если бы вы знали, кем я была и кем стала теперь, то все, чем вы здесь занимаетесь, показалось бы вам сущими пустяками.

Батлер (*орет*). Кто этот Учитель? Назовите его.

Диаконица. Пожалуйста, не так громко. Я не глухая, но когда внимаешь голосу души, трудно улавливать внешние шумы.

Батлер. Я вам не внешний шум! Я правитель моего народа. И возможно, стану правителем многих народов! Кто такой Учитель, о котором вы говорите?

Диаконица. Его возлюбленное имя Иисус, сэр. Я уверена, что, когда вы были ребенком, ваша мать учила вас говорить: «Славься, имя Иисуса».

Жених. «И пусть ангелы падут...»

Бегония. Замолчи, Билли! Только попробуй у меня осмеивать религию.

Бомбардони. Мадам, в государстве Эрнеста принято славить Батлера. Иисуса он упразднил.

Диаконица. Да можно ли говорить такое? Иисус сейчас сильнее, чем когда-либо. Иисус неотразим. Быть может, вы и способны объединить своих соотечественников во имя любви к вам, но Иисус во имя любви к нему может

объединить весь мир. Вы станете пылью и прахом, а он пребудет вечно. Разве можете вы найти путь к моему сердцу? А Иисус нашел. Разве можете вы возвысить народ? А Иисус смог! Разве...

Батлер. Вот я-то как раз и возвысил свой народ. Это дело моей жизни. Мой народ был раздавлен, уничтожен, превращен в половик для Европы. А теперь он гордо поднял голову — я научил моих людей плевать в лицо угнетателям.

Диакониса. Иисус никому не плевал в лицо. Если ваш народ воистину спасен, воистину возвысился, то это сотворил Господь, а вы, сэр, лишь орудие в его руках.

Новый посетитель (*встает*). У меня замечание к порядку ведения суда, мистер Судья! Что здесь такое — суд или нет? Неужели каждая помешанная может врываться сюда со своими проповедями? Я протестую!

Диакониса. И напрасно, друг мой! Если Он зовет, надо следовать.

Новый посетитель. Чушь! Где полиция?

Судья. Своеобразие нашего суда, сэр, состоит в том, что у нас нет полиции. Эта леди подняла вопрос, имеющий всеобщую важность. Мы обязаны его рассмотреть, прежде чем приступим к выработке каких-либо плодотворных решений. Постановляю: привлечь Иисуса к участию в заседании.

Новый посетитель. И этот спятил. Я молчу. (*Садится с оскорбленным видом.*)

Еврей. Могу я спросить — в качестве кого привлекается Христос? Я задаю этот вопрос как представитель еврейского народа, если господин Батлер не возражает.

Судья. Христос привлекается как известный пророк, сформулировавший следующий закон: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга». Готовы вы любить друг друга?

Все, кроме сэра Орфея (*в один голос*). Нет!

Сэр Орфей. Во всяком случае, не всех поголовно.

Английская часть присутствующих. Правильно! Правильно!

Сэр Орфей. А как насчет тех, кого любить невозможно? Иуда Искариот, например?

Диакониса. Если бы Иуда любил Учителя, он не предал бы Его. Вот доказательство справедливости моих слов!

Бомбардони. А Эрнеста вы любите? Вот этого?

Диакониса. Ну конечно! И очень нежно!

Батлер. Женщина! Вы много себе позволяете!

Бомбардони. Ха-ха-ха!

Диакониса. Почему бы мне не любить вас? Я ваша сестра во Христе. Что в этом для вас обидного? С такой ранимостью, как у вас, жить, верно, очень сложно. А избавиться от нее ничего не стоит. Обратите свой взор к Иисусу, и ваша обидчивость спадет с вас, как тяжкое бремя. А как возликует сердце ваше! Вы никогда не знали счастья. Я вижу это по вашему лицу.

Бомбардони. Да он изо дня в день разучивает эту мерзкую мину перед зеркалом, совсем стал на себя непохож. Взгляните лучше на меня. Мое лицо — сама искренность.

Диакониса. И в ваших глазах я не вижу любви к Учителю. Лица ваши не говорят о счастье, хотя вы так усердно прячете их под личинами. Как трудно, наверное, целыми днями строить гримасы!

Громкий смех среди английской части присутствующих.

Батлер. Разве это допустимо? Она над нами смеется!

Диакониса. Я на это неспособна. Но так положил Господь — когда люди ребячатся и в ребячестве своем сравнивают себя с Богом, они становятся посмешищем. Как же над ними не смеяться?

Бомбардони. Женщина! Если б вы когда-нибудь взялись за работу Господа, вы поняли бы — сам Он ее не делает. Мы на то и существуем, чтобы заниматься его работой вместо Него. Стоит пренебречь этим, и мир погружается в хаос, именуемый свободой и демократией,— кругом пустословие, безделье, а народ гибнет. Самые же трудные дела господни, то бишь дела политические, под силу далеко не каждому, для них требуется время, ум и призвание. Господь посылает этот дар лишь отдельным людям. Их не народ избирает — они должны избрать себя сами, сами должны угадать свое божественное предназначение. И когда они отваживаются на этот решительный шаг, что происходит? На смену хаосу свободной демократии приходят организация, целеустремленность и быстрое наведение порядка.

Новый посетитель. Это уж точно, расправа бывает быстрая... Знаем мы этих диктаторов.

Бомбардони. Правильно! Всех болтунов и пустомель вон! Такой пустомеля не видит ничего, кроме угрозы собственной персоне, а чуть что, начинает истошно вопить от страха. На таких нечего обращать внимание! Правитель, назначивший себя сам, берет такого за шкирку и зашвы-

ривает подальше — на какой-нибудь остров или в лагерь, пусть там разглагольствует сколько угодно и не мешает вершителям дела божьего. А эта благочестивая леди упрашивает меня обратить мой взор к Богу. В этом нет нужды — Бог уже обратил свой взор ко мне, и я сделаю все, что могу, лишь бы не подвести его вопреки болтовне всех этих либерально-демократических пустозвонов. Я сказал свое слово. Теперь твоя очередь, Эрнест, если тебе еще найдется что сказать.

Батлер. Ты на свой старомодный манер изложил все очень ясно, яснее и мне бы, пожалуй, не удалось. Но старые сказки этой леди не могут ответить на вопрос, как случилось, что я — Эрнест Батлер, рожденный в ничтожестве,— ныне повелеваю кайзерами и королями. А все потому, что я опираюсь не на какого-то мертвого еврея, а на самое мощное в истории движение. Побуждаемый им, я поднял руку и вытащил мой народ из грязи, куда ты и твои союзники его втаптывали. Я снова сделал мою страну устрашением для всей Европы, хотя бояться вам надо собственной вашей виновной совести, а не моих злобных умыслов. И заметьте, для моего предназначения государственные границы не препятствие — ни мои, ни какие другие. Поймите меня правильно: я не солдат, я не мечтаю о воинских подвигах; я всего достиг и всего добился без победных сражений. Почему? Да потому, что я плевать хотел на вашу еврейскую веру и ваши римские традиции, на все ваши зыбкие договоры и пустые угрозы, на все грубые оскорбления, которыми меня осыпают ваши ораторы и журналисты, шипя, как перепуганные гуси. Вы все должны встать на мой путь, ибо я шагаю в ногу со временем, причем шагаю впереди, а не плетусь в хвосте. И как первопроходец я вижу, что главное препятствие на пути человечества к прогрессу — тот образ мыслей, который сложился у него еще на заре существования, и повинны в нем еврейские священные заветы. Это препятствие я должен сокрушить любой ценой, и ты, Бардо, должен крушить его, если хочешь быть самим собой, а не орудием проклятой еврейской нации.

Комиссар. Не могу не вмешаться. Разве мы собрались здесь, чтобы обсуждать еврейскую проблему? Если так, мне здесь делать нечего — в моей стране этот вопрос решен, и решен не с помощью зубоскальства!

Бомбардони. Зубоскальство? Эти большевики смеют называть наши речи зубоскальством!

Секретарь. Как видите, договориться нам совершенно невозможно. Стоит произнести слово «еврей» при герре Батлере или слово «большевик» при синьоре Бомбардони, и оба они перестают мыслить разумно. А едва помянешь слово «Пекем» в присутствии представительницы Комитета по интеллектуальному сотрудничеству при Лиге наций, как она превращается в непримиримого агрессора. Стоит...

Бегония. Как, как он меня обозвал, дядюшка Орфей? Я только поняла, что как-то скверно.

Сэр Орфей. Насколько я понял, господин Секретарь имел в виду, что, при всей широте ваших взглядов на всеобщее братство людей, для Пекема надо сделать исключение.

Бегония. Ладно! Никаких Пекемов! И учтите — я не от себя говорю, я выражаю мнение большинства! Простите, что прервала. Продолжайте, старина.

Секретарь. Благодарю вас, леди Бегония. При всем моем уважении к министру иностранных дел Великобритании, я должен добавить, что стоит при нем произнести слова «Британская империя», как выясняется, что в его представлении весь остальной мир существует только как плацдарм для распространения интересов этого географического понятия.

Сэр Орфей. Но позвольте, Британская империя — это нечто более значительное, чем просто географическое понятие. И естественно, для меня ее интересы превыше всего.

Секретарь. Вот именно! А эта благочестивая леди призывает нас принять в качестве основы для сплочения политику, провозглашенную в «Нагорной проповеди».

Диаконица. Возлюби ближнего своего. Это же так просто.

Секретарь. А между тем выясняется, что мы не любим и не можем любить друг друга, что перед нами стоит задача обеспечить мир между народами, которые искренне и с полным основанием не любят друг друга. Короче говоря, выяснилось, что сегодня человечество состоит исключительно или по большей части из людей, не заслуживающих любви.

Диаконица. Уверяю вас, это не имеет никакого значения. Надо только овладеть кое-какими приемами.

Сэр Орфей. Что? Опять приемы! Перед вашим приходом, мадам, меня обвинили в том, что я пользуюсь некими особыми приемами. Не можем ли мы руководствоваться обычным здравым смыслом?

Диаконица. Но то, о чем я говорю, так просто! Одних

из вас точит ненависть, других злоба, третьих сварливость. Как же быть? Обратите свои взоры к Иисусу! Он избавит вас от этих пороков. Докажет вам, что они плод вашего воображения. Наполнит ваши сердца любовью, а в любви к Господу залог вечного мира. Я знаю столько тому примеров. Я испытала это сама.

Секретарь. Вы сами человек добрый, и, вероятно, примеры есть, но...

Диаконица. Но ведь я не всегда была доброй. Я была истинным чудовищем — ревновала, бранилась, выдумывала себе всякие болезни, была ранимой, как мистер Батлер, и бахвалилась, как сеньор Бомбардони.

Батлер. Позвольте, что значит «ранимый»?

Бомбардони. А мне неясно слово «бахвалиться»! Как это надо понимать?

Диаконица. Устремите взор в души ваши и поймете. Я раскрыла свою душу Иисусу и теперь счастлива. Я стала доброй, как любезно выразился этот джентльмен. Ну почему бы вам всем не последовать моему примеру? Ведь это так просто.

Бомбардони. Еще бы, мадам,— вас охраняет полк хорошо обученных полицейских с дубинками. Вам никогда не приходилось управлять государством.

Диаконица. Мне приходилось управлять собой, сэр. А теперь я вверила себя Иисусу.

Судья. Пусть последнее слово останется за дамой, синьор правитель. Продолжайте, господин Секретарь.

Секретарь. Нет, я все сказал. Теперь вы видите, какая невыносимая работа у секретаря Лиги наций. Для меня мука мученическая сидеть здесь и слушать ваши разговоры, ведь я знаю, что мы ни к чему не придем. Сжальтесь надо мной. Объявите перерыв на завтрак.

Судья. Еще рано, господин Секретарь. Мы заседаем меньше часа.

Секретарь. А мне показалось, что лет двадцать.

Судья. Простите, господин Секретарь. Дело в том, что я жду еще одного подсудимого, а он все не является — я говорю о генерале Фланко де Фортинбрасе, его обвиняют в том, что он уничтожил тысячи своих сограждан по соображениям, недостаточно ясно изложенным.

Бомбардони. Но его еще не избрали в правители. Он простой генерал.

Комиссар. Половина Европы зовет его вашим лакеем.

Бомбардони. Я лакеев не держу. Но коль скоро Фланко

старается спасти свою страну от ужасов коммунизма, мои симпатии на его стороне.

Комиссар. А также ваше оружие и ваши солдаты.

Бомбардони. Я не стану мешать честным людям, если они готовы добровольно участвовать в походе против негодяев и убийц.

Судья. А вы, мистер Батлер, вы тоже симпатизируете генералу Фланко?

Батлер. Да! Он принял мое предложение, когда я заявил, что готов освободить Европу от большевизма, если все западные государства окажут мне помощь.

Судья. А вы, сэр Мидлендер, можете, конечно, заверить генерала Фланко в британской поддержке?

Сэр Орфей (*поднимаясь*). Нет, нет, ни в коем случае! Мне странно это слышать. Британская империя сохраняет полнейший нейтралитет. Для нас генерал Фланко — одна из воюющих сторон.

Бомбардони. Фланко не придет. Я его не уполномочил.

В дверях появляется генерал Фланко. Это офицер средних лет, щеголеватый, но внешне вполне заурядный.

Фланко. Простите! Это Международный суд?

Судья. Совершенно верно.

Фланко. Мое имя Фланко де Фортинбрас — генерал Фланко де Фортинбрас. Я получил ваше приглашение.

Судья. Прекрасно, генерал. Рады вас видеть. Садитесь, пожалуйста.

Секретарь ставит стул между Судьей и Бомбардони. Фланко направляется к возвышению.

(Прежде, чем Фланко успел сесть.) Я полагаю, вы знакомы с этими господами.

Фланко (*опускаясь на стул, небрежно*). Нет. Но я видел множество карикатур на них, так что можете нас не знакомить.

Судья. Вы узнаете также министра иностранных дел Великобритании сэра Орфея Мидлендера?

Фланко тотчас встает, щелкает каблуками и по-военному приветствует сэра Орфея с изысканной почтительностью, резко отличающейся от его презрительного безразличия к обоим диктаторам. Сэр Орфей, как и в предыдущем случае, делает благосклонный жест рукой. Фланко снова садится.

Фланко. Я явился сюда, так как счел это правильным. Мне приятно видеть, что его превосходительство министр иностранных дел Великобритании разделяет мою точку зрения.

Бомбардони. А скажите, в качестве кого вы здесь?

Фланко. Вам, конечно, кажется, что среди таких говорунов, как вы и ваш приятель, я не на месте? Верно, человеку действия не место среди пустословов.

Бомбардони. Это вы-то, беспредельное ничтожество, смеете называть меня пустословом! Я — олицетворение действия!

Фланко. А что вы сделали?

Бомбардони. Я создал империю.

Фланко. Вы имеете в виду, что нашли местечко, заселенное дикарями, и нагнали туда ваших полицейских? Да с этим справился бы и ребенок, будь у него хорошо оснащенная современная армия.

Бомбардони. Ваши жалкие военные успехи ударили вам в голову. Не забывайте, вы их добились с помощью моих войск.

Фланко. Ваши войска чего-то стоили только потому, что ими командовал я. Посмотрим, чего они достигнут под вашей командой.

Бомбардони. Эрнест, наш лакей совсем свихнулся.

Фланко. Мистер Батлер может принести пользу на гражданской службе. Я слышал, он пользуется успехом у средних слоев общества. Но судьбу Европы его жалкие потуги на социализм не решат.

Судья. Позвольте вам напомнить, для чего мы здесь собрались, господа. Генерал, вы обвиняетесь в неслыханном разорении вашей страны и в массовом уничтожении ее населения!

Фланко. Но ведь это моя профессия. Я солдат, и моя обязанность разрушать укрепления врагов моей страны и уничтожать противника.

Новый посетитель. Вы называете врагом вашей страны ее демократическое правительство?

Фланко. Вот именно. Это правительство — правительство хамов. Я отстаивал великую идею и не разглагольствовал, как эти два авантюриста, а боролся. Боролся и победил.

Судья. И что же это за великая идея, позвольте вас спросить?

Фланко. Я борюсь за правительство джентльменов против правительства хамов. Я борюсь за набожность джентльменов против безбожия хамов. Я признаю только два

класса – джентльменов и хамов; только две веры – католицизм и ересь. Мерзкое проявление вульгарности, именуемое демократией, дало политическую власть хамам и еретикам. Я исполнен решимости не допустить, чтобы хамы управляли миром, чтобы дети росли еретиками. Я настаиваю на том, чтобы все свободные средства шли на воспитание будущих джентльменов. В этом меня поддерживает мощное общественное мнение. Проведите плебисцит во всем цивилизованном мире – против меня не будет подан ни один голос. Люди, близкие к природе – фермеры и крестьяне, – поддержат меня все как один, и мужчины и женщины. Даже те деревенские жители, которых вы затолкали в города и развратили жизнью улиц и тред-юнионизмом, знают, что спасение миру принесу я.

Бомбардони. Спаситель выискался! Каково!

Фланко. Не богохульствуйте! Я офицер – католик и джентльмен, носитель верований, традиций и обязанностей моего класса и моей религии. Я не мог сидеть сложа руки, почитывать и рассуждать, в то время как чернь разрушала цивилизацию, основанную на этой религии и на этих традициях. Никто не желал ничего делать, все только читали бунтарские брошюры и болтали без удержу. А надо было сражаться и сражаться, чтобы восстановить в мире порядок. Я взял на себя эту обязанность, и вот я здесь. Моя программа понятна всем, а кто поймет все эти брошюры, эти три тома, написанные Карлом Марксом, теории идеалистов, трескотню демагогов, короче – хамство хамов? Ясно я говорю?

Бомбардони. Выходит, и я хам? И Эрнест тоже хам?

Фланко. Лучше не вынуждайте меня переходить на личности.

Бомбардони. Нет. Извольте ответить! Джентльмены мы или хамы? Отвечайте!

Фланко. Вы, безусловно, не джентльмены. Вы монстры.

Батлер. Монстры?

Бомбардони. Что такое монстр?

Судья. Существо, настолько отличное от всех других, что оно не поддается классификации.

Бомбардони. Ладно. Я принимаю это определение.

Батлер. Я тоже. И настаиваю на нем.

Судья. Ну тогда, господа, поскольку время идет, предлагаю приступить к непосредственному судебному разбирательству.

Батлер. К судебному?

Бомбардони. К разбирательству?

Батлер. Что вы имеете в виду? Вы собираетесь меня судить?

Бомбардони. Попробуйте-ка судить меня, если посмеете!

Фланко. Только вынесите решение, осуждающее меня,— и будете вычеркнуты из истории как хам!

Батлер. Да вас самого уже вычеркнули из истории: вы католик, а значит, на девять десятых еврей!

Бомбардони. У тебя заскок, Эрнест! (*Судье.*) А по какому же законодательству вы собираетесь судить нас?

Судья. К сожалению, в решении спорных вопросов между странами свода законов еще нет. Я должен вырабатывать его в ходе разбирательства, опираясь на судебные прецеденты.

Батлер. У себя в стране я сам создаю прецеденты.

Бомбардони. Хорошо сказано, Эрнест. Я тоже.

Судья. Поскольку вы не являетесь судьями, ваши прецеденты имеют силу закона только для вашей полиции. Вы находитесь здесь, мистер Батлер, по обвинению, выдвинутому против вас еврейским господином, вы обвиняетесь в незаконном аресте этого господина, в заключении его под стражу, в оскорблении действием, в ограблении и в лишении права проживать в стране, где он родился. Что вы можете сказать в свою защиту?

Батлер. Я не унижусь до объяснения своих действий.

Еврей. Вы хотите сказать, что вам нечем оправдаться. Вы не можете даже найти себе защитника, ведь вы выгнали всех евреев-адвокатов из вашей страны, и в ней не осталось ни одной головы умнее вашей. Вы применили физическую силу для подавления умственной. Это грех против Святого Духа. Я обвиняю вас в этом грехе.

Судья. Что вы имеете сказать на это, господин Батлер?

Батлер. Ничего! Таких, как я, не остановишь ученой болтовней о силе ума. Но я, так и быть, разъясню этому выходцу из гетто, что высшей расе, которая верна себе, Господь посылает мессию.

Диакониса. О, как это верно! Только бы вы согласились принять его!

Судья. Я понял вас так, господин Батлер, что в оправдание своих действий вы ссылаетесь на божественное вдохновение.

Батлер. Я утверждаю, что моя власть дана мне свыше. Разумом ее не постичь.

Бомбардони. Берегись, Эрнест! Ты идешь по острию ножа! Ты зовешь это вдохновением, другие скажут — сбрендив-

ший выскочка! Мы с тобой оба выскочки. Чтобы не подорвать престиж правителя, давай скакать осторожно! Власть, как ты говоришь, дана нам свыше. И нечего делать вид, будто мы понимаем, что это такое. Бог сам выбирает, кому дать власть, но он может и отнять ее, если выйти из его повиновения. Повторяй это себе каждый вечер перед сном, мой мальчик, и тогда еще сколько-то протянешь.

Громкие аплодисменты английской части аудитории.

Батлер. Врачу, исцелися сам. Я в твоих рецептах не нуждаюсь.

Судья. Все это чрезвычайно поучительно, господа, и я благодарю вас обоих от лица присутствующих. Могу я полюбопытствовать, имеет ли эта власть, дарованная вам божественным вдохновением, которое вы в себе ощущаете, какие-либо пределы? Не имеет ли она своей целью Всемирное государство, а во главе его – либо мистера Батлера, либо синьора Бомбардони, либо министра иностранных дел Великобритании?

Фланко. Ну, на мою-то страну их власть не распространится. Границы есть границы – с этим не шутят. Пусть эти господа управляют своими странами, а мы со своими сами справимся.

Судья. И вы того же мнения, мистер Батлер?

Батлер. Нет. Я считаю, что лишь самая передовая раса, если она сумеет блюсти и поддерживать свою чистоту, должна будет в конце концов править миром.

Судья. Согласны вы с этим, сэр Мидлендер?

Сэр Орфей. С известными оговорками, да. Мне не нравится только термин «передовая раса». Я отношусь к передовым людям с большим недоверием. По опыту знаю, что с ними крайне трудно иметь дело, а в частной жизни они весьма безответственны. К примеру, они редко ходят в церковь. Но если мистер Батлер согласится заменить неудачное выражение «передовая раса» «расой с наиболее подходящим характером», то есть расой здоровой, положительной, практичной, способной управлять миром справедливо и успешно, – тогда я, пожалуй, соглашусь с ним.

Судья. Вот именно. А теперь разрешите услышать мнение синьора правителя.

Бомбардони. В принципе я согласен. И мне нетрудно согласиться, так как мой народ – народ средиземноморский – никогда не подчинится северным варварам, хотя

сам и способен ассимилировать и цивилизовать их в неограниченном количестве.

Судья. Желает ли высказаться русский джентльмен?

Комиссар. Нет. Эти господа толкуют о каких-то «своих» странах. Но их страны им не принадлежат. И народам этих стран не принадлежит земля, на которой они голодают. Эти страны принадлежат горстке помещиков и капиталистов, которые разрешают простым людям жить на земле при условии, что они будут трудиться, как пчелы, оставляя для себя лишь столько, чтобы не умереть с голода. Россия принадлежит русскому народу. Мы подождем, пока вы пожрете друг друга. А когда с вами будет покончено, Россия спасет человечество, научит его, что народы надо кормить, а не грабить.

Фланко. Да вы сами обираете людей, чтобы строить города и заводы в пустынях и воспитывать детей атеистами! Ваша страна кишит заговорщиками, мечтающими восстановить старый строй.

Судья. Прошу вас, господа, без взаимных обвинений. Давайте придерживаться предмета нашего обсуждения – передовые расы и власть, дарованная богом. Что вы сделаете, если не сможете договориться, кому из вас ниспослана власть свыше и какая раса призвана управлять миром?

Бомбардони. Я выставлю восемь миллионов штыков.

Батлер. Я – двенадцать миллионов.

Судья. А что скажете вы, сэр Мидлендер?

Сэр Орфей. Такие разговоры весьма опасны. К тому же в наши дни штыковых боев не бывает. И вообще не бывает боев в прежнем понимании этого слова. Господин Батлер может в один день стереть с лица земли Лондон, Портсмут и все наши крупные города. Тогда мы будем вынуждены стереть с лица земли Гамбург и все восточные города от Мюнстера до Зальцбурга. Синьор Бомбардони может уничтожить Тунис, Ниццу, Марсель, Тулузу, Леон и все города к югу от Луары, вынудив таким образом французов под руководством британского флота уничтожить Неаполь, Венецию, Флоренцию, Рим и даже Милан. Этот процесс будет продолжаться до тех пор, пока не окажутся израсходованными все запасы оружия и наличный состав пилотов Европы. Однако в ходе этих событий никто из нас не победит, а все мы понесем громадные потери. Кто же отважится сбросить первую бомбу?

Батлер. Наша противовоздушная оборона гарантирует нам полную безопасность.

Сэр Орфей. А наша, к сожалению, нет. Никто в нее не верит. Я, во всяком случае. Позвольте мне усомниться и в надежности вашей.

Судья. А как у вас с противовоздушной обороной, синьор? У вас она надежна?

Бомбардони. У нас ее нет. Наша сила — в готовности умереть.

Судья. Я вижу, убийство осложняется еще и самоубийством. Следует ли понимать так, что вы все обеспечили себя разрушительными средствами и готовы применить их в случае необходимости ответного удара?

Сэр Орфей. Что же нам остается делать, сэр?

Судья. Вы знаете, я нахожусь в затруднении. Я очень внимательно слушал и наблюдал вас. Сами по себе вы вполне безобидные люди, вполне способные ладить друг с другом. Ничто не мешает вам быть добрыми соседями. И казалось бы, поэтому моя работа по созданию свода международных законов на основе судебных прецедентов достаточно проста. Но, к сожалению, как только начинают обсуждаться вопросы, касающиеся международных отношений, вы демонстрируете бездны такой беспримерной подлости, что выход напрашивается только один: немедленно вас казнить.

Правители и вся британская часть аудитории, кроме Нового посетителя, возмущенно вскакивают.

Новый посетитель. Правильно! Правильно!

Сэр Орфей. Беспримерной подлости!

Батлер. Казнить!

Бомбардони. Вы рехнулись!

Судья. Если вам неприятно слово «казнить», охотно заменю его другим — «ликвидировать». Слово же «подлость» и прилагательные к нему я не могу взять назад. Ваша цель — владеть миром, ваше оружие — огонь, голод, разрушение и уничтожение всего живого всеми известными науке средствами. Вы до такой степени застращали друг друга, что нет злодейства, которое заставило бы вас содрогнуться и заявить, что лучше вы умрете, чем совершите его. И все это вы именуете патриотизмом, мужеством, героизмом. В ваших странах необходимо провести тысячи полезных мероприятий, до них годами не доходят руки, но оружие у вас всегда самое современное. Если это не подлость, что же тогда называть подлостью? Я отказываюсь иметь с вами дело. Вы безнадежны. Двуногое животное, занятое

политикой, не выдерживает звания человека. Сотворившие его силы обязаны создать что-нибудь более совершенное.

Звонит телефон.

Простите, одну минуту. *(Слушает, меняется в лице и предостерегающе поднимает руку, требуя тишины.)* К сожалению, должен объявить чрезвычайно важную новость. Войска мистера Батлера вторглись в Руританию.

Всеобщее смятение. Все, кроме Батлера, вскакивают, он сохраняет полнейшее спокойствие.

Это правда, мистер Батлер?

Батлер. Я человек действия, а не мечтатель. Пока вы рассуждали, моя армия делала дело. Бардо, война за мировое господство началась. Ты, я и, полагаю, наш друг Фортинбрас выступаем в поход против так называемой демократии, изжившей себя и опостылевшей народам Европы и Америки.

Бомбардони. Эрнест, ты начал войну, не посоветовавшись со мной. Год назад, когда ты вел переговоры с родственником присутствующего здесь сэра Орфея, я тебя предупреждал, что еще одна война мне не под силу.

Фланко. Мне тоже.

Все с явным облегчением снова усаживаются.

Батлер (*страшно возмущенный, вскакивает*). Бардо, неужели ты предашь меня? Вспомни ось! Неужели ты посмеешь сломать ее?

Бомбардони. Черт с ней, с осью! Уж не думаешь ли ты, что я обреку свою страну на гибель для того, чтобы ты стал владыкой мира? Тебе следовало бы знать меня лучше. *(Величественно опускается в кресло.)*

Батлер. Позорное предательство! Самое позорное в истории человечества! Генерал Фланко, своей победой вы обязаны моей помощи. Неужели вы проявите чудовищную неблагодарность и бросите меня в такую минуту?

Фланко. Своей победой я в равной степени обязан синьору Бомбардони и политике невмешательства, мастерски проводимой сэром Орфеем Мидлендером. Я не могу быть неблагодарным по отношению к ним обоим.

Батлер. Ну хорошо, предатели! Обойдусь без вас! Я покорю Руританию в одиночку, не стану вам кланяться. Но что бы я делал, если б англичане не боялись драться! К

счастью, они не признают так называемую «политику грубой силы».

Сэр Орфей (*поднимаясь*). Прошу прощения. Это верно, мы питаем отвращение к грубой силе и во имя мира готовы пожертвовать всем, вернее – почти всем. Нам казалось, что и вы занимаете подобную позицию. Но я имею честь сообщить вам со всей серьезностью – со всей, повторяю, серьезностью, господин Батлер, что Руритания является, так сказать, нашей младшей сестрой и если вы ее хоть пальцем тронете, мы будем вынуждены – простите, я так потрясен вашим вероломным нарушением мира, что не в силах придерживаться дипломатических выражений, – мы будем вынуждены выпустить из вас кишки. Вот наш британский способ противостоять политике грубой силы.

Батлер. Что? Вы будете воевать?

Сэр Орфей. Да, господин Батлер, будем! Мы сметем вас с лица земли! (*Садится.*)

Батлер. Значит, я один: contra mundum.[1] Что ж, я еще ни разу не терпел поражения.

Фланко. Потому что никогда не воевал.

Батлер. Увидите! Я пронесусь по Руритании как ураган.

Комиссар. Давайте-давайте, камрад Батлер. А там уж будете иметь дело со мной!

Батлер. Что? И вы туда же? Выходит, я взят в кольцо?

Сэр Орфей. Позвольте! Я решительно против подобных выражений! «Обойден с флангов», если хотите. «Блокирован», если вам так больше нравится. Наконец, раз уж на то пошло – «окружен». Но «взят в кольцо» – это никуда не годится.

Новый посетитель. Во всяком случае, батлеризму каюк!

Снова звонит телефон.

Все, кроме Судьи: «Тише! Дайте послушать новости! Последние новости!» Слушают с напряженным вниманием. «Шш... Шш...»

Судья. Что? Повторите еще раз, я должен записать, так я не понимаю. (*Слушает и пишет.*) «Астрономы докладывают, что орбита Земли сдвинулась на один квант. Сообщения об этом поступили в Гринвич из трех американских обсерваторий. Человечество обречено». Так. Бла-

---

[1] Против мира (*лат.*).

годарю вас. Всего хорошего. Как это понимать? Почему человечество обречено?

Секретарь. Все ясно и весьма серьезно.

Судья. А вот мне ничего не ясно. Будьте так добры, растолкуйте, прошу вас.

Секретарь. Орбита — это путь, по которому Земля движется вокруг Солнца. Поскольку Солнце находится на расстоянии девяноста трех миллионов миль от Земли, на свершение полного круга по орбите нашей планете требуется год.

Судья. Ну, это известно всем. Но в сообщении говорится, что орбита передвинулась на один квант. Что такое квант?

Секретарь. Орбиты меняются не постепенно, а сразу — они совершают вдруг скачок на определенное расстояние, так называемый квант. Никто не знает, почему. Если Земля переместилась на более широкую орбиту, мы удалимся от Солнца еще на миллионы миль и попадем в безжалостно холодный космос. Ледники, покрывающие сейчас Северный и Южный полюсы, начнут распространяться по всей Земле. Даже белые медведи и те замерзнут насмерть. На Земле не останется ни намека на признаки той жизни, которая была до сих пор.

Еврей *(поднимается и спешит к двери)*. Извините, пожалуйста.

Секретарь. Бежать некуда, друг мой! Ледник настигнет вас повсюду.

Судья. Оставьте его в покое. От потрясения ему нехорошо.

Еврей. Да нет. Просто мне нужно позвонить. (*Уходит.*)

Судья (*подымаясь*). Дорогие сограждане! Это конец! Конец войнам, законам и правителям, конец министрам иностранных дел, судьям и генералам. Минуту назад мы были значительными фигурами — казалось, от нас зависят судьбы Европы. А кто мы теперь? Демократия, фашизм, коммунизм — кому теперь это важно? А ваша всемогущая католическая церковь, где сейчас ее могущество?

Фланко. Не богохульствуйте в такую минуту, ваша честь! Вот вы говорите — теперь все потеряло значение. А между тем, хотя десять минут назад суд божий казался неизмеримо далеким, сейчас мы стоим у врат чистилища. Надо для всего нашего народа организовать массовое отпущение грехов, а нам вряд ли хватит священников, даже если не придется обращать в католичество всех, кто пожелает срочно сменить веру, а таких, я убежден, будет много. Мы, католики, знаем, как надо действовать, и у меня нет времени болтать здесь обо всякой ерунде с людьми,

которые ни в чем не разбираются и ни во что не верят. (*Идет к дверям, но останавливается, когда раздается голос сэра Орфея.*)

Сэр Орфей. Одну минутку, прошу вас. Я считаю, что эти слухи надо немедленно опровергнуть.

Комиссар. Как можно опровергнуть научный факт?

Сэр Орфей. Опровержение необходимо — официальное опровержение. Только подумайте, что начнется, если этим слухам поверят! Всякая осторожность, всякие приличия будут позабыты. Как вы думаете, почему ушел наш приятель? Он сказал — позвонить. Правильно, но кому он будет звонить? Своему биржевому маклеру, господа. Он отдаст распоряжение распродать все акции по любой цене, так как понимает, что, если эти слухи распространятся до дня платежа, он скупит свои акции обратно за бесценок, как бумажки из мусорной корзины, и будет миллионером до тех пор, пока на него не надвинется ледник. Этого допустить нельзя. Я приму необходимые меры в Англии. Королевский астроном сегодня же вечером объявит это сообщение ложным. А вы, господа, вы оба должны обеспечить официальное опровержение слухов в ваших странах.

Комиссар. А что если королевский астроном откажется солгать? Не забудьте, он человек науки, а не политик.

Сэр Орфей. Прежде всего он англичанин, и у него есть здравый смысл. Он исполнит свой долг. Могу я положиться на вас, господа?

Бомбардони. А на ледники вы можете положиться? Нет, надо немедленно отправляться домой. Скоро все бросятся к экватору. А моя страна на пути всеобщего бегства. Я должен любой ценой остановить беженцев у моих границ.

Комиссар. Зачем? Разве это имеет значение?

Бомбардони. Я не потерплю беспорядка! Я не потерплю паники! Мы примем смерть на посту достойно, стоически, благородно, как римляне. И заметьте себе — мы не подвергнемся разложению, оледенев, мы простоим века! А когда нас обнаружит какой-нибудь исследователь с другой планеты или представитель такой расы, которая сможет дышать и жить при абсолютном холоде, его глазам предстанет мой народ, умерший стоя, словно часовой в Помпее. И ты, Эрнест, тоже должен... Как? Ты плачешь? Стыдись! Мир ждет, что мы его возглавим. Неужели ты хочешь, чтоб нас застали в слезах?

Батлер. Отстань! Моя собачка Блонди замерзнет насмерть!

Бедная моя крошка! (*Теряет самообладание и громко всхлипывает.*)

Новый посетитель. Ну, ну, старина. Не переживайте так. Я и сам раньше держал собак, а потом решил бросить это дело — никак не мог свыкнуться с тем, что они так мало живут. В один прекрасный день ваша собачка все равно погибла бы.

Батлер вынимает носовой платок и старается совладать с собой, но тут разражается слезами диакониса.

Бегония. О, бога ради! Не начинайте и вы тоже. Так мы все размякнем. И без того трудно!

Секретарь. Верно, мадам, лучше обратите взор к Иисусу. Вот будет прекрасный пример для остальных женщин.

Диакониса. Но в небесах у меня не будет моего Иисуса! Там он царь; там нет ни печалей, ни горестей, ни грехов, с чем же мне там к нему обратиться? Ах, какое счастье снизошло на меня, с тех пор как я обрела его год назад! Он открыл мне рай на земле, и вот все кончено! Мне этого не вынести! (*Заливается слезами.*)

Новый посетитель. Ну будет, будет. Слезами все равно не поможешь. Можно подумать, что вы все собирались жить вечно. Нет, так не бывает! Пришел наш черед — со всеми это случается, рано или поздно. Я лично не жалуюсь: я пожил не так уж плохо и готов, как говорят поэты, отправиться в последний путь. А сейчас мне и правда пора — надо домой, подбодрить супругу. (*Подымается.*)

Диакониса. Значит, и вы, сэр, верите этим слухам? Может быть, это неправда?

Новый посетитель (*серьезно*). Нет, что правда, то правда. Вот если б это наболтал священник или предсказала Библия, я бы и ухом не повел. Но наука не ошибается. Придется смириться! До скорого, господа.

Новый посетитель уходит, и с его уходом заседание суда как бы распадается. Правители и генерал встают и отходят от стола.

Диакониса (*Фланко*). Скажите, генерал, неужели наука всегда права?

Фланко. Конечно нет! Она всегда лжет. Я сейчас жду заключения церкви. Пока я его не услышу, эти слухи не имеют для меня значения.

Сэр Орфей. Могу я вас просить употребить все ваше влия-

ние в Риме, чтобы церковь немедленно опровергла это известие?

Фланко. Вы меня удивляете! На церковь влиять нельзя. Ей, как и Богу, открыта истина, и она, соответственно, укажет нам путь. Все, кто усомнится в ее правоте, будут расстреляны. Мое дело за этим приглядеть. Но разумеется, сначала надо отпустить грехи неверующим. Всего лучшего. (*Уходит.*)

Вдова. Он, по крайней мере, может что-то предложить людям перед смертью.

Комиссар. Опиум.

Судья. И опиум неплох, если он поможет им умереть спокойно.

Батлер. Люди должны научиться умирать без иллюзий.

Бомбардони. Фланко уже мертв. Только он этого не знает. История вышвырнула бы его вон, не будь она сейчас сама на смертном одре.

Бегония. А я могу сказать, что генерал, на мой взгляд, настоящий джентльмен! И вышвырнуть вон мне все время хотелось вас двоих, а вовсе не его!

Жених. Легче, Гонни, легче! Не надо грубить.

Бегония. Теперь-то уж какая разница? Если мы так и так скоро все окоченеем, можно хотя бы доставить себе удовольствие и сказать начистоту, что о ком думаешь.

Жених. Успокойся, милая. Съешь шоколадку.

Бегония. Спасибо, не хочу.

Жених. Послушайте, дядя Орфей, такого еще не бывало! От шоколадки она никогда не отказывалась.

Сэр Орфей. Вполне понятно. Происходит переоценка ценностей.

Жених. Ну нет, мои не меняются. Кстати, дядюшка, пожалуй, это недурная идейка — распродать все акции, потом скупить и грандиозно шикануть, пока ледник нас не прихлопнул. Как ты насчет этого, Гонни?

Бегония. Пока я не была представительницей Интеллектуального комитета, меня бы это еще как захватило, притворяться не буду. Но теперь я кавалерственная дама ордена Британской империи, и раз мне суждено умереть, я умру как леди. (*Уходит.*)

Сэр Орфей. Идите за ней, сэр. И ведите себя как подобает.

Жених. Ну что ж. Обидно, конечно... (*Покорно пожимает плечами и тоже уходит.*)

Сэр Орфей *(комиссару)*. Скажите, сэр, а вы понимаете, что

должно произойти? В мое классическое образование точные науки не входили.

Комиссар. Я жду указаний. Марксистская диалектика не включает в себя квантовую теорию. Мне необходимо проконсультироваться с Москвой. (*Уходит.*)

Сэр Орфей. Неужели у них всех своего ума нет? Один должен консультироваться с Римом, другой с Москвой! Ну а вам, господа правители, к счастью, кроме самих себя, не с кем советоваться. Могу я рассчитывать на то, что вы сделаете все от вас зависящее, чтобы не дать распространиться этому чудовищному сообщению? А я тем временем съезжу в Лондон и посоветуюсь с кабинетом.

Бомбардони. Только на нас и рассчитывайте. Это сообщение уже известно всему миру — ведь из суда все транслируется. Вы считаете, народы сразу сорвутся с цепи и покончат с правителями? А я утверждаю, что в такой момент народам как никогда нужна направляющая воля. Я научил свой народ, как правильно жить, теперь я научу его, как правильно умереть. Размеры катастрофы — проверка силы правителя.

Сэр Орфей. И на все-то у вас готова подходящая речь. В Англии вы стали бы премьер-министром. Но ваши темпераментные соотечественники могут закусить удила.

Бомбардони. В таком случае у меня один выход — пасть при попытке остановить панику. Когда раса гибнет, хоть один человек должен явить пример мужества.

Сэр Орфей. Да, принцип очень благородный и вполне правильный, но не можете ли вы предложить сейчас миру что-нибудь кроме принципа?

Бомбардони. А кто может?

Сэр Орфей. По-видимому, никто. А все же какое облегчение принес бы сейчас искренний порыв!

Бомбардони (*Батлеру*). Изобрази ему искренний порыв, Эрнест! Поплачь еще разок по своей собачке. До свидания, господа. (*Направляется к дверям.*)

Батлер (*вслед ему*). И ты удостоишься чести разделить судьбу моей собачки! Но по тебе-то, Бардо, никто не заплачет!

Бомбардони. Надеюсь. Слезы не по моей части. (*Величественно уходит.*)

Батлер. Что за актер!

Секретарь. Кому и судить, как не вам! На этом поприще вы сами мастер.

Батлер. Не только я — мы все. Но я утверждаю, что мое актерство принесло немало пользы. И мои труды не

должны пропасть даром. Мы-то не застынем как статуи по примеру Бардо. Мы будем трудиться до последнего вздоха и послужим примером для новой морозоустойчивой расы, которая придет нам на смену.

Сэр Орфей. Но позвольте, зачем же делать автомобили, если известно, что на них больше никто не поедет?

Батлер. Затем, что иначе остается только ломать руки да пить с горя. Во имя самих себя не стоит работать до конца, но во имя чести – стоит. (*Уходит.*)

Сэр Орфей. Удивительно везучий человек! Благодаря своей собачке он угодит на первые полосы всех газет. (*Уходит.*)

Судья *(диаконисе и вдове)*. Боюсь, леди, что больше нам всем здесь нечего делать.

Диаконица *(поднимаясь)*. Никто из вас не поймет, чего лишаюсь я, ибо никто из вас не познал, как надо жить. Вы – души, мятущиеся в неведении, и я была такой же полгода назад. И вот я должна умереть, когда я только что научилась жить! Простите, я не могу говорить... (*Уходит в волнении.*)

Судья. Она по крайней мере ценит жизнь.

Секретарь. Да, она ведь вкусила блаженство.

Вдова (*встает и вынимает из сумки пистолет*). Этим пистолетом я убила лучшую подругу. Я хранила его, чтобы убить себя. Теперь он мне не нужен. Скоро господь всем нам вынесет приговор. (*Бросает пистолет в мусорную корзину.*) Но он милостив: больше я никогда не увижу снов. И (*Секретарю*) блаженства я не вкусила. (*Он кланяется. Вдова уходит.*)

Секретарь. Можно теперь выключить трансляцию?

Судья (*идет к столу и поворачивает главный выключатель*). Больше нас никто не слышит. (*Возвращается на место.*) Как, по-вашему, этому сообщению можно верить?

Секретарь. Нет, конечно. Это сущая ерунда. Если бы Земля переместилась на более отдаленную орбиту, мы сразу очутились бы в такой части космоса, где нечем дышать и кровь застывает в жилах.

Судья. И все же мы все на миг поверили.

Секретарь. Стоит только упомянуть квантовую теорию, и вам готовы внимать как пророку, каждому слову поверят. Что ж, во всяком случае, это известие положило конец происходившему здесь фарсу – нашему судилищу.

Судья. Нет, это был не фарс, друг мой. Они же явились, эти господа. Они бушевали. Они обливали нас презрением, но все-таки они явились!

В ЗОЛОТЫЕ ДНИ ДОБРОГО КОРОЛЯ КАРЛА

Правдивая история,
которая никогда не случалась

1939

IN GOOD KING CHARLES'S GOLDEN DAYS

Так как историческая пьеса, написанная мной для малвернского фестиваля 1939 года, достаточно нетрадиционна, я считаю себя вправе предпослать ей несколько пояснительных слов. «Истории» Шекспира — это инсценированные летописи; им родственны и мои главные исторические драмы, «Цезарь и Клеопатра» и «Святая Иоанна» — хроники, целиком основанные на документах. Прочитав их, любой студент благополучно сдал бы экзамен по тем историческим периодам, о которых в этих пьесах идет речь.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Значительно чаще фабрикуются псевдоисторические пьесы на любовный сюжет, в которых избитые сценические типы получают исторические имена. В целом ряде таких сочинений героиней оказалась Нелл Гвин, а ее партнером — Карл Второй. Воссоздать облик Нелл, актрисы живой и милой, не составляло труда, стоило лишь поручить эту роль такой же живой и милой актрисе; но героя всякий раз приходилось узнавать лишь по костюму да парику, ибо если этот король и напоминал кого-нибудь, то не реального Карла, а того, кем он никогда не был,— театрального статиста, не знающего, что бы ему сказать.

Современные историки всех мастей, от вигов в лице Маколея до якобитов в лице Хилари Беллока, столько раз описывали правление Карла Второго, что драматург, обратившийся к хронике, вряд ли смог бы предложить театру что-нибудь новое. Любовная же линия строится по одному и тому же невыносимому шаблону: Карл предстает то обнимающим за талию Нелл Гвин, то сажающим к себе на колени Молл Дэвис, а похотливая мегера Каслмейн беснуется поодаль; все это вряд ли способно увлечь хоть одного взрослого человека и, во всяком случае, для меня не представляет никакого интереса.

Но событиям можно придать неожиданность и остроту, если от неприглядных фактов правления короля Карла и его соломонова многобрачия обратиться к тому, что могло бы случиться с ним, но не случилось. Карл, например, мог быть знаком с Исааком Ньютоном, этим феноменальным человеком. Ньютон, в свою очередь, мог быть знаком с феноменом иного рода,

Джорджем Фоксом, создавшим высоконравственное Общество Друзей, в просторечии прозванное квакерским. Более того, все трое могли быть знакомы. Итак, тому, кого стопятидесятый оттиск «Красотки Нелл из Олд Друри» привлекает больше, чем Исаак Ньютон, не стоит читать моих пьес: они предназначены не для него. И тому, кого бедра леди Каслмейн занимают сильнее, нежели основанный Фоксом великий Культ Дружбы, следует обходить театры стороной и посещать более низкопробные заведения. Но хотя суть моей пьесы составляет конфликт между Карлом, Джорджем и Исааком, мне показалось к тому же забавным столкнуть всех троих с Нелл, Каслмейн и француженкой Луизой де Керуаль, которую у нас называли мадам Каруэлл. Так что я вывел эту троицу на сцену, дабы ослабить интеллектуальное напряжение.

ПРЯМОЛИНЕЙНОЕ ПРОСТРАНСТВО НЬЮТОНА

Если принять во внимание ту власть над доверчивой публикой, которую наука приобрела с середины XIX века, актуальным и значительным оказывается еще один конфликт. Я говорю об извечном противоборстве художника и ученого. Поэтому я противопоставил Ньютону персонаж, который охотнее всего назвал бы Хогартом, так как именно Хогарт сказал, что «линия красоты есть кривая», тогда как Ньютон провозгласил принцип прямолинейности пространства. Он назвал прямые линии правильными, и они по-прежнему назывались так в моем школьном учебнике Евклидовой геометрии восемьдесят лет тому назад. Однако Хогарт никаким чудом не мог бы перенестись в избранный мною 1680 год; так что я вынужден был остановиться на Годфри Неллере. Мне пришлось изобразить его человеком хогартовского ума, каким он никогда не был, чтобы обеспечить Ньютону победоносного антагониста. Зато Неллер идеально отвечал требованиям хронологии.

Приглашая на свою пьесу самую широкую публику, я должен тем не менее сделать еще одну оговорку. Пожалуй, ее не стоит смотреть крупному математику или астроному. Ньютон у меня замечает, что с перигелием Меркурия происходит что-то непонятное. С тех пор как Шекспир вложил в уста троянца Гектора цитату из Аристотеля, театр не знал столь дерзкого анахронизма. Но в качестве комедийного приема история с перигелием кажется мне такой находкой (как Уэстон-сьюпер-Мэр), что я просто не могу пожертвовать ею. Напротив, я готов отстаивать ее правдоподобие. Ньютон не только

обладал даром молниеносных вычислений и нечеловеческой памятью, но был к тому же весьма изобретательным и искусным конструктором. Изготовив собственный телескоп, он захотел посмотреть на Меркурий, чему препятствовал ослепительный солнечный блеск; тогда он додумался до искусственного затмения и произвел его с помощью вставленного в телескоп обтюратора — простейшего приспособления, которого тем не менее никто потом не мог повторить в течение многих лет. Будучи абсолютным профаном в этой области, я все же отказываюсь верить, будто, опираясь на свою систему, Ньютон не мог теоретически вычислить бли́жайшую к солнцу точку Меркурия, а затем увидеть в телескоп, что в действительности она находится в другом месте.

Я не собираюсь оправдываться за этот миг озарения, благодаря которому Ньютон предвосхищает Эйнштейново искривленное пространство. Первый закон Ньютона — чистейшая догма, так же как и первый закон композиции Хогарта. Пока что астрономы доказали, что прав был Хогарт, а Ньютон заблуждался. Но так как всю свою долгую жизнь я наблюдал, как, продвигаясь вперед, наука, словно кегли, опрокидывала одну теорию за другой, то не берусь предсказывать, что́ может выясниться к моменту тысячного представления этой пьесы (если таковое когда-нибудь состоится). Пока что позвольте мне признать, что Ньютон-ученый изображен в моей пьесе именно так, как обычно изображают ученых: это астроном, принадлежащий не какой-то определенной эпохе, а всем временам. Ньютон-человек был самым странным из гениев; и я могу объяснить все его противоречия.

ЗОЛОТЫЕ ДНИ КОРОЛЯ КАРЛА

Что же касается Карла, этого царственного отпрыска на редкость смешанной крови, то он начал жизнь бездомным бродягой-космополитом, а кончил первым в Англии королем, носившим этот сан чисто символически, но сумевшим понять, что цареубийцы не могли не совершить того, что совершили, и монарху следовало отныне опираться на собственный ум, а не на оставленную ему жалкую власть. К сожалению, пошлая слава любителя женщин, равного в этом отношении самому Соломону, не только оставила в тени его политический талант, но затмила и то обстоятельство, что Карл был прекрасным мужем. Его жену, Екатерину Браганцскую, привыкли считать полным ничтожеством, а его наложницу Каслмейн превратили

в личность огромной исторической важности. Посмотрев мою пьесу, вы будете гарантированы от подобной ошибки и сможете поздравить себя с тем, что присутствовали при восстановлении исторической справедливости.

Давайте поэтому оставим в покое «веселого короля» и всех его женщин. Повсюду, в том числе и в театре, он изображается человеком, не имевшим, в сущности, никаких других интересов и запятнавшим себя супружеской неверностью. Отсюда делается вывод, что женщины оказывали на него и политическое давление,— прежде всего Луиза де Керуаль, агент Людовика XIV, стараниями которой Карл всецело отдал себя в распоряжение этого солнца всех правителей и тайно получал от него деньги. На самом деле Карл, как и большинство английских королей, постоянно испытывал денежные затруднения, поскольку англичане, питающие врожденную неприязнь к любому способу правления, платили налоги слишком неаккуратно, чтобы содержать сколько-нибудь полноценные гражданские и военные учреждения. При Карле они особенно яростно ополчились против постоянной армии, которая приелась им уже во времена Кромвела, и скупились даже на королевскую охрану — ядро этой армии. Чтобы поддерживать свое существование, Карлу нужны были деньги; и так как он не мог получить их от соотечественников-протестантов, ему достало хитрости выудить их у французского короля-католика; ибо, являясь главой англиканской церкви, Карл в глубине души считал протестантство плебейской религией, пригодной для мелкобуржуазных выскочек, а католичество — единственным подлинно христианским вероисповеданием, подобающим дворянину. В этих целях он и использовал Луизу; ничто не свидетельствует об обратном. Историки-виги представляют дело так, будто Карл был квислингом, служившим Людовику и предавшим свою родину. Это не более чем наглая клевета, возводимая на него протестантами; сомнительной стороной этой сделки было только то, что Карл тратил полученные деньги на благо Англии, а le Roi Soleil[1] *не получал от него никакого возмещения.*

Уговоры других любовниц не могли склонить Карла к тому, к чему он сам не был бы расположен по своей доброй природе, шла ли речь о постройке Гринвичской больницы или о присвоении герцогских титулов королевским бастардам. Карл-муж относился к браку очень серьезно, а свои любовные похождения считал данью природе, явлением совершенно иного порядка. Он был порождением той эволюции, благодаря которой все увеличи-

[1] Король-солнце *(франц.)*.

вается разрыв между единственными, глубоко личными и постоянными брачными узами и плотскими наслаждениями, описанными в шекспировском сонете. Половое влечение как дань биологическому закону, гласящему, что мир должен быть населен, может с неодолимой силой возникать у людей, которые не вынесли бы совместной жизни и в течение недели, однако способны произвести на свет отличное потомство. Историки, не видящие разницы между чувством Карла к жене и его страстью к Барбаре Вильерс, просто ни капли не смыслят в биологии.

БУДУЩЕЕ ЖЕНЩИН В ПОЛИТИКЕ

Принято считать, что представительный способ правления окончательно сложился в Англии к 1928 году, когда женщины получили избирательные права. Предполагается, будто это сразу восполнило гигантский пробел, который образовался за все то время, что они были неправомочны. На самом же деле лишь до смешного сократилось число тех, кто голосовал за женские кандидатуры; ибо сами женщины моментально использовали право голоса для того, чтобы не допускать своих сестер в парламент. Теперь, семнадцать лет спустя, нация, состоящая в общем поровну из мужчин и женщин, однобоко представлена в Вестминстере 616 мужчинами и 24 женщинами. Во время бунта суфражисток в 1913 году я смертельно обидел подстрекательниц, предсказав именно такой результат и заявив, что нам необходимо не избирательное право для женщин, а поправка к конституции, которая предусмотрела бы, что любые представительные органы состояли поровну из мужчин и женщин, все равно, избранных, назначенных или кооптированных, взятых из списков избирателей или прямо на улице, подобно присяжным для разбирательства у коронера.

СДВОЕННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ

Достигнуть этого при системе выборных органов власти можно только путем сдвоенного голосования. Представительная единица должна соответствовать не мужчине и л и женщине, а мужчине и женщине. Каждый голос должен считаться действительным лишь в том случае, если он подан сразу за представителей обоих полов; тогда выборный орган будет состоять поровну из мужчин и женщин. Пока этого нет, все разговоры о том, что политическая демократия существует или

существовала хоть на каком-нибудь отрезке английской истории, останутся пустой болтовней.

Необходимо иметь в виду, что одинаковое представительство мужчин и женщин не должно зависеть от общего соотношения мужского и женского населения. Эта пропорция никогда не нарушается сколько-нибудь заметно; но даже в таком случае естественной выборной единицей все равно будет смешанная пара, а не лучшая (или худшая) ее половина.

Разумность и целесообразность подобной реформы оспариваются с самых разных точек зрения. Существуют, например, люди, убежденные в том, что средоточием политических способностей является душа — чисто мужской орган, отсутствующий у женщин наряду с некоторыми другими физиологическими органами. Однако до сих пор ни вскрытие, ни спектральный анализ, ни электронный микроскоп не смогли обнаружить ни у того, ни у другого пола какого-либо специфического органа или гормона, который биологи сочли бы душой. Поэтому мы то нарекаем эту тайну Святым духом или Господином войска небесного, то материализуем ее как Жизненную силу, или èlan vital[1]*. Оба пола наделены сим феноменом в одинаковой степени и, лишаясь его, равно подвергаются тому разложению, которое зовется смертью, а следовательно, демократическая представительность невозможна там, где женщины ущемлены в избирательных правах по сравнению с мужчинами. Именно благодаря тому, что мужчины и женщины так похожи, юридическая неправомочность последних не причиняла до сих пор заметного ущерба нашим незрелым законодательным органам, ибо для их целей было не столь важно, кем укомплектован парламент и суды присяжных; но так как теперь сфера деятельности правительства значительно расширилась, без женской придирчивой критики кабинету уже не обойтись. Палата лордов, например, гораздо представительнее палаты общин, потому что ее члены попадают туда как сыновья своих отцов, то есть в силу тех же причин, по которым все мы попадаем на свет божий; но и это учреждение больше соответствовало бы человеческой природе, если бы включало в себя столько же сыновей, сколько и дочерей.*

Подобная ситуация сложилась с одобрения самих женщин, которые, составляя половину общества, были лишены не только избирательных прав, но и возможности освоить какую-либо профессию, а из всех мест, существующих на государственной службе, могли занять лишь трон. До определенного

---

[1] Жизненный порыв *(франц.)*

момента это тоже не играло заметной роли; ибо в олигархиях женщины, не неся никакой ответственности, пользуются таким неограниченным личным влиянием, что самые дальновидные из них хотели бы полностью передать власть мужчинам, дабы командовать ими безо всяких помех со стороны тех, кто видит не дальше кухни, детской или гостиной, если им доступна такая роскошь.

Однако представительствовать в парламентской говорильне еще ничего не значит. Указать на болезнь может каждый; но чтобы покончить с нею, надо обладать даром конструктивного политического мышления. Это, безусловно, редкий дар; но в женщинах он встречается не реже, чем в мужчинах. Природа создает прирожденных политических лидеров и мыслителей, столь остро необходимых современной цивилизации, лишь в пяти случаях из ста; а если их число уменьшить еще вдвое, не допуская женщин в парламенты и кабинеты, социальные механизмы придут в негодность и, по всей видимости, развалятся из-за плохого управления. Места, предназначенные для способных женщин, в большинстве своем согласных баллотироваться, заняты бездарными мужчинами; в Европе нет правительства, которому не было бы жизненно необходимо сменить безмозглых мужчин на женщин с головой.

Но как это осуществить? Предоставление женщинам избирательных прав удвоило сопротивление любым реформам и сделало подобную задачу неразрешимой. На выборах, последовавших за введением в Англии избирательного права для женщин, ни одна из них не прошла в парламент, хотя некоторые обладали бесспорным политическим талантом. Всех их опередили мужчины, которые сравнительно с ними были просто болванами и полными ничтожествами.

Поэтому я предлагаю и отстаиваю принцип сдвоенного голосования, при котором действительными будут считаться только голоса, поданные за пару, объединяющую представителей обоих полов, что в свою очередь обеспечит избрание органа, состоящего поровну из мужчин и женщин. Пока это не сделано, всеобщее избирательное право останется наименее демократичной из всех политических систем. Предоставляю нашим искушенным парламентариям судить, каким образом следует заморочить голову, солгать, обмануть, надуть или запугать избирателей, чтобы подготовить их к подобной реформе. Ибо ждать, пока они станут людьми просвещенными, придется слишком долго.

Библиотека в доме Исаака Ньютона в Кембридже в 1680 году. Светлая комната на втором этаже с большим окном, выходящим на железный балкон, откуда вниз, в сад, спускается железная лестница. Слева (от зрителя) к окну примыкает стеклянная балконная дверь, так что, поднявшись по лестнице, можно прямо из сада попасть в комнату. По стенам библиотеки стоят шкафы, над ними книжные полки. Справа от окна конторка. Вдоль шкафов аккуратно, рядком, выстроились шесть стульев — три справа от окна (если смотреть из зрительного зала) и три слева. В середине между ними стол от того же гарнитура, что и стулья, на нем письменные принадлежности и огромная раскрытая Библия, предназначенная для церковного аналоя. Удобный стул для читающего повернут спинкой к окну. Слева от него красивое кресло — очевидно, для именитых гостей философа.

Экономка Ньютона, женщина средних лет, весьма почтенной наружности, стоит за конторкой и проверяет счета.

Не вполне еще одетая служанка входит в комнату через боковую дверь слева от окна (опять-таки если смотреть из зала).

Служанка. Прошу прощения, миссис Бэшем, там мистер Роули желает знать, когда хозяин будет дома и сможет его принять.

Миссис Бэшем. Роули? Первый раз слышу. Мистер Ньютон в такую рань не принимает.

Служанка. Конечно, сударыня. Сами поглядите: я еще и одеться не успела. Не могу же я в таком виде отворять дверь знатным господам.

Миссис Бэшем. А он что, знатный? Имя какое-то незвучное — Роули!

Служанка. Одет как барин, сударыня. Рослый такой и смуглый. И собак при нем целая свора, и еще ливрейный. Не из таких он, сударыня, перед кем дверь-то можно закрыть. Но очень снисходительный, право слово!

Миссис Бэшем. Скажи ему, чтоб приходил в половине двенадцатого. Только я не могу обещать наверное, что ми-

стер Ньютон будет дома. Хочет – пусть зайдет. И еще скажи ему, чтоб приходил без собак. Иначе наш Бриллиант непременно затеет с ними драку.

Служанка. Слушаюсь, сударыня. Так я ему и передам. *(Хочет идти.)*

Миссис Бэшем. Послушай, Салли, а не можешь ли ты сказать мне, сколько будет трижды семь? Ты ведь ходила в школу, правда ведь?

Салли. Ходила, сударыня, но читать, писать и считать там учили лишь мальчишек. Нас, девочек, учили только шить.

Миссис Бэшем. Ну да ладно! Спрошу у мистера Ньютона. Уж если кто знает, так это он. Постой! Спроси Джека, торговца рыбой. Он там потрошит кролика на кухне.

Салли. Слушаюсь, сударыня. *(Уходит.)*

Миссис Бэшем. Три шестипенсовика – это один шиллинг и шесть пенсов, а три восьмипенсовика – это два шиллинга, так, по крайней мере, всегда было. А вот три семипенсовика – сколько? Ума не приложу!

Возвращается Салли.

Салли. Прошу прощения, сударыня, но там еще один джентльмен спрашивает мистера Ньютона.

Миссис Бэшем. Тоже из титулованных?

Салли. Да нет, сударыня. Ходит в кожаных штанах. Совсем какой-то чудной!

Миссис Бэшем. Он как-нибудь назвался?

Салли. Сказал, сударыня, что он Джордж Фокс.

Миссис Бэшем. Что?! Этот квакер, Человек в Кожаных штанах?! Он же в тюрьме! Да как он посмел явиться сюда и еще требовать, чтоб его принял мистер Ньютон? Слушай, скажи ему, что для таких, как он, мистера Ньютона нет дома!

Салли. Ой, сударыня, да разве подобному человеку можно такое сказать?! Я не посмею!

Миссис Бэшем. И ты робеешь перед человеком, который осмелился назвать церковь домом с островерхой крышей и войти в нее, не сняв шляпы? Сейчас же ступай и скажи ему, что, если он мигом не уберется, ты поднимешь на него всю улицу. Слышала? Ступай, делай как тебе велено!

Салли. Боюсь, как бы он не поднял на нас всю улицу! Уж я как-нибудь постараюсь отделаться от него без обидных слов. *(Уходит.)*

Миссис Бэшем *(ей вслед)*. И не забудь спросить Джека, сколько будет трижды семь!

Салли *(из-за сцены)*. Слушаюсь.

Из сада поднимается Ньютон; ему тридцать восемь лет; он без шапки, бредет, погруженный в свои вычисления; сжатыми кулаками он ударяет друг по дружке, как бы отмечая фазы решаемого уравнения. Он задевает ногой за коврик.

Миссис Бэшем. Ой, да смотрите вы под ноги, мистер Ньютон! А то, неровен час, забредете в речку и утонете! Я-то думала, вы в университете.

Ньютон. Не браните, миссис Бэшем, не браните! Я забыл туда пойти. Я тут пытался сделать один расчет, который никак мне не давался.

Миссис Бэшем. И вы бьетесь над ним с самого утра, забыв про все на свете? Так вот, раз у вас нынче один из этих ваших вычислительных приступов, может, вы не сочтете за труд проверить мне счет за стирку? Сколько это будет трижды семь?

Ньютон. Трижды семь? О, это очень просто!

Миссис Бэшем. Может, для вас это и просто, сэр, а мне вот не сосчитать. В школе-то я прошла сложение и вычитание, а умножение и деление никак мне не давались.

Ньютон. И мне тоже: я был слишком ленив. Впрочем, они ведь и не нужны: совершенно достаточно сложения и вычитания. Вы складываете логарифмы взятых чисел, и антилогарифм полученной суммы составляет ответ. А ну, покажите-ка! Ага, трижды семь! Логарифм трех должен быть четыреста семьдесят семь тысячных или что-то около того. Логарифм семи, скажем, восемьсот сорок пять тысячных. Получается: три целых двадцать две сотых, не так ли? Каков же антилогарифм трех целых двух и двадцати двух сотых? Ну да, он должен составлять число, не превышающее двадцать два, но и не менее двадцати. Вы не ошибетесь, если поставите...

Возвращается Салли.

Салли. Прошу прощения, сударыня, Джек говорит, это будет двадцать один.

Ньютон. Удивительно! Я целую минуту ломал голову над этой несложной задачей, а какой-то необразованный торговец рыбой решил ее в мгновение ока! Он лучший математик, чем я!

Миссис Бэшем. Это наша новая служанка, она родом из Вулсторпа, мистер Ньютон. Вы ее еще не видели.

Ньютон. Вот как? А я и не заметил. *(К Салли.)* Так вы из Вулсторпа? Я тоже. Сколько вам лет?

Салли. Двадцать четыре года, сэр.

Ньютон. Двадцать четыре года. То есть восемь тысяч семьсот шестьдесят дней. Двести десять тысяч двести сорок часов. Двенадцать миллионов шестьсот четырнадцать тысяч четыреста минут. Семьсот пятьдесят шесть миллионов восемьсот шестьдесят четыре тысячи секунд. Предлинная жизнь!

Миссис Бэшем. Послушайте, мистер Ньютон, не сбивайте вы девочку с толку этими вашими цифрами! Ну что человек может сделать в одну секунду?

Ньютон. В секунду вы можете произвести семь разных весьма обдуманных и сознательных действий. Как вы отсчитываете секунды? Та-та-та-та-та-та-раз, та-та-та-та-та-та-два, та-та-та-та-та-та-три и так далее. Вы произносите семь слогов в каждую секунду. Вдумайтесь! Эта девица уже имела время совершить в жизни более пяти тысяч миллиардов сознательных и важных поступков. Много ли событий осталось у вас в памяти, Салли?

Салли. Одно-единственное, сэр,— в тот день, когда мне исполнилось шесть лет, папенька подарил мне шестипенсовик: по пенни, значит, за каждый год.

Ньютон. Двадцать четыре минус шесть — восемнадцать. Он задолжал вам один шиллинг и шесть пенсов. Напомните мне, и в следующий ваш день рождения я подарю вам шиллинг и семь пенсов, если, конечно, вы будете примерно себя вести. А сейчас ступайте.

Салли. Благодарю вас, сэр. *(Уходит.)*

Ньютон. Мой отец, умерший до моего рождения, был сумасбродным, слабовольным и беспорядочным человеком, так мне, по крайней мере, рассказывали. Я унаследовал его сумасбродство, слабоволие и беспорядочность в виде нелепого увлечения цифрами, коего я искренне стыжусь. На свете такое множество более важных вещей, над которыми стоило бы трудиться: например, превращения вещества, элексир жизни, магия света и красок, а превыше всего — тайный смысл Священного писания. Стоит мне задуматься над этим, и я понимаю, что мозг мой занят бесполезной игрой, которая называется теорией рядов бесконечных чисел, а еще делением кривых на бесконечно малые отрезки, описываемые сопровождаю-

щими трехгранниками. Какая глупость! Пустая трата бесценного времени!

Миссис Бэшем. Тут какой-то мистер Роули намеревается зайти к вам в половине двенадцатого.

Ньютон. Покою нет от людей! Что за мистер Роули? Кто он такой?

Миссис Бэшем. Одет как джентльмен. Высок ростом. Смуглый. Держит ливрейного. И при нем свора собак.

Ньютон. Так вот это кто! Мне говорили, что он хочет посмотреть мой телескоп. Знайте, миссис Бэшем, это человек, чей приход мы должны расценивать как великую для себя честь. Но предупреждаю вас: подобно тому, как у меня непростительная слабость к цифрам, у мистера Роули – слабость к женщинам. Поэтому вам лучше убрать с его глаз Салли.

Миссис Бэшем. Ишь ты! Ну, если он попробует пошалить с Салли, я уж позабочусь, чтобы он на ней женился!

Ньютон. Он уже женат. *(Садится к столу.)*

Миссис Бэшем. Ах так, значит! Экая ведь скотина!

Ньютон. Тсс! Советую вам никогда не говорить о нем худо. Он важная персона.

Миссис Бэшем. Все равно, скотина и есть скотина!

Ньютон *(открывает Библию)*. Разве что он одно из тех животных, которые фигурируют в Апокалипсисе. Во всяком случае, не обычная скотина.

Миссис Бэшем. Еще этот Фокс, квакер в кожаных штанах, посмел сюда явиться.

Ньютон *(заинтересованно)*. Как, Джордж Фокс? Если он придет еще раз, просите его. Такие два человека непременно должны повстречаться.

Миссис Бэшем. Да какие такие особые?! Вас повидать и впрямь для них честь, я так понимаю.

Ньютон. Честь для них? Не мелите вздора. Они выдающиеся люди – каждый в своей сфере. А я никто.

Миссис Бэшем. Да вы самый великий человек на свете, сэр! Мне мистер Халли это сказал.

Ньютон. Напрасно мистер Халли говорит вам подобные вещи. Не принимайте его слова на веру. Он постоянно уговаривает меня опубликовать мои методы исчисления и навсегда забросить мои серьезные изыскания. Цифры! О, эти цифры! Эти синусы, косинусы, гипотенузы, дуги, до того малые, что их можно считать прямыми! Расстояние между двумя точками, находящимися на одной плоскости! Дифференциальное исчисление! Разве же это фи-

лософия? И разве это может сделать человека великим?

Его прерывает Салли, которая распахивает дверь и возвещает о приходе посетителей.

Салли. Мистер Роули и мистер Фокс!

В дверях появляется король Карл Второй (мужчина лет пятидесяти), но он уступает дорогу квакеру Джорджу Фоксу (рослому человеку лет пятидесяти шести с горящим взглядом и голосом, который по временам обретает необычную мощь). Одет Фокс прилично, только штаны его сшиты из кожи.

Карл. Только после вас, мистер Фокс! У духовной власти приоритет перед мирской.

Фокс. Вы очень любезны, сэр, и говорите истинную правду. Благодарю вас. *(Проходит в дверь.)*

Салли, совершенно очарованная мистером Роули, покидает комнату.

Это вы философ Исаак Ньютон?

Ньютон. Вы угадали, сэр. *(Поднимается навстречу гостям.)* Надеюсь ваш благородный друг окажет мне честь и присядет в моем скромном жилище?

Карл отвешивает поклон и с непринужденным изяществом усаживается в кресло.

Фокс. Я не стану обманывать вас, утверждая, будто сей джентльмен мой друг. Мы случайно повстречались у ваших дверей, и его любимая собака соизволила приласкаться ко мне.

Карл. Она разбирается в людях, сэр. Ее друзья — мои друзья, если, конечно, такой испорченный человек, как я, может притязать на чью-либо дружбу.

Ньютон *(берет один из стоящих у стены стульев и ставит его у стола, слева от себя)*. Усаживайтесь, мистер Фокс, прошу вас.

Фокс. Только не зовите меня мистером: Джордж Фокс — к вашим услугам! Впрочем, вы очень любезны. *(Садится.)*

Ньютон *(возвращается на свое место у стола)*. По-моему, это я к вашим услугам. Так чем могу быть полезен?

Фокс. Вы напомнили мне, что я явился без приглашения. Мое дело может подождать, пока вы закончите свой разговор с этим — как вы изволили сказать — благородным господином.

Карл. Я тоже явился без приглашения, пастырь. Вы позволите мне так величать вас,— ведь это и учтиво, и соответствует истине.

Фокс. Вы подыскали верное слово. В детстве я действительно ходил за овцами моего отца. А теперь опекаю людские души.

Карл. Ну и прекрасно. Итак, пастырь, сообщаю вам: единственная цель моего прихода — с выгодой для себя и с ущербом для нашего хозяина воспользоваться его бесценным временем, коли он будет так снисходителен, что стерпит подобную бесцеремонность. Выкладывайте свое дело и не обращайте на меня никакого внимания. Если, конечно, вам не помешает мое присутствие.

Фокс. У меня не было и нет такого дела, которое я стал бы таить от людских ушей: чем больше у меня слушателей, тем лучше!

Карл. Я так и предполагал. Признаться, мне не терпится услышать, что Джордж Фокс имеет сказать Исааку Ньютону. Поверьте, это не дерзкое любопытство. Понимаете, у меня весьма необычная профессия, и поэтому я должен знать, что Том, Дик и Гарри имеют сказать друг другу. А уж вы оба, джентльмены, представляете для меня особый интерес, и суждения ваши мне беспредельно важны.

Миссис Бэшем *(становится за стулом Ньютона)*. А что у вас за дело, мистер Роули? Мистер Ньютон нынче очень занят. У него нет времени на пустую болтовню.

Ньютон. Я забыл представить вам эту особу, господа. Это миссис Бэшем, моя экономка и ревностный страж моего времени.

Карл. Ваш слуга, миссис Бэшем.

Фокс. Благослови тебя бог, женщина!

Ньютон. Мистер Роули весьма влиятельное лицо, миссис Бэшем. Ему нельзя задавать вопрос так, будто он Джек, торговец рыбой. Он унаследовал занятие своего отца.

Карл. А, пустяки! В Англии оно больше не в чести: моего родителя ликвидировали вместе с его предприятием. Но мы сохранили прежнюю вывеску над дверями нашей старой лавки. И я стою у входа в фартуке моего папеньки. Миссис Бэшем может расспрашивать меня сколько душе угодно, я ведь теперь значу в Англии еще меньше Джека, торговца рыбой.

Миссис Бэшем. Так как же вы существуете, сэр? Только это я и хотела у вас спросить.

Карл. Да так, помаленьку, миссис Бэшем,— изворачиваюсь! Послушайте, пастырь, хватит обо мне! Перед вами — Исаак Ньютон. Я просто жажду услышать, что вы хотите ему сказать.

Фокс. Исаак Ньютон! Кое-кто из моих друзей имеет касательство к так называемому Королевскому обществу, которое его величество учредил недавно, очевидно, для изучения природы. То, что я слышу от них, несовместимо для меня со словом божьим, звучащим в Священном писании.

Ньютон. Почему вы думаете, что с тех пор, как печатники короля Якова завершили свою работу над Библией, в ней уже нельзя вычитать ничего нового?

Фокс. Я так не думаю. Я не из тех ретроградов-церковников, которые считают, будто господь бог удалился от дел шесть тысяч лет тому назад, сотворив мир и сочинив Библию. И на нас троих, сидящих здесь вместе, может снизойти откровение, если умы и сердца наши будут отверсты. Даже на вас, Карл Стюарт!

Карл. Ум Карла Стюарта открыт настежь, милейший пастырь!

Миссис Бэшем. Как вы назвали этого господина, мистер Фокс?

Карл. Чистая обмолвка, миссис Бэшем. В Священном писании, пастырь, вы не сыщете и намека на осуждение Савла за то, что он решил зваться Павлом. Вам ли быть придирчивей апостолов?

Фокс. Не в моей грешной природе обижать людей. Так что будьте мистером Роули, коли уж такова ваша воля! Но да будет вам известно: меня не ввело в обман ваше новое прозвание.

Карл. Благодарствую, пастырь! Ваша грешная природа делает вас наивоспитаннейшим человеком в королевстве. Так как же насчет откровения?

Фокс. Я исполнен тревоги. Я не могу допустить и мысли, что господь способен впасть в противоречие с самим собой! Как нам верить в сегодняшнее откровение, когда оно противоречит вчерашнему? Если ваши открытия верны, Исаак Ньютон, значит, над нами нет небес, а под нами — ада: с самого сотворения мира солнце неподвижно стояло над Гаваоном, а луна над долиною Аиаланскою.

Ньютон. Пусть это вас не тревожит, пастырь. Ничто в мире, с самого его сотворения, ни минуты не пребывало в покое — ни солнце, ни луна, ни звезды, ни самая крохотная

частица материи. Лишь дважды замирала вселенная.

Карл. Дважды? А мне помнится, один раз!

Ньютон. Нет, сэр, два. Первый раз это было, когда солнце остановилось над Гаваоном, чтобы дать время Иисусу Навину истребить аморитян. А второй раз — когда солнце возвратилось на десять ступеней назад по ступеням Ахазовым: то было господнее знамение царю Езекии, который умер бы, если бы пророк Исайя не повелел приложить ему к нарыву пласт смоквы.

Миссис Бэшем. От флюса тоже ничто так не помогает, как припарка из печеной смоквы. Оттого, видно, и помогает, что в Библии про то сказано. Подумать только, а я и не догадывалась!

Ньютон. Теоретически солнце останавливалось трижды. Ибо оно должно было остановиться на какую-то бесконечно малую долю секунды, когда повернуло вспять и возобновило свой бег.

Фокс. Благодарение богу, вы не безбожник и не пытаетесь меня сделать таковым.

Ньютон. Друг мой, что может быть противоестественней философа, не умеющего верить? Философ ежедневно видит сотни чудес там, где человек бездумный и невежественный наблюдает лишь течение дня и скопление забот. Иисус Навин был необразованным воином. Будь он философом, он знал бы, что остановить какую-нибудь пылинку, парящую в воздухе, все равно что остановить солнце или луну. Ведь и пылинка не задержится без того, чтобы не затормозить всей небесной механики. Кстати, миссис Бэшем, тот факт, что солнце и луна были тогда видимы одновременно, может помочь мне определить день этого чудесного события. *(Остальным.)* Простите, господа, я составил хронологическую историю вселенной, и разыскание для нее нужных дат представляет определенную трудность.

Карл. А разве покойный архиепископ Ашер не установил даты всех когда-либо произошедших событий?

Ньютон. К несчастью, он не признавал прецессии равноденствия. Поэтому я вынужден вносить в его труд некоторые поправки.

Карл. А что это за чертова прецессия, да простит меня пастырь?

Фокс. Я достаточно грешен, чтобы радоваться тому, что и вы так же невежественны, как я. Я ужасно стыжусь своего невежества!

Ньютон. Стыдом делу не поможешь, пастырь. Я потратил всю жизнь на то, что созерцал океан своего невежества. Однажды я возгордился тем, что подобрал камушек на необозримом берегу этого океана. Точнее сказать, то была просто крохотная песчинка.

Карл. Вполне вам верю. Когда человек сталкивается с безмерностью непознанного, он уже не ценит своих знаний. И все же, что это за прецессия равноденствия? Если я отпущу такое словечко при дворе, вся знать падет ниц, потрясенная моей ученостью.

Миссис Бэшем. Растолкуйте все господам, мистер Ньютон, а то они пробудут здесь до самого вечера!

Ньютон. Это чрезвычайно просто – даже ребенок способен понять. Два дня в году, когда дневное время равно ночному, представляют собой равноденствие. В каждый последующий звездный год оно наступает раньше. Как вы понимаете, это вызывает обратное движение равноденствующих точек вдоль эклиптики. Мы называем это прецессией равноденствия.

Фокс. Благодарю вас, Исаак Ньютон. Но это не прибавило мне знаний.

Миссис Бэшем. И не стыдно вам, мистер Ньютон, забивать голову вашим гостям этакими заморскими словами. Помнили бы лучше, что не все такие ученые, как вы.

Ньютон. Но это же доступно каждому...

Миссис Бэшем. А вот и не каждому, мистер Ньютон!

Салли *(влетает в комнату)*. Мистер Роули, там у крыльца какая-то госпожа в карете осведомляется, поедете ли вы с ней кататься?

Карл. А имени она не сказала?

Салли. Не сказала, сэр. Сказала: сами знаете.

Карл. Похожа на герцогиню, нет?

Салли. Ой, что вы, сэр!.. У ней разговор такой простой!..

Карл. Ну, это Нелл! Мистер Ньютон, разрешите мне представить вам миссис Гвин, знаменитую актрису из Друри-Лейн?

Миссис Бэшем *(с властным видом поворачивается к Карлу)*. Нет, мистер Роули, я этого допустить не могу! Я просто диву даюсь, как вы позволили себе упомянуть о подобной особе в моем присутствии!

Карл. Приношу свои извинения. Я не подозревал, что вы так не одобряете театр, миссис Бэшем.

Миссис Бэшем. Даже очень одобряю, сэр. Мой дедушка,

и поныне живущий и здравствующий, в молодые годы водил дружбу с мистером Уильямом Шекспиром, известным актером и сочинителем разных комедий, трагедий и прочего. Так вот мистер Шекспир помер бы со стыда, кабы увидел на сцене женщину! Это грешно и противно природе. Небось только самые распутные там и играют!

Карл. Но разве пьеса не кажется естественней, когда в ней участвуют настоящие женщины?

Миссис Бэшем. Нисколечко, мистер Роули. Они и на женщин-то совсем не похожи. Они похожи лишь на то, что они есть на самом деле, и только портят спектакль для всякого, кто помнит прежних артистов в женских ролях. Уж эти умели заставить вас поверить, будто перед вами настоящая женщина!

Карл. А вы, пастырь, когда-нибудь разговаривали с актрисой?

Фокс *(содрогаясь)*. Избави бог, сэр! Я не общаюсь с такими людьми.

Карл. А почему, пастырь? Или вы столь скупы на милосердие? Ну чем Нелл хуже Марии Магдалины?

Миссис Бэшем. Я надеюсь, что Мария Магдалина в конце жизни раскаялась и была прощена, хоть об этом нигде прямо не говорится. Впрочем, в дом к себе я бы ее, пожалуй, не пригласила. И уж во всяком случае она не играла на театре. *(Возвращается на свое место позади Ньютона.)*

Карл. А вы что скажете, пастырь? Неужели и вы считаете Нелл настолько ниже себя?

Фокс. Сэр, нет на свете человека, которого я считал бы ниже себя. Не я ли внушал братьям по вере, которые оказались теперь в Берберии, что и в язычниках – всяких турках и маврах – тоже проявляется жизнь и могущество нашего Создателя. Неужели же в этой комедиантке ее меньше, чем в турках и маврах? Нет, я ее не боюсь.

Карл. А вы, мистер Ньютон?

Ньютон. Философу от женщин одно беспокойство. Они требуют слишком много внимания. Однако миссис Гвин прибыла сюда за вами, а вовсе не с целью помешать моей работе над дифференциальным исчислением. И если вы соизволите спуститься к ней, ей не понадобится подниматься к нам. *(Встает с места, чтобы проводить короля до дверей.)*

Карл *(тоже встает)*. Видно, придется отбыть!

В комнату врывается Нелл Гвин. Салли удаляется.

Нелл. Роули, голубчик, долго мне еще дожидаться вас на улице?

Карл. Вы, миссис Гвин, по-моему, лицо, известное всем здесь присутствующим. Позвольте представить вам нашего хозяина. Это выдающийся философ, мистер Ньютон.

Нелл *(проходит мимо Карла и приближается к Ньютону)*. Я не знаю, кто такие философы, мистер Ньютон, но вы в точности такой, каким следует быть одному из них. Мое вам почтение, сэр! *(Приседает перед ним.)*

Ньютон. Примите и мое, сударыня. Я весьма огорчен, что вы столько дожидались по ту сторону моих дверей.

Нелл. Быть замеченной у вашего крыльца уже честь для меня, мистер Ньютон. *(Оглядывается по сторонам.)* Чьими стараниями у вас здесь так красиво? Мне казалось, что философы, подобно католическим священникам, не вступают в брак.

Ньютон. По-вашему, здесь красиво? Я никогда этого не замечал. Это моя экономка, миссис Бэшем. *(Покорно опускается на стул.)*

Нелл. Не замечал! Каково! Вы просто недостойны такой экономки. Мое вам почтение, миссис Бэшем!

Миссис Бэшем чинно кланяется, стараясь не подать виду, что она польщена.

Карл. Второй господин — знаменитый основатель секты квакеров.

Фокс. Секты Друзей, друг мой Роули!

Нелл *(подбегает к Фоксу)*. Ой, я знаю! Я слышала! Человек в Кожаных штанах!

Фокс *(не вставая со стула)*. Еще я зовусь Джорджем Фоксом.

Нелл *(хлопая его по плечу)*. Бросьте! Джорджем Фоксом может быть каждый, а вот Человек в Кожаных штанах только один и есть. Мое вам почтение, Джордж!

Фокс. И мое вам, Нелл.

Нелл. Правильно! Просто — Нелл! *(Идет к стене и, взяв стул, ставит его слева от Фокса, совсем рядышком.)* Если б мне удалось залучить вас в число своих кавалеров, я бы задирала нос почище любой светской дамы!

Фокс. Я не основывал орден кавалеров. Я основывал орден Друзей!

Нелл. Еще лучше! Наши кавалеры — наши недруги: они стре-

мятся лишь к тому, чтобы похитить нашу честь. Молитесь обо мне, друг Фокс! Наверно, бог слушает вас внимательней, чем епископов.

Фокс. Он внемлет вам еще внимательней, чем сейчас я. Вы не нуждаетесь в заступничестве священника.

Карл. Нам больше не следует отнимать время у мистера Ньютона, миссис Гвин. Он работает над дифференциальным исчислением.

Нелл. Над чем?

Карл. Над дифференциальным исчислением — так, по-моему, вы сказали, мистер Ньютон?

Нелл. Каким исчислением?!

Карл. Мистер Ньютон тебе объяснит. Я сам рад бы узнать.

Ньютон. Дифференциальное исчисление, сударыня, это наука о скорости изменения непрерывных величин.

Нелл. Придется мне пойти домой и поразмыслить над этим, господин философ!

Ньютон *(совершенно серьезно)*. Я буду вам крайне признателен, сударыня, если вы сообщите мне результаты своих размышлений. По правде говоря, я не вполне уверен, что мой метод, а точнее сказать, форма его выражения является простейшей из возможных. По этой причине я никак не решаюсь опубликовать его.

Нелл. Вы взаправду думаете, мистер Ньютон, что я могу чему-нибудь научить вас? Вот это комплимент! Роули, голубчик, вы слышали?

Ньютон. В столь несложных вещах можно почерпнуть что-нибудь полезное у любого. А у вас, сударыня, должно быть очень оригинальное мышление. Вы ведь в театре произносите на память огромные монологи. Я бы ни за что этого не сумел!

Нелл. Господи, а как же иначе, мистер Ньютон! Вы первый из моих знакомых, кто не считает актрису невежественной дурой, конечно за исключением мальчишек, которые думают, будто я богиня. Знайте: вы самый умный человек в Англии и еще самый добрый!

Карл. И самый занятой, Нелл! Пошли же! Мистер Ньютон и так потратил на нас слишком много времени.

Нелл. Я понимаю. Идемте. *(Встает с места и приближается к Карлу, которого берет под руку с левой стороны.)* А можно мне прийти еще раз, мистер Ньютон?

Ньютон *(тоже встает с места)*. Нет-нет, сударыня, не надо! Я не умею развлекать дам. Они не очень соответствуют моему образу жизни. Мистер Роули, вы, как из-

вестно, интересуетесь дамами, а я — Священным писанием, и благодарю вас за то, что вы привели сюда для моего развлечения эту привлекательную особу...

Нелл *(с нескрываемым удовольствием)*. О-о!..

Ньютон *(продолжая)*. ...но хорошего понемножку...

Нелл *(протестующе)*. О-о!..

Ньютон. ...так что прошу вас не приводить сюда больше ваших знакомых, пока у меня не выберется для этого свободный денек.

Нелл. Надо идти, Роули, голубчик. Он больше не хочет терпеть нашего присутствия.

Карл. Вам еще повезло, мистер Ньютон, что здесь Нелл,— она ведь лучше других. Впрочем, обещаю, что отныне ваш дом будет подобен мужскому монастырю.

Карл и Нелл поворачиваются к дверям, собираясь уйти, когда в комнату врывается герцогиня Кливлендская, тридцатидевятилетняя красавица (некогда леди Каслмейн, урожденная Барбара Вильерс), и останавливается перед ними в совершенном бешенстве.

Барбара. Ага! Вот я и поймала вас с вашей шлюхой! Так вот, значит, какие научные занятия помешали вам увидеться со мной нынче утром!

Карл. Помолчите минутку, Барбара, и дайте мне представить вас мистеру Ньютону, выдающемуся философу, в чей дом вы ворвались без приглашения.

Барбара. Премиленький домик! Премиленький философ! Скажите прямо: дом, в который вы водите своих баб!

Миссис Бэшем *(в гневе выступает вперед и останавливается посредине комнаты)*. О господи!.. Мистер Ньютон, коли эта особа сейчас же не уйдет отсюда, уйду я!

Барбара. Да знаешь ли ты, женщина, что разговариваешь с герцогиней Кливлендской?

Миссис Бэшем. Мне все равно, с кем я разговариваю! Ежели вы герцогиня Кливлендская и этот дом таков, как вы сказали, вам самое в нем место. А ежели этот дом то, что он есть, вам нечего в нем делать! Или вы уйдете отсюда, или я!

Барбара. Наглая сука! Да я велю посадить тебя в Брайдуэлл и отхлестать плетьми!

Карл. Ничего не выйдет, Барбара. И если вы тотчас не уйметесь и не сойдете со мной к экипажу, я спущу вас с лестницы.

Барбара. Попробуйте! Что же, убейте меня и наслаждайтесь

со своей низкопробной фигляркой! Вы уже изменяли мне с ней тысячу раз!

Ньютон. Терпение, господа, терпение! Миссис Бэшем, эта леди не в своем уме. Я сейчас докажу вам, что слова ее лишены всякого смысла и не должны огорчать нас. *(Барбаре.)* Ваша светлость только что утверждала, будто мистер Роули изменял вам тысячу раз.

Барбара. Сто тысяч раз!..

Ньютон. Для каждой измены ему потребовался день или хотя бы ночь; сто тысяч ночей составляют чуть ли не двести семьдесят четыре года. Точнее: двести семьдесят три года и двести восемьдесят семь дней, учитывая шестьдесят восемь дней високосного года каждые четыре года. Тогда мистеру Роули должно быть сейчас триста лет, а ему только пятьдесят, из которых вам следует вычесть, по крайней мере, еще пятнадцать лет его детства.

Барбара. Четырнадцать.

Ньютон. Пусть четырнадцать. Не исключено, что ваша светлость тоже развились до срока. Сколько же лет мы скидываем на период вашей невинности?

Нелл. Лет пять, от силы.

Барбара. Молчи, ты!..

Ньютон. Скажем, двенадцать. Это значит, что вы живете женской жизнью двадцать восемь лет.

Барбара. Я этого не скрываю.

Нелл. Сплошная лесть!

Ньютон. Значит, у вас двадцать восемь, у мистера Роули — тридцать шесть. Ваша светлость достигла дееспособности, ну, скажем, к тысяча шестьсот пятьдесят второму году, то есть двадцать восемь лет тому назад. Следовательно, мои подсчеты верны.

Барбара. А что вы, собственно, разумеете под этой дееспособностью?

Ньютон. То, что число случаев, когда мистер Роули мог изменить вам, составляет десять тысяч двести двадцать плюс еще семь раз кладите на високосные годы. А вы утверждали, будто он изменял вам сто тысяч раз, претендуя на то, что вам уже около трех столетий. Поскольку это невозможно, вы, бесспорно, введены в заблуждение касательно миссис Гвин.

Нелл радостно аплодирует.

Барбара *(Ньютону)*. Вы что, смеетесь надо мной, сэр?

Ньютон. Цифры не способны смеяться: они бесчувственны.

В этом их великое достоинство и великий недостаток. *(Идет к дверям.)* А теперь разрешите мне проводить вашу светлость до кареты — или это один из ваших новомодных портшезов? А может, вашей светлости больше по вкусу, чтобы мистер Роули спустил вас с лестницы моего скромного жилища? У нас два пролета — всего двадцать четыре ступени.

Барбара. Я не покину ваш дом раньше этой фиглярки! *(Проходит мимо Карла и Нелл и усаживается на стуле мистера Ньютона.)*

Нелл. Вспомните, милейшая, что это все-таки дом мистера Ньютона, не ваш. Он как раз выдворял меня отсюда, когда вы ворвались. Я задержалась лишь для того, чтобы своими глазами увидеть одну из ваших истерик, про которые мне Роули столько рассказывал. Возможно, я изображу ее на сцене.

Барбара. И он еще смеет говорить с тобой обо мне?!

Нелл. А он мне обо всем рассказывает, милейшая, потому что знает, что я его пойму,— вам-то это не дано!

Барбара *(Карлу)*. Вы что же, так и будете стоять здесь и слушать, как эта нахалка меня оскорбляет?

Карл *(решительно)*. Барбара, я устал от ваших истерик. Я сделал вас герцогиней, а вы ведете себя как уличная девка. Я назначил вам содержание и выпроводил вас в Париж — вам здесь нечего делать. Что вы скажете обо всем этом, пастырь? Вы мудрее и старше всех нас, не так ли?

Фокс. Мне пятьдесят шесть. Но в житейских вопросах я настоящий ребенок.

Барбара *(презрительно, только сейчас замечая Фокса)*. Что понимает в женщинах этот субъект?

Фокс. Лишь то, чему меня научила женщина, обитающая в моей душе.

Нелл. Молодец, Кожаные штаны! А что вы думаете вот об этой госпоже, Джордж?

Фокс. Она все болтает о неверности. Между тем этот Роули никак не мог изменить ей, поскольку не клялся ей в верности. Одна только жена может обвинить его в измене.

Карл. Ошибаетесь, пастырь! Вы не знаете моей жены. Как раз ей я всегда сохранял преданность.

Нелл. Да, вы добры ко всем нам, но мы для вас ровно ничего не значим. *(Вздыхает.)* Ах, с какой охотой я поменялась бы с ней ролями!

Барбара *(Карлу)*. Когда вы наконец велите этой фиглярке молчать в моем присутствии?

Нелл. Право, это нечестно — то и дело упоминать о моем ремесле. Я ведь не считаю удобным говорить о вашем!

Герцогиня с яростным воплем срывается с места, готовая с кулаками кинуться на Нелл, но ее удерживает Фокс; он насильно опускает ее руки и швыряет ее обратно на стул.

Фокс *(строго)*. Ведите себя пристойно, герцогиня! В любой благонравной английской деревне вас бы усадили на позорный стул, дабы научить приличному поведению и сдержанности в речах. Надобно уметь властвовать собой...

Слышится звон церковного колокола, от которого Фокс приходит в возбуждение.

(Громовым голосом, совершенно позабыв про герцогиню.) Вы слышите?! Час настал! Я должен идти!

Фокс идет к дверям, но его останавливает Карл; отпустив Нелл, он захлопывает дверь и спиной загораживает Фоксу дорогу.

Карл. Стойте! Вы, кажется вздумали устроить скандал в церкви? Вас же бросят в тюрьму, и я не смогу вам помочь!

Фокс. Опять этот колокол! Он ударяет по мне! Да, час настал! Никакие земные монархи не удержат меня. Пропустите!!

Карл. Назад, мистер Фокс! Моя особа священна!

Ньютон. Но в чем дело?

Карл. Церковный колокол: он сводит его с ума. Пусть кто-нибудь пойдет и остановит звонаря. *(Колокол внезапно смолкает.)*

Фокс. Господь остановил его! *(В полном изнеможении опускается на колени и долго вздрагивает всем телом, как человек, оправляющийся от припадка.)*

Карл и Нелл помогают ему подняться, отводят его к столу и усаживают на стул.

(Карлу). Еще один удар, и я бы не поручился за вашу жизнь.

Барбара. Надобно уметь властвовать собой, пастырь! В лю-

бой благонравной английской деревне вас бы посадили в колодки, дабы научить приличному поведению.

Фокс. Знай, женщина! Я уже сидел в колодках и буду сидеть вновь! И все равно я буду разоблачать дом с островерхой крышей и наглый трезвон его колоколов.

Миссис Бэшем. Ну нет, мистер Фокс! Здесь подобные речи неуместны!

Фокс. Знайте: с той минуты, как вы разрешили рукотворному чудовищу, именуемому церковью, завладеть вашей душой, внутренний свет в ней уподобился гаснущей свече и на вас обрушился мрак и проклятие. Нет бóльших безбожников, чем священники. Я наставил на путь истинный многих неверующих, каковые были бы сожжены или повешены, не суди им господь попасть в мои руки. Но ни разу не пришлось мне обратить священника: его довод в споре не бог, а церковь. Всегда только церковь, церковь, церковь! Они жгут друг друга, эти священники, воздвигают гонения и совершают такие подлости, на какие не способен был бы ни один Друг божий.

Миссис Бэшем. Но это католические священники, мистер Фокс. Протестантские не такие!

Фокс. Все, все они одинаковы! Они — дьявольские ловчие. Они стоят между Человеком и его Творцом и наделяют себя божественной властью, тогда как нет у них никаких священных прав. Могу ли я молчать перед лицом подобного беззакония? Когда гудит колокол, возвещая, что какой-то ублюдок сейчас примется пустословить с кафедры, а другой, облачившись в рясу, карать за грехи или отпускать их людям, я слышу глас Всевышнего, приказующий мне: «Джордж Фокс! Джордж Фокс! Восстань, обличай, срывай маски с этих самозванцев! Стаскивай их с кафедр и алтарей и возвещай миру, что не священники вернут людей к богу, а лишь Друзья — Друзья божьи, Друзья людские, и да воцарятся повсюду дружелюбие и искренность, а суеверие и идолопоклонство сгинут навеки!»

Карл. Послушайте, пастырь, не каждому дано, вроде вас, изобретать себе собственную религию. Наличие готовой церкви представляет определенное удобство для большинства из нас. Внутренний свет должен найти себе выражение в музыке, в благородных линиях зданий, в красноречии — словом, в красоте; только так он откроется умам простых людей. Конечно, священники по большей части полные тупицы, но с помощью обрядов и переодс-

вания они в глазах невежд сходят за святых. На свете имеются великие тайны, которые неизбежно обретают для нас значение символов, ибо мы только ощущаем их, но не можем постичь, ведь даже мистер Ньютон со всеми своими формулами и то не смог выяснить их природы. Это побуждает меня вспомнить, что мы непозволительным образом отнимаем время у хозяина дома. Клянусь честью, мистер Ньютон, я абсолютно неповинен в этом женском нашествии. Я сейчас уведу их и появлюсь в какой-нибудь более удачный момент. Пошли, дамы! Предоставим мистера Ньютона его формулам. *(Собирается идти к двери. Барбара встает, чтобы ему сопутствовать.)*

Ньютон *(останавливает его)*. Я должен исправить это недоразумение, сэр. Я не хочу, чтобы у вас возникло впечатление, будто я настолько чужд гостеприимству, что готов спровадить гостей, движимый одним желанием погрузиться в свои пустые, ни к чему не ведущие вычисления. Но дело в том, что я собирался посвятить нынешнее утро более важной работе. Я сейчас занимаюсь изучением пророчеств, изложенных в Книге Даниила. *(Указывает на Библию.)* Это может оказаться крайне важным для человечества. Позвольте же мне продолжить свои труды в необходимом уединении. Я не зря потратил время на беседу с этими дамами. Мне следует благодарить ее светлость герцогиню Кливлендскую за некоторое представление об Апокалипсисе, подсказанное ее поведением. Но сейчас мне нужно уединение — уединение, не нарушаемое даже милым вторжением дам. А посему я вынужден просить вас удалиться.

Салли, уже одетая в свое праздничное платье, широко распахивает дверь из прихожей и торжественно возглашает: «Ее светлость герцогиня Портсмутская!»
На пороге появляется Луиза де Керуаль, тридцатилетняя француженка, еще сохранившая свое прославленное детское очарование.

Ньютон *(уже вне себя)*. Еще одна женщина! Уведите ее! Уведите их всех! *(Опускается на свой стул у стола и закрывает лицо руками.)*

Карл. Луиза, не в ваших правилах преследовать меня! Мы сами здесь незваные гости.

Луиза *(подходит к нему)*. Преследовать вас?! Но я и сама страшно удивлена тем, что застала вас здесь. Ах, тут

и Нелл?! И ее светлость герцогиня Кливлендская, прибывшая из Парижа?! Что все вы здесь делаете? Я пришла за советом к мистеру Ньютону, алхимику.

Ньютон выпрямляется и вперяет в нее взгляд.

У меня к нему личное дело, к нему — не к вам, chéri[1]. Я не знала, что у него прием посетителей.

Карл. Но мистер Ньютон вовсе не алхимик.

Луиза. Простите, но он алхимик!

Карл. Мистер Ньютон, вы алхимик?

Ньютон. Мои размышления над первичными элементами материи убедили меня в возможности трансформации металлов и всех прочих веществ. Это происходит ежедневно. Я слышал, мистер Роули, что в Уайтхолле у вас есть личная лаборатория, в которой вы пытаетесь сгустить ртуть.

Карл. Увы, безуспешно, мистер Ньютон! Я брошу это дело и примусь за поиски философского камня.

Фокс. Но занятия магией угрожают спасению вашей души. В Священном писании говорится: «Ворожеи не оставляй в живых». Неужели вы полагаете, что господу больше по сердцу маги и колдуны, чем ведьмы? Если вы не страшитесь божьего гнева и неподсудны людским законам, неужто вам просто не совестно верить таким бабьим сказкам, как превращение свинца в золото посредством философского камня?

Ньютон. Благодарю вас за заботливое предупреждение, пастырь Фокс. Только позвольте и мне предостеречь вас. Тот, кто усомнился в существовании философского камня, скоро обнаруживает, что сомневается в бессмертии души. А кончает он тем, что вообще ставит под вопрос ее наличие. Ко всему этому магия не имеет никакого отношения. Я так же уверен в этом, как в том, что мир был сотворен за четыре тысячи и четыре года до рождения нашего Спасителя.

Фокс. А какие у вас на то основания? В Библии нет ни слова про ваши четыре тысячи и четыре года. Там говорится, что мир был сотворен «в начале». Какое всеобъемлющее выражение: «в начале»! Вдумайтесь в это, если у вас есть фантазия! И из-за того, что какой-то болван в доме с островерхой крышей, облаченный в шутовской наряд и митру, смеет измерять дни Всевышнего своим ку-

[1] Дорогой *(франц.)*.

хонным колокольчиком, вы верите ему больше, чем божьему слову! Стыд и позор вам, Исаак Ньютон, за то, что вы поклоняетесь какому-то архиепископу! Нет на свете более доверчивых людей, чем философы.

Ньютон. Но архиепископ произвел подсчет лет! Моя хронология вселенной основана на его вычислениях. Значит, вы хотите сказать, что все мои труды, положенные на эту книгу, зряшная трата времени?

Фокс. Греховная!

Ньютон. Джордж Фокс, вы безбожник! Покиньте мой дом.

Фокс *(вставая)*. Ваша философия привела вас лишь к выводу, что Джордж Фокс – безбожник. Что ж, тем хуже для вашей философии! Господь не жалует тех, кто привержен разным подсчетам. Прочтите вторую Книгу Самуила, главу двадцать четвертую,– книга перед вами! Прощайте! Да благословит вас бог и да просветит он вашу душу! *(Поворачивается, чтобы идти.)*

Карл. Погодите, пастырь! *(Силой вновь усаживает Фокса на стул и, подойдя к Ньютону, кладет ему руку на плечо.)* Мистер Ньютон, нам троим нужно осторожнее употреблять слово «безбожник». Старина Том Гоббс, мой учитель, который был для меня тем, чем Аристотель был для Александра Великого, ходил в безбожниках. Вас самого, несмотря на весь ваш интерес к Книге Даниила, считают маловером,– ведь объясняя падение яблока с дерева одним лишь земным притяжением, вы ставите под вопрос проявление в том божьей воли. Даже я – глава Церкви и Заступник Веры – обретаюсь между вигами, подозревающими меня в папизме, и тори, подозревающими меня в атеизме. На сегодня правда, общая для всех нас троих, состоит в том, что простой народ, случись ему знать наш подлинный образ мыслей, вздернул бы нас на виселицу и зарыл в неосвященной земле. Нам надобно держаться купно, господа. Так ли уж для нас важно: четыре тысячи лет тому назад сотворен мир или, как я склонен думать, десять тысяч лет?

Ньютон. Чтоб мир просуществовал уже десять тысяч лет?! Нет, сэр, вы безумны!

Нелл *(в ужасе)*. Роули, голубчик, не надо говорить подобных вещей!

Барбара *(Нелл)*. Тебе-то какая забота? Он вечно оскорбляет бога и обманывает женщин. Само слово «религия» чуждо его пониманию. Он смеялся над ней во Франции. Ненавидел ее в Шотландии. А в Англии он вообще ни во что

не верит. Он ничего не любит. Ничего не боится, кроме разве необходимости снова пуститься в путь, как он это называет. Какая ему разница – десять тысяч лет вселенной или десять миллионов?

Фокс. Десять миллионов лет вне божьей воли? Но для господа это всего лишь мгновение. Четыре тысячи лет кажутся вечностью какой-нибудь майской мошке, или мышонку, или болвану в митре, зовущему себя архиепископом. А мы разве майские мошки? Или мыши? Или архиепископы?

Миссис Бэшем. За нынешнее утро, мистер Фокс, я в избытке наслушалась всяких богохульств. Но чтобы архиепископа называли болваном в митре и сравнивали с мышонком – это уж, знаете ли, выше моего терпения! Ни за что не поверю, что господь когда-нибудь простит вам это! Вы что же, не страшитесь преисподней?

Фокс. Удастся ли мне искоренить греховное идолопоклонство в этой стране? Чти бога своего, женщина, а не того, кто вырядился священником!

Миссис Бэшем. Да какой же идол архиепископ? Когда он совершает богослужение, он не подобен ни тому, что вверху, в небе, ни тому, что внизу, на земле. Боюсь, вы не сильны в катехизисе, мистер Фокс!

Карл *(хохочет)*. Превосходно, миссис Бэшем! Слушайте, пастырь, она ведь сразила вас второй заповедью. Вдобавок она посрамила всех нас тем, что мы спорим о вещах, недоступных нашему пониманию. Кстати, о чем мы говорили, когда начался этот спор? Я начисто позабыл!

Луиза. По-моему, о моем деле к мистеру Ньютону. Нелл, уведите отсюда нашего монарха и дайте мне наедине побеседовать с алхимиком.

Карл. Мистер Ньютон, я ни за какие блага на свете не стал бы лишать вас возможности побыть наедине с ее светлостью герцогиней Портсмутской. Надеюсь, пастырь, вы последуете за нами. Иди с пастырем, Нелл. Но сперва я должен спустить с лестницы герцогиню Кливлендскую. *(Приближается к ней.)*

Барбара *(вскрикивает и бежит к двери)*. Подлец! Помогите! Убивают! *(Выскакивает из комнаты.)*

Карл. Мое почтение, миссис Бэшем.

Миссис Бэшем приседает перед Карлом. Тот приветствует ее и уходит.

Нелл *(делая знак Фоксу)*. Пошли, Кожаные штаны!

Фокс *(встает и направляется к двери)*. Что ж, кто бы вы ни были, вы господнее творение. Я обязан быть вам другом.

Нелл *(берет его под руку, когда он подходит к ней)*. Я горда вашей дружбой, Джордж! *(Под руку выходят из комнаты.)*

Луиза, являясь теперь самой знатной из присутствующих, провожает их до того места, где стоит кресло, и усаживается в него с редким изяществом.

Луиза *(к миссис Бэшем)*. Могу я некоторое время побыть вдвоем с алхимиком, сударыня?

Ньютон. Ни в коем случае, ваша светлость! Я не хочу, чтобы мистер Локк и его друзья обвинили меня в сношениях с женщинами. Если ваше дело таково, что его нельзя излагать в присутствии миссис Бэшем, его нельзя излагать и мне. И пожалуйста, не называйте меня алхимиком, оставьте это для разговора с аптекарем или трубочистом! По профессии — если это можно назвать профессией — я философ.

Луиза. Прошу прощения, я ведь не очень знакома с вашими британскими нравами. Мне, например, кажется странным, что философ нуждается в дуэнье. Во Франции в ней нуждалась бы как раз я.

Ньютон. Вы можете довериться и мне и миссис Бэшем, сударыня. Так в чем же состоит ваше дело?

Луиза. Мне нужно приворотное зелье.

Ньютон. Что?!

Луиза. Приворотное зелье. Снадобье, которое можно было бы подсыпать моему любовнику и тем сохранить пылкость его чувства. И запомните: оно должно привораживать его ко мне, а не к кому попало! Сейчас он до того влюбчив, что готов пойти за любой встречной красоткой. Я не буду скрывать, кто он, — это известно всему свету. И еще: приворотное зелье должно быть абсолютно безвредным, ведь если мы с вами отравим короля, нас казнят самым зверским образом. Зелье должно быть полезным для его здоровья.

Ньютон. И действовать только в ваших интересах? Никак не в интересах миссис Гвин?

Луиза. Я не возражаю против Нелл: она добрая душа и большая помощница в случае какой-нибудь напасти или болезни. Он подобрал ее в сточной канаве, но ведь господь бог частенько роняет туда алмазы; моя нянюшка, простая крестьянка, была благороднее тысячи герцо-

гинь. Нет, Нелл пусть при нем остается: мужчинам полезно некоторое разнообразие.

Миссис Бэшем *(в полном ужасе)*. Господи помилуй! Нет, мистер Ньютон, я пойду! Я не в силах здесь находиться и выслушивать речи этой французской дамы. *(С достоинством выплывает из комнаты.)*

Луиза. Я никогда не могу предвидеть, на что вздумают обидеться англичанки. В иных случаях они бывают так грубы! Могу я здесь остаться после ухода вашей дуэньи?

Ньютон. Но вы и сами решите удалиться, узнав, что я не составляю любовных напитков. Попросите соседнего аптекаря приготовить вам какое-нибудь возбуждающее средство.

Луиза. Могу ли я довериться обычному аптекарю: завтра об этом будет трезвонить вся столица! А вас никто ни в чем не заподозрит. Я заплачу любую цену!

Ньютон. Повторяю, сударыня, я ничего не смыслю в подобных вещах! Если бы я – боже избави! – пожелал вдруг влюбить вас в себя, я не знал бы, как взяться за дело. Вероятней всего, я бы стал учиться игре на каком-нибудь музыкальном инструменте или же купил бы новый парик.

Луиза. Но вы же алхимик, вы не можете не знать!..

Ньютон. Значит, я не алхимик. Впрочем, превращение массы в свет и света в массу в самой природе вещей, ведь природа подвержена трансмутациям.

Луиза. Ничего не понимаю. Что это за трансмутации?

Ньютон. Неважно, сударыня. У меня есть дела поважнее составления приворотного зелья для королевских любовниц.

Луиза *(иронически)*. Ну да, развлекать герцогиню Кливленскую и миссис Гвин и нанимать им на потеху безумного проповедника. Какое же у вас такое более важное дело, чем мое?

Ньютон. Да много есть разного. К примеру, установить точное расстояние между землей и солнцем.

Луиза. Пустая трата времени! Кому это важно, в двадцати милях от нас солнце или в двадцати пяти?

Ньютон. В каких двадцати пяти!.. Да оно в миллионах и миллионах миль от нас!..

Луиза. О господи! Нет, мсье Ньютон, вы безумны! На таком расстоянии вы бы просто его не увидели. Не ощутили бы его тепла. Конечно, вы здесь не можете видеть его так часто и отчетливо, как мы во Франции, однако порой оно светит и у вас. И вы можете ощутить его тепло. Оно

темнит вашу кожу и покрывает лицо веснушками, если вы белокуры. А потом набегает облачко, и вы вздрагиваете от холода. Разве все это было бы возможно, если б солнце находилось от нас в тысяче миль?

Ньютон. Оно очень, очень большое, сударыня. Оно в миллион триста тысяч раз тяжелее земли.

Луиза. Но добрейший мсье Ньютон, выбросьте из головы все эти безумные фантазии! *(Указывает в окно.)* Ну взгляните на него. Видите? Оно же много меньше земли. Стоит мне поднести к глазу монетку в одно су — у вас она зовется полупенсом, — и монетка закрывает солнце — солнца больше нету! Позвольте мне кое-что объяснить вам, мсье Ньютон. Меня учил этому великий французский мыслитель Блез Паскаль. Не давайте воли фантазии! Когда ваша голова занята огромными числами — сотнями миллионов и прочим таким, — вам необходимо постоянно возвращаться мыслью на землю, иначе вы потеряете рассудок. Нужно оглядываться вокруг, ощупывать, измерять!

Ньютон. Очень верно замечено, сударыня. Главное — измерять! И когда вы станете это делать, вы обнаружите, что иные предметы на деле больше, чем нам представляются. То же самое происходит и с солнцем.

Луиза *(встает и приближается к Ньютону, желая его задобрить)*. Нет, вы просто несносны! Изготовите вы мне приворотное зелье или нет?!

Ньютон. Я напишу вам рецепт, сударыня. *(Берет лист бумаги и пишет рецепт. Луиза старается прочесть, что он пишет.)*

Луиза. Aqua? Но это же просто вода, мсье!

Ньютон. Вода. Но за ней следует кабалистический знак, сударыня.

Луиза. О, parfaitement[1]! А вот это длинное магическое слово, что оно означает? Мее-ка-па-нис. Что это?

Ньютон. Мейкапенис, сударыня. Сильнодействующий животворный элемент.

Луиза. Название прекрасное. А он безвредный?

Ньютон. Безвреднейший на свете, сударыня, и повсеместно ценимый.

Луиза. Вы поистине великий человек, мсье Ньютон, даже при всех своих разговорах про миллионы миль от земли до солнца. Ну, а что скрыто под последним словом?

---

[1] Чудесно *(франц.)*.

Ньютон. Только сахар, дабы подсластить мейкапенис, однако с кабалистическим знаком. Вот вам ваше приворотное зелье, сударыня. Но это не микстура; аптекарь изготовит вам его в виде пилюль.

Луиза *(берет бумажку и прячет ее на груди)*. И прекрасно! Это даже лучше, в сто раз лучше! Мужчин гораздо легче заставить глотать пилюли, нежели пить микстуру. А теперь еще вот что. Вы должны мне поклясться, что не дадите этот рецепт ни одной придворной даме. Он только для меня!

Ньютон. Клянусь честью, сударыня.

Луиза. Честью клянутся дворяне. А вы, мсье, буржуа. Вам следует поклясться на Библии.

Ньютон. Я хозяин своему слову, сударыня. А Библию нельзя припутывать ко всяким магическим делам с мейкапенисом.

Луиза. Черная магия, не так ли? Но не будем об этом.

Ньютон. Ни черная, ни белая, сударыня. Скажем, серая. Но поверьте, это средство абсолютно безвредно.

Луиза. И прекрасно! А теперь мне надобно вознаградить вас за труды. Сколько с меня за эти пилюли?

Ньютон. Приберегите свои деньги для аптекаря, сударыня. Ему будет предостаточно и пяти шиллингов. А я вполне доволен тем глубоко научным советом, который я получил через вас от вашего друга Блеза Паскаля. Его учение предвосхитил англичанин по имени Бэкон, хотя он и не был математиком. Вы мне не должны ни пенса.

Луиза. А могу я дать одну из моих блестящих новеньких гиней той особе, оскорбленной моими речами, если я встречу ее на лестнице?

Ньютон. Нет. Я полагаю, она не возьмет.

Луиза. Как вы плохо знаете людей, мсье! От золотой гинеи не откажется никто.

Ньютон. Что ж, испробуйте это на опыте, сударыня. Таков был бы совет вашего друга Паскаля. *(Идет к двери и распахивает ее перед герцогиней.)*

Луиза. Пожалуй, надо предложить две гинеи! От двух гиней она ни за что не откажется.

Ньютон *(кричит в дверь)*, Салли!

Луиза *(награждая его любезным кивком)*. Мсье!..

Ньютон. Желаю вашей светлости всего наилучшего.

Салли *(появляясь в дверях)*. Что прикажете, сэр?

Ньютон. Проводи ее светлость герцогиню Портсмутскую до ее портшеза или что там дожидается у крыльца?

Луиза. Au plaisir de vous revoir, monsieur le philosophe![1]

Покидает комнату; когда она проходит мимо Салли, та неуклюже приседает в реверансе, а потом провожает Луизу; Ньютон остается в одиночестве.

Ньютон *(с великим облегчением)*. Уф!

Он возвращается на свое место у стола с Библией и, найдя с помощью закладки нужное место, открывает ее на одной из последних глав Книги пророчеств Даниила и усаживается, подперев голову руками.

Тысяча двести девяносто дней. А в следующем стихе уже стоит тысяча триста тридцать пять дней. Пять месяцев разницы! И кто эта дочь южного царя? Кто сам этот южный царь? Кто тот, против него восставший? Или тот презренный, что лестью завладеет царством? А Михаил? Кто был этот Михаил? *(С минуту размышляет над текстом, потом вдруг хватает лист бумаги и начинает лихорадочно что-то записывать).*

Салли *(широко распахивает дверь и, сияя от радости, произносит)*. Их королевское высочество герцог Йоркский!..

В комнату стремительно врывается герцог Йоркский, позднее король Яков Второй.

Герцог Йоркский *(повелительно)*. Где его величество?

Ньютон *(вскакивает в неистовстве)*. Сэр, я не знаю и знать не хочу, где его величество! Это мой дом, и я требую, чтобы меня оставили в покое! Я занят изысканиями священной важности, и мне требуется для этого уединение. Вы слышите, сэр, уединение!

Герцог Йоркский. Сэр, я – герцог Йоркский, брат короля!

Ньютон. А я – Исаак Ньютон, философ! Я тоже британец, и мой дом – моя крепость. По крайней мере, таковым он был до сегодняшнего утра, когда ко мне без приглашения пожаловал весь двор. Или вам некуда ходить – не хватает дворцовых приемов и раутов? Так что покиньте мое жилище!

Герцог Йоркский. А, я вас знаю. Вы последователь этого заклятого еретика, Галилея!

Ньютон. Поосторожнее, сэр! Я не допущу, чтобы великого

[1] Рада буду снова вас повидать, мсье философ! *(франц.)*.

Галилея называли в моем доме еретиком, и кто? — тупоумный папист, будь он хоть сто раз принц! Да в сапогах у Галилея больше мозга, чем у вас во всем теле!

Герцог Йоркский. Значит, по-вашему, его сапоги умнее всей католической церкви? Умнее папы и всех кардиналов, образованнейших людей своего времени? Или, может, у вас в голове больше учености, чем во всех библиотеках Ватикана?

Ньютон. В англиканской церкви нет ни пап, ни кардиналов. Лишь глупец стал бы натравливать суеверных идолопоклонников на Королевское общество, учрежденное вашим монаршим братом в целях развития британской науки.

Герцог Йоркский. Сборище подлых еретиков! Я сумею с ними разделаться!

Ньютон *(в ярости вскакивает с места и с угрозой смотрит на него)*. Если вы сейчас же не покинете мой дом, я вышвырну вас в окошко!

Герцог Йоркский. Ишь ты каков! Только попробуй, подлый грамотей!

Они бросаются друг на друга и, сцепившись, падают на пол; Ньютон оказывается сверху. В эту минуту в комнату входит Карл.

Карл. Черт возьми, в чем дело, мистер Ньютон? У вас что — кулачный бой?

Ньютон мгновенно скатывается с герцога. Оба противника продолжают сидеть на полу, уставившись на Карла.

Какого дьявола ты здесь очутился, Джейми? Почему ты не в Голландии?

Герцог Йоркский. Я там, куда меня швырнул ваш друг и протеже, этот философствующий еретик Ньютон!

Карл. Вставай, дружище, перестань дурачиться! Мистер Ньютон, мое дружеское отношение к вам еще не дает вам права сбивать с ног моего брата. Рукоприкладство по отношению к коронованным особам — тяжелое преступление.

Ньютон. Сэр, в мои намерения не входило сбивать с ног вашего августейшего брата. Он просто упал на пол и поволок меня за собой. Если я что и замышлял, то всего лишь вышвырнуть его в окно.

Карл. Но ведь он мог выйти в дверь, мистер Ньютон.

Ньютон. Мог, но не пожелал, несмотря на мои настоя-

тельные просьбы. Он сидел здесь и осыпал оскорблениями бессмертного Галилея, коему он не достоин расшнуровать башмак. *(Поднимается и с чувством собственного достоинства смотрит на короля.)*

Карл. А ну, вставай, Джейми, нечего сидеть на полу и скалиться как обезьяна. Вставай, тебе говорят!

Герцог Йоркский *(вставая с пола)*. Видите, что получается из визитов к разным плебеям. Они начинают забываться и нахальничают. Вы потакаете еретикам! Я этого не делаю.

Карл. Мистер Ньютон, мы ваши гости и поэтому зависим от вас. Не позволите ли вы нам с братом побеседовать немножко наедине?

Ньютон. Мой дом в вашем распоряжении, сэр. Я убежденный сторонник «Билля об исключении», ибо надеюсь со временем доказать, что католическая церковь есть не что иное, как небольшой рог четвертого зверя, упомянутого пророком Даниилом. Но великий день гнева еще не настал. И ваш брат может пока находиться здесь, сколько вам будет угодно.

Ньютон покидает комнату. Карл придвигает себе кресло и садится. Тогда герцог Йоркский занимает место Ньютона у стола.

Герцог Йоркский. Этот тип — сумасшедший. Он назвал меня тупоумным папистом. Видите, что получается, когда потакают протестантам! Будь у вас хоть капля мужества, вы бы отправили большинство из них на костер.

Карл. Меня интересует одно: почему ты здесь, когда должен быть в Голландии? Я всеми силами пытаюсь не допустить принятия «Билля об исключении», чтобы сохранить за тобой право наследовать мне. Я послал тебя в Голландию, надеясь, что свою способность вызывать у людей антипатию ты будешь проявлять там, а не здесь. В Лондоне твоя жизнь в опасности. Тебе не для чего было возвращаться. Зачем ты появился?

Герцог Йоркский. Брат, я наследный принц!

Карл. Да, я знаю это, помоги тебе бог!

Герцог Йоркский. Наш родитель потому и взошел на эшафот, что старался ладить с республиканцами, атеистами, протестантами и левеллерами. Чего же он этим достиг? Топора и плахи! Я не желаю разделить его участь и потому не стану повторять его ошибку. Я католик и буду мил лишь с католиками, как бы это ни вреди-

ло моей популярности. Когда я получу корону — а я получу ее по праву, не с соизволения протестантской шайки, засевшей в парламенте,— я уж добьюсь возрождения церкви и монархии. Да-да, монархии, Карл, ведь сейчас это никакая не монархия и вы никакой не король, как бы ловко вы ни крутились между тори и вигами! А все потому, что у вас нет ни веры, ни убеждений. Вы ни во что не верите, а человек, который ни во что не верит, всего боится. Вы жалкий трус, Карл! А я нет! Когда я восседу на престол, я буду править всерьез: эти голубчики узнают у меня, что такое монаршья власть, дарованная богом! Они у меня живо прикусят языки! Скоро вся Европа увидит, как они обратятся в прах, точно мошкара в пламени свечи!

Карл. Поверь, Джейми, это просто смешно! У тебя хватает ума понять, что монархия себя изжила и я держусь одной лишь ловкостью, и при этом ты, как дурак, веришь, будто стоит тебе стукнуть кулаком, и ты возродишь прежнюю власть. Порой я спрашиваю себя, не милосердней ли с моей стороны будет поддержать «Билль об исключении» и тем спасти тебя от участи твоего отца. Не пройдет и пяти лет, как они отрубят тебе голову — ты не успеешь даже впрыгнуть в какую-нибудь рыбацкую лодку и отплыть во Францию.

Герцог Йоркский. А сами они останутся без короля, да? Как бы не так! Пожили они с генералами старого Нола! Нол умел править страной — этого у него не отнять, и я признателен ему за урок. Но когда он умер, им пришлось послать за нами. Едва они припугнут вас, как вы уступаете и говорите, что не намерены вновь пускаться в путешествие. Но если они вздумают припугнуть меня, я, ей-богу, тут же пригрожу им, что сбегу за границу и оставлю их без монарха. Только так и можно поставить их на колени.

Карл. Тебе не удастся оставить их без монарха. Протестантские короли — а точнее, Стюарты — нынче в Европе по шесть пенсов за штуку. Этот голландец через жену тоже приходится внуком нашему деду. Ведь твоя дочь Мария замужем за ним. И курфюрст Ганноверский состоит в дальном родстве с нашим дедом, королем Яковом. Оба они ярые протестанты и крепкие вояки, одержимые одним желанием — воевать с французами. Кроме Марии, есть еще ее сестрица, Анна,— англичанка до мозга костей. Для протестантов твое божественное право — пу-

стой звук; они сами сделают свой выбор и, если понадобится, пошлют за тобой точно так же, как послали за мной.

Герцог Йоркский. Ну да, при условии, что вы сами так же смотрите на вещи и позволяете им делать то же. Вы, Карл, не чувствуете себя королем, вот в чем беда! Пока они терпят ваших баб и гончих, вашу музыку, живопись и химическую лабораторию, вы даете им полную волю. Вы веселый монарх, вот вы кто!

Карл. Что ж, это новая разновидность монархов.

Герцог Йоркский. Чушь! Веселый монарх это уже не монарх.

Карл. И все же: я должен выпроводить тебя в Шотландию. Тебе нельзя появляться здесь, пока я как-нибудь не уговорю парламент отложить принятие «Билля об исключении». И запомни еще: тебе надо подыскать для Анны мужа-протестанта.

Герцог Йоркский. Вы делаете вид, будто отсылаете меня, чтобы я, католик, не нажил себе лишних врагов. На деле вы просто завидуете моей популярности!

Карл. Брось, Джейми, в этой игре ты мне не соперник! Я умею нравиться: старик Ньюкасл привил мне это еще в детстве. А жизнь в Гааге на двести сорок фунтов в год завершила мое светское воспитание. У тебя, Джейми, скверный нрав, как у всякого фанатика. Люди других, чуждых тебе убеждений пойдут за тобой лишь в том случае, если ты выйдешь на улицу с криком «Долой папистов!». Но ведь ты скорее умрешь, чем поступишь подобным образом, так ведь?

Герцог Йоркский. Разумеется, и, надеюсь, вы сделаете то же. Обещайте мне, брат, что вы умрете католиком!

Карл. Я уж постараюсь не умереть членом какой-нибудь новомодной секты вроде англиканской, чтобы, чего доброго, не лишиться места в Вестминстерском аббатстве в дни твоего правления. Ведь убеждения, пожалуй, побудят тебя выбросить мое тело собакам. А пока, хоть ты и уверен в своей популярности, тебе стоит отправиться в Шотландию и там наслаждаться ею.

Герцог Йоркский. Я повсеместно популярен; этого вы как раз и не понимаете, потому что вы не военный, а я военный. На Британских островах, Карл, ничто так не уважается, как флот, и нет человека, популярнее адмирала, одержавшего большую морскую победу. Это сделал

я, не вы. И это всегда будет в глазах британского народа моим преимуществом перед вами.

Карл. Бесспорно. Только ведь не британский народ распоряжается королевской короной. Она в руках этих окаянных помещиков-вигов, разбогатевших на ограблении церкви; это они обезглавили нашего отца, захватили корону и все прочее. Им столько же дела до твоей морской победы, сколько до пучка крапивы. Они бы и на флот денег не давали, кабы мы впрямую величали это морской податью и им было б известно, на что пойдут деньги.

Герцог Йоркский. Ничего, у меня они раскошелятся! Я не буду, подобно вам, марионеткой в их руках. Неужели вы полагаете, что я соглашусь жить на подачки французского короля, чей горький хлеб нам приходилось есть в детстве и по чьей вине наша матушка сидела без топлива холодной зимой! А все потому, что свора бунтарей не хочет выделить часть своей добычи на покрытие расходов по управлению ими. Коли вы не сумели преподать ей урок, это сделаю я!

Карл. Тебе, как и мне, Джейми, придется брать деньги где удастся. Французские деньги ничем не хуже английских. Король Людовик не имеет от меня большой поживы, я за этим слежу.

Герцог Йоркский. Значит, вы его обманываете! Возможно ли так унижаться?

Карл. Приходится. Ничего не поделаешь! Чтобы быть таким королем, каким ты хотел бы меня видеть, надобно иметь армию старого Нола, а парламент принимает против этого все меры. Даже в личной охране мне стараются отказать.

Герцог Йоркский. То, что удалось старому Нолу, под силу и мне! И вам было бы под силу, если бы доставало отваги! У меня тоже будет войско!

Карл. Из протестантов?

Герцог Йоркский. Офицеров назначим из католиков. А рядовые будут ходить у них по струнке.

Карл. А из чего ты будешь платить им жалованье? За старым-то Нолом стояло денежное Сити.

Герцог Йоркский. Я поручу армии сбор налогов. Как с этим справляется король Людовик? Он содержит самую большую армию в Европе и еще вас впридачу. А про парламент он и думать забыл. Своих протестантов он переселил из Франции в Спиталфилдз. А я их выгоню из Спиталфилдза.

Карл. Куда?

Герцог Йоркский. К чертовой матери! Или в Америку, на плантации, если их это больше устраивает!

Карл. Значит, ты задумал стать английским Людовиком, британским «королем-солнцем»? Но ведь наш климат с его туманами не пригоден для сияния таких светил, Джейми!

Герцог Йоркский. Это вам так кажется, Карл. Британский климат здесь ни при чем. Что, по-вашему, дает Людовику силу для подобных дел? Климат Католической Церкви! Ему опорой скала святого Петра, вот он и обретает крепость скалы.

Карл. Твой зять, этот голландский Билли, ничуть его не боится. А ведь дом Билли не стоит на скале; он построен даже не на песке, а на трясине у берегов Северного моря. Ты присматривай за Оранским, Джейми!

Герцог Йоркский. Я буду присматривать за вашим протестантским байстрюком Монмаутом! Чего вы так цацкаетесь с этим никчемным малым? Или вы не знаете, что он только и ждет вашей смерти, чтобы попытаться захватить трон, пока народ возбужден против меня этими подлыми слухами о папистском заговоре?

Карл. Это он-то ждет моей смерти?! Глупости! Поверь мне, он не рвется к власти. Я его нисколько не идеализирую. И все-таки он не бессердечен.

Герцог Йоркский. Вздор! Он будет душой любого заговора, готовящего мою или вашу погибель!

Карл. Он слишком бездуховен, Джейми, чтобы быть душой какого-либо предприятия.

Герцог Йоркский. Тогда он будет его кулаком! Я прощаю ему, что он хочет покончить со мной: я ему не друг. Но интриговать против вас, своего отца, который баловал его, и портил, и прощал ему измену за изменой!.. Этого я ему не забуду, и он в том убедится, если когда-нибудь попадет ко мне в руки.

Карл. Ты посеял в моей душе мучительные опасения, Джейми. Мне казалось, что мальчик изрядно злоупотреблял моей привязанностью, покуда совсем ее не утратил; однако у меня и сегодня болит за него сердце. Дай бог, чтоб он не попал к тебе в руки – вот все, что я могу сказать! Авессалом, сын мой, сын мой!

Герцог Йоркский. Я очень сожалею, брат, но так уж получается, когда воспитываешь своих байстрюков в протестантской вере да еще жалуешь им герцогский титул!

Карл. Я хочу открыть тебе один секрет, Джейми. Королев-

ский секрет! Рыболов Петр знал не все! И Мартин Лютер тоже.

Герцог Йоркский. И вы тоже.

Карл. Конечно. Но я должен извлечь всевозможную пользу из собственного знания, а не из того, что знали Петр и Мартин. Словом, как бы там ни было, тебе следует сегодня же отбыть в Шотландию и оставаться там до тех пор, пока я не извещу тебя, что ты можешь без страха воротиться на родину.

Герцог Йоркский. Без страха?! О каком страхе вы говорите, мой друг? Если вы не смеете взглянуть в лицо своим протестантским бандитам, это еще не причина, чтоб и я бежал от них!

Карл. Ты только что витийствовал здесь о своей популярности. Да знаешь ли ты, кто сейчас самый популярный человек в Англии?

Герцог Йоркский. Наверное, Шефтсбери. Скажем так: он — протестантский герой, ну а Нелл — протестантская шлюха! Только знайте: стоит вам щелкнуть бичом, и этот Шефтсбери мигом откажется от своих идей. Почему, почему вы не щелкаете бичом?!

Карл. Меня тревожит не Шефтсбери!

Герцог Йоркский. Кто же?

Карл. Оутс.

Герцог Йоркский. Тит Оутс? Этот морской капеллан, низложенный за содомский грех? Вы боитесь его?

Карл. Да. Сейчас он самый популярный человек в королевстве. Он живет в моем дворце в Уайтхолле и получает в год четыреста фунтов содержания.

Герцог Йоркский. Вот как?!

Карл. И я, величаемый королем, не могу от него избавиться. Исаак Ньютон, хозяин дома, где мы с тобой находимся, может предложить тебе убраться вон и вышвырнуть тебя в окошко, если ты воспротивишься. А мой дом служит прибежищем самому закоренелому мерзавцу в Европе; этот подлец в батистовых нарукавниках марширует по улицам в сопровождении толпы, кричащей «Долой папистов!», и с низким вероломством истребляет лучшие католические семьи под предлогом какого-то папистского заговора, в который и дурак бы не поверил. Любой здравомыслящий человек, даже не вглядываясь, поймет, что перед ним ублюдок!

Герцог Йоркский. Прогоните его плетьми через весь город. Забейте его до смерти! Надо лишь бить посильней

да подольше. И тогда толпа, которая только что молилась на него, сбежится на этот спектакль и будет сопровождать хохотом его вопли.

Карл. Всему свое время, Джейми. Я собираю на него материал; твой Джефриз еще увидит, как мы беспощадно разделаемся с этим бандитом. А сейчас нам нельзя убирать Оутса: пожалуй, люди еще скажут, будто его умертвили католики, и совершенно озвереют. Они ведь сейчас обвиняют католиков и в пожаре Лондона, и в чуме! Сперва нам нужно покончить со слухами о папистском заговоре. Когда мы справимся с этим, да поможет бог Титу Оутсу! А пока отправляйся в Шотландию и упражняй свою плеть на спинах ковентаторов.

Герцог Йоркский. Что ж, наверно, придется уехать, раз в Англии управляет не король, а чернь! Но помните, брат, когда я воссяду на престол, этому безобразию придет конец! Вы сделали меня предметом своих шуток и говорите, что я ваше спасение: ведь никто не убьет вас из боязни получить меня в короли, но для меня это высший комплимент с вашей стороны! А черни, которую ваши протестантские республиканцы, пресвитерианцы и левеллеры величают английским народом, придется со временем выбирать между королем Яковом Вторым и королем Титом Оутсом. Но Яков и Церковь — единая истинная Церковь Божья — уж позаботятся о том, чтобы у народа не было другого выбора.

Карл. Английский народ в этом участвовать не будет. Нынешние левеллеры, Джейми, это лорды и богатые помещики, созданные Кромвелом, да еще городские толстосумы. Что бы там ни случилось, эти уж постараются, чтобы народ работал на них от зари до зари. И выбирать они станут не между тобой и Титом Оутсом, а между тобой и мужем Марии, твоим протестантским зятем.

Герцог Йоркский. Но ему, чтобы попасть сюда, придется пересечь море. А я в качестве Верховного адмирала Англии встречу его там и потоплю. На суше он воюет неважно, а на море и того хуже. Меня же еще никому не удавалось победить в морском бою.

Карл. Джейми, Джейми, ничто меня так не пугает, как твой глупый кураж и твоя доверчивость по отношению к Риму. Ты надеешься, что папа римский будет поддерживать тебя, потому что ты католик. Ты глубоко ошибаешься: в политике папа всегда за вигов, поскольку любой монарший двор — соперник Ватикана.

Герцог Йоркский. Неужели вы думаете, что, если бы Билли Оранский, этот вдохновитель европейской ереси, антипапист, как про него говорят, посмел пойти против меня, католического монарха, папа принял бы его сторону перед лицом всей Европы? Но это же чистый вздор! Или, по-вашему, Мария приняла бы от мужа корону, сорванную с головы ее отца? По словам Рочестера, вы король, который ни разу не сказал глупости и ни разу не совершил мудрого шага. А по-моему, вы сегодня весь день только и говорите что какие-то благоглупости, хотя вы большой умник, а точнее, слишком большой трус и никогда не посмеете выступить против своих помещиков. Кто они такие, скажем, во Франции? Лакеи, толпящиеся в Версале вокруг трона; ни один из них не смеет и глаз поднять на короля Людовика. Впрочем, во Франции правит настоящий король!

Карл. У него настоящая армия и настоящие генералы. И он взимает множество податей. Старому Нолу было проще, чем Людовику: он сам был генералом. И каким! Вспомним Престон, Данбар, Вустер: мы ничего не могли с ним поделать, хотя на нашей стороне было все – только не было его. С самого возвращения на родину я ищу человека ему под стать. Порой я начинаю сомневаться, что у Джека Черчилля есть вообще какие-нибудь военные способности!

Герцог Йоркский. Что?! У этого подбашмачника и болвана? Полагаю, вам известно, что он начал с того, что был на содержании у вашей Барбары?

Карл. А как же. Бедняга однажды чуть было не переломал себе все кости, выпрыгнув из окна Барбариной комнаты, когда я ненароком нагрянул туда и помешал ей обольщать его. Я всегда из-за этого испытывал к нему симпатию.

Герцог Йоркский. Он не остался в убытке. Она подарила ему за это пять тысяч фунтов.

Карл. Знаю, деньги-то пришлось выложить мне. Я был чертовски польщен, услышав про эту историю. Я и в мыслях не имел, что Барбара так высоко ценит мою веру в ее преданность, в которую, кстати сказать, я вовсе не верил. Бедняжка Барбара не могла и пяти минут пробыть вдвоем с красивым юношей без того, чтобы тут же не начать выяснять его мужские достоинства. Я сам подкинул ей Черчилля с целью улучшить ее настроение. Но особенно меня удивило в этой истории то, что Джек ку-

пил себе на эти деньги ежегодную ренту, а не промотал их, как сделал бы любой его сверстник. Это свидетельствовало об исключительности натуры. Может, он и подбашмачник – кто из женатых мужчин не таков? – но он не болван.

Герцог Йоркский. Посредственность. Заурядная посредственность. Эти Черчилли спокон веку голодранцы. А Джек, тот не образованней моего грума.

Карл. От латинской грамматики, как выяснилось, не много пользы на поле боя. В Испании Тюренн оценил Джека по достоинству, а ведь Тюренн считается лучшим французским генералом. Возможно, судьба твоей короны находится в руках Джека: к моменту моей смерти он будет столь же опытным солдатом, сколь Оливер был при Данбаре.

Герцог Йоркский. Ну и пусть. Я куплю его, если он будет чего-то стоить!

Карл. Или стоить будешь ты. У Джека потрясающий нюх на победителей.

Герцог Йоркский. И все-таки у него есть своя цена!

Карл. Она есть у каждого разумного человека, Джейми.

Герцог Йоркский. Не растрачивайте на меня свои остроты: соловья баснями не кормят. Если Джек способен учуять успех, ему лучше пойти за мной.

Карл. Сейчас в скачках участвуют только две лошади – протестанты и католики. Мне приходилось скакать одновременно на обеих.

Герцог Йоркский. То же пытался делать и наш родитель. Видите, чего он добился!

Карл. А видишь, чего добился я! Пусть немногого, а все-таки голова у меня на плечах. Для этого тоже надо не быть дураком. Наш отец, к несчастью, успел попробовать себя в роли убийцы, как величал его Нол. А у нас, Стюартов, это плохо получается. Нол всегда побивал нас в этом деле. Я ненавижу битвы, ненавижу кровь: я слишком много всего этого видел, чтобы возмечтать таким путем добиться славы. Я, как ты говоришь, не король. Для короля, какой тебе нужен, мне недостает честолюбия полководца и еще жестокости. Мне приходится управлять протестантами, которые так чудовищно жестоки, что я просто не в силах общаться с их судьями, совершенно чуждыми состраданию. Казнь за государственную измену до того ужасна, что ее мог измыслить только дьявол, и только нация, состоящая из дьяволов, способна присут-

ствовать при ее исполнении. Лишь однажды я позволил себе рискнуть короной: я сказал им «хватит!», когда они порубили в куски десятерых цареубийц,— я не мог больше это выдержать! Но им все было мало! Они вырыли из земли труп старого Нола и, пока не искрошили его, не прекратили своей жуткой потехи.

Герцог Йоркский. И поделом всем этим бунтарям! Будет уроком им и им подобным! А вам, брат, пора перестать быть неженкой! Послужили бы на море с мое — живо бы весь вздор из головы вылетел!

Карл. Значит, ты намерен попробовать силы в роли убийцы, не так ли?

Герцог Йоркский. Я поведу себя, как мне потребуется. Буду крушить врагов, если они меня к тому вынудят. И уж позабочусь, чтобы те, кто принудят меня к этому, умерли в муках.

Карл. Что ж, наверно, это будет по вкусу всякому сброду! Ты найдешь уйму добровольных помощников. Однако я на твоем месте не разжигал бы вновь костры Смитфилда. Твой любимчик Джефриз с превеликим удовольствием помог бы тебе в этом деле. Только ведь протестантам не нравится, когда их сжигают живьем.

Герцог Йоркский. Им придется с этим примириться, коли они оскорбляют нашего господа.

Карл. Слушай, убирайся в Шотландию! Ко всем чертям! Ты мне мерзок! Ступай!

Герцог Йоркский. Нам нельзя так расставаться, брат. Конечно, вы всегда защищали меня сколько могли. Мне не следовало говорить с вами об управлении государством и королевских прерогативах — вы ничего в этом не понимаете и не будете понимать. А я в этом понимаю. Я не раз давал себе зарок не заводить при вас речь о подобных вещах; в конце концов, мы братья, и я люблю вас, хотя вы беспрестанно унижаете меня перед этими протестантами. Не ваша вина, что вы лишены политических способностей и знания человеческой природы. Вам нечего обо мне беспокоиться! Завтра я отбуду в Шотландию. Но сегодняшнюю ночь я должен провести в Лондоне, и даже целая свора Оутсов не заставит меня отказаться от этого.

Карл. Вот как?! Единственно, что меня как-то с тобой примиряет, Джейми, это то, что в отношении женщин ты изменяешь своим принципам.

Герцог Йоркский. Вы заблуждаетесь. Я глубоко принци-

пиален во всем и, благодарение господу, добрый католик! Впрочем, я, как и все смертные, не безгрешен. Я сознаю это и несу свою эпитимью.

Карл. Женщины хуже всякой эпитимьи, какую способен наложить на тебя священник. Поживи-ка с Барбарой! Неделя с ней похуже месяца в аду. Но теперь я со всем этим покончил. Нелл — славная малютка, она очень меня забавляет. Луиза ведет мои дела во Франции. У нее образ мыслей и манеры француженки, и она всегда аристократична. Впрочем, теперь они для меня только друзья — милые нежные подружки! Они одни преданы своему стареющему монарху. Мне ведь пятьдесят, Джейми, пятьдесят, не забывай об этом! Женщины взяли меня в полон, когда мне минуло четырнадцать лет, то есть тридцать шесть лет тому назад. Неужели, по-твоему, я за все эти годы не узнал женщин, не понял природу того, что ты называешь любовью? Ты все еще занят любовными похождениями, а у меня их нет. Но как бы там ни было, я не упрекаю тебя. Я даже поздравляю тебя, если в тебе еще столько молодого задора, что ты способен проделать длинный путь из Голландии, чтобы провести ночь в Лондоне.

Входит миссис Бэшем, сильно взволнованная.

Миссис Бэшем. Вот что, мистер Роули, я больше не смогу принять никого из ваших знакомых! У меня ни ножей в достатке, ни тарелок, ни стаканов. И без того стулья пришлось занять у соседей. Ваш слуга, мистер Чифинч, говорит, что у кого будет к вам дело нынче утром, тот прямо сюда и заявится. Мистер Годфри Неллер, новоприбывший голландский живописец, уже устроился здесь со всем своим малярным скарбом, хоть я его изо всех сил не пускала,— на голоса ваших друзей пожаловал! Итого у нас сейчас в наличии: две леди, актерка, вы да ваш августейший братец и еще мистер Фокс с художником — это уже выходит семь; мистер Ньютон — восемь и я девятая! А мне ведь нечего вам предложить, кроме как полграфина хереса, что с пасхи остался, и куска пирога. Я отправила Салли в лавку, дала ей все деньги, какие мы за две недели проедаем, да только им этого и вполовину не хватит. Я подумала, они уходят, когда они внизто спустились! А тут француженка эта захотела в телескоп мистера Ньютона глянуть, а ревнивая та дама не пожелала уйти, пока француженка не уйдет, а актерка до

того любопытная – как сорока, и ведет себя так, словно она уже здесь квартирует! Вот они и остались! А мистер Ньютон все им объясняет, телескоп показывает, а лучше бы подумал, мне-то что с ними делать? Ну чем мне их кормить?!

Карл. А вы их не кормите, миссис Бэшем. Проголодаются и уйдут.

Миссис Бэшем. Упаси боже, я так не могу! Что они о нас подумают? Мистер Ньютон должен заботиться о своей репутации.

Карл. Это вам в наказание за то, что вы утром не пустили в дом моих милых спаниелей.

Миссис Бэшем. Так ведь их было двенадцать штук, сэр!

Карл. Двенадцать спаниелей куда более приятная компания, нежели двенадцать людей,– вы бы сами в этом убедились. Ну да ладно! Пусть Салли скажет всем лавочникам, что мистер Ньютон принимает у себя меня и моего брата. Отныне они будут зваться поставщиками его величества. Вы получите неограниченный кредит.

Герцог Йоркский. Не забудьте, что нынче пятница: постный день. Все, что мне нужно, это три или четыре сорта рыбы.

Миссис Бэшем. Нет уж, сэр! В этом доме вам придется довольствоваться протестантским обедом. Джек, торговец рыбой, уже ушел. Но он оставил нам добрый кусочек трески; это все, что вы получите, сэр.

Карл. Право, Джейми, нам лучше убраться отсюда и прихватить с собой всех остальных. Кажется, мы разорим любого, к кому пожалуем.

Герцог Йоркский. Чепуха! Есть о чем толковать – какие-то несколько фунтов стерлингов!

Карл. Я помню то время, когда они были для меня целым состоянием, и для тебя тоже. Вернемся-ка лучше в Ньюмаркет.

Миссис Бэшем. Нет, сэр, мистер Ньютон будет недоволен: он человек гостеприимный. Вы только не сердитесь, сэр, но у всех вас такой вид, что, сдается мне, простой здоровый обед вам не повредит, так что скушайте его разок в жизни. С вашего позволения, я уж пойду позабочусь о нем. Придется мне всех их выдворить из лаборатории и попросить посидеть здесь, покуда я там накрою на стол. *(Уходит.)*

Герцог Йоркский. «Добрый кусочек трески»! И это на девять-то персон!

Карл. «Не лакомство ль для короля?» Придется тебе, Джейми, всерьез попоститься, впервые в жизни!

Герцог Йоркский. Ложь! Я честно несу свою эпитимью!

Карл. А мне, как, наверно, и каждому, будет достаточно в этот час ломтя хлеба, куска сыра и бутылки эля!

Возвращаются все остальные, кроме миссис Бэшем, Барбары и Ньютона. Фокс идет впереди.

Фокс. Я приобрел восемь новых друзей. Только божья ли в том воля — не знаю! Очень уж они необычные! *(Занимает свое прежнее место; порядком растерян.)*

Нелл *(входя в комнату)*. Роули, голубчик, они просят меня прочесть монолог из «Императора индейцев». Но мне трудно читать без той одежды, в которой я играю! *(Подходит к герцогу Йоркскому.)* А что здесь делает мой Джейми?

Луиза *(берет стул у стены и ставит его справа от Карла, совсем рядом.)* Тогда прочитайте нам пролог. Вы лучше всего читаете прологи. *(Усаживается).*

Карл, Герцог Йоркский *(вместе)*. Да-да, пожалуйста, какой-нибудь пролог!

Теперь все сидят, кроме Нелл.

Нелл. Но пролог надо читать в мужских штанах.

Фокс *(вскакивает с места)*. Ну, знаете ли!.. Конец моему терпению, Элеонора Гвин! Я не желаю слушать прологов, которые женщина не может произносить иначе, как облачившись в мужские штаны. И учтите: если я возвышу голос против фиглярства — в балагане ли, в доме ли с островерхой крышей,— я без труда заглушу самого горластого из этих развратников и крикунов.

Карл. Послушайте, пастырь, миссис Гвин не относится ни к развратникам, ни к крикунам. Прославившие ее пьесы и прологи принадлежат перу великого драматурга своего времени, поэта-лауреата Джона Драйдена.

Фокс. Тем непростительней его грех, коль он принес в балаган таланты, дарованные ему для служения господу!

Карл. Уж не думаете ли вы, пастырь, что театр — это место, куда приходят два-три человека?

Нелл. Только не на мои спектакли, Роули, голубчик! Тут уж наверно бывает человек двести-триста.

Фокс *(в глубоком замешательстве опускается на свое место)*. Сэр, вы порождаете в моей душе беспокойство. Вы навязали мне в друзья эту актрису, а теперь хотите убе-

дить меня, будто театр не менее богоугодное место, чем молитвенный дом. Ваше общество, конечно, приятно мне, но оно беспокоит мой ум.

Карл. Успокоенный ум закосневает в бездействии, пастырь! Вот, послушайте! Сейчас я познакомлю вас с одним из лучших образцов поэзии мистера Драйдена.

Нелл. Да, Роули, голубчик, прочти нам твой любимый монолог из «Ауренгзеба».

Луиза. Да, пожалуйста! *(Ко всем присутствующим.)* Он прекрасно его читает. Он почти такой же хороший актер, как король Людовик, а с виду даже величавее.

Карл. Благодарствуйте, Луиза. Только в следующий раз не говорите «почти». Моя роль значительно труднее, чем у Людовика.

Герцог Йоркский. Прошу тишины! Его величество намерен валять дурака на потеху квакеру!

Карл. Дамы и господа, простите моего брата. Он потом тоже прочтет вам свой любимый отрывок, только первым начинает король. Итак, слушайте! *(Встает.)*

Все, кроме Фокса, тоже встают.

Не надо. Пусть моя публика сидит.

Все опять усаживаются.

(Читает нижеследующий пессимистический монолог из «Ауренгзеба».)

Гляжу на мир: кругом один обман;
А мы всё ищем, всё бредем в туман
И верим в завтра — светлый день добра —
Но завтра лжет нам так же, как вчера.
И хуже: милости суля, на деле
Отнимет все, чем прежде мы владели.
Никто не рвется прошлое вернуть.
Мы смело держим в будущее путь,
Мечтая получить в последний час
Все то, чем юность обделила нас.
Я ж, как алхимик, ждать уже устал
Златого счастья призрачный металл[1].

Нелл и Луиза восторженно аплодируют.

Карл. Ну, что вы об этом думаете, пастырь? *(Усаживается.)*

---

[1] Перевод Р. Померанцевой.

Фокс. Это вопль потерянной души из пропасти беспредельного отчаяния. Я в жизни не слыхал более страшного признания. У этого человека не было жизни. Я должен разыскать его и повести к свету, к правде.

Нелл. Успокойтесь Джордж! Это герой пьесы, который готовится к смерти. Он утешает себя мыслью, мол, «зелен виноград» – вот все! А что мне вам прочесть?

Герцог Йоркский. Что-нибудь старомодное. Прочти ему отрывок из Шекспира!

Нелл. А, это тот автор, про которого любят вспоминать наши старики! Кайнастон играл женщин в его пьесах. Я совсем его не знаю. Мы сейчас не можем его ставить. Для участия в его пьесах требуется не один первоклассный актер, а наши дамочки – вы не поверите, Джордж! – не согласны играть меньше чем за пятнадцать шиллингов в неделю.

Фокс *(опять вскакивает)*. Пятнадцать шиллингов в неделю какой-то комедиантке, тогда как служитель божий едва может прокормиться, подрабатывая каким-нибудь ремеслом! Такая развращенность навлечет на британцев божью кару. Карл Стюарт, ужель вы так мало печетесь о душе своей, что допускаете подобные вещи?

Карл. Вас бы не возмущали заработки этих бедняжек, если бы вы знали, как много денег требуется женщинам.

Фокс. О, в какой страшный мир я попал! Здесь что, добродетель в презрении или ее просто не ведают? *(В растерянности опускается на стул.)*

Герцог Йоркский. Вот как отвечает на это мистер Драйден. *(Декламирует сидя.)*

Что пользы в добродетели, когда
Известен риск и неизвестна мзда?
Мир создан так, чтоб преуспеть в нем мог
Сомнения не знающий порок.
Фемида не способна зло пресечь:
Доверилась весам, забыв свой меч.
Пусть медлит честность над добром чужим –
Оно пока достанется другим[1].

Фокс. Я не стану это оспаривать. Я слишком хорошо знаю, что это правда. Однако смотрите, как бы эти дерзкие нечестивцы не убили в вас надежду! Их дни сочтены, а внутренний свет – он вечен!

---

[1] Здесь и далее перевод А. Цыпенюк.

Герцог Йоркский. Мне защитой моя церковь, пастырь!

Луиза. Нелл, милочка, отвлеки этого господина от созерцания его внутреннего света. Прочитай нам что-нибудь!

Нелл. Да им вовсе не нужно мое чтение! Роули завел разговор о театре только для того, чтобы почитать самому. А потом была очередь его высочества герцога Йоркского.

Герцог Йоркский. Значит, мы, злосчастные принцы, не имеем права ни на что хорошее и должны отказывать себе в удовольствии, потому что мы — высочества? Наверно, продавая апельсины у Друри-Лейн, вы были счастливей и свободней, чем теперь — в качестве придворной дамы!

Фокс. Неужто вы продавали апельсины у Друри-Лейн?

Нелл. Так говорят. Зрителям нравится в это верить. Они любят меня за это. А я молчу.

Карл. Вот что! Прочти нам какой-нибудь монолог Сидры из «Императора индейцев». В этой роли честолюбивая продавщица апельсинов покорила зал.

Нелл. Ужасная роль! Мне приходится в ней часами стоять как статуе, пока другие разглагольствуют. Мистер Драйден и ведать не ведает, как это трудно. Послушайте, это самая длинная моя речь!

Что вижу я? Она наедине
С тем, кто в любви так пылко клялся мне?
Удар пришелся в цель, я сражена.
Изменник! Вот словам твоим цена!

Тут кто-то что-то говорит.

Карл.

Возлюбленная, речь твоя темна:
Кто этот лжец? И в чем его вина?

Нелл. «И в чем его вина?» — это реплика, после которой вступаю я.

Как хищный зверь, ты добр со мною был,
Правдив, как слезы льющий крокодил!
Ужель ты горд предательством своим
И славы ищешь подвигам таким?
Так пусть же слух разносится молвой,
Что предана любимая тобой!

Роули, голубчик, если вы будете смеяться надо мной, я перестану! Ах, если бы мистер Драйден и для меня на-

писал что-нибудь вроде тех замечательных стихов, какие он дал Монтезуме! Вот послушайте!

Как будто льдом сковало кровь во мне.
Так стынет сталь, кипевшая в огне.
Прощай, Альмира!

Фокс. Выходит, смертные люди, созданные господом по своему образцу, а не в подобие косноязычным обезьянам, берут золото за то, что несут со сцены подобный вздор, а другие раскошеливаются, чтобы их слушать, хотя сами не положат и пенни на тарелку в молитвенном доме, где к ним обращено Слово божье! О, в каком ужасном мире я живу! Нет, уж не в аду ли я?

Нелл. Придите же в себя, Джордж! Вам надлежит мне похлопать! Не буду больше вам читать! *(Берет у стены стул и усаживается справа от Луизы.)*

Карл. Он просто не понял, Нелл. Расскажи ему содержание пьесы и объясни, почему Монтезума произносит такие странные речи.

Нелл. Да разве я смогу, Роули, голубчик?! Я и понятия не имею, в чем там дело. Я знаю только свой текст, да еще поданную мне реплику. Все, что я могу сказать, это что Монтезума после этих слов падает мертвым.

Фокс. А вы не задумывались, почему? Да я бы сам рухнул замертво, когда б с моих уст слетели столь нелепые слова!

Герцог Йоркский. А чем же это хуже того бреда, какой несут проповедники на ваших сборищах?

Фокс. Не буду это оспаривать: проповедники еще опасней артистов. Я раньше об этом не думал. Опять вы смутили мой ум! Есть такой человек – Джереми Кольер, он клянется, что когда-нибудь напишет книгу о греховности и безнравственности английской сцены, и эта книга либо убьет театр, либо устыдит его и заставит держаться в рамках приличия. Впрочем, стихи, прочитанные Элеонорой Гвин, не греховны и не безнравственны, они просто нелепы и глупы!

Луиза. Тем меньше в них вреда, мсье. Они не предназначены для того, чтобы их принимали всерьез, и никто этого не делает. А вот ваши гугенотские ораторы притязают на вдохновение свыше и тем самым обманывают дураков. Хорошенькую жизнь они б нам устроили, если б захватили власть! Какое, скажите, удовольствие они бы оставили нам из тех, что делают нашу жизнь стоящей?

Фокс. Нет, не удовольствия делают нашу жизнь стоящей! Са-

ма жизнь делает стоящими наши удовольствия. Но есть ли на свете удовольствие, которое радостней безгреховной жизни?

Герцог Йоркский. Я посетил Женеву, что богохульно величается Божьим Градом и исповедует учение этого мерзкого француза Кальвина, который, благодарение господу, уже столетие пребывает в аду. И я могу засвидетельствовать, что он оставил несчастным тамошним горожанам всего одно-единственное удовольствие.

Карл. Какое же?

Герцог Йоркский. Страсть копить деньги.

Карл. Чертовски умно с его стороны! Уж это удовольствие так удовольствие, и оно доступно людям до гробовой доски.

Луиза. А меня оно как-то не привлекает.

Карл. Вы просто не испробовали его на опыте, Луиза. Вы деньги не копите, вы их тратите. Вы тратите вдесятеро больше Нелл, но можете ли вы сказать, что вы вдесятеро счастливей ее? Накопи вы вдесятеро больше нее, вы бы не остановились на этом и не искали себе других радостей.

Луиза. Если бы я хоть с неделю копила деньги, Карл, или просто помышляла об этом, вместо того, чтобы швырять деньги направо и налево, я б утратила все свое обаяние. Я стала бы просто занудой и очень бы подурнела. На моем лице читалась бы не красота, а только мысли. И вы с первым же попутным кораблем отправили бы меня обратно во Францию, как поступили с Барбарой.

Карл. Что с того? Я и так вам наскучу — я ведь некрасивый пожилой мужчина. А копить деньги вам бы никогда не надоело.

Нелл. Слава богу, у меня такая профессия, при которой можно зарабатывать деньги, не утрачивая привлекательности!

Луиза *(Карлу)*. Если вы верите в то, что говорите, почему сами не взялись копить деньги, вместо того чтобы волочиться за женщинами?

Карл. Потому что у меня есть другое, более увлекательное занятие.

Луиза. Я что-то этого не заметила, Карл. Какое же?

Карл. Управление государством.

Герцог Йоркский. В котором вы ничего не смыслите.

Карл. Подобно Луизе, ты просто не замечаешь, как я этим

занимаюсь. И все-таки я король Англии, и пока ещё голова у меня на плечах.

Нелл. Роули, голубчик, вам надо отстать от привычки без конца упоминать про голову короля Карла. Вы делаете это слишком часто!

Карл. Почему мы всё говорим про голову моего отца и никогда не вспомним про голову моей прабабки? Она, по общему убеждению, была красивая женщина, однако протестанты обезглавили ее вопреки воле Елизаветы. Они обезглавили Страфорда вопреки воле моего отца. А потом обезглавили его самого. Я нисколько не похож на своего отца, но у меня много общего с моим знаменитым дедом, Генрихом Четвертым, королем Франции. Он погиб от протестантского кинжала: его убийца был из числа самых беспощадных протестантов – протестантов католических. Таковы уж парадоксы жизни! Католики сожгли руку этого несчастного с зажатым в ней кинжалом, а потом самого его привязали к хвостам лошадей и разорвали на части. А Генрих все равно лежал в могиле. Протестанты расправятся с тобой, Джейми, помяни мое слово, уж они-то подлинные убийцы! Только меня им не достать. Я умру в своей постели и притом – вопреки их желанию – королем Англии.

Фокс. Но разве это умение управлять? Это интриганство. Протестантизм опроверг себя: он победил католическую церковь и тут же по соседству воздвиг себе другой храм и поставил вас во главе его, хотя вы, как я теперь вижу, достаточно умны, чтобы вообще не признавать никакой церкви. И вы правы: церковь – это ловушка дьявола. Но почему не уверовать во внутренний свет, который убережет вас от всех церквей? Не надо быть ни католиком, ни протестантом, ни тори, ни вигом; вышвырните свою корону в канаву и отныне зовитесь просто Другом, а все остальное приложится.

Все, кроме Карла, смеются.

Карл. От короны не так легко отказаться, как вам кажется, пастырь. К тому же мне опротивели канавы – я предпочитаю Уайтхолл.

Герцог Йоркский *(Фоксу)*. Вам захотелось иметь среди своих последователей короля, да?

Фокс. Мне нужны не последователи, а Друзья. Я не привередлив. Я не так образован и учен, как вы, принцы.

Карл. Благодарите свою судьбу, пастырь, вам, по крайней мере, не придется переучиваться.

Фокс. Хорошо сказано. Я нередко замечал, что как раз у ученого голова бывает забита разным ненужным вздором. Но как вы дошли до этой истины? Мое знание даровано мне божьей милостью, однако то же самое открылось и вам, погрязшему в мирской суете и лишенному откровения свыше.

Карл. Оба мы люди, пастырь. Мы не можем не походить друг на друга. Вот вам и приходится носить кожаные штаны, чтобы вас не приняли за меня.

Врывается Барбара с листом бумаги в руке.

Барбара *(сует лист под нос Карлу)*. Полюбуйтесь!

Карл *(с восхищением разглядывает рисунок)*. Великолепно! Это, конечно, рисунок Неллера? Никто другой так не умеет уловить сходство.

Барбара. Что? Сходство?! Ну да, вы подкупили его, чтобы он учинил надо мной это издевательство. Мне же здесь сто лет!..

Карл. Глупости, милочка. Вы здесь как живая. Не правда ли, Джейми? *(Протягивает рисунок герцогу Йоркскому.)*

Герцог Йоркский. Герцогиня, это вы, и никто другой. Он изобразил здесь каждую вашу морщинку.

Барбара. И вы говорите это мне в лицо?! Вы, видевший ., мой портрет кисти Лели?!

Нелл. Но там вы моложе, голубушка.

Барбара. А тебя не спрашивают, змея подколодная!

Карл. Сядьте, Барбара, и успокойтесь! Женское лицо обретает интересность только в нашем возрасте.

Барбара. В нашем возрасте? И вы, старая развалина, смеете утверждать, будто вы так же молоды, как я?!

Карл. Мне всего пятьдесят, Барбара. Впрочем, оба мы, конечно, сдали.

Барбара. Ах вот как! *(С яростным воплем рвет рисунок в клочки и топчет их ногами.)*

Карл. Возмутительный поступок: вы уничтожили настоящий шедевр. Возвращайтесь во Францию. Повторяю, я устал от ваших истерик.

Встревоженная Барбара еще раз вызывающе наступает ногой на разорванный рисунок, а потом садится позади герцога Йоркского на один из стульев у шкафа и сидит там с угрюмым видом.

Из сада поднимается Ньютон, за ним следует Годфри Неллер, тридцатичетырехлетний голландец, хорошо одетый и надменный. Оба они почти в таком же раздражении, как и Барбара.

Ньютон. Мистер Неллер, я больше не буду с вами дискутировать. Вы не понимаете того, о чем говорите!

Неллер. А я заявляю вам в присутствии его величества, что вы самоуверенный наглец, сэр! Не вам учить меня рисовать!

Карл. В чем дело, мистер Ньютон?

Ньютон. Оставим это, мистер Роули. У этого живописца одно понимание вещей, у меня – другое. А потому единственное, что остается нам обоим, это замолкнуть. *(Заметив, что его стул занял герцог Йоркский, берет другой, стоящий возле Барбары, и присаживается на нем к столу, слева от его светлости.)*

Карл. Мистер Неллер, мистер Ньютон – хозяин этого дома, он знаменитый философ. Не согласитесь ли вы написать мне его портрет? Это вы сможете сделать, не вступая с ним в беседу.

Неллер. Я напишу его портрет, если таково желание его величества. У него интересная голова; я бы нарисовал его полчаса назад, если бы ее светлость герцогиня Кливлендская не потребовала, чтобы вместо него я рисовал ее. Но каким образом столь интересная голова может быть безмозглой – это для меня загадка.

Карл. Погодите, дружище, это же самый выдающийся ум в Британии!

Неллер. Значит, он слеп из-за своего чудовищного самомнения. Рассудите нас, ваше величество. Не я ли лучший рисовальщик в Европе?

Карл. Вы, бесспорно, очень искусный рисовальщик, мистер Неллер.

Неллер. Может кто-нибудь из здесь присутствующих лучше меня провести правильную линию?

Карл. Ну конечно никто, кроме разве герцогини Кливлендской: она уверена, что все делает правильно!

Барбара. Ну, знаете ли!..

Карл. Спокойно, Барбара. Уж не собираетесь ли вы спорить со своим монархом?

Неллер. И если существует некая наука о линиях, не я ли постиг ее лучше всех?

Карл. Без сомнения, мистер Неллер. Что дальше?

Неллер. А то, что этот человек, этот самонадеянный и безумный философ, смеет оспаривать меня — вы понимаете, *меня*! — заявляя, будто правильная линия — это прямая линия и любой перемещающийся предмет движется по прямой, если только не уклоняется от своего пути под воздействием какой-то могущественной силы. Таков, как он утверждает, первый закон динамики. Но он лжет!

Карл. Ну а что утверждаете вы, мистер Неллер?

Неллер. Я не утверждаю, сэр, я просто знаю! Правильная линия, линия красоты — кривая! Я не буду от руки проводить прямую. Мне достаточно для этого натянуть на холст натертую мелом веревочку и разок дернуть ее. Вы не станете отрицать, что вот эта ваша герцогиня столь же славится своей красотой, сколь и Психея божественного Рафаэля? Так вот: в ней нет ни одной прямой, она вся состоит из кривых.

Барбара *(в негодовании вскакивает)*. Да как вы смеете!.. Какая наглость!

Карл. Но это правда, Барбара. Я могу это подтвердить.

Барбара. Это просто неприлично, Карл. Безобразие! *(Садится на место.)*

Неллер. Нет, сударыня, это красота. Выкиньте из головы непристойные мысли. Нет такой линии, проведенной всевышним, начиная с радуги на небе и кончая ракушкой на спине улитки, — нет такой линии, которая не была бы кривой — кривой красоты! Ваше яблоко падает по кривой.

Ньютон. Я сумел это объяснить.

Неллер. Вы путаете объяснение с фактами. Это свойственно всем низкопробным истолкователям мира. Вселенная движется по кривой, как вы сами это доказали, и так как по дороге она еще кружится, то яблоко, случись ему упасть по прямой, непременно оказалось бы где-то позади. Движение по кривой — вот закон природы, а закон природы это божий закон! Выйдите в сад и швырните там камень по прямой, если сумеете. Пошлите в воздух стрелу из лука, или пулю из пистолета, или ядро из самой мощной пушки его величества и обладай вы даже силой Геркулеса, а порох ваш — энергией пара, который выбрасывает камни из кратера Этны, все равно вы не смогли бы заставить свою стрелу или пулю лететь по прямой в сторону мишени.

Ньютон *(страшно взволнованный)*. Этот человек сам не знает, что говорит! Уведите его и оставьте меня в покое!

Карл. Его слова требуют ответа, мистер Ньютон.

Герцог Йоркский. Живописец прав! Пушечное ядро описывает над морем дугу, похожую на арку моста, так оно и летит — гоп, гоп, гоп!.. Впрочем, какая разница, летит оно по прямой или по кривой,— било бы в цель!

Ньютон. Это для вас нет разницы, адмирал. А для меня она есть, ведь наш спор — это спор здравомыслия с безумием!

Герцог Йоркский. Но почему?

Ньютон. Сэр, если то, что говорит этот человек, правда, значит, искривлена не только линия полета пушечного ядра — искривлено пространство, искривлено время, искривлена вселенная!

Неллер. Безусловно. А почему бы и нет?

Ньютон. Почему бы и нет! Да ведь тогда весь труд моей жизни — пустая, тщетная, глупая трата времени! Вот что получается, когда позволяешь посторонним вторгаться в твое священное уединение со своими дьявольскими идеями. Что ж, я поделом наказан за то, что поддался гордыне, побуждавшей меня верить в возможность разложить вселенную на бездушные цифры. Впредь я буду заниматься лишь положенным мне делом: толкованием Священного писания. Оставьте меня наедине с моими мыслями и трудами! *(В отчаянии стискивает виски.)* Уходите все! Для одного утра вы причинили мне уже более чем достаточно вреда!

Карл. Но, мистер Ньютон, можно нам хотя бы узнать, чем мы вас так расстроили? В чем состоят наши «дьявольские идеи»? Какой именно вред мы вам причинили?

Ньютон. Сэр! Все началось с вас и этого безбожника-квакера. Много месяцев жизни отдал я написанию книги, посвященной хронологии вселенной, на что у любого человека, кроме Исаака Ньютона, ушло бы двадцать лет каторжного труда.

Карл. Я просматривал эту книгу и был поражен тем, какая сила ума ощущается в каждой странице.

Ньютон. И вы были правы, мистер Роули. А знаете, во что вы с мистером Фоксом превратили сегодня мою книгу? В памятник безрассудству архиепископа Ашера, который утверждал, будто мир сотворен за четыре тысячи и четыре года до рождества Христова; в памятник моей глупой доверчивости. Моя книга — полнейший вздор от начала и до конца. Как это я, вычисливший, что господь трудился на миллионах миль бесконечного пространства, мог

проявить такую безмерную глупость — свести вечность, у которой нет ни начала, ни конца, к каким-то нескольким тысячелетиям! А этот необразованный человек по имени Фокс без всяких подсчетов и даже без школьного знания алгебры сразу дошел до сути, тогда как я, один из величайших математиков мира, корпел долгие месяцы над своей безумной книгой, не замечая того, что само лезло в глаза.

Герцог Йоркский. Чего тут причитать? Выпустите в свет новое издание и признайтесь в нем, что вся эта ваша протестантская математика сплошной обман, а ваши протестантские архиепископы — мошенники!

Ньютон. Вы не знаете самого худшего, сэр. У меня лежит в рукописи другая книга, которая поставила бы меня в один ряд с Кеплером, Коперником и Галилеем как астронома и завершителя созданной ими небесной системы. Вы можете объяснить мне, почему небесные тела в своем извечном движении перемещаются не по прямой, а всегда по эллипсу?

Карл. Наверно, это нерешенная научная проблема. Я, конечно, не могу ее решить.

Ньютон. Ну а я ее решил: я открыл некую природную силу, которую назвал притяжением. Это открытие помогло мне понять особенность всех перемещений в небесных сферах. И вот является этот живописец, этот невежественный мазилка, который даже ради спасения души — если б она у него была — не мог бы решить простейшего уравнения или хотя бы представить себе бесконечный ряд цифр; и этот малый подменяет мой первый закон динамики — движение по прямой — движением по кривой.

Герцог Йоркский. И тогда весь второй том вашей протестантской философии разлетается на куски, раздавленный округлыми формами Барбары!

Барбара. Я не желаю, чтобы мои формы обсуждались мужчинами! Я ведь не какая-нибудь языческая богиня — я христианская леди! Карл вечно подстрекает своих еретиков и вольнодумцев на богохульство! А теперь он еще подстрекает их оскорблять меня! Я этого не потерплю!

Карл. Не будьте дурой, Барбара. Мистер Неллер оказал вам огромную честь, избрав вас моделью вселенной. Итак, очевидно, нам приходится выбирать между вселенной из Барбариных округлостей и вселенной из прямых линий, поступившихся своей прямолинейностью из-за чисто математического притяжения. По-моему, истина на стороне

художника. И все же могу ли я, основатель Королевского общества, больше доверять в обсуждении сих предметов авторитету художника, нежели философа?

Неллер. Ваше величество, миру до́лжно учиться у своих творцов, ибо сам он есть создание творца – нашего господа! Философы крадут свои хваленые открытия у творцов, а потом притворяются, будто вывели их из сочетания цифр, названного уравнением и придуманного нарочно для столь неблаговидной цели. Этот человек ссылается на Коперника, доказавшего якобы, что земля вертится вокруг солнца, а не солнце вокруг земли. Знайте, сэр: до того, как стать астрономом, Коперник был художником. Астрономия показалась ему более легким занятием. А упомянутое открытие было сделано великим итальянским живописцем Леонардо, который родился на двадцать один год раньше него: тот частенько говаривал своим друзьям, что земля – это луна при солнце.

Ньютон. И он доказал это?

Неллер. Творцы, милейший, ничего не доказывают. Они в этом не нуждаются. Они просто *знают!*

Ньютон. Ложь. Ваше представление о сферической вселенной заимствовано у язычника Птолемея и разных заклинателей, верящих, будто круг – самая совершенная фигура.

Неллер. Ну да, так оно и выглядит в глазах подобных болванов. Но круг так же мертв, как и прямая линия; подвижная человеческая рука не в состоянии изобразить его: его рисуют движением циркуля. Возьмите голову сахара и рассеките ее вкось, и вы получите гиперболы, параболы, эллипсы и овалы – сам Леонардо не смог бы нарисовать их с таким совершенством, зато любой глупец запросто получит их с помощью ножа и глыбы сахара. Я не верю ни в одну из этих механических фигур. Линия, проведенная рукой художника, это линия, которая струится, пронзает, говорит, выявляет! Она часть божественного творения.

Карл. А вы, оказывается, тоже философ, мистер Неллер!

Неллер. Сэр, когда человек обладает дарованием художника, оно так воздействует на умы, что о прочих его способностях люди забывают. Кто помнит о Леонардо-инженере? О Микеланджело – изобретателе и сочинителе сонетов? Обо мне – как об ученом и философе? Это всецело относится к области нашего повседневного труда и приходит к нам само собой. Это пустяки, возникающие рядом

с нашей грандиозной работой, каковая есть толкование и созидание.

Герцог Йоркский. Некогда у меня на флагманском корабле служил один боцман, так тот был убежден, что знает все на свете!

Фокс. Может, так оно и было! Божья милость обретает самые удивительные формы. Я чую ее и в этом живописце. Я встречал ее у простых матросов вроде вашего боцмана. Сапожник думает, что только кожа...

Нелл. Наверно, не та, Джордж, из которой вместо сапог шьют штаны!

Барбара. Бесстыдница! В приличном обществе не принято упоминать эту часть одежды!

Нелл. Торговки апельсинами, актерки и прочий неимущий люд не видит в этом ничего худого. Им приходится латать штаны, а порою и шить их, поэтому у них нет никаких дурных мыслей по поводу штанов, они не стыдятся их, подобно светским дамам, у которых с этим предметом связаны лишь самые грязные мысли.

Карл. Угомонись, Нелл: ты заставляешь Барбару краснеть.

Нелл. Выходит, я могу то, что и вам не под силу, Роули, голубчик!

Барбара. Твое счастье, негодяйка, что у тебя здесь столько защитников! Когда-нибудь попадешься мне одна — пожалеешь, что на тебе нет десяти пар кожаных штанов!

Карл. Тише! Прекратите спорить!

Нелл. Это она начала, Роули, голубчик!

Карл. Неважно, кто начал, прекратите спор, я вам приказываю.

Луиза. Но Карл, мужчины тоже спорят здесь целое утро. Или ваш приказ к ним не относится?

Карл. Но их споры очень занимательны, Луиза.

Нелл. Неужто? А меня они до смерти утомили!

Карл. Из-за этих истин было пролито много крови и прольется еще немало, когда нас не будет на свете.

Барбара. Не вздумайте читать нам проповеди, Карл. Предоставьте это человеку, одетому в кожу. Это его профессия, не ваша.

Карл. Протестанты не разрешат мне заниматься ничем другим, милочка. Но послушайте, мистер Ньютон уже не однажды просил нас покинуть его дом. И нам не следует забывать, что он отнюдь не приглашал нас к себе. Впрочем, перед уходом я должен выполнить свой долг. Мне необходимо примирить нашего философа с мистером

Неллером, чтобы тот мог написать его портрет, который мы повесим в одном из залов Королевского общества.

Неллер. Что ж, желание его величества украсить моей работой помещение Королевского общества вполне естественно. У этого человека очень необычная голова: глядя на него, нетрудно догадаться, что он философ, то есть человек с придурью. Надеюсь, вашему величеству понравился набросок портрета ее светлости герцогини Кливлендской.

Барбара. Ваша мерзкая карикатура на герцогиню Кливлендскую у вас под ногами! Вы по ней ходите.

Неллер *(подбирает клочки и переворачивает их, чтобы удостовериться, что это его рисунок)*. Значит, король уничтожил мое творение?! Я сегодня же покину вашу страну!

Карл. Я скорее уничтожил бы Хартию вольностей. Рисунок изорвала ее светлость.

Неллер. Странное дело, ваше величество, людям — как мужчинам, так и женщинам — никогда не нравятся портреты, на которых запечатлен их правдивый образ.

Барбара. Врете, жалкий мазилка! Когда наш бесценный, недавно умерший Питер Лели написал мой правдивый портрет, разве я уничтожила его работу? Но он был великий живописец, а вы — вы годитесь лишь на то, чтобы белить клозеты!

Карл. Красота ее светлости по-прежнему до того общеизвестна, что успела всем нам порядком надоесть. Барбара — самая прекрасная женщина в Англии. Но одновременно и самая глупая. Нелл — самая остроумная и еще самая добрая. Луиза — самая умная и очаровательная. Вдобавок она аристократична. Я хотел бы иметь портреты всех трех такими, какие они сейчас, а не как их писал Лели.

Луиза. Но Карл, я вовсе не хочу, чтобы потомки имели обо мне полное представление.

Нелл. И я тоже. Я предпочитаю остаться торговкой апельсинами.

Неллер. Очевидно, в Англии мое искусство не будет иметь успеха. Мой учитель Рембрандт считал, что писать женщину стоит лишь тогда, когда ей пойдет восьмой десяток.

Нелл. Вот вы и напишете меня семидесятилетней старухой! Наша театральная молодежь уже называет меня тетушкой! Когда они начнут величать меня бабушкой Гвин, я буду для вас самой подходящей моделью и вид у меня будет лучше некуда!

Карл. А как насчет вашего портрета, мистер Фокс? Вы что-то давно молчите.

Фокс. Я совершенно ошарашен вашей странной еретической болтовней. Вам, наверно, кажется, что это милый светский разговор, а у меня нет сомнения, что этот художник полагает, будто его рука — рука господа!

Неллер. А чья же еще, позвольте узнать? Вам нужны руки, чтобы скрести голову и класть в рот пищу. Ничего другого ваши руки и не умеют. Но рука, способная писать подобия божьи и выявлять в них душу и творящая это без устали, даже если владелец ее обречен на голод и отринут отцом своим и близкими, разве не является она господним орудием? Ведь бог — дух святой ни страстей наших не имеет, ни плоти, а тем самым и рук.

Фокс. Так говорят проповедники из дома с островерхой крышей, но они лгут. Разве господь бог не одержим страстью к созиданию? И не есть ли вся божественная природа — проявление этой страсти?

Неллер. Я не знаю, кто вы такой, сударь, но я напишу ваш портрет!

Карл. Браво! Дело идет на лад! Ну а как насчет вашего портрета, мистер Ньютон?

Ньютон. Только не кисти человека, который живет в искривленной вселенной. Он исказит мои черты!

Луиза. А может, они просто искажены притяжением, мистер Ньютон?

Карл. Очень умное замечание, Луиза.

Барбара. Ну разумеется — чтобы одновременно быть синим чулком и французской шпионкой, требуется недюжинный ум! А я так благодарю бога за свою глупость, о которой вы изволили говорить.

Карл. Не пора ли мне спустить вас с лестницы, Барбара?

Луиза. Во Франции меня называют английской шпионкой. А вот синим чулком меня назвали впервые. Я всего лишь хотела сказать, что, по-моему, мистер Неллер и мистер Ньютон имеют в виду одно и то же, только художник величает это красотой, а философ — притяжением, так что им нет нужды ссориться. С какой стороны ни взгляни — портрет будет тот же самый.

Ньютон. Ну а под силу ему измерить красоту?

Неллер. Нет. Я могу изобразить красоту женщины, но не могу измерить ее в унциях. Ведь красота неизмерима!

Ньютон. А я могу измерить притяжение. Только то существует, что измеримо. Красивые слова — это пустой звук.

Или, по-вашему, я могу явиться в Королевское общество и объявить собравшимся, что орбиты планет искривлены, потому что живописцы считают, что так красивей? На сколько же они искривлены? Художник не может нам этого сказать. Куда через полгода переместятся планеты? Он не может нам этого сказать. А я могу. Он твердит лишь одно: земля — это луна солнца, а кривая — линия красоты. Ну а может ли он измерить траекторию луны? Может ли начертить свою хваленую кривую?

Неллер. Я могу создать ваш портрет. А вы можете создать мой?

Ньютон. Могу, при помощи камеры-обскура, если только сумею сыскать химическую соль, достаточно чувствительную к свету, чтобы закрепить изображение. Когда-нибудь портреты будут создавать прямо на уличных перекрестках по шести пенсов за штуку.

Неллер. Зеркало воспроизведет ваш портрет бесплатно. Ваша светлость видит его пятьдесят раз на дню.

Барбара. Совсем нет! Я не смотрюсь в зеркало пятьдесят раз на дню! Вот Карл, тот никогда не пройдет мимо зеркала, чтобы не поглядеться в него. Я это за ним приметила.

Карл. И зеркало неизменно укоряет меня в тщеславии, Барбара. Я уродлив, хоть и считаю себя Адонисом.

Луиза. И не так уж вы уродливы, как думаете, Карл! В детстве вы были некрасивы, и ваша безжалостная матушка сообщила вам об этом. Вот вы и не можете избавиться от этой мысли. А когда меня прислали в Англию, чтобы я пленила вас своей милой мордашкой, вышло так, что не я вас, а вы пленили меня своим высоким ростом и приятной наружностью.

Барбара. Вот-вот, льстите ему, он это любит!

Карл. Я этого не выношу. Поговорим о другом.

Луиза. Но, Карл!..

Карл. Нет-нет. Нет! Ни слова больше. Таков приказ короля!

Наступает гробовое молчание. Все сидят, как в церкви, только Фокс не выдерживает этого и прерывает молчание.

Фокс. Пред лицом земного монарха все вы, высокие господа, молчите подобно безгласным лакеям! Что же с вами будет, когда Царь царей поднимет вас из могилы, чтобы вы держали перед ним ответ за прожитую жизнь?

Нелл. Вы всегда, Джордж, скажете что-нибудь веселенькое!

Роули, голубчик, можно нам больше не быть безгласными лакеями и опять превратиться в простых смертных?

Карл. Мистер Роули приносит извинение за то, что напомнил вам о своем королевском сане. Но ведь одна лишь особа короля не подлежит обсуждению.

Луиза. А мне, Карл, ужасно нравится, когда вы вспоминаете, что вы король. Мой государь, прославленный монарх — король-солнце, Людовик Четырнадцатый, даже в самых комичных ситуациях ни на миг не забывает, что он король.

Барбара. Да-да, и выглядит разбогатевшим бакалейщиком — ни за кого другого его и не примешь!

Луиза. В Версале вы бы не посмели произнести это или даже подумать. Он всечасно великий, и его величие делает великими и нас. Конечно, его рост не достигает шести футов и его величавость не вполне естественна. У Карла это получается много лучше, когда он в настроении. Но почему с вами это так редко бывает, Карл?

Карл. Я предпочитаю до срока держать свою корону и величие про запас. Детьми мы с Людовиком часто играли вместе. Мы слишком хорошо знаем друг друга, чтобы находить удовольствие в общении, вот я и предпочитаю держаться от него подальше. К тому же, Луиза, если я всех вас сделаю великими, вы станете неимоверно скучны. Мне потому и нравится Нелл, что нет такой силы, которая превратила бы ее в придворную даму. А знаете, почему?

Барбара. Потому что она торговка апельсинами и у нее нрав плебейки!

Карл. Совсем нет. Скажи ей, в чем дело, Нелл!

Нелл. Я не знаю, Роули, голубчик. Я никогда не была торговкой апельсинами, но у меня действительно нрав плебейки. Впрочем, наверно, не только плебейки, ведь на сцене я играю кого угодно — и торговку апельсинами, и королеву. И даже мужчину. А почему я никогда не стану похожа на придворную даму, я не знаю. Скажите ей сами, Роули, голубчик, если только вы знаете.

Карл. Как раз потому, что на театре ты играешь королев! Поверьте мне, на свете превеликое множество королей и королев, окруженных своими маленькими свитами. Вот пастырь Фокс — он король в своем молитвенном доме, хотя последний и стоит вне закона. Вот мистер Ньютон — он король недавно учрежденного Королевского общества. Вот Годфри Неллер — это король живописцев.

Я могу сделать вас герцогинями, а сыновей ваших герцогами, но кто же захочет быть всего лишь герцогом или герцогиней, если он может быть королем или королевой?

Нелл. Да у нас герцоги пойдут по шесть пенсов, если все Барбарины сыновья получат от вас этот титул!

Барбара. Мои дети не какая-нибудь плебейская шваль, уж у них-то дворянская кровь!

Карл. Постыдись, Нелл! Это просто невоспитанно попрекать герцогиню самым приятным ее свойством.

Нелл. Ой, извините! Да простит мне бог, я ведь и сама ничуть не лучше!

Барбара. Не лучше, ну, каково! Ах ты наглая шлюха!

Нелл. Ладно, не хуже, если так вам больше по вкусу! С меня-то хватит и одного маленького герцога.

Луиза. Давайте переменим тему, Карл. То, что вы тут говорили про великое множество маленьких королей и королев, совершенная правда. Вы очень духовный человек.

Барбара. Это он-то духовный?! Ха-ха-ха!..

Луиза. Ну пусть мудрый. Так, кажется, у вас говорят? У меня вечные трудности с вашим языком. А Карл слишком ленив, чтобы толком выучиться французскому, хоть он столько лет прожил во Франции.

Барбара. Коли вам охота похвалить его за остроту ума, знайте, что он не уступит в хитрости полсотни лисиц.

Фокс. Он может быть в пятьдесят раз хитрее меня, но ведь таковы же десятки грязных мошенников. Лучше похвалите его за проблески внутреннего света в его душе. Разве не он пресек жестокую расправу с цареубийцами, убежденный в том, что, покарай он их, они никогда уже не смогли бы раскаяться? Именно это сделало меня его верным подданным.

Барбара. Да не про вас речь — я говорила про настоящих лисиц! Он до того хитер, что всегда может выставить меня дурой, коли так ему удобней: стоит мне что-то у него попросить, уж он обязательно постарается не дать. Он скуп, как последний сквалыга!

Карл. А вы, словно рыночная торговка, убеждены, будто у короля денег куры не клюют! Только Нелл бережет мои деньги больше своих. Когда я буду умирать, я ни о ком из вас не вспомню — лишь о ней будет моя последняя мысль.

Нелл. Роули, голубчик, я сейчас расплачусь. Я ведь не единственный ваш друг. Вот Луиза, она тоже очень заботится о ваших деньгах.

Барбара. Еще бы! Ей ведь доподлинно известно состояние его казны: она же достает ему деньги у французского короля!

Луиза. Это уже просто неприлично. Карл, вспомните опять, что вы король, и положите этому конец.

Карл. Только Барбара могла повести об этом разговор. Так вот, я категорически его запрещаю.

В комнату возвращается миссис Бэшем.

Миссис Бэшем. Мистер Ньютон, обед на столе.

Барбара. Вам следовало доложить об этом его величеству. Где только вас воспитывали?!

Миссис Бэшем. Мистер Ньютон первый в этом доме. Поспешите, господа, иначе кушанья простынут.

Ньютон *(поднимаясь с места)*. Мистер Неллер, соблаговолите повести к столу ее светлость герцогиню Кливлендскую, поскольку вы такой поклонник ее округлостей.

Барбара *(гневно)*. Ни за что! Я здесь старшая герцогиня и по праву должна идти об руку с королем.

Карл *(встает с места и безропотно подает ей руку)*. А герцог Йоркский поведет к столу младшую герцогиню. Счастливец!

Все встают, кроме Фокса.

Барбара. Какое свинство! *(Пытается высвободиться.)*

Карл *(стискивая ее руку)*. Вы же идете рядом с королем. Ведите себя пристойно! *(Силой уводит ее из комнаты.)*

Миссис Бэшем. Пожалуйте, ваша светлость. Пожалуйте, мадам Каруэлл.

Герцог Йоркский *(беря под руку Луизу, к миссис Бэшем)*. Надеюсь, вы не забыли, что мадам Каруэлл тоже католичка?

Миссис Бэшем. Конечно. Там трески хватит на вас обоих.

Луиза. Если только Карл не доберется до нее первым. Поспешим! *(Торопливо выходит из комнаты вместе с герцогом Йоркским.)*

Миссис Бэшем. А вы, мистер Неллер, может, поведете актерку?

Нелл. Нет-нет. Актерка пойдет с милым стариной Фоксом. *(Подхватывает квакера под руку и тащит его к дверям.)* Сегодня, Джордж, вы будете обедать с мытарями и грешниками. Благословите их трапезу.

Фокс. Вы напомнили мне, что я не должен бежать тех мест, кои не презирал наш Спаситель.

Они покидают комнату.

Миссис Бэшем. А вам, мистер Неллер, некого повести к столу. Меня поведет мистер Ньютон — мы уж с ним позади всех.

Неллер. Я пойду домой. Я не могу есть в доме, где ратуют за приоритет прямых.

Миссис Бэшем. Нет, мистер Неллер, вы такого не сделаете. Уж и прибор для вас поставлен, и король вас дожидается.

Ньютон. А линии, мистер Неллер, отнюдь не прямые. Их искривляет притяжение. По чести говоря, я знаю о нем не больше, чем вы о красоте.

Неллер. Для вас вселенная есть не что иное, как часы, которые завел и на веки вечные пустил в ход некий всемогущий часовщик.

Ньютон. Открыть вам секрет, милейший поборник красоты? Часы ходят неточно! Если б они были точные, отпала бы нужда в часовщике. Но он был слишком умен, чтобы довериться в этом деле нам, глупцам. Когда он произвел смешение языков, желая предотвратить постройку доходящей до неба Вавилонской башни, он учинил также путаницу во времени, дабы мы не могли полностью обходиться без него. Звездные часы — часы вселенной — идут неверно. Ему нужно их время от времени подкручивать. Можете ли вы, знающий все,— ибо вы, как и Всевышний, являетесь творцом — объяснить мне, *что* именно не так с перигелием Меркурия?

Неллер. С чем?

Ньютон. С перигелием Меркурия.

Неллер. Да я понятия не имею, что это за штука!

Ньютон. А я имею. Только я никак не пойму, какая тут вкралась неточность. И пока человечество не выяснит этого, оно не сможет обходиться без Небесного часовщика, который будет переводить стрелки вперед и назад и перемещать звезды прикосновением своего всемогущего перста, созерцая нас с небес.

Неллер. Как бы не так! В вашей вселенной не осталось места для небес. Вы же упразднили небо!

Ньютон. Ignoramus![1] Быть может, там, в сферах, недоступных нашему зрению, движутся планеты, превосходящие размерами всю солнечную систему. Когда я усовер-

[1] Невежда *(лат.)*.

шенствую свой телескоп, вы получите возможность узреть многое множество небес.

Миссис Бэшем. Мистер Неллер, кушанья простынут, и вы не услышите предобеденной молитвы. Хватит с меня этих ваших еретических разговоров. Идите скорее в столовую.

Неллер. Мистер Ньютон, как вы изволили сказать, первый в этом доме. А он у вас идет к столу последним. Настоящая хозяйка всегда женщина, готовящая пищу. *(Выходит из комнаты.)*

Миссис Бэшем *(вместе с мистером Ньютоном направляясь к дверям)*. Он потешный, сэр! И зачем только вы заводите разговор про звезды, когда люди собираются преспокойно уйти?! Все усиливается у вас эта причуда! Ну какое им дело до этого вашего злосчастного перегноя Меркурия?! Никогда мы не избавимся от людей, если... *(Они уходят, и мы уже не слышим конца ее фразы.)*

В комнате наступает тишина.

Будуар Екатерины Браганцской, супруги короля Карла, в его неофициальной резиденции в Ньюмаркете во второй половине того же дня. Скамеечка для молитвы и картины, все без исключения благочестивого содержания, свидетельствуют о набожности королевы. Карл без верхнего платья (в панталонах, рубашке с галстуком и шлепанцах) спит на кушетке, завернувшись в шлафрок из индийского шелка. Его камзол и сапоги валяются на ковре, где он их бросил. Шляпа и парик лежат на стуле вместе с его длинной тростью. Дверь, выходящая на лестничную площадку, находится как раз возле изголовья кушетки — между ним и упомянутой скамеечкой. Еще в комнате стоят часы.

Входит Екатерина Браганцская, женщина сорока двух лет. Она с минуту смотрит на мужа, потом оглядывает произведенный в комнате беспорядок. Покачав раз шесть головой (как то делают португальцы), она начинает прибирать в комнате — берет сапоги и аккуратно ставит их в ногах кушетки. Потом поднимает с пола камзол и вешает его на лестничные перила. Возвращаясь, она нарочно громко захлопывает дверь, отчего Карл мгновенно просыпается.

Карл. Долго я тут спал?

Екатерина. Не знаю. Зачем вы разбросали свои вещи по всей комнате? Пришлось мне прибирать здесь вместо служанки.

Карл. Послали бы за Чифинчем. Это его дело заботиться о моем платье.

Екатерина. Я не хотела, чтоб он помешал нам побыть вдвоем.

Карл *(приподнимаясь)*. Заставили б меня самого все это прибрать. К чему вам быть при мне служанкой, любимая?! *(Слово «любимая» он произносит особенно отчетливо.)*

Екатерина. Мне не нравится, когда вы без парика. Но я ваша супруга и должна с этим мириться.

Карл *(поднимаясь с кушетки)*. Я ваш муж и считаю, что мне в этом повезло. *(Целует ее.)*

Екатерина. Да, конечно, но почему вы избрали мой будуар местом сиесты?

Карл. Только здесь, в нашем жилище в Ньюмаркете, я могу спрятаться от женщин.

Екатерина. Выходит, и жена для чего-то пригодилась.

Карл. Жену никто не заменит.

Екатерина. Я слышала, что Барбара Кливлендская воротилась из Парижа. Вы что, за ней посылали?

Карл. И не думал! Я скорее послал бы за самим сатаной. У меня давно с ней все кончено.

Екатерина. Сколько раз вы мне клялись, что покончили с этими женщинами! А все вас держат в руках эта Луиза Портсмутская и Нелл Гвин, актриса. Теперь вдобавок эта Кливлендская воротилась!..

Карл. Любимая, вы ничего не понимаете. Не женщины держат меня, а я их! Сейчас я вам сообщу про Луизу одну новость. Как вы думаете, за каким делом я застал ее нынче утром?

Екатерина. Откуда мне знать!

Карл. За покупкой приворотного зелья! Для меня! Очевидно, я не выказываю любовного пыла. Я держу ее при себе, потому что она умна и воспитанна и через нее идут все мои связи с Францией и французским двором, не говоря уж о том, что с ее помощью я выуживаю деньги у Людовика.

Екатерина. Ну а Нелл? Она, конечно, может сыграть благородную женщину, но такова ли она в действительности?

Карл. Нелл — добрейшее существо, к тому же она меня забавляет. Вам ли не знать, любимая, какую скуку нагоняют эти придворные дамы, всегда говорящие одно и то же.

Екатерина. И вы в самом деле не посылали за Барбарой?

Карл. Когда я был молод, любимая, я полагал, что нет женщины несносней богомолки, вечно пекущейся о спасении своей души. Однако в Барбаре я получил нечто гораздо худшее: особу, вечно пекущуюся об удовлетворении своей плоти, то есть жадную до мужчин и денег. В этом она совершенно ненасытна. У нее один импульс: хватай, хватай, хватай! И когда влюбленный натешится Барбариным телом — пусть и прекрасным, — что же еще остается?

Екатерина. А вы уже натешились Барбариным телом?

Карл. Не только Барбариным, но и всеми остальными. Они, любимая, все одинаковы: ночью все кошки серы. Лишь душа и ум отличают людей друг от друга. Человек

в конце концов привыкает не думать о теле. Итак, Барбару отправили в Париж, и я не звал ее обратно, хотя убежден, что в ее появлении повинен какой-то мужчина.

Екатерина. Но почему вы теперь проводите здесь со мной столько времени? Раньше вы этого не делали!

Карл. Я вам надоел, любимая? Я ухожу.

Направляется к дверям, но Екатерина опережает его и загораживает ему выход.

Екатерина. Нет, я не это имела в виду. Вернитесь и сядьте.

Карл послушно возвращается, и они рядышком усаживаются на кушетку.

Карл. Что же вы имели в виду, любимая?

Екатерина. Вы проводите слишком много времени вне двора. Ваш брат переманил к себе всех придворных. Когда он здесь, в его покоях толпятся люди, а у вас пусто!

Карл. И слава богу! Чем старее я становлюсь, тем хуже я переношу самого надоедливого из животных, а именно — придворного. Распущенный двор — так они величают мое окружение, потому что непристойные истории рассказывают здесь вслух, а не шепотом, — так вот, подобный двор еще утомительней, чем благопристойный. Придворные повторяются, без конца повторяются! Да и я ничуть их не лучше со своими затасканными историями про мое бегство после битвы при Вустере. Во вторник я рассказал одну из этих историй дважды в течение часа. А нынче утром Барбара назвала меня старой развалиной.

Екатерина *(вскипев)*. Да как она посмела?! Засади ее в Тауэр, и пусть она там сгниет!

Карл. Она не столь значительная фигура. И я тоже, любимая. И вообще, мы должны прощать врагам своим, если только можем.

Екатерина. Я, как вам прекрасно известно, Карл, умею прощать своих врагов. Это мой долг католички и христианки. Но долг не предписывает мне прощать еще и ваших врагов. Вы же не прощаете моих.

Карл. Вполне подходящее семейное соглашение для королевской четы. Мы можем отомстить друг за друга и остаться добрыми христианами. Впрочем, наверно, Барбара права. Когда придворные бегут от короля к его наследнику, значит дни первого сочтены.

Екатерина. Не надо говорить подобных вещей, я не в силах

их слушать! Голова у вас работает как никогда, а ходите вы так быстро, что никому за вами не угнаться.

Карл. И все-таки, любимая, я умру раньше вас. Что с вами тогда станет — вот моя забота! Вам лучше после моей кончины вернуться обратно в Португалию: тамошний государь, ваш братец, позаботится о вас. Здесь вы всегда будете в опасности, ведь вы католическая королева.

Екатерина. Я и помыслить не в силах о том, что со мной будет без вас. Но ведь герцог Йоркский католик. Если он взойдет на престол, чего мне опасаться? Или вы полагаете, что ваш сын Монмаут помешает ему наследовать вам и станет протестантским королем?

Карл. Нет. Бедняжка, конечно, попытается это сделать, но Джейми его убьет. Монмаут — сын своей матери, а его мать была полным ничтожеством! И вот тогда протестанты убьют Джейми, и наш голландский родич воспользуется случаем и вмешается в дело. Он сделается королем — протестантским королем! Так что вам лучше воротиться в Португалию.

Екатерина. Быть не может, чтобы такое случилось! Почему вы, ничего не боящийся, так страшитесь протестантов?

Карл. Они убили мою прабабку. Убили моего отца. Они убили бы и вас, будь я чуточку менее хитер: они ведь, черт подери, совершенно неисправимы! Они палачи, эти протестанты! У Джейми есть только один шанс выжить. Если вдруг случится, что они призовут Билли Оранского раньше, чем убьют Джейми, тогда голландцу будет просто неудобно прикончить своего тестя. Но они уж как-нибудь постараются избавиться от моего брата, так что вам лучше сразу отбыть на родину, едва я прощусь с вами перед смертью.

Екатерина *(готовая расплакаться)*. Не надо так говорить!.. *(Разражается слезами.)*

Карл *(лаская ее)*. Любимая, вы же всего лишь потеряете худшего из мужей!

Екатерина. Неправда! Скажи это кто-нибудь другой, я бы его убила! Вы наилучший из всех когда-либо существовавших мужей!

Карл *(смеясь)*. Хо-хо-хо! Веселый монарх! Любимая, если б я только был в силах вознаградить вас чем-нибудь за свою неверность!

Екатерина. Люди так заняты этим, точно в жизни нет ничего другого. Какое мне дело до ваших женщин! Ваших наложниц, ваших служанок — прислужниц ваших плотских

утех? Они дали мне возможность быть для вас чем-то большим, чем могли стать сами. Вы ведь по-настоящему никогда не изменяли мне.

Карл. Только с той женщиной, чей образ, олицетворяющий Британию, стоит на каждом английском пенни и, возможно, не исчезнет оттуда во веки веков. Впрочем, клянусь вам честью, у меня ничего с ней не было: я ни разу не прикоснулся к ней. В ней было какое-то очарование, парализовавшее мой ум; она заставила меня на время прислушаться к голосу тех, кто всегда увещал меня развестись с моей терпеливой супругой и взять себе протестантскую королеву. Но я так и не смог этого сделать, хотя и пришел в ярость, когда она сбежала от меня и вышла замуж за Ричмонда.

Екатерина. О, я знаю, я знаю! Только эта единственная история и заставила меня почувствовать ревность. Что ж, я прощаю вас: почему такой великий человек, как вы, должен довольствоваться такой ординарной женщиной, как я?

Карл. Перестаньте! Я не хочу этого слушать. Я совсем не великий человек, как и вы отнюдь не ординарная женщина! Вы превосходите умом и волей весь наш двор, вместе взятый.

Екатерина. Я всего-навсего то, что вы из меня сделали. Что я знала, когда прибыла сюда? Лишь то, чему монахини обучают в своей обители португальских принцесс.

Карл. А что мог объяснить я вам кроме того немногого, что понял, спасаясь бегством из-под Вустера? Вдобавок понятое мной тогда сгубило во мне монарха. Я узнал слишком много!

Екатерина. Сумею я с тем, чему научилась у вас, править Португалией, коли вернусь туда?

Карл. Без сомнения, любимая, только станете ли вы от этого счастливее, я не уверен. Как жаль, что вы не можете вместо меня править англичанами!

Екатерина. Ими никто не сможет править, потому у них и не будет ничего хорошего. В Португалии имеется Святая церковь: мы знаем, во что мы верим, и мы все верим в одно и то же. А у вас сама церковь еретическая; у вас тысяча всяких ересей — сколько людей, почти столько же ересей! Если вы спросите кого-нибудь из них, во что верит его секта, то окажется, что он этого не знает. Все, что он знает, это что людей из другой секты надобно покарать: мужчин повесить, а женщин привязать к задку

повозки и кнутом прогнать по всему городу. Однако все они против истинной Веры. Нет, я не понимаю англичан и не хочу ими править.

Карл. Вы португалка. А я немножко итальянец, немножко француз, немножко шотландец и меньше всего англичанин. Когда я решаю узнать, как отнесется к чему-нибудь большинство моих подданных, я спрашиваю мнение Барбары. Потом Чифинча. Потом брата Джейми. Когда мне известно отношение Барбары, Чифинча и Джейми, я уже догадываюсь, как примут это Том, Дик и Гарри. И это всегда противоречит моему восприятию.

Екатерина. В Португалии нет этой странной привычки заботиться о мнении Тома, Дика и Гарри. Что смыслят они в управлении государством?

Карл. Ничего, но оно им ненавистно. Никто не научил их понимать, сколь оно для них важно. Если мы чему и обучаем их, то лишь грамматике и мертвым языкам. И что же возникает в результате? Протестантизм и парламентаризм вместо гражданственности.

Екатерина. В Португалии, господь миловал, нет ни протестантов, ни парламентов.

Карл. Все зло как раз в парламенте. Старый Нол начал с идеи создания парламентарного общества. Он перепробовал все виды парламентов и учредил «парламент святых». Но под конец ему пришлось выкинуть их всех до единого и править страной с помощью своих генерал-майоров. Когда же Нол умер, они возродили к жизни парламент и устроили там такой шабаш, что вынуждены были послать за мной.

Екатерина. Ну а если бы вас не было?

Карл. Кто-нибудь всегда есть. У каждого народа втрое или вчетверо больше дельных людей, чем требуется для того, чтобы обзавестись стоящим государственным советом и стоящим королем, надо только уметь их выбирать. Никто не знает, как это делать. Вот почему мир так плохо управляется.

Екатерина. А если правители благородного происхождения?..

Карл. То есть дети своих отцов? Ну что толку?

Екатерина. Вот вы — вы король, потому что вы сын своего отца. И вы лучший из королей.

Карл. Благодарствую. Ваш братец Альфонсо тоже правил Португалией, потому что был сыном своего отца. Что ж, и он был лучшим из королей?

Екатерина. Нет, он был ужасным королем! Он годился лишь в конюшие; и мой брат Педро отнял у него корону и посадил его под замок, а Педро тоже сын моего отца.

Карл. Как видите, разница невелика. Наследственность делу не поможет. И изучение латыни тоже: Джек Черчилль — полный невежда, а стоит пятидесяти грамотеев. Если после смерти Билли Оранского престол перейдет к одной из моих племянниц, Джек станет королем Англии.

Екатерина. Может быть, лучше, чтобы короля или королеву избирала церковь?

Карл. Церковь уже не раз доказала, что не способна избрать себе приличного папу. Александр Борджиа был веселым малым, и не мне бросать в него камень, и все же он не был образцовым папой.

Екатерина. Мой отец был великим государем. Он разгромил испанцев и освободил Португалию из-под их ига. А ведь это народ избрал его и поставил на это дело. Иногда я начинаю думать, не разумней ли, чтобы народ сам избирал себе короля?

Карл. Только не в Англии. Англичане непременно изберут себе Тита Оутса. Нет, любимая, кого надобно избирать себе в правители, пока еще остается загадкой; и существует эта загадка с тех самых пор, как возникла цивилизация. Повторяю: в Англии и в других странах всегда имеется человеческий материал для полдюжины приличных королей и министров, но по большей части они сидят в тюрьме. Если бы только мы знали, как заполучить и выдвинуть этих людей, народ мог бы сделать свой выбор из этой полдюжины. Когда-нибудь так и будет, однако не прежде, чем мы научимся разбираться в пригодности людей к делу до их избрания, а не после. Впрочем, и тогда избранниками окажутся те, кого не выбрал бы себе народ. Кто это сказал, что нет такой нации, которая выдержала бы свыше трех лет хорошего правления? Старый Нол имел случай убедиться в этом. Почему популярен я? Да потому что ленив! Я развлекаюсь, не таясь, и оставляю все как есть, хотя дела обстоят так, что люди, знающие, как они обстоят, ума не приложат, что делать. Мое поведение симпатично подданным. Ведь они вели бы себя точно так же, окажись они на престоле.

Екатерина. И совсем вы не ленивы! Я могу только сожалеть об этом: тогда бы я чаще вас видела. Вы все время что-нибудь делаете: совершаете длинные прогулки, в которых никому вас не догнать; возитесь в саду, плаваете

на яхте, возводите разные сооружения или беседуете с матросами, садовниками, каменщиками, корабельными плотниками и другими подобными людьми, пренебрегая своими приближенными. А ваш братец пользуется этим и собирает их вокруг себя.

Карл. Ну и пусть. От придворных ничего не узнаешь, кроме разве того, что служить при дворе не такая уж радость. Матросы, садовники и всякого рода каменщики и плотники куда счастливей и довольней. Нет хуже участи, чем родиться монархом. Если бы я знал какое-нибудь ремесло и получал примерно десять шиллингов в неделю, мы бы с вами, любимая, жили себе потихоньку и были бы много счастливее, чем сейчас в нашем царственном состоянии.

Екатерина. Но я не хочу жить потихоньку! Я рождена властвовать, и если случится худшее и мне придется вернуться на родину, я докажу миру, что могу управлять страной и не такая уж я простушка, какой меня здесь считают.

Карл. Почему же вы медлите, любимая? Я не стою того, чтобы вы оставались со мной.

Екатерина. Меня гложут сомнения. Я знаю, что мне лучше позволить вам развестись со мной и жениться на какой-нибудь юной протестантке, которая, возможно, родит вам сына и наследника, и тогда не будет этих убийств — не погибнут Монмаут и герцог Йоркский и ваша родина не попадет в руки голландца. Это тем более соблазнительно, что тогда я могла бы вернуться в свою прекрасную страну — вдыхать воздух Тахо вместо грязных испарений Темзы и, подобно моей матушке, править Португалией через голову моего никчемного брата. Там бы со мной считались. Но я не в силах покинуть вас даже ради всех тронов на свете. К тому же мои верования не позволяют мне способствовать тому, чтобы на английский престол взошла протестантка, когда его по праву должен наследовать добрый католик.

Карл. Этого не случится, любимая. У меня не будет другой вдовы, кроме вас.

Екатерина. Ах, как легко вам добрым словом успокоить меня!

Карл. Я много обижал вас в молодые годы: молодые мужчины находятся во власти своих страстей и думают лишь о себе. К тому же, черт подери, мы просто не могли разговаривать друг с другом. Английский, которому вас

обучили в Португалии, неведом никому ни на море, ни на суше, а мой португальский заставлял вас покатываться со смеху. Забудем же про нашу глупую юность – мы теперь взрослые!

Екатерина. Счастливец! Как вы легко забываете! Но вспомните, как различна наша участь! Вы лишены были всякой надежды на престол – жили в чужой стране, были изгнанником, беглецом. И тут вдруг корона, что называется, сама свалилась вам в руки: вы стали монархом, хотя уже были недостаточно молоды, чтобы по-настоящему воспользоваться властью. А я?! Еще в бытность мою малюткой матушка решила, что я должна стать королевой – великой королевой, королевой Англии! И она своего добилась: мы поженились и меня начали величать королевой. Только разве у меня когда-нибудь была власть? Разве я не жила на чужбине, не была такой же изгнанницей, как и вы? Я не зовусь Екатериной Английской. Я Екатерина Браганцская, чужестранка со смешным именем, которое англичанам и выговорить трудно. И все же в моих жилах течет кровь монархов, и у меня государственный ум.

Карл. Ни в том, ни в другом здесь нет надобности: англичане не потерпят ничьей власти, а уж ум-то они ненавидят превыше всего. Ум и религию вы найдете в Шотландии, но Шотландия такая дыра, хуже которой нет на свете; мне никогда не забыть, какую жизнь устроили мне эти шотландцы с их умом и верованиями, когда меня мальчишкой избрали в короли назло Старому Нолу. Порой я начинаю думать, что ум и верования – сущее проклятие для человечества. Нет, любимая, мне нужна Англия – Англия со всей ее несообразностью.

Екатерина. В стране может быть лишь одна истинная религия, а в Англии их пятьдесят!

Карл. А по-моему, чем больше, тем занятней, если только они живут мирно. Впрочем, и это им не под силу.

Екатерина. Ну есть у вас совесть?!

Карл. Есть, и порой она изрядно меня мучает. Я бы возвел в герцоги врача, который избавил бы меня от нее. И тем не менее моя совесть отлична от обычного британского образца.

Екатерина. Это все ваше глупое острячество! Совесть, дарованная нам господом, едина для всех.

Карл. Ничего подобного. Неужели, по-вашему, господь так неискусен, что способен создать лишь один вид совести?

Екатерина *(в ужасе)*. Какие ужасные вещи вы говорите! Слушать и то грех!

Карл. Нет двух одинаковых совестей. Двух одинаковых влюбленностей. Двух одинаковых браков. Двух одинаковых недугов. Двух одинаковых детей. Двух одинаковых взрослых. Что верно для одного человека – неверно для другого. Они даже не могут жить вместе без свода законов; закон – это нечто, обязывающее всех делать одно и то же.

Екатерина. Может быть, в Англии так оно и есть. Но в Португалии все католики становятся одинаковыми под воздействием Святой церкви. Моя матушка правила ими, хотя и была испанкой. Почему же я не могу делать того, что было под силу моей матушке?

Карл. А действительно, почему? Я полагаю, вы прекрасно бы с этим справились, любимая. Португальцы чтут свою церковь и повинуются королю. Англичане разграбили и разрушили церковь; если английский священник где-нибудь за пределами вашей личной часовни вздумает отслужить мессу, его за это повесят. Моя прабабка была католической королевой, и чтобы не допустить ее воцарения, они обезглавили ее. Мой отец был протестантским королем; они обезглавили его за то, что он пытался управлять ими и требовал, чтобы центральные графства вносили деньги на содержание флота. Пока португальцы боролись против испанцев, англичане боролись друг с другом. Нет, с англичанами ничего не поделаешь! Сколько раз я говорил вам, что я не настоящий король и, пожалуй, все, что я могу, это сохранить корону на голове и голову на плечах. Сколько раз вы обращались ко мне с разными просьбами – большими и малыми, настаивая, чтобы я перешел в лоно вашей церкви или хотя бы заступился за какого-нибудь священника или квакера, приговоренного к жестокому наказанию. И всегда вы убеждались, что за пределами дворца, где мои нахмуренные брови и улыбки делают погоду, власть моя кончается. Этот вероломный мерзавец Тит Оутс, погрязший в неимоверных грехах, обитает в моем доме на моем содержании. Кабы со мной считались, он бы давно раскачивался на виселице. Есть у нас один проповедник по имени Беньян, он написал книгу о жизни христианина, которую, как я слышал, читают во всем мире; так вот, не в моей власти вытащить его из Бедфордской тюрьмы, где он гниет уже несколько лет. Беньян и Оутс займут

свое место в истории, а я сохранюсь в памяти людей лишь как «веселый монарх». Нет! Оставьте мне английских птиц и английские рощи, английских собак и ирландских коней, английские реки и английские корабли, а англичане мне не нужны. Не нужны! Нет!

Екатерина. А как нам быть с англичанками?

Карл. Вот я и попался, любимая! Без женщин жить невозможно, по крайней мере мне. Только справляться с негодяями вроде Бэкингема и Шефтсбери или хитрецами вроде Галифакса куда труднее, чем с Барбарой и Луизой.

Екатерина. А по-моему, здесь нет большой разницы. Шефтсбери добивается, чтобы меня обезглавили на Тауэр-Хилл по обвинению в заговоре: ведь Тит Оутс утверждал под присягой, будто я хотела вас отравить. Полагаю, и Барбара с ним заодно!

Карл. Нет, любимая. Они задумали расправиться с вами, чтобы дать мне возможность жениться на протестантке и иметь протестантского наследника. Я напомнил Барбаре, что королева-протестантка не будет к ней так снисходительна, как вы, и выдворит ее из Англии, прежде чем она успеет сосчитать до десяти. Так что теперь она отошла от Шефтсбери, и когда я с ним разделаюсь, а я уже знаю, как этого добиться, ему придет конец. Но ведь его заменит какой-нибудь безмозглый мерзавец, или, что еще хуже, не мерзавец, а просто глупец. Умные мерзавцы все до единого продажны, но честные болваны – самое подлое племя!

Екатерина. Ну зачем вы так умны?!

Карл. Без моего ума, любимая, вы бы пропали. Потому вам и следует воротиться в Португалию, когда меня не станет.

Екатерина. Но вы все хитрите, все изворачиваетесь! Вам кажется, что с таким умом вы можете обойтись и без религии. Если б только мне удалось склонить вас к католичеству, я бы умерла спокойно, и вы тоже.

Карл. Обещаю вам, что я не умру протестантом. Вы должны позаботиться об этом, когда настанет мой час – мой смертный час! И пусть моя самая любимая будет счастлива – это все, чего я хочу. *(Гладит ее.)* Вы довольны?

Екатерина. Если бы только я могла этому верить!

Карл. Или вы хотите сказать, что я государь, на чье слово нельзя положиться?

Екатерина. Нет, для меня вы совсем не такой. Только от

души ли вы все это говорите? Боюсь, вы пошли бы в турки, лишь бы меня утешить!

Карл. Право, вы угадали! Но это не все. Дело не в том, что у меня мало религиозного чувства: у меня его предостаточно, равно как и у того чудака, с которым я беседовал нынче утром.

Часы бьют пять.

Но черт возьми, у меня же сегодня Государственный совет! Мне надо спешить. *(Сбрасывает шлафрок.)* Сапоги?! Куда подевались мои сапоги?

Екатерина. Вот они, ваши сапоги. Давайте я вам помогу, чтобы у вас был приличный вид.

Пока он натягивает сапоги, она приносит его камзол и помогает ему одеться. Он хватает трость и шляпу и нахлобучивает последнюю на голову.

Постойте, вы же забыли надеть парик! *(Снимает с него шляпу и протягивает парик.)* Страшно и подумать, что вы могли в таком виде войти в зал заседаний! Без парика никто бы просто не поверил, что вы и есть его величество Карл Второй. Вот так! *(Надевает на него парик, потом шляпу. Еще что-то на нем приглаживает, обдергивает и тем завершает его туалет.)* Теперь вы король с головы до пят! *(Приседает перед ним в почтительном реверансе.)* Посещение вашего величества было для меня большим счастьем. Да здравствует король!

Карл. Пусть вовеки здравствует королева!

Он царственно взмахивает рукой и горделивой походкой выходит из комнаты. Она выпрямляется на мгновение, но тут же падает на колени на свою скамеечку для молитвы.

МИЛЛИАРДЫ БАЙАНТА

Комедия вне всякой манеры

1948

BUOYANT BILLIONS

Я сдаю этот опус в печать всего за несколько недель до того, как мне исполнится девяносто два года. В подобном возрасте следовало бы просить прощения за то, что осмеливаешься произвести на свет еще одну пьесу и читать какие бы то ни было нравоучения. Мне редко удается обойти свой сад, не потеряв при этом пару раз равновесия; и невозможно поверить, что человек, которому недостает сил для такой простой задачи, еще в состоянии заниматься ремеслом Шекспира. И разве не грозный симптом слабоумия та болтовня о себе самом, которой я в данный момент как раз и поглощен? Не пора ли понять, что моя песня спета и мое место — у камина, в тихом теплом углу?

Что же, со всем этим я согласен; однако я не могу заставить молчать ни свой язык, ни свое перо. Пока я жив, я должен писать. Иначе я бы просто умер от тоски по какому-нибудь делу.

На вопрос, зачем была написана эта пьеса, я вынужден ответить, что сам того не знаю. Среди множества Чудаков всех разновидностей, так прихотливо и эксцентрично созданных Англией, можно найти и спиритуалистов. Они верят в личное бессмертие так же истово, как иной способен верить в разные несусветные ужасы. У них есть когорта писателей-медиумов, пользующихся иногда грифельными досками, в чьих руках любой пишущий предмет начинает, явно по собственной инициативе, фиксировать неизвестные самим медиумам сообщения сверхъестественного, как они утверждают, происхождения. Им возражают, что эти сочинения, лишенные какого бы то ни было новаторства или глубины, литературной значимости или художественного обаяния, под силу самым заурядным смертным; и так как гораздо более вероятно, что медиумы притворяются и лгут, нежели совершают чудеса, эти сочинения отвергают, считая их мошенническими.

Как истые британцы, медиумы не умеют защищаться. Они только попусту мелют языком. Между тем им достаточно было бы указать, что подобное возражение можно выдвинуть против любого знаменитого произведения. Например, Чудаки, известные как бэконианцы, наперекор всем фактам верят, что пьесы, приписываемые Шекспиру, были созданы кем-то дру-

гим, потому что на них недостало бы его собственных познаний и способностей. Кто был этот другой, остается загадкой, ибо на разгадку недостало бы и способностей Бэкона, и всех позднейших претендентов. Якобитский перевод Библии — величайший шедевр английской литературы; при этом христианская церковь объявляет Библию словом господним, сверхъестественным образом переданным христианским медиумам, которые записали его так же буквально, как простое письмо, продиктованное предпринимателем своей машинистке.

Возьмем для примера хотя бы меня. В моих жизненных обстоятельствах и во мне самом нет ровным счетом ничего, чем бы я отличался от всех прочих сыновей тех обедневших джентльменов, которые из-за отсутствия рентного дохода превратились в беспомощных купцов, вечно твердящих о своем благородном происхождении. Взяв ручку или садясь за пишущую машинку, я становлюсь медиумом не больше, чем браунинговский мистер Сладж, или Данглас Хоум, или Иов и Иоанн Богослов. Сочиняя пьесу, я не вижу ее всю от начала до конца: она пишется сама собой. Я могу обдумывать каждое предложение, пока не скажу в нем именно то, что мне пришло в голову сказать; но я не знаю, откуда, как и почему что-то приходит мне в голову, и не знаю, отчего на протяжении девяти лет постоянных коммерческих неудач я упорствовал в своем желании писать, вместо того чтобы стать биржевым маклером, букмекером или уличным торговцем. Вы скажете, что способности у меня были именно к этому. Так и есть; но ведь этот факт необъясним. Мог ли сказать меньше и мистер Сладж? Или Ян Гус, который дал себя сжечь, но не отрекся от своего: «Я не знаю. Научите меня»?

Еще ребенком я видел профессионального писателя-медиума: не отрывая карандаша от бумаги, которую ему подкладывали, он с потрясающей скоростью исписывал страницу за страницей. То, что позднее он был сослан за мошенничество, никак не объясняет ни его выступлений, ни выбора такой профессии. Когда я был уже человеком преклонного возраста, моя мать стала развлекаться с планшеткой, которая в ее руках начинала в изобилии производить так называемые спиритические послания. Конечно, эти желаемые послания принимались ею за действительные, и совершенно очевидно, что они были созданы ее писательской фантазией, как, например, уэверлийские романы были созданы Скоттом. Но почему она посвятила себя именно этой бессмысленной деятельности? Почему я как драматург занимался, в сущности, тем же? Не знаю. Мы оба получали какое-то удовлетворение, иначе не стали бы этого делать.

Это удовлетворение, удовольствие, аппетит пока значительно уступает по своей интенсивности сексуальному оргазму или религиозному экстазу, хотя будущая корковая эволюция может и их оставить далеко позади. Однако бывают минуты необъяснимого счастья, знакомые, например, недавно говорившему о них по радио Дж. Б. Пристли. Сам я испытывал их только во сне, не чаще, чем раз в пятнадцать лет. Не знаю, насколько это распространенное явление, так как никогда не слышал, чтобы о нем упоминал еще кто-нибудь, кроме мистера Пристли. Даря ощущение огромного пронзительного счастья, словно земля стала вдруг небом, эти мгновения доказывают, что такие переживания доступны нам даже в теперешнем нашем состоянии.

Счастливейший миг моей жизни был в детстве, когда мать сказала мне, что из Дублина мы перебираемся на Долки-Хилл, откуда открывался вид на небеса и море, расположившееся в двух больших бухтах между Хоутом и Бреем, с Долки-Айленд посередине. Во время воскресных прогулок я уже успел взглянуть на них и на горный Гленкри и испытал то, что Айвор Браун, описывая свои впечатления от пейзажа, назвал волшебным наслаждением. Пусть, кто может, возьмется его объяснить. Но выразить его могут только поэты. Эта загадка ждет гениального ученого, который разрешил бы ее с психологической точки зрения.

О подобных вещах специалисты-биологи умалчивают. Иначе из царства логики им пришлось бы перенестись в мир волшебства и чудес и потерять там свою репутацию непогрешимых всезнаек. Но кроме тех случаев, когда волшебство оказывается явным надувательством, чудеса не противостоят фактам и, следовательно, науке: они тоже факты, пусть пока не объясненные, но тем не менее факты. А факты суть научные проблемы, и истинные ученые обязаны заниматься этими проблемами, даже рискуя быть поставленными в один ряд с Калиостро, а не с Кларк-Максвеллом, Эйнштейном, Галилеем и Ньютоном, который, кстати, трудился в поте лица над толкованием Библии и до тех пор стыдился им же открытого дифференциального исчисления, пока Лейбниц не ввел его в обиход.

Ньютон, надо сказать, был совершенно прав, считая толкование Библии значительно важнее дифференциального исчисления, которое ставил не выше ученической шпаргалки. Вынося эти непонятные сегодня оценки, он отнюдь не изменял науке в пользу предрассудка: он пытался найти корни литературного творчества в исторических фактах. Нет ничего серьезнее и на-

учнее этого; и результат его изысканий, «Хронология»,— самая абсурдная книга из всех написанных на английском языке — не может поставить под сомнение цельность его личности как ученого и иллюстрирует его выдающиеся способности ничуть не меньше теории земного тяготения, которая могла прийти в голову всякому, кто увидел бы падающее яблоко как раз в тот момент, когда ему случилось задуматься, почему движущиеся тела не уходят по прямым траекториям в пространство. Объявив архиепископа Ашера непогрешимым, Ньютон отклонился от научной цели не дальше, чем современные биологи и мнимые социалисты в науке, превращающие в идолов Дарвина и Маркса. Ученый, который объяснит феномен пророка Даниила, или Иоанна Богослова, или, может быть, шекспировский, или мой собственный, сделает для науки больше всякого физика-первооткрывателя.

Мои читатели постоянно сетуют — в частных письмах и публично — что я разрешил для них еще не все мировые проблемы. Это приводит меня в ярость, ибо очевидно, что я не только не всемогущ, всезнающ и непогрешим, как бог, но, несмотря на всеобщее убеждение, не являюсь даже издателем «Таймс». Я не способен спокойно напомнить им, что вся премудрость Ньютона и моя тоже — это песчинка, подобранная на самом краю океана неведомых знаний, и не без труда воздерживаюсь от парафраза на тему: «Род злой и идолопоклоннический требует чуда». Но Магомет, подвергаясь такому же бессмысленному давлению, обуздывал свой гнев; так же, вероятно, должен поступать и я.

Вот и все, что у меня получилось в жанре предисловия к той банальной комедии, которую я еще могу написать в своем слабоумии. Это всего лишь предисловьице к комедийке. Будьте к ней снисходительны. Она, по крайней мере, не станет твердить вам о несчастьях и прегрешениях ни прошлых, ни даже будущих войн. История не придаст им большого значения, и чем скорее мы о них забудем, тем лучше. Интересно, сколько людей искренне предпочтет дутые военные новости и полицейскую хронику оптимистической улыбке комедии? Я не отношусь к их числу. Когда все это начинают передавать по радио, я его выключаю.

СОВЕРШЕНСТВОВАТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Современная комната. Хорошо обставленный кабинет. Утро. Отец беседует с Сыном. Отец пожилой джентльмен, по всему видно, процветающий, из мира дельцов, настоящий представитель среднего класса. Сын — юноша двадцати с лишним лет, хорошо, но в артистической манере одетый.

Отец. Юний, мой сын, ты должен прийти к какому-нибудь решению. Вчера вечером я много говорил об этом с твоей матерью. Ты уже достаточно времени пришит к ее юбке; на моем попечении ты тоже пересидел. Все твои шестеро братьев выбрали себе занятия, когда были гораздо моложе тебя, а я всегда ждал от тебя большего, чем от них. Твоя мать тоже.

Сын. Почему?

Отец. Я думаю, потому, что ты у нас седьмой ребенок, сын. Я сам седьмой сын, так что ты седьмой сын седьмого сына. Тебе полагалось бы быть прозорливцем.

Сын. Я и есть прозорливец. Я вижу, что наша цивилизация в безнадежном состоянии, хоть в наше время еще можно делать деньги. Но у мира в целом все же есть будущее — и это от меня тоже не скрыто. Наши потомки будут смотреть на нас как на орду дикарей. И с этой второй точки зрения нет смысла быть преуспевающим дельцом или, как вы говорите, человеком с профессией.

Отец. Это не совсем так. Ты отлично преуспевал во всем, за что ни брался. Хорошо учился в школе, и учителя уверяли меня, что у тебя задатки прирожденного лидера.

Сын. Да. В школе меня сделали префектом и дали палку для расправы с мальчиками, которых им самим было лень бить. Вот что называлось там воспитанием лидера.

Отец. Это, по крайней мере, придало тебе чувство уверенности в себе. Что иное школа могла сделать? В университете твои дела пошли не так блестяще, но могло бы быть иначе, если б ты решил работать так, чтобы добиться особого отличия, вместо того чтобы посещать сомнительного пошиба клубы и жить, как ты выражался, по своему усмотрению. Как бы там ни было, ты не опозо-

рил себя, но мы надеялись, что ты превзойдешь братьев. Вышло же так, что они заняты делом, а ты ничего не делаешь.

Сын. Да. Но единственное занятие, которое меня привлекает, не по моим возможностям.

Отец. Откуда ты это знаешь? Разве когда-нибудь я ограничивал тебя в чем-нибудь? Я вовсе не жду, что ты в пять минут станешь видным специалистом или дельцом.

Сын. Ты всегда был образцовым отцом. Но профессия, которую я имею в виду, не такова, чтобы образцовый отец мог желать ее для своего сына.

Отец. Скажи, что ты подразумеваешь?

Сын. Она никогда не сулит удачи. Это профессия Маркса, профессия Ленина, профессия Сталина, профессия Раскина, профессия Платона, Конфуция, Гаутамы, Иисуса, Магомета, Лютера, Уильяма Морриса. Профессия усовершенствователя человечества.

Отец. Мальчик, я не хочу осуждать великих пророков и поэтов, но они далеки от жизни, мы же нуждаемся в людях дела.

Сын. Их нет. Нам нужен тот, кто умеет использовать силу приливов и ветров, инженеры, расщепляющие атом, математики, биологи, психологи. А кого мы получаем? Болтливых карьеристов, пролетариев, которые могут ценить деньги в шиллингах, а не в миллионах и считать, что мир состоит из тред-юнионов. Как усовершенствователь человечества бóльшую часть своей жизни я буду скрываться от полиции и кончу, вероятно, эшафотом.

Отец. Это романтическая болтовня, мальчик. Ты живешь в свободной стране и можешь отстаивать любую политическую позицию, какая тебе нравится, если этим не нарушаешь закона.

Сын. А я хочу нарушить закон.

Отец. Ты хочешь сказать — изменить его. Прекрасно, ты имеешь возможность предложить любое угодное тебе изменение, и, если сумеешь убедить нас всех, тебя могут избрать в парламент, и тогда свои поправки к закону ты внесешь в палату общин.

Сын. Это чересчур медленно. Классовые бои надвигаются на человечество с быстротой бегущего тигра. Тигр уже совершил свой скачок в России, в Персии, в Мексике, Турции, в Италии, Испании, Германии, Австрии — повсюду, если считать национальные забастовки формами гражданской войны. Мы стараемся отогнать тигра бормота-

нием обветшалых заклинаний — свобода, мир, демократия, санкции, открытые двери, скрытые точки зрения,— а нужна обоснованная научно-политическая реорганизация. Так вот я хочу быть политическим реорганизатором. Ты сочувствуешь идее реорганизаций?

Отец. Я не вижу в ней необходимости. Все кто недоволен, недовольны, потому что бедны. Я не беден и не вижу причин для недовольства.

Сын. Хорошо, а я недоволен оттого, что другие люди бедны. Для меня жить в мире обездоленных и несчастных — ад.

Отец. Тебе не надо с ними разговаривать, не надо их знать: у тебя с ними нет ничего общего. Кроме того, они вовсе не несчастны.

Сын. Как же мне уйти от этих людей, когда они заполняют улицы? И разве можно знать, что мы не потеряем наших денег и сами не впадем в нищету? Представь, что ты и мама кончите свои дни в работном доме или будете перебиваться, получая пенсию для престарелых? Это бывает, знаешь ли.

Отец. В случаях, подобных нашему, все происходит иначе. Но об этом не нужно распространяться. Один из моих предков, заложивший основы нашего богатства, начал носильщиком в гостинице. Благодаря своей ловкости и социальной системе, которая давала ей простор, наша семья теперь прочно вошла в круг, где богатые становятся богаче, а не беднее, если они достаточно разумны и умеют себя вести. Наша система работает превосходно. Зачем ее изменять?

Сын. Многие люди думают так же. Другие согласны со мной. Но что делать, если ни одна из сторон не захочет уступить и компромисс окажется невозможен? Убивать друг друга?

Отец. Глупости! Для любых политических реформ существуют конституционные пути.

Сын. Значит, баллотировка вместо борьбы. Это бесполезно. Правящая партия, если дело того стоит и у нее есть настоящий вождь, всегда борется даже при минимальных шансах на победу. Пришедший к власти диктатор не складывает оружия до тех пор, пока его преемник из предосторожности не убивает его.

Отец. Только не в Англии. Такие вещи бывают на континенте. Здесь этого не случается.

Сын. Случается сколько угодно. Мы устроили такое в Ирлан-

дии и в Индии. Всегда было так. Мы противимся изменениям, пока они не побеждают нас.

Отец. К чему все это? Если люди не склонны к переменам, какой тебе смысл стараться изменить мир?

Сын. А какой смысл, чтобы все шло по-прежнему? Между прочим, ничто не остается неизменным. Как бы мы ни старались держаться привычной колеи, развитие идет своим чередом независимо от нас. Чем больше нам хочется, чтобы ничто в нашей жизни не менялось, тем отчетливее мы видим, как из этого ничего не выходит.

Отец. Однако не всегда возникают революции.

Сын. Они бывают, но их не сразу осознают. Когда феодальная аристократия отступила под натиском плутократического среднего класса, Генриху Седьмому пришлось дать сражение при Босвортфилде. Когда плутократия победила монархию, Кромвел был принужден отрубить голову королю. Деятели французской революции изо всех сил старались придерживаться либерализма и парламентских форм правления, но тщетно: гильотина и палачи не знали отдыха, и Наполеон вынужден был вступить в войну со всей Европой. Когда русские покончили с царским домом, им пришлось воевать не только со всем остальным миром, но вести еще и гражданскую войну. Сначала они убили всех контрреволюционеров, а затем вынуждены были убить большую часть революционеров. Во все времена революция – грязное дело. Почему?

Отец. Потому что она неконституционна. Почему не идти конституционным путем?

Сын. Потому что задача революции – изменить конституцию, а это само по себе неконституционно.

Отец. Это софизм. Все возможно решать голосованием, чтобы избегнуть крови. Кровь же, пролитая во время революций, всегда лилась зря: изменений можно было добиться, никого не убивая. Не следует ли тебе внять логике?

Сын. Да. Но логика ведет в такой же мере к католической монархии, как к американской республике, коммунистическим Советам или к капитализму. К чему доказательства, когда доводы папы римского столь же логичны, как доводы Мартина Лютера, а Гилера Беллока – как Герберта Уэллса? Зачем обращаться к массе, если девяносто пять процентов людей ничего не смыслят в политике и, не имея вождя, способны только на злые дела? А за каких вождей они голосуют? За Титуса Оутса и лорда

Джорджа Гордона с их проватиканскими интригами, за гитлеров, призывающих их уничтожать евреев, за различных муссолини, навевающих им националистические сны о славе и государстве, где иностранцы рассматриваются как враги, с которыми надо бороться.

Отец. Люди следуют за дурными вождями, только если не находится хороших, а в Англии всегда можно найти хороших.

Сын. Согласен. Но когда люди находят таких хороших вождей, зачем они идут за ними? Только, чтобы их распинать. Правый вождь рискует своей жизнью, едва он провозгласит истину. Карл Великий, Магомет, святой Доминик – все это были, по их разумению, правые люди. Но следовать Карлу означало сейчас же обратиться или умереть, согласно Магомету, паспорт на небеса давало уничтожение неверных, Доминик со своими господними псами предлагал либо отречение, либо костер.

Отец. Но все это относится ко времени, когда люди были жестоки и нецивилизованны.

Сын. Дорогой отец, за последние тридцать лет насчитывается больше кровавых преследований и избиений, больше дьявольски измысленных пыток и мук, больше убийств и разрушений, чем осмелились взять на себя Аттила, Чингисхан и все остальные бичи человечества. Уверяю тебя, если бы люди знали историю своего времени, они умерли бы от страха, глядя на собственные злодеяния. Карл Маркс изменил мировоззрение человечества, просто представив кичащемуся своим богатством девятнадцатому столетию его полную злодейств историю. Он погубил себя, его маленький мальчик из-за нищеты отца умер, двое других детей совершили самоубийство. Но все же Маркс добился своей цели.

Отец. Русское безумие долго не продлится. Более того, оно уже кончается. Теперь я держу все свои деньги в русских государственных бумагах. Мой маклер отказывается их покупать мне, но мой банкир уверяет, что это единственно надежные из иностранных бумаг: русские платят своим золотом.

Сын. А его будут гноить в американских банках, хотя целые народы едва способны существовать из-за того, что у них нет золота.

Отец. Однако ты, мой сын, живешь очень неплохо. Зачем тебе подрубать сук, на котором ты сидишь?

Сын. Потому что он трещит; и мне кажется благоразумным

позаботиться о подстилке, чтобы было мягче падать, когда он подломится.

Отец. Ты и так на самой мягкой подстилке. Послушай, мой мальчик. Ты умнее меня. Ты больше знаешь. Ты даже слишком много знаешь. Слишком хорошо говоришь. Я очень долго об этом думал и пытался себе представить, что должен был чувствовать старый Джон Шекспир из Стратфорда-на-Эйвоне, старшина цеха, олдермен и один из первых граждан своего города, когда разорился и узнал, что его непутевый сын, убежавший в Лондон, когда был уличен в браконьерстве и поставлен перед необходимостью жениться на скомпрометированной им девушке, оказался гораздо более значительным человеком, чем был или когда-нибудь смел надеяться стать его отец. Этого могу ждать и я, но с некоторой разницей. Шекспир обладал приносящим прибыль талантом, благодаря которому процветал, вернулся в свой родной город богатым человеком и обзавелся там собственностью. Такого таланта у тебя нет, а я не могу дать тебе денег на жизнь, как давал твоим братьям, потому что военные налоги едва позволяют мне теперь сводить концы с концами. Я ничего не могу для тебя сделать. Коль скоро ты хочешь усовершенствовать человечество, тебе надо начинать с самого себя.

Сын. Если я не усовершенствую человечество, ничего не выйдет, так как никто не будет нуждаться в услугах усовершенствователя мира; пока нет недостатка в своекорыстных людях, зарящихся на любую оплачиваемую работу. Все же иным совершенствователям человечества удается выстоять. Может быть, я окажусь в их числе.

Отец. Они выстаивают, потому что приспосабливаются к обстоятельствам: женятся на богатых, занимаются коммерцией, паразитируют на учениках, у которых выпрашивают или занимают деньги. А что же еще им остается делать, чтобы не голодать и не кончать самоубийством? Сто лет назад были короли, за счет которых можно было жить. Теперь повсюду республики, и их правительства всемогущи, потому что умеют делать атомные бомбы и могут в одну тысячную секунды стереть с лица земли город со всеми его жителями.

Сын. Какое это имеет значение, если город можно восстановить за десять минут? Все ученые мира заняты тем, как ограничить, взять под контроль, удешевить атомную энергию, так что скоро с ее помощью одинаково просто

будет сварить яйцо, очинить карандаш и разрушить город. Уже говорят, что атомная бомба будет стоить гроши.

Отец. Надеюсь, это ошибка. Ведь если всякий, кому вздумается, сможет разнести мир на куски, тут уж конец всего. Шекспировская злая обезьяна позаботится об этом.

Сын. Почему? До сих пор ничего подобного не делалось. Я могу пойти в ближайшую лавку и меньше чем за шиллинг купить достаточно всякой всячины, чтобы этот дом со всеми, кто в нем живет, разлетелся на части. Мне нужны только стеклянная реторта, ступка с пестиком и фильтр. Однако я этого не делаю.

Отец. А члены тред-юнионов сделали в Манчестере и Шеффилде.

Сын. Они скоро отказались от подобных действий. Кроме того, они не разрушили даже трущоб, в которых жили, только пустили на воздух нескольких своих же людей за то, что те отказывались вступить в союз. Нет, человечество слишком слабо, чтобы последовательно до конца идти на убийства и самоубийства. Хиросима и Нагасаки уже восстановлены, и Японии военные катастрофы только пошли на пользу. Если расщепление атома позволит за два часа обеспечить то, на что теперь уходит два года, мы в один миг сдвинем с места горы и изменим течение рек. Тогда вопрос, как занять свое свободное время, сделает жизнь во много раз интересней. Больше нельзя будет сомневаться, стоит ли жить. Тогда усовершенствователи человечества добьются своего.

Отец. Спортсмены, во всяком случае, так как война — это спорт. Когда-то она была спортом королей, а теперь рабочих партий.

Сын. Интересно, что могли бы сделать короли и партии без армий пролетариата. Война ведь спорт слишком опасный и низкий для людей, облагороженных огромной властью и блестящими возможностями, которые она дает.

Отец. Власть не облагораживает, а развращает.

Сын. Облагораживает, если она достаточно велика. Малая развращает мелких людишек. Предельно могущественная власть изменит мир. Если б это поняли древние шумеры, египтяне, греки и римляне, их цивилизации не погибли бы, как это случилось. Не было бы темных веков. Победителями окажутся усовершенствователи человечества.

Отец. Возможно, но разве все это не говорит о том, что тебе надо начать респектабельную жизнь, устроиться инжене-

ром-атомщиком и ладить с правительством и полицией.

Сын. Безусловно, но если б для этого у меня был талант, а у меня ни к чему, кажется, нет таланта, кроме произнесения проповедей. Я миссионер без церкви.

Отец. Как ты тогда будешь существовать? Тебе же надо на что-то жить, когда меня не станет.

Сын. Я думал застраховать твою жизнь.

Отец. А как ты оплатишь страховую премию?

Сын. Думаю взять взаймы у матери.

Отец. Тут есть известный смысл. Но это не могло бы длиться вечно, а обеспечило бы тебе только первые шаги. В каком направлении ты их собираешься сделать?

Сын. Я мог бы выступать с речами в парках и таким образом собрать вокруг себя последователей, а потом открыть собственную церковь и жить на подаяние.

Отец. Можно передать это твоей матери?

Сын. На твоем месте я не стал бы передавать.

Отец. Ты неисправим. Повторяю снова, что ты слишком умен и слишком много знаешь; мне с тобой не справиться. Интересно, сколько отцов то же самое говорят в наши дни своим сыновьям?

Сын. Очень много. В твое время молодежь была постмарксистской, а их отцы предмарксистами. Сегодня все мы постатомбомбисты.

Отец. Будь проклята атомная бомба!

Сын. Я говорю — будь она благословенна. Она сделает возможным усовершенствовать мир. Прежде всего земля освободится от анофелеса, мухи цеце, термитов и саранчи. Я хочу пройти повсюду, чтобы насмотреться на это, и прежде всего отправлюсь на Панамский канал. Ты оплатишь мне поездку?

Отец. Да. Оплачу все, что отвлечет тебя от чепуховых проповедей в парках. Твой отъезд на время успокоит мать.

Сын. Лучше ей ничего не говорить, пока я не уехал: она ни за что не захочет меня отпустить — седьмой сын ее любимец. Такая привязанность — тирания, и я должен от нее избавиться.

Отец. А меня ты оставляешь расхлебывать кашу! Ладно. До свидания.

Сын. До свидания. Ты замечательный отец, и я этого не забуду.

Они целуются, и сын уходит.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Тропический ландшафт. Покрытый кустарником берег широкой реки со множеством полузатопленных деревьев. У воды стоит деревянный дом на столбах с лестницей, ведущей с веранды южноафриканского типа в сад. Крыша дома из гофрированного железа зеленого цвета. Сын во фланелевых брюках, теннисной рубашке и панаме озирается вокруг как человек здесь чужой. Молодая женщина, одетая для работы в пижамные брюки и пуловер, выходит из дома и с верхней ступеньки разговаривает с Сыном, стараясь, чтобы он тут не задержался.

Она. Так вот. Эта вырубка — частное владение. Что вам надо?

Он. Собственно ничего, прелестная леди. Считайте меня случайным бродягой.

Она. В таком случае проходите еще скорее. Тут не ночлежный дом.

Он. Конечно. Но в здешних диких местах приход чужого человека должен радовать как дар божий. Между прочим, я голоден и хочу пить.

Она. Как все бродяги. Уходите.

Он. Не уйду, решительно, пока не подкреплюсь.

Она. У меня собака.

Он. У вас нет собаки, иначе она бы залаяла. Кроме того, собаки меня любят.

Она. У меня есть ружье.

Он. У меня тоже. Они бесполезны и годятся только, чтобы совершать самоубийства. Вы замужем?

Она. А вам какое дело?

Он. Если у вас есть муж, леди, он всего лишь мужчина. Я тоже мужчина. Но не похоже, что вы замужем. В доме найдется молоко, горбушка хлеба и луковица?

Она. Не для вас.

Он. Почему не для меня? Вы последовательница какой-нибудь религии?

Она. Нет. Уходите прочь.

Он. Это осложняет дело. Я думал, передо мной гостеприимная, дружественно настроенная туземка, а вы, оказывается, снобка англичанка с коммерческой жилкой. Следует

ли мне оскорбить вас предложением заплатить за занимательную беседу? Может быть, поразить вас, представившись обладателем ученой степени Оксфордского университета?

Она. Я хорошо знаю эти фокусы, мой друг. Странствующие ученые заглядывают сюда примерно дважды в неделю.

Он. «Мой друг» – интересно! Это уже похоже на выражение добрых чувств. Мы делаем успехи. Ну, как насчет молока?

Она. Вы можете поесть на пристани двумя милями дальше.

Он. Идти две мили по такой жаре! Да я умру.

Она *(терпеливо)*. Проходите и не мешайте там, где вас не ждут. *(Входит в дом и захлопывает дверь.)*

Появляется пожилой туземец с кувшином молока и корзинкой с хлебом и фруктами. Все это он ставит на ступеньки.

Туземец *(обращаясь к находящейся за дверьми женщине)*. Ахайа! Еда для мисси. Этот белый человек околачивается тут.

Женщина открывает дверь, протягивает туземцу монету и захлопывает дверь, бросив сердитый взгляд на незваного гостя; еда остается на ступеньках террасы.

Он *(туземцу)*. Принеси мне поесть. Вот полдоллара. *(Показывает монету.)*

Туземец. Слишком много. Двадцать пять центов достаточно.

Он *(достает и протягивает двадцатипятицентовую монету)*. Честный человек получает вперед и удостаивается удела в славе божьей.

Туземец. Вы жди здесь. Ходить нет.

Он. Почему?

Туземец. Нехорошо ходить. Гатор и змея.

Он. Что значит «гатор»?

Туземец. Аллигатор, сэр. Много гатор, много гремучий змей.

Он. Ладно. Буду ждать здесь.

Туземец. Да, сэр. И вы не разговаривай со святой женщина. Нельзя с ней разговоры. Она говорит только с великими духами. Очень сильное колдовство. Положит на тебя заклинание. Приманивает гаторов и змей колдовскими напевами своей дудочки. Очень плохой говорить с ней, очень хорош приносить дары.

Он. У нее есть муж?

Туземец. Нет, нет, нет, нет. Потому что святой женщина. Живет одна. С ней, сэр, вы не говорить. Ждите здесь. Сейчас приду с ам-ам. *(Уходит.)*

Она *(снова открывает дверь)*. Еще здесь?

Он. Туземец говорит, что вы святая женщина. Но обращаетесь вы со мной далеко не как святая. Могу я сделать предложение – позвольте мне съесть ваш завтрак? А вы съедите мой, когда его принесут. Я голоден сильнее вас.

Она. Вы не умираете от истощения. И воспитание воли вам не повредит. Во всяком случае, можно подождать еще десять минут. Если вы не уйдете, я созову гаторов и змей.

Он. Значит вы подслушивали. Еще один шаг в мою сторону.

Она. Берегитесь, я могу их созвать.

Он. Как?

Она. В мои суетные дни, когда я искала счастья в общении с мужчинами вроде вас, я научилась играть на саксофоне-сопрано. Он у меня здесь. Стоит взять двадцать нот, как вы будете окружены страшными, свистящими, гремящими гадами с раскрытыми пастями и готовыми к удару хвостами. Я здесь лучше защищена от праздных прохожих, чем на Пикадилли.

Он. Да, святая женщина. Но как обстоит с вашей совестью? Голодный просит у вас поесть, а вы готовы отдать его на съедение гаторам и гремучим змеям. Как это будет выглядеть в день великой расплаты?

Она. Ни для вас, ни для меня это не будет иметь значения, когда он придет, если он когда-нибудь настанет. Но чтоб я вас больше не слышала, берите мой завтрак.

Он. О, спасибо.

Она. Не ищите стакана, ножа и вилки. Пейте из горлышка и ешьте руками.

Он. Опрощение, да? *(Принимается есть.)*

Она. Нет. Когда живешь просто, нажимаешь звонок, чтобы пришли слуги. Все для вас делается, и вы ничему не учитесь.

Он. Здесь же вы ждете, пока вернется этот добрый туземец и вас накормит, как вороны Илью Пророка. Чему это может научить?

Она. Вы убеждаетесь, какие хорошие люди туземцы. Но вы начинаете с попыток прокормиться и построить себе хижину. Я через все это прошла и поняла, что за беспомощное создание цивилизованная женщина.

Он. Точно. Преимущество цивилизации таково: все делается

за вас кем-нибудь другим, а вы не имеете понятия, как и почему это делается, если не читали Карла Маркса.

Она. Я его читала, когда мне было лет пятнадцать. Потому-то я здесь, а не дожидаюсь в Лондоне богатых женихов.

Он. Мы болтаем, как старые друзья. По-видимому, это доставляет нам удовольствие.

Она. Почему *вам* этого хочется, раз вы получили завтрак?

Он. Не знаю. Правда, почему мы продолжаем болтать?

Она. Я тоже не знаю. Мы опасны друг для друга. Кончайте есть и идите.

Он. Но вы ведь избрали опасную жизнь. Я тоже. Если я уйду, наши сердца могут разбиться.

Она. Молодой человек, я годами ждала, чтобы кто-нибудь разбил мое сердце, пока наконец не поняла, что его у меня нет. Между тем я разбила немало мужских сердец и попала сюда, чтобы избавиться от подобных вещей. Я могу переносить любых людей, кроме английских джентльменов.

Он. А я любых, кроме английских леди. Танцы и карты, коктейли, соблазнение женщин и бегство, когда они идут тебе навстречу, говоря: «все хорошо, мое солнышко, не надо извиняться» — с этим покончено. Охотиться и стрелять — прекрасные вещи, но для этого надо быть настоящим дикарем, живущим на природе, а я городской человек. Мой отец лавочник, а не сельский сквайр.

Она. То же самое и у меня. Мой отец фантастически удачливый финансист, но родом пролетарий. Обоим нам невелика цена.

Он. У вас много денег, но нет корней, нет традиций.

Она. Чепуха. Наши корни в трущобах и предместьях, и мы пропитаны их снобизмом. Но как леди и джентльмены мы не очень удачливы.

Он. И ничего не остается, как жить на отцовские деньги, да?

Она. Да, мы паразиты, и это не жизнь. А в глуши можно раскусить, каков ты.

Он. Не всегда это очень приятно, правда?

Она. Всякий зверь терпим к своему запаху.

Он. Ваше последнее замечание отбило мне аппетит. Грубый реализм, с которым женщины относятся к явлениям физической жизни, оскорбляет утонченность, присущую моему полу.

Она. Да, мужчины — мечтатели и трутни. Если вам больше не хочется есть, уходите.

Он. Я, конечно, предпочел бы поспать в гостеприимной тени вашего дома, пока спадет самая страшная жара.

Она. Если вам нужен дом, чтобы спать в его тени, постройте себе, а мой оставьте в покое.

Он. Это неестественно. Обычно туземная женщина заботится о доме и работает там, а мужчина заботится о женщине и отдыхает в доме.

Она. Вы в данном случае не заботитесь о женщине. Вы ей надоели. Идите прочь.

Он. Сколько мне известно, женщина не говорит «идите прочь».

Она. Вы думаете, она скажет «входите»? Сколько вам известно, мужчина работает вне дома. Чем же он, хотелось бы знать, занимается?

Он. Охотится, ловит рыбу, сражается.

Она. Вы охотились или ловили для меня рыбу?

Он. Нет. Всякое убийство мне отвратительно.

Она. Может быть, вы сражались за меня?

Он. Нет. Я человек робкий.

Она. Трусы не нужны женщинам. Им нужен тот, кто способен убивать. Где ваши скальпы?

Он. Мои что?

Она. Ваши доказательства, что вы не боитесь убивать,— вражеские скальпы.

Он. Я никогда не убивал. И не хочу. Я хочу приличной жизни для всех, так как бедные так же несносны, как богатые.

Она. А что женщине придется есть, если вы не можете убивать для нее животных?

Он. Подобно мне, стать вегетарианкой.

Она. Я тоже вегетарианка, но поняла здесь, что, если мы, вегетарианцы, не убиваем животных, они убьют нас. Только тот человек, который ест мясо, щадит животных, кормит их и пестует. Мы, вегетарианцы, хотели бы, чтобы их вовсе не было. Не важно, что мужчина ест, он все равно убийца, а женщина — подательница жизни. Так вы способны убить или нет?

Он. Я немного умею стрелять, хотя мало кто из смыслящих в этом деле сельских джентльменов пожелал бы стоять при этом рядом со мной. Но я не умею заряжать ружье — мне нужен заряжающий. Я не могу найти птиц, целой армии загонщиков надо пригнать их ко мне, а после этого мне нужен хороший завтрак. Я могу травить зверя, если кто-нибудь даст мне оседланную лошадь, бу-

дет держать ее в конюшне, а когда кончится охота, снова возьмет ее у меня. Я бы не боялся сражаться вместе с остальными, если б меня взяли в армию и предупредили, что при попытке к бегству меня убьют на заре. Но к чему здесь эти героические вещи, когда нет ни заряжающих, ни загонщиков, ни грумов, ни конюшен, ни солдат, ни короля, ни страны? Мне следовало бы выучиться делать луки, стрелы и дротики, выслеживать добычу, ловить и объезжать диких лошадей и сражаться с туземцами, вооруженными отравленными стрелами. Но едва ли я был бы тут удачлив. Только две вещи я делаю не хуже туземцев — ем и сплю. Вы дали мне возможность утолить голод, почему не дать мне выспаться?

Она. Потому что я хочу играть на саксофоне. Приползут гремучие змеи, и вы не проснетесь.

Он. Тогда не лучше ли разрешить мне лечь в доме?

Она. Звуки саксофона помешают вам спать.

Он. Напротив, музыка всегда погружает меня в глубокий сон.

Она. Когда я играю на саксофоне, возможен только смертный сон.

Он *(встает устало)*. Последнее слово за вами. Вы негостеприимная, негодная женщина.

Она. А вы ужасная зануда. *(Входит в дом и захлопывает дверь.)*

Туземец приходит со второй порцией еды. Он ставит ее у двери, в которую стучит.

Туземец *(кричит)*. Ахайа! Еда для мисси.

Он. Как тебя там, Джон, ты можешь сказать, где здесь ближайший колдун, заклинатель, чтобы наслать ужасно сильное колдовство на этот дом?

Туземец. Сэр, колдовство — это суеверие. Белая шваль верит в такие вещи, цветные люди — нет.

Он. Разве у вас нет богов и жрецов, которые могут наслать на злых людей гнев богов?

Туземец. Существует один бог, источник всего творения. Он пребывает на солнце, поэтому можно смотреть на все, кроме солнца.

Он. Как вы его зовете?

Туземец. Его имя можно произносить только с величайшим благоговением. Мне известно, что в других странах он носит другие имена. Здесь его священное имя *(туземец склоняет голову)* Хухлипухли. У него на земле сто невест; та, что живет в этом доме, одна из них.

Он. Послушай, Джон, бог белых людей много-много могущественнее Хухлипухли.

Туземец. Может быть, сэр. Но вы, белые люди, не верите в вашего бога. Мы же верим в своего. Лучше совсем не иметь бога, чем такого, в которого не веришь.

Он. Что ты имеешь в виду, говоря, будто у нас нет веры? Откуда ты это знаешь?

Туземец. Кто верит в своего бога, послушен ему, а вы хотите, чтобы ваш бог был послушен вам. Но простите меня, сэр, мне запрещено рассуждать о подобных высоких материях с непосвященными. Я не сомневаюсь после ваших слов, что среди своего народа вы очень уважаемый человек, но для нас вы язычник, варвар, неверный. Умственно мы не на одном уровне, поэтому всякие разговоры между нами, исключая простейших, например о молоке и овощах, могут привести только к недоразумениям и спорам. Пожелаю вам доброго утра, сэр.

Он. Погоди, самонадеянный. Я хочу поставить тебя в известность, что я магистр искусств Оксфордского университета, а это центр мировой учености. Наличие такой степени означает, что ее обладатель достиг самого высокого умственного уровня, доступного человеку.

Туземец. А как, позвольте, сэр, вас покорнейше спросить, вы получили эту степень?

Он. Купил ее за круглую сумму в двадцать фунтов.

Туземец. Не может быть. Знание и мудрость не приобретаются как модное платье.

Он. В Англии приобретаются. Какой-нибудь ученый умник дает нам вопросы, которые наши экзаменаторы могут задать, и нужные ответы.

Туземец. Но ответить на вопросы по-настоящему могут помочь лишь собственная мудрость и знания.

Он. Только не в Оксфорде. Поскольку ваш брат на сто лет отстал в науке и на семьсот в историческом развитии, ты не можешь надеяться получить там степень.

Туземец. А неужели правда, что доктрины ваших учителей моложе тысячи лет?

Он. Самые передовые наши ученые нашли бы общий язык с Ричардом III. Мне бы хотелось послушать, как они обсуждают с ним Колумба.

Туземец. В таком случае, сэр, вы должны почитать меня, так как доктрины моих учителей насчитывают много тысяч лет, а жить так долго может только истина.

Он. Я не почитаю никого. Это чувство умерло. Оксфорд сде-

лал из меня джентльмена, ты, кажется, сходным образом стал мудрецом. Чем мы лучше или мудрее?

Туземец. Сэр, вы потеряли веру, но не бросайте вместе с топорищем топор. Белые люди, видя, что их вера только наполовину истинна, отвергают обе половины. Мы, цветные, более тактичны. Мой прадед видел зло мира, но считал, что это свидетельство устрашающего величия Хухлипухли. Мой отец видел его тоже, но не мог примирить существование зла с божественной справедливостью и добротой. Поэтому он верил не только в Хухлипухли, но и в Пухлихухли, божество преисподней, которое вы, белые люди, зовете Дьяволом. Что до меня, я не верю во многое, во что верили мои предки, но, как и они, знаю, что справедливость и доброта – величайшие силы, но они обнаруживают себя только внутри нас, так что за исключением той меры справедливости и доброты, которая есть в нас и в нам подобных, ни того, ни другого не существует.

Он. И, следовательно, Хухлипухли.

Туземец. Это неверно. Вы отбрасываете вместе с топорищем топор. Царствие Хухлипухли внутри нас, но нам самим надлежит управлять этим царством. Нечто, существующее во мне, внушает мне жажду справедливости. Это нечто и есть Хухлипухли.

Он. Это Хухлипухли внушил тебе мысль говорить со мной на ломаном английском языке, хотя ты можешь пользоваться языком философии лучше, чем большинство англичан?

Туземец. Сэр, вы обратились ко мне на ломаном языке и называете меня Джоном, хотя меня зовут иначе. Из вежливости я стал объясняться с вами таким же образом.

Он. Постой, когда ты сказал, что живущая здесь женщина одна из многочисленных земных жен Хухлипухли, ты морочил меня?

Туземец. В большей или меньшей степени Хухлипухли обладает всеми нами; поэтому каждая женщина – его невеста. Я хотел единственно вашего блага, когда просил остерегаться ее, так как действительно стоит этой женщине заиграть на своей странной дудочке, как она завораживает змей, живущих в зарослях, и озерных чудищ, и они собираются, чтобы слушать ее музыку.

Она *(резко открывает дверь и появляется на пороге с саксофоном в руках)*. Если вы не прекратите здесь разговаривать и бесить меня своим кудахтаньем, я начну играть.

Он. Безусловно, начинайте. Я немного понаслаждаюсь музыкой.

Она. Посмотрим. С меня довольно.

Она начинает прелюдировать на саксофоне. В зарослях слышится шум и свист. Приползает аллигатор. Оба собеседника спасаются бегством.

ДИСКУССИЯ

Лондон. Гостиная в Белгрейв-Сквер, обращенная в китайский храм, насколько это позволяют условия. Белые стены с розовым отливом, чтобы поглощать яркий свет, шатер в пурпурных и золотых тонах на возвышении, образованном двумя широкими и низкими ступенями. По стенам мягкие диваны, но стоят и удобные плетеные кресла с дорогими подушками. В одном из углов шатра нечто вроде епископского престола. Убранство изящное и успокаивающее, какое может дать только китайское искусство. Входит человек, резко не соответствующий виду этому помещению,— средних лет лондонский поверенный XX века с папкой для бумаг. Его сопровождает китайский жрец в халате; в отличие от поверенного он естественно вписывается в окружение.

Поверенный *(озирается вокруг)*. Что это значит? Меня следовало проводить в библиотеку. Вы знаете, кто я? Я сэр Фердинанд Флопер, поверенный мистера Байанта.

Жрец. Мистер Байант выразил желание, чтобы вы встретились с его детьми тут, в священном месте. Разве он не упомянул об этом в своей инструкции?

Сэр Фердинанд. Нет. Это не священное место. Мы в Белгрейв-Сквер, а не в Гонконге.

Жрец. Сэр, во многих старых английских домах есть комната, расположенная поодаль от других и предназначенная для сосредоточенных раздумий.

Сэр Фердинанд. О! Их давно упразднили.

Жрец. Вы правы. Англичане теперь не размышляют.

Сэр Фердинанд. А мистер Байант?

Жрец. Его душа нуждается в отдохновении. Он крупнейший делец – под его пальцами все превращается в деньги. Души под таким бременем безвременно гибнут. Потому он приходит сюда и проводит здесь полчаса, пока я совершаю богослужение, из которого он не понимает ни единого слова. Но он выходит другим человеком, умиротворенным и спокойным. Эту комнату можно назвать его молельней.

Сэр Фердинанд. Я конечно не назвал бы ее так. Его молельня принадлежит к англиканской церкви.

Жрец. Он там не обрел мира.

Сэр Фердинанд. А вы мне говорите, что мистер Байант нашел его здесь, в этой странной комнате, где он не понимает слов службы?

Жрец. В церкви он понимал слишком много. Он не мог поэтому верить. А люди в своей воскресной одежде были так отвратительны.

Сэр Фердинанд. Почему отвратительны?

Жрец. Воскресное платье и лица покеристов. Нет мира, нет радости. Но за музыку они готовы отдать все. Вот почему вы, вероятно, не ходите в церковь.

Сэр Фердинанд. Кто вам сказал, что я не хожу в церковь?

Жрец. Никто. А вы ходите?

Сэр Фердинанд. Я пришел сюда по делу и не могу тратить утро на религиозные споры. Вы будете так любезны проводить меня в библиотеку?

Жрец. После этой комнаты библиотека вам покажется мрачной. Ее атмосфера парализует духовно. Мистер Байант распорядился, чтобы разговор с его семьей происходил здесь. Но службы, чтобы не воздействовать на вас, не будет.

Сэр Фердинанд. На меня ничто не оказывает воздействия. Однако обстановка здесь неподходящая. Члены семьи мистера Байанта знают о том, что я пришел?

Жрец. Вот они.

Входят члены семьи Байанта, — средних лет вдовец, мужчина моложе его, две замужние дамы, незамужняя девица двадцати лет и развязный юноша семнадцати лет. Вдовец представляет их.

Вдовец. Доброе утро, сэр Фердинанд. Мы члены семьи вашего клиента мистера Бастабля Байанта, лучше известного как Старый Билл Байант, миллионер. Я вдов. Эти дамы — жены моих братьев. Один брат отсутствует и все передоверил своей жене. Двое детей — это наша сестра Дарки и наш брат Фиффи, записанные как Евдоксия Эмили и Фредерик.

Все раскланиваются с сэром Фердинандом, когда их представили, и садятся на диваны, причем супруги напротив друг друга. Двое самых молодых тоже садятся друг против друга впереди взрослых. Сэр Фердинанд, несколько чо-

порно ответив на их поклоны, занимает место на епископском престоле.

Жрец. Я покидаю вас на время совещания. Мир вам.

Он уходит, все машут ему на прощание.

Сэр Фердинанд. Поскольку меня пригласили в первый раз и я ни с кем не знаком, естественно я в некоторой растерянности. Что вам уже известно о деле, о котором мне надлежит сообщить вам?

Дарки *(с самого начала решительно берет инициативу в свои руки)*. Ровно ничего. Дело всегда обозначает деньги, а из нас никто ничего не знает о деньгах, так как наш отец знает о них все. Но зато я отлично разбираюсь в хозяйстве, потому что наша мать ничего в этом не смыслила и еще менее интересовалась домом. Она предпочитала заниматься живописью. У нас были исключительно одаренные родители. А результат таков, что мы стали беспомощны и никчемны.

Второй сын. Это правда. Для нас делалось так много, что мы ничего не научились делать для себя. Я, например, математик, но не зарабатываю этим.

Жена второго сына *(агрессивная женщина)*. Математика – его причуда. Стоит Байанту сесть на своего конька, он долго не захочет с него слезть.

Юноша. Мы чертовски богаты, видите ли. Хозяин только и знает что кует миллионы.

Дарки. У нас есть крохи вкуса и способностей к науке, живописи, музыке, писательству, ведению беседы. Один из братьев – чемпион по боксу среди любителей, другой – историк, владеющий одиннадцатью языками. Кроме того, он любитель ходить пешком и ежегодно из принципа проходит три тысячи миль. Мы все примерно такие, потому что наш дед начал с восьми шиллингов в неделю и самостоятельно в семнадцать лет овладел чтением и письмом, чтобы писать своей матери. Она умела читать по писаному.

Вдовец. Дарки поясняет вам, что, поскольку мы полностью в денежном отношении зависим от отца, мы можем защищаться против его тирании только своей образованностью, перед которой человек, ничему не учившийся, испытывает благоговение.

Жена третьего сына *(мягкая, красивая и безгрешная)*. О, он вовсе не тиран!

Вдовец. Был бы, если б мы не были бесспорно выше его социально.

Жена второго сына. Из справедливости к старику я должна сказать, что, сколько я могу судить, он никогда никому из вас не сказал слова поперек.

Дарки. Я этого и не утверждала. Я хотела объяснить мое особое положение в семье. Я не очень докучаю вам, сэр Фердинанд?

Сэр Фердинанд. Нисколько. У нас еще много времени до завтрака. Если у вас особое положение, я хотел бы знать, почему?

Дарки. Так вот. Поскольку я в семье единственная женщина, я испорченный баловень, заласканная любимица судьбы. У меня нет ни дарований, ни успехов в чем-либо, кроме того, в чем я преуспела, делая, что мне нравилось, и получая то, чего мне хотелось. Это оказалось страшнее, чем когда тебя школят. Подчас я корю родителей за то, что они не убили меня, а оставили жить, учиться и получать жизненные уроки, ломая себе при этом шею и попадая во все дурацкие ловушки. Меня так забаловали, что мне оставалось либо научиться жить, либо умереть. Если что-нибудь реальное еще можно сделать, мне следует об этом подумать.

Жена третьего сына *(очень мягко)*. Не принимайте ее слов всерьез, сэр Фердинанд. Дарки всегда говорит о себе всякую ерунду.

Дарки. Признаюсь, что это сущая правда. Как бы то ни было, сейчас я умолкаю. Продолжайте, сэр Фердинанд.

Сэр Фердинанд. Сначала, если разрешите, один вопрос. В течение многих лет мистер Байант, вероятно, пользовался юридическими советами? У вас есть постоянный поверенный?

Вдовец. Нет. Отец не считает целесообразным обращаться к одному и тому же поверенному.

Дарки. Он думает, что это значит пренебрегать опытом, и когда болеет, тоже всегда приглашает разных врачей.

Юноша. Он берет поверенного на один рейс, как такси.

Вдовец. Надо сказать, что эта манера отца дала ему возможность хорошо изучить врачей и поверенных.

Второй сын. Теперь отец дает советы врачам и поучает поверенных.

Сэр Фердинанд. Зачем он их тогда приглашает?

Жена второго сына. В противном случае, если бы кто-нибудь из нас умер или лежащие у него чужие деньги про-

пали, его можно было бы преследовать по суду за небрежность, присвоение чужого добра или еще за что-нибудь.

Сэр Фердинанд. Правда. Но тут возникает вопрос о профессиональной этике. У меня опасения, прилично ли мне вести это дело.

Юноша. Если хозяин говорит, что да, спокойно можно поставить свой последний доллар, что все обойдется в наилучшем виде.

Дарки. У отца так много денег, что он может диктовать.

Сэр Фердинанд. Но не в законных инстанциях.

Вдовец. Какое может быть сомнение! Практически, однако, все выходит.

Сэр Фердинанд. Я, право, не знаю, что и сказать. Вы так необычно откровенны и ваш отец такой удивительный человек, что мне бы хотелось знать о вас побольше. Вы принадлежите к новому поколению, непохожему на наше. Я в полнейшем недоумении. Можно мне продолжать беседу как доброму знакомому, а не поверенному?

Дарки. Это как раз то самое, что надо.

Юноша. Молчите.

Дарки. Продолжайте, сэр Фердинанд. Что вы нам еще скажете?

Сэр Фердинанд. Знаете, я предполагаю, что капитал вашего отца, теперь уже практически необозримый, был составлен и до сих пор составляется на бирже путем приобретения акций и паев и продажи их с выгодой для себя, что не облагается налогом, так как квалифицируется как капитал, а не как доход. Это, следовательно, дало возможность вашему отцу не потерять своего огромного состояния, хотя налоги военного времени уничтожили богатых людей как общественную категорию.

Юноша. Тем лучше для нас.

Сэр Фердинанд. Как раз наоборот. Канцлер казначейства может считать биржевые доходы либо биржевыми доходами, либо спекуляцией. В последнем случае миллионы Байанта разом кончатся. Во всяком случае, они перестанут расти с его смертью, которая теперь уже не за горами, и ваши доходы будут обложены налогом как всякие другие, если они у вас есть. У вас есть какие-нибудь доходы?

Вдовец. Я знаю только, что нужные мне суммы появляются в графе «приход» моей банковской расчетной книжки в виде денег или дивидендов на немногочисленные бума-

ги, которые мой маклер рекомендовал мне купить.

Сэр Фердинанд. И вас это устраивает?

Второй сын. Вполне.

Дарки. Я же вам сказала, сэр Фердинанд. Никто из нас не имеет понятия, как делаются деньги, потому что отец знает это отлично.

Сэр Фердинанд. Он никогда ничего вам не объяснял?

Вдовец. Он не мог объяснить, так как сам не понимает этого. Отец руководствуется инстинктом, как бобры, когда строят свои плотины.

Второй сын. Если я следовал когда-нибудь финансовому совету отца, то неизменно терял деньги. Теперь я прибегаю к услугам банкира.

Сэр Фердинанд. Я с прискорбием должен предупредить всех вас о том, что в ближайшее время вы лишитесь своих денег. Вам придется оставить загородные виллы и поселиться в сторожках привратников и домиках для садовников. Вашим женам придется заниматься хозяйством, одежда должна будет служить вам годами. Я здесь для того, чтобы внушить вам эту горькую истину.

Вдовец. Но нужда, надо думать, не будет длиться вечно. Лейбористское правительство, которое ответственно за ограбление имущих, при следующих выборах не наберет голосов.

Сэр Фердинанд. Дело не в нем. Никто и ничто на свете не может вернуть нетрудовые доходы, признававшиеся в девятнадцатом веке. Об этом позаботятся социалисты и тред-юнионы.

Дарки. Все наши женщины никогда не делали домашней работы.

Сэр Фердинанд. Я опасаюсь, что вам придется обучиться.

Жена второго сына. Все это ужасно смешно. Война кончилась, всегда будут богатые и бедные. Канцлер же — выскочка, и при следующих выборах его отправят на ту помойку, откуда он пришел.

Сэр Фердинанд. Я больше чем кто-либо против этих левых нововведений, но подобные вещи, увы, каждый день случаются с моими клиентами.

Жена второго сына. Пустяки! Мы должны жить. Что нам делать?

Сэр Фердинанд. Сократить свои расходы. Жить как люди более бедные, чем вы. •

Жена второго сына. Да, как бедные люди. Но мы не бедные люди. Мы не можем так жить.

Жена третьего сына. Почему? Наше богатство не принесло нам счастья. Мать нашего господа была женой плотника. Я всегда представляла себе, что она сама делала всю домашнюю работу, и уверена, что смогу научиться. Ведь не легче же верблюду пройти в игольное ушко, чем богатой женщине в царствие небесное?

Жена второго сына. Да, вы верующая. Много проку будет нам от религии.

Вдовец. Не надо затевать религиозных споров!

Юноша. Старик пока что еще не умер. Он будет по-прежнему делать миллионы при налогах и без налогов. Пока он жив, надо наилучшим образом этим воспользоваться.

Второй сын. Едва ли, я думаю, отец вообще когда-нибудь умрет. Он не человек, а счетная машина — счетные машины не умирают.

Сэр Фердинанд. Они изнашиваются. Вечно он не сможет жить.

Вдовец. Когда-то я очень хорошо играл на кларнете. Если бы жива была моя жена и могла аккомпанировать мне, я бы не умер с голоду.

Сэр Фердинанд. Никому это не грозит. Благодаря репутации вашего отца вы будете директорами компаний. Вам не надо входить в дела, достаточно вашего имени на проспектах. Я должен, однако, перейти к другому вопросу. Мистер Байант сделал к своей инструкции следующую приписку: «Я обеспечил свою старшую дочь, и ей не надо присутствовать во время этой беседы. Она вполне независима». У вас есть сестра, мисс Байант?

Дарки. Сводная.

Сэр Фердинанд *(удивленно)*. Ваш отец был дважды женат?

Вдовец. Да, но мы стараемся об этом забыть, так как стыдимся этого брака.

Жена третьего сына. Я не стыжусь.

Жена второго сына. Это только из-за вашей веры в бога; естественные чувства у вас отсутствуют. Конечно, мы стыдимся.

Сэр Фердинанд. Позвольте спросить, что в этом браке худого?

Вдовец. Ничего худого. Когда отец женился, он был очень беден, и потому его жена была совсем простая женщина. Она никогда в жизни не имела настоящего обеда и умер-

ла, объевшись, когда смогла себе позволить питаться по-человечески. У них была дочь.

Жена второго сына. Совершенно невозможный человек.

Сэр Фердинанд. Чем?

Дарки. Она умеет делать все, что мы не умеем,— варить, стелить постели, шить на себя, подметать и мыть, нянчить детей. Всему этому она обучилась, когда ей не было еще десяти лет, и она не пошла в школу.

Жена второго сына. Но ничто не могло сделать из нее настоящую леди. Она умеет одеваться как леди, и говорить, когда ей хочется, как леди, и вести себя как леди. Но она нам не пара. Десять лет нищеты и сидящая в ней простота создают непроходимую пропасть. Она знает вещи, которые не полагается знать леди.

Жена третьего сына. Включая сюда вещи, которых никому не следует знать. Но это не ее вина.

Жена второго сына. Перед близкими она показывает свои дурные манеры, она необразованна. Хорошие манеры у нее для гостей. Одним словом, не тот класс.

Сэр Фердинанд. Дорогие друзья, вы отстали от жизни. Родиться богатым теперь считается пюзором. Эту моду ввели жены министров, чьи отцы или мужья начинали с пяти шиллингов в неделю,— они теперь кичатся этим. Ваша сводная сестра, вероятно, стесняется вас. Могу я узнать, где она сейчас?

Вдовец. Мы полагаем, в Панаме.

Сэр Фердинанд. В Панаме!

Юноша. На берегах канала, совсем одна, в хижине, которую она с помощью нескольких туземцев себе построила.

Второй сын. Интересный опыт. Когда я чувствую, что не могу больше находиться в цивилизованном обществе, я спасаюсь в чистую математику. Для этого мне, слава богу, не нужна Панама.

Жена второго сына. Тебе ее не надо, потому что я создала тебе покойный дом, куда ты можешь пригласить, если захочешь, того, кто тебе приятен. Эта женщина, как дикарь, живет среди топи, кишащей змеями, аллигаторами и туземцами.

Второй сын. Моя дорогая, мир так зол, невежествен и безрассуден, что время от времени я должен уходить от него.

Жена второго сына. Ты это делаешь, чтобы уходить от меня. Ты думаешь, я не догадываюсь. Ошибаешься. Разве я зла, невежественна и безрассудна?

Второй сын. Иногда, моя дорогая. Только иногда. Не всегда.

Жена второго сына. Хорошо, из всех чудовищных обвинений...

Сэр Фердинанд. Стоит ли нам входить в ваши семейные дела? Нам, право, лучше не касаться ничего личного.

Жена второго сына. Но без личного нет и общечеловеческого.

Женщина из Панамы врывается в храм в дорожном платье. Она в страшном раздражении.

Она. Что все это значит? Почему меня не предупредили? *(Сэру Фердинанду.)* А вы кто?

Сэр Фердинанд. Я поверенный мистера Байанта и веду разговор с его семьей. Позвольте спросить, с кем я говорю?

Она. Со старшей дочерью Старого Билла Байанта, второй после него главой семьи.

Сэр Фердинанд. Тогда я могу сообщить, что вы исключены из этого семейного совета на том основании, что уже получили свою долю. Остальные могут разориться, когда ваш отец умрет.

Она. Хорошо. Но вот я пришла, и я здесь. Если все они разорятся, то захотят, чтобы я содержала их на свою годовую ренту, а я не могу и не хочу. А теперь дайте мне стул.

Юноша *(уступая ей свое место)*. Пожалуйста, Клемми. *(Ставит стул перед алтарем напротив сэра Фердинанда; берет себе другой стул и садится.)*

Сэр Фердинанд. Вы, кажется, сказали Клемми? В моей инструкции старшая дочь названа Бабзи.

Она. Бабзи – плебейское ласкательное имя, которым зовет свою первую дочь плебейку отец. При крещении меня назвали Клементина Александра, но Бабзи короче; отец не пожелал отказаться от этого прозвища. Для всех остальных я Клемми.

Жена второго сына. Вы вернулись навсегда?

Она. Вам это должно быть безразлично, Юлия, так как мой дом здесь, у отца, а на ваш я не претендую. Отец стареет, а старые люди часто нелепо распоряжаются своими деньгами. Никто из вас в денежных вопросах ничего не понимает, поэтому мне надо присматривать и за ним, и за вами. Где отец?

Сэр Фердинанд. Мистер Байант нарочно ушел из дому.

Он не мастер говорить, а его дети, как он мне сказал, невыносимы для него своим краснобайством и обычно приходят к неправильным выводам из-за того, что залетают слишком высоко. Я повторяю его слова, стараясь действовать в интересах мистера Байанта. Я, однако, не произвел впечатления на ваших в высшей степени интересных родственников и потому в самом деле не знаю, зачем я здесь, особенно когда появились вы, чтобы занять мое место. Мне лучше уйти.

Она. Нет. Пожалуйста, останьтесь, ради интереса. Как, между прочим, вас зовут?

Сэр Фердинанд. Конверты следует надписывать сэру Фердинанду Флоперу, баронету.

Она. Что? Знаменитый сэр Фердинанд?

Сэр Фердинанд. Вы очень любезны. А теперь можно мне задать вам вопрос?

Она. Хоть дюжину, если вам угодно.

Сэр Фердинанд. Вы ведь не приехали из Панамы, чтобы присутствовать на нашем совещании. Вы должны были уехать оттуда до того, как оно было назначено.

Она. Как прозорливо с вашей стороны подумать об этом! Я приехала, так как у меня появились симптомы очень опасной болезни.

Все выказывают тревогу, восклицая в присущей каждому манере «о».

Сэр Фердинанд. О! Вы приехали за медицинским советом. Простите.

Она. Нет. Врач здесь ни при чем. Я обнаружила, что, как это называется, влюбилась. У меня появились иллюзии, порывы, страсти, импульсы, совершенно безрассудные и непреодолимые. Такие желания, когда тело диктует душе. И все это из-за человека, о котором мне ничего не известно, из-за какого-то прохожего бродяги, который попросил у меня поесть. Он пришел на следующий день и сказал, что с первого взгляда в меня влюбился и сходит по мне с ума. Он предупредил меня, чтобы я бежала из Панамы, не оставив своего адреса, так как он последовал бы за мной на край света, если б знал, где я. И в результате мы оба сделали бы величайшую глупость, поженившись. Поэтому я убежала сюда. Он не знает моего имени, как и я его. Но когда я думаю о нем, все преображается и я чудесным образом чувствую себя счастливой. Такие не годящиеся для чтения стихи, как Песнь Соломо-

на, восхищают меня, багатели Бетховена кажутся глубокими по мысли, как соната, деревенская прогулка – знакомством с небесными дорогами. Разум подсказывает мне, что этого, вероятно, нет на самом деле, что настанет день, когда все исчезнет и я останусь лицом к лицу с действительностью и вдобавок связанной браком с мужчиной, который может оказаться кем угодно, начиная от преступника и кончая несносно скучным человеком. Поэтому я убежала, и теперь нас, меня и того, кто похож на прекрасного и чудного посланца небес, на Лоэнгрина, разделяют моря, и он в действительности существует разве только в моем воображении. Вот теперь вы все знаете. Давайте поговорим о чем-нибудь другом.

Сэр Фердинанд. Пожалуйста, еще немного,– я хочу напомнить вам, во-первых, что очень немногие мужчины преступники и, во-вторых, что большинство супружеских пар весь день проводят врозь: она – дома, он в конторе, в кабинете или в мастерской. Кроме того, существует такая возможность, как развод.

Вдовец. Взять еще мой случай. Моя покойная жена и я были так необходимы друг другу, что разлука была бы для нас непоправимой бедой. Но тем не менее меня всегда неудержимо физически влекло к женщинам, с которыми я не мог общаться и пяти минут. Моя жена хотела немного романтики, когда я переставал казаться ей романтичным и становился будничным. Чтобы она не была в плохом настроении и хорошо чувствовала себя, я приглашал и занимал беседой массу интересных молодых людей, чтобы у нее были, как я их называл, воскресные мужья.

Жена второго сына. Это разные вещи. У вас низменные вкусы, и вы их время от времени удовлетворяете. Меня интересуют молодые люди, но я не позволяю себе быть неверной мужу.

Второй сын. Это потому, любовь моя, что чувство собственности у тебя сильнее физического инстинкта. Я твоя собственность, и потому ты чертовски ревнива.

Жена второго сына. Я это отрицаю. Я не ревнива.

Вдовец. Мне думается, что суждение сэра Фердинанда по этому поводу было бы вернее, если б, подобно мне, он дважды был женат. Мой первый брак, основанный единственно на физическом влечении, был неудачен. То, что в глазах людей выглядело любовью, обернулось на самом деле чем-то вроде ненависти. Но физические при-

страстия нельзя назвать низменными. Двое наших детей были большой удачей: красивые и с хорошими характерами. Никто из них не мог жить с матерью.

Сэр Фердинанд *(очень сурово)*. Простите, но мне кажется, вам не следовало бы так говорить о своей покойной жене.

Вдовец. Она жива, я дал ей развод. Теперь мы снова в наилучших отношениях. Но, чтобы понять все это, мало быть женатым один раз. Главным авторитетом, будь он жив, оказался бы Генрих Восьмой. Пророк Магомет был женат более четырнадцати раз. А как насчет Соломона?

Сэр Фердинанд. Пожалуйста, не будем затрагивать религию в нашем споре. Религия одно дело, а британские законы о браке – другое.

Все смеются, кроме жены второго сына, которая только сердито фыркает.

Что здесь смешного? Разве мы не можем здраво и реально мыслить? Мы занимаемся тут вашими деньгами, а не Соломоном и Магометом. Мы не мормоны, жены которых по британским законам считаются наложницами.

Вдовец. Я уверен, что наложницы – необходимый институт. Нация с чистой кровью нуждается в наложницах наряду с законными женами и мужьями. Некоторые браки бездетны, потому что у супругов наследственные болезни, которые они боятся передать. Другие – соединение сварливых жен и хвастливых мужей; они дают отличное потомство, хотя несносны в совместной жизни, им было на роду написано быть любовниками и любовницами, а не супругами. Все конкубинаты похожи один на другой, но двух одинаковых браков нет.

Сэр Фердинанд. Чепуха. Все браки согласно закону одинаковы.

Вдовец. Боюсь, тем хуже для закона.

Жена третьего сына. Двух одинаковых романов нет. Я была трижды влюблена до своего брака с человеком, который не был в меня влюблен, как, впрочем, и я в него. Мы оба не потеряли голову и теперь честно можем сказать: кого господь соединил...

Сэр Фердинанд. Пожалуйста, оставьте в покое бога. Брак – законное установление, а бог не имеет отношения к законным установлениям.

Жена третьего сына. Бог – во всем.

Сэр Фердинанд. Так не говорят о всемогущем. Если вы

чувствуете потребность всюду некстати припутывать религию, делайте это, в конце концов, в соответствующих выражениях.

Жена третьего сына. Если человек истинно верует, можно даже посмеяться над богом, а если только напускает на себя вид – строит постную мину и называет его бо-ог...

Жена второго сына. Не забудьте, что, когда вы очнетесь от снов и иллюзий касательно своего мужа, вам останется любовь к детям.

Жена третьего сына. Но только до шести лет, пока они не пойдут в школу, и не станут делаться независимыми от меня, и не завяжут новые отношения с учителями. Только муж и жена ощущают свою связь друг с другом и действительно составляют одно целое. В этом состоит одна из тайн брака.

Жена второго сына. Можно добавить, что здравомыслящие люди обычно не питают иллюзий. Я, например, никогда не читаю Песни Песней и меня не волнует Бетховен. Но зато я всегда знала, ясный день или сырой, не мудрствуя относительно небесных дорог. Слабости Дика я видела прежде в такой же мере, как теперь, но я умела мириться с ними. Я его любила, потому что он не похож на меня. *(Мужу.)* Так же и ты, не правда ли, Дик?

Второй сын. Не совсем. Я не был чужд некоторых иллюзий, но когда они исчезли, не очень расстраивался. Я сжился с тобою. Поглядим на все с математической точки зрения: сексуальные иллюзии – неопределенная величина, как говорят математики, не константа. Они варьируют от нуля, как у моей жены, до безумия, как у нашей Клеммми. Здравомыслие и опыт, которые держат эти иллюзии в узде, тоже изменчивы. Наша сестра в высокой степени наблюдательный и здравомыслящий человек. Моя жена – полнейшая ей противоположность.

Жена второго сына. Кто из нас двоих мыслит здраво? Кто ведет твой дом? Кто следит за твоей одеждой? Кто заботится, чтобы ты вовремя обедал, завтракал и ужинал и не ел и не пил больше, чем тебе полагается? Здравомыслие! С тобой я каждый день должна напрягать ум, но ничего не могу от тебя добиться, кроме заумного бреда о переменных величинах и функциях. Твой ум не знает покоя и десяти минут кряду.

Второй сын. Моя дорогая, ничто на свете не остается в покое и десяти секунд. Мы можем судить об этом в каждый

момент лишь относительно, однако большинство людей умеет мыслить только абсолютно, не относительно, не с вариантами, не математически. Все для них либо черное, либо белое. После каждой новой войны эти люди намереваются построить новый мир, хотя неспособны сложить «а» и «б».

Жена второго сына. Так ты счастлив со мной или нет?

Второй сын. Я никогда не бываю счастлив и не хочу быть. Я хочу жить и действовать, беспокоиться же о счастье — величайшее несчастье.

Дарки. Давайте говорить по делу. *(Сестре.)* Клемми, твоя комната не прибрана; чтобы навести там порядок, потребуется несколько недель, а прислуги теперь не найдешь.

Она. Английская прислуга ничего не стоит. Я привезла с собой панамского слугу; он приберет мою комнату за двадцать минут.

Вдовец. Дела, таким образом, окончены. Сэр Фердинанд пояснил нам, что со смертью отца мы потеряем свои доходы, и сообщил, что мы сможем жить на директорское жалованье, которое нам будут платить за наше имя, ассоциирующееся с миллионами. Я надеюсь на это. Что еще надо обговорить?

Юноша. А как будет со мной? Никто не возьмет меня в директора. Я хочу усовершенствовать человечество.

Сэр Фердинанд. Усовершенствовать человечество? Что такое вы придумываете?

Юноша. Все умные люди моего возраста хотят усовершенствовать мир.

Сэр Фердинанд. А! Вы оставите все эти глупости, когда получите свою ученую степень.

Вдовец. Этого не будет. Отец давал нам на жизнь с условием, что мы никогда не будем заниматься денежными операциями и откажемся от научной карьеры.

Сэр Фердинанд. Не пойдете в университет?!

Второй сын. Вы не поняли меня. Мы все проучились три года в колледже. Отец хотел, чтобы мы приобрели социальные навыки, которые дает университетская жизнь. Но настаивал, чтобы мы кончали без степени.

Сэр Фердинанд. Господи, почему?

Второй сын. Одна из его идей. Он считает, что обязательные занятия далекими от тебя вещами — перегрузка, которая только вредна для головы. Поэтому никто из нас не имеет ученой степени, но тем не менее мы университанты. Если известно, что человек учился в Оксфорде

или Кембридже, никто не спрашивает, имеет ли он степень.

Сэр Фердинанд. Но это не извиняет неоправданных претензий.

Юноша. Научные степени принадлежат к числу наиболее неоправданных претензий. Те, кто их имеет, политически и научно отсталы и невежественны. Даже в средней школе дети проводят девять лет и не выучиваются как следует говорить на родном языке или свободно писать.

Вдовец. Мы не самозванцы, сэр Фердинанд, если уклонились от экзамена. Культурой, которую может дать университет, мы обладаем. Однако, если у вас возникают сомнения...

Сэр Фердинанд. У меня есть сомнения, принципы, здравый смысл и, наконец, разум. Все это в вашей семье, видимо, отсутствует.

Жена третьего сына. Послушайте меня, сэр Фердинанд. Поймите, что заветнейшее желание моего тестя было стать учителем или проповедником. Но он мыслил оригинально и потому никто не стал бы приглашать его читать проповеди или учиться у него. Ему только оставалось делать деньги, хотя он смотрел на это как на проклятие своей жизни. Он занимался этим весь день, а вечером возвращался домой и забывал, что он делал, и учил своих детей говорить то, что они думают, и никогда не заменять правду уместными в данный момент словами.

Сэр Фердинанд. Но правда всегда уместна.

Жена третьего сына. Да. Но то, что уместно, не всегда божья правда.

Сэр Фердинанд *(взволнованно)*. Вы придаете всему такой поворот. Мы действительно ни к чему не придем, пока вы будете говорить таким образом.

Поспешно входит панамец в одежде британского слуги и направляется к Бабзи.

Туземец. Белая леди, тот человек пришел.

Она. Сюда!

Туземец. В этот дом. Он не хочет уходить. Им руководит божество. Он увидел вас в театре, где поют, здесь в Лондоне. Бог указал ему путь в Панаму.

Она. Приведи его.

Туземец кланяется в знак согласия и выходит.

Сэр Фердинанд. Позвольте мне спросить, кто это.

Она. Тот человек, в которого я влюблена, воплощение моих иллюзий и моего безумия. Он ради меня пересек Атлантику и снова нашел меня. Значит, он так же безумен, как я.

Туземец *(стоя в дверях, объявляет)*. Предназначенный судьбой. *(Уходит.)*

В элегантном костюме входит Сын.

Он *(обращается к ней, остановившись посередине храма и со смущением глядя на собравшихся)*. Я помешал? Я рассчитывал застать вас одну.

Она. Байанты никогда не бывают одни. Позвольте представить вас. Мои сводные братья Том и Дик. Миссис Дик и миссис Гарри — соломенная вдова. Том — вдовец. Дарки — моя незамужняя сводная сестра. Фиффи — самый юный член нашей семьи. Сэр Фердинанд Хопер — последний и самый знаменитый из отцовских поверенных.

Сэр Фердинанд. Мое имя не Хопер, а Флопер.

Она. Я ошиблась, но фамилии рифмуются.

Он. Bon coir, la compagnie![1] Эта комната похожа на храм: вы заняты священнодействием?

Жена третьего сына. Весь мир — храм святого духа. Чувствуйте себя здесь свободно, отдыхайте душой.

Сэр Фердинанд. В каком качестве, позвольте узнать, вы хотите присоединиться к нам?

Он. Как охотник за миллионами Старого Билла Байанта. Моя специальность — улучшение мира. Мне нужны деньги для исследований и опытов. Однажды я увидел мисс Байант в опере. Она так сильно притягивала меня, что я совсем не слышал музыки. Я узнал, кто она, но не имел понятия, что она из себя представляет. Я не знаю ни ее вкусов, ни умственных склонностей, ни ее поведения, ни характера — короче, ничего, что бы сделало для меня возможным совместную жизнь с нею. Но я чувствую, что она должна быть моей. Для этого у меня нет оправдания. Природа поразила меня этим страшным ударом — я не могу ни объяснить своего чувства, ни обуздать его; я сошел с ума. Все, что я могу сделать, это жениться на ней ради ее денег, если смогу уговорить ее выйти за меня замуж.

Сэр Фердинанд. Я так понимаю, что вы собираетесь же-

[1] Привет компании! *(франц.)*.

ниться на этой леди из-за ее денег и оправдываетесь тем, что, кроме того, любите ее.

Он. Я ни слова не сказал о любви. Любовь означает множество различных вещей: бывает любовь к родителям и детям, к животным, к виски, земляничному мороженому, к крикету или теннису, к деньгам. Мой случай связан с биомагнетизмом, столь же таинственным, как земной, когда обшитый сталью корабль притягивает к южному или северному полюсу, не астрономическим, конечно. Корабль можно размагнитить, но никто не может размагнитить меня. У нас нет даже имени для этого таинственного явления.

Сэр Фердинанд. Я бы назвал его зовом природы.

Он. Разве это сколько-нибудь продвигает нас вперед? Давать вещам названия еще не значит объяснять их. Это дело лжеученых, которые понятия не имеют, что такое наука.

Второй сын. Вы совершенно правы. Вы математик?

Он. Я знаю таблицу умножения и могу решать простейшие задачи; это все, но, хотя я не знаю уравнений, я в достаточной мере математик, чтобы понимать, что ничто не стоит на месте, но движется и изменяется.

Она. Все усложняется тем, что я влюблена в этого человека. Но я не отваживаюсь выйти замуж за того, кого люблю, чтобы не быть его рабой.

Сэр Фердинанд. Действительно, вы все совершенно сошли с ума. Разве то, что вы влюблены в него, не основание выйти замуж за него, раз он, как кажется, действительно влюблен в вас, несмотря на свою оскорбительную похвальбу, будто он только охотится за вашим состоянием.

Она. Исключим из наших рассуждений деньги. Хотя меня приучили не думать о них, я никогда полностью не тратила своей ежегодной ренты, и то, что у меня от нее оставалось, я удваивала игрой на бирже. Я унаследовала отцовское финансовое чутье. Деньги в моих руках сами собой растут, несмотря на его проповедь. Если я захочу иметь мужа, я могу заплатить за него.

Он. Это утешительно. Почему бы вам не выйти за меня замуж?

Она. Мы потом будем раскаиваться. Браки по любви самые неблагоразумные, и чаще всего люди жалеют об их заключении.

Он. Обо всем, что мы делаем, можно жалеть, но есть одна вещь, в которой женщина всегда раскаивается.

Она. В чем, скажите, пожалуйста.

Он. В том, что она не вышла замуж.

Она. Я возражаю. Времена комичных старых дев прошли. Великие люди были холостяками, и замечательные женщины оставались незамужними.

Он. Они об этом тоже жалели.

Сэр Фердинанд. Я должен напомнить вам, мисс Байант, что, хотя многие женщины сожалели о своем замужестве, есть все же одна вещь, в которой не раскаивалась ни одна, и это материнство. Воздержание для женщины il gran rifuto [1] — великое отречение от своего предназначения, от цели жизни, которая приходит раньше всех личных целей, от замещения умерших живыми.

Жена третьего сына. На этот раз, сэр Фердинанд, вы говорите очень резонные вещи. В рождении детей женщине нельзя раскаиваться. Оно предназначено ей природой.

Второй сын. Раскаяние по существу математическое понятие. Какова его математическая вероятность? Сколько заключенных браков оказались неудачными? В какой мере они неудачны? Как долго о них сожалеют? Какова пропорция разводов? Регистратор браков должен был бы иметь тотализатор, учитывающий эти данные. Такие тотализаторы следует поставить в каждой церкви. Тогда люди могли бы знать, что их ждет. Можно ли заключать браки между двоюродными братьями и сестрами? Между католиками и протестантами? Между прокаженными? В каком возрасте? Без этой статистики нельзя дать научного ответа на эти вопросы и остается руководствоваться только мнениями и догадками.

Он. Главную роль играют влечения — они непреодолимы. Они что-то значат и имеют цель. Прекрасно. У меня сильное влечение к вашей сводной сестре, а она признается, что испытывает сильное влечение ко мне. Попробуем рискнуть?

Дарки. Каков ваш личный опыт, сэр Фердинанд?

Она. Да. Чем обернулась для вас женитьба? Вы женились по любви?

Сэр Фердинанд. Я не женат. Я холостяк.

Все смеются.

Почему вы смеетесь? Вы ждете, что юридический совет я буду заменять собственным опытом? Разве я не могу давать советы женщинам, хотя я не женщина? Сей-

[1] Великое отречение *(итал.)*.

час я здесь, чтобы помочь семье, мягко сказать, безумцев. Разве ценность моего совета не в том, что сам я не безумен?

Юноша. Вы тоже безумны, а кроме того, пока не дали нам никакого совета.

Второй сын. Что мы услышали от вас? Вместо фактов какие-то далекие от жизни схемы, вместо математических и относительных измерений — трехмерную вневременную действительность, вместо логики — ассоциации идей, то есть нелепые идеи. Вместо анализа у вас что-то аморфное. Это не научно.

Сэр Фердинанд. Я не ученый, а юрист.

Второй сын. Пока закон и наука, политика и религия будут смешиваться, ученые, юристы, священники, политические деятели будут наивными медниками, думающими, что они могут починить мир, как чинят дырявую кастрюлю.

Дарки. Вернемся к нашим баранам. Собирается Клемми выйти за него или нет? Если она согласится, я уверена, что поставит на своем, как бы ее избранник ни брыкался.

Вдовец. Женщины всегда так поступают. Дважды я шел на собственную свадьбу, как овца на заклание. Обе мои жены ликовали. Я покупал себе новое платье, бриалинил и приглаживал щеткой волосы и боялся, что в последний момент сбегу. Вторая моя женитьба была удачней — я знал, что меня ждет. Вторые браки самые спокойные и счастливые. Состоящие в браке второй раз, если кто-нибудь из супругов умрет, женятся в третий раз даже в весьма почтенном возрасте.

Сэр Фердинанд. Следовательно, брачный институт нельзя считать бесполезным. Правда, при условии разумных законов о разводе.

Он *(ей)*. Вы слышите?

Она. Садитесь, пожалуйста. Не стойте надо мной, как священник.

Он. Простите. *(Садится на ступеньки алтаря.)*

Она. Вы все делаете для меня прекрасным. Вы даете мне счастье, которого я никогда не испытывала. Но если я выйду за вас замуж, все исчезнет. Если не выйду и вы умрете или мы больше никогда не увидимся, это будет длиться, пока я жива. Существуют права, которые я не дам ни одному мужчине.

Сэр Фердинанд. Вы имеете в виду брачные права. Теперь их трудно осуществлять, во всяком случае с успехом.

Пусть они не служат для вас препятствием. Каковы средства джентльмена, тоже важно.

Она. Как я буду распоряжаться своими деньгами, тоже играет роль.

Он. Будете делать то, что с ними делают все независимые женщины, — содержать на них мужа.

Жена второго сына. Разве муж собака или кошка? Я такой нелепости никогда не слышала.

Он. Иногда собаки оказываются более выгодным приобретением. В кошках я менее уверен.

Жена второго сына *(поднимаясь с места)*. Пойдем домой, Дик. С меня довольно. Все кончится тем, что они поженятся, как все нормальные люди. Пойдем. *(Поспешно уходит.)*

Жена третьего сына *(вставая)*. Закон сэра Фердинанда оказался несостоятельным. Наука Дика тоже, мальчишеские бредни Фиффи тоже — до сих пор он не усовершенствовал мира. Остается положиться на господа. *(Выходит.)*

Второй сын *(поднимаясь)*. Все разговоры всегда кончаются фразой «остается положиться на бога», хотя мы не знаем, что такое бог, и нуждаемся в общей математической теории, выражающей его. Мы только знаем, что сравнительно многое он оставляет на нашу долю, а у нас получается какая-то безобразная неразбериха. Людям следовало бы быть добродушными и как можно лучше пользоваться теми возможностями, которые нам предоставил бог. До свидания, мистер Золотоискатель. *(Следует за своей женой.)*

Вдовец *(вставая)*. Поскольку у меня нет жены, которая принимала бы за меня решение, я ухожу добровольно. *(Уходит.)*

Сэр Фердинанд *(вставая)*. Никто не обращает ни малейшего внимания на мои советы, поэтому я следую за вами. *(Уходит.)*

Дарки *(вставая)*. Пошли, Фиф. Оставим их вдвоем.

Он. Благодарю вас.

Дарки и Фиффи уходят.

Так как же?

Она. Я подумаю.

Возвращается жрец-китаец, его сопровождает туземец с кадильницей в руках.

Ж р е ц. Не будете ли вы любезны последовать за своими друзьями, чтобы я мог совершить очищение этого храма покоя. В последний час он был особенно сильно осквернен профанами. Отец Байант сейчас придет сюда для отдохновения, раздумий, успокоения, божественной рекреации, а вы отравили воздух своими пререканиями; мне нужно его очистить и восстановить атмосферу мира, чтобы посещение храма не убило отца Байанта вместо того, чтобы дать ему предвкушение небесных радостей. Идите, дольше вам здесь не следует оставаться.

О н а *(вставая)*. В мои беспокойные детские и юношеские годы отец заставлял меня сидеть здесь и молчать. Мне это не нравилось. Я не переношу запаха ладана. *(Ему.)* Пойдем. Нам надо все обдумать. *(Уходит.)*

Он машет жрецу рукой и следует за Ней.

Ж р е ц. Что за чудаки эти белые люди! Они не принадлежат ни западу, как ты, ни, как я, востоку.

Т у з е м е ц *(размахивая кадильницей)*. Ни югу, ни северу. Но тут они похожи на нас. Они многому должны научить нас.

Ж р е ц. Да. Но сами они ничему не учатся и не понимают, чему они учат.

Т у з е м е ц. Это правда. Они могут учить, но не учиться.

Ж р е ц. Чудаки. Опасные чудаки. Будущее за теми, кто может обучиться.

Храм исчезает, погружаясь в темноту.

КОНЕЦ

Когда храм вновь возникает перед зрителем, кадильница лежит на алтаре. Жрец и туземец ставят на место стулья. Входит Старый Билл Байант, старик как старик, но богатая, золотого цвета, одежда и желтые комнатные туфли придают ему жреческий вид.

Старый Билл. Все ушли?

Жрец. Все. Храм очищен.

Старый Билл. Хорошо. Кто этот ваш помощник?

Туземец. Я слуга вашей дочери.

Старый Билл. Какой дочери?

Туземец. Из Панамы.

Старый Билл. Хорошо. Она сейчас дома?

Туземец. Да, потому что я вожу ее машину.

Старый Билл. Хорошо. Скажи ей, пусть придет ко мне сюда.

Туземец. К вашим услугам, мудрец. *(Приветствует Билла и уходит.)*

Старый Билл. Я оскверню храм, если поцелую свою дочь здесь? Я люблю ее.

Жрец. Воистину нет. Храм освятит ваш поцелуй.

Старый Билл. Хорошо. Удивительно, каким счастливым я всегда чувствую себя здесь. Я не религиозный человек и не хожу в церковь.

Жрец. Вы созерцаете.

Старый Билл. Нет. Это не в моем вкусе. Я прикидываю. И мои операции удаются, если я провожу здесь час и освобождаю голову от всех мыслей.

Жрец. Вот тут-то ею завладевают боги. А они все знают.

Старый Билл. Да. Я думаю, что все именно так. Но странное дело: мне казалось, что я последний человек на свете, который переступит порог храма. Но вы все это знаете. Я повторяюсь, и это вам в тягость. Оставьте меня одного. *(Садится на епископский престол.)*

Жрец. Я служу ежедневно, но это мне не в тягость — всегда я нахожу что-нибудь новое для себя. Говорят, что подобное человек переживает, слушая вашу симфоническую музыку; однако великие произведения нельзя слушать слишком часто. Я теперь оставлю вас?

Старый Билл. Пока, Махама.

Жрец степенно кланяется и выходит при появлении Его и Ее.

Жрец. Мир вам. *(Уходит.)*

Она *(бросаясь к отцу и целуя его)*. Папуля!

Старый Билл *(отвечая на ее ласку)*. Моя Бабзи! А кто это?

Она. Не знаю. Он хочет жениться на мне.

Старый Билл. Действительно хочет? А ты согласна пойти замуж?

Она. Я это обдумываю. Не могу сказать, что я категорически против.

Старый Билл. Как его зовут?

Она. Не знаю.

Старый Билл. Черт побери!

Она *(ему)*. Как вас зовут?

Он. Смит. Всего лишь Смит. Крещен Юнием.

Старый Билл. Вы ничего больше не можете сказать о себе?

Юний. Абсолютно ничего.

Старый Билл. Есть у вас какая-нибудь профессия?

Юний. Усовершенствователь мира. Ничего не зарабатываю.

Она. Если я выйду за него замуж, я должна буду содержать его и руководить им. Но это еще не так страшно. Я не хочу быть рабой на содержании мужчины.

Старый Билл *(Юнию)*. А что скажете вы? Хотите ли вы быть на содержании своей жены?

Юний. Я ничего не хочу, кроме вашей дочери. Сам не знаю, почему. Я о ней ничего не знаю, и она обо мне тоже. Я просто сошел с ума.

Старый Билл *(ей)*. А ты?

Она. Не в такой мере, как он. Могу прожить и без него. В противном случае я бы стала его рабой.

Старый Билл. Слышите, молодой человек? Вы будете рабом.

Юний. Полагаю. Но мне и ей надо рискнуть. Вы меня можете понять. Вы сделали свои миллионы, постоянно рискуя.

Старый Билл. Но я видел, как люди, шедшие на риск, разорялись. У меня нечто вроде инстинкта, который всегда вывозит меня. Для старого Байанта не существует риска. Для вас, вероятно, существует.

Юний. Для вашей дочери, возможно, не будет, если она унаследовала этот ваш инстинкт.

Старый Билл. Она унаследовала, но мой подсказывает, чтобы я не отпускал свою дочь к сумасшедшему.

Юний. Кажется, вы ревнуете. Позвольте мне напомнить вам, что судьба всех родителей — видеть, как рано или поздно их дети покидают дом. Матери жен — обычный предмет шуток, но никто не смеется над отцами жен, а они становятся утомительными, если чересчур долго заживаются.

Она. Родителей не выгонишь в лес умирать. Мы же не дикари. Отец всегда будет частью моей жизни.

Юний. Нет. Сколько времени вы намерены жить, старик?

Старый Билл. Не вечно, сохрани бог. *(Ей.)* Он прав, милая. Не думай обо мне, когда будешь решать свои дела.

Она. Не могу, отец. Но ты займешь подобающее тебе место в моем доме, как занимал его в своем собственном. Я полагаюсь на тебя.

Юний. Я ничего не имею против того, чтобы жить вместе с вашим отцом весь остаток его жизни, — у него миллионы.

Старый Билл. С моей смертью они кончатся. Стали бы вы так же добиваться брака, не будь этих миллионов?

Юний. Да. Сколько раз я должен повторить вам, что я сошел от нее с ума? Но нам будут нужны деньги. Пока что я ничего не заработал.

Старый Билл *(Ей)*. Этот парень дает себе отчет во всем. Он мне решительно нравится.

Она. И мне тоже. У него нет иллюзий ни относительно себя, ни относительно меня. В конце концов, если все обернется плохо, я могу развестись.

Старый Билл. Нам с тобой когда-нибудь все равно придется расстаться. Если бы мы были мудрейшими на земле отцом и дочерью, результат оказался бы столь же неясным, как если б мы оба были круглыми дураками. Все же можно принять некоторые предосторожности.

Юний. Определенная ежегодная рента, например.

Старый Билл. Вы имеете правильное представление о деньгах, молодой человек. Но понимаете, я уже пожизненно обеспечил ее рентой. Не вас. Об остальных предосторожностях вам придется позаботиться самому.

Юний. Я должен согласиться с вами, так как я стеснен обстоятельствами и не могу диктовать условий.

Старый Билл *(Ей)*. Ну как, ты пойдешь за него?

Она. Я подумаю.

Юний. Если вы будете думать, наверняка не пойдете. Браки бы не заключались, если б обе стороны раздумывали.

Старый Билл. Это первая глупость, которую вы сказали, молодой человек. Все браки тщательно обдумываются, но это никогда не мешало их заключать. Если вы тот, кто ей нужен, она пойдет за вас, раздумывая или не раздумывая.

Она. Что ты мне посоветуешь, папа?

Старый Билл. Соглашайся, непременно соглашайся. Мне он нравится. Он будет не хуже любого другого. Может быть, даже ты пожалеешь, что согласилась, но еще больше пожалеешь, если у тебя не хватит смелости попытать счастья.

Юний. Я удивлен и глубоко вам обязан, мистер Байант. Я ожидал, что все свое влияние вы используете против меня. Вы образцовый тесть.

Она. Мне кажется, что я готовлюсь совершить самоубийство.

Юний. В известном смысле это так. И я готовлюсь. Куколка умирает, когда рождается стрекоза.

Она. Я не стрекоза, а рабочая пчела, а вы — трутень.

Юний. Так уж назначено природой — тут ничего не изменишь.

Старый Билл. Муж, который работает, это не муж. Когда мне приходилось работать, моя жена была для меня только экономкой — она почти совсем не видела меня, разве что вечером, когда я возвращался домой голодный, усталый и грязный. Но зато, когда я ничего не делал и только посылал телеграммы своему биржевому маклеру — это я не называю работой — и покупал модные жилеты и брильянтовые булавки для галстуков, она оценила блага замужества и полюбила меня. Моя жена уже очень давно умерла, но я никогда не был и не буду ей неверен.

Юний. Но вы ведь женаты во второй раз.

Старый Билл. Это было совсем не то. Мне хотелось побольше детей, потому что я очень любил первого своего ребенка. Но это было совсем не то.

Юний. Вы никогда не думали о том, чтобы с помощью ваших денег улучшить мир?

Старый Билл. Какого черта мне заботиться об этом? Кто думал обо мне, когда я был беден? Не пойте при мне свою песенку об улучшении мира, если хотите сохранить наши добрые отношения. Я не собираюсь покупать ни одной вашей акции.

Юний. Прошу прощения. Мои акции не дают дивиденда, но не будем касаться этой темы. Когда же свадьба? Назначьте день.

Старый Билл. Не пугайте Бабзи. Если она об этом заговорит, струсите вы.

Юний. Я уже боюсь. Но надо набраться храбрости. Между прочим, где мы будем жить? Надеюсь, не в Панаме?

Она. Нет. В Панаме я бы волновалась за вас, когда вы выходили бы из моего поля зрения,— вы, в отличие от меня, не умеете чаровать змей и аллигаторов.

Юний. Почему не умею? Я могу научиться играть на саксофоне.

Она. Конечно. Но в Панаме мы были бы далеко от отца. Мы будем жить на Парк-лейн.

Юний. Вы, конечно, знаете, что на Парк-лейн хватает змей и аллигаторов на двух ногах?

Она. Да. Может быть, и вы превратитесь в змею или аллигатора.

Юний. У вас на все готов ответ. Неплохая перспектива для меня.

Она. Мы оба идем на риск. Жить будем, где я захочу.

Юний. Или где я захочу. Я умею отстаивать свои права.

Она. Я тоже. Посмотрим, чья возьмет. Ну, хватит разговаривать. Идите за брачной лицензией.

Юний *(в смущении)*. Вот оно как! Весьма скоропалительно.

Старый Билл. Струсили? А? Идите и доставайте лицензию. Вам надо позаботиться о двух свидетелях.

Юний. Мне самое время подумать об анестезиологе. Операция предстоит очень опасная.

Она. Не забудьте купить обручальные кольца. У вас хватит денег?

Юний. У меня кое-что осталось от тысячи фунтов, которые дал мне отец. Панама съела у меня немало.

Старый Билл. Идите же, черт побери! Вы отнимаете у меня дочь, но я надеюсь, что скоро вы ей надоедите и она опять вернется ко мне. *(Ей.)* Дай ему какое-нибудь кольцо для размера. Не тратьте время на поиски свидетелей, пригласим Дика и Тома.

Юний *(Ей)*. Может быть, вы хотите, чтобы все произошло в церкви и с оглашением? Это дало бы нам три недели на размышление.

Она. Нет. Сейчас или никогда.

Юний. Надо мной совершается насилие.

Старый Билл. Над вами всегда будут совершать насилие, если вы будете жить с Бабзи. Лучше сразу с этим смириться.

Она. Кольцо, которое придется вам впору на средний палец,

будет годиться мне на безымянный. У меня руки крупнее – меня воспитали так, чтобы я ими работала, а вас этому не учили.

Юний. Вы должны с этим примириться. У меня руки философа, у вас – поденщицы. О, почему, почему я помешался на вас, хотя знаю тысячу гораздо более интересных женщин!

Она. У меня такая же история. Отец стоит десятка таких, как вы.

Юний. Вы так думаете? О, если бы вы только знали, как быстро я умею терять деньги, а он умеет только делать их.

Старый Билл. Не учитывайте моего существования – мне немного осталось, а вы можете отдать ей всю жизнь. Скорее бегите за лицензией и меньше слов.

Юний. Иду. Но я не уверен, что вернусь. *(Уходит.)*

Она. Я почти надеюсь, что он не вернется.

Юний *(возвращается)*. Между прочим, как вас звать?

Она. Клементина Александра.

Юний. Порядок! *(Записывает.)* Кле-мен-тина Александра. *(Уходит.)*

Она *(обнимает отца за шею и целует)*. Папа, папа, папа!

Входит туземец и тихонько затворяет дверь. Бабзи поспешно отходит от отца.

Туземец *(Ей)*. Сэр Флопер, знаменитый юрист, ждал, когда ваш уважаемый отец освободится.

Она. Он может войти?

Старый Билл. Да. Впусти его.

Туземец вопросительно смотрит на нее, ища подтверждения сделанного распоряжения.

Она. Да. Впусти его.

Туземец *(распахивает дверь)*. Входите, ваше превосходительство.

Входит сэр Фердинанд, туземец исчезает.

Сэр Фердинанд *(Старому Биллу)*. Простите. Я думал, вы один.

Старый Билл. Бабзи, выйди!

Она. До свидания, сэр Фердинанд.

Сэр Фердинанд открывает ей дверь и кланяется, когда она проходит, затем закрывает дверь и после приглашающего движения со стороны Старого Билла садится на освободившийся стул Бабзи.

Сэр Фердинанд. Начну с того, что я здесь не в качестве поверенного.

Старый Билл. Почему? Вы же должны на что-то жить.

Сэр Фердинанд. Дело в том, что я совершенно не в состоянии быть вам полезен в том, что связано с вашей странной семьей. Возникающие здесь вопросы вне моей компетенции, и если б я был врачом, то счел бы ваших родственников душевнобольными.

Старый Билл. Меня тоже?

Сэр Фердинанд. Пока нет. Ваши инструкции были вполне логичны. Я по вашему желанию объявил вашим сыновьям о финансовом положении, в котором они находятся. Но наш разговор был прерван приездом из Америки дамы, которая только что ушла из комнаты, а затем появлением молодого человека, высказавшего намерение жениться на ее деньгах. Ваша дочь не возражала против этого и, казалось, предпочитала это бескорыстному предложению. Ваше семейство тоже не было против. Я готов услышать, что вы тоже не против. В любом другом доме этого человека спустили бы со всех лестниц.

Старый Билл. Мне молодой человек нравится.

Сэр Фердинанд. Нравится? Нравится бесстыжий охотник за чужими деньгами? Господи помилуй, чем?

Старый Билл. Он без обиняков спрашивает и без обиняков отвечает на вопросы. Моя дочь тоже. Я ее этому научил. Только одному и смог научить. Вы заметили эту ее черту?

Сэр Фердинанд. Заметил и пришел сообщить вам, что больше не могу быть вашим поверенным. Мой брат Сирил — врач, глава клиники для хронических душевнобольных. Вот с кем вам следует консультироваться. Юристы тут бесполезны.

Старый Билл. Ладно, ладно, Флопер! Вы не хуже меня знаете, что люди, которые вступают в брак ради денег, часто счастливы не менее всех прочих. Напротив, браки по любви не оправдывают себя, потому что провидение требует здоровых детей и чихает на то, счастливы родители или нет. Оно заставляет молодых людей без памяти любить друг друга, но только до тех пор, пока не появились дети, а затем выпускает их из своих рук, как горячие картофелины. Деньги гарантируют комфорт и то, что вы называете культурой. Любовь же — ничего. И я и вы это знаем; это знает моя дочь и ее молодой человек. Разве мы сумасшедшие, если наши поступки и слова согла-

суются, а вы нормальные, потому что это вас, по вашим словам, шокирует? По-моему, вы нуждаетесь в клинике для душевнобольных!

Сэр Фердинанд. Это, конечно, тоже в компетенции не столько юриста, сколько психиатра. Оставим спор. Я только должен сказать вам, что я по вашей просьбе объяснил вашим детям от второго брака, что источник их доходов иссякнет с вашей смертью и им придется самим думать о себе.

Старый Билл. Хорошо. А что они сказали на это?

Сэр Фердинанд. Ровно ничего. Мне пришлось внушить им, что следует, пользуясь вашей репутацией, номинально занять места директоров фирм.

Старый Билл. Дураки. Это совершенно бесполезно – все пропало. Новое лейбористское правительство дает эти места престарелым секретарям тред-юнионов.

Сэр Фердинанд. В таком случае, почему вы не обеспечили детей от второго брака, как вы обеспечили свою старшую дочь?

Старый Билл. Это разные случаи. Они не так близки мне, как Бабзи.

Сэр Фердинанд. Ваши дети умрут с голоду.

Старый Билл. И не подумают. Они могут жить на доходы своих жен. Я об этом позаботился.

Сэр Фердинанд. Отлично. Вот все, что я должен был вам сказать. Я делаю это безвозмездно, но был бы рад поддерживать со всеми вами знакомство, если вы не возражаете.

Старый Билл. Зачем это вам?

Сэр Фердинанд. Из любопытства.

Старый Билл. Не верю.

Сэр Фердинанд *(встает в обиде)*. Вы обвиняете меня во лжи?

Старый Билл. Да. Что-то вас, конечно, привлекает. Верно, это одна из наших дам, а? Жена одного из моих сыновей, да?

Сэр Фердинанд *(сдаваясь, снова садится)*. Постойте. Они ведь замужем, а у вас еще две незамужние дочери.

Старый Билл. Дарки? В самом деле, я забыл о Дарки. Подумайте об этом!

Сэр Фердинанд. Вы неправильно понимаете меня. Я холостяк, но не распутник. Мне бы хотелось иметь дочь.

Старый Билл. Отлично. Из-за Дарки меня всегда мучила совесть, потому что я никогда не мог любить ее, как

люблю Бабзи. У нее, по существу, никогда не было отца. Будьте ей отцом. Приходите когда вздумается — вы теперь член нашей семьи.

Сэр Фердинанд. Вы подгоняете меня! Все как-то слишком скоропалительно. Минуту назад я еще не знал, почему мне захотелось продолжения нашего знакомства. Сейчас вы прямо подстегиваете меня.

Старый Билл. Такова манера Байантов — это экономит массу времени. После всего, что вы слышали, вам разумно было бы остаться завтракать.

Сэр Фердинанд. Нет. Я должен вернуться домой и все обдумать. Не бойтесь, я не сбегу.

Входит Дарки.

Старый Билл. Вот она. Телепатия. Это у нас семейное.

Дарки. О, простите. Я не знала, что вы здесь. Я только зашла спросить, что ты хочешь к завтраку: спаржу или бобы.

Старый Билл. Спаржу, и побольше.

Она поворачивается, чтобы уйти.

Постой минуту. Ты понравилась сэру Фердинанду Флоперу. Он хочет заменить тебе отца.

Дарки. Я не нуждаюсь в отце. У меня никогда не было настоящего отца: я не привыкла чувствовать себя дочерью. Я только экономка.

Старый Билл. А теперь, дитя, ты можешь получить настоящего отца, и притом баронета. Рискни. Если это тебя не устроит, сможешь переиграть. Он будет баловать тебя, как я избаловал Бабзи.

Дарки. Меня не надо баловать. Я люблю хозяйство и не сентиментальна, а если когда-нибудь захочу, чтобы меня баловали, я выйду замуж. Мне жаль разочаровывать вас, сэр Фердинанд, но удочерение не та игра, к которой у меня есть склонность.

Сэр Фердинанд. Я понимаю. Но вы не будете возражать, если я продолжу знакомство с вашей семьей?

Дарки. Нисколько. Но скажите, что вы предпочитаете есть и пить, и я бегу. Сейчас мне надо распорядиться о завтраке для отца.

Выходит.

Старый Билл. Она вас ошарашила, а?

Сэр Фердинанд. Очень. Что за странный дом! Дарки ни-

сколько не удивилась, хотя не была готова к такому разговору.

Старый Билл. Мы, Байанты, всегда готовы к самому плохому.

Сэр Фердинанд. Или хорошему, я надеюсь. Мое предложение едва ли, как мне кажется, можно счесть несчастьем.

Старый Билл. Конечно нет. Не воображайте, что вы спаслись от нее,— она спросила о ваших вкусах в еде. Она счастлива, что появился еще кто-то, кого можно опекать. Считайте себя принятым в семью.

Сэр Фердинанд. Я уже ничего не могу считать.

Старый Билл. Вы привыкнете.

Сэр Фердинанд. Да, надеюсь. Самое смешное, что это начинает мне нравиться.

Старый Билл. Хорошо. *(Смотрит на часы.)* Интересно, вернется ли этот молодчик. Он уже должен был бы быть здесь.

Входит вдовец.

Вдовец. Послушайте, Зепе, этот молодой человек из Панамы утверждает, что женится на Клемми, и хочет, чтобы мы с Диком были свидетелями. Так?

Старый Билл. Да. Совершенно верно. Он получил лицензию?

Вдовец. Да, и взял на время церемонии обручальное кольцо моей жены — на новое у него не было денег. На лицензию, которую он купил, ушли все его деньги.

Старый Билл. Значит, он вернулся?

Вдовец. Да, вернулся. Немного взволнованный, конечно, но у него серьезные намерения.

Старый Билл. Прекрасно.

Сэр Фердинанд. Простите, но что значит «Зепе»? Замечательный папаша?

Старый Билл. Нет. Земное Провидение. Это выдумка Дарки.

Сэр Фердинанд. А! Очень точно.

Входит юный Фиффи.

Фиффи. Послушайте, Зепе, Клемми собирается выйти замуж за этого человека из Панамы. Он получил лицензию.

Старый Билл. А что это тебя так волнует, молодой повеса?

Фиффи. Суть в том, что парень собирается усовершенствовать мир. Я думал, с тебя довольно меня.

Старый Билл. Это так. Вы хотите улучшить мир, хотя хорошенько не знаете, как сделать самое пустяковое дело.

Фиффи. Вы правы, король. Но мы нужны в роли усовершенствователей мира, а не для того, чтобы заниматься пустяками. И все же одного усовершенствователя мира на семью вполне достаточно.

Старый Билл. Тогда откажись от этого дела. Ты рожден говорить, но ничего не сказать, писать и ничего не делать. Это дает деньги.

Фиффи. Будь уверен, я женюсь по расчету, как этот панамский молодчик. Разве плохо, сэр Фердинанд?

Сэр Фердинанд. Отлично, только если сумеете найти невесту. Одевайтесь лучше и бриалиньте голову.

Входит Бабзи с двумя своими золовками.

Она. Дик, милый, стоит мне выходить замуж за моего панамца?

Второй сын. Дорогая Клемми, я не могу советовать. Но надо рискнуть, хотя математически нельзя вычислить, что из этого получится. У нас нет для этого данных, так как никогда не была выведена пропорция счастливых браков по любви и счастливых браков по расчету.

Жена второго сына. Дик, довольно говорить эти ужасные глупости. Есть у него деньги или виды на деньги? Он джентльмен? Говорит он, как джентльмен, одевается, как джентльмен, но чувств джентльмена он лишен. Он говорит вещи, которые ни одному джентльмену не приходило в голову сказать. Вот все, что нам о нем известно. Не выходи, Клемми, за него.

Второй сын. Дорогая, она должна рискнуть или вообще не выходить замуж.

Жена второго сына. О, к богу в рай твой риск. Риск, риск, риск! Ты вечно твердишь о риске. Рассуждай здраво.

Второй сын. Ты повторяешь мне это чуть ли не каждый день, дорогая. Я шел на риск, когда женился на тебе, и в этом не раскаиваюсь. Хотя ты самая глупая женщина на свете, но ты частица моей жизни.

Жена второго сына. Спроси сэра Фердинанда, кто из нас прав. У Клемми низменные вкусы, но это не основание для того, чтобы вешаться на шею первому попавшемуся ничтожеству.

Сэр Фердинанд. Я не думаю, мистер Байант, что этот вопрос вы сможете рассмотреть всецело с математической

точки зрения. Тут придется принять во внимание чувства, страсти, эмоции, интуицию, инстинкты в такой же мере, как абстрактные величины, цифры, логику.

Второй сын *(ораторствуя)*. Кто возьмет на себя смелость сказать, что математическое и логическое рассуждения не страсть! Умение мыслить математически – одна из благороднейших способностей человека. Разговоры о том, что она бездушна, мертва, нечеловечна, противоречат простейшим фактам нашей жизни и истории. Что может увлечь наши мысли дальше, чем математическое предвидение? Кто сделал для просвещения и цивилизации больше, чем Джордано Бруно, Коперник, Галилей, Ньютон, Декарт, Резерфорд, Эйнштейн, все эти далеко вперед видевшие прозорливцы, увлеченные страстью знаний и измерения истины, которая обуревала и влекла их. Неужели, по-вашему, вульгарные чувства Дон-Жуана и Казановы или любовь Беатриче и Франчески, ирландской Дейдре, наконец, скучнейших литературных героев, случайно увековеченных несколькими строками какой-нибудь великой поэмы, выше этой страсти!

Жена третьего сына. У них всех есть сердца, Дик.

Второй сын. Сердца! Что значит сердце, когда нет головы? Ты имеешь в виду железы – гипофиз, надпочечную железу, щитовидную железу, которые насыщают кровь гормонами. Ты думаешь, что нет математического гормона? Наши анатомы его еще не открыли, но он существует; неоткрытый и невидимый, он вливается в мозг, и его функции контролируют наши ферменты и катализаторы в такой же мере, как наши потребности в мясе и бренди. Двести лет назад Ларошфуко сказал, что, хотя аппетит, который мы называем любовью, есть у всякого, очень немногие вкусили ее по-настоящему. Бог – это не любовь, любовь – это отсутствие предела! Аппетит на большую правду, большие знания, на измерение и точность гораздо универсальнее – даже отпетые дураки имеют долю такого аппетита. Моя жена, например, никогда так не устает от игры в бридж и решения кроссвордов, как от ведения хозяйства. Ее любовь ко мне очень непостоянна и иногда обращается в ненависть со свойственными ей ужасными реакциями. Только математическая страсть не порождает реакций: наслаждение, доставляемое ею, сулит наступление такого состояния, когда жизнь будет интеллектуальным экстазом, более сильным, чем экстаз, переживаемый святыми. Подумай об этом,

Клара. Рискуй, Клемми. Простите мое многословие. Я кончил.

Снова садится.

Жена второго сына *(пристыженно)*. Да, Дик, я должна сказать, что ты великолепен, когда садишься на своего конька, хотя я никогда не понимаю ни одного твоего слова. Ты самый замечательный человек в нашей семье, и при тебе я всегда чувствую себя дурой. Я горжусь тобой. Иногда я, может быть, выхожу из себя, но вовсе не ненавижу тебя.

Входит Дарки.

Старый Билл. А вот и ты! Ты пропустила кое-что стоящее.
Дарки. Нет, я слушала за дверьми.
Фиффи. Клянусь королем Георгом, ты был неповторим, Дик. Пусть улучшение человечества идет ко всем чертям! Я обучусь медицине и буду искать гормон, о котором ты говорил.

Входит Юний с лицензией в руках.

Юний. Я все-таки вернулся. Вот лицензия. Свидетели предупреждены. Так да или нет?
Она. Я думаю, стоит рискнуть. Да.
Дарки. Что я хочу знать, так это сколько человек будет к завтраку?

ПРИТЧИ О ДАЛЕКОМ БУДУЩЕМ

1948

FARFETCHED FABLES

Общественный сад погожим летним днем. На газоне расставлены стулья, которые дают напрокат.
Появляется д е в и ц а, явно из хорошей семьи, и устраивается на одном из стульев. К ней подходит с л у ж и т е л ь; он берет у нее два пенса и, произнеся нечто вроде «пжаста», вручает ей квитанцию.
Входит хорошо одетый м о л о д о й ч е л о в е к и усаживается на соседний стул. Служитель берет и у него два пенса и проходит дальше.

М о л о д о й ч е л о в е к. Извините, надеюсь, вы не против, что я уселся около вас?

Д е в и ц а. Пожалуйста. Мне все равно, где вы сидите.

М о л о д о й ч е л о в е к. Полагаю, вы не считаете меня навязчивым?

Д е в и ц а. Я вообще никем вас не считаю. Впрочем, можете со мной побеседовать, если хотите. Я не возражаю.

М о л о д о й ч е л о в е к. Ну разумеется же, хочу. Я с тем здесь и уселся.

Д е в и ц а. Я так и поняла. Ну так что же? Что, собственно, вы хотели мне сказать?

М о л о д о й ч е л о в е к. Я никогда вас раньше не встречал. Но едва увидел, сразу подумал: до чего привлекательна!

Д е в и ц а. Так считаете не вы один. Что дальше?

М о л о д о й ч е л о в е к. Некоторые женщины находят и меня привлекательным. Вы замужем?

Д е в и ц а. Нет. А вы женаты?

М о л о д о й ч е л о в е к. Нет. И не помолвлены?

Д е в и ц а. Нет. Вам-то что за дело, помолвлена я или нет?

М о л о д о й ч е л о в е к. Странный вопрос! Я ведь и разговор этот завел, потому что захотел на вас жениться.

Д е в и ц а. Ничего не получится. Я замуж не пойду.

М о л о д о й ч е л о в е к. И отчего это столько привлекательных женщин остаются незамужними! Какие-нибудь противные обезьяны, те, по-видимому, без труда обзаводятся мужьями. Но почему вы не хотите замуж? Я человек подходящий.

Д е в и ц а. Мой отец был убит в той Великой войне, которая сегодня кажется такой маленькой. Мой старший брат пал

в Нормандии в те дни, когда мы освобождали Францию. Его жена и дети погибли от бомбы, уничтожившей всю их улицу. Я не хочу рожать детей для подобной участи.

Молодой человек. Но они умерли за родину. Они воевали, чтобы положить конец войнам. Или вы не чтите храбрость? Не любите отчизну?

Девица. Что пользы в храбрости теперь, когда любой трус может сбросить на человечество атомную бомбу? Пока мужчины не станут мудрей, а женщины культурней, им лучше не родиться на свет. Я, по крайней мере, не намерена производить потомство, чья участь быть убитыми или убивать других.

Вбегает мужчина средних лет; он размахивает газетой и кричит «ура!».

Мужчина средних лет. Ура! Слышали новость?

Молодой человек. Нет. А что случилось?

Мужчина средних лет. Конец войнам! Объединенные нации отменили их!

Молодой человек *(с издевкой)*. Гм! Позвольте взглянуть.

Мужчина средних лет. Вот: черным по белому. Можете оставить эту газету себе. Я куплю другую. Ура! Ура! Ура!!! *(Отдает молодому человеку газету и убегает с криками «ура!».)*

Девица. Что там написано?

Молодой человек *(читает заголовки)*. «Итак, мир во всем мире. Согласие Вашингтона. Согласие Москвы. Согласие Китая. Согласие Западного Союза. Согласие федералистов... коммунистов... фашистов... Производство атомной бомбы объявлено уголовным преступлением. Всеобщая безопасность гарантирована».

Девица. А они распустили армии? Закрыли военные академии? Отменили воинскую повинность?

Молодой человек. Про это не говорится. Ага, вот — экстренное сообщение: «Отныне армии станут именоваться Международной полицией. Воинская повинность отменяется». Гм!

Девица. Вы, кажется, недовольны?

Молодой человек. Мне как-то трудно усвоить весь этот вздор об отмене войн. Люди будут бороться друг с другом, даже если у них не останется ничего, кроме кулаков. И женщины будут подстрекать их на это.

Девица. А что говорится в передовой?

Молодой человек *(переворачивает страницу и читает)*.

«Прекращение кровопролитий открывает новую главу в истории человечества. Атомная бомба сделала войну невозможной, поскольку представляет опасность не только для победителей и побежденных, но также и для всех остальных обитателей земного шара. Мы до сих пор не знаем, не оказывает ли на нас и сейчас вредного действия бомба, разрушившая Хиросиму. Во всяком случае, погода с тех пор не перестает преподносить нам всевозможные сюрпризы. Но ни один народ не рискнет больше применить атомное оружие».

Девица. Вы в это верите?

Молодой человек. Да, хотя это и не положит конец войнам. В 1914 году немцы испытали отравляющий газ и мы тоже. Но летчики, сбросившие газовые бомбы на города, не могли долго оставаться над ними, а когда они пробовали приземлиться, то обнаруживали, что улицы все еще полны газа, поскольку он тяжелее воздуха и требуется немало дней, чтобы он испарился. Поэтому в прошлой войне газ не применяли; и атомную бомбу тоже не применят в будущей войне.

Девица. Так вы думаете, что война все-таки будет?

Молодой человек. Разумеется будет, только не атомная. Ну какое удовольствие видеть, как ослепительная вспышка озарит земной шар и ты превратишься в золу, не успев ничего понять, а рядом, на многие мили вокруг, будет рушиться и крошиться каждая доска, каждый камень; дренажные трубы, телефонные и электрические провода сорвет с места и взметнет в воздух, а люди, находящиеся слишком далеко, чтобы сгореть в пламени, погибнут от радиации. К тому же бомбы убивают женщин. Гибель мужчин не имеет значения: женщины произведут на свет новых. Но, убивая женщин, вы убиваете человечество.

Девица. Это не положит конец войнам. Кто-нибудь откроет отравляющий газ, который будет легче воздуха! Он сможет уничтожить все население того или иного города, а сам город оставит невредимым, пригодным для новых обитателей.

Молодой человек *(роняет газету на колени, как бы пораженный какой-то мыслью)*. А это идея!

Девица. Что именно?

Молодой человек. То, что вы сказали. На этом можно нажить целый капитал. В 1945 году британское правительство заплатило сто тысяч фунтов человеку, разрабо-

тавшему операцию по высадке наших войск в Нормандии.

Девица. Правительство отвалит не один миллион за любую чертовщину и при этом не даст и двух пенсов за новую стиральную машину. Когда один химик, еврей по национальности, нашел способ удешевить производство взрывчатого вещества, мы подарили ему Иерусалим, нам не принадлежавший.

Молодой человек *(с воодушевлением)*. Вот-вот! Именно так.

Девица. Да, ну и что?

Молодой человек. Я химик.

Девица. Неужто вы заняты производством атомной бомбы?

Молодой человек. Нет. Но я работаю на заводе, производящем хлорный газ. Не исключено, что все эти атомщики находятся на ложном пути.

Девица *(с возмущением поднимается со стула)*. Так вот вы кто! Один из тех ученых мерзавцев, которые готовят нашу гибель. Я не желаю больше оставаться возле вас! Ступайте туда, где вам место,— в преисподнюю! Прощайте! *(Уходит прочь.)*

Молодой человек *(по-прежнему занятый своими мыслями)*. Легче воздуха, здорово, а? *(С расстановкой.)* Л-е-г-ч-е!

Сцена темнеет.

Помещение военного министерства в Лондоне. Главнокомандующий просматривает корреспонденцию. Секретарша распечатывает письма. Звонит телефон. Секретарша снимает трубку.

Секретарша. Алло! *(Командующему.)* Лорд Олдхэнд из министерства иностранных дел.

Главнокомандующий. Давайте его сюда и уходите.

Секретарша. Он уже здесь. Наверно, пришел с той новостью.

Вбегает лорд Олдхэнд. Секретарша спешит покинуть комнату.

Олдхэнд. Слышали новость, Алстербридж?!

Главнокомандующий. Разумеется. У нас в военном министерстве для получения новостей достаточно и шести минут. Это у вас в министерстве иностранных дел шесть лет и то считается небольшим сроком. Садитесь.

Олдхэнд *(садится)*. Сейчас не время для ваших ирландских шуток. Что нам делать, черт возьми? А что, собственно, вам известно?

Главнокомандующий. Только то, что на острове Уайт не осталось ни одной живой души. Мне придется послать туда всю британскую армию убирать и сжигать трупы или сбрасывать их в море. Министерство внутренних дел должно будет отрядить восемьдесят восемь тысяч четыреста пятьдесят четыре человека из гражданского населения, чтобы вычистить и пропылесосить дома и вернуть к жизни банки, магазины, радио, телефоны, а также водопроводную и электрическую сеть и все прочее.

Олдхэнд. Совершенно верно. И виновник всего этого вы.

Главнокомандующий. Это беззастенчивая ложь, Олдхэнд. В чем именно моя вина?

Олдхэнд. Или вы позабыли, что, когда тот малый, разработавший производство летучего газа, предложил вам свое изобретение, вы, именно вы его отвергли?

Главнокомандующий. Этот ублюдок? Так ведь он потребовал за свое изобретение сто тысяч. А научные консультанты убедили меня, что каждый пенс, потрачен-

ный на что-либо, кроме атомной бомбы, брошен на ветер.

Олдхэнд. Вот он и продал свой газ этому южноафриканскому черному Гитлеру, Кетчуэю Второму, за полтораста тысяч. Кетч мог выложить такую сумму: у него алмазы под ногами валяются. Он объявил Зулусию независимым государством, а себя назначил ее императором. Кейптаун, Наталь и Родезия открыли против него военные действия и втянули в них нас. Вот и выходит, что это ваша работа.

Главнокомандующий. Ни в коем случае. Кетч слишком хитер, чтобы начать войну с нами. Он вообще ни с кем не начинал войны. Он сбросил свои бомбы на остров Уайт с той лишь целью, чтобы показать Кейптауну и остальным, что весь мир теперь в его руках. Он избрал мишенью остров Уайт, потому что тот находится достаточно далеко от его собственных владений, то есть по тем же соображениям, по каким мы в 1945 году выбрали Хиросиму. Он полагает, что острова, эти далекие кусочки земли, не имеют для нас большого значения. При этом он всячески подчеркивает, что находится с нашим государством в дружеских отношениях, и, поскольку вы не объявили ему войны, юридически мы не воюем. Значит, это ваша работа, а не моя, и тем не менее, как обычно, когда надо что-то предпринять помимо уже сделанного, мне придется засучить рукава.

Олдхэнд. Не спорю, у вас весьма тонкая задача, но оставим это. Давайте-ка лучше поразмыслим вместе, что тут можно предпринять. Первая практическая акция — повесить этого изменника, продавшего врагу свое проклятое изобретение.

Главнокомандующий. Вот тебе на! Да разве вы не знаете, что он избрал себе местом жительства остров Уайт, как самый безопасный уголок в нашем цивилизованном мире, и сейчас лежит среди трупов, убитый своим собственным газом?

Олдхэнд. И поделом мерзавцу! Это божья кара. Впрочем, ваша ошибка, а именно — отказ поддержать этого малого, нисколько не меньше из-за того, что он мертв, а вы живы и находитесь здесь, на безопасном расстоянии от места катастрофы. Завтра может не стать и вас.

Главнокомандующий. И вас тоже.

Олдхэнд. Разумеется, и виноваты в этом будете вы.

Главнокомандующий. Но откуда мне было знать, что

этот газ — стоящая штука? Мне приносят десятки таких изобретений еженедельно, и каждое гарантирует конец войнам и установление царствия небесного на земле. Я не химик, я солдат. Я вынужден следовать советам моих научных консультантов. Вот вы, вы — дипломат, а не какая-нибудь лабораторная крыса. Знаете вы, что такое изотоп? Или, например, мезон? Я не знаю, и вы тоже. Так что бы вы сделали на моем месте? Так же как я, вытолкали бы его вон.

Олдхэнд. Послушайте меня. Я, как вы изволили заметить, дипломат, и, думаю, вы согласитесь, неплохо знаю свое дело, прослужив пятнадцать лет в министерстве иностранных дел. Вы отличный солдат, я не ставлю этого под сомнение. Следовательно, у нас с вами есть один общий принцип, и при том весьма неплохой.

Главнокомандующий. Какой именно, позвольте узнать?

Олдхэнд. Расценивать наших союзников как потенциальных противников. Обычные люди склонны думать по-иному, но нам-то виднее. Мы должны быть готовы к войне прежде, чем она разразится.

Главнокомандующий. И все же мы никогда к ней не готовы, из-за этих чертовых налогоплательщиков, которые голосуют против военного бюджета. Но в принципе я, конечно, с вами согласен. Ну, а дальше?

Олдхэнд. Сейчас объясню. Что за человек был этот изобретатель летучего газа? Вы с ним беседовали? Какое впечатление он производил?

Главнокомандующий. Примитивный обыватель, и все. Думал только о деньгах. Причем о больших деньгах!

Олдхэнд. Вот-вот. А посему, какая у нас гарантия, что, продав свое изобретение Кетчуэю в Африку, он не перепродал его еще кому-нибудь в Европе? Ведь для этого достаточно было всего-навсего вручить покупателю клочок бумаги с начертанной на нем формулой и спрятать в карман еще полтораста тысяч. Насколько я понимаю, любое государство в Европе и в Америке, кроме нас, вероятно, уже тайно производит это вещество. И пока мы сидим здесь и беседуем, упомянутый газ может запросто просочиться в это окно.

Главнокомандующий. Что ж, не исключено. Будем надеяться, что этого не произойдет.

Олдхэнд. Надейся не надейся, а все будет, как тому быть. Наша первейшая задача — любой ценой заполучить изо-

бретение и стать обладателями газа. Когда другие государства узнают, что у нас избыточные запасы этого оружия, ни одно из них не рискнет применить его. А пока...

Главнокомандующий. Пока мне необходимо снабдить противогазами все население страны и обязать людей носить их. Я должен позаботиться о погребении трупов, а я не могу выделить для этой цели нужное количество солдат. Вам придется закупить в Бомбее миллион стервятников, чтобы те растаскали кости прежде, чем мы задохнемся от вони. Надо сделать каждый дом в нашей стране непроницаемым для газа и строжайшим образом запретить открывать окна. Мы должны...

Его прерывает внезапный вой сирены, за которым следует орудийный залп.

Что такое, черт возьми?!

Олдхэнд. Пустяки. Мы приказали дать салют из пяти орудий в честь дня рождения министра торговли – сегодня ему исполняется сто один год.

Снова слышен вой сирены.

Главнокомандующий *(напевает полусонным голосом)*. «Нам лишаться вас досадно, но, похоже, час настал!» *(Падает и, очевидно, погружается в глубокий сон.)*

Возгласы снаружи. Закройте окна! Окна закрывайте! Газ! Газ!

Еще один орудийный залп.
Олдхэнд вскакивает с места и бросается закрывать окно. Он шатается и едва успевает ухватиться за подоконник, чтобы не упасть.

Олдхэнд *(с бессмысленной гримасой, переходящей в блаженную улыбку, поет)*. «Путь далек до Типперери!..» *(Падает мертвым.)*

Живописное место на острове Уайт. Здание из стекла и стали, на нем надпись: «Антропометрическая лаборатория». На открытой террасе стоит скамья и несколько стульев. Лицом друг к другу сидят: средних лет мужчина в ярком пуловере и нейлоновых брюках в широкую полоску и две женщины — приятного вида матрона в фиолетовой университетской мантии и молодая девушка в коротенькой спецодежде и голубых спортивных брюках. Входит турист. Его вышитая рубашка и тщательно подстриженная борода свидетельствуют о желании быть принятым за художника. Увидев троих на террасе, он останавливается и вытаскивает фотокамеру.

Девушка. Эй, вы! Что вы тут делаете?

Турист. Всего лишь гуляю по вашему острову. Могу я вас сфотографировать?

Девушка. По какому праву вы здесь расхаживаете? На остров Уайт вход запрещен. Кто позволил вам тут высадиться?

Турист. А я приплыл на своей лодке. Ну и вышел на берег. Кому от этого вред?

Девушка. Здесь обитает Верхушка общества. Низам сюда вход воспрещен.

Турист. А я не из Низов. Я из класса Посредственных.

Девушка. Ни те, ни другие сюда доступа не имеют. Садитесь в свою лодку и отчаливайте!

Матрона. Погодите. Вы сказали, что вы из класса Посредственных. А вы получили диплом с отличием?

Турист. Нет. Они были ко мне зверски несправедливы. Я ведь не посредственность, я — талант.

Матрона. Ах вот как! Есть у вас какая-нибудь работа?

Турист. Нету. Они предложили мне быть санитаром в больнице, потому что я наделен изрядной физической силой. Но ведь это для меня унизительно! Когда же я объявил им, что я талант и показал свои рисунки, они предложили мне стать маляром. Но я не желаю красить стены домов, мое призвание — расписывать фресками храмы.

Мужчина *(шутливо)*. Подобно Микеланджело, не так ли?

Турист. О, я могу работать лучше, чем Микеланджело. Он старомоден. Мои рисунки — супермодерн.

Мужчина *(матроне)*. Как раз нужный нам экземпляр.

Матрона *(туристу)*. Скажите, а вы вполне уверены, что вы талант?

Турист. Абсолютно. Взгляните сами, разве я похож на банковского клерка?

Матрона. Что ж, у нас нет храмов, и вам нечего здесь расписывать, но мы можем предложить вам работу, которая прокормит вас и позволит вам рисовать на досуге свои картинки, покуда мир не признает вас гением.

Турист. А что, собственно, мне придется делать? Предупреждаю вас, я не способен сдавать экзамены; к тому же я не терплю, чтобы мной командовали и требовали от меня дисциплины. Я должен быть предельно свободен.

Матрона. То, чем мы здесь занимаемся, называется антропометрией. Мы классифицируем мужчин и женщин согласно их способностям. Заполняем свидетельства об их профессиональной пригодности. Проверяем их реакции и деятельность желез внутренней секреции и все такое прочее. Простейшая лабораторная работа.

Турист. Это мне вполне подойдет. Я тонкий психолог.

Матрона. Вот и отлично. Отнесите этот квиток в канцелярию, она помещается в конце коридора направо. Когда они вас оформят, можете получить чай в столовой. *(Вручает ему бумажку.)*

Турист *(радостно)*. Спасибо. *(Хватает бумажку и уходит в лабораторию.)*

Мужчина. Он для нас просто находка.

Девушка. Не уверена. По-моему, он просто самодовольный дурак, мнящий себя талантом.

Мужчина. Безусловно. Но мы будем судить о нем не по его собственным представлениям, а по данным его внутренней секреции и по его реакциям.

Входит небритый молодой человек подозрительного вида в лохмотьях.

Девушка. Это еще что за мерзкий бродяга? *(К пришельцу.)* Эй, послушайте! Кто вы?! Что вы тут делаете?

Бродяга. А ничего, ведь никто не дает мне никакой работы. Я чертовски голоден. У вас случайно не найдется корочки хлеба?

Матрона. Как вы попали на этот остров? Почему вам позволили здесь высадиться?

Бродяга. Я, сударыня, плыл зайцем. Они захотели отправить меня назад, а капитан судна, которое шло в обратном направлении, не пожелал взять меня на борт: сказал, грязный я слишком и, возможно, заразный и вшивый. Санитарный врач засадил меня в карантин, но я убедил его, что я всего лишь безобидный бродяга, непригодный для лучшего дела, ну, он и отпустил меня. Вот я и здесь.

Матрона. Так вы ничем не зарабатываете себе на хлеб?

Бродяга. Я его выпрашиваю. И люди по большей части дают. А если так не дают, я принимаюсь петь. Тогда они кидают мне монетку-другую, чтоб только я перестал петь и ушел. Право же, такой образ жизни не хуже любого другого. И мне он подходит. Я ни для чего больше не гожусь.

Мужчина. Почему вы решили, что ни для чего больше не годитесь?

Бродяга. Ну а для чего еще я гожусь? Можете поместить меня в свою лабораторию и проверить, если вам охота. У вас ведь там кормят, надо полагать?

Мужчина. По-моему, вы человек неглупый. И чему-то ученый. Вы, безусловно, можете зарабатывать себе на жизнь.

Бродяга. Нет, только не это. Зарабатывание денег — это не жизнь! И вообще, как начинают говорить про работу, значит, ничего не дадут, видал я таких. Счастливо оставаться! *(Хочет уйти.)*

Девушка. Погодите! Вы же голодны. Я сейчас принесу вам хлеба. *(Уходит в лабораторию.)*

Бродяга. Видите! Попросишь и допросишься.

Мужчина. Послушайте. Я дам вам пять гиней, если вы согласитесь подвергнуть свои способности анализу у нас в лаборатории.

Бродяга. Это же будет чистый грабеж. Говорю вам: у меня нет никаких способностей! Я совершенно никчемный малый. И к чему простому бродяге такие огромные деньги? Я должен кормиться подаянием. А когда в кармане лежит пять гиней, жизнь уже становится не в радость!

Мужчина. Зачем же им лежать в кармане? Купите себе приличный костюм. Вам он позарез нужен. Вы же ходите в лохмотьях.

Бродяга. Ну конечно. А кто подаст милостыню хорошо одетому человеку? Это моя прозодежда.

Мужчина. Что ж, отлично. Тогда я вас арестую и подвергну в лаборатории классификационному анализу. Таков за-

кон, обязательный для всех. Если вы ему не подчинитесь, вас признают безответственной личностью. В этом случае вас зачислят в военную полицию или сдадут в трудовую команду. Возможно и такое: вас признают неисправимым преступником и ликвидируют.

Бродяга. Я все это знаю. Но вам-то от этого какой прок? Почему вы предлагаете мне пять гиней, когда, стоит вам кликнуть полицейского, и меня безвозмездно разберут на части?

Мужчина. Вот видите, у вас хватило ума устроить мне перекрестный допрос. Возможно, у вас есть административные способности и вы достаточно хитры, чтобы увиливать от ответственности. Вы, судя по всему, продувной малый, который отлично понимает, что просить корочку легче и приятней, чем руководить людьми.

Бродяга. Ха-ха-ха! Вы, кажется, подозреваете, будто я воплощение талантов! Что ж, прекрасно, проверяйте меня, покуда у вас силы хватит. Только время зря потеряете! Впрочем, мне-то что? Я временем не дорожу: у меня работа такая — убивать время. Сами убедитесь, что я ни на что не годен. Конечно, я не кретин, это вы правильно сказали, но я тупица, безнадежный тупица! Я всегда знаю, что́ надо делать другому, но сам я сделать этого не могу. Я уже все перепробовал — толку никакого: каждый раз осечка. У меня бездна желаний, а вот талантов в наличии нет. Я бы хотел быть Шекспиром, но не умею писать пьесы. Я бы хотел быть Микеланджело или Рафаэлем, но не умею ни рисовать, ни чертить. А еще как бы хорошо быть Моцартом или Бетховеном, так ведь я ни симфонию сочинить, ни концерт сыграть не способен. Я завидую математическому таланту Эйнштейна, а сам не знаю, сколько будет два плюс два — разве что у стола с товарами, каждый по пенсу. Я о многом наслышан, но ничего не умею. Когда я даю советы башковитым ребятам, они гонят меня прочь и называют «полоумным невеждой». Я таков и есть, я сам это знаю. Лучше покормите меня или дайте деньгами, и я потащусь дальше. Ведь я не Просперо, я — Автолик.

Мужчина. Если вы знаете, что надо делать другим, то скоро окажетесь так заняты, давая советы и сочиняя законы, что вам уже некогда будет следовать им самому. Бегите в столовую и получайте свой хлеб!

Бродяга. Лечу на всех парах! Вы здесь всему голова — протоиерей, законодатель, вершитель человеческих судеб!

И сегодня вы учредили правление бродяг. Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! *(С громким хохотом убегает в лабораторию.)*

Мужчина. Две находки за один день. Ничтожество, мнящее себя талантом, и талант, считающий себя ничтожеством.

Матрона. Я предпочитаю ничтожества. Если боишься нововведений — на них можно положиться! А таланту еще неизвестно что взбредет в голову, и уж обязательно что-нибудь такое, что перевернет все наши планы.

То же место на острове Уайт, только на здании теперь надпись: «Комиссия по питанию». Член комиссии в корпорантской шапочке и мантии сидит за письменным столом и говорит в диктофон. Из-под шапочки видны наушники с проводами.

Член комиссии. То, что я сейчас буду диктовать, предназначается для публикации, поэтому заложите копирку. Это текст нового издания моей книги, посвященной проблеме человеческого питания. Вы готовы? Прекрасно. Заголовок: «Глава четвертая. Питание воздухом». Переходим к тексту. Гм!

«В двадцатом веке племена, жившие в Новой Зеландии, перестали, под влиянием британских колонистов, поедать своих военнопленных. Сами же британцы к тому времени, вняв увещаниям пророка, чье имя дошло до нас в различной транскрипции, как-то: Шелли, Шекспир и Шовиус, после нескольких столетий частичного каннибализма, когда они ели только рыб, лягушек, птиц, овец, коров, свиней, кроликов и китов, постепенно уже начали отказываться и от этой пищи и стали довольствоваться лишь фруктами и растениями и даже травой, медом и орехами, то есть, как они тогда говорили, вегетарианской пищей». Точка. Абзац. Гм!

«Поскольку указанные изменения ликвидировали необходимость в откармливании скота и способствовали в не меньшей, если не в большей степени, чем питание мертвечиной, улучшению человеческого здоровья и долголетию, это было на определенном этапе несомненным шагом вперед в процессе развития цивилизации. Тем не менее это вызвало непредвиденные последствия. Когда перестали разводить и забивать скот на мясо, исчезли также молоко, масло, сыр и яйца. Основу питания теперь составляли трава, листья, крапива. Этого людям было достаточно для крепкого здоровья. На Олимпийских играх травоядные спортсмены добились наивысших рекордов. В этом не было ничего удивительного, так как евшие траву слоны и быки спокон веку считались самыми сильными, самыми плодовитыми и самыми необуз-

данными животными. Но они одновременно считались и самыми свирепыми, будучи столь опасны, что никто не решался пройти через поле, на котором пасся непривязанный бык, слона же непременно сопровождал вооруженный погонщик. Вдобавок было замечено, что вегетарианцы проявляют неугомонность, драчливость и грубость в постоянных стычках с уцелевшими плотоядными, каковые предпочитали вести сидячий образ жизни в душном помещении, тогда как травоядные не могли обходиться без частых упражнений на свежем воздухе. Когда травоядение приобрело всеобщий характер, люди сделались более свирепыми и опасными, чем быки. К счастью, они заметно утеряли способность к совместным организованным действиям. Они уже не могли или не хотели создавать политические союзы, а также участвовать в массовом производстве или вести мировую войну. Применение атомных бомб, отравляющих газов и прочего требовало большей приспособленности к совместным действиям: их же злоба и ярость, как это свойственно быкам, распространялись лишь на тех врагов, которые находились в их поле зрения. С окончанием войн количество травоядных неимоверно возросло; однако думающим особям, кои еще появлялись среди них и руководили ими (в той лишь мере, в какой они поддавались руководству), стало очевидно, что на подобной пище они скоро превратятся в неких супергорилл. И хотя они жили дольше плотоядных, все же они были подвержены некоторым смертоносным болезням, теряли зубы и зрение и дряхлели на старости лет. Их лучшие биологи пришли к выводу, что человеческая раса, перепробовав все съедобное на земле, не нашла такой пищи, которая в конце концов не стала бы для нее вредоносной. С опровержением этого тезиса выступила одна русская женщина, всемирно известная спортсменка-вегетарианка. Она заявила, что существует еще не опробированная система питания, как-то – комбинация воды и воздуха. Супергориллы подняли ее на смех, утверждая, что воздух не еда, а всего лишь пустота и человечество не может существовать, питаясь ничем. Но как раз в это время один знаменитый математик доказал, что пустоты в природе вообще не существует, что пространство никакая не пустота и в действительности его попросту нету. Есть только субстанция, называемая материей, и она повсюду, так что вселенная на деле из нее одной и состоит, а воспри-

маем ли мы ее с помощью чувств, едим или пьем, зависит лишь от степени радиации, температуры и чувствительности приборов, необходимых для ее обнаружения и измерения. С повышением температуры вода из крепкого льда превращается в прозрачную жидкость, из прозрачной жидкости – в пар, из пара – в газ; и тем не менее она не теряет своей материальности даже при температуре, совершенно не поддающейся измерению и всего лишь предположительной. Отсюда логически следует, что можно жить, питаясь воздухом, так же легко, как питаясь мясом или травой и тертой морковкой, хотя каждая форма жизни имеет свой тип существования, систему питания и характер развития (так, например, человек не может жить под водой, а рыба на суше). Следовательно, такие существа, как ангелы, теоретически не менее возможны, чем киты и пескари, слоны и микробы. Упомянутая русская спортсменка утверждала, будто она прожила не один месяц, подкрепляясь водой и воздухом, правда, непременным условием при этом было наличие свежего воздуха и ежедневных тяжелых физических упражнений. Как уже известно, бдение и посты ничуть не ослабляли святых мучеников, ибо их духовная жизнь была достаточно интенсивной, чтобы породить состояние экстаза». Точка. Абзац.

«Таково краткое описание эпохального общественного сдвига, произошедшего в результате решения проблемы питания, каковая на протяжении всей зафиксированной истории человечества превращала людей в рабов природы и сводила на нет все их стремления жить по собственной воле, а не руководствуясь необходимостью. Мир стали населять художники, спортсмены, ремесленники, физики и математики вместо прежних хлеборобов, мукомолов, пекарей, мясников, буфетчиков, пивоваров и винокуров. Голод и жажда, многие века обозначавшие потребность в хлебе и луке, сыре и пиве, говядине и баранине, превратились, в силу познания и освоения мира, в желание достичь правды и справедливости. Супергориллы стали слугами и солдатами Творческой Эволюции». Точка. Постскриптум. А теперь перестаньте печатать и выслушайте инструкцию. Продиктованный текст предназначен для десятого издания моей книги из серии «Элементарная биология для детских садов». Что до знаков препинания, то я диктовал вам лишь точки в конце абзацев. Запятые, двоеточия и точки с запятыми

я проставлю в машинописном тексте. Шрифт, формат и иллюстрации я оставляю на волю наборщика: он лучше меня понимает в книжном деле. Ему потребуется бумаги на двести миллионов экземпляров. Всего наилучшего.

Он снимает свои наушники, накрывает диктофон чехлом; вздыхает с облегчением, как после утомительной работы, и скрывается в здании.

Перед нами все то же место; только теперь на здании надпись: «Генетический институт». На террасе, вокруг стола, заваленного пожелтевшими книгами, сидят четверо людей неопределенного возраста, скорее всего молодые. Двое из них — м у ж ч и н ы, третья — ж е н щ и н а, четвертый — г е р м а ф р о д и т. На них белые туники без рукавов, похожие на плащ герольда; на каждой тунике вышит какой-нибудь цветок: у мужчин — у одного чертополох, у другого клевер, у женщины роза, у гермафродита вяз, ствол которого обвит виноградной лозой. У мужчин из-под туники виднеются красные рукава, у женщины — зеленые, на рукавах у гермафродита красные ромбы перемежаются с зелеными в шахматном порядке, как на одежде арлекина. Мужчины чисто выбриты и коротко подстрижены, у женщины волосы уложены наподобие прически Венеры Милосской. Сидящие ведут какой-то оживленный спор; перед каждым раскрытая книга, по которой он время от времени ударяет рукой в подтверждение своих слов.

К л е в е р. Ну что за чушь они городили в XIX веке — ничего не поймешь! Очевидно, они считали наше занятие неприличным и старались не писать об этом, даже в специальных книгах. *(С возмущением захлопывает книгу.)*

Р о з а. Это просто невообразимо! Наше занятие — важнейшее в человеческом обществе: воспроизведение потомства — самая насущная и постоянно обсуждаемая тема.

К л е в е р. Я прочел все, что уцелело от XIX века, и могу с уверенностью сказать, что ни в одном тогдашнем учебнике физиологии не встретишь даже упоминания о детородных органах или намека на секс. Можно подумать, будто всего этого тогда просто не было.

Г е р м а ф р о д и т. Не говоря уж о гермафродитах. Я — гермафродит и искал себя во всех книгах XIX века: меня там вообще нету.

Ч е р т о п о л о х. Это были безмозглые идиоты. Можно только диву даваться, что они просуществовали не какую-нибудь неделю, а долгие годы! У них не хватало ума приспособить алфавит к произношению слов. Товар они считали

дюжинами, а деньги только десятками, потому что у них было всего десять пальцев и они не могли придумать две недостающие цифры. Они не умели менять свое рабочее время по солнцу чаще, чем дважды в год, и даже это нововведение утвердилось лишь после одного из самых кровопролитных состязаний, которые они называли войнами. Их календарь – сплошная абракадабра: у них не было установленных праздников и их месяцы не совпадали с лунными. В хроматической гамме у них насчитывалось всего двенадцать нот вместо наших шестидесяти четырех. Казалось, уж девятнадцать-то нот они могли бы набрать, чтобы легче свести в унисон свои младенческие терции и сексты! Ежедневно у них пропадала зазря уйма времени, потому что они не умели, а может не желали, делать простейшие вещи; и когда горстка талантов создавала для них замечательные машины – огромные машины, способные отрываться от земли и летать, и другие – крохотные, умевшие считать и думать, современники воспринимали это как подарок небес, где они поместили свой воображаемый рай. Когда какой-нибудь из их жизненных органов начинал барахлить, они не в силах были его наладить: они просто вырезали его и предоставляли больному либо выжить, либо умереть. Когда же на человека обрушивалась какая-нибудь хворь и его нельзя было резать на кусочки, они травили его ядами; так я вычитал историю про одну знаменитую женщину, которую травили девятью разными ядами при какой-то болезни, известной у них под названием брюшного тифа. Самое любопытное, что больная все-таки выжила. Очевидно, у нее был на редкость крепкий организм. Именно в XIX веке они бросили поклоняться идолам и священникам и уверовали в медицину и хирургов. Перестанем же рыться в этом загадочном прошлом и начнем с того, что́ мы действительно знаем о настоящем. *(Захлопывает книгу и отбрасывает ее в сторону.)*

Клевер *(закрывает и свою)*. Согласен. Но почему все-таки они считали неприличным говорить о сексе?

Роза. Просто их методы были до того омерзительны, что они не находили для них пристойных выражений. Вы исходите из того, что их методы и эмоции были подобны нашим. Но вы глубоко заблуждаетесь. Семенная жидкость, которую наши химики изготовляют в лабораториях и с которой мы здесь экспериментируем, была им неизвестна: для продолжения своего рода им приходилось поль-

зоваться выделениями живого человеческого организма. Чтобы произвести на свет себе подобного, им надо было для начала прибегать к таким способам личного общения, которые я просто не решаюсь описывать. Самое удивительное, что в момент этих событий они, кажется, испытывали удовольствие, обычно получаемое нами в поисках знания и силы, и даже достигали блаженства, даруемого нам в изысканиях и открытиях. А верования их были до того дикими и нелепыми, что складывается впечатление, будто они готовы были верить во что угодно.

Клевер. Но послушайте! Они, вероятно, обладали каким-то здравым смыслом, иначе они бы просто не выжили.

Роза. Начатки его у них были. При всей их плотской необузданности у них хватало благопристойности высоко чтить людей воздержанных и возводить их в сан святых, иереев, монахинь, ангелов, богов и прочих.

Гермафродит. Не всегда. Например, существовало племя, звавшееся греками, у которого имелось множество богов, чьи любовные похождения носили прямо-таки скандальный характер. Эти греки отравили ядом одного старика за то, что он пытался научить молодежь мыслить. А впрочем, и поделом: иные из его доводов были всего лишь словесными вывертами, вроде тех, какие в Англии называются каламбурами.

Роза. Верно. А другое племя, звавшееся иудеями, или израильтянами, до смерти замучило одного юношу, пытавшегося убедить их, что бог заключен в них самих, и обещавшего, если они убьют его, восстать из мертвых и учредить царствие небесное не в облаках, среди ангелов, а на земле, среди смертных мужчин и женщин.

Гермафродит. Нет, они убили его не за это: они тогда верили всякому, кто достаточно много им обещал. Они убили его потому, что он поднял бунт у них в храме и изгнал из него менял, которых принял за воров, так как был слишком молод годами, несведущ в финансовых делах и не знал, сколь они нужны и полезны для паломников. Имя этого бедняги было Гитлер!

Роза. И тем не менее, хотя мы совершенно непохожи на этих первобытных дикарей, мы – их потомки. Даже при том, что мы производим себя научным способом, мы никак не можем договориться относительно того, каких именно людей надлежит нам создавать, сколько их должно быть

в каждый период и как долго им следует пребывать на земле. Все мы хотим получить Идеальную Модель Человека, но когда наши химики требуют от нас точный рецепт с указанием нужного количества протоплазмы, гормонов, витаминов, ферментов и прочего, мы никак не можем договориться об окончательной дозе каждого ингредиента, а от этих последних миллиграммов и зависит, будет ли наш конечный продукт поэтом или математиком.

Гермафродит. Я против всего этого. Мне это мерзко. Повторяю вам в сотый раз: из химических солей мы никогда не создадим стоящего человека. Нам нужно полностью освободиться от нашей плоти и сделать исключение только для чучел в Музее Естественной Истории. Я не хочу быть телесным, я хочу состоять из разума, только из разума! В XVI веке люди приняли решение поклоняться исключительно богу-духу, лишенному тела и телесных страстей. Еще во дни раннего средневековья, в XIX и XX веках, жил один человек, мечтавший превратиться в Вихрь Мыслей, а еще была женщина, утверждавшая, будто дух создал материю, а не материя дух. Снесем же все лаборатории! Построим храмы, где мы сможем молиться, молиться и молиться об избавлении от нашей телесной оболочки, покуда, как то обычно и бывает в природе, само собой не произойдет превращение.

Роза. Ах, дитя мое, это еще больше осложнило бы нашу жизнь! Нам было бы еще труднее договориться между собой, какой именно разум нам требуется. Молитва, как известно, великая созидательная сила, но, чтобы она таковою стала, мы должны знать, о чем молиться. В XVI веке жил один знаменитый математик, который утверждал, что величайшее из наших открытий есть не более как песчинка, подобранная на берегу океана нашего невежества. Это был наивный малый, считавший, будто мир существует лишь сорок столетий, а прямые линии — единственно правильные, но и сегодня величайшие из наших открытий — это все те же крохотные песчинки. Я тоже хотела бы стать разумом, освобожденным от тела, но пока что со мной этого не произошло. Между прочим, другой мудрец XVI века заявлял, что мир должен быть населен; и поскольку нам отвратителен тот старый непристойный способ, мы должны создавать реальных людей из материальных веществ в биохимических лаборато-

риях. Я сама была изготовлена таким способом, и вы тоже, мой мальчик.

Гермафродит. Да, так создали мое тело и мой разум, каким я сейчас обладаю. Но не мое желание избавиться от плоти. Откуда оно пришло ко мне? Вы можете мне это объяснить?

Роза. Нет, но когда даже это перестанет быть для нас тайной, наше знание по-прежнему будет только песчинкой на берегу океана. И все же ее тоже стоит подобрать, как и все остальные.

Клевер. Где-нибудь в бесконечных глубинах времени, когда океан обмелеет и перестанет выбрасывать на берег песок, мы подберем по одной все эти песчинки. Что же тогда?

Роза. Стремление к знанию и силе не имеет конца.

Прежнее место действия, с той лишь разницей, что на здании надпись: «Шестой класс школы; охраняется как исторический памятник».

На террасе сидят п я т ь у ч а щ и х с я, одетых в форменное платье с шестью нашивками на рукаве. У каждого на шапке его личный номер. Номера 1, 2, 3 — юноши; номер 4 и номер 5 — девицы. Номер 1 старше, чем номер 2, номер 4 старше, чем номер 5.

У ч и т е л ь н и ц а, почтенная матрона, облаченная в университетскую мантию и шапочку, выходит из помещения и занимает свое место.

У ч и т е л ь н и ц а. Позвольте мне представиться. Вас только что перевели в шестой класс. Я ваша учительница. Объясните мне, чем и почему шестой класс отличается от пятого?

Ю н о ш а № 1. Ничего мы не будем вам объяснять. Если вы наша учительница, мы вас будем спрашивать, а не вы нас.

Д е в и ц а № 5. Вы что, из доисторических времен? Так обучали своих детей дикари много тысячелетий тому назад: задавали им разные загадки и били их, когда они не могли ответить. Надеюсь, вы не намерены затеять с нами подобную игру?

Ю н о ш а № 3. А коли намерены, матушка Хаббард, то уж мы устроим вам цирк!

У ч и т е л ь н и ц а. Правильно. Как раз такого ответа я от вас и ожидала. Это был провокационный вопрос. Трое из вас доказали, что они верно понимают характер отношений между учителем и учениками в шестом классе. Остальные, если вы не против, выразят свое согласие обычным способом.

Учащиеся единодушно поднимают руку.

Прекрасно. А теперь начнем. Спрашивайте меня.

Ю н о ш а № 3. А чего спрашивать?

У ч и т е л ь н и ц а. Ага! Видите, оказывается задавать вопросы не так-то просто. Неужели же нет ничего, о чем вы хотс-

ли бы узнать? Если так, вам не место в шестом классе: вы еще умственно не доросли до него; вам лучше вернуться в пятый и забрать свое переходное удостоверение.

Юноша № 3. Нет, погодите! Дайте мне подумать.

Учительница. Даю вам две минуты. Не придумаете – идите назад в пятый класс.

Юноша № 2 *(подсказывает)*. Спроси ее вот что: если сосновая шишка зароется в землю, что это будет – земля, покрывающая шишку, или шишка, похороненная в грунте?

Учительница. Отлично, Номер Два. Я не могу ответить на этот вопрос, и никто другой не может. А вы, Номер Три, вы действительно хотите узнать про шишку?

Юноша № 3. Нет. Никогда я не слышал, чтобы шишки зарывались в землю, и вообще, на фиг сдались мне эти шишки!

Учительница. «На фиг сдались» – это грубо. Уж лучше сказать: «на фиг дались».

Юноша № 3. Ну, я неначитанный! А что означает этот «фиг»?

Учительница. Что все это не имеет для вас никакого значения.

Юноша № 2. Неправильно, учительница! Мой толковый словарь средневековых речений определяет «фиг» как богохульство, распространенное среди священников.

Учительница. В шестом классе учитель все говорит неправильно!

Юноша № 1. Оба вы неправы: «фиг» – это кукиш.

Девица № 5. И совсем не так! Фига – это инжир, плод фигового дерева.

Юноша № 3. Но я думал как раз в том смысле, в каком сказала учительница...

Учительница. Значит, учительница все говорит правильно. За выдвижение подобной мысли даю вам, Номер Три, еще минуту на обдумывание вопроса о том, что вас действительно интересует.

Юноша № 3. Ну чего вы ко мне пристали?! Я же не один, у кого нет для вас готовых вопросов.

Учительница. Шестой класс должен просто гудеть от вопросов. Я скоро перейду к другим ученикам. А за вас я взялась потому, что ваш облик не внушает мысли о наличии у вас ума, во всяком случае, более развитого, чем в пятом классе.

Юноша № 1. А вы не смотрите на его лицо. Смотрите на его пальцы.

Учительница. Да, но пальцы – это еще не мозг.

Юноша № 3. Вот и ошиблись! Мой мозг – мои пальцы, это у вас он только в черепной коробке. Скажите, случалось вам когда-нибудь придумать и построить машину?

Учительница. Нет. А вам?

Юноша № 3. Случалось.

Учительница. Но как именно?

Юноша № 3. А не знаю. Я не могу объяснить это на словах: не мастер я говорить! Я умею только делать. И не пойду я назад в пятый класс. Перевели меня в шестой – я в нем и останусь, что бы вы там ни говорили!

Учительница. Что ж, оставайтесь. У вас свой ход мыслей, хоть вы и не можете его выразить.

Юноша № 3. Нет у меня никаких мыслей. У меня есть только руки.

Девица № 4. Учительница, у меня вопрос!

Учительница. Спрашивайте.

Девица № 4. Как это получается, что Номеру Три приходит в голову одно, а мне другое? Почему он может делать то, что не могу я? А я могу делать то, что не может он? Я могу сочинить целый очерк, а он не может даже составить инструкцию к машине, которую сам придумал. Вы его спрашиваете, а он только шевелит пальцами, будто это рычаги да колеса. К нему нужно приставить какого-нибудь ученика третьего класса, чтобы тот описывал его изобретения.

Учительница. Вот мы и подошли к загадке мироздания. Вы, молодые, всегда спрашиваете об этом и не хотите принять за ответ – «не знаю». Может кто-нибудь из вас пересказать мне легенду о Сфинксе?

Девица № 5. Я могу. Сфинкс – это такое четвероногое с женской головой и грудью. Оно загадывало загадки всем встречным и пожирало их, когда они не могли ответить.

Учительница. Да, так гласит легенда. Но чем она интересна для вас?

Девица № 5. Сказка как сказка! Я люблю сказки.

Девица № 4. Она правду говорит, учительница, она без конца их читает. И про себя выдумывает разное. Сплошное вранье!

Юноша № 2. Зачем она врет? Вот что я хотел бы знать.

Юноша № 3. Эта история про Сфинкса – бредятина! Чего ему было жрать всех, кто не мог разгадать его загадки?

Юноша № 1. И почему он должен был умертвить себя, когда кто-то все-таки разгадал их? Объясните мне это.

Учительница. Никогда не спрашивайте «почему». Спрашивайте «что», «когда», «где», «как», «кто», «какой» и никогда — «почему». Только малыши из первого класса, убежденные, что их родители все знают, спрашивают «почему»? В шестом классе предполагается, что вам уже ясна вся неразрешимость вопроса «почему».

Юноша № 3. Чепуха! Почему это «неразрешимость»? Ну почему, к примеру, кипит вода? Да потому, что ее подогрели до ста градусов по Цельсию. Что же тут хитрого?

Учительница. Это объяснение «как», а не «почему». А почему она все-таки закипела?

Юноша № 2. Да потому, что кто-то вздумал сварить яйцо и съесть его. Вот и все!

Учительница. А почему он захотел съесть его?

Юноша № 2. Потому что он хотел жить и не хотел быть голодным.

Учительница. Это констатация факта, а не объяснение причины. Почему он хотел жить?

Юноша № 2. Наверно, просто как все люди!

Учительница. А почему все хотят жить, как бы ни были они несчастны? Почему вообще человек хочет жить?

Юноша № 3. А кто его знает, черт возьми! Вы ведь не знаете? И я тоже.

Учительница. А почему мы этого не знаем?

Юноша № 2. Просто не знаем, и все!

Учительница. Дело не в этом. «Почему» находится за гранью нашего познания. Все эти «почему» ведут к огромному вопросительному знаку, который от века сверкает на небе, как радуга. Почему мы существуем? Почему существует вселенная?

Юноша № 1. На ваш вопрос я бы ответил, что вселенная — эта грандиозная шутка.

Девица № 4. Ничего не вижу в ней смешного. Я бы сказала: эта грандиозная ошибка.

Юноша № 2. У каждой шутки должен быть свой автор У ошибки — кто-то, кто ее совершил. Если мир существует, значит, непременно есть кто-то, кто его сотворил.

Учительница. Непременно? Вы в этом уверены? Один древний бог по имени Наполеон, указав на небо, полное звезд, спросил своего жреца: «Кто создал все это?» И тот ответил: «Кто бы он ни был, но был еще кто-то, кто создал его».

Девица № 4. Или ее? Но почему?..

Учительница. К порядку! Чтоб никаких больше «почему»! Иначе вы так и будете крутиться на одном месте, подобно котятам, ловящим свой хвост. Пора приняться за работу. Задавайте вопросы со словом «как»!

Девица № 5. Как в нашу голову проникают мысли? У меня вот мыслей куда меньше, чем у моей подруги под Номером Четыре. Она – интеллектуалка, а я родилась пустоголовой. Но порой у меня возникают совершенно неожиданные мысли. Откуда они берутся?

Учительница. На этот счет существуют разные теории. У кого-нибудь из вас есть по этому поводу свои суждения?

Юноша № 2. Мой дед читал курс лекций о Бестелесной Расе. Я набрался у него кое-каких идей, когда был мальчишкой. Конечно, мой предок кажется сегодня порядком старомодным и я не склонен принимать его всерьез, однако его теория запала мне в голову, поскольку сам я лучшей не придумал.

Юноша № 1. Наш преподаватель естествознания в пятом классе часто говорил нам о ней, но я как-то не в силах ее переварить.

Учительница. Вы можете объяснить мне причину?

Юноша № 1. Понимаете, я вырос в убеждении, что мы – авангард человечества, находящийся на высшей ступени его творческой эволюции. А по этой теории, мы не более как уцелевшие потомки людей, живших в двадцатом веке, то есть всего лишь навозные жуки по сравнению с суперменами, ставшими в ходе эволюции бестелесными. Но я не навозный жук!

Юноша № 3. Чушь! Если б мы были навозными жуками, эти супермены давно бы растоптали и убили нас или отравили фосфором.

Юноша № 1. Может, они держат нас для развлечения, как мы – домашних животных. Я же говорил вам, что вселенная – это шутка. Таково мое убеждение.

Девица № 5. А все-таки откуда берутся наши мысли? Наверно, они витают вокруг нас в воздухе. Мой папенька никогда не говорил: «Я думаю». Он всегда говорил: «Мне пришло в голову». Ребенком мне казалось, будто мысль проникает к нему откуда-то извне.

Юноша № 1. Стоит ли толковать о подобных нелепостях? Как могли люди избавиться от своей материальной оболочки?

Учительница. Но они действительно избавились от нее. Они утратили хвосты, шкуру, клыки. Они приобрели большой палец и увеличили объем мозга. По-видимому, они усовершенствовали свое тело, как хотели.

Юноша № 2. И все-таки им приходилось есть и пить. Значит, они не могли обходиться без кишок и желудка.

Учительница. Могли, по крайней мере так явствует из некоторых источников. Люди обнаружили, что им лучше питаться воздухом, так как материальная пища и питье вызывали болезни, разрушавшие тело.

Юноша № 2. И вы в это верите?

Учительница. Я ни во что не верю. Однако об этом имеются не менее достоверные сведения, чем обо всем другом, что происходило за миллионы лет до нашего рождения. Сохранились летописи. И поскольку я не в силах ни вернуться в прошлое, ни предсказать будущее, я должна брать существующую историю как часть моей системы представлений. Без этой системы я так же не способна думать, как плотник резать дерево без пилы.

Юноша № 2. Это уже выше моего разумения, Учительница. Я не понимаю ваших слов.

Учительница. И не старайтесь понять. Вы должны довольствоваться тем разумом, какой имеете, пока не достигнете следующей степени знания. Итак, ваш вопрос: откуда берутся наши мысли и как они «приходят нам в голову», по выражению папеньки Номера Пять. Есть теория, согласно которой Бестелесная Раса продолжает существовать в виде Вихря Мыслей, проникающего сквозь наши черепные коробки, ведь наш мозг и наши руки служат для этой расы орудиями производства в ее нескончаемом процессе познания и освоения мира.

Девица № 4. Некоторые из наших мыслей ужасно зловредные. Мы истребляем себе подобных и разрушаем города, нами же построенные. Кто вкладывает нам в голову подобные замыслы? И при чем здесь процесс познания и освоения мира?

Учительница. А при том, что этот процесс включает в себя также уничтожение и разрушение всего, что ему противостоит. Невоплощенные мысли призваны вдохновить солдата и охотника в не меньшей мере, чем пацифиста и филантропа.

Юноша № 1. Почему же кто-то противостоит этому прогрессу, если все мысли рождаются из одних и тех же вихрей разума, стремящегося к прогрессу?

Учительница. Но ведь даже эти вихри действуют методом проб и ошибок. Они должны в такой же мере учиться на ошибках, как и на успехах. Нам приходится уничтожать глистов, саранчу и колорадского жука, потому что иначе они бы уничтожили нас. Нам приходится ликвидировать неисправимых преступников, у которых полностью отсутствует совесть. Все это не более как неудавшиеся эксперименты Жизненной Силы. На какой-то исторической стадии они были закономерны и, возможно, даже необходимы. Теперь их существование утратило всякий смысл, они не нужны, и их следует уничтожить. Невоплощенные мысли сами не могут с ними покончить. И вот мангусте внушается потребность убить кобру, химику – изготовить яд, физику – изобрести атомную бомбу, а разным другим особам – стать судьями, палачами, охотниками на крупного зверя или убийцами разных сортов, порой весьма симпатичными для окружающих за пределами их специфической роли истребителей паразитов. Беспощадный охотник на лисиц любит своих собак, физики и химики обожают собственных чад и держат домашних животных.

Юноша № 2. Послушайте, Учительница, давайте поразмыслим здраво. А что, эти невоплощенные мысли, они погибают, когда их условное «я», подобно нам, умирает? Если это не так, то в мировом пространстве им, наверное, стало тесным-тесно за истекшие миллионы столетий.

Девица № 5. А я еще вот что хочу спросить. Как давно существует мир?

Учительница. Это нам неизвестно. Мы потеряли счет времени в эпоху средневековья, которое началось после двадцатого века. Там прослеживаются следы многих цивилизаций, сменявших друг друга, и, возможно, мы еще обнаружим другие, нам пока неизвестные. Некоторые из них были явно атавистические.

Девица № 5. Какие, какие?...

Учительница. Атавистические. То есть представлявшие собой не развитие предшествующей формы, а возврат к прошлому. Так бывает с иными из наших детей, которые никак не могут подняться выше первого класса и вырастают дикарями и идиотами. Мы их убиваем. Впрочем, мы сами есть некий возврат к двадцатому веку и, чего доброго, разделим участь наших юных дикарей и идиотов, если когда-нибудь встретимся с последующей, более высокой цивилизацией.

Юноша № 1. Я в это не верю. Мы – высшая форма развития жизни и самая совершенная из всех существовавших.

Юноша № 2. Я того же мнения. Да кто поверит в эту сказку о невоплощенных мыслях? Она абсолютно бездоказательна. В это просто невозможно поверить!

Девица № 4. Номер Два, уймитесь! В это могут поверить многие, и не только могут, но и верят. Наши школьники, из тех, кому никогда не подняться выше четвертого класса, верят в так называемое бессмертие души.

Юноша № 1 *(презрительно)*. Ну да, потому что они боятся смерти.

Учительница. Я не вижу здесь разницы. Что такое бессмертие души, как не существование невоплощенных мыслей? Сегодня поутру я получила письмо от одного человека, который рассказывает, что девятнадцать лет он был заядлым курильщиком. Он отнюдь не был религиозен, но однажды в парке случайно забрел на религиозный митинг и услышал, как проповедник увещевает свою паству внять голосу господа. Оратор утверждал, будто этот голос непременно зазвучит в них и поведет их за собой. Упомянутый курильщик принял во всем этом участие лишь ради забавы, но скоро в уме его стала настойчиво звучать одна фраза: «Бросай курить! Бросай курить!» Он бросил курить безо всякого труда и больше в жизни не брался за папиросу, хотя прежде не раз тщетно пытался отвыкнуть от этой привычки. Что же иное это было, как не внедрение невоплощенной мысли? Множество людей из третьего и четвертого классов верят в это.

Юноша № 2. Я переведен в шестой, и я в это не верю. Автор этого письма – обыкновенный врун!

Девица № 4. Не болтайте вздора, Номер Два! Неужели, по-вашему, люди из четвертого класса идут на костер, умирают в пасти тигров на арене цирка или раздают свое имущество бедным, лишь бы не отстать от вранья? Пожалуй, легче поверить, что вы просто дурак!

Юноша № 2. Возможно. Но это не ответ на разбираемый вопрос.

Девица № 5. Правильно! Тот курильщик, может быть, и врун, а Номер Два – дурак, но откуда все-таки берутся мысли? Кто вкладывает их в нашу голову? Проповедники говорят, будто нам их нашептывает бог. Их действительно нам как-то внушают, так вот я хочу знать точно – как именно?

Учительница. Подобно всем юным существам, вы для на-

чала хотите узнать все на свете. Я могу дать вам лишь тот же совет, что и проповедники: слушайте, пока вас не вразумят.

Внезапно появляется юноша, покрытый перьями и похожий на большую птицу.

Эй, кто вы такой?! Что вы тут делаете?

Пернатый юноша. Я — мысль в телесном обличье. Так сказать, воплощенное слово.

Юноша № 3. Что за чушь! Как вы сюда попали? Не на крыльях же прилетели — вы же не летаете. Вы — Птенчик!

Пернатый юноша. Да, я не летаю: я возношусь. Что ж, можете звать меня Птенчиком, если вам нравится. Хотя было бы вежливей называть меня Рафаэлем.

Девица № 4. А почему это мы должны вежливо говорить с человеком, который появляется в столь нелепом виде?

Учительница. Вы хотите, чтоб мы серьезно поверили, будто вы — невоплощенная мысль, вновь принявшая телесную форму?

Рафаэль. А что же тут удивительного? Эволюция так же легко может идти назад, как и вперед. Если тело может стать Вихрем Мыслей, то почему же Вихрю Мыслей опять не стать телом?

Учительница. И вы есть то самое тело?

Рафаэль. А мне просто очень захотелось узнать, что же это такое — тело? Любопытство, оно, знаете ли, неискоренимо.

Девица № 4. И как это вам нравится?

Рафаэль. Что значит — нравится, не нравится. Я ставлю опыт.

Юноша № 3. У нас эта шутка не пройдет, Рафик. Звучит, конечно, довольно лихо, но в общем-то ерундистика!.. И с какой стати мы должны проявлять к тебе уважение?

Рафаэль. Это в ваших же интересах. Я пока что сдерживаю свое магнитное поле. Если я его включу полностью, оно вас убьет.

Девица № 5. Не надо его злить, Номер Три. Мне что-то жутко!

Девица № 4. Вы не сможете получить личное представление о телесной жизни, пока не заведете себе подружку, не вступите в брак, не родите детей, как у нас принято. Вы привезли с собой девушку?

Рафаэль. Нет. Я не смог освоить вашу систему питания

и прочее, а также ваш способ размножения. Он вызывает у меня чувство гадливости.

Девица № 4. Значит, вам неведомы страсти?

Рафаэль. Наоборот, у нас их множество: страсть к знанию, к изучению математики, ко всяким изысканиям и открытиям, последняя – самая сильная.

Учительница. И ни одной из тех, каким подвластны мы.

Рафаэль. Бесспорно. Это и будет предметом обучения.

Юноша № 2. Так вы прибыли учить нас?

Рафаэль. Отнюдь нет. Я здесь, чтоб не учить, а учиться. Ну, я пошел. *(Исчезает.)*

Все *(в один голос)*. Эй! Стойте! Вернитесь! Нам так много надо спросить у вас! Не исчезайте, Рафаэль! Погодите минутку!

Юноша № 3. Это все без толку! Он такой фокус изобрел: вы к нему ля-ля-ля, а он уже сгинул. Ясное дело, мошенник, вымогатель!

Учительница. Вздор! Он у нас ничего не просил.

Девица № 4. Он просто анализировал нас.

Юноша № 1. Он ничего нам не сказал. Мы ничего не знаем!

Юноша № 3. Чудно слушать! К чему тебе лишние знания? Мы умеем изготовлять циклотроны и стодюймовые телескопы. Мы впрягли в работу атомную энергию. А этот тип небось даже под страхом смерти ни тачки не смастерит, ни английской булавки.

Учительница. Кончили разговоры! Запомните: лишних знаний не бывало и не бывает. Прошу внимания.

Все встают.

На прилавке учебных пособий вы возьмете несколько экземпляров древней поэмы под названием «Книга Иова». Прочитайте ее, а потом...

Юноша № 2. Я уже читал ее тринадцатилетним мальчиком. Помнится, в ней идет спор между старым тупицей по имени Иов и каким-то древним богом, утверждающим, будто он сотворил мир. Иов говорит ему, что коли это его работа, то трудился он, по-видимому, не на совесть. Но мне-то что до всего этого? Я же не верю, что старый бог сотворил мир!

Учительница. Перечитайте эту поэму под таким углом зрения, словно бы этот старый бог вовсе не притязал на роль творца и просто ставил Иова на место, доказывая ему, что может задать своему оппоненту вдесятеро больше неразрешимых вопросов, чем тот ему. Тогда вы пой-

мете, что я могу так же поступить с вами. Задаю к пятнице всем прочесть эту поэму и составить несколько вопросов к тексту или же написать небольшое сочинение.

Звучит бодрый марш.

А сейчас – завтракать! Шагом марш! *(Отбивает ритм.)* Левой-правой, левой-правой, левой-правой!

Группа удаляется строевым шагом.

ШЕКС ПРОТИВ ШО

Фарс для кукол

1949

SHAKES VERSUS SHAV

По всей изученной страхованием вероятности, это последняя пьеса, которую мне суждено написать и достичь, таким образом, зенита своей известности. Я считал, что моя драматургическая деятельность уже закончена, когда наш ведущий кукольник, Уолдо Ланчестер из Театра марионеток в Малверне, прислав мне фигурки, изображающие Шекспира и меня самого, попросил написать для этих кукол какую-нибудь из моих прославленных пьес, общей длительностью не более десяти минут. Я доблестно взялся за этот труд, который удостоился от г-на Ланчестера незамедлительного одобрения.

Искусству репетиции (так называемой режиссуре) я научился отчасти благодаря куклам. Их лица, напряженно застывшие в одном выражении, недоступном живым актерам, заставляют зрителей все время напрягать воображение. Когда какая-нибудь кукла разглагольствует или кувыркается, а остальные ждут своей очереди, это этих остальных, хотя они стоят на самом виду, не замечаешь, и именно так и должно быть. Актерам тоже надо уметь становиться невидимками, когда беседуют протагонисты, не подыгрывать им, как это обычно делают новички, привлекая к себе внимание части публики, а не шевельнуть ни единым мускулом и не изменить выражения лица.

В марионетках заключено и особое неотразимое очарование, так как движение и речь, никого не удивляющие в живых исполнителях, в деревянных куклах похожи на чудо, которое не может надоесть.

Наконец, куклам подвластны различные трюки, которых актеры не выдержали бы. Когда в детстве я впервые увидел кукольный театр, ничто так не восхитило меня, как момент, когда герои, улетевшие на воздушном шаре, с ужасающим грохотом упали с неба на землю.

Однако сегодня искусство театра постепенно превращается в киноискусство, которое может отнять у кукол все их неповторимое обаяние. Снятые на пленку, они станут появляться на природном фоне. Звукозапись позволит кукольнику сосредоточиться на управлении веревочками, пока несколько первоклассных актеров будут, как в театре, вести диалог В прежние времена кукольник сам играл всех персонажей, и, чтобы они отличались друг от друга, за Панча и Джуди пищал и остальных наделял подобными признаками. Я уже представляю себе кукол, которые смогут имитировать живых исполнителей так искусно, что зрители не заметят обмана. Тогда ку-

кольному театру придет конец, ибо он потеряет всю свою прелесть, если не будет казаться волшебством. Так что новаторам не мешает иметь это в виду.

Мой интерес к Шекспиру неистощим. Он возник у меня в раннем детстве и протянулся до стратфордских фестивалей, которые я посещал столько раз, что стал считать Стратфорд чуть ли не вторым местом моего собственного рождения.

Каждый год выходит очередная партия книг, доказывающих, что за Шекспиром стоит кто-то другой. Их авторы прибегают к одному и тому же доводу. Ранние произведения, такие, как «Венера и Адонис», «Лукреция» и «Бесплодные усилия любви», никак не могли быть созданы тем неграмотным браконьером, деревенщиной, который и имени своего не умел написать. С этим нельзя не согласиться. Однако из этого не следует, что эти вещи не могли быть созданы Шекспиром. Из этого следует, что Шекспир был не деревенщиной, а получившим классическое образование начитанным молодым человеком из состоятельной буржуазной семьи, к тому же достаточно культурной, чтобы регулярно посещать театр и принимать актеров у себя.

Факты подтверждают, что дело обстояло именно так. Отец Шекспира, олдермен Джон Шекспир из Гента, добивался герба, который в конце концов был ему пожалован. Мать происходила из тех же кругов и питала те же амбиции. Джон в результате того, что человек искусства одержал в нем верх над деловым человеком, потерпел финансовый крах и лишился тем самым всякой возможности дать Уильяму университетское образование, даже если он и хотел сделать из сына профессионального ученого.

Эти обстоятельства интересуют меня потому, что напоминают мои собственные. Они неизмеримо лучше жизненных условий Беньяна и Коббета, писателей, так прекрасно владевших слогом и все же не способных сочинить ни «Венеру и Адониса», ни «Бесплодные усилия любви». О признании Беньяна: «латынь я краду» — нельзя забывать. По своему положению Шекспир ближе Раскину, чей великолепный стиль значительно большим обязан Библии, которую мать заставляла его учить наизусть, чем его оксфордской степени.

Но хватит о Бэконе-Шекспире и всех прочих небылицах, основанных на совершенно дутой фигуре неграмотного мужлана Шекспера или Шегспера.

Не стоит говорить и о том моем чувстве, что реальным Шекспиром мог быть я, которое мелочно принимается за обычную профессиональную зависть.

Ш е к с входит и приветствует публику взмахом шляпы.

Ш е к с.

Теперь зима междоусобий наших
Сменилась летом под малвернским солнцем.
Я – Уи́льям Шекс и в Стратфорде родился,
Где каждый год справляют фестиваль
И славят, что не одному лишь веку,
А всем векам я близок. В гневе я
Сюда пришел, чтоб наказать нахала,
Который, мня себя великим, имя
Мое присвоил. Сократив его
И величаясь Шо, он претендует
Быть новым воплощением моим –
В театре вашем фестиваль проводит,
И, как бы насмехаясь надо мною,
Он тутовое древо посадил.
Скажите мне, о граждане Малверна,
Где негодяя мне найти? Прошу вас,
Сведите вы меня с ирландским бесом,
А там я справлюсь сам.

Входит Шо.

Кто ты такой?
С высоким лбом таким, как у меня?

Ш о.

Нет, сам ты кто, не знающий лица,
Которое известно всей планете.
Я Джи Би Эс!

Ш е к с.

А, это ты, презренный!
Час наступил, один из нас погибнет.
Готовься к бою.

Ш о.

Выходи!

Боксируют. Шекс ударом прямой левой сбивает с ног Шо и, наклонившись над ним, начинает считать, отмечая движениями руки секунды.

Ш е к с.

Хекерти-бекерти, раз, хекерти-бекерти, два,

Хекерти-бекерти, три... хекерти-бекерти, девять...

На счете «девять» Шо вскакивает и ударом в подбородок сбивает Шекса.

Ш о *(считает)*.

Хекерти-бекерти, раз... Хекерти-бекерти, десять. Аут!

Ш е к с.

Аут! Нет, никогда! *(Поднимается.)*

Хоть ты моложе
На целых триста лет и твой кулак
Покрепче, — это ничего не значит.
Смерть скоро приберет тебя. А я...
«Замшелый мрамор царственных могил
Исчезнет...

Ш о.

...раньше этих веских слов».
Да, да, читал я все твои сонеты.

Ш е к с.

«Макбета» можешь написать?

Ш о.

Зачем?
Получше Вальтер Скотт создал «Роб Роя».
Вот полюбуйся и красней...

Появляются М а к б е т и Р о б Р о й. Роб Рой в шотландском пледе горца и юбочке, Макбет в царской одежде.

М а к б е т.

«Не встретивши препятствий, мы дошли
До сердца нашей родины любезной».
Послушай, Кэмпбел!

Р о б Р о й.

Я тебе не Кэмпбел!
В стране родной зовусь я Мак-Грегор.

М а к б е т.

Довольно слов. Берись за меч, Роб Рой!
Один из нас ответит головой.

Обнажает меч и стоит наготове. Роб Рой обнажает меч, взмахивает им, как молотом, и одним ударом отрубает голову Макбету.

Р о б Р о й.

Ищи теперь Шекспира своего.
(Под звуки волынок и барабанный бой, приплясывая, покидает сцену.)

Макбет *(без головы)*.
Вернусь-ка в Стратфорд. Номера в отелях
Дешевле там.

(Подхватывает свою голову и, держа ее под мышкой, уходит под марш британских гренадеров.)

Шекс.
И этот фарс ты ценишь
«Макбета» выше? В нем одна лишь строчка
Ценнее тысяч пьес твоих пустых.

Ш о.
Ах так! Давай такую строчку.

Шекс.
«Пустынный нетопырь и жук крылатый...»

Ш о.
Слыхал ты имя: Адам Линдсей Гордон?

Шекс.
Как мелодично! Нет, не слышал.

Ш о.
Он
Затмил нетопыря. Вот стих его:
«Нетопырь вдаль и вширь
Скачет, пляшет, как пузырь».

Шекс *(хохочет)*.
Ха-ха, хо-хо, от смеха можно лопнуть.
У парня, впрочем, слух как будто есть
А ну-ка, повтори мне: «Нетопырь...

Ш о.
...вдаль и вширь...

Шекс.
...скачет, пляшет...

Ш о.
как пузырь».
Австралия, отлично! *(Смеется.)*

Шекс.
Смеешься над собой? Иль надо мною?

Ш о.
Смешного больше на земле и в небе,
Чем снилось философии твоей.

Шекс.
Где «Гамлет» твой? Создать ты мог бы «Лира»?

Ш о.
Со всеми дочерьми. А где твой «Дом;
Где разбиваются сердца»? Вот «Лир» мой.

Сквозь прозрачную освещенную ткань мы неожиданно видим капитана Шотовера, как на картине Милле «Северо-западный проход»; рядом с ним молодая особа девственной красоты.

Шотовер *(подняв руку, декламирует).*

Для дочерей я дом построил и настежь двери его открыл,
Чтоб каждая взяла в мужья того, кто ей всех больше мил.
Одна из них вышла за фата, другая взяла лгуна,
И теперь должна свое ложе вечно делить с ним она.

Дева.

«Да, это дурацкий дом... Это нелепо счастливый дом, дом безо всяких основ. Я буду называть его домом, где разбиваются сердца».

Шотовер.

Довольно! Довольно! Пускай в безмолвье сердце разобьется.

Картина исчезает.

Шекс.

Ты у меня украл слова. Припомни:
«И знать, что этим обрываешь цепь
Сердечных мук и тысячи лишений,
Присущих телу».

Шо.

О сердцах разбитых
Не первый ты писал. А я был первым,
Кто научил Тимонов их чинить.

Шекс.

Учил тому, чего и сам не знаешь.
Коль можешь, пой о том, о чем я пел:
Что «эти пышные дворцы и башни,
Увенчанные тучами, и храмы,
И самый шар земной когда-нибудь
Исчезнут и, как облачко, растают...»

Шо.

Забудутся они, как пьеска наша.
Да, так писал ты, это всем известно.
А все ж я утверждаю: этот мир
Переживет намного всех живущих.
«И завтра, завтра, завтра» снова куклы
Сыграют эту пьесу. Между тем
Бессмертный Уильям, «обращенный в тлен,

Пойдет, быть может, на обмазку стен.
Пред кем весь мир лежал в пыли,
Торчит затычкою в щели».

Ш е к с.

Ведь это же мои слова.

Ш о.

О бард
Завистливый, молчи и потерпи,
Пока сияет мой неровный свет.

Между ними загорается огонь.

Ш е к с.

«Задуть, задуть огарок!» *(Задувает огонь.)*

Темнота. Пьеса кончается.

ПОЧЕМУ ОНА НЕ ПОЖЕЛАЛА

Маленькая комедия

1950

WHY SHE WOULD NOT

СЦЕНА I

Лес. Дивный летний вечер. По тропинке идут двое: впереди крупный, подозрительного вида м у ж ч и н а средних лет, одетый в обшитую галуном куртку и смушковую шапку пирожком, напоминающие униформу портье или гостиничного рассыльного, за ним — изящно одетая, миловидная ж е н щ и н а лет тридцати.

Ж е н щ и н а *(останавливаясь)*. Где же это мы? Не сказала бы, что мы шли кратчайшим путем.

М у ж ч и н а *(свирепо)*. Шут его знает где. В любой конец две мили.

Ж е н щ и н а. Как это вы не знаете? Вы же проводник.

М у ж ч и н а. Какой я к шуту проводник. Сколько у вас монет при себе?

Ж е н щ и н а. Что?

М у ж ч и н а. А вот то. Я намерен их прибрать. Ясно? А ну, выкладывайте.

Ж е н щ и н а. Хотите меня ограбить? Вы же назвались проводником и подрядились показать мне дорогу за семь шиллингов шесть пенсов. А я-то еще собиралась набавить вам до десяти, если вы будете обходительны. Но теперь нет — семь шиллингов шесть пенсов, и ни пенни сверх. А станете угрожать, позову полицию.

М у ж ч и н а. Полицию? Здесь ни одного фараона на пять миль окрест. Жемчуг на шее настоящий? Да ладно, все равно какой ни есть — давайте его сюда. В сумочке у вас три фунта бумажками — я видел, когда вы платили за такси. Отдадите без крика? Или мне взяться за вас самому? Предупреждаю — будет больно.

Г о л о с м о л о д о г о м у ж ч и н ы *(очень приветливый)*. Эй, что-нибудь случилось? Не нужно ли помочь?

Мужчина и женщина испуганно оборачиваются: они не видели прохожего, который теперь появляется перед ними. Это приятной наружности м о л о д о й ч е л о в е к в кепке. По одежде его можно принять за квалифицированного рабочего, даже джентльмена, по выговору — он человек образованный.

М у ж ч и н а *(свирепо)*. Кто вы, черт бы вас побрал?

Незнакомец. Никто. Бродяжу в поисках работы.

Мужчина. Ну и не лезь в мои дела. Катись отсюда, да чтоб пятки сверкали.

Незнакомец *(безмятежно)*. А мне спешить некуда. Может быть, леди хочет, чтобы я остался. Если леди угодно, я к ее услугам.

Женщина. Да, да! Пожалуйста, останьтесь. Этот человек хочет меня ограбить.

Незнакомец. Вот как. Знаешь, голубчик, это у тебя не пройдет. Еще в Библии сказано: не укради.

Мужчина *(еще более свирепо)*. Голубчик? Ты это с кем разговариваешь? Ну вот что. Убирайся отсюда подобру-поздорову. Или, может, дать коленкой под зад?

Незнакомец. Дай, попробуй! Можем померяться силами. Я готов. На кулаках? Вольная? Или хочешь французскую борьбу? А то, может быть, все сразу? Побыстрей. В шесть здесь как раз проезжает конный патруль. Снимай-ка куртку и становись.

Мужчина *(он оказался жалким трусом)*. Полегче, шеф, полегче. Не стану я с вами драться. Не к чему. И всего-то попросил у леди свои же деньги — за то, что проводил сюда.

Незнакомец *(женщине)*. Заплатите ему, и он уберется.

Женщина. А я и не отказывалась ему заплатить. Вот, возьмите. *(Протягивает пять шиллингов.)*

Мужчина *(подобострастно)*. Премного благодарен. *(Быстро уходит, чуть ли не бежит.)*

Женщина. Какой вы молодец! Предложить драться такому детине!

Незнакомец. Комедия, дорогая леди, сплошная комедия! Хулиган не всегда трус, но завзятый трус почти всегда хулиган. Я просто верно его оценил, и все. Куда вам нужно попасть?

Женщина. В Тимбертаун. Я там живу. Я — мисс Уайт из Четырех Башен: знаменитый старинный дом. Вы спасли меня, и я смогу хорошо вознаградить вас, как только доберусь до дома.

Незнакомец. Я знаю туда дорогу. Мили полторы отсюда. Вы в состоянии идти?

Женщина. Конечно. Хоть десять миль.

Незнакомец. Вот и прекрасно. Пошли.

Калитка в высокой каменной стене вокруг очень вычурного загородного дома, стоящего среди развесистых вязов. В стену встроены четыре декоративные башни с зубчатым верхом. Незнакомец и женщина подходят к калитке. Она открывает сумочку и достает ключ.

Женщина. Вот и пришли. Это мой дом.

Незнакомец *(оглядывая дом)*. Так это он и есть?

Вопреки ее ожиданиям, дом не произвел на молодого человека большого впечатления. Она ищет в сумочке кошелек; явно смущена.

Ну, теперь вам ничего не грозит — вы дома. А мне нужно торопиться: надо добраться до города и устроиться где-нибудь на ночлег. Счастливо оставаться. *(Собирается уходить.)*

Женщина. Нет, пожалуйста, задержитесь на минуточку. Я, право, не знаю...

Незнакомец. Сколько дать мне наградных, да?

Женщина. Нет... Но должна же я отблагодарить вас. Вы выручили меня из беды. Я обещала...

Незнакомец. Обещали. Но видите ли, спасать женщин от грабителей — не мое занятие. Этим я развлекаюсь в свободное от работы время. Впрочем, кое-что вы действительно могли бы для меня сделать. Вы назвались Уайт. Ваша семья — крупнейшие лесопромышленники и лесоторговцы в этом графстве. А я по профессии плотник и в своем деле собаку съел. Может быть, вы устроите меня к себе на фабрику на какую-нибудь должность с заработной платой в три фунта десять шиллингов. На меньшее мне не прожить.

Женщина. Ничего нет проще. Мой дед — председатель правления. Брат — директор фирмы. Как вас зовут? Где вы живете?

Незнакомец. Моя фамилия Босборн. Генри Босборн. Сейчас я нигде не живу, точнее, живу, где придется. Постоянного адреса у меня нет. Разрешите, я наведуюсь с черного хода в четверг. Вы могли бы передать мне ответ через вашу служанку. Доброй ночи.

Женщина *(очень доброжелательно)*. До скорой встречи.

Незнакомец. Это не обязательно. Всего хорошего. Позвольте откланяться. *(Быстро уходит.)*

Она отпирает калитку и проходит в дом.

Комната для заседаний правления акционерного общества «Уайт, сыновья и братья». В кресле — Реджинальд Уайт, все еще энергичный, подтянутый старик; предпочитает молчать. Джеспер Уайт — держится величественно, но до отца ему далеко. Монтгомери Смит, главный бухгалтер, и два клерка, молча ведущие протокол заседания, а также несколько членов правления — бессловесных статистов. Босборн, принарядившийся, в белоснежном воротничке и тщательно вычищенном костюме.

Старый Реджинальд. Ну-с, Босборн, вы проявили смелость, выручая из беды мою внучку, мисс Серафину Уайт, владеющую изрядным пакетом акций в нашей фирме.

Босборн. Пустяки, сэр. Я мог бы этого парня убить.

Старый Реджинальд. Внучка говорит, он в два раза крупнее и тяжелее вас. Что ж, надо найти вам работу. Вы же ищете работу, не так ли?

Босборн. Мне нужно три фунта десять шиллингов в неделю, сэр.

Старый Реджинальд. Вам, конечно, желательно получить должность клерка. Придется освободить для вас место в конторе.

Босборн. Нет, сэр. Я по профессии плотник, на сдельной оплате. Три фунта десять шиллингов в неделю, ну и обычная прибавка, как всем рабочим в цехе.

Старый Реджинальд. Хорошо, если вас так больше устраивает. Это нам не составит труда. *(Джесперу.)* Растолкуй ему, что от него требуется.

Джеспер *(куда более холодным и официальным тоном)*. Явитесь в понедельник утром в шесть, номерок вешается минута в минуту. Никаких опозданий — у нас это исключено. Мастер укажет вам рабочее место: верстак, за которым вы будете работать, — учтите, работать, а не бездельничать — до одиннадцати. В одиннадцать — пять минут перерыв на чашку чая. В два — полчаса на обед. Затем к верстаку до четырех. Сверхурочные в полуторном размере. Рабочая неделя — пять дней. Суббота — свободная. Окажетесь лодырем, предупредим за неделю — и будьте здоровы. Все. Ступайте.

Босборн. Я очень вам благодарен, джентльмены, за ваше

предложение, но, боюсь, оно мне не подойдет. Придется еще поутюжить дороги.

Джеспер. Что? Вам же дают то, что вы просили.

Босборн. Эти условия не для меня. Я не могу вешать номерок и стоять за верстаком от такого-то до такого-то часа. Такого рода работу я вообще не способен делать. У меня ничего не получится. Я должен приходить, когда хочу, уходить, когда хочу, и отсутствовать столько, сколько хочу. Я привык вставать в восемь, завтракать в девять, а до десяти читать газеты. Я в жизни не вставал в пять утра.

Джеспер. Короче, вы из тех праздных гуляк, для которых нет и не может быть работы. Вы что полагаете — три фунта десять шиллингов в неделю вам будут платить за так?

Босборн. Три фунта десять и все, что полагается сверх. И вовсе не за так. Мне бы хотелось познакомиться с производством, побродить немного по цехам, осмотреться, поглядеть, чем я мог бы быть полезен.

Смит. Ну, знаете! Каков хитрец! Послоняется, повынюхивает наши секреты, а потом продаст другой фирме.

Старый Реджиналд. У нас нет секретов. Пусть весь мир учится тому, как работает фирма Уайт. Милости просим. Честный труд и безупречное качество. Пусть подражает нам тот, кто может. Милости просим.

Смит. Да, сэр, это известно. Но этот молодой человек может неплохо себя обеспечить, переходя из фирмы в фирму. Наймется на работу, прослоняется две недели, получит денежки, а потом на новое место, и начинай сначала.

Босборн. Ловлю вас на слове. Возьмите меня на две недели — на моих условиях. Если в конце этого срока вы сочтете возможным оставить меня еще на одну, вы оплатите мне все три, ну а если решите, что я не гожусь, не дадите мне ни пенса — уволите, и все.

Старый Реджиналд. Ну как, мистер Смит?

Смит. Как угодно, сэр. Если вам в деле нужен компаньон, который будет только числиться и получать дивиденды, он для вас человек подходящий. Вот все, что я на это скажу.

Старый Реджиналд *(подымаясь)*. И прекрасно. Давайте его испытаем. Пойдемте, Босборн. Внучка ждет у меня в кабинете известий о ваших успехах.

Босборн. До свидания, джентльмены. *(Выходит вслед за Реджинальдом Уайтом.)*

Смит. Старик начинает выживать из ума. Надо вам брать фирму в свои руки, мистер Джеспер.

Джеспер. Пусть делает как знает. А этот фланёр у нас быстро вылетит.

СЦЕНА IV

Гостиная в доме Четырех Башен, загроможденная массивной викторианской мебелью; тяжелые гардины, небольшие, но увесистые столы, уставленные безделушками, морскими раковинами, чучелами птиц в стеклянных футлярах; ковры и обои с рисунком из крупных цветов — обстановка, затрудняющая движение и преграждающая доступ свету.

Прошло два года. Серафина принимает Босборна, который превратился в безупречно одетого джентльмена, человека зрелого и значительного.

Босборн. Дважды объехать весь свет!

Серафина. Дважды! А зимой я жила в Дурбане.

Босборн. Но зачем же дважды?

Серафина. Ну, первый раз едешь, чтобы все посмотреть. А так как жизнь на туристском лайнере приятна, комфортабельна и беззаботна, и общество премилое, то к концу так ко всем привязываешься, что просто жаль не повторить поездку с начала — вот и отправляешься в еще одно кругосветное путешествие и, как правило, в той же компании. Очень многие только и делают, что ездят вокруг света. Это стоит около тысячи фунтов в год, и ни о чем даже думать не нужно.

Босборн. В таком случае, не понимаю, зачем вы вернулись.

Серафина. Затосковала по родным местам. Лучше Четырех Башен для меня места нет. К тому же после смерти отца мне нужно было приехать, чтобы вступить в наследство и распорядиться имуществом. Теперь я уже не покину мои милые Четыре Башни. Здесь я родилась, здесь и умру.

Босборн. Н-да... Есть места и получше.

Серафина. Не для меня. Для меня во всем мире лучше нет ничего. Но оставим это... Как ваши дела? Я слышала, вы произвели у нас целый переворот и не ладите с Джеспером. Беднягу Смита вы отправили на пенсию и рассчитали наших четырех клерков, прослуживших в фирме без

малого шестнадцать лет и не вызвавших ни одного нарекания.

Босборн. Всю их работу с помощью машинок — счетной и пишущей — выполняет одна девушка. Смит устарел уже двадцать пять лет назад. Непроизводительность труда в фирме была чудовищной.

Серафина. Джеспер сказал мне еще перед моим отъездом, что, как только отец уйдет от дел, либо вам, либо ему придется покинуть фирму. Мы, Уайты, любим быть хозяевами в собственном доме. Я люблю быть хозяйкой в своем.

Босборн. С этим уже все в порядке. Я научил Джеспера работать моими методами и сейчас веду дело по-своему.

Серафина. Вы что же, выступаете против нас?

Босборн. Вовсе нет. Я по-прежнему один из директоров и акционеров вашей фирмы. А мое собственное дело — агентство по продаже земельных участков и недвижимости; занимаюсь ссудами, строительством и еще кое-чем. Всем, что дает доход и что я умею делать.

Серафина. Поразительно! Всего два года назад вы бродяжничали в поисках работы!

Босборн. Которую вы мне дали. Я тоже хотел бы для вас что-нибудь сделать.

Серафина. Что ж, пожалуй, я могла бы воспользоваться вашим советом. Моя старая няня — она теперь экономка — считает, что у нас неисправна канализация, а садовник говорит, что из четырех моих башен две грозят обвалиться. Может быть, вы любезно согласились бы осмотреть мое хозяйство, ну и если в нем действительно что-нибудь неисправно, вы скажете, что с этим делать.

Босборн. Мне и не нужно ничего осматривать. Я давно уже приглядываюсь к Четырем Башням. Я знаю ваш дом сверху донизу. В нем нет канализации.

Серафина. Как нет? Как же ее может не быть?

Босборн. Нет и в помине. Уже сколько лет грязная вода просто всасывается почвой. И ни одна ваша башня не стоит того, чтобы ее ремонтировать. Их нужно просто взорвать, эту тюремную стену — разобрать, деревья — вырубить, они только закрывают солнечный свет, и вообще снести этот уродливый, нездоровый дом, который требует столько хлопот и расходов. Он никуда не годится. Я построю вам современный дом, в красивом месте, с хорошим видом из окон. Здесь было модно селиться полвека назад. А сейчас это все равно что Ист-Энд. Там,

где сейчас ваши четыре разваливающиеся башни, я поставлю шесть стандартных коттеджей, которые можно будет сдавать по сходной цене, и они приумножат ваши доходы.

Серафина *(встает, кипя от негодования)*. Мистер Босборн, покиньте мой дом.

Босборн *(вставая)*. О! За что?

Серафина. Я едва могу говорить. Мой дом! Самый замечательный дом в Тимбертауне! Мой прекрасный дом! Его построили мои предки, и кроме нашей семьи в нем никто никогда не жил! Я родилась здесь. И вы посмели!.. Уходите, или я позову слуг и прикажу выпроводить вас отсюда. И никогда не подходите к моей двери. Она заперта для вас навсегда.

Босборн *(нисколько не уязвленный)*. Обдумайте то, что я сказал. Я загляну через месяц. *(Быстро уходит.)*

Серафина звонит в колокольчик. Нервно шагает по комнате. Она вне себя от ярости. Снова трижды звонит в колокольчик. Поспешно входит встревоженная няня-экономка.

Няня. Что случилось, деточка?

Серафина. Если этот господин посмеет прийти сюда, заприте перед ним дверь. Хлопните ею перед его носом. Спустите собаку, если он не уйдет. Передай это всем служанкам.

Няня. Как можно! Такого милого джентльмена! Мы скажем, что тебя нет дома.

Серафина. Нет! Вы сделаете, как я приказываю. Джентльмен! Да знаешь ли ты, что он сделал?!

Няня. Что, деточка? Наверное, что-нибудь ужасное. Иначе ты не стала бы так сердиться. Так что же он сделал?

Серафина. Он сказал, что мой дом – мои Четыре Башни – уродливый, нездоровый, никчемный дом и только требует хлопот. Мой дом! Дом, где я родилась!

Няня *(спокойно)*. Знаешь, деточка, с нашим домом и вправду много хлопот. Мы вынуждены держать не меньше семи служанок. Они вечно ворчат и не живут подолгу. То одна, а то и две из них хворают. В доме нет лифта, отопления порядочного тоже нет, только старые камины, и приходится таскать к ним уголь по бесконечным лестницам, то вверх, то вниз. Из-за этих деревьев всюду темно и вида из окон никакого – любуйся на каменную стену. На кухне только и разговору о том, зачем ты живешь тут,

а не переедешь в хороший новый дом со всеми удобствами.

Серафина *(удивлена)*. И ты... и ты! Заодно с ним!

Няня. Что ты, деточка. Разве я пойду против тебя. Я же знаю, на твои глаза нет этого старого дома краше. Но зачем же обижаться на джентльмена? Он говорит то, что все говорят. Такой славный джентльмен. Ты обдумай то, что он сказал, деточка.

СЦЕНА V

Холл в ультрасовременной загородной вилле; на фасаде дата — 1950. Все здесь — полная противоположность Четырем Башням. Серафина, хозяйка виллы, принимает гостя — Босборна.

Босборн. Итак, у вас ко мне дело? Почему вы послали за мной?

Серафина. Я решила объясниться с вами. Вы перестали посещать мои четверги. Почему?

Босборн. Ваши четверги? Видите ли, у меня этот день самый загруженный. До обеда я занят в собственной конторе, после обеда сижу на заседаниях правления и в совете графства, и еще различные деловые встречи. При всем моем желании бывать на ваших четвергах ради удовольствия видеть вас мне просто неоткуда взять время на визиты и светские разговоры. Что поделаешь, я очень занятой человек.

Серафина. Как искусно вы расточаете передо мной ваши запасы лжи! Занятой человек всегда находит время делать то, что ему хочется, и повод не делать того, что не хочется.

Босборн. Совершенно верно. Я как-то это не учел. По совести, я не охотник до общества леди и джентльменов. Они меня утомляют. Мне с ними не по себе. Вы же знаете, я выбился из низов, бывший бродяга.

Серафина. Великолепно придумано. И еще бóльшая ложь. Не знаю, где вы приобрели ваши великосветские манеры, ваше умение говорить и носить лондонские костюмы, но знаю — на общественной лестнице вы стоите на ступень выше меня и смотрите сверху вниз на нас, жалких провинциалов и коммерсантов.

Босборн. Допустим, что так. Предположим, я воспитывался

при дворе как паж его величества, но меня это крайне утомило, я все бросил и стал бездомным бродягой без гроша в кармане. Совсем как князь Кропоткин, который был пажем царя Александра, а когда подрос, то вместо того, чтобы вступить в императорскую гвардию и войти в петербургский высший свет, отправился в пехотный полк в Сибирь. Чего только не бывает. Можете считать, что так было и со мной. Но в таком случае, разве это не доказывает, что я не сноб?

Серафина. Наконец-то вы, возможно, говорите правду. Так если вы не сноб, почему же вы перестали посещать мои четверги? Извольте отвечать.

Босборн. Какой смысл отвечать, когда вы не верите ни единому сказанному мною слову. По-видимому, вы знаете правду сами. Вот и откройте мне на нее глаза.

Серафина. Вы потому перестали бывать у меня, что вообразили, будто я хочу выйти за вас замуж.

Босборн. Вздор!

Серафина. Нет, не вздор! Довольно лгать. Такая партия была бы для меня шагом вверх. Моя нянька все уши мне прожужжала, какой вы славный джентльмен. Она прочит мне вас в мужья с тех пор, как вы здесь появились. Все говорят, мне нужно выйти замуж, пока годы еще не ушли. Если вы будете постоянным гостем на моих четвергах, могут решить, что выбор пал на вас. Вот чего вы опасаетесь. Только опасаться вам нечего. Я затем и послала за вами, чтобы сказать: я не выйду за вас, ни за что на свете. Вот так-то. Можете бывать здесь сколько вашей душе угодно. У меня нет на вас видов.

Босборн. Я вас чем-то обидел? Я был недостаточно тактичен?

Серафина. Нет. Вы ведете себя безупречно.

Босборн. Просто я вам не нравлюсь. У вас ко мне непроизвольная антипатия. Не так ли?

Серафина. Вовсе нет. Вы мне нравитесь. Я восхищаюсь вами, как ни одним из знакомых мне мужчин. Вы удивительный человек.

Босборн. Так за чем же дело стало?

Серафина. Я боюсь вас.

Босборн. Боитесь? *Меня?* Не может быть. Как? Почему? Вы это серьезно говорите?

Серафина. Да, боюсь. Вас все боятся.

Босборн. Помилуйте. У вас нет причин меня бояться.

Серафина. Ошибаетесь, причина есть. Я желаю быть хозяй-

кой в собственном доме, какой была в Четырех Башнях.

Босборн. Но если мы поженимся, вы будете хозяйкой в моем доме.

Серафина. В вашем доме не может быть хозяйки. В доме, где вы живете, может быть только ваша челядь и ваша сожительница.

Босборн. Вы ставите меня в тупик. Разве я когда-нибудь принуждал вас делать то, что вы не хотели?

Серафина. Нет, напротив: мне всегда приходилось делать то, что вы хотели. Я была счастлива в Четырех Башнях: я любила этот дом, я родилась в нем, я была в нем хозяйкой и себе самой была хозяйкой. Он был для меня святыней. Я выгнала вас за одно дурное слово о моем доме. Где он сейчас? Где я сама? Там, куда вы меня переместили, словно я какой-нибудь стол или шкаф. Участок для этого дома выбрали вы и строили его вы. Я слышала, как взрывали мои Четыре Башни – бах, бах, бах, бах! Каждый удар отзывался в сердце, как толчки при землетрясении, а я даже пальцем не шевельнула, чтобы отстоять его от вас. А будь я себе хозяйка, я бы это сделала. На фабрике, где при жизни моего деда последнее слово всегда оставалось за ним, вы все сверху донизу перевернули, хотя и Джеспер, и Смит, и все остальные были решительно против вас. Бедному Смиту и его клеркам пришлось уйти, Джесперу смириться; наши замечательные старые мастера должны были встать к конвейеру или же лишиться работы и уступить место американским операторам.

Босборн. Да! Да! Да! Но они пошли на это. И с удовольствием. Я удвоил, утроил, учетверил выпуск продукции и доходы. Вы сами не стали бы теперь жить в ваших Четырех Башнях, потому что в этом доме во сто крат удобнее и комфортабельнее. Благодаря моим реформам, обеспечившим вам полную праздность, вы получили куда больше возможностей, чем раньше, до того как я сюда пришел. Праздность – единственный залог свободы. Я никого не принуждаю – я только указываю путь.

Серафина. Ваш путь, но не наш.

Босборн. Не мой и не ваш. Путь, по которому движется мир. Его еще называют путем Провидения.

Серафина. Возможно. Только я хочу жить по-своему, не по-вашему. Если я выйду замуж, мой выбор падет не на Босборна.

Босборн. Это окончательное решение?

Серафина. Окончательное. Между нами может быть только дружба.

Босборн. Да будет так. Честь имею. *(Встает и быстро, как всегда, выходит.)*

КОММЕНТАРИИ

Авторы послесловий к пьесам – А. Г. Образцова («Сватовство по-деревенски», «На мели», «Простачок с Нежданных островов», «Миллионерша», «Женева», «В золотые дни доброго короля Карла» и «Притчи о далеком будущем»), А. С. Ромм («Шестеро из Кале», «Миллиарды Байанта» и «Почему она не пожелала»), А. А. Аникст («Новое окончание «Цимбелина» и «Шекс против Шо»), автор примечаний к пьесам – Г. М. Шейнман.

СВАТОВСТВО ПО-ДЕРЕВЕНСКИ

Эту маленькую и изящную комедию, которой мы открываем последний, заключительный том Полного собрания пьес Бернарда Шоу, автор писал, находясь примерно в том же состоянии, что и его герой в первой сцене: на палубе парохода, совершая вместе со своей женой Шарлоттой кругосветное путешествие, занявшее в общей сложности почти три года — с 1932 по 1935 г. Биограф Шоу Хескет Пирсон следующим образом описывает феноменальную работоспособность драматурга, которому ничего не стоило сочинять свои произведения, находясь в любых, казалось бы, совсем неподходящих для этого условиях: «На пароходной палубе, битком набитой пассажирами, он мог работать так же спокойно, как в тиши и одиночестве кабинета. Он нашел способ оберегать свои занятия: «У меня безошибочный нюх на беззащитных дам, созревших для встречи со знаменитостью, — рассказывал Шоу. — Выбрав жертву, я ставлю возле нее свой стульчик и спрашиваю, не обидится ли она, если я помолчу и немного поработаю над новой пьесой. Дама бывает так счастлива взять на себя охрану Джи Би Эс, что всякого, кто приближается ко мне, отгоняет заклинающими жестами, шепча: «Мистер Шоу работает над новой пьесой». Так я обзавожусь новым другом и в течение всего путешествия наслаждаюсь полным покоем».[1]

Правда, героиня «Сватовства по-деревенски» — Она, как ее назвал переводчик пьесы («Z» — у Шоу), — ведет себя несколько иным образом: она вовсе не желает охранять покой героя, скрывающегося за инициалом «А» (в переводе — Он). Напротив, она атакует его множеством вопросов, проявляет чрезвычайную назойливость. Это еще один набросок сильного, волевого женского характера, столь часто встречающегося в драматическом творчестве Бернарда Шоу. Подобно Энн Уайтфилд из «Человека и сверхчеловека», она твердо, с самого начала, знает, что встретила наконец именно такого мужчину, какой ей нужен, и поэтому немедленно решает выйти за него замуж. Примечательно социальное положение героини — продавщица и оператор в деревенской лавке, где установлен телефонный коммутатор. Следует заметить, что Шоу-урбаниста всегда более интересовали городские жители, к тому же он любил представлять на страницах своих пьес персонажей, уже поднявшихся из социальных низов и добившихся чего-то большего в жизни, чем скромные обязанности продавца и оператора. Впрочем, у героини «Сватовства по-деревенски» еще все впереди. Сватовство осуществляется, хоть и с некоторой деревенской медлительностью, — понадобилось три разговора, чтобы довести дело до конца. Избранник, явно перегруженный образованием, долго не может уразуметь, чего от него хотят. В целом «Сватовство по-деревенски» более напоминает обстоятельное деловое обсуждение затеянной торговой сделки, нежели цепь любовных признаний.

---

[1] Пирсон Х. Бернард Шоу. М., 1972, с. 365.

Во время кругосветного путешествия супруги Шоу посетили многие страны. Всюду прославленного английского писателя ожидали пышные приемы и встречи. Неизменно в речах и лекциях Бернард Шоу рассказывал о своей недавней поездке в Советский Союз (1931) – рассказывал о строительстве социализма, о жизни советских людей. Подчас это было чревато серьезными неприятностями. Например, в Новой Зеландии действовал закон, согласно которому на ее землю запрещено было ступать человеку, посетившему Советскую Россию. «В Кейптауне я закатил гомерическую лекцию о России, проговорив под сводами ратуши без устали час сорок пять минут. Даже скупцу не привидятся богатства, которые принесла местным фабианцам моя лекция. Кроме того, я выступил по радио в первой передаче, транслировавшейся по всему Южно-Африканскому Союзу». [1]

Прервав на некоторое время путешествие из-за автомобильной аварии, постигшей их в Африке, во время которой сильно пострадала Шарлотта, – конечно, за рулем при этом находился он сам, страстный автолюбитель, – супруги продолжили свой путь и побывали в Индии, Китае, а также в Соединенных Штатах Америки. Это было первое и единственное посещение Бернардом Шоу США, хотя многочисленные приглашения приехать с чтением лекций следовали одно за другим с самого начала века. Великий парадоксалист отказывался, пользуясь по обыкновению шуткой как главным оружием: «Кому в Лондоне захочется по своей воле ехать в Америку?.. Мне не нужна статуя Свободы... Юмор, ирония – это моя стихия, но даже потребность в иронии не заходит у меня так далеко!»

В Нью-Йорке Бернард Шоу пробыл всего один день. Однако он успел выступить с полуторачасовой речью перед огромной аудиторией в «Метрополитен-опера». Впоследствии эта речь с броским заглавием «Политическое безумие в Америке и гораздо ближе» была опубликована отдельным изданием. [2] Главными объектами резких поношений сатирика стали буржуазный индивидуализм и буржуазная демократия, бессильные защитить человека. «Маскарад анархии» увидел он в американской буржуазной республике. Об американской конституции Шоу сказал следующее: «Ваша конституция, отвергнув королей и феодальных баронов, церковь и всякий сколько-нибудь эффективный парламент, отдала вас в руки частных ракетиров от простого бандита до финансового магната, и каждый может играть вами без всяких правил, без всякой ответственности перед законом. Вы создали конституцию, в которой требуете свободы, свободы, свободы и погони за счастьем... Боясь диктаторов, вы создали государство и общество, в котором каждый босс – диктатор, каждый финансист – диктатор. И чтобы символизировать такое положение вещей, вы воздвигли в нью-йоркской гавани чудовищный идол, который вы назвали статуей Свободы. Единственной вещи не хватает на ее пьедестале – дантовской надписи над воротами ада: «Оставь надежду всяк сюда входящий...» [3] Статуя Свободы никак не могла оставить Бернарда Шоу равнодушным, вновь

---

[1] См. письмо Б. Шоу к леди Астор от 13 янв. 1933 г. – В кн.: Пирсон Х. Бернард Шоу, с. 371 – 372.

[2] Shaw B. The political Madhouse in America and nearer home. London, 1933.

[3] Цит. по: Гражданская З. Бернард Шоу после Октября. М., 1968, с. 138.

и вновь обращался он к этому кощунственному, с его точки зрения, символу, гневно ополчался против него, метал сатирические стрелы.

Не поздоровилось и «стопроцентному американцу». С превеликим удивлением Шоу констатировал, что, сколько он ни путешествовал по миру, нигде — ни в одной стране — не видел ничего подобного: так называемый стопроцентный американец «предстал перед Европой как догматик в области политики; и именно в этом своем качестве догматического политика он потерпел полный крах».[1]

Досталось также своего рода символу американской художественной культуры — Голливуду, который был назван Шоу «самым безнравственным местом на земле». При этом имелось в виду вовсе не эротическое содержание фильмов: «Нет, дело не в этом; доктрина, которой Голливуд растлевает мир,— это доктрина анархизма. Голливуд прославляет перед своей детской аудиторией галерею убежденных и буйных анархистов. Единственно, чем подобный юный герой может ответить на все, что раздражает его самого, оскорбляет его страну, его родителей, его девушку или его собственный кодекс мужского поведения,— это дать обидчику в морду. Почему вы не преследуете ваши кинокомпании за то, что они подстрекают нашу молодежь к нарушению общественного порядка? Почему вы аплодируете героям экрана, которые либо целуют героиню, либо бьют кого-нибудь по морде? Ведь это уголовное преступление — бить граждан по морде».[2]

Специальное место в своей речи Бернард Шоу уделил тому, чтобы развеять страх перед Советской Россией, существовавший в некоторых кругах американского общества. Он подчеркнул, что Советский Союз — страна коммунистов и интернационалистов — прежде всего миролюбивая страна, не помышляющая о нападении на другие народы. «К счастью, провидение, будучи благосклонным к Америке, сделало Россию коммунистической страной,— насмешливо заметил Шоу,— и пока она остается таковою, вам нечего бояться».[3]

В Америке, в Далласе (штат Техас), в театре «Литл» состоялось 16 апреля 1934 г. первое представление пьесы «Сватовство по-деревенски», написанной в 1933 г. Спектакль был поставлен и оформлен Чарлзом Мередитом, выступившим также в роли «А». Кейт Уолли сыграла роль «Z». В Англии комедия была показана сначала в Танбридже Уэлсе (графство Кент) в мае 1934 г., затем, в июне 1934 г., в Лондоне в исполнении труппы «Пиплз нейшенел тиэтр» в помещении «Литл-тиэтр». Если в Танбридже Уэлсе в качестве режиссера и исполнителя мужской роли выступил Кристофер Фрай, то в Лондоне постановку этой своей пьесы, как и многих предыдущих, осуществил сам автор. Актерский дуэт вели Сибил Торндайк и Артур Уонтнер. Позднее маленькая комедия «Сватовство по-деревенски», как правило, объединялась в один вечер с другими одноактными пьесами Бернарда Шоу — с «Аннаянска, сумасбродная великая княжна» и «Смуглой леди сонетов» (театры «Торч», 1939, «Лирик», 1944), с «Избранником судьбы» (театр «Артс», 1942) и т. д. Первое издание «Сватовства по-деревенски» появилось в Англии в 1934 г.

---

[1] Цит. по: Хьюз Э. Бернард Шоу. М., 1966, с. 237.

[2] Там же, с. 237—238.

[3] Shaw B. The political Madhouse in America and nearer home, p. 54. (Здесь и далее перевод А. Д. Ципенюк.)

Подобно большинству пьес, вошедших в шестой том, пьеса «Сватовство по-деревенски» никогда не исполнялась на советской сцене. На русском языке опубликована однажды (Иностр. лит., 1981, № 4, пер. Г. Бабенышева и Л. Биндеман).

Это своего рода интермедия, шутка, которую позволил себе автор, отдыхая после серьезных, сложных драматических произведений, написанных в 20-е гг., собирая силы для создания новых политических комедий и экстраваганц.

Стр. 8. *Маргит* — курортный городок на юго-восточном побережье Англии, недалеко от Лондона; место отдыха жителей английской столицы.

Стр. 9. *Шафлборд* — палубная игра, в которой деревянные диски ударом палки передвигаются по разделенной на клетки площадке.

Стр. 19. *«Ты топчешь прах Империи,– смотри!»* — Строка из третьей песни поэмы Байрона «Паломничество Чайлд-Гарольда», где он описывает посещение поля битвы Ватерлоо (перевод В. Левика).

Стр. 20. *Альманах Уитакера* — издающийся с 1868 г. популярный справочник по экономическим, торговым, финансовым и другим вопросам, отражающий конъюнктуру и уровень цен на соответствующий год. Назван по имени первого издателя Джозефа Уитакера.

Стр. 24. *Шейлок* — алчный ростовщик из комедии Шекспира «Венецианский купец».

Стр. 26. *«Расточи хлеб свой по водам, и по прошествии многих дней он к тебе вернется».* — Цитата из библейской Книги Экклезиаста (XI, 1).

Стр. 31. *Элгар, Эдвард Уильям* (1857—1934) — английский композитор. *«Альманах Старика Мура».* — В 1700 г. английский врач и астролог Фрэнсис Мур опубликовал книгу, содержавшую предсказания погоды на следующий год с астрологическими обоснованиями. Она пользовалась большим спросом, и с тех пор в Англии название «Альманах Старика Мура» закрепилось за изданиями, помещающими предсказания самого разнообразного свойства.

НА МЕЛИ

В начале 30-х гг. волна безработицы захлестнула Англию, как и другие европейские страны. Демонстранты и в самом деле, как об этом говорится в пьесе «На мели», написанной в том же 1933 г., что и «Сватовство по-деревенски», заполняли улицы Лондона, требуя работы, нормальных условий существования. Верный себе, Шоу не сосредоточивает внимание на изображении массовых выступлений трудящихся. Сохраняя единство действия, он ограничивается пределами кабинета британского премьер-министра сэра Артура Чевендера и, собрав в этом кабинете представителей разных партий, преимущественно людей влиятельных, от которых зависят судьбы страны, проводит очередную дискуссию о настоящем и будущем Англии.

Чевендер является главой коалиционного правительства, созданного в годы «национальной опасности», т. е. усилившегося рабочего движения. Многие, прежде всего английские, критики полагали, что прообразом для Чевендера послужил лейборист Макдональд, воз-

главлявший английское «национальное правительство», сформированное в 1931 г. Правда, в отличие от Макдональда, сэр Артур не лейборист, а либерал, при этом аристократического происхождения. Парадоксальность ситуации, положенной в основу пьесы, состоит в том, что с широкой программой национализации земли, шахт и транспорта, а также коллективизации фермерского хозяйства и всеобщей трудовой дисциплины выступает не кто иной, как сам Артур Чевендер, изучивший в санатории большую марксистскую литературу и тем самым решительно перестроившийся. Но еще более парадоксальным выглядит ход обсуждения выдвинутого премьер-министром проекта: представители господствующих классов и члены кабинета охотно поддерживают сэра Артура, один из личной заинтересованности, другие потому, что им совершенно все равно, кого поддерживать, а рабочая делегация между тем резко возражает против сделанных главой правительства предложений.

Ни в одной своей пьесе прежде Шоу не предпринимал попытки столь разнообразно показать всевозможные типы представителей современного рабочего движения. Можно не соглашаться с отдельными сделанными им акцентами, видеть незавершенность, недоговоренность в обрисовке драматических характеров. Но заслуживает глубокого уважения стремление старейшего писателя Англии пристально рассмотреть в годы обострения классовой борьбы и усиления экономического кризиса некоторые важные стороны современной действительности, а также его попытки создать положительные образы представителей английского рабочего класса.

Делегация одного из рабочих районов британской столицы, именуемого несколько экзотически и иронически одновременно — Остров Кошек (в Лондоне есть площадь Слона, почему бы не быть здесь и Острову Кошек?), достаточно пестра по своему составу. Шоу отдает себе полный отчет в том, насколько неоднородным было всегда и оставалось таковым и в 30-е гг. английское рабочее движение. Любопытно проследить эволюцию некоторых человеческих типов, намеченных в ранних пьесах и получивших развитие в пьесе «На мели». Сатирик и гуманист, Шоу неизменно верил в неограниченные возможности человека — ему ничего не стоило превратить цветочницу Элизу в светскую даму, а мусорщика Дулитла сделать популярным лектором на нравственные темы. Причем дело было совсем не в изменении социального положения героя или героини, обретении ими новой профессии. Для драматурга всегда было важно показать, что простой человек из народа обладает неисчерпаемыми духовными силами и способен достигнуть всего, если только для этого представится случай. И в «На мели» Шоу явно любуется находчивой, умной, образованной Алоизией Броликинс, членом муниципалитета, обладающей острым классовым чутьем, что проявляется особенно наглядно в ее яростной схватке с герцогом Домсдеем, хотя автор и заставляет эту симпатичную ему героиню совершить в конце концов весьма необдуманный поступок — выйти замуж за слюнтяя и хлюпика, сына Чевендера, Дэвида.

Есть нечто общее между Альфредом Дулитлом и старым рабочим Хипни, способным произносить страстные обвинительные и просветительские речи, давая сто очков вперед сэру Артуру Чевендеру в ораторском искусстве. Конечно, Хипни немного демагог, и мысли он подчас высказывает рискованные. Но зато он внутренне совершенно свободен и «душой за революцию». Совсем иначе, резко саркастически, Бернард Шоу относится к «примазавшемуся» к рабочей делега-

ции, мимикрирующему под пролетария виконту Баркингу. Такой «шелухи» на английском рабочем движении имелось предостаточно, и Шоу ядовито высмеивает это по-своему знаменательное явление.

В отличие от многих пьес 30-х гг., в особенности тех, что вызывающе именовались «политическими экстраваганцами», Шоу почти не обращается в «На мели» к приемам фантастики. Лишь в одном эпизоде первого акта появляется Дама в сером одеянии, называющая себя то «вестником смерти», то «целителем», то «призраком будущего», то попросту домашним врачом супруги премьер-министра. Хотя она и облекает свои слова и поступки в несколько инфернальную форму, но рассуждает и действует абсолютно трезво, признавая, что болтун Чевендер погибает не от переутомления мозга, а от недостатка умственной деятельности – фактически атрофии мозга.

Несомненно, что «На мели» не принадлежит к числу лучших в художественном отношении драматических произведений Бернарда Шоу. Растянутыми выглядят некоторые моменты диспута, который ведут персонажи. Эскизность ощущается в портретах ряда действующих лиц. Но очевидно и то, что в пьесе содержатся новые для творчества Шоу идейные мотивы.

Новое – это прежде всего открытая и достаточно последовательная критика программы английских фабианцев, их призывов к умеренности и постепенности в преобразовании буржуазного общества путем реформ. Все предложения по улучшению жизни, выдвинутые Чевендером, разбиты рабочей делегацией, увидевшей двойственный, лицемерный характер намеченных мероприятий. Прозорливец Шоу предугадал и большее – фальшь социалистической программы лейбористского правительства Англии в сороковые годы, после окончания второй мировой войны, когда одним из основных пунктов программы также было предложение о национализации за компенсацию. Необычен для Шоу и финал «На мели», заключающий пьесу грозным, трагическим аккордом. То, что было поначалу фоном действия,– шумящие, бунтующие толпы, движущиеся по улицам Лондона,– выдвигается вдруг на первый план. «Англия, восстань!» – поют безработные. И в вопросе Чевендера: «А вдруг Англия и в самом деле восстанет?» – новая тревожная нота надежды, веры. Финал «На мели» – самое определенное в художественном творчестве Бернарда Шоу высказывание в пользу революции, в защиту революционных действий масс.

Во всем остальном драматург остается самим собой, еще раз демонстрируя свое полное разочарование в буржуазной демократии, вновь утверждая вечное, неуклонное движение человека к истине.

В обширном предисловии к пьесе Шоу называет Советскую Россию «единственной страной, в которой существует социальная ответственность». С досадой констатирует он, что «Англия, в свое время первой совершившая революцию, преследовала затем все страны, которые шли по ее пути».

До некоторой степени самостоятельное значение имеет включенная в предисловие философская притча о Христе и Понтии Пилате. Это притча о неустанных поисках правды. «Я пришел в этот мир и был рожден человеком лишь для того, чтобы раскрыть истину»,– заявляет Иисус. «Эти люди хотят, чтобы я распял тебя на кресте; однако я не вижу еще, какое ты причинил зло, и потому предпочитаю пригвоздить тебя доводами разума в споре. В Риме красивым словам не верят; соловья баснями не кормят. Ты говоришь, что призвание

твое – раскрыть истину. Я верю тебе на слово, но хочу знать, что есть истина»,– допрашивает его Понтий Пилат. «Это то, что человек должен утверждать, даже если будет побит камнями или распят на кресте за свои слова. Я открываю тебе эту истину не для собственной выгоды: я открываю ее безвозмездно для твоего спасения, с опасностью для своей жизни»,– гласит ответ Иисуса. Пилат недоумевает: «Тебя обвиняют в подстрекательстве к мятежу и в богохульстве. И ты не оправдываешься: ты толкуешь мне об истине, которая на поверку есть лишь то, во что тебе хочется верить». Пилат даже огорчается: «Я искренно хочу пощадить тебя; ибо если я не освобожу тебя, мне придется освободить этого мерзавца Варраву, который зашел гораздо дальше, чем ты, убил кого-то, тогда как ты, насколько я понимаю, только воскресил какого-то иудея из мертвых. Поэтому пошевели-ка в последний раз мозгами и подыщи какой-нибудь благовидный предлог, чтобы я мог отпустить на свободу богохульствующего подстрекателя».

После чего следуют особенно примечательные реплики.

Иисус. Без подстрекательства к мятежу и богохульства мир остановился бы на месте и царство божие не приблизилось бы к нам ни на шаг. Римская империя началась с того, что волчица вскормила двух человеческих детенышей. Если бы эти детеныши не были мудрее, чем их приемная мать, ваша империя была бы волчьей стаей. Именно благодаря детям, которые мудрее своих отцов, подданным, которые мудрее своих императоров, бродягам и нищим, которые мудрее своих жрецов,– благодаря им люди перестают быть хищными зверьми, а в конце концов обретают веру в меня и спасение.

И вновь пытается противоречить Пилат:

Пилат. Стало быть, я должен щадить и поощрять всякого еретика, всякого мятежника, всякого нарушителя законов и всякого мошенника на тот случай, если он вдруг окажется более мудрым, чем все минувшие поколения, создавшие римские законы и на их основе Римскую империю?

Иисус. По их плодам узнаешь их. И остерегайся убить мысль, которая будет для тебя *новой* (курсив мой.– *А. О.*). Потому что мысль эта может оказаться основанием царства божия на земле.

Пилат. Она может оказаться также погибелью всех царств, всех законов и всего человеческого общества. Она может оказаться мыслью хищного зверя, который алчет вернуть свою власть.

Иисус. Хищный зверь не алчет вернуться: царство божие алчет прихода своего. Империя, что в страхе оглядывается назад, уступит место царству, что смотрит вперед с надеждой. От страха люди теряют разум: надежда и вера дают им дивную мудрость. Люди, которых ты наполнишь страхом, не остановятся ни перед каким злодеянием и погибнут в грехах; люди, которых я преисполню верой, унаследуют землю. И я велю тебе: исторгни страх. Не повторяй мне суетных слов о величии Рима. Величие Рима, как ты называешь его, не что иное, как страх: страх перед прошлым, страх перед будущим, страх перед бедняками, страх перед богачами, страх перед верховными жрецами, страх перед иудеями и греками, которые постигли науки, страх перед галлами, готами и гуннами, которые суть варвары, страх перед Карфагеном, который вы разрушили, чтобы избавиться от своего страха перед ним, и которого боитесь теперь еще больше, чем прежде, страх перед вашим царственным цезарем, перед идолом, которого вы сами создали, и страх передо мной, нищим бродягой, избитым и пору-

ганным, страх передо всем, кроме власти божьей; и неверие ни во что, кроме крови, злата и железа. Вы, стоящие за Рим, вы в вечном страхе; я, который за царство божие бросил вызов всему, потерял все и обрел вечный венец[1].

Не в первый раз обращался Шоу к истории Рима, чтобы сосредоточить внимание современников на изображении злодеяний и бед новейшего времени. Герой-реалист, способный видеть мир таким, какой он есть, также не впервые появляется на страницах драм Шоу. Когда-то этого реалиста, бесстрашного перед действительностью, звали Юлий Цезарь («Цезарь и Клеопатра»), затем реалист появился в образе Жанны («Святая Иоанна»). В рассказанной притче излюбленный Шоу тип «реалиста» и мятежника действует под именем Христа. Главным для этого героя, как и для его предшественников, остается сокрушение фальшивых идолов, стремление к истине.

Сценическая история комедии «На мели» в Англии невелика. Первая постановка была осуществлена другом и соратником Шоу Льюисом Кэссоном в театре «Уинтер Гарден» в Лондоне 25 ноября 1933 г. В роли сэра Артура Чевендера выступил Николас Хэннен, Алоизию Броликинс сыграла Эллен Поллак, Хипни – Эдвард Ригби, Даму в сером – Фэй Дэвис, Льюис Кэссон взял себе роль миллионера Джафны Пандраната. Состоялось 41 представление. Еще раз комедия была показана в 1937 г. в Лондоне в театре «Кью». На русский язык переведена впервые. На сценах советских театров пьеса не шла.

Первое издание пьесы в Англии – в 1934 г.

Стр. 37. *Уолпол, Роберт* (1676–1745) – английский государственный деятель.

Синяя книга – сборник официальных документов, регулярно (с XVII в.) издаваемый английским парламентом; назван так по цвету обложки.

Стр. 57. *Гладстон, Уильям Юарт* (1809–1898) – глава либеральной партии Англии последней трети XIX в. и в течение ряда лет – премьер-министр. Вождь и идеолог английского либерализма. При нем были легализованы профсоюзы, введено тайное голосование на выборах, проведена реформа начального образования. Как политик отличался беспринципностью, откровенно заигрывал с массами для завоевания голосов; проводил политику экспансии и жестоко подавлял национально-освободительное движение в Ирландии. Маркс характеризовал его как «отъявленного лицемера и казуиста».

Стр. 59. *...колледж Раскина...* – профсоюзный колледж в Оксфорде, основанный в 1899 г. для изучения истории рабочего движения и других общественных дисциплин. Существует главным образом на средства профсоюзов. Назван в честь писателя и общественного деятеля Джона Раскина.

Стр. 62. *...кого прославленный Ланкастер описывал как «счастливую породу людей».* – Имеются в виду слова, сказанные об англичанах герцогом Ланкастером в исторической хронике Шекспира «Ричард II» (акт II, сц. 1).

Стр. 62. *Князь Мира* – одно из библейских наименований Иисуса Христа.

Стр. 64. *Кенуорти, Джозеф Монтегю* (1886–1953) – английский политический деятель, во время первой мировой войны был морским офи-

[1] Цит. по кн.: Хьюз Э. Бернард Шоу, с. 223, 226, 227.

цером; в 1933 г., когда писалась пьеса, издал свои мемуары под названием «Моряки, политики и другие».

Стр. 67. *Харроу* – привилегированная закрытая частная школа под Лондоном, существующая с XVI в. Наряду с Итоном является самым престижным из средних учебных заведений Англии.

Стр. 81. *Брама* – один из трех (наряду с Вишну и Шивой) главных богов индуизма, создатель и душа вселенной.
Вишну – первоначально бог солнца, впоследствии – олицетворение вечно живой природы. Согласно индуизму, Вишну должен явиться людям, чтобы уничтожить зло и покарать грешников.

Стр. 99. *Все это выдумал в Блумсбери Карл Маркс...* – Блумсбери – район в центре Лондона, где расположен Британский музей, в библиотеке которого работал Маркс. Переселившись в Лондон в 1849 г., Маркс прожил здесь большую часть жизни, вплоть до своей кончины в 1883 г. Здесь, в частности, был создан его основной труд – «Капитал».
...Ленин развил его уроки на Холфорд-сквер, в Ислингтоне. – На Холфорд-сквер, 30 В. И. Ленин жил в 1902–1903 гг. во время своего первого посещения Лондона, осуществляя руководство издававшейся здесь газетой «Искра». В начале второй мировой войны дом был почти полностью разрушен в результате бомбардировки. В 1942 г. районные власти установили на Холфорд-сквер бюст Ленина, ныне хранящийся в здании районного муниципалитета.

Стр. 100. *Кемаль-Паша* – Ататюрк, Мустафа Кемаль (1881–1938), основатель и первый президент Турецкой республики. В 1916 г. за воинские заслуги получил титул паши. В 1923 г. избран пожизненным председателем народно-республиканской партии.
Валера, Имон де (1882–1975) – президент и глава правительства провозглашенной в 1919 г. независимой Ирландской республики. В период написания пьесы – премьер-министр и министр иностранных дел Ирландии.

Стр. 101. *Фокс, Гай* (1570–1606) – участник неудавшегося «порохового заговора» 1605 г. против короля Якова I. Фокс руководил установкой бочек с порохом в подвалах английского парламента, которые должны были взорваться во время тронной речи короля. Проверяя готовность к взрыву за день до назначенного срока, он был задержан стражей и впоследствии казнен вместе с другими заговорщиками. С тех пор ежегодно 5 ноября англичане отмечают этот день праздничным гуляньем с фейерверками и сжиганием чучела Гая Фокса.

Стр. 105. *Ему... не нравится моя фамилия.* – Фамилия Броликинс, прежде всего, выдает простонародное происхождение Алоизии и, кроме того, представляет собой довольно забавное новообразование: «бролли» (как фамильярно называет ее жених) в разговорном английском означает «зонтик» (нечто аналогичное русскому «мисс Зонтичкина»).

Стр. 114. *Карпентер, Эдуард* (1844–1929) – английский поэт, эссеист и прозаик, посвятивший свое творчество борьбе за интересы рабочего класса Англии, за проведение социальных реформ. Один из пропагандистов социалистического учения. Как поэт находился под большим влиянием Уолта Уитмена. Приводится начало ставшей популярной среди английских рабочих песни Карпентера (музыка его же) «Англия, восстань!» из сборника «Песни труда» (1888).

Написанная в 1934 г., эта одноактная пьеса была впервые исполнена на открытой сцене театра Ридженспарка (1934). В 1951 г. ее поставил театр «Артс».

Непосредственным поводом для создания этой комической миниатюры послужила скульптурная группа Родена «Граждане Кале», ставшая, по свидетельству драматурга, главным источником замысла его пьесы. Согласно признанию Шоу, Роден вытеснил другого его «соавтора» — Жана Фруассара, ибо, как поясняет автор пьесы, этот историк, умерший пятьсот лет тому назад, правильно изложил факты, но дал им неверную интерпретацию. Причина этого, по мнению Шоу, заключалась главным образом в том, что Фруассар ничего не понимал в женщинах (вследствие чего единственная женщина, которую он любил, отказалась от всяких отношений с ним). Что касается Родена-художника, высоко ценимого Шоу, то он был скульптором, а не драматургом. «Поэтому,— заявляет Шоу,— мне ничего не оставалось делать, как внести значительные изменения в ту нелепицу, которую рассказывает Фруассар», и перевести работу Родена с языка скульптуры на язык драмы.

Руководствуясь таким заданием, драматург перевел простоту и величие, характерные для произведения Родена, на совершенно особый парадоксальный язык своих «экстраваганц», вследствие чего исторический сюжет в его изложении приобрел несколько неожиданный облик, в целом свойственный поздним пьесам Шоу. В соответствии с особенностями специфического жанра, который вел свое происхождение от средневекового театра, а под пером Шоу стал доведенной до пределов эксцентриадой, он внес в свою пьесу элементы клоунады, усилившие гротескную остроту ее драматического рисунка. В итоге возникла «комедийка», которую с полным правом можно отнести к лучшим достижениям Шоу-юмориста. «Шестеро из Кале» — одно из самых забавных и жизнерадостных произведений великого комедиографа. Его эксцентрическая манера трактовки исторического факта кажется особенно неожиданной по контрасту с характером самого материала, отнюдь не располагающего к смеху и веселью.

Основой пьесы Шоу послужил глубоко драматический эпизод французской и английской истории XIV в., разыгравшийся в царствование английского короля Эдуарда III. Суть его заключается в следующем. Подойдя к воротам осажденного французского города Кале, оказавшего стойкое сопротивление английским завоевателям, Эдуард III потребовал, чтобы шесть наиболее уважаемых граждан этого города вышли к нему, одетые в рубахи и с веревками на шее. Согласно преданию, их предполагавшаяся казнь не состоялась благодаря вмешательству королевы, сумевшей смягчить сердце своего разгневанного супруга.

Обыгрывая этот сюжет в буффонном стиле, Шоу отнюдь не уничтожил его героического характера, создав парадоксальный сплав из героики и клоунады на базе своей особой «философии истории». Одним из его важнейших идейно-художественных заданий стало сближение прошлого и настоящего. В новой комедии Шоу полностью подтвердил свое постоянное стремление к «изображению событий исто-

рии и ее деятелей в свете своего времени»,[1] иначе говоря, к максимальному сближению прошлого и настоящего. Он вновь предпринял попытку ниспровержения традиции, превращавшей историю в своеобразный маскарад, а ее деятелей — в приглаженных и приукрашенных марионеток, вместо того чтобы представить прошлое как живой мир, населенный настоящими живыми людьми. Именно поэтому он предписывает своим героям вести себя по нормам обычного человеческого поведения и «поступать так, как поступает в затруднительных обстоятельствах любой человек... а не так, как ведет себя на параде современный конституционный монарх, поддерживающий изысканный миф о своем существовании в политическом вакууме и действующий только тогда, когда министры дергают его за веревочку». Злободневность подобного замысла, вносящего в пьесу оттенок памфлетной остроты, отнюдь не противоречит ее философской концепции.

За всей образной системой, как и в других исторических драмах Шоу, стоит целостная и по-своему последовательная, хотя и глубоко парадоксальная, теория прогресса. Согласно ее уже не раз декларированным принципам, Шоу измерял достижения цивилизации не степенью технического развития общества, а высотой его морального и интеллектуального уровня. «Цивилизация,— возглашал он,— это не машина, не станок, не пирамида, а человек — хозяин всех этих вещей».[2] Подходя с таким критерием ко всем эпохам истории, он не видел между ними существенной разницы. Со свойственным ему полемическим задором Шоу утверждал, что «если все установления XX века отличаются от подобных же установлений XVIII века, то различие между людьми этих эпох скажется только в незначительном увеличении их умелости».[3] Именно на таком понимании прогресса, на которое у позднего Шоу наслоились и некоторые оттенки, возникшие в его пенталогии «Назад к Мафусаилу», основана драматическая специфика его исторических драм, где излюбленным приемом драматурга становится своеобразная игра с историческим временем. Прием этот точно отражал его взгляд на историю, которая в понимании Шоу была суммой трех величин: прошлого, настоящего и будущего, и все эти аспекты исторического времени парадоксальным образом сосуществовали в рамках одной и той же пьесы.

Отсюда — поэтика исторических анахронизмов, ставшая опознавательным знаком его пьес, написанных по мотивам истории. Прошлое в его драмах говорит языком настоящего, а настоящее — языком будущего. Нравы и обычаи разных эпох обнаруживают черты удивительного сходства, в то время как все действие пьесы, благодаря особому размещению иронических акцентов, предстает в резком повороте к будущему. Проекция в историческое «завтра» у Шоу, как правило, отличается большой глубиной (особенно в поздних произведениях драматурга), и XX в. отнюдь не является ее конечной точкой, ибо и сам он как бы подвергается ироническому рассмотрению с какой-то отдаленной возвышенности, иначе говоря — с позиции великих задач истории, осуществление которых почти столь же далеко от «сегодня», как и от «вчера».

---

[1] Shaw B. Preface to Three Plays for Puritans.— In: Prefaces by Bernard Shaw. London, 1934, p. 720.

[2] Bernard Shaw and Karl Marx. A symposium (1884—1889). New York, 1930, p. 2.

[3] Шоу Б. О драме и театре. М., 1963, с. 291.

В дальнейшем этот взгляд «издалека» получит прочное теоретическое обоснование у ученика Шоу – Бертольта Брехта, утверждавшего, что историзм заключается в «сохранении дистанции по отношению к событиям и позициям людей в прошлом; такую же дистанцию к событиям и к отношениям современных ему людей должен соблюдать играющий их актер».[1] Именно такое рассмотрение – с дистанции – двух во многом «одинаковых» эпох и определяет характер их восприятия Бернардом Шоу. Его взгляд на современность становится как бы ретроспективным, он перетасовывает столетия, «путает» XX в. с XV, как бы не замечая их (не столь уж существенных!) различий. Эта позиция (в чем-то сходная со свифтовской), сложившаяся в общих чертах еще у раннего Шоу, приобрела предельную наглядность и гротескную остроту в его философской пенталогии «Назад к Мафусаилу», где тысячелетия истории человечества, включая и живую современность, рассматривались как период затянувшегося детства. Мотив этот, отчасти переосмысленный, повторяется и в «роденовской» экстраваганце Шоу. От подобного характера авторского видения зависит совершенно особая структура драматических образов, к действиям и поступкам которых примешивается легкий оттенок инфантильности. Для Шоу его герои – люди средневековья, это великовозрастные дети, и отношение драматурга к ним несколько напоминает отношения «долгожителей» к «недолгожителям» («Назад к Мафусаилу»). Со снисходительной усмешкой взрослого Шоу наблюдает за их нелепыми выходками, делая «скидку» на их возраст, иначе говоря, на состояние исторической незрелости, в котором находилось общество в XV в.

Подобная «остраненность» восприятия более всего проявляется при обрисовке характера английского короля Эдуарда III. Грозный и деспотичный, своенравный и неразумный, а в чем-то и до смешного наивный, он воплощает в себе не только идею средневекового монарха, но и монархии как таковой, т. е. того государственно-политического установления, которое своим возникновением, согласно просветительскому мнению Шоу, более всего обязано интеллектуальной незрелости людей. Его царственное своеволие сродни своеволию капризного баловня, привыкшего к беспрекословному исполнению своих далеко не безобидных прихотей. С необузданностью мальчишки он отдает жестокие приказания и, когда ему отказывают в их исполнении, горько плачет о том, что ему никогда не разрешают делать то, что он хочет! Испорченность и недомыслие этого царственного «недоросля» (его жена, королева Филиппа, признается, что ни с одним из своих одиннадцати детей она не имела столько хлопот, сколько со своим августейшим супругом) особенно ощущается благодаря присутствию этой привлекательной и доброжелательной дамы, играющей по отношению к королю роль своеобразной гувернантки. В ее облике, одновременно средневековом и викторианском, воскресают в ультракомедийной редакции черты прежних героинь Шоу – Кандиды (одноименная пьеса) и леди Сесили («Обращение капитана Брасбаунда»). Одаренная, подобно им, щедрым материнским чувством, она распространяет его на окружающих ее взрослых детей. С истинно материнской заботливостью Филиппа печется об их здоровье, боясь, чтобы они не повредили самим себе своими неосторожными шалостями. Здравомыслящая и добросердечная, она возражает против жестокого наказания, которому разгневанный властитель Англии хочет подверг-

[1] Брехт Б. Театр. М., 1965, т. 5(2), с. 108.

нуть шестерых заложников. Королева пытается погасить их ссору с Эдуардом, действуя с мягкой непреклонностью и решительностью, подобающей хорошей воспитательнице и жене, прекрасно изучившей слабости своего мужа. Но и в ее характере, равно как и в ее педагогической системе, есть уязвимые и по-комедийному забавные стороны. Гуманность и чувство приличия у супруги Эдуарда III легко оборачиваются той же примитивной средневековой варварской грубостью (как, впрочем, и у многих «викторианцев» XIX–XX вв.). Масштабы мышления коронованной четы не способны охватить смысл события, знаменующего пробуждение гражданского самосознания у людей, еще не до конца вышедших из полудикого состояния и ставших не просто жителями, а *гражданами* Кале. Огромное политическое и нравственное значение этого начинающегося процесса духовного прозрения народных масс полностью осознается автором пьесы – свидетелем и сторонником освободительных движений XX в. Отсюда тот героический ореол, которым он окружает по-роденовски грубоватых средневековых плебеев, объединяя в их образах великое и смешное, грубость и благородство, примитивность мышления и подлинную мудрость. Делая их сыновьями своего времени, он вносит в обрисовку их характеров все тот же оттенок инфантильности. Так, главному из них – Питеру де Рости свойственно некоторое мальчишеское озорство. Его задорные выкрики «Нэдди! Нэдди!» (Нэдди – кличка осла) словно долетают к читателю из полузабытого детства. В финале пьесы Питер де Рости, дабы усугубить оскорбление, нанесенное противнику, удаляется на четвереньках, испуская вопли, подражающие ослиному реву. «Детский сад» обнаруживает неожиданное сходство с зоологическим.

Но эти парадоксальные параллели, подсказываемые Шоу, отнюдь не снижают образы его героев и не ведут к уничтожению их героического ореола. Симпатии драматурга целиком на стороне мужественных и честных людей, которые, при всей средневековой грубости нравов, исполнены чувства человеческого достоинства и сознания гражданского долга. Не скрывая своего сочувствия к ним, Шоу иногда, забывая об иронии, делает их выразителями собственных убеждений, поручая им защиту принципов демократии. Применительно к ним примитивизм и грубость воспринимаются как проявления непосредственности и безыскусственности их гражданских чувств, столь отличных от лицемерного «патриотизма» угнетателей и собственников любых исторических разновидностей. Свободные от условностей и сильные своей правдой, эти простые люди прошлого являются той живой силой, которая (как уже во многом доказал исторический опыт человечества) прокладывает дорогу будущему.

Стр. 115. *Фруассар, Жан* (1337? – 1404?) – французский историк и поэт, автор «Хроник Франции, Англии, Шотландии и Испании», где впервые рассказано о подвиге шести жителей города Кале.
Роден, Огюст (1840–1917) – французский скульптор. По просьбе муниципалитета города Кале Роден в 1895 г. создал скульптурную композицию «Граждане Кале», одну из лучших своих работ. Именно она сделала широко известным этот эпизод из истории столетней войны, записанный Фруассаром.

Стр. 117. *...внук Эдуарда Великого...* – Эдуард III Плантагенет (1312–1377), король Англии с 1327 по 1377 г., внук Эдуарда I (1239–1307). Принадлежал по материнской линии к французской династии Капетингов. После смерти французского короля Карла IV и прекращения этой династии заявил свои права на престол и объявил себя

королем Франции. В начатой им Столетней войне (1337—1453) одержал ряд блестящих побед и захватил почти половину страны.
... его отец... был убит самым жалким образом. — Эдуард II (1284—1327), отец Эдуарда III, был низложен заговорщиками, возглавлявшимися его женой, и затем убит после восьми месяцев заключения в крепости Беркли, где подвергался унизительным издевательствам.
...выглядел не так, как подобало бы сыну Эдуарда VII... — Король Эдуард VII (1841—1910) был сыном королевы Виктории и во внутренней политике заметной роли не играл. Его сын — Георг V (1865—1936), в правление которого писалась пьеса.

Стр. 118. *Булвер-Литтон, Эдуард Джордж* (1803—1873) — английский писатель и драматург. Автор пьес (главным образом, исторических драм), отмеченных мелодраматизмом и сентиментальностью, которые, однако, завоевали популярность и часто ставились благодаря сценичности и занимательному сюжету.
Ришелье — герой одноименной пьесы Булвера-Литтона (1838).
«Школа злословия» — пьеса Шеридана.

Стр. 119. *«Как вам это понравится»* — пьеса Шекспира.
Розалинда, Жак — герои пьесы «Как вам это понравится».
Миламент — остроумная кокетка из комедии английского драматурга Уильяма Конгрива (1670—1729) «Так поступают в свете».
Сидонс, Сара (1755—1831) — английская актриса, прославившаяся исполнением женских ролей в шекспировских пьесах.

Стр. 120. *Черный принц* — Эдуард, принц Уэльский (1330—1376), старший сын Эдуарда III, прозванный так по цвету своих доспехов. Отличился в ряде сражений Столетней войны.

Гонт, Джон (1340—1399) — будущий герцог Ланкастерский, четвертый сын Эдуарда III.
Стр 121. *Они держат меня тут двенадцать месяцев.* — Осада города продолжалась почти год, с августа 1346 по 4 августа 1347 г.
... наводить мосты из серебра... — английское выражение, означающее: обеспечить возможность почетного отступления.

ПРОСТАЧОК С НЕЖДАННЫХ ОСТРОВОВ

Написанная в 1934 г. пьеса «Простачок с Нежданных островов» — одно из самых фантастических драматических произведений Бернарда Шоу: в ней автор изобразил Страшный суд над человечеством. В подзаголовке, где обычно уточнялся жанр драмы, так и сказано: «видение Страшного суда». Шоу — 78 лет! Но перо его полно необычайной энергии и страстности. Картина Страшного суда над людьми 30-х гг. XX столетия пронизана яростным гневом писателя ко всему, что унижает и позорит человека. Это весьма язвительное, саркастичное и, разумеется, ироничное и парадоксальное «видение». Мотив суда над героем, судилища над идеями — извечный мотив драматургического творчества писателя и философа Шоу. Ярко трагический характер этот мотив приобрел еще в драмах, созданных вскоре после окончания первой мировой войны, — в «Доме, где разбиваются сердца» и в «Святой Иоанне». Вставная, казалось бы, в «Простачке с Не-

жданных островов» сцена Страшного суда является вместе с тем, без сомнения, центральным эпизодом произведения. Комедия ли это? Скорее всего — трагикомедия. Патетический аккорд, завершающий ее, звучит грозно, предостерегающе, эпично.

Обратите внимание на то, что Страшный суд начинается в Англии, затем перед ним должны предстать Соединенные Штаты Америки, потом Австралия, Шотландия, Ирландия. В Париже, в Риме, в Женеве пока что о судном дне ничего не известно. «А Москва говорит, что британская буржуазия спятила с ума со своими суевериями». Заметьте и то, что Шоу, ненавидевший смерть (в «Святой Иоанне» сожжение Жанны осуществлялось за сценой, о смерти ее лишь было рассказано), вовсе не собирается демонстрировать пытки, страдания и физическую гибель людей. Страшный суд имеет, так сказать, духовный, нравственный и общественный аспекты. Люди дематериализуются, испаряются, исчезают. Это относится ко всем, кто не способен оправдать свое существование, объяснить смысл своей жизни. Исчезают епископы и министры, профессора и полицейские, священники и медицинские работники, члены обеих палат парламента и представители многих других профессий. Судный день — это не конец света, как утверждает автор, а лишь «конец его детства и начало его мужества». Финал пьесы оборачивается одновременно и кульминацией действия, что несколько необычно для драматургии Шоу.

Гораздо менее значительно и интересно развитие другого идейного и сюжетного мотива, связанного с опытом евгенического брака, предпринятого тремя парами на утопических Нежданных островах. Неудачу этого опыта вынужден констатировать сам автор: четверо детей, рожденных в евгеническом браке, прекрасных телом и убогих духом,— Майя, Вашти, Канчин и Джанга (что означает Любовь, Гордость, Героизм и Власть) — исчезают тотчас, как только начинается Страшный суд. Они решительно бесполезны, более того, заражены всеми фальшивыми идеалами и иллюзиями общества, в котором живут, как ни пытались родители оградить их от пороков и язв времени.

Ряд зарубежных исследователей творчества Шоу склонны видеть в юном слабосильном английском священнике-простаке Идди положительного героя. Более того: они усматривают в этом персонаже Шоу воздействие идей Достоевского и даже непосредственное влияние характера князя Мышкина из «Идиота». Оснований для этого немного. В сущности, Идди (что означает уменьшительное от «идиот», т. е. «идиотик») — еще один плод научного эксперимента, «нитрогенный младенец», вскормленный на молоке и хлебе, изрядно сдобренных химикатами. И данный модный эксперимент нельзя признать удачным. Может быть, Идди и обладает в несколько большей мере нравственностью и совестью, чем Майя, Вашти, Канчин и Джанга, но оправдать свое существование в день Страшного суда ему также нелегко.

Критики — соотечественники Шоу — высказывали предположение, что заключительный диалог туземного жреца и жрицы — Пра и Пролы — имеет автобиографические черты. Эти герои не исчезли в день Страшного суда. Их диалог философичен и лиричен одновременно. Кажется, что беседу ведут не экзотические персонажи с фантастических Нежданных островов, а нормальные люди, действительно близкие супругам Шоу по духу, привычкам, нравственным убеждениям и интеллектуальному уровню. Так сказать, обыкновенные, трезво мыслящие, озабоченные будущим европейцы 30-х гг. нашего столетия. Однако преувеличивать автобиографические моменты в данном эпизоде

не следует. Раздумьем о мужестве, о грядущем поколении, о неожиданности — эпично и мудро завершает драматург пьесу. После патетического описания Страшного суда наступает короткая, сосредоточенная, просветленная пауза. Прола и Пра посылают привет будущему: «Итак, привет грядущей жизни!.. Привет. Грядущее да придет!»

Но автобиографическое начало в данной пьесе Шоу все-таки есть. Это свое произведение драматург написал во время кругосветного путешествия. Автобиографичны сделанные с натуры зарисовки чиновников эмиграционной службы в одном из тропических портов Британской империи. И прекрасные виды на океан, тропические растения, волшебные, сверкающие индийские одежды на гипердетях — все это также навеяно впечатлениями от поездки. Шоу всегда любил своего рода театрализацию в описании мест действия, внешности и костюмов героев. В данном случае контраст двух юных героинь — у той, что постарше, «волосы черные, как вороново крыло, смуглая кожа, а одежда тысячи алых оттенков», та, что помоложе, «восхитительно белокура, на ней прозрачное, белое с золотом одеяние» — выглядит особенно эффектным. (В одном из писем, посланных леди Астор из Бомбея, Бернард Шоу писал: «Ну, они и одеваются, эти местные плутократы! Красота, да и только! Англичане не зря их бойкотируют (я встретил на приеме всего-навсего одну настоящую белую леди — супругу Верховного судьи). Рядом с этими смуглянками у британских дочек нет никаких шансов на успех».[1] Шоу имел привычку указывать место, где написана та или иная пьеса и предисловие к ней. В конце предисловия к «Простачку с Нежданных островов» помечено: «Индийский океан. Апрель 1935».

Предисловие к пьесе имеет свое заглавие — «Предисловие о днях Страшного суда». Оно относительно невелико. Шоу вспоминает персонаж ибсеновского «Пер Гюнта» — Пуговичника, который обращался к главному герою с требованием оправдать свое существование, доказать свою человеческую и общественную значимость. Не обострилась ли теперь, в середине 30-х гг. XX в., историческая ситуация в Европе до предела, побуждая каждого человека к максимальной ответственности, заставляя каждый день и каждый час быть готовым к ответу за все сделанное и не сделанное в жизни?

«В современном обществе всякий день — судный, и признание этого сулит не конец всему, но рождение подлинной цивилизации, — заявлял драматург. — Отсюда и возникла притча о Простачке с Нежданных островов. В ней я следую древнему преданию, будто род людской предстанет однажды перед судом сверхъестественного существа, в буквальном смысле свалившегося человечеству на голову; и существо это станет разбираться не в том, верите вы в одну нелепицу или в другую, а в том, являетесь ли вы личностью общественно полезной или бесполезной. Карой послужит уничтожение. Такое существо уже появлялось на сцене в образе ибсеновского Пуговичника». Бернард Шоу подчеркивал: «Мой Ангел явился с некоторым опозданием, но как раз вовремя для моих соотечественников, которые никогда не слышали о Пуговичнике... Конечно, Пуговичник такая же фикция, как и мой Ангел. Но насущная потребность поставить нас перед судом, который расследовал бы общественную пользу каждого, вовсе не является фикцией».[2]

---

[1] Цит. по: Пирсон Х. Бернард Шоу, с. 371.

[2] The Complete Prefaces of Bernard Shaw. London, 1965, p. 642.

Первое представление пьесы состоялось в Нью-Йорке в театре «Гилд» 18 февраля 1935 г. В Англии «Простачка с Нежданных островов» поставил Барри Джексон на Малвернском фестивале 29 июля 1935 г. В Лондоне первыми исполнили пьесу актеры театра «Артс» лишь в 1945 г. Среди актеров, участвовавших в нью-йоркском спектакле 1935 г., была Алла Назимова, игравшая Пролу, ее партнером, исполнителем роли Пра, являлся Маккей Моррис. Первые английские постановки «Простачка» особенно ярких актерских работ не дали. Из зарубежных спектаклей следует отметить постановку в «Театре Польском» (Варшава), осуществленную Арнольдом Шифманом в 1935 г.

Стр. 138. *Родс, Сесиль* (1853—1902) — английский колонизатор, давший имя государству Родезия (ныне Зимбабве). Сын сельского священника, Родс в 17 лет отправился в Южную Африку для поправки здоровья. Приняв участие в разработке открытых там алмазных месторождений, он к 19 годам стал миллионером и решил посвятить себя созданию единой Африканской империи под властью Великобритании. Родс был учредителем Британской Южно-Африканской компании (1888), в 1890—1896 гг.— премьер-министром Капской колонии. Организовывал провокации против бурской Южно-Африканской республики, что привело к англо-бурской войне 1899—1902 гг. Остался в истории как один из создателей британской колониальной империи на африканском континенте.

Стр. 144. *Бедекер* — это слово стало на Западе синонимом слова «путеводитель»: по фамилии немецкого издателя Карла Бедекера (1801—1859), положившего начало выпуску серии путеводителей по разным странам мира.

Стр. 145. *...мы не католики.*— Англиканство, как и другие протестантские религии, «христоцентрично», и католический культ богоматери в нем упразднен.

Стр. 147. *Разве мои глаза... похожи на Хешбонские озера?* — Пролa имеет в виду фразу из библейской «Песни Песней» Соломона: «Глаза твои — как озера Хешбонские» (VII, 5).

Стр. 153. *Уэстон-сьюпер-Мэр* — морской курорт недалеко от Бристоля, одного из крупнейших портов Англии.

Стр. 155. *«Питался он росой медовой... вспоен небесным молоком».*— Заключительные строки из неоконченной поэмы Колриджа «Кубла Хан, или Видение во сне» (1798), ставшей в Англии хрестоматийной.

Стр. 159. *Иона* — библейский пророк. Во время бури был проглочен китом, но через три дня по божьему повелению кит «изверг Иону на сушу». Стал олицетворением безропотного смирения в любых невзгодах.

...евгенический эксперимент. — Евгеника — противоречивое учение о путях улучшения наследственных свойств человека и законах наследственности. В настоящее время проблемы евгеники решаются на базе новой науки — генетики человека.

Стр. 160. *Мормоны* — религиозная секта, созданная в первой половине XIX в. американцем Джоном Смитом, автором «Книги Мормона». Мормон — придуманный Смитом новый израильский пророк, родоначальник американских индейцев. До 1890 г. члены этой секты практиковали многобрачие (полигамию), за что подвергались преследованию (Джон Смит был убит толпой) и гонениям.

Коммуна Онейды — трудовая религиозная община, созданная в 1848 г. близ г. Онейда (штат Нью-Йорк) писателем и проповедником Джоном Нойсом, последователем Оуэна и Фурье и автором книги «Библейский коммунизм». В основу жизни коммуны были положены принципы раннего христианства, было проведено полное обобществление собственности. Члены ее отказались от религиозных обрядов и ритуалов, ввели свободные браки и полигамию, разработали свою систему школьного образования и пытались использовать рекомендации евгеники для получения наиболее жизнеспособного человеческого типа. Долгое время коммуна процветала, получая большой доход от производства металлоизделий (главным образом капканов) и продуктов сельского хозяйства и садоводства. Однако существовавшая в коммуне полигамия вызвала со временем нападки американских протестантов, которые добились ее запрещения, и в 1879 г. община распалась, возродившись через два года в виде обычного акционерного общества.

Стр. 163. *Клепем* — пригород Лондона, где в конце XVIII — начале XIX в. существовала крупная секта евангелистов («Клепемская секта»). Их суровая мораль наложила отпечаток на всю жизнь этого местечка и закрепила за его обитателями славу ревнителей ханжеской благочинности.

Стр. 167. *Питкернский остров* — крошечный, около 6 км², остров в Тихом океане, недалеко от о. Таити. Знаменит лишь тем, что в 1789 г. матросы, поднявшие бунт на английском корабле «Баунти» и захватившие его, высадились на этом острове и создали там свою коммуну.
Адвентисты седьмого дня — протестантская секта, возникшая в 30-х гг. XIX в. в США. По ее вероучению смысл жизни человека заключается в ожидании конца света и вторичного пришествия Христа на землю.

Стр. 169. *Даунинг-стрит* — название лондонской улицы, где находится резиденция премьер-министра, употребляемое часто в значении «английское правительство».

Стр. 172. *Иоанн Патмосский* — Иоанн Богослов, которому на о. Патмос явилось видение конца света, описанное в библейском «Откровении Иоанна Богослова».

Стр. 177. *Махди* — мессия в мусульманской религии. Иногда предводители народных восстаний объявляли себя махди, как это было в конце XIX в., когда в Судане вспыхнуло так называемое восстание махдистов против английского господства, в результате чего было создано государство махдистов, просуществовавшее с 1881 по 1898 г.

Стр. 185. *Эксцельсиор!* — Выше и выше! (лат.).

Стр. 187. *Ламбетский дворец* — лондонская резиденция архиепископа Кентерберрийского, первосвященника англиканской церкви.
Мэншенхауз — официальная резиденция лорд-мэра Лондона.

Стр. 188. *Поэт-лауреат* — в Англии звание придворного поэта.

Стр. 191. *Северн* — река в Англии, впадающая в Бристольский залив, вторая по величине после Темзы.
Мейфер — фешенебельный район английской столицы с дорогими гостиницами и магазинами.

Стр. 192. *...против неравномерности жертв между западным и восточным районами Лондона...* — Западный — традиционно аристократический, восточный — промышленный и портовый рабочий район Лондона.

Стр. 195—196. *...историю Елены и Фауста и их прекрасного младенца Эвфориона.* — В трагедии Гете «Фауст» (ч. 2, акт III) Эвфорион символизирует соединение античного классического идеала красоты (Елена) и свойственного новому времени духа исканий и неудовлетворенности (Фауст). Желая достичь небес, он устремляется ввысь и сгорает, превратившись в комету.

МИЛЛИОНЕРША

Пьеса написана в 1935 г.

Первая постановка состоялась в Австрии в «Бургтеатре» (Вена) 4 января 1936 г., затем «Миллионершу» сыграла труппа «Макмэхон плэйерз» в Австралии в Мельбурне. В Англии к комедии Шоу первой обратилась «Мэтью Форсайт Репертори компани», показавшая семь представлений в ноябре 1936 г. В Лондоне зрители познакомились с новым произведением Шоу лишь в 1944 г., когда режиссер Джофри Уордуэлл осуществил постановку в театре «Кью». Из последующих лондонских спектаклей следует назвать постановку Майкла Бенталла в театре «Кью» (1952). Шоу писал пьесу в расчете на двух актрис — Эдит Эванс в Англии и Кэтрин Хэпберн в США. Лишь спустя 17 лет после завершения пьесы Кэтрин Хэпберн все же сыграла Эпифанию в спектакле Майкла Бенталла. В том же году постановку «Миллионерши» показал театр «Гилд» в Нью-Йорке. Пьеса экранизирована, роль Эпифании на экране исполнила Софи Лорен.

Несомненно, что среди пьес Шоу позднего периода «Миллионерша» — самая популярная в нашей стране. Ее в разных переводах (П. Мелковой, И. Головни) охотно ставили советские театры. Самые известные постановки — московского Театра им. Евг. Вахтангова (1964, режиссер А. Ремизова, исполнители основных ролей: Ю. Борисова — Эпифания, Г. Пашкова — Патриция Смит, В. Этуш — Эдриан Блендербленд, Ю. Яковлев — доктор и др.) и ленинградского Театра им. В. Ф. Комиссаржевской (1965, режиссер А. Белинский, в роли Эпифании — Г. Короткевич). С успехом шла пьеса в театрах Красноярска, Саратова, Душанбе, Орла и др.

Впечатления от поездки в Советский Союз еще не изгладились из памяти Шоу. Он оставался верен чувствам и мыслям, высказанным спустя месяц после возвращения в Англию на страницах «Таймс»: «Россия — как раз то, что мы называем великой страной, и она производит великий эксперимент, к которому мы сами постепенно подошли многими пробными, но, в конце концов, сходящимися в одной точке путями...» И несколько позже, отвечая своим оппонентам, злобно шипевшим, что в Советском Союзе нет демократии и свободы: «Свобода вовсе не означает свободу для праздных и паразитов. Их политическая машина приспособлена для немедленного позитивного использования; и она достаточно могущественна, чтобы смять всех, кто сует ей палки в колеса. Короче, она более демократична, чем парламент и партия... Кто сможет утверждать, что наши трудящиеся располагают большей свободой? Свобода высказывать свое мнение ценой увольнения с работы вряд ли стоит того, чтобы отдавать за нее жизнь. И только если представлять себе коммунизм, как это делает мистер Черчилль, в виде тирании, которую осудили бы, если б только осмелились, все ее подданные, только тогда можно было б с большей или

меньшей достоверностью представить себе, что всем русским, наверное, заткнули рот, дабы свести их до уровня населения нашего совершенно оглупленного острова».[1]

Сходные мысли содержатся в предисловии к «Миллионерше», которое называется «Предисловие о боссах». Вновь нападает Шоу на буржуазную демократию: «Современная либеральная демократия претендует на то, что она представляет для тирании неограниченные возможности, однако, положив в основу правления наследственный и классовый принцип, она только заключает эти возможности в узкие рамки. Такая демократия особенно опекает власть денег. В сущности, это вовсе не демократия, а откровенная плутократия».[2]

Босс — понятие сложное, неоднозначное в восприятии Бернарда Шоу. Это не только крупный делец, заправляющий солидным буржуазным предприятием, обладатель значительной власти и немалых средств. Это еще и яркая, незаурядная личность, умница, талант, человек огромной энергии и организаторских способностей, которому тесно в условиях буржуазного общества, потому что он скован его законами. Теория «творческой эволюции» продолжает интересовать Шоу не менее, чем в ранние годы. Вспомните миссис Уоррен и мультимиллионера Андершафта из ранних пьес, вспомните его сильных, страстных героинь — Бланш Сарториус, Энн Уайтфилд. В первых же своих «неприятных» пьесах драматург провозгласил тезис: не человек преступен перед буржуазным обществом, но буржуазное общество преступно перед человеком. Он истово верил в неисчерпаемые духовные и физические силы своих современников и современниц не только тогда, когда изображал эффектное преображение уличной цветочницы Элизы или ее отца — мусорщика.

Сродни всем этим героям и героиням и Эпифания Оньисанти ди Парерга, миллионерша, которая вполне может померяться силой с боксером-профессионалом, обладающая в коммерческих делах мертвой хваткой бульдога (Шоу любил сравнивать удачливых в финансовых операциях героев с бульдогами), энергии которой с лихвой хватит на дюжину обыкновенных людей. Очень точно написала об Эпифании советская исследовательница творчества Шоу З. Т. Гражданская: «Сама героиня представляет собой трансформацию многих прежних образов, она унаследовала от Лидии увлечение боксером, от Бланш Сарториус и Энн Уайтфилд — готовность к активной погоне за мужчиной и непоколебимую верность заветам и денежным принципам отца, даже от мисс Мопли — ее непомерную физическую силу. Но, может быть, больше всего черт молодая миллионерша Эпифания унаследовала от старого босса Андершафта, как будто она, а не майор Барбара его родная дочь».[3]

Эпифания — это значит «богоявление». Природа в лице драматурга в самом деле щедро наградила эту позднюю героиню Шоу всевозможными дарами — силой, волей, способностями. И в то же время Эпифания существенно отличается от многих своих предшественников и предшественниц в творчестве Шоу.

Начнем с того, что она значительно менее симпатична, чем большинство из названных выше персонажей, а также и менее художественно выразительна и убедительна. Правда, надо учесть жанр пьесы,

---

[1] Цит. по: Хьюз Э. Бернард Шоу, с. 192—193.

[2] Shaw B. The Millionairess. London, 1960, p. 10.

[3] Гражданская З. Бернард Шоу после Октября, с. 163.

названной Шоу не просто комедией, но «комедией в стиле Бен Джонсона». Отсюда — склонность к гротеску, максимальное заострение отдельных черт человеческих характеров. В «Миллионерше» немало откровенно буффонных, балаганных сцен с потасовками, избиениями. Персонажи подчас даже напоминают кукол уличного, бродячего театра. И в то же время Шоу замечает в предисловии: «Хотя «Миллионерша» не претендует на то, чтобы оказаться чем-то большим, нежели комедией смешных и занятных современных характеров, которую мог бы написать Бен Джонсон, будь он жив, эта пьеса все же затрагивает вопрос, будораживший человеческую и общественную жизнь с незапамятных времен. Закон равнозначен для всех, но не все равны перед законом. В действительности существует один закон для имущих, а другой для неимущих, один для ловкачей, а другой для простаков, один для сильных, другой для слабых; один для невежд, другой для ученых, один для храбрых, другой для робких, а в кругу семьи действует один закон для отца и не находится никакого для сына».[1]

Все особенности Эпифании, все отпущенные ей природой способности доведены до крайности, почти до абсурда. Героиня Шоу не асоциальна, она принадлежит своему классу. Вместе с тем, согласно драматургическому методу Шоу, ее нельзя назвать ни просто отрицательной, ни только положительной. Человек по природе своей шире социальных рамок и ограничений, он неизбежно стремится эти перегородки разбить, вновь утверждает драматург. Отсюда и возникает второй вариант финала, предназначенный специально для исполнения пьесы в России или «в странах с коммунистическими симпатиями».

«Я капиталистка здесь, а в России я была бы трудящейся», — заявляет Эпифания. «России нужны такие деловые женщины, как я, — самонадеянно утверждает она. — В Москве я буду через шесть месяцев в Совнаркоме, а к концу года — в Политбюро. Здесь у меня нет ни настоящей силы, ни настоящей свободы, никакой безопасности: мы все можем умереть в богадельне». Со стороны Эпифании такие сентенции звучат, конечно, чрезмерно самоуверенно. Что же касается Шоу, то эти и последующие речи Эпифании выражают его безграничную веру в гуманистические основы социалистического общества. К своим соотечественникам он относится неизменно иронически. Доктор своевременно осаживает Эпифанию: «Мы не должны ездить в Россию, потому что русские не нуждаются в нас...» С озорством, памятуя о комедийных законах драматического произведения, он выдвигает встречное предложение: «Почему бы не сделать Великобританию советской республикой?»

У самого Шоу тоже есть свое мнение по поводу идеального исхода для героев пьесы, а заодно и для всего человечества. Он неизменно верен себе: социалистическое устройство общества безусловно хорошо, но теория «творческой эволюции», пожалуй, еще лучше — так можно сформулировать окончательный вывод драматурга.

Отбросив буффонаду, он пишет вполне серьезно в предисловии о необходимом и возможном при коммунизме равенстве людей: «Когда, повторяю, все эти легко осуществимые принципы равенства будут претворены в жизнь, Эпифания, лишившись и своих миллионов, и возможности накопить их вновь, останется такой же предводительницей, как святая Иоанна, святая Клара и святая Тереза. Самый полный коммунизм и демократия просто позволят ей использовать свои возмож-

[1] Shaw B. The Millionairess, p. 7.

ности более эффективно, чем феодальное или капиталистическое общество. На мой взгляд, это одна из высших целей коммунизма и демократии, объясняющая тот явно парадоксальный факт, что все величайшие мыслители, от Христа до Ленина, от Томаса Мора до Уильяма Морриса, являются коммунистами и демократами, а утомительные доказательства невозможности равенства исходят от посредственностей, которые не способны более остроумно объяснить, почему они сами занимают гостиную, а остальных держат на кухне. И я радостно обращаюсь к боссам: «Ради бога, правьте нами: а мы должны устроить органы власти таким образом, чтобы вы не смогли подавлять нас или чтобы ваши заурядные дети не могли вам наследовать». Ибо стоит лишь обезоружить тщеславие, зависть и пустоголовую предприимчивость, как откроется путь для вдохновения и честолюбия, которые должны спасти нас от глупости и косности проклятого викторианского снобизма, неуклонно ведущего всех к гибели».[1]

Значит, равенство людей и коммунизм едины и нерасторжимы. Но тут же рядом мы читаем: «Коммунизм — это волшебство, которое может превратить боссов в «слуг большинства», но освободить от гнета людские души способно только учение о «творческой эволюции». Тогда босс по-прежнему станет повелевать подчиненными, которые без него окажутся беспомощны; но он не в состоянии будет осуществить над ними духовное насилие».[2] Значит, или коммунизм, или «творческая эволюция»? Или то и другое возможно совместить? Скорее, все-таки первое, и это противопоставление социалистических идеалов и теории «творческой эволюции» обусловливало серьезное противоречие во всем творчестве Бернарда Шоу, в особенности в его поздних пьесах.

Парадоксальные заверения Шоу о том, что лишенная своих миллионов и возможности накопить их вновь Эпифания будет править менее одаренными людьми, подобно святой Иоанне или святой Кларе, святой Терезе, конечно, нельзя признать за религиозные увлечения. Одна лишь вера волновала Бернарда Шоу — философа и художника — вера в Жизненную силу, в совершенствование человека. А созданная им Жанна д'Арк, святая и грешная, а точнее обыкновенная, земная, с трагическим и нелепым опозданием признанная церковью, была всего-навсего выражением неисчерпаемых духовных сил народа, его трезвости и стойкости.

Стр. 201. *Адам, Роберт* (1728—1792) — архитектор и декоратор, создатель английского неоклассицистического стиля интерьера. В богатых особняках камины, лестницы, потолки и т. п. долгое время делались по его эскизам.

Чипендейл — английский стиль мебели и интерьера, введенный в моду Томасом Чипендейлом (1718—1779) и до последнего времени соответствующий представлению о наиболее импозантной обстановке. Его отличают преимущественное использование красного дерева, искусная резьба, несколько укрупненные габариты и стремление к удобству и целесообразности.

Стр. 204. *Серпентайн* — узкий длинный пруд с лодочной станцией и пляжем в лондонском Гайд-Парке.

---

[1] Shaw B. The Millionairess, p. 37—38.

[2] Ibid., p. 36.

Стр. 229. *Флажолет* – деревянный духовой музыкальный инструмент наподобие флейты.

Стр. 230. *Сады Гесперид* – в древнегреческой мифологии сады с золотыми яблоками, охраняемые нимфами Гесперидами. В переносном смысле – место безмятежного счастья, куда заказан вход простым смертным.

Стр. 231. *Ричмонд, Мейденхед* – районы в пригороде Лондона на берегу Темзы, известные своими парками и ресторанами.

Стр. 232. *Ротари-клуб* – клуб деловых людей – бизнесменов и представителей свободных профессий, созданный в 1905 г. в Чикаго и к 1922 г. ставший международным клубом. В Англии отделения его имелись во всех крупных городах; члены его еженедельно собирались на лекции и дискуссии.

Стр. 236. *Эдипов комплекс* – термин, введенный австрийским психиатром Зигмундом Фрейдом (1856–1939) для обозначения подсознательного влечения сына к матери или дочери к отцу. Эдип – легендарный греческий царь, которому по воле богов было суждено убить отца и жениться на собственной матери.

НОВОЕ ОКОНЧАНИЕ «ЦИМБЕЛИНА»

«Новое окончание «Цимбелина» связано со всем комплексом отношений Шоу к Шекспиру.

В 1890-е гг., когда Шоу выступал в качестве театрального критика и начинал драматургическую деятельность, репертуар английских театров состоял преимущественно из пьес Шекспира, мещанских мелодрам и пошлых светских комедий. Пером критика Шоу боролся против театральной рутины за утверждение новой социально острой проблемной драмы – Ибсена и своей. Охранительно-консервативные тенденции в театре прикрывались тогда мнимым преклонением перед Шекспиром – мнимым, потому что пьесы его варварски сокращались, служили предметом для пышных декоративных зрелищ и для демонстрации индивидуального мастерства актеров-«звезд», часто стремившихся не столько выявить подлинные характеры героев Шекспира, сколько показать с выгодной стороны самих себя, чем грешил даже такой великий актер, как Генри Ирвинг.

В своих рецензиях на тогдашние постановки Шекспира Шоу утверждал, что художественная система великого драматурга уже не соответствует современным эстетическим требованиям, в идейном отношении плоска и не отвечает современным социальным и нравственным понятиям. В частности, он доказывал это на примере поздней пьесы Шекспира «Цимбелин». Когда Генри Ирвинг готовил эту романтическую трагикомедию к постановке в руководимом им театре «Лицеум», Шоу в переписке с главной актрисой театра Эллен Терри, готовившей роль Имогены, высказал ряд метких критических замечаний о пьесе.[1] Когда же постановка была осуществлена, Шоу опубликовал рецензию под недвусмысленным названием – «Порицание барда» (1896). Приговор пьесе был категорическим: «В большей части пьеса эта – глупая театральщина самого низкого мелодраматического по-

[1] См.: Шоу Дж. Б. Письма. М., 1971.

шиба; местами она отвратительно написана, а в целом банальна. Если же подойти к ее замыслу с мерилом современных идей, то она вульгарна, оскорбительно глупа, непристойна и раздражает нестерпимо».[1] Шоу, правда, признает за Шекспиром мастерство изображения характеров, силу и выразительность поэтического языка, отличающегося большой музыкальностью, но даже эти достоинства не примиряли его с поздней романтической трагикомедией Шекспира.

С течением времени Шоу смягчился и в предисловии к «Новому окончанию «Цимбелина» признал: «Цимбелин» — одна из самых совершенных... среди поздних пьес Шекспира». И все же его абсолютно не удовлетворял последний акт, и он принял неожиданное решение написать новый — современный — вариант развязки шекспировской драмы.

Не повторяя того, что сказано в предисловии к пьесе, отметим важнейшие особенности текста, созданного Шоу.

Прежде всего он убрал длинноты, наивные нелепости, так нравившиеся зрителям «Глобуса» в 1610-е гг. Значительно упростив шекспировскую развязку, Шоу внес туда типичные для него идейные мотивы. Это относится в особенности к самой сердцевине легендарного сюжета: к рассказу о том, как Якимо оклеветал Имогену, вследствие чего Постум велел верному слуге убить ее за мнимую измену.

Под пером Шоу Постум превращается в прямое подобие эгоистичного, уверенного в своей нравственной чистоте мужа — вроде Хельмера из «Кукольного дома» Ибсена. Не раздумывая, осуждает он на смерть заподозренную в измене жену. С типичной для него грубостью сбивает он ударом кулака с ног Имогену, переодетую пажом. Грубость и жестокость в его натуре.

Идейным центром акта становится у Шоу сцена объяснения между Имогеной, Постумом и Якимо. Это типичный для Шоу образец «сцены-дискуссии», напоминающий, например, решающее объяснение между Кандидой, Мореллом и Марчбэнксом в «Кандиде». Якимо раскаивается в низкой клевете и готов любой ценой искупить вину, но Постум по-прежнему считает, что был вправе покарать жену за измену смертью, по его мнению, это «естественно». Якимо выражает самую суть проблемы, когда говорит: «С женщинами этак поступать / У нас, мужчин, в обычае». У Шекспира этот вопрос даже не возникает. В его трагикомедии господствует мораль мужчины — господина в семье. Ибсен ее отверг, выражая дух нового времени, и Шоу последовал в этом за ним, подчеркивая в «Новом окончании «Цимбелина», что старые понятия о семье устарели и совершенно неприемлемы в век эмансипации и равноправия женщины.

Показательно, что Гвидерий и Арвираг иначе относятся к вопросу о женской «измене». Выросшие в естественной среде, на лоне природы и далекие от «морали» цивилизованного общества, они решительно отвергают мораль господства мужчины. Правда, к этому у них есть важный побудительный мотив — любовь. В этом отношении они отличаются от Постума. Его отношение к Имогене — отношение мужа-собственника, юноши же сердечно любят Фиделе-Имогену.

Эти две фигуры использованы Шоу и для повторения другой частой в его пьесах темы — темы отцов и детей. Беларий воспитал в них дух независимости. Они предпочитают считать себя детьми человека, действительно ставшего их отцом, чем сыновьями короля Цимбелина,

---

[1] Шоу Б. О драме и театре, с. 304.

далекого от них и чуждого им тирана. Выражая непокорство по отношению к новоявленному отцу, Арвираг смело заявляет, что они с братом уже в таких годах, когда не нуждаются в опеке и наставлениях. А когда Цимбелин возмущается этим и упрекает Белария, что тот учил его детей неповиновению, Гвидерий возражает: «Учил он нас обоих говорить / Лишь правду и ей в лицо смотреть».

Конфликт поколений приобретает у Шоу социально-нравственный характер: он противопоставляет консервативный семейный (и политический) деспотизм стремлению к независимости каждого индивида. Что семейный деспотизм тождествен политическому, подчеркивается одинаковым поведением Постума и Цимбелина: оба знают только один вид кары за мнимые, в сущности, проступки — смерть.

У Шоу глашатаем передовых взглядов оказывается Гвидерий, произносящий большой монолог, в котором отдается предпочтение простой жизни перед условностями придворной среды; он не желает слушать «болванов престарелых с их вечными «нельзя» иль «вы должны».

Три мотива звучат в финале «Нового окончания «Цимбелина». Мотив мира между народами совпадает с шекспировским окончанием, но два других идут от Шоу. Первый — глубокое разочарование Имогены. Она не погибла, снова встретила мужа, честь ее восстановлена, но она вышла из жизненных испытаний с большими нравственными потерями: потеряла «супруга, счастье, веру в человека». Эта линия шекспировской пьесы у Шоу приобретает ибсеновский смысл, и Имогена оказывается подобной Норе.

Второй мотив имеет для Шоу личное значение. Это вопрос о роли смеха и юмора в жизни. Имогена просит Якимо не смешить ее и других, ибо, как она говорит, «смех слишком часто заставляет нас / Позабывать грехи, прощать обиды». На это Якимо возражает, что смех «избавляет мир от многих тысяч / Убийств бесцельных». Иначе говоря, юмор имеет две стороны, но явно, что Шоу — противник смеха, заставляющего примиряться с несправедливостью, устами Якимо он утверждает положительную роль насмешки как средства открывать людям глаза на ошибки, заблуждения, пороки — личные и общественные.

«Новое окончание «Цимбелина» было написано в 1945 г., после завершения второй мировой войны, и идея мира, звучащая в конце, была тогда злободневна, как, впрочем, и теперь.

Стр. 273. *Гренвилл-Баркер, Харли* (1877—1946) — английский актер, режиссер, театральный деятель и драматург, один из ближайших друзей Шоу. В начале 1910-х гг. Баркер поставил пьесы «Двенадцатая ночь», «Зимняя сказка» и «Сон в летнюю ночь», преследуя цель сохранить целостность и художественное своеобразие произведений Шекспира. Эти постановки стали большим театральным явлением. В 1927—1947 гг. Баркер опубликовал пять томов «Предисловий к Шекспиру».

Пэл, Уильям (1852—1934) — английский актер и режиссер, основатель «Общества елизаветинского театра» (1894). Борясь против оперности и декоративности, которые господствовали в шекспировских постановках тех лет, Пэл предпринял попытку реконструировать шекспировские спектакли в их первозданном виде. Пьесы ставились без писаных декораций и кулис, на выдвинутой в зал площадке, в костюмах той эпохи.

...«Короля Лира» со счастливым концом... — Имеется в виду сценическая

вариант шекспировской пьесы, созданный в 1681 г. придворным поэтом Н. Тейтом: в ней король Лир в финале возвращал себе престол и назначал правителями Англии Корделию и Эдгара, вступивших в счастливый брак. В Англии «Король Лир» до 1838 г. шел по тексту Тейта.

...сибберовского «Ричарда III»... — т. е. вольной переработки шекспировской хроники, сделанной в 1700 г. актером и драматургом Колли Сиббером, который включил в текст пьесы многочисленные куски из других исторических хроник Шекспира. В этом виде пьеса существовала в репертуаре театров до середины XIX в.

...«Ромео и Джульетту» с любовной сценой в склепе до того, как подействует яд... — Эта сцена впервые появилась в переделке драматурга Томаса Отвея (1652—1685). Его примеру последовали и поздние обработчики шекспировских пьес — Теофил Сиббер и Дэвид Гаррик, также «исправившие» Шекспира в этом эпизоде.

Ирвинг, Генри (1838—1899) — английский актер и режиссер. С 1878 по 1902 г. возглавлял лондонский театр «Лицеум», ставший в это время центром английской театральной жизни. Репертуар театра состоял в основном из шекспировских пьес (в которых Ирвинг играл главные роли), романтических мелодрам и инсценировок классических произведений. Во главу угла была поставлена зрелищность спектакля, повышенная эмоциональная напряженность и декоративная импозантность. Ирвинг считал, что «изображать явления низменные — это уничтожение искусства». Актер необычайного таланта и темперамента, «первый актер Лондона в течение 30 лет» (Шоу), Ирвинг, однако, достаточно вольно трактовал шекспировские образы, искажая мысль автора и заботясь прежде всего о сценической эффектности постановки.

Дейли, Огастин (1833—1899) — американский драматург и режиссер; старался приспособить Шекспира ко вкусам рядового американского зрителя.

Стр. 274. *...мнение, будто этот кусок с входящей в него сценой видения... был небрежно сметан руками нескольких авторов.* — Многие исследователи Шекспира считают, что видение в четвертой сцене пятого акта является вставкой, сделанной для придворного спектакля другим автором.

...Ирвинг в роли Якимо... — «Цимбелин» был поставлен в театре «Лицеум» в 1892 г. Об игре Ирвинга Шоу писал: «Его Якимо, роль, ему удавшаяся, был лучшим шекспировским Якимо и не имел с последним ни малейшего сходства».

...королю Джейми... — т. е. английскому королю Якову I (1566—1625) (англ. «Джеймс»).

Стр. 275. *Черрингтон, Чарлз* и *Эчерч, Джэнет* — английские актеры, осуществили в 1889 г. постановку пьесы Г. Ибсена «Кукольный дом» и стали пропагандистами его творчества в Англии.

«Привидения» — пьеса Г. Ибсена (1881).

Корнелий — врач в шекспировском «Цимбелине», который под видом отравы вручает королеве, замышляющей убийство мужа, безвредный состав, лишь на время лишающий человека чувств.

Мортон, Мэдисон (1811—1891) — английский драматург, автор фарсов и переделок французских пьес.

Крэг, Гордон (1872—1966) — английский режиссер, художник и реформатор театра, стремившийся к утверждению монументальных декоративных форм символического характера и к синтезу всех элементов сцены — слова, звука, цвета, пластики.

Стр. 276. *Марло, Кристофер* (1564—1593) — английский драматург, литературный предшественник Шекспира.

...августинский английский... — Язык английской литературы первых трех десятилетий XVIII в. (время правления королевы Анны и Георга I), когда творили Свифт, Поп, Аддисон, Стил и др. Этот период в истории английской литературы получил название августинского по аналогии с эпохой блестящего взлета древнеримской классической литературы (Гораций, Овидий, Вергилий), которым отмечено правление Августа (27 г. до н. э.— 14 г. н. э.).

«Мальчик-с-пальчик» — пародийная комедия Генри Филдинга «Трагедия трагедий, или Жизнь и смерть великого Мальчика-с-пальчик» (1731).

«Хрононхотонтологус» — фарс Генри Керри (1734), высмеивающий пьесы того времени.

«Неистовый Бомбастес» — бурлескная опера Уильяма Родса (1810), пародия на поэму Ариосто «Неистовый Роланд», которая в Англии неоднократно переводилась и была инсценирована.

Стр. 277. *...поучительный розыгрыш, как в случае с «Вортигерном» Айрленда...* — Айрленд, Уильям (1777—1835) — посредственный английский поэт, оставшийся в истории лишь как автор подделок рукописей Шекспира. Работая с архивом королевы Елизаветы, он изучил почерк Шекспира и, научившись воспроизводить его, написал две пьесы — «Вортигерн и Ровена» и «Генрих II», выдав их за шекспировские. Первая была поставлена Шериданом в 1796 г. Впоследствии Айрленд сам признался, что рукописи были подделкой.

Элгар — см. примеч. к с. 31.

Спонтини, Гаспаро (1774—1851) — итальянский композитор.

Диабелли, Антонио (1781—1858) — австрийский композитор и музыковед. Один из вальсов Диабелли был положен Бетховеном в основу его сочинения «Тридцать три вариации» (опус 120).

Толстой объявил исконного «Лира» выше шекспировского... — В статье «О Шекспире и о драме» (1904) Л. Толстой, прилагая свои эстетические критерии к творчеству английского драматурга, оценивает трагедию Шекспира, сравнивая ее с существовавшей ранее пьесой неизвестного автора на ту же тему. Последняя представляет собой дидактическую драму, лишенную глубокого социально-философского смысла. Но Толстой, основываясь главным образом на сопоставлении сюжетных линий, приходит к выводу, что она «более натуральна», выше по нравственному значению и «во всех отношениях лучше переделки Шекспира».

...Шекспир был не вправе перекладывать на новый лад «Гамлета»? — Сюжет о Гамлете известен с XIII в. и в театре эпохи Возрождения был достаточно популярен. По мнению исследователей, создавая трагедию, Шекспир взял за основу пьесу о Гамлете, написанную Томасом Кидом (1558—1594), родоначальником жанра трагедии мести.

Стр. 278. *Ли, Натаниэль* (1557?—1594) — английский драматург, автор мелодраматических трагедий на античные сюжеты, написанных напыщенным слогом и в соответствии с правилами классицизма. Ли считал себя учеником елизаветинцев и без стеснения включал в свои трагедии фразы, образы и мысли из шекспировских пьес.

Корнель, Тома (1625—1709) — посредственный французский драматург, младший брат знаменитого Пьера Корнеля.

Стр. 280. *Кассивелаун* — один из вождей древних бриттов, оказавший упорное сопротивление войскам Юлия Цезаря.

Стр. 281. *Я берегу тебя, платок кровавый...* и далее. – Весь монолог Постума взят Шоу у Шекспира; в «Цимбелине» им открывается пятый акт.

Стр. 282. *Стой, Якимо! Я – Постум.* – У Шекспира разговор Якимо с Постумом происходит лишь в последней сцене пятого акта, в шатре короля Цимбелина, где взятый в плен Якимо рассказывает, как он обманом добыл доказательства мнимой неверности Имогены, жены Постума. Но в самом начале этого акта у Шекспира есть ремарка: «...Входят, сражаясь, Якимо и Постум. Постум побеждает Якимо, обезоруживает и уходит, оставив его одного».

Леонат – прозвище Постума, означает «рожденный львом».

Стр. 287. *Молот Тора* – громовой молот, принадлежащий Тору, богу грома в скандинавской мифологии.

Фиделе – имя, под которым скрывалась Имогена, переодевшись в мужское платье.

Клотен – сын королевы от первого брака, за которого Цимбелин хотел выдать Имогену. Облачившись в одежду Постума, Клотен отправился на поиски Имогены, чтобы обесчестить ее и расправиться с ее мужем, но в пути был обезглавлен Гвидерием.

Стр. 287–289. *Его убил я... тебе, король, известна* / *Моя ученость.* – Текст Шекспира с небольшими купюрами.

Стр. 292. *...могучий Цезарь* / *Свою любовь с великим Цимбелином...* и далее до конца пьесы. – Текст Шекспира.

ЖЕНЕВА

Считается, что пьесу «Женева», свою последнюю «политическую экстраваганцу», Бернард Шоу писал с 1936 по 1938 г., но фактически работа продолжалась до 1946 г. Уже после того как вышли первые издания драмы и состоялись премьеры в Англии и в других странах, автор все еще трудился над текстом. Переработки носили весьма существенный характер: дописывались сцены, менялись идейные акценты и характеры, появился новый акт. В 1945 г. пьесе было предпослано предисловие. Сохранилось шесть вариантов пьесы. В вышедшей в 1965 г. книге под заглавием «„Женева" Шоу. Критическое исследование эволюции текста в связи с политическими взглядами Шоу и его драматургической практикой» ее автор Джерард Энтони Пилецки рассматривает все эти варианты, тщательно прослеживая причины, логику и необходимость изменений и уточнений, внесенных автором[1].

Несмотря на то что Бернард Шоу работал над «Женевой» долгие годы, пьесу трудно признать завершенной и совершенной как в художественном, так и в идейном отношении. Чрезвычайно сложной,

[1] См.: Pilecki J. A. Shaw's «Geneva». A critical study of the evolution of the text in relation to Shaw's political thought and dramatic practice. London – The Hague – Paris, 1965.

противоречивой и напряженной являлась историческая, социальная действительность Европы и всего мира в интервале с 1936 по 1945 г.; много событий, меняющих карту мира и умы человеческие, произошло за эти годы. Подчас не хватало времени освоить суть только что случившегося, установить связь между разрозненными явлениями. Как и ряд других произведений позднего периода, Шоу начал писать «Женеву» в 1936 г. во время кругосветного путешествия, когда еще не вспыхнул очаг фашистского мятежа в Испании. Затем последовал почти двухлетний перерыв в работе над «Женевой». Уже за этот период перемены в Европе были разительны. А все, происшедшее с 1938 г. по 1945 г.— вторая мировая война, разгул фашистского варварства, победа Советского Союза над фашистской Германией,— оказало решающее воздействие на сознание всей прогрессивно мыслящей интеллигенции Запада, в том числе на Бернарда Шоу. Задуманная как широкая панорама европейской политической действительности конца 30-х гг., «Женева» менялась вместе с изменяющимся временем, вбирая в себя новые политические идеи и акценты. При всем том обнаруживалось некоторое отставание от бурно развивающихся исторических событий, таящих в себе глубокий трагизм и вместе с тем заключающих неодолимую логику движения к победе антифашистских сил над фашизмом; вносимые переделки не могли полностью поправить это. Существует и известный разрыв между написанным в 1945 г. предисловием и самой пьесой. «Женеве» Шоу недостает ни идейной, ни художественной цельности. Она, хотел того автор или нет, мозаична и фрагментарна, к тому же чрезмерно многословна, даже для жанра интеллектуальных, дискуссионных драм. Это одно из немногих драматических произведений автора, в большей мере предназначенное для чтения, нежели для театра. Но тем не менее «Женева» занимает принципиально важное место в творчестве Шоу.

Самое ценное в последней «политической экстраваганце» Шоу — последовательно выраженный, непримиримый пафос обличения фашизма в целом и всех разновидностей европейских фашистских диктаторов, выведенных под именами Бомбардони, Батлера и Фланко. Догадаться, что за этими вымышленными диктаторами скрываются реальные зловещие фигуры Муссолини, Гитлера и Франко, нетрудно, аллюзия открыта, даже подчеркнута. Сцена международного суда над диктаторами принадлежит к числу наиболее ярких антифашистских страниц европейской литературы 30—40-х гг. По остроте и непримиримости обличения эта сцена может быть смело помещена рядом с такими произведениями, как «Диктатор» Чарли Чаплина или «Карьера Артуро Уи» Бертольта Брехта. Общее у Шоу, Брехта и Чаплина — тяготение к крайним формам сатиры, к броскому политическому гротеску, к плакату, карикатуре, способным передать резкость, непримиримость идейных позиций, объединивших художников. Уже в 1938 г. для Бернарда Шоу стало ясно, что фашистские главари неизбежно будут судимы и осуждены за преступления против человечества. В предисловии 1945 г. он дал еще более глубокий и развернутый анализ социальной, идейной сущности фашистских диктатур. Недолгие иллюзии английского драматурга относительно того, что политическая диктатура сильной личности в капиталистическом обществе имеет преимущества по сравнению с изжившей себя буржуазной демократией, развеялись как дым, равно как и некоторые его другие иллюзии.

В предисловии к «Женеве» Шоу подробно изложил историю становления фашизма в Германии, сопровождая факты меткими комментариями. Он заявил, что Гитлер вплоть до окончания второй ми-

ровой войны «оставался порождением и орудием плутократии. Но плутократия заключила невыгодную сделку. Не успела она объявить Гитлера лидером, как всеобщее идолопоклонство превратило его в пророка и героя и отдало ему в руки такую реальную личную власть, какой не мог похвастаться ни один коммерческий магнат. Он уничтожал своих политических соперников не только безнаказанно, но с полного одобрения парламента ⟨...⟩

Власть и поклонение вскружили голову: и «благодетель нации», который начал с того, что уничтожил безработицу, разорвал Версальский договор и возродил у шестидесяти миллионов своих соотечественников жажду самоутверждения, превратился в безумца, мессию, повелителя Избранной Расы, призванного путем военного порабощения всего человечества учредить на земле царство бога – немецкое царство немецкого бога. Лишь раззадоренный слабыми попытками утихомирить его, Гитлер напал на Россию, рассчитывая, что, в конце концов, весь капиталистический Запад поддержит его крестовый поход против Советского Коммунизма». Так не случилось, и «после двенадцати лет умерщвления людей он вынужден был убить себя самого и бросить своих сообщников, которых ожидала виселица».[1]

Международный суд в пьесе Шоу не смог справиться с диктаторами. Было бы отступлением от исторической правды, если бы автор попробовал показать это иначе. Обуздать, утихомирить агрессоров правители западных, так называемых демократических, государств не сумели, а по сути дела, даже и не пытались. Это прекрасно понимал Шоу-драматург, начиная писать «Женеву»; и еще очевиднее стали последствия попустительств фашистским диктаторам, когда он принялся за создание предисловия. В изображении картин международного суда Шоу хотел оставаться реалистом, трезвым и точным в анализе и оценке событий. Фантастику и утопию он позволил себе в другом – в построении финала, где надо было сделать невозможное: дать видимое разрешение неразрешимых для конца 30-х гг. исторических конфликтов. Для этого драматург-сатирик придумал опасность космической катастрофы, более чудовищной и неожиданной, чем войны: земля перешла на новую орбиту, человечеству грозит обледенение, жизнь на земле прекратится...

Вторая тема пьесы, вовсе не новая, но неизменно волновавшая автора, – беспощадная и всеобъемлющая критика всех граней, всех сторон буржуазной демократии конца 30-х гг. В сущности, нет ни одного драматического произведения позднего периода творчества Бернарда Шоу, где бы он так или иначе не затрагивал эту постоянную для него тему. Суд над фашистскими диктаторами в Гааге (здесь и по настоящее время располагается Международный суд) – это и наиболее яркое выражение антифашистского пафоса пьесы, и вместе с тем подтверждение исторической беспомощности буржуазной демократии перед лицом фашизма. Сродни королю Магнусу из «Тележки с яблоками» и отчасти королю Карлу II из «Золотых дней доброго короля Карла» такие отнюдь не коронованные персонажи «Женевы», как британский министр иностранных дел сэр Орфей Мидлендер и международный судья, которому, как персонажу отвлеченному, выражающему идею абстрактной справедливости, вовсе не дано имени. Общее у всех этих персонажей – интеллект, способность оценить данную историческую ситуацию и увидеть ее реальную перспективу. Общее – ирони-

[1] The complete prefaces of Bernard Shaw. London, 1965, p. 882.

ческое, в той или иной мере безотрадное, сознание ограниченности, даже ничтожности собственных возможностей как-то изменить ход событий. И все же дальнейшая эволюция излюбленных характеров в творчестве Шоу происходит, что и подтверждает «Женева». Драматург в равной мере остается верным себе и чутким к времени.

Можно ли считать международного судью положительным героем, как это делают некоторые зарубежные и отечественные критики?[1] Вопрос, по меньшей мере, полемический. Судье, выведенному Шоу, надлежит творить праведный суд. Он произносит немало верных фраз, выражает достаточное количество справедливых истин, свидетельствующих о правильном понимании сути преступлений фашистских диктаторов. В то же время он в такой же мере, что и остальные герои этой пьесы, и в значительно большей степени, чем персонажи ранних драм, являет собой зрелище «ходячей идеи в пиджаке», «обнаженного тезиса». Идея желанного возмездия фашистским диктаторам выглядит и благородной, и актуальной. Но Шоу-драматург остается верен своему неизменному правилу, обусловившему суть «новой драмы»: не выводить ни злодеев, ни ангелов, анализировать в первую очередь преступления общества перед человеком. Крах буржуазной демократии проявляет себя, в частности, в невероятном обилии международных организаций, призванных якобы влиять на судьбы народов и мира, но на деле бессильных чего-либо достигнуть.

Второй положительной фигурой «Женевы» критика часто называет советского комиссара Поского. Оснований для этого даже несколько больше, чем в случае с международным судьей. Симпатии Шоу к образу советского комиссара очевидны. Позиция автора, признающего социализм самым прогрессивным устройством жизни, неизменна. Он верит в опыт коммунистического строительства в нашей стране и не скрывает своей веры. Решительно полемизируя с тенденциозными попытками реакционных буржуазных критиков и теоретиков сблизить понятия коммунизм и фашизм, Бернард Шоу писал в письме к своему биографу и другу Хескету Пирсону: «Тот, кто допускает мысль о том, что коммунизм и фашизм — понятия взаимозаменяемые, ничего не смыслит ни в коммунизме, ни в фашизме». Далее он пояснял мысль не без крайностей, по обыкновению преувеличивая значение фабианства: «Сначала всем капиталистам был удобен принцип laisser-faire[2]: государство с предпринимательством не соприкасается; оно лишь исполняет функции полицейского посредника между трудом и капиталом. Фабианцы открыли всем глаза на то, какие сверхдоходные начинания можно реализовать, какой экономии достичь, если препятствующее этому частное предпринимательство подменить государственной помощью. Фабианцы пришли к убеждению, что промышленность должна перейти в собственность государства. Капиталисты ухватились за эту идею, сообразив, что они могут, не расставаясь с собственностью, использовать власть и средства, имеющиеся в распоряжении государства, и неслыханно разбогатеть. План они стали приводить в исполнение. Эта новая, государственно-капиталистическая политика и есть фашизм: социальное упорядочение — без социализма, общественная инициатива — без коммунизма. «Гамлет» — без самого Гамлета. Крупный англо-американский капитал — это фа-

---

[1] См., напр.: Гражданская З. Бернард Шоу после Октября, с. 183.

[2] Здесь: попустительства *(франц.)*.

шистский капитал. Поражение Германии и ее переход к фашизму англо-американского типа приведет к тому, что победоносные союзники втравят ее в новую мировую войну – против русского коммунизма. Это можно предотвратить только в одном случае: если лейбористы предпочтут войне с Россией гражданскую войну. Вот тогда-то и обнаружится, что фашизм и коммунизм ведут между собой ни много ни мало смертный бой».[1] Очень важное в своих исходных идейных посылках заявление, но и в достаточной мере противоречивое объяснение конкретных исторических ситуаций.

Не менее противоречив и выстроенный Шоу наподобие мозаики образ Поского. Он весь состоит из далеко не всегда убедительно и гармонично сочетающихся тезисов и идей. Комиссар Поский, посланец Москвы в Женеве и Гааге, решителен и определенен в суждениях, но подчас он и излишне прямолинеен, а главное, Шоу, отчасти под влиянием буржуазной пропаганды, наградил его и кое-какими собственными заблуждениями относительно положения в Советском Союзе, а также политики Советского правительства. Так, например, он навязывает Поскому неотступно преследующее его самого мнение, что «Коминтерн – официальная церковь в России» (см. примеч. к с. 311–312), хотя очевидно, что понятия церковь и религия трактуются Шоу по-своему и какое-либо увлечение мистицизмом было чуждо ему в 30–40-е гг. в той же мере, что и ранее.

И все же, при нарочитой парадоксальности отдельных суждений, политические, социальные наблюдения и предвидения Шоу в «Женеве» подчас поразительны. Почти все идеи труднейшего, драматически напряженного времени нашли то или иное отражение в пьесе. Диакониса символизирует увлечение новомодными религиозными течениями. Экстравагантная вдова-креолка воплощает доведенную до абсурда идею мести. Пьеса перенаселена персонажами, сосуществование которых кажется подчас неожиданным, неоправданным. Но сама историческая действительность, запечатленная Шоу, демонстрировала еще более неожиданные политические перипетии, непредвиденные и чрезвычайные по своей остроте социальные конфликты. «Я... стараюсь открыть моим читателям глаза на те политические факты, рядом с которыми они живут. Я не способен изменить их образ мыслей; но я могу расширить их познания. Ограниченное знание – рискованная вещь; но мы должны пойти на этот риск, ибо самые большие умы в состоянии вместить лишь нечто ограниченное, а гражданин, знающий, что Земля имеет форму шара и существует более шести тысяч лет, опасен менее своего соседа, одинаковых с ним способностей, который убежден, что наша планета представляет собой ровную площадку, расположенную между небом наверху и адом где-то внизу, в подвале», – писал Шоу в предисловии к «Женеве» в 1949 г.[2] На первый взгляд – расхождение с ранними воззрениями драматурга: прежде Шоу настаивал на том, что хочет изменить образ мыслей современников, теперь ограничивается тем, что только расширяет их знания. На самом деле существенных расхождений нет. Знания так или иначе должны привести к выработке новых взглядов у его читателей.

Во второй раз повторилась в творчестве Шоу сходная ситуация: он начал писать «Дом, где разбиваются сердца», когда еще не разда-

---

[1] Пирсон Х. Бернард Шоу, с. 390–391.

[2] The complete prefaces of Bernard Shaw, p. 880.

лось ни одного выстрела, а закончил произведение, подводя итоги первой мировой войны; он задумал «Женеву» в преддверии самых зловещих, самых трагических дней второй мировой войны, а дописывал последние варианты сцен, когда ее исход был уже очевиден всем. Предчувствия сменялись твердыми и ясными выводами; начатые как предостережение, драмы превращались в художественные эпилоги исторических событий, нашедших свое закономерное завершение.

«К настоящему времени, ни разу не пожертвовав приемом пищи или ночевкой в собственной постели, мне удалось пережить две мировые войны, которые, тем не менее, подошли ко мне достаточно близко, чтобы расколотить окна, взломать дверь, вывести из строя дедушкины часы и в течение девяти лет заставить меня постоянно отдавать себе отчет в том, что в следующий раз прямое попадание разнесет меня и моих домашних на клочки», — фиксировал Шоу в предисловии. «Становилось опасно говорить правду о чем бы то ни было, даже о погоде. Указатели на дорогах пришлось снять, чтобы они не облегчили пути врагу. Преступно было произнести речь по какому-либо случаю или отдать хлебные крошки птицам. Между тем сбросить бомбу весом десять тысяч фунтов на дома, где находились женщины и дети, или на переполненные поезда считалось актом героического патриотизма. Наши бомбежки европейских городов, расположенных не только в Германии, но и в других странах, «освободителями» которых мы себя провозгласили, стали настолько чудовищными, что в конце концов двум нашим лучшим дикторам, читавшим военные новости, было поручено оправдывать эти налеты тем, что, приближая конец войны, они спасали жизни тысячам британских солдат».[1] С гневом писал Шоу о фашистских концентрационных лагерях, о зверствах, чинимых над военнопленными и мирными людьми, заживо сжигаемыми в печах. Таковы были трагические последствия агрессивной «активности» фашистских диктаторов и полной слабости буржуазной демократии, допустившей развязывание второй мировой войны.

Первое представление пьесы состоялось 1 августа 1938 г. на Малвернском фестивале в исполнении труппы Роя Лимберта (режиссер — Г. К. Эйлиф, в роли сэра Орфея Мидлендера — Эрнест Тезигер, в роли международного судьи — Доналд Уолфит). В Лондоне спектакль «Женева» был показан в исполнении той же группы в театре «Сэвил» 22 ноября 1938 г. (впоследствии постановку перенесли на сцену театра «Сент Джеймсиз»; всего спектакль был сыгран 237 раз). В 1939—1940 гг. Морис Колбурн и Барри Джонс, осуществив новую постановку «Женевы», отправились со спектаклем на гастроли в Америку и Канаду.

Сценическая история «Женевы» не очень велика. Однако некоторые постановки стоит отметить. В частности, премьеру этой драмы в Варшаве 25 июля 1939 г., т. е. менее чем за полтора месяца до вторжения гитлеровских войск в Польшу. Естественно, что как только началась война, спектакль перестали играть.

Первое издание «Женевы» на английском языке вышло в 1939 г. с иллюстрациями художника Феликса Топольского. Были опубликованы и другие варианты пьесы. Стандартным считается издание 1946 г., когда уже было завершено предисловие, дописан новый третий акт, а прежний третий акт пьесы стал четвертым, заключительным. На

---

[1] The complete prefaces of Bernard Shaw, p. 872, 873.

русский язык «Женева» переведена впервые, в основу перевода взят текст стандартного издания с незначительными купюрами.

Стр. 295. *Международный комитет по интеллектуальному сотрудничеству.* – Создание в 1919 г. Лиги наций стимулировало появление на Западе большого количества самых разнообразных международных ассоциаций, союзов и комитетов. За 15 лет, с 1920 по 1935 г., было учреждено 423 такие организации. Естественно, многие из них оказывались недолговечными (треть их не просуществовала и двадцати лет) и малоэффективными. Что касается фигурирующего в «Женеве» Комитета по интеллектуальному сотрудничеству, то он действительно существовал, хотя Шоу намеренно, в соответствии с жанром пьесы, дает откровенно шаржированное его изображение. Отметив в самом начале бедность и недееспособность этого комитета, Шоу затем использует его «в своих целях», заставляя сыграть важную роль в сюжете «политической экстраваганцы».

Комитет (или Консультативная комиссия) по интеллектуальному сотрудничеству был образован в 1922 г. по решению Лиги наций на правах одного из ее постоянно действующих органов. В него входили 12 (впоследствии 15) видных ученых разных стран, но участие большинства из них было чисто номинальным. Членами Комитета состояли Альберт Эйнштейн, Мария Склодовская-Кюри, французский философ Анри Бергсон, нидерландский физик, создатель электронной теории Хендрик Лоренц, английский филолог Джилберт Муррей и др. Инициатор создания и первый председатель его Анри Бергсон выделил три основные задачи, стоящие перед Комитетом. Это оказание материальной помощи деятелям науки и культуры, испытавшим на себе последствия мировой войны, установление международных связей и контактов между представителями умственного труда разных профессий, научный обмен, обмен информацией и т. п. и, наконец, использование интеллектуальных сил разных стран и международного авторитета ученых для борьбы за укрепление мира. Были образованы три подкомиссии, в 1925 г. создана еще одна – по литературе и искусству, куда, в частности, входили Томас Манн и Карел Чапек. Во многих государствах создавались Национальные комитеты по интеллектуальному сотрудничеству (в пьесе они упоминаются как «филиалы в других странах»), которые должны были стать связующим звеном между Международным комитетом и научными и культурными учреждениями своих стран.

Однако деятельность Комитета сразу же натолкнулась на серьезное препятствие – недостаток средств. Когда после первого заседания Комитета на Совет Лиги были представлены программа действий и примерный бюджет организации, то последний был отклонен по той простой причине, что он превышал бюджет самой Лиги наций.

На помощь Комитету пришел министр образования Франции Франсуа-Альберт, предложивший открыть в Париже Международный институт по интеллектуальному сотрудничеству, который был бы исполнительным органом Комитета и проводил в жизнь его программу. Французское правительство предоставило ежегодную дотацию, выделило здание на улице Монпасье, и в январе 1926 г. такой институт был открыт (в пьесе о нем говорится как о «главном отделении в Париже»).

Институт управлялся административным советом, в состав которого входили члены Комитета, но он являлся автономной организацией и существовал на средства Франции и еще 19 стран, а также на пожер-

твования частных лиц. Возглавлял административный совет французский представитель в Комитете Лиги наций. С 1929 г. Институт начал издавать свой периодический орган – «Интеллектуальное сотрудничество». Он провел определенную работу в разных областях культурной жизни: были созданы Международное управление по делам музеев, Международная федерация библиотекарей и т. п., обсуждались и представлялись на рассмотрение Лиги наций вопросы образования, средств информации, архивного дела, научного обмена и т. д., составлялись рекомендации, обзоры и пр. Тем не менее до конца своего существования (1939) ему так и не удалось достигнуть того уровня организации и того масштаба, который бы соответствовал важности намеченных целей. В 1945 г. принципы и задачи Комитета и Института по интеллектуальному сотрудничеству были положены в основу созданной при ООН организации ЮНЕСКО.

С Комитетом по интеллектуальному сотрудничеству Бернард Шоу связывал сам факт появления пьесы. Шоу находился в дружеских отношениях с Д. Мурреем, который с 1928 по 1939 г. являлся председателем этого Комитета и пытался привлечь Шоу к работе в нем. В небольшой заметке, помещенной в театральной программе для первого представления пьесы в Лондоне в 1938 г., Шоу писал: «...многие ли слышали о Комитете по интеллектуальному сотрудничеству? Критики, чего доброго, примут его за плод моей изощренной фантазии. Ничего подобного. Такой Комитет был основан в Париже вскоре после появления Лиги наций одним французом, который понимал, что без интеллектуального сотрудничества Лига превратится в простую дипломатическую говорильню. (Речь идет об Анри Бергсоне, считавшем, что Комитет должен «дать Лиге душу». – *Г. Ш.*). Все были в восторге; самые влиятельные умы изъявили согласие украсить его своими именами, а тот француз дал миллион франков на его устройство. Но поскольку курс французского франка упал до двух пенсов, Комитет с трудом дотянул до конца месяца. Все же он выжил в виде небольшой конторы (в своей пьесе я поместил ее в Женеву), где делалась и делается кое-какая канцелярская работа по составлению перечня университетов, научных обществ и тому подобное, интеллектуальную же деятельность поразил глубокий столбняк ⟨...⟩

Как-то раз Комитет неожиданно заявил о своем существовании в лице Дж. Муррея и попросил меня принять заочное участие в работе Лиги, вступив с ней в переписку. Я был совершенно ошарашен: о чем, скажите на милость, я должен писать? (Имеется в виду одна из форм работы Комитета – публикация открытых писем видных деятелей науки и культуры. – *Г. Ш.*) Дж. Муррей обладает большим чувством юмора и верит в телепатию. Он даже занимается ею. Поэтому и случилось, что я почувствовал, как во мне зреет мысль позабавиться, вытащив на сцену этот Комитет.

Вот так и началась пьеса».

Стр. 296. *Международное бюро труда* – постоянно действующий секретариат Международной организации труда (МОТ), созданной на правах автономной организации под эгидой Лиги наций в 1919 г. Деятельность МОТ заключалась в сборе и обработке информации о положении рабочих, разработке рекомендаций по вопросам заработной платы, регламентации рабочего времени, социального страхования и т. п., а также в проведении международных симпозиумов, создании экспертных комиссий, публикации периодических обзоров и пр. На ежегодные конференции МОТ каждая страна посылала четырех деле-

гатов: два представляли правительство, один – предпринимателей и один – рабочих. В 1925 г. для Международного бюро труда было выстроено величественное здание на Авеню де ла Пэ, ставшее одной из достопримечательностей Женевы.

...новые помещения Секретариата... – В 1937 г. Секретариат Лиги наций переехал в новое здание Дворца нации в парке Ариана на правом берегу реки Рона; в убранстве интерьера были использованы материалы, привезенные из разных стран мира. В настоящее время здесь размещается Европейское бюро Организации Объединенных Наций.

...сотрудничество шестидесяти наций... – В 1937 г., когда писалась пьеса, в Лигу наций входило 58 государств.

Стр. 298. *Хетты* – народ, населявший в III – II тысячелетиях до н. э. центральную и восточную часть Малой Азии; в Ветхом завете упоминается как древнейшее население Сирии и Палестины.

Кэмберуэлл, Пекем – расположенные по соседству густонаселенные жилые районы в южной части Лондона.

Стр. 299. *Постоянная палата международного правосудия.* – Учреждена Лигой наций в 1920 г. Палата международного правосудия, именуемая также Международным судом, должна была рассматривать правовые споры между государствами и давать консультативные заключения по правовым вопросам. За время своего существования суд вынес 23 решения и дал 27 консультативных заключений. Суд состоял из 11 (с 1936 г. – 15) судей из разных стран, избираемых Генеральной Ассамблеей Лиги наций. Согласно статье 34 его устава, сторонами в спорах, рассматриваемых судом, могут быть только государства, а не частные лица. Вопрос о предоставлении частным лицам права обращаться в Международный суд вызвал в свое время горячие споры в Юридической комиссии, созданной в 1920 г. для выработки устава суда, однако было решено, что частное лицо подлежит юрисдикции своего государства и потому не может подать на него в суд. Обсуждая вопрос о том, может ли государство быть вызвано в Международный суд, если оно не изъявляет желания пользоваться его услугами, Юридическая комиссия пришла к заключению, что такое положение должно быть включено в устав. Но Совет и Ассамблея Лиги наций, которые должны были утверждать его, отказались провести этот пункт, и потому, согласно статье 36, ни одно государство не может предстать перед судом без своего на то согласия.

Решение Международного суда не имело обязательной силы: стороны могли отказаться выполнять его, что, безусловно, сказывалось на авторитете суда и действенности его санкций. За период деятельности суда лишь 29 государств добровольно приняли на себя обязательства – в разной форме и на разный срок – подчиняться его решениям.

Суд прекратил свое существование вместе с Лигой наций в 1939 г. В 1945-м он был возрожден с небольшими изменениями устава в виде Международного суда ООН. Местопребыванием его осталась Гаага.

Стр. 300. *Но верх взял какой-то выскочка, который именует себя «деловым демократом». Он собрал большинство голосов, переплюнул национальную партию и лейбористов, и ему досталось формировать правительство.* – В этом рассказе явственно просматривается история прихода к власти Муссолини, хотя Шоу в своей «политической экстравагантце» не ставил себе целью строго придерживаться исторических фактов и быть документально точным. «Деловой демократ» Муссолини дей-

ствительно строил пропаганду на обличении «слабого и безвольного» либерального государства и призывал к борьбе со «старыми одряхлевшими политическими партиями, которые погрязли во взаимной борьбе и завели нацию в тупик». На выборах 1924 г. фашисты получили больше голосов, чем три рабочие партии (у Шоу — «лейбористы») и Народная партия («националисты»). Но Муссолини возглавил правительство не в результате этого голосования, а двумя годами раньше, в 1922 г., что и дало ему возможность обеспечить победу на выборах.

Стр. 301. *Он заявил, что... никакой оппозиции он не потерпит.* — В 1926 г. Муссолини издал закон о роспуске всех «антинациональных» партий, чем формально был завершен переход к фашистской диктатуре.

...«чистые рубашки»... — намек на итальянских чернорубашечников. *«И с места они не сойдут»...* — строка из стихотворения Р. Киплинга «Баллада о Востоке и Западе».

Стр. 302. *...в использовании вооруженных сил против коронованных особ...* — В самом начале 20-х гг. итальянскими фашистами были созданы по всей стране вооруженные отряды. В октябре 1922 г., когда Муссолини объявил всеобщую мобилизацию фашистов, численность их достигала 50 тысяч. Эта армия 27 октября двинулась со всех концов Италии в знаменитый «поход на Рим». Король Италии Виктор-Эммануил отказался подписать декрет о введении осадного положения в Риме, фашисты не встретили никакого сопротивления, и прибывший в столицу Муссолини после беседы с королем был объявлен премьер-министром нового, пока еще коалиционного, правительства.

Стр. 308. *Суд обязан запретить красным насаждать свои чудовищные взгляды в Англии.* — Вопрос о мнимом советском вмешательстве во внутренние дела Англии имеет свою историю. На протяжении 20 лет (20—30-е гг.) так называемая «борьба с коммунистической пропагандой» использовалась английским правительством для оправдания своего антисоветского курса и для наступления на права английских трудящихся. Антисоветская кампания особенно усилилась после установления в 1924 г. дипломатических отношений между СССР и Англией.

В разгар предвыборной борьбы консерваторы опубликовали в газете «Дейли Мейл» сообщение о якобы существующем в Англии «коммунистическом заговоре», подтверждением чему должно было служить некое «письмо Коминтерна» (1924) — фальшивка, сфабрикованная английским МИДом (что впоследствии откровенно признал премьер-министр Макдональд). Победив на выборах, консерваторы начали проводить резко враждебную политику по отношению к СССР. На улицах Лондона и других городов расклеивались листовки и воззвания с призывом об «изгнании красных» из Англии. Консервативная фракция парламента создала «комитет бдительности», ставивший своей целью слежку за советскими работниками в Англии.

В 1927 г. было проведено провокационное нападение на советское торгпредство в Лондоне. Тогда же советскому правительству была направлена «нота предупреждения», так называемая «нота Керзона», в которой выдвигалось голословное обвинение в антибританской пропаганде, причем деятельность Советского правительства отождествлялась с деятельностью Коминтерна. Вскоре был организован налет на англо-советское акционерное общество АРКОС с целью добыть доку-

менты, которые доказывали бы вмешательство Советского Союза во внутренние дела Англии. Несмотря на то что эта акция провалилась, консервативное правительство Болдуина в обстановке антисоветского ажиотажа 23 мая 1927 г. приняло решение о разрыве дипломатических отношений с СССР.
Через год, в 1929 г., дипломатические отношения были восстановлены пришедшими к власти лейбористами, при этом правительства обменялись нотами о невмешательстве во внутренние дела, в которых было подтверждено взаимное обязательство об отказе от пропаганды. Тем не менее нападки на Советский Союз, попытки напугать английского обывателя призраком «красного заговора» продолжались и в 30-е гг., в особенности когда разразился экономический кризис и когда в Англию стали поступать известия об успешном выполнении первых пятилеток.

Стр. 309. *Россия — член Лиги наций.* — Советский Союз вошел в Лигу наций в 1934 г.

Стр. 311. *«Тридцать девять статей»* — символ веры англиканской церкви, содержащий изложение основных ее догматов. Утвержден в 1571 г. при королеве Елизавете.
...один, восемнадцатый, гласит, что все русские будут прокляты во веки веков. — В этом пункте трактуется понятие «предопределение», согласно которому не верящие в бога не могут рассчитывать на спасение после смерти.

Стр. 311—312. *Товарищ епископ, Коминтерн — официальная церковь в России.* — Здесь Шоу, всегда склонный к полемическому заострению своей мысли, приписывает комиссару Поскому свое неоднократно высказываемое и явно ошибочное суждение, будто марксистская идеология является в СССР своеобразной религией, наподобие англиканской религии в Англии.

Стр. 313. *Секретарь — человек, растерявший на своем посту все иллюзии и вооружившийся терпеливым упорством...* — В образе Секретаря нашли отражение некоторые черты английского дипломата Эрика Драммона (1876—1951), генерального секретаря Лиги наций с 1919 по 1933 г., о взглядах и деятельности которого Шоу отзывался с большой симпатией.

Стр. 314. *Джек Паламидис.* — Победитель танцевального конкурса назван в пьесе именем древнегреческого мифологического героя, который считался изобретателем многих забавных игр. Английское выражение «он настоящий Паламидис» означает «он остроумный и изобретательный человек».
Германия вышла из Лиги наций. — Это произошло в октябре 1933 г., когда Лига наций заняла отрицательную позицию в отношении довооружения Германии (по Версальскому договору она могла иметь лишь 100-тысячную армию и ей запрещалось создавать свой подводный флот, военную авиацию и тяжелую артиллерию). Германия хотела беспрепятственно наращивать свой военно-экономический потенциал. Лига оказалась бессильной бороться против угрозы новой войны. В этой ситуации в 1934 г. по приглашению 30 государств в нее вступил Советский Союз, который представил конструктивный план усиления роли Лиги наций и обеспечения международной безопасности.
...сестре короля Георга... — Имеется в виду одна из трех сестер — Луиза, Виктория или Мод — Георга V (1865—1936), короля Англии с 1910 по 1936 г.

Стр. 318. *Сэр Орфей Мидлендер.* — Прототипом выведенного в «Женеве» британского министра иностранных дел послужил занимавший этот пост в правительстве консерваторов в 1924—1929 гг. сэр Остин Чемберлен, деятельность которого была направлена прежде всего на утверждение руководящей роли Великобритании в Европе. В статье «Лига наций» Шоу дал ему уничижительную характеристику.

Стр. 319. *По сравнению с нынешним кризисом абиссинская война была сплошными каникулами.* — В октябре 1935 г. Ассамблея Лиги наций вынесла решение о применении экономических и финансовых санкций против Италии, напавшей на Абиссинию (Эфиопию). Однако из-за позиции западных держав самая важная статья итальянского импорта, необходимая для ведения войны, — нефть — не была внесена в список предметов, запрещенных для ввоза в Италию. Это облегчило и ускорило захват Абиссинии. В июле 1936 г. решение о санкциях было по настоянию Великобритании и Франции вообще отменено. Неэффективность деятельности Лиги наций в решении этой проблемы значительно подорвала ее и без того невысокий престиж.

Стр. 320. *Большинство членов Лиги подписали Устав, не читая, только для того, чтобы доставить удовольствие президенту Вильсону, а Соединенные Штаты, тоже не читая, отказались подписать — только для того, чтобы доставить ему неудовольствие.* — Официальное предложение создать Лигу наций было выдвинуто американским президентом Томасом Вудро Вильсоном. Он включил его в свои «Четырнадцать пунктов» об условиях мира, изложенных в послании к конгрессу в конце первой мировой войны 8 января 1918 г. В буржуазной Европе Вильсон пользовался репутацией миротворца, и сам он, по ироническому замечанию Дэвида Ллойд Джорджа, «смотрел на себя, как на миссионера, призванием которого было спасение бедных европейских язычников». В январе 1919 г. на Парижской мирной конференции была создана специальная комиссия для выработки Устава Лиги наций; за основу приняли объединенный англо-американский проект. В апреле 1919 г. Устав был единогласно утвержден и включен, по настоянию Вильсона, в качестве составной части в Версальский мирный договор, подписанный в июне 1919 г.

Что касается самих Соединенных Штатов, то там сторонники изоляционистской политики выступили против учреждения Лиги наций, не желая связывать себя участием в организации, где преобладало влияние Англии и Франции. В результате этого договор, а следовательно, и Устав Лиги, не был ратифицирован сенатом, где имелась сильная оппозиция Вильсону, и США не вошли в число ее членов.

Говоря о том, что «большинство членов Лиги подписало устав, не читая», Шоу, вероятно, имеет в виду процедуру его утверждения. На пленарном заседании Парижской конференции 28 апреля 1919 г. Вильсон доложил окончательный проект Устава, и началось его обсуждение. «Вдруг Клемансо (французский премьер-министр, председательствовавший на этом заседании. — *Г. Ш.*) оборвал прения: он заявил, что предложение президента США ввиду отсутствия возражений принимается единогласно. Клемансо говорил по-французски, говорил быстро, переводчики молчали. Большинство присутствующих его не поняло, а многие и не расслышали. Только после того как Клемансо перешел к следующему пункту повестки дня, конференция с недоумением узнала, что «приняла единогласно» Устав Лиги наций» (История дипломатии. М., 1965, с. 154).

Стр. 322. *...вспомните Наполеона и герцога Энгьенского.* — Герой Шоу

приводит в пример историю похищения по приказу Наполеона французского принца и беззаконную расправу над ним. В 1789 г., когда во Франции вспыхнула революция, герцог Энгьенский эмигрировал и сражался в контрреволюционной армии своего деда, принца Конде. В 1801 г. он оставил военную службу и поселился в Германии, в маленьком городке недалеко от французской границы. Здесь в 1804 г. он был схвачен и доставлен во Францию, где предстал перед военным трибуналом по обвинению в заговоре против Наполеона. Несмотря на отсутствие доказательств, был признан виновным и расстрелян. Похищение и казнь герцога Энгьенского вызвали негодование во всей Европе.

Стр. 328. *Альберт-холл* — один из крупнейших концертных залов в Лондоне.

Стр. 330. *В статье двадцать шестой специально оговорены возможности пересмотра всех договоров...* — Версальская система, закрепившая новое соотношение сил после первой мировой войны, представляла собой систему международных соглашений, оформленную в мирном договоре с Германией и в договорах с ее союзниками. Версальская система оказалась крайне непрочной и неустойчивой. Это, в частности, нашло отражение в Уставе Лиги наций, последняя, двадцать шестая, статья которого предусматривала возможность внесения изменений и поправок.

Лаймхауз — портовый район Лондона на северном берегу Темзы.

Стр. 339. *«Неряшливый и некрасивый труп».* — Шекспир, «Генрих IV» (ч. 1; акт I, сц. 3).

Стр. 341. *«Не можем думать о тебе без содроганья...»* — строки из стихотворения «Долорес» английского поэта и драматурга Алджерона Чарльза Суинберна (1837—1909).

Кетцалкоатль — одно из главных божеств в древней Мексике. В переводе означает «змея, покрытая зелеными перьями».

Стр. 344. *Даунинг-стрит* — см. примеч. к с. 169.

Раскин, Джон (1819—1900) — английский писатель, искусствовед, историк и общественный деятель. Выступал с романтической критикой капиталистического общества и машинной цивилизации, возлагая надежды на эстетическое и нравственное совершенствование человека, на возрождение творческого характера труда, главным образом в его средневековых формах. Организовал в Оксфорде художественно-промышленные мастерские на цеховой основе. Автор «Писем к рабочим и труженикам Великобритании», «Политической экономии искусства» и других книг. Как теоретик искусства и художественный критик оказал сильное воздействие на формирование эстетических взглядов современников и на развитие всей английской культуры.

Стр. 352. *Мир движется к интернационализму. ⟨...⟩ Когда империи соединятся в Федерацию, их правители будут властвовать над миром, а среди них один будет главным — самый гениальный правитель.* — Шоу заставляет Бомбардони излагать основные положения «Доктрины фашизма» — статьи, написанной Муссолини для итальянской Энциклопедии и ставшей официальным идеологическим документом этого движения. Стремление к внешней экспансии провозглашалось основной характеристикой нового государства.

Стр. 353. *...его место в рядах бессловесной рабочей силы, которая должна слепо покоряться.* — Идея сильной личности, которая призвана

управлять безликой и покорной толпой, открыто провозглашалась Муссолини.

Стр. 356. *Я разорвал ваш мирный договор и швырнул клочки вам в лицо. Что вы сделали? Ничего.* – После заключения Версальского договора Германия всячески уклонялась от выполнения его решений касательно репараций и ограничения своего военного потенциала. Через два года после прихода Гитлера к власти, в марте 1935 г., был опубликован декрет о введении всеобщей воинской повинности. Это явилось открытым и окончательным нарушением условий Версальского мирного договора. Правительства Англии и Франции заявили протест, но Гитлер попросту отклонил его. В апреле 1935 г. Лига наций приняла резолюцию, осуждающую действия Германии, в ответ на что Гитлер заявил, что не признает право государств – членов Лиги выступать судьями Германии и решительно отвергает их требования.

Я прочел ваш последний Локарнский договор и отправил восемнадцать тысяч солдат нарушать его. – Не встречая противодействия со стороны сильнейших держав Западной Европы, Гитлер пошел на нарушение и Локарнских соглашений. Они представляли собой ряд международных договоров, заключенных в 1924 г. в швейцарском городке Локарно между Германией, Бельгией, Францией, Великобританией и Италией, главным из которых являлся гарантийный пакт о неприкосновенности границ между этими странами. В случае нарушения его одной из сторон участники пакта обязывались немедленно предоставить свою помощь стране, подвергшейся нападению. Соглашения также предусматривали наличие неукрепленной и демилитаризованной зоны в долине Рейна, вдоль западных границ Германии. В марте 1936 г. германское правительство опубликовало меморандум об отказе от Локарнских соглашений и ввело войска в Рейнскую зону. Как потом стало известно, армия имела приказ немедленно отступить в случае появления французских войск, но правительство Франции не решилось что-либо предпринять. Лига наций вновь ограничилась, по существу, констатацией факта, и Германия осталась безнаказанной.

Я пересек границы и удвоил свою территорию и мощь моего государства, несмотря на ваши угрозы. И что вы сделали? Ровным счетом ничего. – Следующий шаг, о котором упоминает Батлер, был совершен в марте 1938 г., когда 250-тысячная гитлеровская армия вторглась в Австрию и оккупировала ее. Эта акция осуществлялась под предлогом «объединения всего немецкого народа». Австрия была объявлена «германским государством» и законодательным актом включена в состав Германской империи. Министр внутренних дел Германии отказался принять протест Англии и Франции, заявив, что взаимоотношения Германии и Австрии представляют внутреннее дело немецкого народа.

Но хватка правителя у него есть; к тому же его вдохновляет мой пример. – Муссолини действительно считал себя более значительной фигурой, чем Гитлер. Так, в марте 1938 г., выступая в палате депутатов по случаю присвоения ему звания маршала империи, он заявил: «В будущей войне будет только один руководитель – им станет тот, кто сейчас обращается к вам».

Стр. 360. *Кикерон – это же оскорбление моей старой школе. Я настаиваю на «Цицероне».* – Под старой школой понимается традиционно принятое в преподавании латыни средневековое произношение, где латинская буква «с» перед е, у, ое, ае произносится как «ц» или «с» (в

Англии). В новое время было реконструировано античное произношение периода классической латыни, в котором букве «с» во всех позициях соответствовал звук «к». Такое чтение не получило повсеместного распространения (у нас его придерживается ленинградская школа) и в то время воспринималось как новшество.

Стр. 363. *...вы радовались, когда раны избавили вас от окопов и привели в госпиталь.* — Во время первой мировой войны Муссолини был призван в армию и в феврале 1917 г. на учебных занятиях получил ранение осколком гранаты. Несколько месяцев он провел в госпитале, но после полного выздоровления не вернулся на фронт, а предпочел демобилизоваться.

Стр. 364. *...а вы сами принимаете какие-нибудь меры предосторожности против покушения на вашу жизнь?* — На Муссолини покушались неоднократно; после четвертого покушения, в 1926 г., в Италии было объявлено о введении смертной казни для посягающих на жизнь главы правительства.

Стр. 365. *...охотников на лисиц.* — Охота на лисиц получила в Англии широкое распространение в первой половине XIX в. и с этих пор стала одним из излюбленных и престижных развлечений состоятельных англичан.

Я не пускаю к себе евреев так же, как англичане не пускают китайцев в Австралию, а американцы — японцев в Калифорнию. — В США и в доминионах Англии, каковым являлась Австралия, существовали иммиграционные ограничения для японцев и китайцев.

Стр. 366. *Англия предпочла ввергнуть в войну всю Европу, только бы не пустить немецких солдат маршировать по Бельгии.* — Батлер напоминает об истории, связанной со вступлением Англии в войну 1914—1918 гг., что сыграло решающую роль в превращении этой войны в мировую. Но в данном случае герой Шоу несколько утрирует истинное положение дел. Действительно, поводом для войны с Германией послужило невыполнение ею английского ультиматума, требующего не нарушать границ нейтральной Бельгии. Однако к тому времени начало военному конфликту уже было положено: Германия находилась в состоянии войны с Россией и Францией, и вторжение на территорию Бельгии, расположенной, как известно, между Германией и Францией, немецкое командование в соответствии с разработанным им «планом Шлиффена» считало в то время абсолютно неизбежным.

Из-за него мне пришлось издать запреты против евреев... — Вкладывая в уста Бомбардони эту фразу, Шоу имел в виду тот факт, что расистскую идеологию и антисемитское законодательство итальянский фашизм целиком позаимствовал у гитлеровцев. Манифест, официально определявший «отношение фашизма к проблеме расы», появился в Италии лишь в 1938 г. В нем было объявлено, что итальянцы «в своем большинстве» относятся к арийской расе и что существует «чистая итальянская раса», которую следует всячески оберегать. Согласно новым законам, евреям запрещалось преподавать в школах и служить в государственных учреждениях, запрещались браки итальянцев с евреями и т. п.

Стр. 367. *Где это видано, чтоб представители северных рас ждали советов от каких-то латино-романских жителей юга?* — «Прототипом» этой фразы можно считать многие высказывания Гитлера 1934 г.

Стр. 370. *Диакониса* — член одной из многочисленных женских протестантских организаций, осуществляющих миссионерскую и благотворительную деятельность, главным образом в тюрьмах, больницах и среди бедняков.

Стр. 371. *«Заповедь новую даю вам, да любите друг друга».* — Евангелие от Иоанна (XIII, 34).

Стр. 373. *Бог уже обратил свой взор ко мне...* — В этом мнении Муссолини утвердил сам папа Пий XI, назвавший его «человеком, посланным нам Провидением».

...я поднял руку и вытащил мой народ из грязи, куда ты и твои союзники его втаптывали. — В первой мировой войне, закончившейся унизительным для Германии Версальским миром, Италия выступила на стороне Антанты.

Стр. 374. *Нагорная проповедь* — проповедь «на горе» Иисуса Христа в Евангелии от Матфея (V—VII), где изложены главные моральные догмы христианства.

Стр. 375. *...о генерале Франко де Фортинбрасе, его обвиняют в том, что он уничтожил тысячи своих сограждан...* — Имеется в виду развязанная генералом Франко гражданская война, в которой погибло более миллиона человек.

Стр. 376. *А также ваше оружие и ваши солдаты.* — Фашистская Италия с 1936 по 1939 г. ввела в Испанию 150 тысяч солдат и офицеров и направила большое количество военной техники. Военную помощь Франко оказали также Германия и Португалия; всего было послано 300 тысяч человек (тогда как в республиканских войсках воевали лишь 35 тысяч антифашистов из других стран). Итало-германская интервенция решающим образом повлияла на исход войны (так как в августе 1936 г., в самом начале ее, мятеж был уже почти подавлен) и привела к установлению в Испании фашистской диктатуры.

Британская империя сохраняет полнейший нейтралитет. Для нас генерал Франко — одна из воюющих сторон. — Позиция «невмешательства» в испанские дела, которую занимала Англия вместе с другими западными державами, фактически приводила к экономической блокаде республиканской Испании: она лишалась возможности закупать оружие и боеприпасы за границей, в то время как для фашистских государств и франкистов рынки европейских стран были открыты, и они не только продавали им вооружение, продовольствие, медикаменты и другие товары, но и предоставляли займы и даже посылали свои войска.

Стр. 377. *Вы называете врагом вашей страны ее демократическое правительство?* — В феврале 1936 г. в Испании большинство голосов на выборах в кортесы получили партии, объединившиеся в антифашистский Народный фронт. При поддержке социалистов и коммунистов было сформировано левореспубликанское правительство, против которого в июле 1936 г. Франко и поднял свой мятеж.

Стр. 383. *К сожалению, должен объявить чрезвычайно важную новость. Войска мистера Батлера вторглись в Руританию.* — С этой фразы и до ремарки «Снова звонит телефон» идет текст, который был написан и вставлен в пьесу в конце 1939 г., после того, как Гитлер 1 сентября вторгся в Польшу, а 3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии.

Эрнест, ты начал войну, не посоветовавшись со мной. — Муссолини знал о военных приготовлениях Гитлера. 25 августа 1939 г., за неделю до вторжения в Польшу, Гитлер направил в Рим послание, в котором давал понять, что нападение на Польшу последует в ближайшее время, и просил «понимания с итальянской стороны». В ответном письме Муссолини сообщал, что Италия не готова к войне и сможет выступить при условии, если ей будет предоставлена существенная техническая и военная помощь. (По качеству вооружения в 1939 г. Италия продолжала оставаться на уровне с Абиссинией.) 1 сентября, в день начала войны, Италия поспешила объявить о своем нейтралитете. Она вступила в войну лишь в июне 1940 г., когда гитлеровские войска уже подходили к Парижу.

Год назад, когда ты вел переговоры с родственником... сэра Орфея... — В сентябре 1937 г. Гитлер дважды встречался с премьер-министром Англии Невилем Чемберленом, сводным братом Остина Чемберлена, прототипа сэра Орфея.

Бардо, неужели ты предашь меня? Вспомни ось! Неужели ты посмеешь сломать ее? — В октябре 1936 г. между Германией и Италией было подписано соглашение о создании «оси Берлин — Рим», где подчеркивалось намерение двух правительств осуществлять согласованную политику в Европе.

Стр. 384. *Во всяком случае, батлеризму каюк.* — За этой репликой следует заключительная сцена, которой сам Шоу не был удовлетворен и которую он считал возможным опустить (без нее пьеса ставилась в США, она исключена во французском переводе «Женевы» в Полном собрании пьес Шоу). Взамен нее Шоу предложил, напечатав на листе корректуры своей вставки о Руритании, другой вариант окончания, в котором за приведенной фразой шла завершающая реплика Судьи: «Это каюк и всем вашим измам, а также, боюсь, и многим из вас, вместе с вашими женами и детьми. Что ж, идите и убивайте друг друга, пока не поймете, как вы глупы и порочны. А когда это случится, вы вернетесь сюда, чтобы отдать себя в руки божественного правосудия. А до тех пор суд прерывает свою работу».

Стр. 386. *...словно часовой в Помпее.* — При раскопках Помпеи были обнаружены останки часового, не покинувшего свой пост во время извержения Везувия.

«В ЗОЛОТЫЕ ДНИ ДОБРОГО КОРОЛЯ КАРЛА»

«Урок истории в трех сценах», как назвал Бернард Шоу свою пьесу «В золотые дни доброго короля Карла», была написана в 1939 г. Первое представление состоялось на Малвернском фестивале 12 августа 1939 г. В Лондоне пьеса увидела свет рампы в 1940 г.— сначала в исполнении группы Роя Лимберта в театре «Стритхэм» (15 апреля), затем в театре «Нью» (9 мая). Среди исполнителей следует назвать Эрнеста Тезигера (Карл II) и Ирен Ванбру (королева Екатерина Браганцская). Режиссером малвернской и первой лондонской постановок был Х. К. Эйлиф. Из дальнейших возобновлений пьесы на лондонских сценах стоит отметить постановку труппы Роя Лимберта в 1948 г. Тот же спектакль, поставленный Мэтью Форсайтом, был повторен в Малверне в 1949 г., на первом послевоенном и одновременно последнем фестивале пьес Шоу в Англии.

На русском языке пьеса была опубликована впервые в 1941 г. в журнале «Интернациональная литература», № 1 (перевод Б. Л.).

«В золотые дни доброго короля Карла» заключает цикл исторических драм в творчестве Шоу и занимает в этом цикле весьма своеобразное место. Примечательно и место пьесы в поздней драматургии Бернарда Шоу. Несомненно, что это одно из лучших произведений последнего периода. Автор еще раз обратился к истории в момент, когда вторая мировая война, все более становясь явью, захватывала новые страны и регионы. Впереди были едва ли не самые жестокие, трагические годы XX в. Что побудило Шоу еще раз сосредоточить внимание читателей и зрителей на исторических персонажах, выбрав на этот раз героев из истории Англии конца XVII в.? Скорее всего, те же причины, что заставили почти одновременно обратиться к историческому жанру виднейших немецких писателей-антифашистов Л. Фейхтвангера и Г. Манна,— потребность, пользуясь приемом отчуждения, бросить вызов фашизму, отстаивать гуманистические идеалы в противовес варварству и бесчеловечности, защитить разум от дикого разгула инстинктов. И не потому ли Шоу взял в качестве одной из центральных фигур пьесы великого ученого Исаака Ньютона, что все современное ему прогрессивное человечество было глубоко возмущено фактом изгнания из фашистской Германии гения нового времени Альберта Эйнштейна? И уж, конечно, неспроста он противопоставил образ Карла II, дни правления которого никогда не считались «золотыми», но не принадлежали и к кровавым, образу его брата Якова II, весьма расположенного к крови и убийствам.

Хескет Пирсон следующим образом характеризует место «Короля Карла» в поздней драматургии Шоу: «Ни одна из пьес 30-х годов, за исключением «Доброго короля Карла», не выдерживает сравнения с его лучшими произведениями. Нарастающий в мире хаос завладел, кажется, и творчеством Шоу. История, впрочем, помогала ему справляться с хаосом, и его Карл II стал созданием не менее интересным, чем Святая Иоанна. Он рассказывал, что сперва задумал пьесу о Джордже Фоксе, чтобы вернуться в ней к теме религии. Потом вдруг вспомнил об Исааке Ньютоне — потрясающем типе с потрясающей памятью; рекорд, поставленный его памятью,— хронология все-

ленной – обернулся абсурдом, когда Ньютон с точностью вычислил начало мира: 4004 год до рождества Христова. Далее Шоу захотелось поразмыслить над судьбой Карла II, умнейшего правителя. Кончилось дело тем, что в пьесу угодили все трое – Фокс, Ньютон и Карл – да еще парочка королевских фавориток «для ослабления интеллектуального напряжения». Результат получился презабавнейший».[1] Пирсон сближает последнюю историческую драму Шоу с такими его шедеврами, как «Цезарь и Клеопатра», «Андрокл и лев», «Святая Иоанна», признает их лучшими в творчестве своего соотечественника и делает вывод: «Мне кажется, что больше всего Шоу везло тогда, когда он покидал современность и переселялся в другую эпоху... Множество причин обусловили тот факт, что большинство его персонажей не могут зажить на сцене «своей жизнью»: они связаны с Шоу одной веревочкой. Но в этих трех исторических пьесах на второстепенных героях лежит яркий отблеск героев главных, и ниточки великого кукольника заметны меньше, чем обычно».[2] Действительно, лучшие исторические пьесы Шоу поражают выразительностью и яркостью многофигурных композиций, своим поистине шекспировским фоном. Второстепенные персонажи в них не менее хороши, чем главные герои. В «Добром короле Карле», можно даже сказать, второстепенных действующих лиц нет вовсе, все персонажи равно значительны и в высшей степени удачны. Зрелое мастерство Шоу в создании неповторимых, индивидуально точных драматических характеров выявило себя сполна в поздние годы именно в этой пьесе.

«Правдивая история, которая никогда не случалась» позволила автору собрать вместе поистине удивительных лиц одной эпохи – короля и его преемника, ученого Исаака Ньютона и художника Годфри Неллера, основателя общества квакеров Джорджа Фокса и актрису Нелл Гвин, королеву Екатерину Браганцскую и великосветскую шпионку Луизу де Керуаль. Драматург будто вовсе и не заботится о композиции пьесы, о построении действия. Нет в «Добром короле Карле» знаменитых парадоксальных ситуаций, на которых обычно зиждилась интрига в ранних произведениях Шоу – ситуаций, которые встречаются и в более поздних «политических экстраваганцах».

Возможно, что «В золотые дни доброго короля Карла» – одна из самых бездейственных пьес Шоу; встречи и разговоры следуют здесь друг за другом как будто без всякой логики и внутренней закономерности.

Дом Исаака Ньютона переполнен до предела незваными гостями, нагрянувшими неведомо откуда, вдруг. Экономка сбилась с ног, чтобы накормить всю эту ораву, но более всего ее заботит – избавиться поскорее от докучливых и необычайно многословных людей, ведущих непрерывные «еретические разговоры». А когда завершается в конце концов безумно разросшийся первый акт, возникает, на первый взгляд также без всякой видимой логики, очень короткий второй акт – дуэт Карла и Екатерины Браганцской, вроде бы и не имеющий никакой связи со всем предыдущим. Уставший от многочисленных гоняющихся за ним поклонниц, Карл II находит успокоение в будуаре любящей и любимой супруги. Очередной психологический парадокс и шокирующее нарушение исторической правды: Карл II –

---

[1] Пирсон Х. Бернард Шоу, с. 364.

[2] Там же.

не ловелас и развратник, а нежный муж. Но ведь Шоу, давая урок истории своим современникам, и не намеревается реконструировать правду документов, ему нужна не верность факту, а истина художественного вымысла, помогающая постигнуть суть современных политических, социальных, психологических процессов.

Все герои пьесы — не просто знаменитые персонажи истории, они, согласно замыслу Шоу, действительно выдающиеся представители своей эпохи, но могли бы существовать и в любое другое время, в том числе в настоящее. Созданный Шоу Исаак Ньютон — великий ученый на все времена; выведенный им Неллер (конечно, автор предпочел бы Хогарта, но, увы, свести вместе Хогарта и Ньютона хронологически было совершенно невозможно!) — замечательный художник на все времена; не менее удавшийся Шоу, чем два названных выше лица, квакер Джордж Фокс, возомнивший себя мессией, пастырем человеческих душ — из тех фанатиков, что непременно встречаются у всех народов в разные исторические периоды. Кому суждено внести больший вклад в историю, оказать большее воздействие на человеческие жизни и умы — представителю религии, художнику или деятелю науки? Самое интересное, что драматург не ищет однозначного ответа, его волнует диалектика отношений героев и спор, который они ведут. Тем не менее нельзя не заметить авторской симпатии к точке зрения художника, противопоставляющего свою любовь к неправильным линиям пристрастию ученого к прямолинейности и категоричности, ибо «линия красоты есть кривая». Поразительны изящество, тонкость психологических характеристик, которыми пользуется Бернард Шоу в этой своей пьесе. Палитра красок, к которым он обращается, многообразнее и сложнее, чем в большинстве других произведений поздних лет. Это относится как к мужским, так и к женским портретам.

Конечно же, галерея женщин, показанная автором в пьесе, также состоит из весьма исключительных представительниц своего пола. Именно так характеризует своих более и менее приятных подруг сам Карл II: «Барбара — самая прекрасная женщина в Англии. Но одновременно и самая глупая. Нелл — самая остроумная и еще — самая добрая. Луиза — самая умная и очаровательная. Вдобавок, она аристократична».

Но при несомненной значительности и художественной выразительности всех без исключения образов пьесы двум фигурам несомненно принадлежит лидирующая роль — Карлу II и герцогу Йоркскому, будущему Якову II. Их политический диспут занимает центральное место в драме и содержит самую суть преподанного современникам исторического урока.

Любопытно проследить путь, пройденный Шоу от Юлия Цезаря в «Цезаре и Клеопатре» к «доброму королю» Карлу II.

В Карле II, придуманном Шоу для вразумления современников, также можно увидеть попытку создания образа идеального политического деятеля, но попытка эта выглядит одновременно и пародией — или почти пародией. Карл II — один из самых сложных драматических образов, характер, исполненный глубоких внутренних противоречий, отличающийся в то же время предельной жизненной конкретностью и убедительностью. Основное отличие Карла II из драмы Шоу от его же Цезаря и многих других героев ранних пьес состоит в том, что целеустремленному, активному действию он предпочитает созерцательное, пассивное отношение к жизни. Но при этом важно понять, какие именно действия и какую активность отвергает Карл II и в чем выра-

жает себя его склонность к созерцательному восприятию действительности.

Герою Шоу претит активность его родича, мечтающего, получив власть, обратить врагов «в прах, точно мошкару в пламени свечи», насадить религиозный фанатизм, совершать воинские подвиги во имя сомнительных политических целей и объявить еретиками всех представителей науки начиная с Галилея. Бездейственный и как будто совершенно пассивный в политических делах, Карл II прекрасно понимает, что королевская власть утратила свою силу и значение. К чему пыжиться, хорохориться, грозить оружием и полыхать злобой, подобно герцогу Йоркскому? Слава выдающегося политического деятеля не манит этого героя Шоу, наделенного размышлениями самого автора о сути нынешних дней и цене современных буржуазных политиков и политиканов. Его созерцательность воплощает себя в пристальном внимании к науке и искусству. Он никогда не назовет «еретиком» ни Галилея, ни Ньютона. Ему не придет в голову жечь книги на кострах и карать инакомыслящих, как это будут делать иные из единомышленников герцога Йоркского в XX веке.

Слабый король Карл II в творчестве Бернарда Шоу — в чем-то парадоксально неожиданная фигура, хотя в нем отчетливо проступает связь и с ненавидящим бессмысленные кровопролития полководцем Цезарем, и с умным и хитрым дипломатом Магнусом, с последним в особенности. Подобно Магнусу, Карл II из пьесы «В золотые дни доброго короля Карла» достаточно умен и прозорлив, чтобы понять, что значение монаршей власти давно сведено до роли «каучукового штемпеля». Поэтому он добровольно и даже с удовольствием отходит в тень на театральных подмостках истории, уступая первые роли великим художникам и ученым.

Так называемая доброта Карла — это его терпимость, и широта взгляда, и признание собственного бессилия. В образе заключен известный идеологический компромисс. За всем этим — зоркий и острый взгляд драматурга, противостоящего фашистскому мракобесию, фашистским маршам по Европе, продолжающего верить свято и незыблемо в силу человеческого разума, в победу гуманизма над варварством.

Стр. 391. *«В золотые дни доброго короля Карла».* — Заголовком пьесы Шоу поставил начальную строку старой английской песни «Священник из Брея» (Брей — местечко в Беркшире, близ Лондона). Герой ее повествует о том, как он, не мудрствуя лукаво, переходил из католичества в протестантство и наоборот в зависимости от того, какой религии придерживались при дворе. Песня кончается словами: «Какой бы король ни правил, я всегда останусь священником в Брее». Выражение «священник из Брея» вошло в Англии в речевой обиход для обозначения беспринципного и непостоянного человека. Напоминание об этой песне становится у Шоу своеобразной прелюдией к картине идейной и нравственной неустойчивости, «переходности», которыми отмечено правление Карла.

Стр. 393. *Карл* — Карл II Стюарт (1630—1685), король Англии с 1660 по 1685 г., сын казненного во время буржуазной революции 1640—1660 гг. Карла I. Долгое время жил в Европе, главным образом при дворе Людовика XIV. В 1660 г., когда в Англии усилились монархические тенденции, парламент принял решение восстановить монархию и пригласил его на трон. (Период английской истории с 1660 по 1688 г. стал называться периодом Реставрации). Карл был провозглашен королем на условии выполнения данной им Бредской декларации,

которая гарантировала амнистию участникам гражданской войны, свободу вероисповедания, сохранение права собственности на приобретенное во время революции имущество и т. п. Карл дал обещание править в согласии с парламентом.

Однако, придя к власти, ему удалось провести ряд законов, частично восстанавливающих дореволюционные порядки. Было восстановлено англиканство, и начались преследования протестантских сект. Обрушились репрессии на участников революции. Часть конфискованных земель была возвращена прежним владельцам. Внешнюю политику Карл подчинил интересам Франции, откуда получал денежную субсидию. Все это привело к появлению недовольства и политической оппозиции в стране. Кроме того, возмущение в массах вызывала и та распущенность нравов, которая царила при дворе. После долгого пуританского «поста» английскую знать захлестнула безоглядная жажда наслаждений, роскоши и веселья. Примером ей в этом служил сам король, получивший от современников прозвище «веселого монарха».

Карл II не отличался глубоким умом, но был достаточно ловким политиком, человеком откровенно циничным и беспринципным. Цинизм его проявлялся также в отношении к многочисленным любовницам, в окружении которых он предстает и в пьесе Шоу. Как замечает мемуарист и историк Эдвард Кларендон, Карл «не любил беседовать с женщинами или делать с ними что-либо кроме того, для чего, как он считал, все они были предназначены».

Гвин, Нелл (полное имя – Элеонора) (1650–1687) – английская актриса, любовница Карла II. Впервые появилась на сцене лондонского театра Друри-Лейн в 15-летнем возрасте (до этого, как гласит молва, продавала апельсины у входа в театр) и вскоре завоевала живейшую симпатию зрителей, покоренных, возможно, больше ее обаянием, чем профессиональным мастерством. Восторженное, хотя далеко не беспристрастное, описание игры этой «дерзкой и веселой девицы» оставил Сэмюэл Пепис в своих «Дневниках», замечательном памятнике той эпохи. Гвин играла в комедиях и мелодрамах, реже и с меньшим успехом – в трагедиях. Став фавориткой короля и войдя в его свиту, она сохранила все манеры простолюдинки («Королевский двор никогда еще не видел столь непочтительного и дикого создания», – писал другой ее современник, историк Гилберт Бернет). Король был привязан к ней до конца своей жизни (у Гвин было от него двое детей, один из которых потом получил титул герцога) и перед смертью будто бы произнес, обращаясь к брату: «Не дай бедной Нелли умереть с голоду».

Виги – политическая партия, впоследствии получившая название либеральной, созданная в 70-х гг. XVII в., т. е. в период правления Карла II, для борьбы против королевского абсолютизма. Выражала интересы главным образом торговой и финансовой буржуазии.

Маколей, Томас Бабингтон (1800–1859) – английский историк, публицист и политический деятель. Автор многотомной «Истории Англии», охватывающей события 1685–1702 гг.

Якобиты – сторонники движения, существовавшего с конца XVII до начала XX в., которые выступали за возвращение на престол после революции 1688 г. представителей основной ветви династии Стюартов – свергнутого короля Якова II и его прямых потомков.

Беллок, Хилари (1870–1953) – английский писатель, историк и эссеист; автор биографии Карла II и «Истории Англии». Стоял на консервативных позициях, был политическим противником Шоу и неоднократ-

но критиковал в печати социалистические взгляды его и Герберта Уэллса.
Дэвис, Молл (настоящее имя – Мэри; ум. в 1669 г.) – актриса из труппы д'Авенанта, любовница Карла II. В «Дневниках» Пеписа о ней рассказывается как об одной из лучших танцовщиц и первых красавиц Лондона.
Каслмейн – Барбара Вильерс, графиня Каслмейн и герцогиня Кливлендская (1641–1709), фаворитка Карла в первые семь лет его правления. Имела большое влияние при дворе, была корыстна и неразборчива, состояла в любовной связи с целым рядом придворных. В 1677–1684 гг. жила в Париже. Родила от Карла пятерых детей.
Ньютон, Исаак (1643–1727) – великий английский физик и математик. Сын бедного фермера, в 22 года окончил Кембриджский университет, где затем, с 1669 по 1701 г., заведовал физико-математической кафедрой. С 1703 г. – бессменный президент Лондонского королевского общества (английской Академии наук). В 1705 г. за научные труды возведен в дворянское достоинство. Ньютон жил в Кембридже, затем перебрался в Лондон. Вел затворнический образ жизни, был рассеян, неприхотлив в еде и одежде и до конца жизни оставался холостяком. К вопросам морали относился как истинный пуританин (мать его происходила из духовного сословия, а отчим был пастором). Его биограф Брюстер рассказывает, что когда приятель Ньютона химик Вигани рассказал в его присутствии скабрезный анекдот о монашенке, тот прекратил с ним всякое знакомство. Ньютон очень чувствительно относился к критике и в спорах часто раздражался до язвительности. Активно противодействовал насаждению католицизма в Кембридже. В конце жизни написал сочинение о пророке Данииле и толкование Апокалипсиса.

Стр. 394. *Фокс, Джордж* (1624–1691) – основатель протестантской секты «Общество друзей внутреннего света» (1650), за членами которой закрепилось данное им в насмешку название «квакеры» (т. е. «трясущиеся» в молитвенном экстазе). Был по профессии сапожником, много путешествовал, побывал в Америке и Европе. Под влиянием кальвинизма в период английской революции стал проповедовать мистическое учение о «внутреннем свете», согласно которому счастье человека – в личном общении с богом, а «внутренний свет», озаряющий верующего, свидетельствует о присутствии в нем Христа. Этот свет ставится квакерами выше святого писания и церкви. Квакеры не имели священников, отвергали таинства и проповедовали всеобщее братство. Они отстаивали достоинство и самоценность каждой человеческой личности и потому не подчинялись унижающим с их точки зрения условностям: ни перед кем и ни перед чем не снимали головного убора, не вставали в знак почтения, отрицали титулы, не становились на колени. Эта гордая радикальность позиции, вызывающее нежелание подчиняться кому бы то ни было навлекали на них негодование властей и духовенства. При Карле II квакеры больше других сект страдали от религиозных преследований.

Джордж Фокс, по воспоминаниям современников, был человек внушительного вида, с пронзительным взглядом и громовым голосом; он носил большую белую шляпу, простой сюртук и ставшие вскоре знаменитыми кожаные штаны (в которых он и появляется в пьесе). Вел пуританский образ жизни и яростно ополчался на любое проявление безнравственности и порочности. В 1694 г., после смерти Фокса, был опубликован его «Дневник».

Керуаль, Луиза де — герцогиня Портсмутская и д'Обинье (1649—1734), фаворитка Карла. Француженка де Керуаль вначале была фрейлиной герцогини Орлеанской Генриетты, сестры Карла II. Когда в 1670 г. она вместе с ней посетила Англию, то по настоянию короля была оставлена при дворе и назначена фрейлиной его жены. Самая «дорогостоящая» из любовниц Карла, Луиза де Керуаль, находившаяся под особым покровительством французского посла, использовала свое влияние на Карла не только для обогащения, но и для того, чтобы заставлять его проводить откровенно профранцузскую политику. После смерти короля вернулась во Францию.

Хогарт, Уильям (1697—1764) — художник и теоретик искусства, с именем которого связано создание английской национальной художественной школы и расцвет реалистической живописи. Ему принадлежит трактат «Анализ красоты» (1753), в котором он отстаивал необходимость воспроизведения жизни во всем ее многообразии и выступал против засилья предписаний и канонов. Трактат был новаторской и весьма прогрессивной для своего времени попыткой построения реалистической эстетики.

«...линия красоты есть кривая...» — В «Анализе красоты» Хогарт доказывал превосходство «волнистых» и «змеевидных» линий, которые называл соответственно линией красоты и линией привлекательности, утверждая, что все, что живет и движется, живет и движется в этих линиях. Эту мысль Хогарта Шоу называет его «первым законом композиции». Она вытекала из основного положения Хогарта о превосходстве «природы» над «искусством». Шоу не совсем точно цитирует Хогарта. Тот считал «линией красоты» не просто «кривую», а именно «волнообразную» линию, которая «состоит из двух изогнутых, противопоставленных линий», причем «среди огромного многообразия волнообразных линий, какое только можно представить себе, существует лишь одна, которая поистине заслуживает названия линии красоты...»

Неллер, Годфри (1646—1723) — английский художник-портретист. Немец по происхождению, изучал живопись в Голландии и Италии; с 1675 г. поселился в Англии, а в 1680 г. Карл II назначил его своим придворным живописцем. Неллеру принадлежат портреты Карла II, Якова II, Людовика XIV и других монархов, английской знати и величайших людей своего времени, в частности три портрета Ньютона. Ему позировал Петр I во время своего первого заграничного путешествия в 1697 г. Большая часть работ Неллера не отличается глубиной и свидетельствует об упадке голландской школы живописи, хотя ряд картин отмечен безусловным талантом, а в целом галерея созданных им портретов сохранила образ той эпохи.

О Неллере известно, что он был человеком высокомерным и кичливым и не обладал, как справедливо замечает Шоу, тем оригинальным умом, которым наделен в пьесе.

Ньютон у меня замечает, что с перигелием Меркурия происходит что-то непонятное. — Изменение положения ближайшей к солнцу точки орбиты Меркурия, о котором идет речь, было обнаружено лишь в XIX в. французским астрономом Леверье. Оно не поддается объяснению в рамках теории тяготения Ньютона и получило объяснение только с появлением теории относительности Эйнштейна.

...Шекспир вложил в уста... Гектора цитату из Аристотеля... — Шоу имеет в виду следующие слова Гектора из пьесы «Троил и Крессида» (акт II, сц. 2):

Красно вы говорите, но коснулись
Поверхностно глубокого вопроса,
Как те юнцы, которых Аристотель
Считает неспособными постичь
Моральной философии значенье.

(Пер. Т. Гнедич).

Уэстон-сьюпер-Мэр – название этого известного в Англии курортного местечка фигурирует в рассказе главного героя пьесы Шоу «Простачок с Нежданных островов»; он сообщает, что там его похитили пираты и заставили служить у них судовым священником.

Стр. 395. *...царственной и на редкость смешанной крови...* – Мать Карла II, Генриетта-Мария – француженка, дочь короля Генриха IV, мать Генриетты-Марии, бабка Карла II, – итальянка, дочь герцога Тосканского Мария Медичи, а дед по отцовской линии – шотландский король Яков VI.

Екатерина Браганцская (1638 – 1705) – жена Карла II, дочь короля Португалии Жуана IV. Их брак, заключенный в 1662 г., был продиктован прежде всего политическими соображениями – необходимостью укрепить связи Англии и Португалии к взаимной выгоде обеих сторон.

Стр. 396. *...являясь главой англиканской церкви, Карл в глубине души считал протестантство плебейской религией...* – Англиканская церковь, созданная в ходе Реформации и отделившаяся от Рима, считается протестантской, но имеет особенности, которые делают ее наиболее близкой к католицизму. Главой ее является король. Карл долгое время жил в католической среде и свои притязания на установление абсолютной монархии неразрывно связывал с католицизмом.

...Карл тратил полученные деньги на благо Англии, а le Roi Soleil не получал от него никакого возмещения. – Это утверждение Шоу не соответствует действительности. В 1670 г. был подписан тайный договор, по которому Англия отказывалась от торгового соперничества с Францией и должна была поддерживать претензии Людовика XIV на гегемонию в Европе. За это Карлу II назначалась ежегодная денежная субсидия и было обещано помочь военной силой в случае новой революционной войны. Еще до заключения договора Карл II продал Франции крепость Дюнкерк – опорную базу Англии на континенте. В 1672 г. Англия участвовала в войне с Голландией, помогая Франции захватить южные Нидерланды. «Стюарты, – писал К. Маркс, – ради своей собственной выгоды и выгоды придворной знати продавали интересы всей английской промышленности и торговли французскому правительству...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 221 – 222).

Стр. 397. *...плотскими наслаждениями, описанными в шекспировском сонете.* – Имеется в виду сонет 129.

.подобно присяжным для разбирательства у коронера. – В Англии коронер – должностное лицо при органах местного самоуправления графства или города, которое ведет дознание в случае насильственной или внезапной смерти при невыясненных обстоятельствах. Оно проводится как судебное разбирательство, обычно с участием 12 выборных присяжных.

Стр. 404. *Халли* (старое написание – Галлей), *Эдмунд* (1656–1742) – друг Ньютона, английский астроном, открывший первую периодическую комету («комета Галлея»). С его именем связано также появление основного труда Ньютона – «Математических начал натуральной философии» (1687). Халли убедил Ньютона, принципиально не желавшего тратить время на публикацию научных работ, подготовить систематизированное изложение своих теорий и затем взял на себя все хлопоты и материальные издержки по изданию этого сочинения. Появление его сразу же выдвинуло Ньютона в ряды выдающихся ученых своего времени. Книге была предпослана ода Халли на латинском языке, прославляющая автора.

Стр. 407. *...Королевскому обществу, которое его величество учредил недавно...* – В 1660 г. в Лондоне было создано научное общество для «совершенствования познаний о натуральных объектах, а также всех полезных искусств, мануфактур, механической практики, машин и изобретений», объединившее ученых различных областей знаний (кроме богословия и гуманитарных наук). В 1662 г. оно было взято под покровительство Карла II, получив название Королевского.
...с тех пор, как печатники короля Якова завершили свою работу над Библией... – Новый перевод Библии, вошедший в историю как «Библия Якова», появился в Англии в 1611 г. Над ним в течение трех лет работала большая группа известных ученых, писателей и богословов того времени. Авторитет этого перевода, имевшего и высокую литературную ценность, был непререкаем. Текст его, с небольшими изменениями, лег в основу современного канонического издания.
...солнце остановилось над Гаваоном, чтобы дать время Иисусу Навину истребить аморитян... – В библейской Книге Иисуса Навина рассказывается, как он во время сражения с аморитянами у города Гаваона воскликнул: «Стой, солнце, над Гаваоном, и луна над долиною Аиалонскою!» И остановилось солнце, и луна стояла, доколе народ мстил врагам своим» (X, 12–13).

Стр. 408. *...солнце возвратилось на десять ступеней назад по ступеням Ахазовым...* – Вторая история о том, как солнце прервало свой ход, изложена в Четвертой Книге Царств. Царь Иудеи Езекия, сын Ахаза, после своего чудесного выздоровления получил через пророка Исаю знамение от господа: он увидел, как бог повернул солнце вспять и «возвратил тень назад на ступенях, где она спускалась по ступеням Ахазовым, на десять ступеней» (XX, 11).
...я составил хронологическую историю вселенной... – Этой работе Ньютон посвятил несколько десятилетий жизни, вначале занимаясь ею лишь в часы досуга, а в последние годы считая ее главным своим делом (к 1680 г. – времени действия пьесы – она еще не была закончена). Книга «Хронология древних царств» вышла в свет на следующий год после смерти ученого, в 1728 г. Ньютон преследовал цель «привести хронологию в согласие с ходом естественных событий, с астрономией, со священной историей и с самой собой...» Строго научный, в частности астрономический, подход к определению хронологии причудливо сочетался с естественной для того времени незыблемой верой в истинность библейских данных. Шоу считал ее «одной из самых абсурдных книг, вышедших на английском языке».
Ашер, Джеймс (1581–1656) – протестантский богослов, автор многотомного труда «Анналы Ветхого и Нового завета» (1650–1654), в котором разработал хронологию библейских событий с сотворения мира до времен императора Веспасиана (I в. н. э.). Ею широко пользовались

все толкователи и переводчики Библии. Согласно этой хронологии мир был сотворен в 4004 году до н. э.

Стр. 409. *Я...созерцал океан своего невежества. Однажды я возгордился тем, что подобрал камушек на необозримом берегу этого океана.* — Здесь Шоу использует фразу, сказанную Ньютоном незадолго до смерти и записанную шотландцем Эндрю Рэмси: «Не знаю, чем я кажусь свету, но сам себя я вижу мальчиком, который играл на морском берегу и время от времени радовался, находя гладкий камушек или не похожую на другие ракушку, в то время как огромный океан совершенно непознанной истины расстилался передо мной».
Эклиптика — плоскость, в которой движется Земля вокруг Солнца.

Стр. 410. *...мистер Шекспир помер бы со стыда, кабы увидел на сцене женщину!* — Вплоть до эпохи Реставрации в Англии все женские роли исполнялись мужчинами.
...братьям по вере, которые оказались теперь в Берберии... — Берберией европейцы в то время называли северное побережье Африки, откуда часто совершались пиратские нападения на суда, плавающие в Средиземном море.

Стр. 413. *Брайдуэлл* — женский исправительный дом в центральной части Лондона.

Стр. 415. *Портшез* — закрытое переносное кресло с ручками для носильщиков.

Стр. 418. *Я сейчас занимаюсь изучением пророчеств, изложенных в Книге Даниила.* — Комментарии к Книге пророка Даниила и к Апокалипсису были также опубликованы лишь после смерти Ньютона. Аллегорическое толкование библейских образов он подчинил задаче борьбы с католицизмом и защите протестантского вероучения.

Стр. 419. *«Ворожеи не оставляй в живых».* — Библия, «Исход» (XXII, 18).

Стр. 420. *Господь не жалует тех, кто привержен разным подсчетам. Прочтите Вторую Книгу Самуила, главу двадцать четвертую...* — В этой главе Второй Книги Царств (как по православной традиции называется Вторая Книга Самуила) описывается, как бог наслал моровую язву на израильтян за то, что царь Давид «исчислил Израиль и Иудею», т. е. произвел перепись населения.
...Том Гоббс, мой учитель... ходил в безбожниках... — Гоббс, Томас (1588—1679), английский философ-материалист, был сторонником абсолютной монархии. В начале революции он эмигрировал во Францию, где с 1646 по 1648 г. обучал математике будущего короля Карла II. Там же он опубликовал свои книги «О гражданине» и «Левиафан». Рационализм Гоббса и его нападки на религию вызвали недовольство среди эмигрантов, и это заставило его тайно бежать в Лондон. После Реставрации Карл назначил ему пенсию, однако он был лишен возможности печатать в Англии свои работы.
...чем Аристотель был для Александра Великого.. — древнегреческий философ Аристотель в 343—340 гг. до н. э. был воспитателем Александра Македонского, хотя нет оснований утверждать, что он оказал большое влияние на него.
...обретаюсь между вигами, подозревающими меня в папизме, и тори, подозревающими меня в атеизме. — Оппозиционная партия вигов выступала против проводимой Карлом политики поощрения католицизма (папистами протестанты звали правоверных католиков); члены

аристократической партии тори поддерживали короля, но были недовольны безнравственным поведением Карла и его непочтительным отношением к церкви.

Стр. 421. *...она ведь сразила вас второй заповедью.* — Миссис Бэшем процитировала часть второй заповеди, которая гласит: «Не сотвори себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху и что на земле внизу...» («Исход», XX, 4).

Стр. 422. *Я не хочу, чтобы мистер Локк и его друзья обвинили меня в сношениях с женщинами.* — Речь идет о философе Джоне Локке (1632—1704), с которым Ньютон был в дружеских отношениях. В 70-е гг. Локк был секретарем лорд-канцлера графа Шефтсбери, создавшего и возглавившего оппозицию Карлу; сам убежденный виг, он выступал против своевластия короля и моральной распущенности его двора. Вместе с Шефтсбери он подвергался гонениям и дважды был вынужден эмигрировать.

Стр. 423. *...превращение массы в свет и света — в массу — в самой природе вещей...* — Возможность превращения массы в свет (т. е. частицы и античастицы в электромагнитное излучение), названного аннигиляцией, и обратного процесса теоретически была предсказана лишь в 1930 г. английским физиком Полем Дираком. Здесь, как и в других случаях, Шоу заставляет Ньютона значительно опережать свое время.

Стр. 424. *Паскаль, Блез* (1623—1662) — французский философ, математик и физик. Ему принадлежит учение о видах достоверного знания, в котором он обосновывал рационалистический метод доказательства и проверки истины.

Стр. 425. *Бэкон, Френсис* (1561—1626) — философ, родоначальник английского материализма. В своем трактате «Новый Органон» изложил основы научной индукции. Бэкон признавал возможность достоверного знания, путь к которому, по его мнению, лежит через избавление от «идолов», т. е. заблуждений.

Стр. 426. *Герцог Йоркский* (1633—1701) — младший брат Карла II, правивший после его смерти под именем Якова II с 1685 по 1688 г. До Реставрации служил вначале во французской, затем в испанской армии. Вернувшись в Англию, занял пост первого лорда Адмиралтейства, командовал английским флотом в войнах с Голландией. Ярый сторонник абсолютизма и католичества (в 1672 г., женившись на католичке, он принял ее веру), Яков стоял за политику феодальной реакции, призывая к решительной борьбе с оппозицией. Карл относился к своему значительно менее образованному брату со смешанным чувством презрения и уважения: ему претили его примитивность, религиозный фанатизм и отсутствие чувства юмора, но, с другой стороны, импонировали энергия, трудолюбие, решительность и забота о крепости престола.

Придя к власти, Яков распустил парламент и правил единолично. Всеобщее недовольство политикой Якова заставило вождей обеих партий — тори и вигов — пригласить на трон его зятя, правителя Нидерландов Вильгельма Оранского. Когда тот высадился с войском в Англии, Яков бежал во Францию, где потом и доживал свои дни, пользуясь покровительством Людовика XIV.

Стр. 428. *«Билль об исключении»* — подготовленный вигами проект закона, лишавшего Якова наследственных прав на том основании, что он католик. Трижды парламент выносил его на обсуждение — в 1679,

1680 и 1681 гг., – но трижды Карл распускал парламент, а с 1681 г. до конца своего правления уже больше его не созывал. *...небольшой рог четвертого зверя, упомянутого пророком Даниилом.* – В главе 8 Книги пророка Даниила описывается видение Даниилу, в котором появляются четыре зверя и у четвертого «вышел небольшой рог, который чрезвычайно разросся к югу и к востоку...» По толкованию Ньютона, четвертый зверь – Римская империя, а небольшой рог – порожденная ею римско-католическая церковь.
...почему ты здесь, когда должен быть в Голландии? – В 1678 г. в Лондоне возникли слухи о католическом заговоре, и непопулярность Якова настолько возросла, что Карл убедил его отправиться в 1679 г. за границу, в Голландию, к его дочери, жене Вильгельма Оранского. В 1680 г. Яков неожиданно появился в Англии, но через несколько месяцев вынужден был уехать в Шотландию, где пробыл до 1684 г. *Левеллеры* (англ. «уравнители») – возникшая в период буржуазной революции радикальная группировка, выражавшая интересы мелкой буржуазии, ремесленников и зажиточных крестьян. Левеллеры требовали установления демократической республики, введения всеобщего избирательного права, полной свободы торговли и отмены сословных привилегий.

Стр. 429. *Не пройдет и пяти лет, как они отрубят тебе голову – ты не успеешь даже впрыгнуть в какую-нибудь рыбацкую лодку и отплыть во Францию.* – Яков II, лишенный через три года трона, не был казнен, однако в своей второй части «предвиденье» Карла сбылось: Яков во время бегства из Англии в самом деле чуть не пострадал из-за того, что не успел «впрыгнуть в какую-нибудь рыбацкую лодку»: готовясь переправиться с берега на борт ожидавшего его корабля, он был задержан рыбаком и лишь через некоторое время его отправили из Англии с соизволения Вильгельма.
Старый Нол – прозвище Оливера Кромвела (Нол – уменьшительное от Оливер).

Стр. 430. *Ньюкасл* – Уильям Кэвендиш, граф Ньюкасл (1592–1676), гувернер Карла с 1638 по 1641 г.
...нет человека, популярнее адмирала, одержавшего большую морскую победу. Это сделал я... – В 1665 г. в войне с Голландией герцог Йоркский, командовавший английским флотом, выиграл крупное сражение у бухты Солбей.

Стр. 431. *...помещиков-вигов, разбогатевших на ограблении церкви...* – В начале буржуазной революции, в 1643 г., парламент издал ордонанс о секвестре владений архиепископов, епископов, настоятелей и других духовных лиц, поддерживающих короля.
Спиталфилдз – район Лондона, заселенный протестантами-гугенотами, бежавшими из Франции.

Стр. 432. *Ему опорой скала Святого Петра, вот он и обретает крепость скалы.* – Святой Петр – главный католический святой. Говоря о «скале Святого Петра», герцог Йоркский подразумевает католическую церковь: в Евангелии от Матфея рассказано, как Иисус дал своему ученику Симеону имя Петр (лат. petra – скала, камень), сказав: «И Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее...» (XVI, 19).
Монмаут – Джеймс Скотт, герцог Монмаут (1649–1685), внебрачный сын Карла II, старший из его детей. В 1685 г., после смерти Карла, заявил свои права на престол и поднял восстание, в котором приняло

участие большое количество недовольных политикой Якова протестантов. В том же году оно было жестоко подавлено, а сам Монмаут казнен.

Авессалом, сын мой, сын мой! – восклицание царя Давида, узнавшего о смерти сына, поднявшего против него мятеж (Вторая Книга Царств, гл. XVIII).

Стр. 433. *Рыболов Петр* – Святой Петр, который был рыбаком и считался покровителем рыбной ловли.

Лютер, Мартин (1483–1546) – религиозный реформатор, с именем которого связано начало протестантского движения в Европе. В речи Карла имена св. Петра и Лютера олицетворяют католическое и протестантское вероучения.

Шефтсбери – см. примеч. к с. 422.

...Нелл – протестантская шлюха! – Сохранилось воспоминание современников о том, как однажды, когда толпа осадила карету Нелл Гвин, думая, что в ней другая фаворитка Карла, ненавистная им католичка Луиза де Керуаль, Нелл, высунувшись из окошка кареты, крикнула: «Люди добрые, имейте уважение: я же протестантская шлюха!».

Оутс, Титус (1649–1705) – протестантский священник, сфабриковавший в 1678 г. документы о существовании католического заговора, который будто бы имел целью уничтожение всех протестантов, убийство короля и поджог Лондона. Это привело к антикатолическим выступлениям и казням невинных людей. Оутса превозносили как спасителя, ему назначили пенсию и позволили жить в королевском дворце. В 1685 г., при Якове II, он был изобличен в лжесвидетельстве и приговорен к наказанию плетьми и пожизненному заключению. После свержения Якова приговор Оутсу был пересмотрен, его выпустили на свободу и вновь дали пенсию, правда уже значительно меньшую.

Стр. 434. *Джефриз, Джордж* (1648–1689) – английский судья, прославившийся своей жестокостью; приближенный Якова и исполнитель его воли. В 1678 г. по его ходатайству назначен главным судьей Лондона, а в 1682-м, вопреки желанию Карла, стал лордом – главным судьей Англии. Джефриз судил Тита Оутса и вел судебные разбирательства над участниками восстания Монмаута, получившие названия «кровавые акцизы»: на них около 300 человек были приговорены им к казни и тысяча сослана на американские плантации. При Якове был лорд-канцлером. После низвержения его пытался бежать, переодевшись матросом, но был схвачен и посажен в Тауэр, где и умер. В английском языке выражение «суд Джефриза» стало обозначением бесчеловечной судебной расправы.

...обвиняют католиков и в пожаре в Лондоне, и в чуме. – Речь идет о чуме 1665 г., унесшей около 90 тысяч жизней, и пожаре 1666 г., уничтожившем более 13 тысяч домов.

Ковенанторы – шотландские пуритане, выступавшие за независимость своей страны и защиту кальвинистской церкви (от англ. covenant – соглашение, договор).

Стр. 435. *Рочестер* – Лоуренс Хайд, граф Рочестер (1641–1711), государственный деятель, тори. В изображаемый период – член Тайного совета и главный лорд казначейства.

Престон, Данбар, Вустер – места победоносных сражений Кромвела (1648, 1650, 1651 гг.) в период гражданской войны в Англии.

Черчилль, Джон, впоследствии герцог Мальборо (1650–1722) – полководец и политический деятель. В 16 лет – паж герцога Йоркского, за-

тем один из его приближенных. Был вместе с ним в Голландии и Шотландии. Служил во французском войске под началом маршала Тюренна, участвовал в англо-голландской войне. В 1685 г. руководил разгромом восстания Монмаута. В 1688 г., посланный Яковом во главе 5-тысячной армии на борьбу с высадившимся в Англии Вильгельмом Оранским, перешел со всем войском на его сторону. В последующие годы проявил себя талантливым военачальником, но всегда оставался человеком крайне беспринципным и корыстным.

Стр. 437. *Они вырыли из земли труп старого Нола...* — после реставрации монархии роялисты вырыли труп Оливера Кромвела, отсекли голову и установили ее на шесте напротив парламента.

...я... не разжигал бы вновь костры Смитфилда. — На рыночной площади Смитфилд в Лондоне во времена королевы-католички Марии Тюдор, прозванной «кровавой», сжигали еретиков-протестантов.

Стр. 440. *«Не лакомство ль для короля?»* — Карл у Шоу цитирует английскую балладу, ставшую известной в начале XIX в.; авторство приписывается Джорджу Стивенсу (1736—1800).

«Император индейцев» — пьеса Джона Драйдена (1631—1700), создателя жанра так называемой героической драмы; полное название — «Император индейцев, или Завоевание Мексики испанцами» (1665).

Поэт-лауреат — см. примеч. к с. 188.

Стр. 441. *«Аурензеб»* — трагедия Драйдена (1675).

Стр. 442. *Кайнастон, Эдвард* (1640?—1706) — один из последних английских актеров, завоевавших себе славу исполнением женских ролей. В зрелом возрасте с успехом играл королей и знатных вельмож.

Стр. 444. *Кольер, Джереми* (1650—1726) — английский богослов, историк и журналист. В 1698 г. опубликовал трактат «Краткий обзор безнравственности и нечестивости английской сцены», в котором обвинял современный театр в развращении общества и призывал к коренной его реформе. Трактат Кольера сыграл заметную роль в превращении аристократического театра периода Реставрации в театр новой буржуазной эпохи.

Стр. 445. *Кальвин, Жан* (1509—1564) — французский религиозный реформатор, основатель протестантского вероучения кальвинизма, в основе которого лежит идея абсолютного предопределения и невмешательства бога в закономерность мира.

Стр. 446. *...никогда не вспомним про голову моей прабабки?* — Речь идет о Марии Стюарт (1542—1587), королеве Шотландии, обезглавленной в 1587 г. Правившая тогда королева Елизавета долгое время не подписывала смертный приговор и впоследствии заявляла, что она была против ее казни.

Они обезглавили Страфорда вопреки воле моего отца. — Любимец Карла I и его ближайший советник, граф Страфорд проводил политику укрепления абсолютизма с помощью террора и жестокого преследования инакомыслящих, чем заслужил всеобщую ненависть народа. Когда разразилась буржуазная революция, король под давлением парламента был вынужден отправить его на эшафот.

...с моим знаменитым дедом, Генрихом Четвертым, королем Франции. Он погиб от протестантского кинжала... — Генрих IV (1553—1610) в период религиозных войн во Франции был главой гугенотов (протестантов). В 1593 г. он перешел в католичество и уравнял в правах протестантов и католиков. Был убит католиком-фанатиком Равальяком, которого затем подвергли мучительной казни.

Стр. 447. *Лели, Питер* (1618—1680), он же Петер ван дер Фас — голландский художник-портретист, долгое время работавший в Англии в качестве придворного живописца; был возведен Карлом II в рыцарское достоинство.

Стр. 450. *...значит...искривлено пространство, искривлено время, искривлена вселенная!* — Здесь Шоу вновь заставляет своего героя предвидеть научные открытия XX века.

Стр. 452. *...до того, как стать астрономом, Коперник был художником.* — В 1491 г. восемнадцатилетний Коперник поступил в Краковский университет на факультет искусств, где преподавалась и астрономия.

Стр. 456. *Адонис* — в древнегреческой мифологии прекрасный юноша, возлюбленный богини любви Афродиты.

Стр. 458. *...он не уступит в хитрости полсотне лисиц. Фокс. Он может быть в пятьдесят раз хитрее меня...* — Английское слово «фокс» (fox) означает «лисица».

Стр. 464. *...историями про мое бегство после битвы при Вустере.* — Проиграв в 1651 г. Кромвелу решающее сражение при Вустере, Карл бежал и долгое время скрывался от погони, пережив много приключений (в Англии стала хрестоматийной легенда о том, как Карлу удалось обмануть преследователей, спрятавшись в густой листве дуба), и только через шесть недель отплыл во Францию.

Стр. 465. *Монмаут — сын своей матери, а его мать была полным ничтожеством!* — Такое отношение Карла объясняется тем, что мать Монмаута, валлийка Люси Уолтер (1630?—1658), после рождения сына и до конца своих дней с помощью различных интриг и ухищрений пыталась стать законной женой короля.

Стр. 466. *...с той женщиной, чей образ, олицетворяющий Британию, стоит на каждом английском пенни...* — По приказу Карла были отчеканены медные монеты (в полпенса и фартинг, т. е. $^1/_4$ пенса) с профилем его любовницы Фрэнсис Терезы Стюарт, впоследствии герцогини Ричмонд.

Стр. 467. *«Парламент святых»* — созванный в 1653 г. Кромвелом парламент, депутаты которого избирались не населением графств, а местными религиозными обществами во главе с индепендентскими священниками. Он просуществовал очень недолго, и после его роспуска в том же году Кромвел был провозглашен лорд-протектором и правил единолично.

Ваш братец Альфонсо... — Альфонсо VI (1643—1683), король Португалии с 1656 по 1683 г.

Стр. 468. *...мой брат Педро...* — Педро II (1648—1706), король Португалии с 1683 по 1706 г.

Борджиа, Александр (1442—1503) — римский папа с 1492 по 1503 г., известный своим развратным образом жизни.

Мой отец был великим государем. — Отцом Екатерины Браганцской был Жуан IV (1605—1656), прозванный «Счастливым». Он возглавил борьбу народа против испанского господства, и при нем Португалия стала независимым государством.

Стр. 469. *Тахо* — река в Португалии близ Лиссабона.

Стр. 470. *...когда меня мальчишкой избрали в короли назло Старому Нолу.* — Это произошло через неделю после казни Карла I, 5 февраля 1649 г. Наследник короля находился тогда в Шотландии, и шотландский парламент, возмущенный «кровожадным» актом английского

правительства, провозгласил Карла II королем Шотландии, а также Англии и Ирландии. (Надо сказать, однако, что к тому времени Карл был далеко не столь юн: ему шел уже девятнадцатый год.)

Стр. 472. *Беньян, Джон* (1628—1688) — протестантский проповедник, по профессии лудильщик, участник гражданской войны. После восстановления монархии стал жертвой контрреволюционного террора и был посажен в тюрьму, где провел 12 лет. Автор ставшей широко известной аллегорической повести «Путь паломника» (1678). В ней Беньян в доступной и привычной для всех верующих форме рассказывал о странствиях «христианской души» в мире, полном пороков, соблазнов и человеческих слабостей. Проникновенность повествования и своеобразная энциклопедичность его обеспечили повести заметное место в истории английской литературы: воздействие ее сказалось на творчестве многих английских писателей последующих эпох.

Стр. 473. *Бэкингэм, Галифакс* — политические деятели при Карле II, члены Тайного совета, которые стремились ослабить влияние короля и проводить свою собственную политику.

МИЛЛИАРДЫ БАЙАНТА

Эта пьеса, написанная Шоу в 1946 г. для фестиваля в Малверне, ввиду отсрочки фестиваля была впервые поставлена в Швеции в 1948 г., а затем уже на Малвернском фестивале в 1949 г. В этом же году она появилась на сцене театра «Принс», где выдержала 40 спектаклей.

В комедии, созданной девяностолетним писателем, как бы резюмируются итоги развития капитализма, приближавшегося к финальной точке своей исторической жизни. Одновременно в ней обобщаются и некоторые мотивы предшествующего творчества Шоу. Старый Билл Байант, в лице которого можно найти сходство с Эндру Андершафтом (героем пьесы «Майор Барбара»), является не только капиталистом, но и воплощением капитализма. Шоу дает оценку исторической роли целой общественной формации. Роль эта представляется Шоу отчасти двойственной. Капиталистическая система, основанная на жесточайшей эксплуатации народных масс, неизменно внушает сильнейшую неприязнь автору «неприятных пьес». Тем не менее, с точки зрения прогресса, существование капитализма как необходимого этапа исторического пути человечества в чем-то оправдано, ибо в недрах собственнического мира накапливаются материальные ресурсы, нужные для создания новых, более совершенных форм общественного устройства.

Этим представлением о двойственности буржуазной экономики (сложившейся у Шоу в результате его усердных политэкономических штудий) и определяется противоречивая структура одного из главных драматических образов пьесы, а именно — Билла Байанта. Этот умный, деловитый и по-своему даже обаятельный хищник является своего рода двуликим Янусом. Противоположные аспекты его личности получили четкое визуальное воплощение на иллюстрациях к первому изданию пьесы, сделанных Клэр Уинстен, женою биографа Шоу — Уинстена. На одной из них «изображен омерзительный старый

джентльмен с бульдожьей челюстью, холодными злыми глазами и застывшим жестоким выражением; на другой мы видим веселого добродушного старика в белоснежных одеждах, с лучезарной улыбкой, похожего на Санта-Клауса с рождественской картинки».[1] Подобная концепция диалектически противоречивых функций существующей социально-экономической системы и ее места в историческом процессе уже была сформулирована в «Майоре Барбаре», но в «Миллиардах Байанта» эти идеи преподносятся с несколько иными акцентами. Их расстановка связана с усилением футурологической направленности пьесы, резко повернутой к завтрашнему дню. При всем сходстве Андершафта и Байанта, в их позициях есть некоторые различия. Если Андершафт – это еще расцвет капитализма, то Байант – уже закат. Именно поэтому проблема наследника миллиардов Байанта, иначе говоря – дальнейшая судьба накопленных им богатств, приобретает здесь большую остроту и, становясь центральным мотивом пьесы, по существу, не получает окончательного решения. Как явствует из текста пьесы, наиболее подходящим кандидатом для роли наследника Байанта оказывается энергичный и здравомыслящий Юний Смит – «совершенствователь жизни» не только по убеждению, но и по особенностям своего внутреннего склада. Именно он и станет преемником Билла, породнившись с ним через брак с его старшей дочерью, Клементиной. Их союз, который даст ему возможность выполнить свою миссию усовершенствования мира, знаменует также объединение Востока и Запада (идея, которая неоднократно варьируется в поздних пьесах Шоу) и включает в себя, в виде одного из символических нюансов, мысль о мирном содружестве природы и технической цивилизации. Но сколь ни привлекательна эта программа, драматург не до конца убежден в том, что «совершенствователь мира» (в облике которого явственно проступают черты обычных фабианских героев Шоу) пригоден для ее осуществления. Отсюда – налет иронического скептицизма, которым отмечен образ Юния Смита. Предпосылки его реформаторского рвения по меньшей мере сомнительны. Согласно собственному признанию героя пьесы, природа одарила его лишь одной способностью – к проповедничеству, а этого, пожалуй, мало для реализации грандиозных замыслов будущего преемника Байанта. Быть может, он в состоянии искоренить москитов, но задача усовершенствования жизни ему скорее всего не по плечу. Выводя его на авансцену, драматург предпринимает очередную переоценку фабианских ценностей, явно склоняясь к выводам негативного характера. Но хотя эта тенденция несомненно занимает большое место в пьесе Шоу, она не исчерпывает ее содержания.

Сценический успех комедии был связан не только с ее основным сюжетом. Несмотря на то что в предисловии к пьесе драматург жалуется на своих читателей, требующих от него решения мировых проблем, он до некоторой степени стремится выполнить их пожелания. Причудливость драматической формы, типичной для позднего Шоу, в его новой пьесе сочетается с подчеркнутой, чисто «шовианской» дискуссионностью. Характерный образец жанра «экстраваганцы», эта комедия в то же время являлась подлинной драмой-дискуссией. В рамки ее подчеркнуто условной фабулы вставлены пространные диспуты на животрепещущие темы современности. Обсуждается и проблема бра-

[1] Гражданская З. Бернард Шоу после Октября, с. 221–222.

ка, получающая в пьесе, кроме теоретического, и чисто «практическое» решение. Усовершенствованный брак, как видно из текста пьесы, согласно парадоксальным рекомендациям Шоу предполагает в качестве основы не только сердечное влечение (которое Клементина оценивает как опасное заболевание), но и доводы рассудка и даже немалую долю расчета. Именно такова матримониальная программа Юния. Иногда как бы становясь рупором идей Шоу, он возглашает, что ищет не счастья, а возможности быть жизнедеятельным и энергичным. Слова эти следует отнести не столько к герою пьесы, сколько к ее автору. О верности Шоу этому принципу можно судить и по данной пьесе: создавая ее, престарелый драматург объяснял, что он «не может заставить молчать ни свой язык, ни свое перо». «Пока я жив, я должен писать»,– признавался он. Свидетельством его искренности является данная пьеса, которую он назвал «намеренно незавершенной комедией», подчеркивая тем самым, что завершить ее должна история, еще не сказавшая свое последнее слово.

Стр. 477. *...бэконианцы...верят, что пьесы, приписываемые Шекспиру, были созданы кем-то другим...* – В 1769 г. Герберт Лоуренс выдвинул гипотезу, подвергающую сомнению авторство Шекспира на том основании, что сын простого ремесленника и торговца не мог обладать такими широкими знаниями, такой культурой и глубиной мысли, какие требуются для создания шекспировских пьес. Почти столетие спустя Уильям Генри Смит высказал мысль, что единственный человек, который мог бы создать такие шедевры, – это современник Шекспира философ Фрэнсис Бэкон (1561–1626). С тех пор сторонники этой теории (в поддержку ее был написан целый ряд работ) получили название бэконианцев. В настоящее время шекспироведы доказали ее несостоятельность.

Стр. 478. *...якобитский перевод Библии...* – т. е. перевод, созданный во времена Якова I. См. примеч. к с. 393.

Мистер Сладж – герой драматического монолога Роберта Браунинга «Мистер Сладж, медиум» (1864), обманщик, рассказывающий о своих проделках и, тем не менее, верящий в значительность и важность своего занятия. Прототипом этого героя послужил шотландский медиум Даниэл Данглас Хоум (1833–1886), который выступал со спиритическими сеансами во многих городах Америки и Европы, при дворах королей, а в 1863 г. опубликовал книгу «Случаи из моей жизни».

...Ян Гус, который дал себя сжечь, но не отрекся от своего «Я не знаю. Научите меня». – Шоу имеет в виду слова Яна Гуса, сказанные на Константском соборе в 1415 г. В ответ на обвинения в ереси Гус сказал, что готов подчиниться только доводам разума: «Я свободно пришел сюда не для того, чтобы упорно защищать что-либо... Если мои доказательства не будут убедительными, я рад буду поучиться у вас».

Уэверлийские романы – исторические романы Вальтера Скотта (1771–1832). Они получили это название потому, что писатель после того, как публика благосклонно приняла его первый, вышедший анонимно, роман «Уэверли» (1814), последующие свои произведения в течение 13 лет издавал также без указания своего имени, как сочинения автора «Уэверли».

Стр. 479. *Пристли, Джон Бойнтон* (р. 1894) – английский писатель, эссеист и драматург.

Долки-Хилл, Хоут, Брей – курортные места в пригороде Дублина на побережье Ирландского моря.

Долки-Айленд – остров в Ирландском море, недалеко от Дублинского залива.

Браун, Айвор (1891–1975) – английский писатель и журналист, в 1929–1954 гг. – театральный критик лондонского еженедельника «Обсервер».

Калиостро (настоящее имя Джузеппе Бальзамо) (1743–1795) – итальянец, прославившийся в Европе своими мошенническими проделками. В юности был помощником лекаря в одном из монастырей, где приобрел некоторые познания в химии и медицине. Совершив путешествие по странам Востока, вернулся в Италию и стал выдавать себя за алхимика, врача и специалиста по черной магии; торговал приворотным зельем и эликсиром молодости. Присвоил себе титул графа. В Лондоне организовал нечто вроде масонского клуба. Во Франции был замешан в деле с ожерельем королевы и посажен в Бастилию. Наконец, в Риме был приговорен к смерти как еретик, но затем казнь была заменена пожизненным заключением.

Стр. 480. *Ашер* – см. примеч. к с. 408.

...песчинка, подобранная на самом краю океана неведомых знаний... – См. примеч. к с. 409.

«Род злой и идолопоклоннический требует чуда». Но Магомет, подвергаясь такому же бессмысленному давлению, обуздывал свой гнев... – Магомет, или Мухаммед (ок. 570–632) – религиозный проповедник, основатель ислама. Шоу напоминает легенду о том, как однажды, когда Магомет выступал с проповедью новой религии, арабы потребовали от него совершить чудо в доказательство истинности своих слов. Тогда Магомет приказал горе Сафа приблизиться к нему. Чуда, естественно, не произошло, но Магомет объяснил это нежеланием бога подвергать опасности присутствующих и сам отправился к горе, чтобы там отблагодарить бога за его милосердие.

Стр. 482. *Раскин* – см. примеч. к с. 344.

Гаутама, Сиддхартха (623–544 гг. до н. э.), прозванный буддой (т. е. просветленным) – согласно традиции, основатель философии и религии буддизма. Выдвинул религиозное учение о равенстве всех людей в страдании и праве на «спасение».

Моррис, Уильям (1834–1896) – английский писатель, художник, актер и активный деятель социалистического движения в Англии. Вместе с дочерью Маркса Элеонорой Маркс-Эвелинг основал социалистическую лигу (1884). Автор социально-утопического романа «Вести ниоткуда» (1891). Шоу неоднократно встречался с ним и посвятил ему статью «Моррис как актер и драматург».

Стр. 484. *...сражение при Босвортфилде.* – Последнее, решающее сражение войны Алой и Белой розы в 1485 г. В нем войска английского короля Ричарда III были разбиты Генрихом Тюдором, опиравшимся на мелкопоместное дворянство и горожан. Генрих Тюдор стал после победы королем Генрихом VII.

Беллок, Хилари – см. примеч. к с. 393.

Оутс, Титус – см. примеч. к с. 433.

Стр. 485. *Гордон, Джордж* (1751–1793) – руководитель антикатолического бунта 1780 г. в Лондоне. Описан в романе Диккенса «Барнаби Радж».

Святой Доминик – испанский священник Доминго де Гусман (1170–1221), канонизированный в 1234 г. Прославился яростной борьбой с ересью альбигойцев, принимал непосредственное участие в по-

давлении их выступлений. В 1215 г. основал монашеский орден Доминиканцев (лат. domini canes – Псы Господни), или нищенствующий орден Братьев проповедников. Первоначально членам его предписывалось отказываться от собственности и жить подаянием. Орден был призван бороться с ересью и осуществлять миссионерскую деятельность: на его гербе изображена собака, несущая в пасти факел. В течение нескольких веков в разных странах доминиканцы боролись с любым проявлением свободомыслия и оппозиции церкви и насаждали инквизицию.

Аттила (ум. в 453), прозванный «бичом божьим» – предводитель гуннов, совершавших в V в. опустошительные набеги на страны Европы.

...его маленький мальчик из-за нищеты отца умер... – Марксу, не имевшему постоянного источника дохода, приходилось, как известно, почти всю жизнь бороться с бедностью. Из его семи детей выжили только трое. Особенно тяжелым было то время (с 1850 по 1856 г.), когда его семья ютилась в густонаселенном и неблагоустроенном лондонском квартале Сохо, в сыром и тесном помещении. В 1850 г. умер от воспаления легких годовалый сын Генрих, в 1852-м – дочь Франциска (у Маркса тогда не было денег даже на покупку гроба и на похороны), в 1855 г. скончался от туберкулеза кишок восьмилетний Эдгар, одаренный и красивый мальчик, любимец всей семьи. «Я перенес уже много несчастий, – писал тогда Маркс Энгельсу, – но только теперь я знаю, что такое настоящее горе» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 28, с. 371).

...двое других детей совершили самоубийство. – Элеонора Маркс-Эвелинг, младшая дочь Маркса, покончила с собой в 1898 г. в результате тяжелой личной драмы, вызванной нравственной деградацией ее мужа. Лаура Маркс, средняя дочь, в 1911 г. разделила судьбу своего мужа Поля Лафарга, видного деятеля французского рабочего движения, который решил уйти из жизни, достигнув 70 лет, чтобы не быть балластом для партии, «бременем для других и для самого себя».

Стр. 486. *...его непутевый сын... был уличен в браконьерстве и поставлен перед необходимостью жениться на скомпрометированной им девушке...* – О жизни Шекспира сохранились очень скудные сведения, и это породило многочисленные легенды и предания. К ним, в частности, относятся и рассказы о том, что до приезда в Лондон Шекспир какое-то время промышлял браконьерством в частных угодьях под Стратфордом. Основанием для второго утверждения служит тот факт, что первый ребенок Шекспира родился через шесть месяцев после его бракосочетания. Женился Шекспир в 1582 г. в восемнадцатилетнем возрасте.

Стр. 487. *Если всякий... сможет разнести мир на куски, тут уж конец всего. Шекспировская злая обезьяна позаботится об этом.* – Шоу намекает на следующие слова из комедии Шекспира «Мера за меру» (акт II, сц. 2):

...Но гордый человек, что облечен
Минутным, кратковременным величьем
И так в себе уверен, что не помнит,
Что хрупок, как стекло, – он перед небом
Кривляется, как злая обезьяна
И так, что плачут ангелы над ним...

(Пер. Т. Щепкиной-Куперник)

Стр. 495. *Ричард III* (1452—1485) — король Англии с 1483 по 1485 г.

Стр. 498. *Белгрейв-Сквер* — площадь в лондонском Вест-Энде, вокруг которой расположены богатые особняки, построенные в стиле английского классицизма.

Стр. 507. *Песнь Соломона* — библейская книга «Песнь Песней» Соломона, в которой прославляется чувственная любовь и воспевается красота возлюбленных.

Стр. 508. *Багатель* (франц. bagatelle — безделушка) — небольшая инструментальная пьеса, преимущественно для фортепьяно.

Лоэнгрин — герой немецкого куртуазного эпоса XIII в., в основе которого лежит старая лотарингская легенда о рыцаре-лебеде. Сюжет о Лоэнгрине широко использовали немецкие романтики. Особую популярность этот образ приобрел после появления музыкальной драмы Рихарда Вагнера «Лоэнгрин» (1847).

Стр. 509. *Генрих VIII* (1491—1547) — король Англии с 1509 по 1547 г. Был женат шесть раз.

Соломон (ум. ок. 928 г. до н. э.) — израильский царь; согласно Библии, имел 700 жен и 300 наложниц.

Мормоны — см. примеч. к с. 160.

Стр. 523. *Парк-лейн* — улица, идущая вдоль восточной ограды Гайд-парка, с фешенебельными особняками и отелями.

Идите за брачной лицензией. — В Англии, согласно установлениям англиканской церкви, брак может быть заключен только после троекратного оглашения имен жениха и невесты в приходской церкви или при наличии специальной лицензии, освобождающей от этого.

Стр. 530. *Казанова, Джованни Джакомо* (1725—1798) — итальянский авантюрист и писатель, автор «Воспоминаний» (опубл. в 1822—1828 гг.), в которых наряду с картиной быта и нравов XVIII в. дал откровенное описание своих многочисленных похождений. Стал олицетворением ненасытной жажды наслаждений и полного пренебрежения общепринятой моралью.

Беатриче — возлюбленная Данте, увековеченная им в «Божественной комедии» и «Новой жизни».

Франческа да Римини — дочь графа из Равенны, погибшая около 1289 г. История ее возвышенной и трагической любви к Паоло, младшему брату ее мужа, рассказана Данте в «Божественной комедии» («Ад», песнь V) и впоследствии не раз привлекала драматургов, поэтов и композиторов.

Дейдре — героиня древнеирландского эпоса, чья удивительная красота приносила с собой несчастья и гибель.

Ларошфуко, Франсуа де (1613—1680) — французский писатель-моралист, автор книги «Размышления, или Моральные изречения и максимы» (1665).

ПРИТЧИ О ДАЛЕКОМ БУДУЩЕМ

Над своей предпоследней пьесой и последним из завершенных произведений — «Притчи о далеком будущем» — Бернард Шоу работал на протяжении 1949 и 1950 гг. Первая постановка была осуществлена «Обществом Шоу» в «Уотергейт тиэтр» в Лондоне 6 сентября 1950 г. Две роли — Розы в пятой притче и Учительницы в шестой сыграла Эл-

лен Поллок, президент «Общества Шоу» на протяжении нескольких лет. Режиссером спектакля был Эсме Перси, художником – Феликс Топольски, иллюстрировавший до этого специальное издание «В золотые дни доброго короля Карла».

В предисловии к пьесе Шоу сообщал читателям, что вступил в свой девяносто четвертый год и, очевидно, впадая во второе детство, решил заняться написанием басен. Там же, в предисловии, он указал на связь «Притч о далеком будущем» со своей пенталогией «Назад к Мафусаилу». Одна из подглавок предисловия называется «Расстреляли бы меня в России?». Дело в том, что английского сатирика не раз предостерегали: дескать, если бы он осмелился высказываться в России так, как он это делает в Англии, его бы непременно там расстреляли. Шоу решительно отметал такого рода мрачные предсказания. Достаточное ли распространение получает в Советском Союзе деловая критика государственных учреждений? Бернард Шоу отвечал на вопрос положительно и приводил в качестве примера существование специального государственного комитета, занимающегося рассмотрением жалоб трудящихся. А если иметь в виду издательские дела и сравнивать авторские права в Англии и России? Шоу обращал внимание на тот факт, что английским фабианцам всегда было трудно опубликовывать свои труды на родине, в то время как работы Сиднея и Беатрис Уэбб перевел на русский язык и редактировал В. И. Ленин.

Примечателен сам по себе факт, что с 1939 г. вплоть до окончания второй мировой войны Бернардом Шоу не была написана ни одна новая пьеса. Объяснялось это не старческим бессилием, не внутренней растерянностью. И все же известный духовный кризис, хотя и менее глубокий, чем в годы первой мировой войны, старейший английский писатель пережил. Супруги Шоу провели почти все дни войны в своем загородном доме в Эйот Сент Лоуренсе, прозванном «Уголок Шоу». Но тихим этот уголок оставался очень недолго. Сначала можно было издали наблюдать зарево над горящей английской столицей во время варварских налетов вражеской авиации. Затем бомбы стали падать на соседние дома и сады, а в день 88-летия писателя они обрушились и на сам Эйот Сент Лоуренс, находящийся всего в 30 милях от Лондона. 12 сентября 1943 г. умерла Шарлотта Шоу. Один за другим уходили из жизни самые близкие и дорогие друзья, в том числе Беатрис Уэбб.

С горечью сетовал Шоу в одном из последних писем к верной соратнице по социалистическим диспутам Беатрис Уэбб: «Зачем мы живем так долго? И одной войны было бы предостаточно для нас». Постигая все глубже суть фашистских идей, враждебных немецкой нации и народу, а также духу социалистических исканий, он возмущенно писал: «В Германии действует не национал-социализм, а расизм, который совершенно далек от социализма».[1] Итоги многим политическим раздумьям всей жизни были подведены Шоу в «Политическом справочнике для всех», законченном в 1944 г. Четко разграничив три политические системы – советскую демократию, буржуазную демократию и фашистскую диктатуру, признав, что буржуазная демократия полностью изжила себя, а фашистская диктатура античеловечна по своей сущности, Шоу отдает предпочтение единственно советской де-

[1] Цит. по: Henderson A. G. B. Shaw. Man of the Century. New York, 1956.

мократии и за ней признает будущее. «Политический справочник для всех» развернуто и исчерпывающе характеризует взгляды Бернарда Шоу последних лет его жизни. Общественной позиции английского писателя присуща твердая вера в победу демократических сил над фашизмом, в решающую роль Советского Союза. Хорошо известно высказывание Шоу в письме к А. А. Фадееву от 17 июля 1941 г.: «Когда Россия сокрушит Гитлера, она станет духовным центром мира!».

И все же мы не в состоянии на примере биографии прогрессивного художника Англии Бернарда Шоу легко опровергнуть широко распространенное изречение: «Музы безмолвствуют, когда говорят пушки». Драматическая муза Шоу в самом деле безмолвствовала, пока говорили пушки, минометы, бомбардировщики и все прочее техническое снаряжение второй мировой войны. И вместе с тем, пережив теперь уже две мировые войны, Шоу начинает свою последнюю пьесу, появившуюся спустя пять лет после того, как воцарился мир, с предупреждения об опасности развязывания третьей мировой войны, еще более опустошительной и опасной для человечества, чем все предыдущие войны. Он делает это потому, что ненавидит всем сердцем и всем разумом, как страшного врага человечества, империалистические войны, на которые насмотрелся предостаточно.

Можно сказать, что время действия пьесы «Притчи о далеком будущем» — канун третьей мировой войны, ее начало и далекое будущее, когда ушли в предание все прошлые войны, а заодно и многое другое, что было свойственно XIX—XX вв. Довоенная, военная и послевоенная утопия — к такому определению приближается жанр драмы. Но в утопических построениях мудрого, старого Шоу так много невеселых предвидений, горькой прозорливости! Хотя бы в его предсказаниях того, что будут найдены средства уничтожения населения целых городов и стран, не принося при этом ни малейшего ущерба материальным ценностям. Правдоподобным стало уже в годы второй мировой войны парадоксальное смешение понятий фронта и тыла — этому парадоксу суждено еще более углубиться в придуманной драматургом третьей мировой войне.

Четыре из шести притч, посвященных далекому будущему,— столь далекому, что сведения о прошлом путаются в сознании обитателей нового мира,— представляют собой самостоятельные, мало связанные друг с другом этюды на общую тему, по-прежнему утверждающую безграничную веру Шоу в возможности и способности человеческого разума. Речь идет об ученых, ставящих серию экспериментов, направленных на совершенствование мира и людей. Конечно, эти эксперименты выглядят диковинными и неожиданными: умение людей питаться воздухом или освобождаться от собственной плоти. Но чего только не случалось в творчестве Шоу и раньше, особенно когда он старался походить на своего друга фантаста Герберта Уэллса!

Одновременно с «Притчами о далеком будущем» Шоу закончил автобиографическое произведение под названием «Шестнадцать скетчей о себе». Это поистине художественное творение, где юмор соседствует с поэзией и лирикой. Автор «Шестнадцати скетчей» вправе был вспомнить о Гете и Руссо, его собственная поздняя проза отличалась чрезвычайно высокими литературными качествами. Если в предисловии к «Притчам о далеком будущем» Шоу пришел к выводу, что представляет собой «социальную необходимость», ибо родился сочинителем, а таковой был исторически необходим — «цивилизация невозможна без историков, сочинителей, драматургов, актеров, поэтов, матема-

тиков, философов», то в «Шестнадцати скетчах о себе» он писал: «В жизни люди все похожи на 99%, а нужно передать в биографии только маленькую долю различия. У меня не было героических приключений. Со мной ничего не случалось. Все, что случалось с окружающим миром, принимало у меня форму книг и пьес. Читайте их и смотрите; это и есть моя подлинная история...».[1] Так определил он свою жизнь — как часть истории; так связал ее неразрывно с временем, в которое жил.

Следующим поколениям Шоу завещал борьбу за мир. Последними его словами, по свидетельству Шона О'Кейси, были: «Надо чтобы молодые не погибли бессмысленно в новой войне!».

Стр. 537—538. *В 1945 году британское правительство заплатило сто тысяч фунтов человеку, разработавшему операцию по высадке наших войск в Нормандии.* — Вторжение англо-американских войск в Северную Францию 6 июня 1944 г. знаменовало собой открытие второго фронта и явилось крупнейшей десантной операцией второй мировой войны: за десять дней на континент через Ла-Манш было переброшено полмиллиона человек. В подготовке этой операции большую роль сыграл Солли Цуккерман (р. 1904), в прошлом преподаватель биологии в Оксфорде, а затем советник главнокомандующего военно-воздушными силами по научным вопросам. Он был автором «Плана транспортировки», который включал в себя тщательно разработанную программу предварительного выведения из строя на большой территории всех коммуникаций противника, что в значительной мере обеспечило успешное его выполнение. В послевоенные годы Цуккерман был назначен военным советником британского правительства и удостоен звания пэра.

Стр. 538. *Когда один химик, еврей по национальности, нашел способ удешевить производство взрывчатого вещества, мы подарили ему Иерусалим, нам не принадлежавший.* — Речь идет о химике и лидере сионистского движения Хаиме Вейцмане (1874—1952). Уроженец России, он с 1903 г. до конца второй мировой войны жил в Англии, где был профессором биологической химии Манчестерского университета и впоследствии — директором Химической лаборатории Британского адмиралтейства. Вейцман разработал метод получения ацетона и бутилового спирта с помощью бактериального брожения углеводов, что дало возможность наладить широкое производство кардита — бездымного нитроглицеринового пороха. С 1920 по 1930 г. Вейцман являлся президентом Всемирной сионистской организации, выступавшей за создание самостоятельного еврейского государства на территории Палестины, которая в то время находилась под мандатным управлением Англии. В 1947 г. Англия передала решение палестинского вопроса на рассмотрение ООН, и в том же году Генеральная Ассамблея приняла резолюцию о разделе Палестины на два государства — еврейское и арабское. В 1948 г. было образовано независимое государство Израиль, первым президентом которого стал Вейцман. Что касается Иерусалима, который, по мнению героини, был «подарен», то он выделялся в самостоятельную административную единицу со специальным международным режимом под управлением ООН. Лишь в 1950 г., т. е. после того, как пьеса была написана, правительство Израиля, вопреки решению ООН, объявило Иерусалим своей столицей.

---

[1] Цит. по: Гражданская З. Бернард Шоу после Октября, с. 215.

Стр. 542. *«Путь далек до Типперери!..»* – Начало популярной солдатской песни времен первой мировой войны. Написана в 1908 г. Г. Уильямсом и Д. Джаджем. (Типперери – графство и город на юге Ирландии).

Стр. 546. *Просперо* – персонаж романтической драмы Шекспира «Буря» (1612), миланский герцог, живущий в изгнании на пустынном острове, маг и повелитель духов.
Автолик – веселый бродяга из «Зимней сказки» Шекспира (1611), промышляющий воровством и мошенничеством. Назван именем древнегреческого бога, сына Гермеса и Хионы, который обладал способностью делать предметы невидимыми и прославился как искусный вор.

Стр. 552. *У них не хватало ума приспособить алфавит к написанию слов.* – Как известно, английский язык обладает довольно сложными правилами произношения, и звуковая форма слов сильно отличается от его написания, что затрудняет изучение языка. Эта проблема настолько занимала Шоу, что в своем завещании он выделил часть своего состояния на разработку и внедрение «удобного английского алфавита, состоящего по крайней мере из сорока двух букв (в настоящем алфавите их двадцать шесть. – *Г. Ш.*) и способного поэтому с достаточной точностью служить распознаванию всех звуков английского языка, не требуя на каждый звук более одной буквы». Такой алфавит был создан (в 1962 г. на нем даже отпечатали пьесу Шоу «Андрокл и лев»), но практического значения он не имел.

Стр. 553. *Они не умели менять свое рабочее время по солнцу чаще, чем дважды в год, и даже это нововведение утвердилось лишь после одного из самых кровопролитных состязаний, которые они называли войнами.* – Система переводить часы в весенне-летнее время на час позже для максимального использования дневного света, чтобы экономить электричество и топливо, впервые была введена в Великобритании в 1916 г. (Сама мысль принадлежит Бенджамину Франклину, высказавшему ее в 1784 г.) После начала второй мировой войны изменение часового режима проводилось в соответствии с потребностями военного времени – не на один, а на два часа и в течение более длительного срока. В послевоенные годы перевод часов в летнее время начали практиковать многие страны мира – Канада, Бразилия, Венгрия, Япония, Польша, Турция и др.

Стр. 554. *Эти греки отравили ядом одного старика за то, что он пытался научить молодежь мыслить.* – Имеется в виду древнегреческий философ Сократ (470/469 – 399 гг. до н. э.), один из родоначальников философской диалектики. Сократ проповедовал на улицах и площадях, занимался обучением молодежи, облекая свои беседы в форму вопросов, на которые ученик должен был отыскивать правильный ответ, постепенно и как бы самостоятельно приближаясь к истине. Сократ вел борьбу с софистами и подвергал критическому анализу все формы государственного правления. Был обвинен в развращении молодежи, а также введении новых богов и казнен (принял яд цикуты).

Стр. 555. *В XVI веке жил один знаменитый математик, который утверждал, что величайшее из наших открытий есть не более, как песчинка, подобранная на берегу океана нашего невежества.* – Эта мысль принадлежит Ньютону, жившему, однако, не в XVI, а в XVII – XVIII вв. См. примеч. к с. 409.

...другой мудрец XVI века заявил, что... мы должны создавать реальных людей из материальных веществ в биохимических лабораториях. – Такую проблему впервые выдвинул швейцарский врач и алхимик Парацельс (наст. имя – Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм) (1493–1541), оставивший подробный рецепт изготовления гомункула – искусственного человека. Парацельс первым подошел к жизни как к химическому процессу, сблизив химию с медициной, и сделал ряд смелых для своего времени научных открытий, хотя во многом оставался в плену средневековых мистических представлений.

Стр. 557. *Матушка Хаббард* – пожилая дама, все время и внимание которой посвящено ее собаке, из популярного детского стихотворения, написанного Сарой Мартин в 1805 г.

Стр. 566. *«Книга Иова»* – библейская книга, в которой рассказывается о том, как бог, пожелавший испытать «непорочного, справедливого, богобоязненного» Иова, позволил дьяволу насылать на него различные страдания и беды – лишил его богатства, детей, здоровья, – но тот не поддался уговорам проклясть бога и был за это возвращен в прежнее состояние и награжден еще большим богатством. В последних главах книги (38–42) Иов слышит в буре голос бога, вещающий ему о сотворении мира и о тайнах бытия, в которых проявляется его могущество.

ШЕКС ПРОТИВ ШО

Историю создания этого маленького кукольного фарса Шоу изложил в предисловии к нему. Это произведение – последнее из законченных писателем – при всей своей шутливости имеет серьезную основу и касается двух вопросов, связанных с отношением Шоу к Шекспиру.

Как уже не раз отмечалось в общем предисловии и в послесловии к отдельным пьесам, в частности к «Новому окончанию «Цимбелина», борьба против культа Шекспира имела у Шоу две цели: преодоление некритического отношения к великому английскому поэту-драматургу и утверждение ценности современной драматургии как более близкой интересам и жизненным стремлениям людей нового времени.

Критику Шекспира противники Шоу неправильно понимали как отрицание достоинств Шекспира вообще. Шоу отвечал на это указанием, что он ценит в шекспировских пьесах их подлинные художественные достоинства, но отвергает черты устаревшие, хотя и нравившиеся в свое время публике театра Шекспира. Противники утверждали, что Шоу провозглашал себя лучшим драматургом, чем Шекспир. На это писатель ответил в предисловии к сборнику «Три пьесы для пуритан». Одну из глав предисловия Шоу так и назвал: «Лучше, чем Шекспир?», разъяснив в ней, что никогда не претендовал на превосходство над Шекспиром в смысле художественного совершенства, но что его, Шоу, пьесы, как и пьесы некоторых его современников, ставят вопросы, которые не вставали перед зрителями шекспировского театра. Поэтому, писал Шоу, даже самый скромный автор, не говоря уже о таком воинственном, как он сам, может сказать зрителям то, чего они никогда не услышат от Шекспира.

Эту же мысль Шоу повторяет и в своем фарсе, изображающем столкновение и спор двух кукол — Шекса и Шо. Если в начале своей драматургической деятельности Шоу не претендовал на то, что превзошел Шекспира, то теперь, сколь ни шутлива его пьеска, со свойственной ему смелостью в самооценке заявляет, что его «Дом, где разбиваются сердца» — это современный «Король Лир». Независимо от того, сочтет ли читатель такое суждение верным или преувеличенным, нельзя не признать, что лучшие пьесы Шоу глубоко проникли в суть многих жгучих проблем XX в. и дали им яркое художественное выражение.

Спор Шо с Шексом идет и по другой линии. По мнению Шоу, трагическая драматургия Шекспира имеет пессимистический характер. Выражением пессимизма своего великого предшественника Шоу считал, в частности, слова Просперо из последней романтической трагикомедии Шекспира «Буря», где герой говорит об эфемерности жизни и о том, что все живое обречено на гибель. Эти строки приводятся в конце кукольного фарса.

Шоу был убежден, что при всей своей критичности искусство должно быть оптимистичным и утверждать великую ценность жизни. Он был активным сторонником прогресса, хотя видел его противоречия. Шоу отвергал пессимизм Гамлета и Тимона Афинского, двух героев Шекспира, выражавших особенно глубокое разочарование в жизни, и уверял, что он первый научил, как надо «чинить» разбитые сердца Тимонов. Поэтому из всех своих пьес в данном фарсе Шоу выделил и поставил на первое место именно «Дом, где разбиваются сердца». Напомним, что капитан Шотовер противопоставляет всем людям с разбитыми сердцами борьбу за покорение природы, смелость перед лицом опасностей и веру в общественно полезный труд как лучшее средство преодоления душевных кризисов, сердечных мук и разочарований.

И все же в самом конце превосходство отдается Шекспиру: он гасит огарок свечи, как теперь неожиданно скромно определяет себя метафорически Шоу. Всю жизнь он мерил себя Шекспиром, мерился с ним силами. Художник, выбирающий столь великого и могучего соперника, во всяком случае, достоин уважения. Пусть Шекспир колоссальнее (повторим сказанное в очерке, открывающем данное собрание сочинений), тем не менее после него Шоу был и остается самым крупным английским драматургом.

Стр. 571. *Панч, Джуди* — главные персонажи английских народных кукольных представлений.

Стр. 572. *Олдермен* — член городского самоуправления.
Беньян — см. примеч. к с. 472.
Коббет, Уильям (1762—1835) — английский писатель, политический деятель и журналист радикального толка. Родился в семье чернорабочего, в 21 год завербовался в армию, где прослужил семь лет. Занимался самообразованием и в 1800 г. начал издавать еженедельник, завоевавший со временем большую популярность среди читателей. Автор книг «История реформации в Англии и Ирландии», «Совет молодым» и многочисленных памфлетов.
Раскин — см. примеч. к с. 344.
Бэкон-Шекспир — см. примеч. к с. 477.

Стр. 573. *Теперь зима междоусобий наших...* — Шоу цитирует, слегка видоизменив, начальные строки «Ричарда III» Шекспира:

Прошла зима междоусобий наших,
Под йоркским солнцем лето расцвело.

(Пер. А. Дружинина)

...не одному лишь веку, а всем векам... — Слова из стихотворения Бена Джонсона «Памяти моего любимого Уильяма Шекспира» (1623).
И, как бы насмехаясь надо мною, он тутовое древо посадил. — В Стратфорде долгое время сохранялось тутовое дерево, посаженное, по преданию, руками самого Шекспира.
Джи Би Эс — инициалы Шоу (G. B. S.), которыми он подписывал свои статьи и рецензии; в англоязычной печати они стали популярным обозначением имени писателя.
Стр. 574. *«Замшелый мрамор царственных могил»...* — Начало 55-го сонета Шекспира (пер. С. Маршака).
«Не встретивши препятствий, мы дошли до сердца нашей родины любезной». — Шоу вкладывает в уста Макбета слова Ричмонда из «Ричарда III» (акт V, сц. 2).
Я тебе не Кэмпбел! В стране родной зовусь я Мак-Грегор. — Роб Рой — прозвище шотландского национального героя Роберта Мак-Грегора (1671—1734), «шотландского Робин Гуда», ставшего героем одноименного романа Вальтера Скотта. Кэмпбел — родовое имя его матери, которое он вынужден был взять, когда клан Мак-Грегоров был объявлен вне закона.
Довольно слов. Берись за меч... — Фраза Макдуфа перед началом поединка с Макбетом в последней сцене трагедии (акт V, сц. 8).
Стр. 575. *«Пустынный нетопырь и жук крылатый...»* — Цитата из «Макбета» (акт III, сц. 2).
Гордон, Адам Линдсей (1833—1870) — австралийский поэт.
«Нетопырь вдаль и вширь скачет, пляшет, как пузырь». — Шоу ошибся, приписав эти строки австралийцу Гордону. Они принадлежат американскому поэту Джеймсу Райли (1849—1916), умелому версификатору, снискавшему в Америке популярность своими забавными и сентиментальными стихами о сельской жизни, балладами и стихами для детей. Цитируется (не совсем точно, вероятно по памяти) рефрен его стихотворения «Жук» (1879).
Смешного больше на земле и в небе, чем снилось философии твоей. — Шоу пародирует слова Гамлета:

И в небе и в земле сокрыто больше,
Чем снится вашей мудрости, Горацио.

(Пер. М. Лозинского)

Стр. 576. *Капитан Шотовер* — персонаж пьесы Шоу «Дом, где разбиваются сердца» (1919).
...как на картине Милле... — На этой картине английского художника Джона Милле (1829—1896) изображен старик в кресле и рядом с ним, на скамеечке для ног, молодая девушка, читающая ему книгу.
...молодая особа... — Элли из пьесы «Дом, где разбиваются сердца».
Для дочерей я дом построил... и следующие две реплики — цитаты из пьесы Шоу.
«И знать, что этим обрываешь цепь...» — Шекспир, «Гамлет» (акт III, сц. 1).
Тимон — герой пьесы Шекспира «Тимон Афинский». Столкнувшись с людской неблагодарностью, покинутый друзьями, Тимон становится мизантропом и в отчаянии кончает жизнь самоубийством.

...«эти пышные дворцы и башни...» – Шекспир, «Буря» (акт IV, сц. 1).
«И завтра, завтра, завтра...» – Эта строка, так же как и заключительная – *«Задуть, задуть огарок!»* – взята из монолога Макбета, который он произносит, узнав о смерти жены (акт V, сц. 5).

Так – в каждом деле. Завтра, завтра, завтра,–
А дни ползут, и вот уж в книге жизни
Читаем мы последний слог и видим,
Что все вчера лишь озаряли путь
К могиле пыльной. Дотлевай, огарок!

(Пер. Ю. Корнеева)

Стр. 576–577. *...«обращенный в тлен, пойдет, быть может, на обмазку стен».* – Слова Гамлета о Юлии Цезаре (акт V, сц. 1).

«ПОЧЕМУ ОНА НЕ ПОЖЕЛАЛА»

Эта незаконченная комическая миниатюра, которую, по мнению ее автора, «не стоило дописывать», – последнее произведение Шоу. Найденная уже после смерти драматурга среди его бумаг, рукопись была передана в Британский музей, где она и хранится в настоящее время. «Почему она не пожелала» – одна из немногочисленных пьес Шоу, ни разу не увидевших света рампы. Наряду с некоторыми другими «экстраваганцами» позднего Шоу («Миллиарды Байанта»), его последняя комедия представляет собою вариацию на мотивы предшествующего творчества драматурга.

В центре пьесы – тема брака и взаимоотношений полов, уже неоднократно привлекавшая внимание Шоу, постоянным предметом размышлений которого была проблема «усовершенствования» и радикальной перестройки современной семьи как одного из «несовершенных» общественных установлений. То и дело возвращаясь к этому вопросу в своих пьесах, Шоу вносил в его разработку нюансы, продиктованные духом времени. Этот же принцип выдерживается и в его «Незавершенной симфонии» (как он иронически назвал свою последнюю пьесу). Если ранее он изображал женщину как атакующую сторону в «поединке» Мужчины и Женщины, целиком отдавая в ее руки инициативу в матримониальных делах («Человек и сверхчеловек»), а в других случаях демонстрировал парадоксальные последствия эмансипации, заставляя женоподобного мужчину и мужеподобную женщину меняться ролями («Лечение музыкой»), то на этот раз он показал не менее парадоксальное положение вещей, которое сложилось к середине XX в. в условиях развитой технической цивилизации и усложнившихся общественных отношений.

Герой его новой пьесы – это человек, отнюдь не страдающий отсутствием энергии, деловитости, целеустремленности и прочих качеств «настоящего мужчины». Тем не менее его избранница не хочет вступать с ним в брак. Парадокс отношений, сложившихся между «выгодной невестой» и ее деловитым поклонником, состоит в том, что именно переизбыток «мужественности», которым обладает этот сверхэнергичный сын технического века, отпугивает героиню пьесы. Женщина 50-х гг. XX столетия, уже давно эмансипировавшаяся, она достигла степени самостоятельности, полностью исключающей возмож-

ность подчинения кому бы то ни было, кто хочет ей навязать, вместо ее собственной, чужую жизнь. Проницательность и здравомыслие, свойственные «новой» женщине, помогают ей понять потенциальную опасность предлагаемого ей брачного союза с ультрановым образцом мужской половины рода человеческого, способным превратиться в усовершенствованную модель деспотически властного супруга. Сложность изображаемой Шоу трагикомической ситуации заключается в том, что она касается не только отдельных людей, но, по существу, характеризует трудности, вставшие перед всем человечеством, фундаментальные установления которого — семья и брак — стоят перед угрозой полного исчезновения.

Стр. 590. *Кропоткин, Петр Алексеевич* (1842—1921) — русский революционер, один из теоретиков анархизма, ученый-географ. По окончании Пажеского корпуса добровольно уехал служить офицером в Амурское казачье войско (а не в пехотный полк, как говорит герой Шоу).

СОДЕРЖАНИЕ

СВАТОВСТВО ПО-ДЕРЕВЕНСКИ 5
Перевод Л. Галиной

НА МЕЛИ 35
Перевод Е. Голышевой

ШЕСТЕРО ИЗ КАЛЕ 115
Перевод С. Поляковой

ПРЕДИСЛОВИЕ 117
Перевод А. Ципенюк

ПРОСТАЧОК С НЕЖДАННЫХ ОСТРОВОВ 133
Перевод М. Богословской и С. Боброва

МИЛЛИОНЕРША 199
Перевод П. Мелковой

НОВОЕ ОКОНЧАНИЕ «ЦИМБЕЛИНА» 271
Перевод П. Мелковой

ПРЕДИСЛОВИЕ 273
Перевод А. Ципенюк

ЖЕНЕВА 293
Перевод Н. Рахмановой, И. Разумовской и С. Самостреловой

В ЗОЛОТЫЕ ДНИ ДОБРОГО КОРОЛЯ КАРЛА 391
Перевод Р. Померанцевой

ПРЕДИСЛОВИЕ 393
Перевод А. Ципенюк

МИЛЛИАРДЫ БАЙАНТА 475
Перевод С. Поляковой

ПРЕДИСЛОВИЕ 477
Перевод А. Ципенюк

ПРИТЧИ О ДАЛЕКОМ БУДУЩЕМ 533
Перевод Р. Померанцевой

ШЕКС ПРОТИВ ШО 569
Перевод А. Аникста
ПРЕДИСЛОВИЕ 571
Перевод А. Ципенюк
ПОЧЕМУ ОНА НЕ ПОЖЕЛАЛА 579
Перевод М. Шерешевской
КОММЕНТАРИИ 593

Шоу Б.

Ш81 Полное собрание пьес в шести томах. Т. 6. Пер. с англ./Ред. тома А. Г. Образцова и А. С. Ромм. Послесл. А. Г. Образцовой, А. С. Ромм и А. А. Аникста. Примеч. Г. М. Шейнмана.— Л.: Искусство, 1981.— 670 с., портр.

Шестой том Полного собрания пьес Бернарда Шоу содержит двенадцать произведений, написанных в 1933—1950 гг. Больше половины пьес впервые переведены на русский язык. К некоторым пьесам даны предисловия драматурга.

Том снабжен комментариями, раскрывающими творческую и сценическую историю пьес.

Ш $\frac{70600\text{-}082}{025(01)\text{-}81}$ подписное

ББК 84.34 (Вл)
И(Англ)

БЕРНАРД ШОУ

Полное собрание пьес
в шести томах

Том 6

Редактор И. В. Кудрова. Художественный редактор А. И. Приймак. Технический редактор Л. Н. Чешейко. Корректоры Л. Н. Борисова, Н. Д. Кругер.

ИБ № 1621

Сдано в набор 14.04.81. Подписано в печать 20.11.81. Формат 84 × 108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура Таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 35,39. Уч.-изд. л. 36,41. Тираж 80 000 экз. Изд. № 459. Зак. тип. № 1882. Цена 3 руб. Издательство «Искусство», Ленинградское отделение. 191186 Ленинград, Невский пр., 28. Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» им. А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

3р.